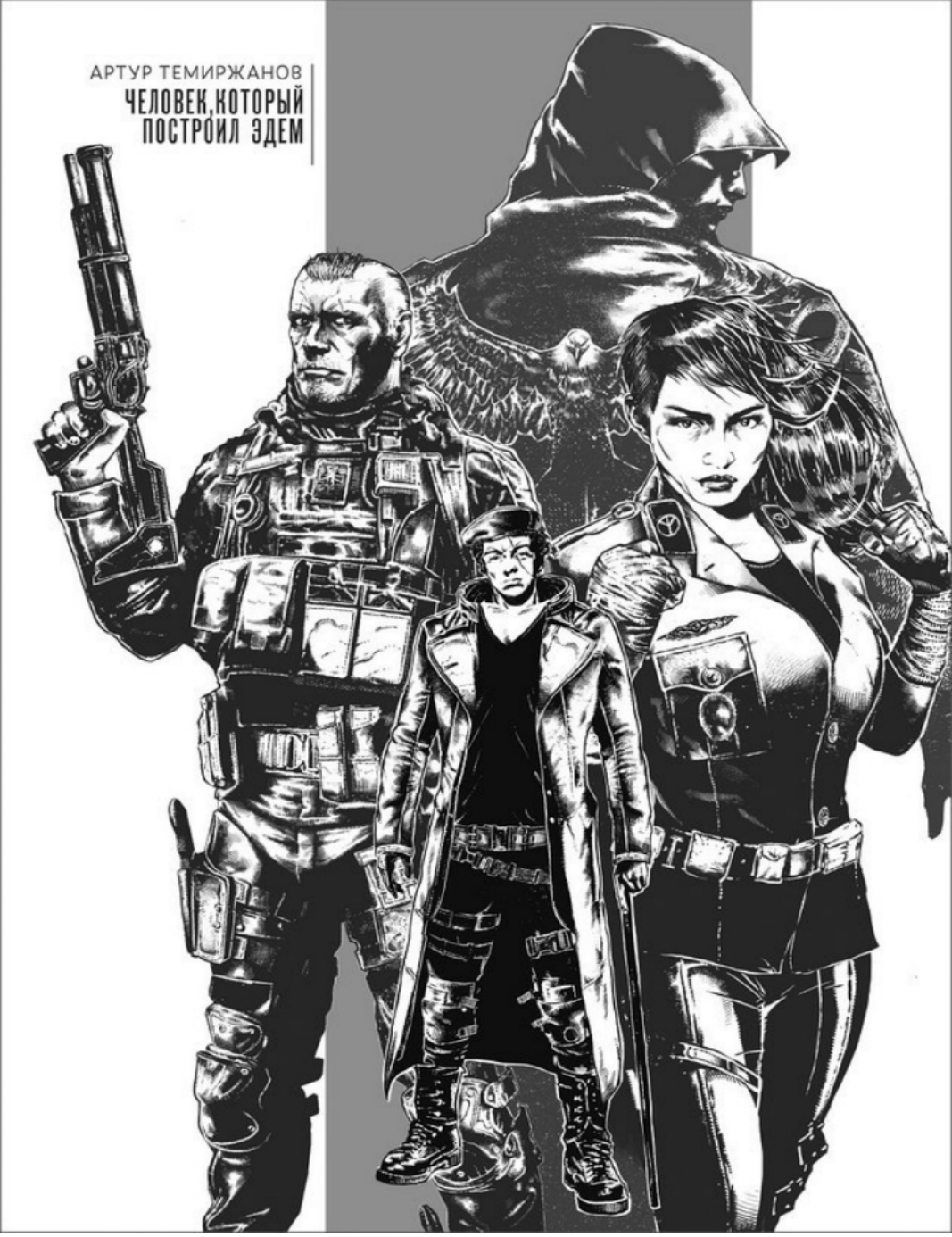
АРТУР ТЕМИРЖАНОВ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ЭДЕМ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Освободитель построил Эдем — город, где всё повторно утилизируется и в котором каждый обеспечен жильём и едой. Всё, чтобы спасти человечество от земных страданий. Но человеческая натура заставляла людей находить новые поводы для войн, несмотря на обилие ресурсов. Так не могло продолжаться бесконечно. Сааксец, представитель побеждённого Эдемом народа, решает отомстить, хоть победа врага подарила ему еду, крышу над головой и новую жизнь. Но он даже не представляет, что ждёт его в конце пути.

- Пролог:
- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:
  - 1. Сделка с дьяволом
  - 2. Крещение кровью
  - 3. Звёзды просыпаются в полночь
  - 4. Вопросы веры
  - 5. Наказывать и защищать
  - 6. Чёрные крылья
  - 7. Мокрый остаток
  - 8. Интермиссия
  - 9. Грехи сынов (Конец первой части)
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ:
  - 10. Кривые зеркала
  - 11. Под землю
  - 12. Боевые потери
  - 13. Распознавание образов
  - 14. Блудный сын
  - 15. Конец детства
  - 16. Судный день
  - 17. Власть закона
  - 18. Благие намерения
  - 19. Звездопад (начало)
  - 19. Звездопад (Конец второй части)
- Эпилог:

Пролог:
Корни зла

«За этими стенами нас ждёт дивный новый мир. Нужно лишь не побояться сделать шаг»

Полковник Ричард Эймс, командующий экспедиционного корпуса Первого Города

22 мая, 531 год после Освобождения

Осколок разнёс Расулу верхнюю часть головы, оставив от неё лишь кровавые ошмётки. За мгновение маленький солдат превратился в тяжёлую кучу пахучей, потной плоти, обёрнутой в серые тряпки. Таир смотрел, как оседает на дно траншеи его друг и сослуживец. Винтовка выпала из рук мёртвого подростка. Кровь смешалась с дождевой водой и грязью. В нос ударил липкий смрад обделавшегося трупа. Ещё одна привычная, бесславная смерть. Тело Таира рефлекторно бросилось вниз, оставив мысли на потом. Осколки от снаряда прошли где-то далеко вверху, не задев его. Произошло всё меньше, чем за секунду, но за это время мальчик неожиданно понял — война проиграна.

Противник дошёл до его родного города, до столицы, и никто ничего не мог с этим поделать. Саакский Союз проиграл эту войну, а значит, Таира и всех остальных убьют. Мысль должна была ужасать, сотрясать до глубины души, но почему-то приносила только облегчение. Таиру было двенадцать, и он был готов умереть за свою страну и веру. В конце концов, именно к этому жрецы его готовили.

Поднявшись на ноги и дрожа от ветра и дождя, мальчик окинул взглядом поле битвы. Голова гудела от взрывов, поэтому пришлось разинуть рот, чтобы уменьшить давление на барабанные перепонки. Даже сквозь дождь доносились запахи железа, пороха и вонь немытых тел.

Десятый день обороны и бесконечные контратаки Союза привели лишь к куче трупов. Равнина вокруг расцветала алыми бутонами смерти.

На горизонте, на фоне джунглей, еле угадывались очертания

пушек врага. Огромные орудия казались с такого расстояния не больше детской игрушки. Раз в десять секунд каждый расчёт делал по одному выстрелу, который так и не долетал до стен позади Таира. Снаряды разрывались вокруг траншей, в которых засели воины Союза. Враг старался держаться вдалеке, чтобы не попасть под ответный огонь артиллеристов столицы. Четвёртая волна атаки провалилась, и теперь трупы солдат противника утопали в грязи.

— Не стой столбом! — проревел кто-то и спихнул Таира с пути. Всё произошло так быстро, что он даже и не отреагировал. Через грохот взрывов прорезались визги и стоны раненых. Изуродованные, разорванные на части дети звали матерей, жрецов, Бога — кого угодно, способного помочь. Таир поднял винтовку и выстрелил в одного, чтобы не мучился. Зря, конечно, пулю только потратил, да и на душе паршиво стало. Хотя если не выстрелить, ещё паршивей. Нырнув на дно траншеи, Таир попробовал усадить труп Расула на ящик из-под боеприпасов. Кожа мертвеца стала пергаментно-жёлтой, потусторонней. Остатки лица излучали замешательство, будто мальчишка пытался найти ответ на сложный вопрос. С половиной физиономии старый друг стал вдвое красивее. Таир оскалился. Война неприглядна, зато никогда не лжёт. Она как сфинкс из древних легенд, любит задавать загадки, а если ты не знаешь, что сказать — убивает.

— Ты не должен был достаться Серому Охотнику, — сказал Таир, срывая с шеи друга тумар и засовывая его в карман. Шершавый маленький треугольник, сделанный из кожи козы, будто бы излучал тепло.

Мертвецы быстро перестают пугать, когда понимаешь, что бояться нужно только живых.

Труп завалился и рухнул в лужу. Таир занял его место на ящике. Дрожащая рука потянулась к лицу, пытаясь утереть влагу. Ладонь стала багровой — потёк боевой раскрас. «Надо бы петлю на ноге подтянуть, — подумал Таир. — Ходить мешает». Без узла из бесхозных кабелей он не мог воевать — иначе, за что тащить труп его сослуживцам? Враг скармливал мертвецов машинам, перерабатывал, а потом жрал на обед.

Никто не заслуживал такой участи.

Вдалеке орал приказы лейтенант, всего на два года старше Таира. Командовал он всего около месяца, пришёл на замену старому лейтёхе, что случайно подорвался на собственной мине. В отличие от остальных офицеров, повышение получил не в бою, а благодаря происхождению — родители лейтенанта были важными шишками в Карасе. Ну как такому доверишься?

— Поднимаемся, готовимся, скоро контратаковать! — всё надрывался лейтенантик. Его серая фуражка покрылась слоем грязи, а парадная форма насквозь промокла от дождя. Таир и сам подумывал о том, чтобы надеть что-нибудь этакое, но парадку давали только офицерам. Капли тяжело стучали по деревянным доскам и настилам. В этот день словно сами небеса разверзлись, чтобы утопить живущих под ними. Таир устало поднялся на ноги, чувствуя, как вода чавкает в сапогах. В ноздрях застрял запах серы и железа.

— Жатва никак не начнётся, — буркнул подошедший Ратмир.

— Не боись. Охотник своих не забирает, — соврал Таир, чтобы успокоить друга.

Все знают, что богобоязливые люди попадают в рай и живут вечно. По-настоящему умирают только неверные, становясь трофеями ангела смерти. И ангелу нужны его мертвецы. Он приходит на землю в облике Серого Охотника и начинает вещать: «Чу! Возвращайтесь домой, смертные. Не трогайте священную землю, нечего вам здесь делать». Но враги не слушают и продолжают марать всё, до чего доберутся. И тогда Охотник начинает жатву. Пулями и клинками героев он перемалывает неверных в фарш, засовывает себе за пазуху и уносит в царство вечной смерти, где нет ничего, кроме боли и темноты. И чтобы жатва не прекращалась, Бог создал Багровых Штыков. Им рай не нужен, «ибо рай есть мучение счастьем», как говорили жрецы Серого Охотника. Земля родила Штыков, и в неё же они и вернутся.

Вот только они ещё не сошлись с врагом, не испили его крови клинками, а уже понесли потери. Противник пускал снаряды, убивая всё больше воинов, и наступать не спешил. Будто ждал чего-то. Видимо, предыдущие четыре атаки убедили его в бесполезности прямого подхода. Жаль, что Штыки до этого отсиживались в Карасе и не успели пострелять в штурмующих столицу солдат.

— Да вашу мать! — прорычал лейтенант, выхватил из кобуры пистолет и начал палить в воздух, привлекая к себе внимание. — Одиннадцатый взвод! Ко мне, выстраиваемся в линию! Давай, давай! Вы Багровые Штыки, так встретьте смерть соответственно! Сегодня мы…

Он не договорил. Воздух прорезал громкий визг, и воины повалились, отброшенные невидимой волной на землю. Таир задрал голову и зарычал вслед звену жестяных монстров противника. «Самолёты», вроде так их называли неверные. Механизмы направлялись к столице. «Только не это», — подумал Таир. Запахло горелым мясом, завизжали сжигаемые заживо

люди. Нет, нет, это не сейчас происходит, это было в начале войны, при первой ещё бомбёжке… А что будет, если сейчас прямо по центру шарахнут?..

Родной Карас. Таир родился и вырос в столице. Улицы вылепили из неприкасаемого человека, достойного перейти в касту воинов. Конечно, во время войны многим выпала такая честь. Неприкасаемые, ставшие воинами, получали фамилию Маут, на древнем языке означавшую «смерть».

Таир не хотел подводить доверие жрецов. Раз за разом он доказывал, что рождён для службы Серому Охотнику, рождён приносить смерть. В храмы он успел сдать вражеских ушей больше, чем кто бы то ни было в полку. Но сейчас, когда проклятый противник дошёл до самых ворот родного города, это не имело ни малейшего значения.

Самолёты покружили над столицей и начали заход. Крылатые ракеты покинули металлические чрева, оставляя шлейф из дыма. Мир стал серым, свернулся в маленькую точку. Через секунду жестяные монстры посыпались на землю огненным дождём, а за ними следом прилетели неразорвавшиеся ракеты.

Мстительная улыбка показалась Таиру небывалой сладостью. Предки не шутили, когда заявляли, что город невозможно взять приступом. Но в его ликование ворвались пистолетные выстрелы.

Лейтенант собрал вокруг себя членов одиннадцатого взвода и снова начал речь, еле перекрикивая взрывы вокруг.

— Эти ублюдки думают, что могут взять наш город. Они называют себя первенцами, сынами Первого Города. Они думают, что избраны Богом. Их солдаты молятся машинам и сращивают себя с механизмами, чтобы победить в войне. Но сегодня мы покажем, что настоящая сила кроется в плоти. В этих ладонях, что сжимают острые кинжалы! Мы перережем глотки всем нечестивцам! Мы Багровые Штыки, и мы не дрогнем! Нам не нужен рай!

Сафир, вот как звали лейтенанта. На древнем языке Союза это значило «посланник». Таир снова оскалился, чувствуя себя ужасным волком, воплощением Серого Охотника из легенды о вожде Хайрате. Он жаждал пролить кровь врага, напоить ею священную землю. Остатки страха, если они и были, улетучились. Сафир из промокшего лейтенантика превратился в столп мужества, к которому стягивались Багровые Штыки. Парадная форма только подчёркивала сходство с пророком Заакси. Его изображение и его слова, запечатлённые на маленьком клочке бумаги, каждый юный воин носил с собой.

Артиллерийский обстрел прекратился так же резко, как и начался. Таир повернул голову. В траншеях позади Багровых

Штыков, утопая в крови и утешая умирающих, дожидались своей очереди обычные армейцы. План обороны предполагал серию контратак, призванных отбросить неверных от столицы. Штыки были хороши в партизанских атаках, а не в лобовых штурмах, но их всё равно поставили в первую линию. Менять что-то было уже поздно. Каждый отдаёт Богу свой долг.

«А ведь никто и не верит, что Карас может пасть, — подумал Таир. — Даже если и понимает, что рано или поздно оборона сломается. Иначе командиры загнали бы больше людей внутрь города, а не за стены». Сафир вздёрнул руку с пистолетом вверх и заорал:

— В атаку!

Лейтенант бросился вперёд, одиннадцатый взвод высыпал из траншей вслед за ним, чётко и слаженно, словно единый организм. Таир прибавил ходу, пытаясь обогнать лейтенанта. Сапоги тонули в грязи, в висках стучала кровь, а из уст лилась песнь пророка — единственная, которую знали Багровые Штыки.

— За Родину! За Союз! Да начнётся жатва! — кричал Таир, надрывая глотку. Где-то смеялась смерть, дожидаясь своих трофеев. Капли дождя попадали в глаза и рот, разбивались о лицо, смывая остатки боевого раскраса. Таир не обращал на них внимания. Он был Багровым Штыком и служил Охотнику. Штыки встречают пули стоя на обеих ногах, и даже будучи в агонии продолжают сражаться. Они не жаждут рая. И будь он проклят, если подохнет как собака, хныкая и моля маму о помощи.

Только оказавшись лицом в грязи, мальчик понял, что поскользнулся. Нога как-то странно ныла. Опустив взгляд, Таир обнаружил зияющую рану в левой икре. Шальная пуля. Земля была горячей, небо холодным, а капли дождя барабанили о тело.

— Подождите! — закричал Таир. — Стойте! Я хочу с вами! Я должен идти с вами!

Тонкие фигурки братьев по оружию продолжали удаляться от Таира. Неожиданно первая подкосилась, за ней вторая. Таир шумно сглотнул, пытаясь перевести дух. Штыки падали один за другим, а он всё ещё оставался в живых.

«Почему, Боже? — спросил себя Таир. — Я ведь был лучшим! Я должен был вести эту атаку! Я должен был уничтожить врага и остаться в памяти людей героем!» Но вокруг не нашлось никого, чтобы ответить на эти вопросы. Таир остался один в грязи под безжалостным чёрным небом, что не прекращало исторгать дождь. Слёзы подступили к глазам. Слаще, чем кровь, горячее, чем боль, и уж точно обиднее смерти.

— Будь ты проклят! — проревел Таир. Словно вторя ему, прогремел гром. Показалось, что звук застыл, но через момент

пришло осознание, откуда доносится странный мерный гул. Чувство животного страха тут же перебило собиравшуюся укорениться обиду. Таир собрался в клубок, сжал ладонями уши и закричал.

Пришлось приложить огромные усилия, чтобы не обделаться от страха. Один за другим порождения ада пролетали над Таиром, разрезая огромными винтами воздух. Железо и огонь, сера и селитра, а внутри — одетые в тяжёлую броню неверные. Вертолёты и десантники. После их визита от Гордиева Узла камня на камне не осталось. Мужчины убиты, женщины и дети изнасилованы и распяты на деревьях. Десантники, летавшие с помощью заплечных ранцев и палившие из ручных пулемётов, за минуты подавляли всякое сопротивление. Хныканье само вырывалось из груди Таира. Серый Охотник оставил его. Таир не сумел напоить землю кровью врага, а значит, утолит жажду, пролив свою. Теперь смерть идёт за ним.

Впервые Таир понял, что боится умереть.

Рёв двигателей вертолётов перекрыл канонаду, которая тут же расцвела в Карасе. Таир оглох и ослеп, завывая от страха. Он гнал его так, как хозяин выгоняет плохого пса из дома. Но тело перестало слушаться. По ногам текли не только капли дождя, но и струи мочи, а ноздри улавливали запах дерьма в штанах. Он остался один в этом мире, брошенный всеми, перепачканный грязью и кровью, промокший до нитки и продрогший, оглохший и почти ослепший — и не было никому до него дела.

Землю под Таиром тряхануло, и он повернул голову, разжав глаза. Он не ослеп. Но это не было чудом. Он просто боялся смотреть.

Почти треть механизмов обрушилась на землю, из их горящих чрев вывалились объятые пламенем и ревущие от боли люди. Остальные чудовища застыли в воздухе и ударили по Карасу залпами ракет. Ни одна не достигла стен столицы: все разрывались на подходе, убивая засевших в траншеях воинов.

«Город не взять», — подумал Таир. Даже если он умрёт, Карас будет стоять. Тысячи, сотни тысяч Багровых Штыков уйдут в землю, а столица не исчезнет. Как сказали жрецы: «От крови трава лучше растёт».

Вертолёты зависли на месте, разинули рты и выплюнули армию. Он ожидал десантников — опасных, жестоких и юрких противников. И, прежде всего, всего лишь обычных людей. Но из зёвов вырвались ангелы.

Стражи. Бронированные твари ростом выше двух метров порхали с ловкостью джунглевых москитов и разрывали людей с такой лёгкостью, будто тела были мокрой бумагой. Взрывчатка и

пули их не брали, только освящённые жрецами клинки, да орудия ПВО, оставленные предками в Карасе. Чтобы убить одного Стража, сааксцы бросали в бой по сотне солдат. Сейчас перед Таиром в небо взмыло не меньше полутысячи ангелов.

Это был конец.

Преодолев меньше чем за минуту расстояние до Караса, Стражи воспарили над столицей, образовав в небе тёмный круг. Нечестивые жестяные крылья трепетали в воздухе, и Таир слышал в этом трепете шёпот демонов. Плоть, сращённая с машиной — богохульство, которое ни один сааксец не мог вытерпеть. Первенцы же словно наслаждались этим мерзким синтезом. Они забыли, что вышли из земли, как и сааксцы.

«Боже, — подумал Таир. — Я умру. Я отдам земле свою кровь, я костьми лягу и стану трофеем для Серого Охотника. Но не дай им победить».

Стражи спикировали вниз, и ничто их не остановило.

Таир закрыл глаза. Перед его внутренним взором предстала бойня, которую устроят ангелы в столице. Дети, старики, женщины. Его родители. Твари разорвут всех на части и развесят останки по городским столбам.

Больше не было служения Охотнику, больше не было Бога-Отца, больше не было Багровых Штыков, каст, Союза. «Теперь ты всего лишь мальчишка, — сказал себе Таир. — Обделавшийся глупый мальчишка с дырявой ногой. Даже умереть тебе страшно».

И всё же, в голове Таира крутилась маленькая, но очень громкая мысль, перекрывавшая весь ужас произошедшего. Это было маловероятно, почти невозможно. Кто-то сумел отключить древние системы защиты города. Кто-то, имеющий доступ к этим системам. Кто-то изнутри.

Предатель.

* * *

Таир понял, что ещё не умер, только когда крепкие руки подняли его из грязи и куда-то потащили. Он приоткрыл глаза. Вокруг ползли железные коробки, в которых первенцы перевозили своих солдат. Машины походили на зачерствевшие буханки хлеба. Раненая нога продолжала ныть, но Таиру было плевать.

«Мы проиграли. Как же так? Ведь жрецы говорили, что Союз непобедим». Таир понимал, чем закончится битва, но не мог поверить в реальность происходящего. Столько крови, столько ненависти — и всё зря.

Среди тел он заметил лейтенанта Сафира и свой отряд. На

присыпанной землёй форме цвели рваные розы ран. Лица Штыков вытянулись, приняли умиротворённое выражение. Лишь приоткрытые в безмолвном крике рты и затуманенные глаза говорили о тех коротких мучениях, что испытали юные воины перед смертью.

«Они умерли — и ради чего?»

Чужие руки продолжали тянуть неизвестно куда. Видимо, враг принял его за мертвеца. В голове Таира тут же сформировался план: он может проникнуть в тыл врага, устранить нескольких офицеров, затем уйти в джунгли незамеченным и там продолжить свою борьбу. Союз не может просто так умереть. Не имеет права.

Протащив ношу мимо наступающей бронетехники, двое бойцов остановились. До слуха Таира доносилось странное металлическое ворчание, будто нечто из жести перемалывало кучу костей и мяса. Таир открыл глаза — и заорал от ужаса.

Перед ним высилась гора тел в униформе Союза. Мальцы из Багровых Штыков, вроде него самого, ветераны из корпуса Чёрных Винтовок, а также обычные армейцы — все они скармливались крупной машине, врытой в землю, которая с задумчивым рыком превращала мертвецов в кровавое месиво.

Утилизатор.

— Один живой! — крикнул солдат из «похоронной команды», сбрасывавший тела в машину. Таир попытался вырваться из цепких рук врага, но получил удар в челюсть. Только бы не умереть. Только не сейчас. Из глаз чуть искры не посыпались. Сверху навалилась невероятная тяжесть, а запястья заныли от боли. Таир закричал.

— У него кинжал! — раздалось где-то издалека.

«Не забирайте его, — хотел сказать Таир. — Это всё, что осталось от отца».

— Убей его, Клэй! Убей эту суку! Выпотроши нахер! — изгалялся другой солдат, осыпая Таира тумаками.

— Держи крепче!

— Кончайте говнюка!

— Нет. Бросим в утилизатор живьём. Я хочу увидеть, как сучонок будет страдать. А кинжал я заберу.

Таир представил, как лопнет его плоть под давлением жерновов машины, как затрещат кости, как треснет череп. Ужас пронзил всю его сущность, полился потом, повторно обмочил штаны.

— Стойте! — не выдержав, заорал Таир на языке первенцев. — Только не туда! Лучше убейте!

— Что здесь происходит?

Солдаты замерли, но не отпустили Таира. Он почувствовал, как по лбу течёт кровь. Ноздри забились грязью, пришлось дышать ртом. Прямо к нему шла крепко сложенная женщина лет тридцати, её длинные тёмные волосы были аккуратно собраны в хвост. Острые скулы, и такой же острый взгляд внимательных зелёных глаз. На ней была тёмно-зелёная полевая форма для джунглей, как и у остальных первенцев, однако по властной позе и привычному к командам голосу Таир понял, что перед ним важная шишка. Знаки в петлицах напоминали след куриной лапы.

«Женщина, — подумал мальчишка. — Первенцами командует женщина. Союз бы никогда себе такого не позволил…»

— Я ещё раз спрашиваю, что здесь происходит?

— Воительница… — попытался сказать что-то один из солдат. Но тут Таир воспользовался моментом и заорал:

— Пожалуйста, умоляю, пощадите меня! — сказав это, Штык рухнул лицом в грязь. Он почувствовал вкус земли, родившей его. Вкус крови погибших, а не сдавшихся. В голове роились лица всех первенцев, которых Таир перерезал. Короткие моменты их утекающих жизней сложились в один длинный кошмар. Он видел испуганные глаза, он слышал, как двигаются губы, умоляя о пощаде. Разве же Таир мог подумать, что когда-нибудь окажется на их месте? Он почувствовал себя червём. Маленьким, незначительным, жалким. Он готов был принять это. У червя нет ничего, кроме его жизни — и разве этого мало?

Слишком много сил сааксцы потратили, чтобы спасти мертвецов от утилизаторов первенцев. Не хватало ещё попасть туда живьём.

— Оставьте пацана в покое, — приказала женщина.

— Миссис Лоренс…

— Я неясно выражаюсь?

Заворчав, солдаты отошли, но тот, что держал Таира, и не думал ослаблять хватку. По мёртвенно-бледному лицу бойца ходили желваки. Тут Таир заметил, что мужчина — альбинос. Маленькие голубые глаза горели ненавистью. В его петлицах сияли кресты с тремя широкими верхними лучами, и узким нижним, напоминающим острый клинок.

— Рядовой Клэй, вы слышали приказ.

— Я убью его, — сказал солдат. — Этот кусок говна…

Не успел Таир и глазом моргнуть, как женщина наставила на бойца пистолет.

— Война окончена. Отпусти его и отдай кинжал мне.

У солдата задрожало веко.

— Вы не посмеете.

— Хочешь рискнуть?

— Воительница, почему вы спасаете его?

— Потому что зверство должно закончиться.

Солдат помедлил, но всё же отпустил Таира и отдал женщине клинок. Кивнув, командирша не терпящим возражения тоном произнесла:

— Поклонись.

Таир послушался, чувствуя, как страх отпускает. В зелёных глазах женщины засквозило тепло. Лёгкий ванильный аромат её духов начал перебивать запахи гари, крови и испражнений. Таир вдруг почувствовал, что только Воительница всё понимала. Она знала, что Таир выполнит приказ. Ни секунды не сомневалась в своей власти.

Словно мать, ставящая в угол своего ребёнка.

Она помогла Таиру подняться с земли и отряхнула его униформу от грязи. Странная теплота внутри всё нарастала и нарастала. Происходящее не было чем-то привычным, и Таир вдруг понял, как всё это неправильно. Он еле сдерживался, чтобы не расплакаться.

Больше никакой войны. Только покой.

— Ну, ну, будет тебе, — произнесла женщина, вытерев испачканные ладони о штаны и похлопав Таира по плечу. У неё были тонкие, но очень цепкие пальцы, испёщренные множеством мелких порезов. Таир успел порадоваться, что за вонью трупов и дождём не чувствуется запах его грязного белья. — Твой кинжал довольно мило выглядит. Подарок?

Таир вместо ответа кивнул.

— Я так и подумала. Можешь не бояться, всё уже кончилось.

Таир снова кивнул.

— Ты довольно хорошо говоришь на первенском.

— Вашего языка я на целую жизнь вперёд наслушался.

Женщина пожала плечами.

— Может тебе всю жизнь и придётся на нём говорить.

Таир предпочёл промолчать. Воительница усмехнулась и потрепала его непослушные чёрные волосы.

— Зато не придётся больше убивать. Ты свободен. Делай что хочешь. Проси что хочешь. Живи как хочешь.

— Но что будет с Карасом?

— Мы пока его не тронем. Но город перестроят, как только придёт время.

Женщине отпиливали руки и приделывали вместо них железо. Это было не сейчас, а тогда, в начале войны.

— Так же, как ваши жрецы перестраивали наших жителей с помощью машин? — спросил Таир.

— Экспериментаторы хреновы, — буркнула женщина. — С

ними мы разберёмся по справедливости. Даю тебе слово: тебе нечего бояться. Будь здесь. Я вызову санитаров, тебя нужно подлатать.

Снова похлопав Таира по плечу, женщина начала удаляться.

«Больше года прошло, — подумал он. Я воюю уже больше года, но никогда не видел таких офицеров…»

Офицеров? Ну да, первенцы берут женщин в армию. А значит, перед ним солдат. Хоть и баба, но она враг. Убийца. «Как ты мог забыть? Они твой дом только что уничтожили! Эх ты, Штык хренов, служитель Серого Охотника…»

Таир опустил взгляд и натолкнулся на взор мёртвого капитана Чёрных Винтовок. Лет сорока, с разорванным животом и выпущенными внутренностями, он лежал возле ямы с утилизатором. На испачканном мундире блестел орден ветерана Второй Войны за Объединение. Всю свою жизнь мертвец посвятил Союзу, а что же Таир? Жалкий, вонючий, трусливый предатель, сын шлюхи, который умрёт всеми забытый и никому не нужный. Таир чуть не заплакал от стыда и обиды. Неужели он, жнец Серого Охотника, убивший столько взрослых мужчин, испугался смерти?

Слова вырвались сами собой, будто имели власть над Таиром.

— Эй, вы! Как вас зовут?

Женщина остановилась и медленно обернулась. На её лице читалось недоумение, смешанное с раздражением. Зелёные глаза превратились в напряжённые щёлочки.

— Зачем тебе это?

— Когда всё закончится, я найду вас и убью. Вы поплатитесь за мой народ! Вы все поплатитесь! Я вас ненавижу!

Голос Таира сорвался, из глаз прыснули слёзы. Сжимая кулаки, он пытался не упасть на колени. Но Воительница только усмехнулась.

— Что же, твоё право. Меня зовут Анора Лоренс. Я принцесса Синдиката и фактический командир этой кампании. Хочешь убить меня? Так зачем медлить?

Она вынула клинок Таира и бросила его в грязь.

— Подними и покажи, на что способен! — приказала она. Таир почувствовал, как напряглись солдаты за спиной. Одно неправильное движение — и он мертвец. Таир опустился на землю, обволок пальцами рукоятку. И понял, что не может встать. Кинжал сам выскользнул из рук, плюхнулся обратно в грязь.

— А жаль, — сказала Воительница. — Я слишком многих отправила на тот свет, чтобы жить дальше. Пожалуйста, сдержи обещание.

В её взгляде мелькнула смертельная усталость. Казалось, вся горечь мира скопилась в одной женщине. Таир кивнул, чувствуя слабость во всём теле.

— А вы — не смейте его трогать! — произнесла Анора, обратившись к солдатам. — Тебя, Клэй, это касается прежде всего. За твоё неповиновение будет наказание, не сомневайся.

Улыбнувшись, принцесса удалилась.

Голубоглазый альбинос по имени Клэй присел на колени перед Таиром. В его взгляде горели огни, которые могла погасить только кровь.

— Свернуть бы тебе шею, — прошипел он. — Но лучше отдам обратно кинжал. Видит Бог, если ты ещё считаешь себя мужчиной, то вскроешь вены.

Таир не мог даже кивнуть. Солдат толкнул его, и Штык завалился назад.

Земля, недавно казавшаяся горячей, стала холодной, злой, неприветливой. Она отказывалась его принимать — Таир больше не принадлежал ей. Земля не любила предателей.

Таир поднял взгляд. Горизонт застилал дым — это горел Карас. То ли Анора ему солгала, то ли сааксцы сами его подожгли. Старый мир погиб. Таир мысленно помолился Отцу. Его война только начиналась.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПАНДЕМОНИУМ

1. Сделка с дьяволом

«Люди часто спрашивают меня, как мы могли допустить Тиранию Белой Королевы и вторжение в Эдем. Они судят по истории, а она написана победителями. И я один из них.

В жизни нет злодеев и героев, есть только люди. Великие в своей слабости, потрясающие в своей зависти, невероятные в своей ничтожности.

Никто не воплощал эти слова лучше, чем Тайрек. Весной пятьсот сорок первого года он посеял первые семена падения величайшей в истории цивилизации. И я до сих пор не знаю, любить ли мне его за это или ненавидеть…»

Дэниел Роско, предисловие к «Дневникам сепаратиста»

14 марта, 541 год после Освобождения

— Что такое Эдем?

Глаза девушки напомнили Тайреку джунгли: тёплые, завораживающие, манящие — и абсолютно безжалостные.

— Эдем — это бесконечная жизнь, — с придыханием продолжила модель, глядя с рекламного экрана, её чётко очерченные брови сошлись к переносице. — Займи своё законное место в раю рядом с Освободителем. Заявки на лотерею принимаются в любое время. Нужно лишь заполнить специальную форму в ближайшем церковном пункте приёма, и победителем следующего розыгрыша можешь оказаться ты! Становись лучше уже сегодня и вернёшься в рай завтра!

За спиной крышкой гроба захлопнулась дверь в офис. Небольшое здание теснилось между бетонными громадинами небоскрёбов Центра, так стремительно взмывающих к потолку Уровня, будто готовясь его пробурить. По натянутым между зданиями мостам сновали казавшиеся муравьями человечки, над

головой скрипел и выл поезд монорельса, на пару этажей ниже свистели автомобили, съедая километры магистральных дорог. Дома, трассы, площадки для отдыха, кофейни и столовые — всё это громоздилось друг на друга, тянулось вверх, задыхалось от перенапряжения. «Улей, — подумал Тайрек. — Но мы в нём не пчёлы, а мёд».

Он поплотнее запахнул куртку, чувствуя, как она обтягивает его острые плечи. Пора напечатать новую, эта стала уже слишком мала. На спине распростёр крылья белоголовый орёл — вечный символ свободы. От неё пришлось отказаться давным-давно.

Взглянув на хронометрон, Тайрек заволновался — уже без пяти восемь. До десяти домой он вряд ли успеет, а значит, встреча сорвётся. И что ему делать дальше? Опять бросаться в замкнутый круг наркотиков, алкоголя и шлюх?

Светосферы под потолком Уровня постепенно темнели, ознаменовав наступление ночи за стенами Города. Оставив за собой душный офисный комплекс на пересечении Седьмой и Девятнадцатой, Тайрек двинулся в ночь, чувствуя, как дыхание Города обволакивает его. Девушка из рекламы подмигнула и засмеялась. Смех смертельно раненного человека, пытающегося показать, что с ним всё в порядке. Реклама сменилась, и Тайрека залило мареновым светом ванильного парфюма Семьи Кармайн. Запахи химии. Лучше бы что-то более живое и натуральное. Он так давно не ел настоящего мяса, что даже забыл, как оно пахнет.

Мимо прихрамывали выпущенные из Медцентра протезированные, чьи тела напоминали палочных человечков. Вот они и стали «ближе к совершенству», как выражалась церковь. Неловко дёргая новыми, фальшивыми конечностями из аугментики, бывшие пациенты разбредались по своим делам, пытаясь заново научиться жить. Спешили на работу, стараясь не стать обузой для общества. Пусть всё утилизируется, пусть едой обеспечен каждый до конца жизни — ты не захочешь злить богобоязненный народ своим бездельем. Ухмыляющиеся небоскрёбы Центра атаковали заново прибывших пулемётной очередью неоновых реклам, объявлений, бесплатных столовых и подпольных фрик-клубов.

К руке Тайрека прилипла принесённая ветром алая листовка. «Голосуйте за Карла Лоренса! Он обеспечивает нам стабильность и процветание уже больше восьмидесяти лет! Становитесь лучше вместе с королём!» Под криво висящим лозунгом был изображён сам король, благообразный мужчина лет сорока пяти с длинной, окладистой бородой и добрыми глазами. По слухам, Карла так напичкали аугментациями, что от человека у него остался разве что мозг — и то не факт. Байки, конечно. Даже король не может

позволить себе столько протезов. Но иначе, как помощью Церкви и Медцентра долголетие Его Величества не объяснить.

Тайрек устало отлепил листовку от руки и бросил её в ближайший уличный утилизатор. Ещё одни досрочные выборы, ещё один срок для короля. Когда уже этот фарс кончится и все признают, что Карла свергнуть невозможно?

— Эй, дружище, куда это ты так торопишься?

Тайрек резко обернулся. На фоне изуродованных багровыми капельками рекламы небоскрёбов Центра чётко вырисовывалась двухметровая тень, а рядом с ней стоял патрульный полицейский. Как всегда, в бронежилете, серой рубахе с чёрным галстуком и с огромным крупнокалиберным пистолетом в кобуре. На голове копа покоилось высокое кепи с шестиконечным крестом, который в народе прозвали боевым и огненным. Левый, верхний и правый луч оканчивались широкими прямыми, в то время как нижний напоминал заточенный клинок. Ещё два острых луча отходили по диагонали вниз в разные стороны от центра. За десять лет Тайрек выучил, что такой крест символизировал Вооружённые Силы Первого Города — будь то армия Синдиката или полиция, служащая Эдему. Коп поправил сползающие очки расширенной реальности. Говорят, какие-то сектанты создали собственный виртуальный мир. Подключаешься к нему очками и видишь совершенно другой Город вокруг. Некоторые так проводили сутки за сутками. Сбегали из реальности в мир грёз. Дешевле и проще, чем антидепрессанты. Что угодно, лишь бы не слышать надсадного кашля бетонных джунглей. Над головой пронёсся поезд монорельса, и у Тайрека заныли зубы.

— Документы, — потребовал полицейский. Сааксец послушно протянул руку, поглядывая на копа снизу вверх. При росте метр семьдесят, на фоне первенцев Тайрек выглядел субтильным коротышкой. Проведя над запястьем сааксца сканером, патрульный успокоился и сплюнул. Показались белые зубы, умудрявшиеся блестеть на фоне чистой как молоко кожи. «Холёная порода, эти первенцы», — подумал Тайрек. В Союзе даже старейшины не были такими чистыми и ухоженными.

— А ты что у нас, сраный синегубый что ли? — поинтересовался патрульный. — Так куда ты так торопишься? И что вообще здесь делаешь? Почему не в гетто?

— Я действующий гражданин, — ответил Тайрек, стараясь не нервничать. Не только мысль об опоздании не давала ему покоя. За спиной копа всё ещё возвышалась двухметровая тень, а под стелькой сааксца томился тонкий, не толще листка брусок Платины весом в пятьсот грамм. Если его найдут, всё закончится в лучшем случае семью годами тюрьмы. Хотя зачем полиции что-

то находить? Тайрек, напечатав Платину, грабил Синдикат, а копам убытки Семей шли только на руку. — Я здесь работаю неподалёку, тороплюсь домой, вот и всё.

Полицейский перехватил взгляд Тайрека.

— А он хорош, да? Генератор невидимости. Да что я тебе объясняю… Эй, Янос, покажись!

Размытый силуэт за спиной патрульного превратился в полноценную жестяную махину из гладкого, тщательно отполированного металла. Падая на поверхность бронекостюма, свет словно пожирал себя, на чёрной как сердце тьмы поверхности не было ни единого блика. Массивный торс пестрел паутинками маркировок неизвестного производителя. «Эдем, кто же ещё», — подумал Тайрек. Конструкция отдалённо напоминала человеческую фигуру, но верхняя часть явно превосходила габаритами нижнюю. На шлеме скалилось серое полупрозрачное забрало, внутри которого горела синим огнём запись предсмертных мук убитого преступника. Гримасы боли искажали окровавленное лицо человека, глаза на выкате молили о пощаде. Пугающее зрелище — но только не для Тайрека. Конечности машины тянулись почти до колен и щеголяли огромными клешнями вполне способными, по виду, перекусить пополам взрослого человека.

— Новейший, всего неделю вот тестируем, — похвастался патрульный. — Наступательный экзоскелет класса «Каратель», для подавления бунтов и наведения порядка. Жду не дождусь, когда его пустим в оборот. А ты, Янос, что думаешь?

— Эта детка много что сможет, — прорычал оператор экзоскелета. Его голос прозвучал искажённо, с подчёркнуто высокими нотками. «Элемент запугивания, — подумал Тайрек. — Как и запись предсмертных мук». Экзоскелет построили не столько для убийства и уничтожения, сколько для морального подавления противника. Встроенные динамики и искажение голоса добавляли боевой машине грозности.

— А ты что думаешь, а, синегубый? — обратился патрульный к Тайреку.

— Вы не должны убивать людей. Вы же полиция, охранники порядка.

— Эх, да что ты понимаешь, чурка тупая. Будешь меня ещё учить, как работать? Пшёл отсюда.

— Что же, приятной ночи, офицеры.

— Давай-давай, вали… — повернувшись к коллеге, патрульный заговорил. — Я не договорил. В общем, заявляю я ей: «Отрубишь руки, поставишь протезы, станешь ближе к совершенству, заодно лотерею в церкви оформим на место в

Эдеме». А она мне, прикинь: «Но руки-то куда девать?» Отвечаю: «Куда-куда, извращенцам на окраинах сдашь!»

Оператор экзоскелета загоготал. «Пора идти домой», — подумал Тайрек. Он и так безбожно опаздывал.

Сегодня Элли согласилась встретиться с ним. Почти неделю она заглядывала к нему в кабинет по каким-то пустяковым вопросам, стараясь не глядеть в глаза и постоянно хихикая над его ужасными шутками. Даже такая невысокая девушка, как она, возвышалась над Тайреком на полголовы.

Он знал к чему всё идёт и попытал удачу. Неожиданно Элли не только не отказала, но и обрадовалась предложению.

Вот только сам Тайрек вместо радости ощущал пустоту. Последний раз он был влюблён больше двух лет назад, и ему пришлось предать любимую ради собственной свободы. Да и Элли, похоже, западала на него только из-за экзотичности. Он чувствовал себя сломанным, будто разладившийся механизм. Шестерёнки его души не подходили к шестерёнкам окружающих людей. Ему порядком надоело прикидываться, будто он похож на остальных. Он здесь чужой, и всегда им будет. Его пощадили — но это не значит, что его будут любить.

«Другое время и другое место», напомнил себе Тайрек. Теперь он свободен — во всяком случае, последние два года. Ему не нужно больше убивать. У него есть работа и деньги. Он почти что нормальный человек.

— Сучья жизнь, — пробормотал Тайрек, накинув капюшон, и поторопился к станции монорельса. Время уходило.

Звуки вечернего Города напоминали рыдания оставленной матери. Всхлипывали надземные поезда, высекали стоны носящиеся по магистралям автомобили, ныла скрипящая по асфальту обувь пешеходов, а Тайрек, обстреливаемый со всех сторон рекламными экранами, в одиночку шёл домой. Впрочем, как и всегда. Но ведь завтра всё может измениться.

Неделю назад ему исполнилось двадцать два года, но он чувствовал себя очень и очень старым. Лингвистика. Совсем не похоже на то, чем до этого приходилось заниматься. Лингвист чист, не нарушает закона, да и зарплата вполне ничего. Тайрек чувствовал, как кровь стучит в висках. Новая работа, собственное жильё, а теперь и возможность завести постоянную девушку — это ему-то, пожизненному неудачнику и подобию человека? Тайрек фыркнул, чувствуя, как к горлу подкатывает желчь. Проклятая поджелудочная и проклятое бухло. Не прошло и мгновения, как его начало рвать. Люди без малейших намёков на возмущение огибали блюющего человека и спешили дальше по своим делам. Ничего нового, молодёжь любит порыгать,

наглотавшись всякой дряни.

— Ты знаешь, что заслужил это, лицемер, — сказал Тайрек сам себе, пригладив назад мокрые от пота волосы. — Давай, дуй к медикам. Починят тебя быстро и совершенно бесплатно. Но ты же хочешь страдать, ублюдок.

Возле ноги возникла чёрная кошка, так неожиданно, словно сама пустота соткала её из нитей нереальности. Протяжно мяукнув и понюхав лужу рвоты, животное уставилось на Тайрека. Сааксец хмыкнул, схватил хвостатую за хохолок и поднял. Кошка несколько раз дёрнула маленьким носиком, затем снова стала внимательно вглядываться в Тайрека, будто не видя в нём ни малейшей угрозы. В этом чёртовом городе даже сраные кошки презирали его.

— Эй, синегубый! — заорал противный старческий голос. — А ну не мучь животное!

— Не бойся, не буду я тебя жрать, — буркнул сааксец и отпустил кошку. Та махнула хвостом и исчезла в переулке. А ведь больше десяти лет назад Тайрек и не подумал бы отпускать такой добрый кусок мяса — неприкасаемым выбирать не приходилось. Но времена изменились. Да и кошки у первенцев были совсем другими. Они больше походили на людей, чем на животных, в то время как сами первенцы иногда казались Тайреку зверьми.

— Блин, он же сааксец…

Тайрек поднял взгляд и понял, что окрик старика привлёк внимание прохожих. Голоса и пронизывающий шёпот окружили его.

— Набухался, что ли…

— Вот вонючий ублюдок! И не стесняется по улицам ходить.

— Стоит с таким видом, будто весь Город ему принадлежит. Ничего, и до тебя скоро доберутся.

Тайрек цыкнул, натянул капюшон так глубоко, как только смог, и поторопился дальше. Для них он навсегда чужак.

И так почти десять лет. Косые взгляды, перешёптывания, улыбки снаружи, злоба и страх внутри. Для окружающих он был или диковинкой, или бомбой замедленного действия. Хорошо с Тайреком дружили другие изгои общества: гангстеры, контрабандисты, уличные торговцы и шлюхи.

Руки начали дрожать. Нервный стресс давал о себе знать. «Надо поправиться», — подумал Тайрек. Небольшой крюк за наркотой много времени не займёт.

Он набрал на коммуникаторе Джеффа, старого доброго дилера.

— Где ты находишься? — не замедлил приступить к делу барыга. Риторический вопрос, конечно — Тайрек сразу же

передал свои координаты. — Хорошо. За углом есть один из моих уличных утилизаторов. Расплачивайся и забирай товар.

Тайрек повиновался, хоть со стороны дилера было дурным вкусом требовать расчёта на улице. Но сааксец слишком торопился, чтобы размениваться на мелочи. Нырнув в переулок и встав перед уличным утилизатором, Тайрек воровато огляделся, стащил с правой ноги ботинок и достал твёрдый лист Платины. Как только она оказалась в руках, стоило готовиться ко всему. Если у тебя найдут Платину, ты ещё можешь попытаться отмазаться, унизиться перед присяжными и попросить прощения в суде Башни Правосудия. Полицейские всегда были против Синдиката, они поймут. Но когда тебя накроют армейские патрули с бруском в руках, ты уже, считай, мертвец.

Тайрек закинул оплату в утилизатор и стал ждать. Не прошло и минуты, как машина со свистом выплюнула наружу остаток бруска и маленькую коробку с тремя ампулами. Спрятав остатки Платины обратно в ботинок, Тайрек побрёл дальше.

Действующие граждане Синдиката за всё расплачивались чипами, вживлёнными в руки. Отходы утилизировались, предоставляя еду и воду. Жизнь зависела от непрерывности цикла употребления и утилизации. Деньги являлись эквивалентом ресурсов на счету гражданина, которые он мог потратить на печатание тех или иных благ. Если вещь ему не нравилась, он в любой момент мог утилизировать её и на получившиеся материалы напечатать что-то другое или же отдать другому действующему гражданину. В качестве подарка или уже за соответствующую плату — это решалось на месте.

Никто не мог напечатать что ему хотелось, для начала требовалось купить соответствующие схемы для утилизатора. Вещи, сделанные вручную из отдельных деталей и не имеющие схем, ценились выше всего, да и чаще на них уходило больше материала — в отличие от человека, утилизатор лишние ресурсы не тратил. Алкоголь и натуральную еду утилизаторы не печатали, их приходилось покупать в специализированных магазинах. На них деньги тратились безвозвратно. Конечно, если не считать возвратом получавшиеся после отходы.

Но почти сто лет назад один умник догадался взломать свой утилизатор и внести в программу печатание сверхплотной материи. За неимением лучшего, её назвали Платиной. С одноимённым металлом новое вещество объединяла разве что ценность. Благодаря высокой плотности, новая Платина занимала очень мало места, но весила достаточно много, чтобы хватало на переплавку и печатание чего-то нового. Правила игры изменились.

Тайрек быстро нашёл нужных людей, способных настроить утилизатор на печатание брусков любой формы и веса. Но больше пятисот грамм сааксец брать опасался — патрули внутренних войск Синдиката могли использовать сканеры для обнаружения сверхплотной материи. Когда ему удавалось, Тайрек лично ездил на окраины, где дилеры печатали модельные наркотики, запрещённые Синдикатом. Расплачиваясь Платиной, Тайрек тем самым воровал ресурсы у Синдиката. Отдавал в руки, отказывающиеся возвращать материю в общую систему, угрожая в отдалённом будущем экономическим крахом. Цикл утилизации просто нарушался: на печатание уходило больше ресурсов, чем возвращалось обратно.

Центр, переполненный Приютами, где рабочие день за днём выбивали себе возможность стать действующими гражданами, практически не пострадал. Но окраины, куда заселяли новоявленных подданных Синдиката, начали расслаиваться. Зачем работать, если можно жить за чужой счёт? Воры тащили всё, что плохо лежит, к умельцам, сумевшим отключить утилизаторы от общей системы, а те за небольшую доплату ненужные вещи превращали в нужные. Появились даже банкиры, хранящие наворованное добро до лучших времён. А за ними стали образовываться целые банды громил, живущие с процентов за охрану. Ублюдки чуть ли не ежедневно нападали друг на друга в надежде урвать хранилище с хламом потяжелее. Заключались и распадались хрупкие союзы, старые обиды забывались, ибо тут же появлялась плеяда новых. Окраины превратились в огромный кусок вечно воюющей ничейной земли. Полиция туда старалась лишний раз не лезть, сваливая заботу за собственными гражданами на Синдикат, а тот, в свою очередь, не видел большей выгоды в поддержании порядка. Трупы лишь корм для утилизатора, возмещающие украденное из системы добро. В самые худшие дни мертвецов становилось так много, что санитарные команды не успевали их перерабатывать. Гармонию поддерживали лишь вигиланты: ребята, скрывающие лица за звериными масками, взявшиеся защищать работящих граждан от воров и грабителей.

С точки зрения налоговой, большинство граждан окраин жило на базовом пайке: утилизация отходов, да получение из них еды и воды. Их счета были чисты, как свежие простыни, так как все тёмные делишки проводились на мобильных утилизаторах, отключенных от систем Синдиката. Так что вопросов, откуда вдруг привалило богатство, у властей не возникало. Тайрек достаточно покрутился среди отбросов окраин, чтобы понять оправдания их образу жизни. После получения действующего

гражданства и отдельной жилплощади работать никто не заставлял: желание должно было идти от самого человека. Синдикат давно уяснил, что нет смысла заставлять людей делать то, чего они не хотят. Гораздо проще убедить всех, что им самим это выгодно. Тайрек долгое время обманывался свободой, даруемой окраинами. Но когда протрезвел, то понял — такая жизнь его убьёт. При первой же возможности он нашёл работу, позволившую переехать в Центр — где бродят копы и патрули внутренних войск, а шлюхи сканируют чипы для получения оплаты вместо того, чтобы выпрашивать Платину. Где царит порядок и не приходится бояться за свою жизнь. Надо было признать, устроился он всё-таки славно.

Тайрек вспомнил последний личный визит к Джеффу: с окраин здания Центра казались титаническими деревьями, пытающимися растерзать тёмный потолок. Дома там строились друг на друге, до тех пор, пока архитекторы не начинали опасаться за хрупкость общей конструкции. Застройка всегда шла от Центра, потому-то на окраинах и не встречались небоскрёбы — просто ещё не пришло их время. Когда-нибудь и здесь начнётся активное строительство, а с небоскрёбами придёт высокая плотность населения. Люди здесь тоже начнут задыхаться под собственным весом, жаждая достать потолок. И воцарится порядок.

Тайрек зарядил ампулу в инъектор. Его любимые модельные наркотики. Они не вызывали физического привыкания и накрывали такой волной блаженства, что от боли не оставалось практически ничего, но позволить их себе мог далеко не каждый. Один укол — и Тайрек почувствовал, как смятение в душе постепенно утихает. Да, он наделал ошибок, но всё же любой человек заслуживает счастья. Может быть, пришло время отложить прошлое на дальнюю полку и начать новую жизнь? Эта мысль Тайреку понравилась.

Рекламы на экранах сменились, багровый цвет уступил место переливающемуся золоту. Пришло время товаров Медцентра. Имплантаты глаз, внутренних органов, мозга — базовые модели можно достать за сущие гроши. По-настоящему качественные протезы обходились в целое состояние. Но мало кто скупился. Люди готовы на всё, чтобы стать лучше.

Тайрек снова взглянул на хронометрон. Двадцать минут десятого. Он ещё успевает, если поднажмёт.

Тут же зазвонил коммуникатор. Продолжая шагать сквозь толпу, Тайрек поднёс запястье поближе к глазам и, чуть-чуть осветлив экран, начал вчитываться в пришедшее сообщение. Ему писала Элли: она уже ждёт его. У юноши тут же отлегло от

сердца, на губах заиграла улыбка. «Девчушке-то уже не терпится», — подумал он, продиктовав ответ.

— Жди, красавица, скоро буду.

Его взгляд привлекла вывеска оружейного магазина. «Винтовки, пистолеты, ножи и кастеты! Покупайте чертежи у нас, печатайте стволы дома! Обслуживаем только действующих граждан».

Что-то ёкнуло в сердце Тайрека. Он так давно не держал в руках оружия, что и забыл, каково это. С оружием из пальцев ушло и чувство контроля за своей жизнью.

Он остановился поглядеть на витрину. И почувствовал, что за ним следят. Потянувшись и постаравшись придать своей фигуре расслабленный вид, сааксец начал вглядываться в отражение.

Воспалённые тёмные глаза с мешками под ними от постоянного недосыпания, плохо расчёсанные чёрные волосы с лёгкой проседью, которые Тайрек по старой моде пытался убрать назад, высокий, исчёрченный мелкими морщинками напряжения смуглый лоб. Поперёк нижней губы маленький шрам — когда-то здесь была полоса, символизирующая принадлежность к касте воинов Саакского Союза, несмываемый след старых времён. Тайрек моргнул и сосредоточился на заднем плане. Разноцветные толпы людей в плащах, куртках, бессмысленных головных уборах и платьях под огромными неоновыми вывесками, источающими яркий, обжигающий свет. И среди них — этот странный человек, склонивший набок голову. Обесцвеченные или седые волосы, глаза скрыты за тёмными очками, руки в карманах длинного кожаного плаща багрового оттенка. Похож на полицейского стукача, но у тех чувство стиля обычно получше. Вряд ли бандит с окраин, с ними Тайрек дружил ближе, чем положено законопослушному гражданину. Разве что какой-нибудь глупый гастролёр из другого Сектора, высматривающий себе не слишком бедную, но и не слишком богатую добычу. Тайрек рефлекторно сжал рукоятку ножа, лежащего в кармане куртки. Надо оторваться. Не хочется как-то приводить такой хвост к себе домой. Элли может и подождать.

Тайрек продолжил делать вид, будто осматривает револьверы на прилавке. Машинки смерти блестели хромированной и воронёной сталью, тихо нашёптывая о вещах, которые они могут сделать с живым человеком. Тайрек не слушал. Ножа более чем достаточно. Насмотревшись на оружие, он двинулся по аллее вдоль магазинов одежды, бижутерии, посуды и сувениров, спрашивая себя, как он оказался в этом чудном Городе, где люди покупают в магазинах схемы вещей, чтобы потом создать их дома с помощью утилизатора. Мимо его взора мелькнула маленькая

церквушка. Тайрек остановился, спиной чувствуя, как хвост следует за ним. В душе проснулся азарт, а во рту сам собой возник привкус крови.

«Да мне это нравится», — с удивлением подумал Тайрек. Так давно в его жизни не происходило ничего необычного, что даже преследование казалось весельем. Сааксец тут же попытался подавить радость. Нет, сказал он себе, так нельзя. Твоя война закончилась давным-давно.

Административный гений догадался расположить церковь между магазином интимных товаров и парикмахерской. Может, раньше здесь были другие, более цивильные заведения, но сейчас приход при таких соседях выглядел более чем жалко. Тщедушный человечек в рясе с аугментикой вместо руки сидел на крыльце и продавал с лотка миниатюрные распятия. Тайрек наклонился, чтобы рассмотреть их и дать преследователю подойти ближе. Скелет человека не был прибит к кресту — он был привязан к нему проводами. Руки лежали вдоль двух линий, расположенных диагонально вверх от горизонтальной оси. Казалось, будто мессия сдаётся на милость невидимому противнику. Распятие всегда напоминало Тайреку след куриной лапки, и его когда-то смешило, что такой знак носили на петлицах старшие офицеры Синдиката. После Караса он перестал смеяться.

Над черепом мессии висел небольшой нимб. Распятие изображало Сына Божьего в момент Откровения и использовалось церковью как символ поклонения Освободителю, припомнил Тайрек. Первенцы верили, что их Город, да и всё их общество, построено волей самого Господа — и все чужие должны быть завоёваны или уничтожены. Они просто не могли разойтись с Союзом мирно.

— Станьте лучше, сэр. Одно распятие за пять баксов, — пробормотал человечек, протягивая сканер. Тайрек почувствовал, как долго дремавшая ненависть нарастаёт в нём, грозит вырваться наружу, и поспешил ретироваться.

Во время войны церковь Освободителя хорошенько искупалась в крови его народа. Почти десять лет Тайрек избегал контактов с духовенством, опасаясь, что не сможет сдержать ярость и убьёт кого-нибудь. Он не верил религии жителей Первого Города. С самого детства его обучали другим вещам, вдалбливали совершенно другие доктрины. Рассказы о величии Освободителя были ему чужды, обещания Эдема казались Багровому Штыку богохульством. Бойцам Серого Охотника повторяли: «Рай есть наказание. Какая ценность в бесконечности? Какой смысл в счастье без боли? Какая нужда в крайностях — вечных мучениях или вечном блаженстве?»

Но даже если бы Тайрек и верил священникам первенцев, то просто не смог бы изгнать из головы рассказы об изуродованных сородичах. В своей жестокости церковь Освободителя переплюнула даже самые отмороженные армейские части Союза. Жрецы не просто убивали мирных жителей — они отрубали им руки и ноги, чтобы затем припаять искусственные конечности, после чего, проверив обратную связь протезов, начинали эксперименты. Людей били, препарировали заживо, обливали кислотой, поджаривали в печах и обдавали холодом, по пути заменяя повреждённые органы искусственными. Все результаты тщательно фиксировались. Сами того не зная, первенцы осквернили основной религиозный постулат Союза, гласящий, что человеческое тело священно, и модифицировать или изменять его — грех. Тайрек содрогнулся. Весь прогресс Первого Города в медицине был подпитан кровью сааксцев. Группа 838, вспомнил он — вот как передовые части учёных жрецов Первого Города называли себя.

Отойдя от церкви, Тайрек приметил подходящий переулок. Нужно только туда нырнуть, дать преследователю подойти ближе, а там уж сааксец с ним вмиг расправится. Оставит тело, да свалит подальше, пока полиция не нагрянула. Если сделать всё быстро, не останется даже следов. Всего пара минут и…

— Так и будешь делать вид, что не заметил меня?

Тайрек резко обернулся. Незнакомец стоял прямо перед ним. Левая рука, сжимавшая нож, задрожала от нетерпения, и пришлось приложить немало усилий, чтобы сдержать её. Раньше в ситуациях «убей или будь убитым» Тайрек не мешкал с выбором. Он не сомневался — сейчас именно такая. Но его остановило ощущение узнавания — что-то в седовласом преследователе казалось ему до боли знакомым. Мужчина улыбался, обнажив ряды выбеленных искусственных зубов. При ближайшем рассмотрении Тайрек вдруг понял, что преследователь ненамного старше его. Эта ситуация, эти ощущения…

— Дежа-вю, — сказал мужчина, улыбаясь ещё шире. Он протянул Тайреку руку, и тот осторожно её пожал. Ладонь в кармане сжимала нож так сильно, что от напряжения затекали пальцы.

— По пиву? Или ты предпочтёшь джин «Победа»? — спросил преследователь.

— Синтетическая дрянь для солдат. Лучше виски, — не своим голосом ответил Тайрек. В горле будто встал комок, от которого невозможно было избавиться просто прокашлявшись.

— Здесь неподалёку есть неплохой бар. Идём, я покажу.

Не сказав более ни слова, мужчина повернулся к Тайреку спиной и устремился в неизвестном направлении.

— А ведь я мог сейчас убить тебя, — крикнул Тайрек. Незнакомец на секунду остановился, затем пожал плечами и сказал:

— Да, я же совсем забыл.

Засунув руку в карман, он извлёк маленький круглый предмет и резко бросил его через плечо Тайреку. Поймав его, сааксец раскрыл ладонь и обомлел.

Это было старое, покрытое царапинами кольцо из серебра с гравировкой в виде переплетающихся и шипящих змей. Только саакские мастера могли выковать такое. На внутренней поверхности Тайрек увидел так знакомые ему слова: «Война до конца».

Кольцо главы клана Хамид. Его отца.

— Откуда у тебя это?! — крикнул Тайрек. Но незнакомец молча уходил.

В детстве Тайрек только и делал, что игрался с кольцом и клинком отца. Это всё, что знаменитый генерал Мугис Хамид оставил его матери, неприкасаемой проститутке. Тайрек никогда не видел Мугиса вживую. Естественно, он ведь был очередным незаконнорожденным, ублюдком, никому не нужным выродком. Но отец оставил ему всё самое дорогое, будто Тайрек был наследником клана, а не просто мальчишкой без имени и рода. В итоге, кольцо осталось у матери, а от клинка сааксец отказался сам, хоть солдат по имени Клэй и вернул его. Тайрек отдал кинжал более достойному человеку. Тогда он думал, что окончательно похоронил жажду к войне.

Но откуда же взялось кольцо? Неужели первенцы сняли его с трупа матери?

В его памяти тут же возник смутный образ. Мама любила говорить: «Если сомневаешься в каком-то деле, сделай хотя бы один шаг — дорога появится сама собой». И он этот шаг сделал. А затем ещё один, и ещё. Тайрек следовал за неизвестным, надеясь, что это только нелепая попытка ограбления, но уже осознавал, что всё намного, намного хуже.

Тайрек знал этот бар. Владелец заведения утверждал, что он в точности повторяет лучшее злачное место в мире, существовавшее до Освобождения. На пожелтевших от табачного дыма стенах висели старомодные фотографии и таблички с непонятными надписями вроде «Нью-Йорк» и «Лондон». В углу стоял музыкальный терминал, переделанный под ретро-стиль и обшитый деревянными панелями. Музыка играла не слишком громко, но её было достаточно, чтобы заглушить

конфиденциальные разговоры. Тайрек вздрогнул. Гомон разгорячённых мужчин и женщин, шипение льющегося алкоголя — атмосфера мигом взбодрила его. Окунись в эту жизнь — и не заметишь, как пропадёшь. Два года назад, после Приюта, частое посещение баров, разврат и дурь могли показаться вкусом свободы, но позже Тайрек понял, что её суть далеко не в этом. Ему понадобилось семнадцать месяцев, чтобы вырваться из замкнутого круга пьянства и дешёвых шлюх, найти достойную работу и потихоньку начать приводить жизнь в порядок. Увы, не сработало — иначе бы он здесь не находился.

Незнакомец уселся за стол, раскрыл меню, щёлкнул коммуникатором, и система приняла заказ. Через пару минут к ним подошла официантка с бутылкой виски и стаканами.

— Что это за дерьмо? — спросил незнакомец, показав свой стакан официантке. — Откуда трещины? Сколько человек из него уже пило?

— Сэр, пожалуйста, не волнуйтесь, — пролепетала девушка. — Сейчас я включу утилизатор и напечатаю вам новые.

Прислонив карточку доступа к краю стола, официантка открыла потайной карман, поставила туда стаканы и закрыла крышку. Через минуту, словно фокусник, она извлекла новые.

«Закон сохранения массы, — подумал Тайрек. — Ты отдаёшь что-то и получаешь что-то равноценное. Но откуда же, чёрт возьми, первенцы берут энергию?»

— Вот, другое дело! — провозгласил незнакомец. — Спасибо, красотка!

Официантка кивнула и ретировалась, оставив мужчин наедине.

Тайрек уставился на преследователя, пытаясь вспомнить, где же он его видел.

— Ты умираешь, — произнёс незнакомец, зажигая сигарету. Огонёк отразился в его блестящих очках, напомнив юноше горящую на небосводе звезду. В Городе никто не видел неба, кроме живущих на самом верху, на Первом Уровне. В Эдеме. Остальным приходилось довольствоваться потолком.

— Откуда ты это знаешь?

— Посмотри на себя. Бухло, наркотики, продажные девки. Ты уже пародия на человека.

— «Мне так больно, что я не могу не улыбаться», — процитировал Тайрек книгу Жизни. — Тебе-то что? И откуда у тебя кольцо?

Незнакомец почесал голову плохо гнущимися пальцами. «Что-то не так с его правой рукой, — подумал сааксец. — Он всё время держит её отстранённой от тела. Может, аугментика?»

— Честно? Мне вообще плевать на тебя. А про колечко говорить ещё рано, — сказал мужчина. — Факты таковы: ты скоро сдохнешь. Дурь, обезболивающие — это всё не поможет. Ещё где-то шесть-семь недель — и всё, скажешь «привет» утилизатору.

— Я лучше сдохну, чем позволю первенским докторам трогать меня, — Тайрек выразительно сплюнул в пепельницу. — Кто тебе обо мне рассказал?

— Лучше спроси, кому рассказал о тебе я. Кое-кому ты нужен живым. Уж больно прошлое твоё интересно.

— Им известно что-то конкретное?

Мужчина ухмыльнулся и заговорщически наклонился вперёд:

— Они знают, что ты бывший Багровый Штык.

Тайрек почувствовал, как по его спине побежали мурашки. Тошнота снова подступила к горлу. Пытаясь её удержать, Тайрек вдруг поймал себя на том, что лезет рукой в карман с наркотиками. Он очень долго бежал от реальности, но она всё же нагнала его.

— А бывших Багровых Штыков, как известно, не бывает, — продолжал незнакомец, отстукивая костяшками пальцев так знакомый Тайреку ритм. В его воображении затрепетали алые флаги. Они были белыми, пока первенцы не утопили их в крови. — Кошмары ещё мучают?

— Нет, — прошептал Тайрек севшим голосом. Резко вскрыв бутылку с виски, он налил себе стакан и разом осушил содержимое. Во рту мгновенно всё пересохло, горло загорелось, из глаз чуть не брызнули слёзы. Но это лучше, чем слушать роящиеся в голове мысли. — Уже нет. Гипнотическое внушение. Прошёл повторный курс после Приюта. В первый раз не помогло.

— Мне тоже, — сказал незнакомец и приспустил очки. На Тайрека взглянули тёмные, почти что чёрные глаза. Глаза сааксца.

— Давненько я не видел земляков, — пробормотал Тайрек.

— Нас после войны не особо жалуют, брат. Мне пришлось изменить внешность, чтобы хоть как-то влиться в общество.

— Как тебя зовут?

Незнакомец помедлил, прежде чем ответить.

— А ты не помнишь?

Тайрек покачал головой. Мужчина лишь усмехнулся.

— Меня зовут Сафир.

Тайрек снова взглянул на незнакомца.

— Лейтенант Сафир? Ты же сгинул в бою.

— Пуля — дура, братец Тайрек. Я всегда тебе это говорил.

Тайрек запустил пальцы в волосы. Как тогда, десять лет назад, стыд пронзил всю его сущность. Тайрека снова начало

подташнивать. «Я же видел его труп! Неужели первенцы его вытащили, как и меня?» Он задушил и закопал прошлое, пытаясь спасти свою жизнь, отбросил винтовку, сжёг форму. Гордость пришлось оставить ещё в школе. Но сколько ни хоронил бы Тайрек прошлое, оно живым мертвецом продолжало идти следом. В каком-то смысле, не воля прокладывала ему путь вперёд, а старые грехи. «Солдат может взяться за лопату, но его руки всегда будут помнить оружие», — говорил командир Бедан. Тайрек надеялся, что хоть в этом легендарный ветеран ошибался.

Перед ним сидел бывший лейтенант — живое воплощение всех старых ошибок и сожалений. Неприятные слова продолжали сыпаться из Сафира лавиной лезвий.

— Много времени прошло. Сколько, десять лет?

— Ни больше, ни меньше.

— Неважно. Я с деловым предложением. У нас есть препарат, который может тебя вылечить. Первая доза бесплатно, результат ощутишь сразу же. Все остальные — после того, как согласишься на наши условия.

— Почему сейчас? — словно в трансе спросил Тайрек. — Чего вам надо?

— Нам нужна помощь.

— С чем?

— С организацией восстания. Мои наниматели хотят свергнуть короля.

В груди Тайрека что-то ёкнуло.

— Мне-то что? — с вызовом бросил он.

Сафир нахмурился:

— Ты был Багровым Штыком. Ты поклялся уничтожить врагов Союза ценой собственной жизни. Где твой былой пыл?

— Мне было двенадцать лет, чёрт возьми! — пророкотал Тайрек, стукнув кулаком по столу. Посетители бара начали оборачиваться и перешёптываться между собой, но ему было плевать. — Я был неприкасаемым, худшим из худших! И я стал воином благодаря воле жрецов. Я должен был умереть за Союз. Но разве у меня был выбор?!

— Кому ты врёшь? Какая «воля жрецов»? Тебя Штыкам вообще мать продала, — усмехнулся Сафир. — И выбор у тебя есть сейчас. Можешь сдохнуть, продолжая прикидываться другим человеком, а можешь выжить, не нарушив ни одного завета Союза. И для этого тебе всего лишь придётся ударить по врагу.

— Посмотри вокруг, Сафир, — заикаясь начал Тайрек. — Посмотри на этих людей. Ты хоть когда-нибудь пытался их понять?

— Зачем мне понимать врага?

— Они не знают, что такое война. Когда Первый Город напал на нас, большинство даже не подозревало, что за его стенами, во Вне, вообще возможна жизнь.

— Это вообще ни хрена не меняет.

— Это меняет всё. За какие-то пятнадцать месяцев первенцы потеряли людей больше, чем за последние две гражданские войны. Сам подумай, какое у них должно быть мнение о сааксцах. Они даже не понимают, что это Эдем развязал войну, а не мы.

Сафир молчал.

— И, несмотря на ненависть, они приняли нас, потому что им ещё известно, что такое милосердие. Они дали нам крышу над головой, дали еду, дали образование и работу. Чёрт подери, Сафир, да для сааксцев первенцы сделали больше, чем Союз! Когда пришла война, мы были всего лишь детьми — и что сделали старейшины? Дали оружие и заставили убивать людей. Ради такой родины ты собираешься мстить? Ради неё ты будешь крошить ни в чём не повинных людей?

Сафир как-то странно улыбнулся.

— Я долго думал, почему ты принял новое имя. «Тайрек». Звучит достаточно по-дурацки, чтобы казаться первенским. Так ты решил поставить точку в прошлой жизни? Забыть своё настоящее имя, свои корни?

— Ты уходишь от вопроса.

— А давай я задам тебе встречный. Что тебе чаще всего снилось, Тайрек? — не дождавшись ответа, Сафир продолжил. — Мне, например, лица мертвецов. Одно за другим, почти каждую ночь. Я помню всех убитых мною первенцев. Но пока они мне снились, я ни на секунду не засомневался. Они заслужили смерти. Эти ублюдки жгли наши деревни, убивали моих сородичей, уродовали их тела. Они насиловали женщин, а детей и мужей заставляли смотреть. Союз не сделал им ничего, но они вели себя так, будто это мы вторглись в их дом, а теперь они мстят. Нет, Тайрек. Хоть я и был подростком, но прекрасно понимал, что наша борьба праведна. Когда тебя пытаются убить, ты обязан обороняться, ты обязан уничтожить противника, вытрясти из него жизнь, растоптать его наследие. Видел новый фильм про войну? С этим придурком Шоном Кейном в главной роли? Это они хотят показать, какими ничтожествами мы были. Достойно — образцовый первенец забивает сааксцев приёмами рукопашного боя в пластиковых джунглях. Что же, первенцы убивали наших мирных жителей, взамен мы убьём их.

— Это не то, чего я хотел, лейтенант.

Тайрек попытался подняться, как услышал чёткий щелчок под столом. Даже из тысячи звуков он без труда распознал бы

этот — звук взводимого курка. Сафир открыл рот — и слова полились из него, как рис из прохудившегося мешка. Тайрек почти успел забыть этот язык. Десять лет он не разговаривал ни с кем по-саакски.

— Убийство невинных людей смущает тебя, Тайрек? А разве на войне ты не занимался тем же самым? Солдаты первенцев всего лишь подчинялись приказам, как и мы. И, тем не менее, ты без сомнений убивал их. Как и я. Как любой другой Багровый Штык.

— Ты собираешься застрелить меня? — спросил Тайрек, чувствуя лёгкую дрожь. — Давай, сделай это. Я всё равно подохну. Так хоть мучиться не придётся.

— Храбрые слова для человека, которому есть что терять, — Сафир печально улыбнулся. — Ты предал всё, ради чего стоял. Лингвистика? Ты ведь знаешь, что ни один из первенцев так и не научился саакскому языку. Ты учишь врага, ломаешь для него наш код. Лучше бы сразу к ним переметнулся.

— «Опусти меч и узри, что враг твой тоже человек».

— Цитаты из священного писания тебя не спасут.

— Перевод — это всё, что я мог предложить им за свою свободу, — проскрежетал Тайрек, чувствуя очередной приступ тошноты. — Иначе бы меня не выпустили из Приюта. Не дали бы гражданство…

— Всё, что ты мог предложить… — Сафир пожевал губу. — Врёшь. Ты же сначала сдал им Келлу. Получил гражданство за предательство любимой. Полтора года кутил на окраинах так, будто готовился хрен с печенью протезировать. А уж потом стал переводчиком. Я всё знаю, так что не лги. Не жалко подругу, а?

— Келла собиралась поднять мятеж. Она бы всех нас угробила. Мне пришлось это сделать.

— Так ты оправдываешь все свои поступки? «Тебе пришлось». Удивительный ты человек. Всегда у тебя виноваты все, кроме тебя самого. Обстоятельства. Люди. Времена.

— Ты сам сказал, что убивали мы по приказу.

Сафир поднял бровь, будто сказанное удивило его.

— Но только тебе это нравилось. Ты же был лучшим. Чемпион по количеству вражеских ушей! Для тебя происходящее казалось игрой, где нужно убить как можно больше, чтобы выиграть. Ты же хотел стать героем! И что я сейчас вижу? Размазня! Трус! Предатель! Неужели война сломала тебя?

— Война всех сломала, — ответил Тайрек. — Ну, так что? Может, уже покончим с болтологией? Просто убей меня.

— Я и так это делаю, — ухмыльнулся Сафир. — Вставай. Выйдем прогуляться.

Тайрек поднялся и пошёл к выходу, чувствуя, как в спину упирается ствол пистолета. Это старое знакомое чувство. Он готовился умереть и понимал, что не хочет этого делать. Не сегодня. И не так.

Улицы встретили их прохладой и запахами металла. Тайреку показалось, будто ежедневная какофония напоминает смех, словно сам Город захлёбывается от нелепости происходящего — один сааксец ведёт другого на убой. Это проклятое место высасывало из него силы десять лет. Он был незваным гостем, которому все улыбаются, параллельно насыпая яда в еду. Сафир мягко подтолкнул пленника в спину, и Тайрек понял, что сочувствия ему ждать не от кого.

— Можешь не бузить, — сказал Сафир. — В конце концов, я ни за что не отвечаю.

— Да? А кто же отвечает?

— Мира, — ответил Сафир. — Умная баба. Когда я её встретил, то сразу предложил найти тебя. По старой дружбе и памяти.

— Мира? Какое интересное имя. Только не говори мне, что ты подвизаешься у первенцев, — процедил Тайрек.

— Она очень широко мыслит. Но тебе не понять. Просто подожди, придёт время, и ты созреешь.

— Да? Прямо как ты? Скажи-ка, ведь твоя правая рука аугментическая?

Сафир промолчал, но этого было более чем достаточно. Тайрек залился смехом.

— Боже! Столько ненависти, столько слов! «Первенцы то, первенцы сё!» А сам-то! Ещё мне что-то про веру рассказывал и принципы!

— Эти суки лишили меня руки, — сказал Сафир. — Пришлось заставить её вернуть.

— «Заставить!» — Тайрека разобрал новый приступ смеха. — Они сжалились над тобой, пришили новую, а ты собираешься воевать с ними? Да ты ещё более жалок, чем я!

— Заткнись, — сказал Сафир и ткнул пленника пистолетом. — Чёрт, если бы ты не был им так нужен, я бы просто пришил тебя.

— Так ты всего лишь мой телохранитель, — заметил Тайрек, продолжая хихикать. — А я-то думал…

— Заткнись, я сказал. Мы пришли.

Тайрек сразу перестал смеяться.

Они отбились от безразличного людского потока, исчезнув в тихом, забытом и будто затерянном во времени переулке. Алые, исписанные граффити кирпичи крошились, напомнив Тайреку о

старом доме в квартале неприкасаемых, в котором они жили с мамой. Каждый вечер, приходя с работы, она находила время, чтобы прочесть ему очередную сказку и уложить спать. Тайрек любил мать, а она продала его в армию. Он хотел не помнить, какой хорошей она была, но не мог забыть. Некоторые вещи из памяти не выветриваются. Попав к Штыкам, он решил для себя, что станет лучшим. Что всё это произошло не напрасно, что он лишился покоя ради некой великой цели. Каким же он был идиотом.

Через минуту в переулок зашли ещё двое, мужчина и женщина. Пробежавшись взглядом по одежде и лицу Тайрека, женщина сказала:

— Мы ждали вас. Что так долго?

Утончённое до тошноты лицо с высоким лбом, которое обрамляли короткие чёрные волосы, скривилось в гримасе неприязни. Если первенцы по сравнению со старейшинами сааксцев казались аристократами, то эта дамочка была самых голубых кровей. Её водянистые серые глаза сияли печалью. Деловой костюм, идеально подогнанный к фигуре, облегал поджарое, тренированное тело прирождённого солдата. Воин благородного происхождения — самое худшее сочетание. Тайрек вдруг поймал себя на мысли, что лицо женщины кажется ему отдалённо знакомым. Но откуда?

— По ходу, клиент сотрудничать не хотел, — заметил подошедший мужчина и обнажил наращённые клыки — такие себе делали лидеры молодёжных банд, чтобы выглядеть более устрашающе. Одет он был в серое пальто, скрывавшее под собой жилистое, сухое тело. Отработанным движением незнакомец зачесал рукой тёмную прядь волос на правую сторону лица и сразу стал похож на расфуфыренную топ-модель. Но на шее у зубастика Тайрек заметил маленькие татуировки. Печать «I ВДБР», а под ней маленькие цифры — лицензия наёмника. Бывший десантник и наймит с манерами жиголо — ну просто прекрасно. — А он повыше, чем я думал. Хотя худой уж больно. Я дуну — он рухнет.

— Вы кто такие, мать вашу? — хриплым голосом спросил Тайрек. — И когда этот цирк закончится?!

На лоб женщины легла морщинка.

— Ах, Сафир тебе не рассказал. Меня зовут Мира, а это мой телохранитель. Коул, будь так добр.

Зубастик кивнул, подступил к Тайреку и одним ловким движением вогнал ему в шею шприц. Тайрек тут же закачался, обмяк и сполз по стене на асфальт. Его снова замутило, но на этот раз ощущение не раздражало, а даже радовало, обещало

успокоение.

— Эта сыворотка должна вылечить тебя. Её сделали наши друзья с фабрики Гефеста. Такую ты даже на чёрном рынке не найдёшь. Вторую половину получишь, если выполнишь наши условия. Решишь отказаться, гарантирую: твоя смерть будет долгой и очень мучительной. Но если согласишься, то изменишь историю. Твоё имя будут повторять веками.

— Что вам помешает убить меня? — прохрипел Тайрек, чувствуя, как блаженство растекается по конечностям. Он расслабился, остался лежать мешком на асфальте. Его сил не хватало, чтобы побороть охватившую тело негу.

— Твоё выживание — один из ключевых этапов плана. Во всяком случае, пока что.

Тайрек кивнул, ощущая теплоту.

— Кольцо… откуда у вас кольцо?

— Ты уже понял, что оно принадлежит твоему отцу?

— Подарок отца матери, — пробормотал сааксец. Во всяком случае, мать говорила, что кольцо ей подарили. А ведь оно было символом правления кланом, такими вещами просто так не разбрасываются. У Тайрека вдруг закралось подозрение, что мать его просто украла. — Это оригинал? Или вы напечатали его на утилизаторе?

— Ни один утилизатор не сможет воспроизвести подобный шедевр с нуля, только сделать точную копию. Оригинал у меня. Я отдам его тебе, когда придёт время.

— Как оно к вам попало? Первенцы убили мою мать и забрали его?

— Это долгая история. Но не волнуйся, твоя мама жива и здравствует.

У Тайрека отлегло от сердца. Хоть какие-то хорошие новости.

— И да, Сафир? Спасибо за услугу.

Тайрек поднял глаза как раз в тот момент, когда зубастик Коул загнал клинок в подбородок сааксца. Сафир взмахнул руками, захрипел и начал медленно откидываться назад, захлёбываясь кровью. В его тёмных очах застыли недоумение, ужас, злость. Секунду назад он был полным жизни представителем вида «человек разумный», с мечтами, надеждами, страхами и иллюзиями, а сейчас превратился в набитый кишками мешок с кровью, которая поспешно лилась наружу, пачкая Тайреку ботинки. Зубастик аккуратно вытер нож о плащ мертвеца и встал подле женщины с таким видом, будто бы просто выкинул мусор в утилизатор.

— Вы убили его… — выдохнул Тайрек.

— Я думала, что через него смогу достучаться до тебя. Но,

боюсь, он оказался слишком неблагонадёжен, — ответила Мира, присев перед Тайреком. — А нам нужен был именно ты. Лучший Багровый Штык Союза. Сколько человек ты успел убить? Пятьдесят? Сто?

— Восемьдесят два, — Тайрек кашлянул. — Но это было давно и неправда. Я больше не боец.

— Скоро ты вернёшься в строй, сыворотка это обеспечит. Ты лоялен нынешнему режиму, хоть родом из Караса. Быстрее всех обосновался здесь, среди первенцев, прошёл путь от Приюта до нормальной жизни, не загремев в гетто. Даже помогаешь Городу освоить саакский, который до этого считался невзламываемым языком. Я уж не говорю о хороших связях с окраинами и бандитами, через которых достаёшь наркотики. Ты чист перед Городом настолько, насколько это возможно. Именно поэтому никто не будет подозревать, что ты замешан в нашем деле. А этот придурок… — она кивнула на тело Сафира, — …изжил свою полезность.

— Я не хочу убивать невиновных, — сказал Тайрек.

Мира пожала плечами:

— Этого и не потребуется. Однако для человека, чей народ буквально изнасиловали, ты питаешь слишком много симпатии к противнику. А что, если я скажу тебе, что Город продолжает угнетать сааксцев, даже после войны? Ты хоть примерно представляешь, что сейчас происходит с остальными? — Тайрек помотал головой. — Так я и думала. Большинство не может адаптироваться. Ты был из первой волны переселенцев, и тебе было всего двенадцать. Твоя психика легко приняла смену обстановки. Сейчас Первый Город загребает всех оставшихся на территории Союза, и расселяет их по Четвёртому Уровню. Сначала в Приюты. Если они там не приживутся, их отправляют в гетто, где держат под постоянным прицелом. Первенцы согнали сааксцев с их родной земли и окружили стенами. Они готовы истребить твой народ в любой момент. Всё для того, чтобы стать лучше и приблизиться к идеалу. Кто-то должен что-то предпринять. И этим кем-то станешь ты, Тайрек. Людям нужен герой. Людям нужен новый Освободитель.

Тайрек чуть не захохотал.

— О чём ты? Из меня не получится никакого героя. Я давно перестал верить в такие сказки. Чего вы хотите на самом деле? Зачем вам обрушать нынешний режим?

— Почти пять сотен лет первенцы не контактировали с внешним миром. Стоило покинуть стены, как встретились сааксцы, занимающие самые лакомые кусочки земли. Так что Первый Город развязал войну, чтобы освободить жизненное

пространство. Но не для всех. Его займут самые богатые, а бедные так и останутся гнить в стенах до скончания времён. Я собираюсь предотвратить такое развитие событий.

Мира улыбнулась, но печаль так и не покинула её глаз.

— Моя цель — увидеть звёзды.

Тайрек скрипнул зубами. Он хотел поверить Мире. Покинув Приют, он жил как во сне, сосредоточившись только на себе, совершенно не интересуясь проблемами своего народа и подавляя тоску наркотиками и алкоголем. Он пытался вписаться в чужой мир, но тот продолжал отвергать его. И сейчас неожиданно у него появился выход. Анора вселила в него слабость, но эта странная женщина, Мира, ломала его клетку из комфорта. Она возвращала ему силу. Давала возможность вернуть контроль над жизнью.

— «Ты можешь забыть, кем являешься. Но люди вокруг этого не забудут», — произнёс Тайрек и добавил: — Предположим, что я согласен.

Мира поджала губы.

— Нам нужны твои связи с окраинами. Бандиты, контрабандисты, торговцы информацией, даже вигиланты — все, кого ты знаешь. Потихоньку напрягай их. Пусть добывают оружие. Я бы могла покупать на рынках, но такие объёмы легально не достать. К тому же, вызову подозрения у ищеек. Контрабандисты же могут всё провернуть тайно и аккуратно.

— Не получится, — сказал Тайрек. — Такие огромные суммы ты Платиной не унесёшь, а платить переводами — слишком рискованно, налоговая свой паёк не зря уплетает. У Синдиката возникнет много вопросов.

— Всё очень просто, — усмехнулась Мира. — Скажем так, у меня было несколько огромных хранилищ с кучей ценных вещей, которые я утилизировала и сдала в качестве анонимного пожертвования нескольким банкам.

— И Синдикат не проверит, от кого поступили такие огромные средства?

— Эти несколько банков принадлежат Семье Торес и не входят в общую систему. Все остальные король давно подмял под себя. Но у Торесов мы можем класть и забирать какие угодно суммы, и налоговая ни о чём не узнает. Вот, держи, — Мира извлекла из кармана четыре чёрных кубика, напоминающие игральные кости. — Просунь внутрь пальцы.

Тайрек осторожно послушался. На удивление, грани легко поддались. Сааксец держал дрожащую руку перед собой. Мира поднесла свои пальцы и, нахмурив красивый высокий лоб, просунула их в кубы. Подушечки слегка кольнуло, и Тайрек вздрогнул от неожиданности.

— Это были подтверждения с моим ДНК о том, что я владела счетами в банках, — удовлетворённо произнесла Мира. — Я переписала их на твоё имя, мои следы уничтожены безвозвратно. Какое бы расследование теперь ни проводили, все нити будут вести к тебе. Такие вещи не подделаешь.

Тайрек и не заметил, как ловко его сделали преступным умом всей операции.

— И что мне с ними делать?

— Отнесёшь своим друзьям на окраинах в качестве оплаты. Чуть позже с ними они сами смогут наведаться в банки и получить всю сумму. Пусть заберут свои проценты, а на оставшиеся деньги закупаются оружием.

— Ты ведь могла сделать это всё сама.

— Конечно могла. Но ты вне поля их зрения. Слишком уж благонадёжный, — Мира ухмыльнулась, глядя на Тайрека сверху вниз. — И такого маленького роста, что тебя и незаметно. Если даже они обратят внимание, что ты посещаешь окраины, то спишут всё на баловство с дурью. Алкаши и наркоманы восстаний не планируют. И пусть сколько угодно выискивают Платину — её у тебя не будет.

— Тебе в первую очередь нужны люди, а не оружие.

— И мы найдём их в Приютах. Ты лучше всех знаешь, как тамошний люд ненавидит нынешнюю систему. Но оставь это мне. После того, как будет оружие, нам понадобятся Операторы. С этим я тоже постараюсь разобраться сама, но, если что, держи Информаторий на связи.

— Даже если мы соберём людей и оружие, мы проиграем. Когда последний раз было успешное восстание? Полиция нас схватит до того, как мы вообще что-то начнём делать.

— Думаешь, полиции не хочется свергнуть диктатуру Семей? Ты и сам прекрасно знаешь, что она была основана Эдемом, чтобы присматривать за Синдикатом. Комиссар Фарго спит и думает, когда же кто-нибудь поднимет восстание против короля!

— Но ведь бунт и их может затронуть.

— Ты десять лет в Городе и так ни в чём и не разобрался?

— Вещи искажаются, когда глядишь на них через дно бутылки.

— Синдикат правит всеми Уровнями, кроме Эдема, а полиция наблюдает, чтобы он не превысил свои полномочия. Вот только копы всё прошляпили, и нарушение уже произошло. Когда-то Семьи, образующие Синдикат, были всего лишь удобной административной системой, но теперь они просто пьют кровь из своих граждан. Стоит разгореться недовольству, как король присылает солдат и затыкает всех. Навсегда. Если же разгорится

полноценный бунт, полиция встанет на нашу сторону. А на ней уже деньги и друзья, способные творить чудеса. А с твоей помощью, даже чудеса не понадобятся.

— Что же твои друзья не организуют всё сами?

— Организовывают. Моими и твоими руками. Мы разрушим эту систему. Никому не придётся больше выкупать себе свободу. А для этого придётся пойти на жертвы. Первый Город это заслужил. Я родилась здесь, росла, лицезрея, как богатые эксплуатируют бедных. Десять лет назад, покинув стены, они объявили войну Союзу и после победы над ним обзавелись новыми игрушками — сааксцами. Ты думаешь, что мы террористы. Нет. Мы борцы за свободу, революционеры. Не думай, что мы жестоки — просто нам приходится быть на шаг впереди.

Мира так горячо говорила, будто пыталась убедить Тайрека в своей правоте. Зачем? На него уже повесили счета банков, ему уже ввели странную сыворотку. Он уже ничего не мог сделать, как согласиться.

— Похоже, ты уже освободила меня от выбора.

— Так и есть. Но я вижу по твоим глазам — ты согласен. Даже Союз не смог заставить тебя пожертвовать собой. Ради Первого Города ты этого делать точно не станешь. Что-что, а таких, как ты, я встречала достаточно. Да, и ещё — если ты не получишь вторую часть сыворотки через четыре месяца, само твоё тело станет ходячим источником «бесючки». Знаешь, что это такое?

Тайрек еле-еле покачал головой.

— Ну, по шкале военных преступлений её оценивают на двенадцать из десяти. Дикая инфекция, люди от неё становятся сексуальными маньяками с острой формой мании преследования. Взрывной коктейль.

— Это невозможно, — прохрипел Тайрек.

— Ты действительно хочешь проверить? — Мира подмигнула ему. — Что же, нам с Коулом надо идти. О трупе не беспокойся, о нём позаботятся наши друзья. Тебе же лучше сейчас подумать о своих.

Мира поднялась на ноги и пошла прочь из переулка. Коул бодро вышагивал за ней. Тайрек подал голос:

— Эй, Мира!

Женщина развернулась на каблуках.

— Да?

— Почему именно я?

Пожав плечами, Мира ответила:

— Из всех, кого я знаю, ты лучше всего подходишь на роль

народного героя. Люди тебе поверят, а это всё, что важно.

— Алкаш и наркоман, ставший народным героем?

— Освободителю это не помешало стать мессией, знаешь ли.

— А если восстание провалится, повесишь всё на меня?

— Конечно, — Мира улыбнулась. — Ты же хотел стать героем. А если не получится, будешь мучеником.

Тайрек наклонил голову. Было что-то, не дававшее ему покоя. Какая-то неправильность. Мира сказала, что она искала именно его. Почему? Что ей нужно на самом деле? Что в нём такого, чего нет в других сааксцах? Что же, ладно, в отличие от всех остальных он не в гетто и не в Приюте, имеет действующее гражданство, официально работает и довёл себя до такого состояния, что сама возможность сопротивления короне кажется смехотворной. Никто его ни в чём не заподозрит. Но у Миры много денег и таинственные друзья, которым было бы выгодно свержение короля. Если бы она хотела, то давно провернула бы уже всё сама. На секунду всё вдруг стало кристально чистым.

— Кольцо. Это как-то связано с моим отцом? — спросил он. Выражение лица Миры изменилось ровно на одно мгновение, прежде чем снова стать невозмутимым. Но это одно мгновение сказало Тайреку всё, что нужно.

— Генерал Мугис Хамид, — ответила она. — По моим данным, перед обороной Караса он вернулся к твоей матери и забрал кольцо. Ты ведь никогда не встречал его?

— Нет. Но знаю, как он выглядит. Мать говорила, что я его точная копия.

— Сказать так было бы преуменьшением… Что же, не вижу смысла скрывать. Держи.

Она достала из кармана пиджака небольшой пакет и бросила его сааксцу.

— Внутри армейские документы с переговорами офицеров Саакского Союза и Первого Города.

— И как это относится к моему отцу? — с дрожью в голосе спросил Тайрек.

— Отключение орудий во время осады Караса. Угадай, кто это сделал, — сказала Мира.

Мир на секунду застыл. Вдруг всё встало на свои места. Он командовал обороной города. Он имел доступ к системе защиты. Его не было в Карасе, когда первенцы вошли внутрь.

— Он передал кольцо первенцам в качестве гаранта. Поэтому нам нужен ты, Тайрек. Если мы хотим победить Синдикат, должен быть отвоёван и Карас. А без активации систем защиты ничего не получится. Мугис Хамид кое-что задолжал этому миру, а потом исчез. И ты поможешь его выманить. Как только он

вернётся и поможет отбить Карас, мы одержим победу по всем фронтам. Но сначала нам нужно достать короля.

«Первенцы, — подумал Тайрек. — Это они во всём виноваты».

Он постоянно изобретал оправдания, по которым они оказывались чисты, но сейчас не оставалось никаких сомнений — если бы не первенцы и их война, отцу не пришлось бы становиться предателем. А ему не пришлось бы унижаться десять лет, пытаясь прикинуться другим человеком. Он снова почувствовал силу в своих руках, так же, как десять лет назад, когда выпускал врагу кишки. И ощущение было прекрасным.

— Мира? — Тайрек изо всех сил старался выдержать спокойный тон, но голос всё же сорвался. В памяти всплыло одно обещание, данное десять лет назад.

— Да?

— Когда придёт время, принцесса Анора должна остаться в живых.

— Для чего?

Тайрек поднял на Миру глаза.

— Чтобы я мог лично убить её.

2. Крещение кровью

«Мой отец любил говорить, что солдат по-настоящему ненавидит в мире только две вещи: армию и людей, в ней не служивших»

Дэниел Роско, «Дневники сепаратиста»

22 мая, 541 год после Освобождения

— За Освободителя! — проревел кадет и пнул Сабрину ногой с разворота.

Чего-чего, а такого она точно не ожидала. Челюсть громко хрустнула. Удар был так силён, что опрокинул девушку на лопатки. Кое-как сгруппировавшись, Сабрина улучила момент, чтобы выплюнуть зубы и сосредоточиться на противнике. Тот, скалясь, медленно подходил к ней. Только через секунду девушка поняла, что включились имплантаты, положенные всем офицерам. Враг не замедлился, это она стала быстрее.

Вскочив на ноги, девушка провела серию дезориентирующих ударов и резким броском обеспечила противнику сломанные ребра и сотрясение мозга. Кулак кадета раскрылся, и из него выпало сжатое чуть ли не до крови распятие.

— Когда же вы, блин, научитесь, — пробормотала Сабрина. Безумный фанатизм умений кадетам не прибавлял, вот только многим забыли об этом сказать. Чуть ли не каждый третий рядовой мнил себя истинно верующим.

Сабрина усмехнулась бы, если бы не болели губы. Это уже не губы, а оладьи какие-то. Нужно было срочно остановиться — дыхание резкими толчками покидало грудь, волоски на руках стояли дыбом, а рот переполняла кровь. Нельзя слишком долго находиться в ускоренном режиме — организм может просто не выдержать нагрузки. Сабрина замедлилась, потрогала надувающуюся воздушным шаром щёку и сплюнула кровь. Как офицер, она совершила ошибку, дав бойцам рассредоточиться. Если они сегодня проиграют, то хороших мест в армии им точно не видать.

Драка в зале разбилась на мелкие стычки, в которых не играло роли, какого ты пола, каковы твои физические данные и способности. Всё решалось чистым везением. Сабрина попыталась

посчитать, сколько солдат из её отряда осталось в строю. Бочкообразная Роуз пудовыми кулачищами разбрасывала людей словно кегли. Джоанна кого-то душила, исторгая отчаянные вопли. Юркая Сибил кружила вокруг противников, обманными движениями заставляя их совершать одну ошибку за другой. И больше никого. Из пятнадцати человек осталось трое, и то не факт, что все они продержатся до конца боя. По залу сновали бригады медиков, вытаскивая кадетов с критическими ранениями с поля боя. Мимо Сабрины пробежали санитары, на носилках у которых лежал парнишка с проломленной головой. Ничего такого, что не могли бы исправить хирурги.

Сабрина подняла взгляд. На платформе, возвышаясь над побоищем юношей и девушек, стоял узкий человек в красном мундире. За роскошными усами и бакенбардами пряталось жестокое и высушенное годами лицо маршала Штрауда.

— Теперь вы больше не гниды, — вещал маршал. — Вы испили крови. Отныне вы солдаты. Пробудите в себе инстинкт убийцы, ибо если он не будет чист и надёжен, как механизм, вы быстро станете мёртвыми солдатами! И тогда окажетесь по уши в дерьме, так как умирать без разрешения вам не положено, поскольку вы имущество Синдиката! Становитесь лучше, чёрт возьми!

Сабрина бросилась в гущу, к Роуз, хлёсткими ударами ломая носы и рассекая брови. Четыре года кадетов Его Величества Короля Ричарда I Военной Академии обучали, как наступать, отступать, биться насмерть и не умирать. Четыре года непрерывной муштры, конкуренции, крикливых инструкторов и самой дерьмовой в Городе еды. И сегодня, хорошенько заправив выпускников стимуляторами, генеральный штаб дал им шанс выпустить пар, посулив вкусные звания и тёплые места тем, кто сможет до конца экзамена устоять на ногах.

— Сабрина, твоя мамаша — чокнутая сука! — проорала Роуз, когда командирша пробилась через толпу. Массивное и крепкое как камень тело девушки покрывали капли пота и крови. Подбитые глаза светились весельем и безумием.

— Я знаю. За это я её и люблю! — прокричала Сабрина в ответ.

Крещение кровью как выпускной экзамен Академии ввела мать Сабрины, Воительница Анора. Десять лет назад, сразу после окончания Второй Священной Войны, она пришла к королю и сказала, что в новую эпоху Синдикат должен войти вооружённым по максимуму. Впервые за пятьсот тридцать лет первенцы покинули стены Города — и тут же столкнулись с агрессией иноземцев. Ужасающие потери в войне с сааксцами доказали, что

тренировку солдат нужно реформировать. Новая программа заканчивалась экзаменом, в котором все кадеты разбивались на два отряда, каждому кандидату в офицеры давали пятнадцать человек, а затем обе стороны схлёстывались в жестоком рукопашном бою. Необычайный прорыв в медицине и аугментике позволил концепции Аноры воплотиться в жизнь. И теперь её собственная дочь должна была пройти через эту мясорубку.

— Что с остальными? — спросила Сабрина у Роуз.

— Да задавили их уже, только мы и остались. Пытались держаться вместе, но как прозвучал сигнал, всех разметало по разным сторонам. Не получилось нормально подраться.

— Я думала, мы хорошо подготовились! Всё ведь просчитали!

Роуз пожала плечами.

— Все расчёты — чушь собачья. Всегда дело решали сила и энтузиазм. Глянь-ка!

Роуз ткнула пальцем куда-то в толпу. Сабрина рассмотрела, как через неё двигается собравшийся в каре отряд из тринадцати человек. Хмурые, молчаливые кадеты, покрытые синяками и ссадинами, разрезали творящуюся бойню на две части, словно идеально отточенный скальпель в руках хирурга, вскрывающий нарыв. За стеной солдат виднелся высокий юноша с короткой стрижкой. Сабрина узнала его не столько по лицу, сколько по глазам, так хорошо знакомым весёлым голубым глазам. Она одна видела в них тоску, скрытую за непреодолимой стеной нахальства.

— Дэниел, — выдохнула Сабрина. — Мы же договаривались не пересекаться в бою.

— Чёртов Роско, — пробормотала Роуз. — Он использовал ту же тактику, что и мы.

— Только, как видишь, успешно.

— Я видела, как его ребята успели два других отряда поколотить. Как они это делают?

— Я обязательно спрошу, — ответила Сабрина.

Солдаты Дэниела приближались медленно, но неумолимо, подминая под себя встречных, словно некие комбайны смерти. Сабрина не двигалась с места, чувствуя, как вокруг неё образуется пустое пространство — все торопились убраться с пути бойцов Роско. Остановившись перед девушкой, Дэниел махнул рукой, и его ребята построили оцепление вокруг них двоих. Сабрина потёрла тыльной стороной ладони разбитые губы и сказала:

— Не знала, что ты можешь быть настолько хорош.

— Я и сам удивлён, — губы Дэниела растянулись в азартной улыбке. Последние полгода друга Сабрины было не узнать. Его лицо стало другим: острым, будто переполненным углами. Даже

улыбка казалась мёртвой, вымученной, почти обречённой на провал. Сабрина боялась, что пройдёт немного времени, и она окончательно забудет, что Дэниел когда-то был другим. Как бы он ни скрывал боль, получалось не очень. Уж слишком давно она его знала. — Не хочешь подраться?

— Мы договорились, что не пересечёмся на экзамене. Но, раз так, можешь начинать, — сказала Сабрина, чувствуя, как изо рта снова течёт кровь. — Только потом не плачь, что тебя побила девчонка.

— Поверь, мне будет намного больнее, чем тебе, — усмехнулся Дэниел и принял боевую стойку.

Сабрина знала, что Дэниел в основном обучался ножевому бою, уделяя мало времени рукопашным приёмам. Несомненно, громадный просчёт с его стороны. Однако он всё же превосходил её в природной силе и выносливости. Мысленно девушка поблагодарила всех своих учителей. Для семнадцати лет Сабрина выучила слишком много способов убить живого человека — мамино наследство брало своё.

— Ну что, принцесса, начнём? — произнёс Дэниел и ухмыльнулся. Он прекрасно знал, как Сабрина ненавидит, когда её называют принцессой — и всё равно продолжал. Девушка атаковала. Совершив несколько обманных манёвров, она ускорилась, зашла Дэниелу за спину и нанесла первый удар между лопаток, тут же замедлившись — нужно было экономить ресурсы тела. Он даже не успел сообразить, что произошло. Выгнувшись и плашмя рухнув на пол, Дэниел засмеялся и подмигнул подруге:

— Отлично, отлично! — резким рывком он перекатился вперёд. — Используешь все преимущества, как нас и учили. А как насчёт такого?

Через мгновение он оказался прямо перед Сабриной. Его кулак вонзился ей в солнечное сплетение, а каблук сапога разбил колено. Девушка заорала от боли, отпрыгнула назад и повторно ускорилась. Теперь оба офицера оказались на равных. В висках у Сабрины стучала кровь, в то время как сердце грозило выскочить из грудной клетки. «Нельзя злоупотреблять ускорением», — подумала она. Как раз в этот момент Дэниел снова атаковал.

Перехватив кулак противника, Сабрина потянула парня на себя и использовала его же силу против него самого. Дэниел неловко кувыркнулся и растянулся на полу. Сабрина попыталась пнуть его в грудную клетку, но её подошва нашла только пол — враг успел убраться в сторону. С лица Дэниела не исчезла ухмылка, в то время как Сабрина чувствовала, как ухудшается её состояние. Колено сильно ныло, не хватало воздуха, голова

начинала кружиться. Надо заканчивать как можно быстрее, иначе она просто свалится без сил и проиграет дуэль.

Дэниел набросился на неё, его резкие удары чуть-чуть не доставали девушку. Он опаздывал буквально на мгновение. Сабрина чувствовала, что такой натиск ей долго сдерживать не по зубам и попыталась контратаковать. Удар в печень, в сердце, в шею и лицо. Послышался хруст, Дэниел откинулся назад, из сломанного носа брызнула кровь. Громко харкнув, парень отступил, зажимая лицо ладонью. Сабрина остановилась, пытаясь отдышаться. У неё был шанс добить Дэниела, но она хотела быть уверенной до конца, что может это сделать. Роско убрал руку и сплюнул.

— Умничка, — почти пропел он. — Тренировалась даже когда прогуливала занятия…

— Я внучка короля. Преимущества меня окружают, — с победной улыбкой произнесла Сабрина, ловя воздух. — Тебе бы тоже не помешала дюжина персональных тренеров.

Дэниел пожал плечами и снова нахально подмигнул:

— Меня научили только базовым вещам. И их хватит, чтобы надрать твою прелестную попку.

Подняв кулаки, он начал серию ударов. Сабрина с лёгкостью уклонялась от них, будто у неё открылось второе дыхание. Ей хотелось смеяться и плакать. Мышцы рук и ног горели огнём, но от этого Сабрине становилось только лучше. В этот момент она с невероятной чёткостью поняла, что была рождена для боя.

Закончив молотить воздух, Дэниел попытался отступить, но поскользнулся и растянулся на полу. Усмехнувшись, Сабрина прижала его горло коленом и начала душить. Из глотки парня вырывались вскрики и всхлипы, он поднял руку, пытаясь дотянуться до девушки. Схватив Дэниела за кисть, Сабрина произнесла:

— Поверь, мне будет намного больнее, чем тебе, — и ударила кулаком ему в локоть. Раздался противный хруст, и рука парня переломилась словно игрушечная. Издав подавленный стон, подросток потерял сознание. Подчинённые Дэниела тут же зашептались. Сабрина поднялась на ноги и закричала:

— Ну что, кто хочет попробовать следующим, а?!

Ответом ей служила тишина. Сабрина смотрела на сосредоточенные злые лица и гадала, что же будет дальше. Её кулаки сжимались и разжимались сами собой. Один из бойцов вышел вперёд и присел на колено:

— Я покоряюсь вам, принцесса.

Солдаты взглянули друг на друга. Девушка почти физически чувствовала раздирающие их сомнения.

— Он предупредил нас, что такое может случиться, — произнёс покорившийся подросток. — Он приказал оставить принцессу в покое, если проиграет. Что вы стоите? Ну же!

Тихо ворча себе под нос, люди Дэниела преклоняли колено и повторяли:

— Я покоряюсь вам, принцесса.

И лишь один после этого произнёс:

— Побила баба, офигеть…

Прозвенел гонг. Экзамен кончился. Дерущиеся тут же опустили кулаки и остановились, переводя дух. Раздались отдельные ликующие вопли. Расталкивая людей Дэниела, Роуз подбежала к Сабрине, подняла её на руки и как бешеная начала повторять:

— Мы пережили крещение! Сабрина, мы остались на ногах! Мы продержались!

К Дэниелу подтянулась бригада медиков и кинула его на носилки. Сабрина подошла к Роско, погладила его липкий от крови лоб и, улыбнувшись, произнесла:

— Увидимся на обеде, дурачок.

Радостные крики прервал противный звук включаемого микрофона, от которого у Сабрины заболели оставшиеся зубы.

— Солдаты! — прогремел маршал. — Каждый из вас, кто сейчас стоит, получает высшую оценку за сегодняшний экзамен. Поздравляю вас с десятой годовщиной Дня Победы! Отдыхайте, молитесь и помните — вы лучшие из лучших. Армия про вас не забудет. Но не обольщайтесь. Ваше обучение только начинается.

Медики начали вовсю хлопотать вокруг кадетов. Дав сёстрам милосердия обработать раны и ссадины, а также наложить лангетки и бинты, Роуз и Сабрина опустились на деревянные скамейки и уставились на картину прошедшего побоища.

— Их девиз — «В Академии все равны», — пробормотала Роуз, взяв у медика лёд в пакете и приложив к синяку. — Но видимо, некоторые просто равнее других.

— Хорош бурчать, дура, — беззаботно ответила Сабрина. — Все равны, пока их учат. Когда начинается драка, остаётся сильнейший. Мы остались. Они нет. Вот и всё, что нужно знать.

Выдержав паузу, Роуз кивнула:

— Да, чёрт возьми, ты права. Только это и важно. Пусть остальные лузеры стирают каблуки о плац, пока мы будем шиковать в Королевской гвардии. Или куда нас там отправят?

— Скорее всего за стены Города. Давно хотела увидеть, как выглядит Вне, — сказала Сабрина, забирая у подруги лёд. — Да и кто позволит пустой голове вроде тебя охранять моего деда, а? Генштаб полон идиотов, и Штрауд — худший из них, но даже они

не настолько глупы.

— Ой-ой-ой, — ответила Роуз, играючи стукнув командиршу по плечу. — Небось, себе место хочешь пригреть, змея ты королевская? Будешь сидеть у дедушки на коленке и нашёптывать ему желания на ушко?

— Я постараюсь прибиться к матери, — ответила Сабрина, сразу став серьёзной. — Я хочу сделать карьеру в армии.

— Естественно, — хмыкнула Роуз. — Не за гражданством ты в Академию поступила, принцесса.

— Ой, ну хватит. Ты сама знаешь, какая у меня мама. Ну вот, я хотела бы стать круче неё, — Сабрина запнулась. — Правда, не знаю, получится ли это.

Роуз разразилась хрюкающим смехом.

— Я до сих пор не могу поверить, что дочь самой Воительницы Аноры такая рефлексирующая дура.

Сабрина отвесила Роуз звонкий подзатыльник и притворно вздохнула:

— Иногда я удивляюсь, почему вообще с тобой дружу.

— Потому что я большая, сильная и сломаю любого, кто тебя хоть пальцем тронет, подруга, — проворковала Роуз.

К ним подошёл медик.

— Зубы на месте? — строго спросил он. Сабрина и Роуз синхронно раскрыли рты. — Ага, понятно. Держите. Ткнёте острым концом. — И раздал им имплантаты зубов. Девушки торопливо вставили их, поморщившись, когда искусственные нервы начали засверливаться в дёсны. Подумать только, всего десять лет назад ничего подобного и быть не могло. Спасибо войне с сааксцами, что принесла им столько новых вещичек.

— Кадеты! Слушай мою команду! Построиться! — зычный голос командора Кирстена перекрыл стоявший в тренировочном зале гомон. Не прошло и десяти секунд, как солдаты построились в четыре шеренги. Сабрина встала перед Роуз — больше никто из отряда принцессы испытания не выдержал.

Кирстен напоминал огромного, тщательного выбритого бойцовского пса. Квадратный подбородок, серые глаза, борозды шрамов да толстенная шея в две головы Сабрины — командор будто бы родился с внешностью строевого инструктора, и был он им до мозга костей. Смущали лишь его руки — тонкие, аккуратные как у музыканта пальцы совсем не вязались с образом беспощадного воина, прошедшего огонь и воду.

Оглядев строй, Кирстен позволил себе приподнять уголок рта. Давно принцесса не видела его таким довольным.

— Неплохо, ребзя, неплохо. Вижу, я всё-таки сумел вас чему-то научить. Маршал прав. Вы больше не сволочи и не гниды. Вы

— солдаты. И теперь я буду относиться к вам соответствующе. Налево! В столовую шагом марш! Кандидаты в офицеры! Не разбивайте моё любящее сердце, давайте сегодня без ошибок!

В тот момент, когда Сабрина проходила мимо, Кирстен рыкнул:

— Кандидат Лоренс, ко мне!

Выполнив все положенные приёмы, Сабрина встала перед командором, заложив руки за спину.

— Весьма неплохой бой, — сказал Кирстен.

У Сабрины от неожиданности дёрнулось веко.

— Для бабы, — добавил командор. Принцесса тут же успокоилась. Кирстен снова в своём репертуаре. В памяти возникли первые два курса. На тренировках командор бил её длинной тонкой палкой, пинал и орал, что если она не отожмётся сто пятьдесят раз, то её маленькая симпатичная жопа вылетит из Академии быстрее, чем пуля из винтовки. Требования к офицерам всегда были строже, чем к рядовым, но Кирстен доводил это правило до безумия. Кандидаты в офицеры под его обучением проходили все круги ада, прежде чем получить возможность командовать своим отрядом. Неудачники и слабаки выбывали с такой скоростью, что их еле успевали увозить обратно в Приюты.

Сабрина позволила себе некоторую гордость. Она одна из немногих, кто не только пережил курс Кирстена, но и экзамен Аноры.

— Какого хрена ты лыбишься, кандидат? — прорычал командор.

— Сэр, кандидат рада похвале, сэр! — отчеканила Сабрина в ответ.

— А не стоило бы. Ты отличный боец, но никудышный офицер. Потерять почти весь отряд? Это плохо, это обосраться как нехорошо, — командор ткнул тонким пальцем в лицо Сабрине. — Я ожидал от тебя большего, Лоренс. Ты должна стать лучше.

Как же её достала эта фраза!

— Сэр, кандидат делала всё возможное, сэр!

— Если ты будешь так же делать в бою, то проще тебя застрелить прямо сейчас, — Кирстен навис над ней, словно возмездие Господне. — Роско хоть и говнюк, но я тридцать раз проголосую за его улыбчивую рожу, чем за тебя. Офицер должен отвечать за своих людей. Ты растеряла всех. Я уж не говорю про идеологическую неграмотность. Ни один, повторяюсь, ни один солдат до тебя так плохо не сдавал предметы по религии! Аристократы могут себе позволить плевать на Освободителя, а солдаты — нет. Чтобы выжить, мы должны становиться лучше. В окопах нет неверующих. Запомни это. А впрочем, неважно. Что я

тут бисер метаю. Дальше охранной роты тебе всё равно не уйти.

Кулаки за спиной Сабрины сами сжимались и разжимались. «Это несправедливо», — думала она. Что он несёт, чёрт возьми? Она сдала экзамен! Она почти выпустилась из Академии! И уж точно её, внучку короля, никто не удержит в какой-то занюханной охранке.

— Сэр, разрешите возразить, сэр.

— Что?

— Я думаю, что вы меня недооцениваете, — Сабрина отбросила все формальности. Он хочет поговорить по-мужски — так пусть получит. — Я думаю, что заслуживаю большего, чем любой из ваших драгоценных кандидатов. До конца курса из девушек-кадетов дошла только треть, из них всего десяток офицеров. И кто из них сегодня остался на ногах?

Кирстен молчал.

— При всём уважении, я лучше их, и не боюсь этого признать. Так что ни в какую сраную охранку вы меня не загоните. Пусть все остальные, как вы выражаетесь, «бабы», служат в армии и сидят в охранных ротах ради гражданства. Я собираюсь перевернуть всю вашу систему. Как и моя мать до меня. И уж точно отсутствие веры никак не влияет на мои способности. Так что…

— Ты прямо как твоя мама, — оборвал Сабрину Кирстен. Мышцы его лица натянулись, будто бы слова причиняли командору боль. — Она говорила то же самое. У нас было достаточно двинутых офицеров, но твоя мама была хуже всех. Она не солдат, она Воительница. Слышала о зверствах в деревнях, о геноциде мирных жителей? Её рук дело.

— Почему… почему вы говорите это именно сейчас?

— Завтра меня уже не будет рядом, кандидат, — командор отвёл взгляд, будто хотел избежать глаз Сабрины. — А ты должна быть готова. Ты, как никто другой, должна быть готова.

— Расскажите. Расскажите всё, — попросила Сабрина.

— Я не люблю об этом говорить.

— Никто не любит, — убеждённо ответила принцесса. Анора вообще не делилась с дочерью воспоминаниями о тех временах, лишь грустно улыбалась и меняла тему разговора.

— Она не человек, а зверь. Тебе сложно понять. И не надо. Мой тебе совет, не иди её дорогой. В лучшем случае, это убьёт тебя. В худшем — ты станешь страшнее Аноры.

— Я и подумать не могла… — прошептала Сабрина.

Сабрина не решалась заговорить. Всё резко изменилось. Всё, что она знала, перевернулось с ног на голову. «Этот путь», — подумала она. Нет, конечно нет, она никогда не пойдёт на

преступление ради карьеры.

— Командор Кирстен, — всё же сказала принцесса, — я прошу прощения за своё поведение, сэр. Я… я просто хочу быть хорошим солдатом. Никто не верит в женщин. Я хочу доказать, что женщина-солдат не хуже мужчины. Разрешите идти?

— Разрешаю, — отозвался Кирстен.

Разговор оставил у неё смешанное впечатление. «Моя мама — военный преступник». Сабрина не хотела даже думать об этом. Она гнала мысль прочь из своей головы, старалась сосредоточиться на чём-то другом.

Но самое странное было то, что после всего сказанного, её решимость стать солдатом нисколько не пошатнулась, а лишь стала ещё крепче.

* * *

Роуз ждала её у раздевалки.

— Что ты тут делаешь? — спросила Сабрина.

— Сегодня День Победы, сеструха, — ответила Роуз. — На дисциплину все забили, даже офицеры. Так что я разрешила себе отбиться от отряда. Не то, чтобы кроме меня в нём кто-то остался. Давай быстрее, жрать уже охота. Может в честь праздника хоть что-то съедобное дадут?

— Я мигом.

Переодевшись и быстренько приняв душ, Сабрина присоединилась к Роуз, и девушки двинулись по длинным петляющим коридорам, мимо тренировочных залов, классов для теоретических занятий, стрельбищ и аудиторий с виртуальными тренажёрами.

— Я тут слышала, что твоя сестра попала в Эдем, — слегка прихрамывая, заметила Сабрина. Лангетка идеально покрыла её колено и начала заживляющий процесс. Девушка ничего не чувствовала уже тогда, когда её наложили. «Если бы не она, разговор с Кирстеном вышел бы неловкий», — подумала Сабрина.

Эти штуки появились десять лет назад, сразу после войны с сааксцами, во время которой учёные жрецы Первого Города успели получить достаточно человеческого материала для экспериментов. Как только бои закончились, церковь одарила жителей новыми изобретениями, среди которых самыми главными стали аугментические конечности и лангетки, благодаря которым любое ранение и переломы становились несущественными. Буквально десять минут — и носитель переставал замечать неудобства, мог сражаться и действовать в

полную силу, пока устройство занималось лечением.

— Да, недавно получила от неё видеописьмо по Сети, — отозвалась Роуз. — Она довольная такая, звёздам радуется. — Задумавшись, Роуз добавила. — Сука.

— Хотела бы оказаться на её месте?

— А ты разве нет?! Настоящая еда, постоянные курсы омоложения, открытое небо над головой, свежий воздух. А ещё там Освободитель бродит, сестра даже с ним поговорить успела. После этой беседы ей сразу всё в жизни стало ясно, ага. Но хрен с ней. Она сказала, что во Вне леса растут. И реки текут. Огромные такие объёмы воды — и они там находятся просто так, в них купаться можно и плавать. Чем она всё это заслужила?

— Молитвами и пожертвованиями церкви, — пожала плечами Сабрина. — А чем же ещё?

— Да нет, она в церковь не ходила. Я знаю, что она работала клерком в банке у Семьи Торесов. Сказала, что её за какое-то «мышление» забрали. Это как мне нужно думать, чтобы меня тоже взяли?

— Возвышенно и оптимистично, Роузи, возвышенно и оптимистично.

— Нет, ну правда, — бубнила Роуз. — Мама и папа застряли в Приюте, она же сумела оплатить гражданство, а я вот в армию сразу, лишь бы спину не гнуть. И теперь она в Эдеме, а мне от пуль ещё прятаться. Это разве справедливо? Скажи, принцесса!

— Я найду тебе тёплое место поближе к Трону, обещаю, — серьёзно сказала Сабрина. — Ты только не ной.

Проходя мимо залов, Сабрина заметила толпы новых рекрутов. Последний день выпускного курса — первый день для новоприбывших. Принцесса порыскала глазами.

В толпе первокурсниц стояла Елизавета. Ей, как и Сабрине, достались от матери длинные тёмные волосы и ярко-зелёные глаза. Только в отличие от старшей сестры Елизавета предпочитала держать волосы распущенными. «Но это до тех пор, пока не начнутся тренировки», — подумала Сабрина. Инструктор Майлз в это время ходил перед строем, махал рукой с зажатым в ней ножом и вещал:

— Это, мальчики и девочки, самое страшное оружие, когда-либо изобретённое человечеством. Кусок остро заточенной стали, которой можно дырявить людей и заставлять их умирать. Всё очень просто, тупо и элегантно, ничего знать не нужно, просто подходишь и бьёшь! Эй ты, белобрысая, а ну-ка иди сюда! Возьми этот нож! Да, чёрт возьми, я к тебе обращаюсь, гнида, вперёд! Да как ты идёшь, едрить твою налево! Что, в твоём Приюте не обучали, как надо маршировать?! Да конечно! Ты, небось, пришла

сюда, надеясь на халяву получить гражданство, да, мразь? Вот хрен тебе жирный с маслом. Только говнюки хотят получить всё на халяву, а такие в моей любимой пехоте не задерживаются. Я заставлю вас работать! Вы у меня ещё пожалеете, что не остались на заводах, выкупать себе свободу! Вы у меня станете лучше и ближе к совершенству! Так, подойди сюда! Возьми нож! А теперь убей меня!

Через секунду безымянная девочка-рекрут валялась на полу. Сабрина следила за Елизаветой. Глаза юной первокурсницы расширились от ужаса, ладонь прикрывала рот. Воспоминания о знакомстве с Академией наплыли на Сабрину. Тогда инструктор выбрал какого-то парня, и пощады ему не было. Вот уж тебе и половое равенство.

Но Сабрине было проще, намного проще. Она готовилась стать солдатом чуть ли ни с детства. Елизавета из другого теста. Она поёт словно ангел, её лёгкости в танце позавидует и пушинка, а уж рисунки её иначе как волшебством назвать нельзя.

«Вот только художниц, певичек да танцовщиц и так полно, — подумала Сабрина. — В отличие от женщин-солдат».

Елизавета осознанно сделала выбор. Она сама попросилась в Академию. Сабрина могла лишь надеяться, что сестра выдержит испытания, а не просто так похоронит остальные таланты.

— Ну что, мы идём? — поинтересовалась Роуз. Сабрина показала на Елизавету.

— Хочу её дождаться.

И они дождались. Как только тренировка первокурсников закончилась, и их строем отправили в столовую, Роуз и Сабрина решили продолжить прерванный путь.

В столовой стоял жуткий шум, туда-сюда носились юные кадеты с горящими глазами. Казалось, все они состоят из одних позолоченных аксельбантов — из-за Дня Победы аскетичный наряд Сабрины сильно выделялся среди празднующих студентов. Как Роуз и сказала, все просто плюнули на дисциплину и рассаживались так, как хотели. Для выпускников это было заслуженным отдыхом, а для перваков — мягкой ступенькой акклиматизации.

Сабрина краем глаза заметила среди толпы Елизавету, одетую в столь же простую форму без всяких украшений. Вокруг Лизы стояли её одногруппницы и задавали девочке какие-то вопросы. Та отвечала нехотя и с настолько несчастным видом, что, казалось, сейчас заплачет.

— Прости-ка, — сказала Сабрина Роуз и начала прорываться к сестре. Соперничество между рекрутами было краеугольным камнем Академии, его альфой и омегой. «Только в постоянной

борьбе может родиться сильнейший», — повторял раз за разом командор Кирстен, отвешивая нерадивым кадетам воспитательные оплеухи. Проблема Елизаветы состояла в том, что в ней не было ни капельки силы. Если Сабрина уже в начале первого курса сумела совладать со всеми своими одногруппниками, и умудрилась даже наладить более-менее дружеские отношения с Дэниелом Роско, Елизавета предпочла оставаться в тени и давать себя в обиду.

— Мне срочно нужно поговорить с Лизой, — произнесла Сабрина, врываясь в тесный круг первокурсниц и хватая сестрёнку за руку. Со всех сторон послышались крики возмущения, но девушке было не до этого. Вытащив Елизавету из толпы, она посадила её за стол, где сестёр уже ждали Роуз и Реджинальд Кински. Сама Сабрина направилась к раздаточному пункту. Надежды на праздничный обед развеялись сразу же: утилизатор выплюнул ей в тарелку зелёную жижу — ага, сегодня суп.

Во Дворце у дедушки была оранжерея, в которой росли настоящие фрукты и овощи, а также работали специально обученные люди, которые звались поварами. Они занимались тем, что готовили блюда из синтетических ингредиентов, напечатанных утилизатором, или же из плодов оранжереи. Насколько Сабрине было известно, любая более-менее крупная Семья имела у себя настоящие сады. Пусть едой из утилизатора, приправленной всякими специями, питаются действующие граждане. Сабрина никак не могла дождаться возвращения во Дворец. Хотелось снова насладиться нормальной едой, а не объедаться армейской пародией на питательные вещества. Осталось потерпеть совсем чуть-чуть.

Поставив себе на поднос чашку с порошковым соком, Сабрина вернулась к столу. Елизавета, красная как мундир королевского гвардейца, уставилась вниз. К груди она прижимала сложенную шахматную доску, причём, так сильно, что побелели костяшки. Её очки запотели. «Всё-таки не сдержалась и заплакала», — расстроенно подумала Сабрина. И тут же одёрнула себя. «Ей нужны эти моменты, чтобы стать сильнее. Пусть плачет».

Присев рядом с сестрой, она произнесла ровным голосом:

— Что они у тебя спрашивали?

— Я выходила из раздевалки и оставила шкафчик открытым, — срывающимся голосом ответила Елизавета. — А внутри была икона Отца. Я её нарисовала.

«Проклятье. Почему именно в День Победы?»

— И что же случилось? — смягчившись, спросила Сабрина,

пытаясь разжать пальцы Елизаветы и освободить шахматы. Вопрос, когда же Елизавета начала интересоваться религией сааксцев, висел на краю сознанию, но сейчас было не время его задавать.

— Они её нашли. Сначала начали смеяться, а потом расспрашивать, для чего она.

— И что ты им рассказала?

— Правду.

Сабрина тяжело вздохнула:

— Сколько я тебе говорила, милая: что правда для тебя необязательно будет тем же для другого человека. Важно то, как ты это подашь, — убрав с лица сестры упавшую прядь волос, Сабрина аккуратно взяла Елизавету за подбородок и подняла её лицо. — Процитируй всё то, что ты сказала.

— Я сказала… я сказала, что Отец смотрит за всеми. Он оценивает поступки, что мы совершаем во время жизни и, когда приходит пора умирать, самые чистые отправятся греться в его тепле, а осквернённые будут навечно заключены в преисподней.

— Я не буду спрашивать, почему ты рисуешь иконы Отца, но тебе стоит меньше думать про эту саакскую чушь, — подал голос Реджинальд, захлопнув лежащую перед собой книгу. — Тем более, если это калька с Божьего Порядка. Синегубые в чём-то правы, Бог-Отец существует, это верно. Но есть ещё и Бог-Сын, которым стал Кастус Дрейк, когда построил Первый Город. Но саакская мразь отрицает божественность Освободителя. Им претит наше стремление становиться лучше. Всё говорят, что Дрейк — Антихрист, и не может зваться Сыном. А Святой Дух, насколько нам известно, у сааксцев вообще отсутствует.

— Спасибо за лекцию, — буркнула Сабрина. — Я-то как раз религиоведение пропускаю.

— Елизавета, похоже, следует твоему примеру, — заметил Реджинальд. — Серьёзно, я здесь единственный, кто хоть чуточку интересуется Божьим Порядком? Аристократам, вижу, законы Господа не писаны?

— Кстати об аристократах, Реджи, — хихикнула Роуз, — а где твой патрон? Неужто ещё не очнулся?

Реджинальд тут же стушевался. Небольшого роста и слабой комплекции, Кински внушал благоговение каждому кадету Академии. Все знали, что маленький прыщавый пятнадцатилетний третьекурсник с сальными волосами переломает кости любому засранцу, посмевшему вякнуть что-то в его сторону. Управу он не мог найти только на Роуз, в которую, как считала Сабрина, тайно был влюблён. Роуз, как и Сабрине, уже стукнуло семнадцать, они были старше всех на четвёртом

курсе, поэтому Реджи должен был понимать, что шансов у него никаких. Оказался он в их компании потому, что вечно таскался рядом с Дэниелом, и напоминал не друга, а телохранителя. Может, Кински втайне надеялся на покровительство Роско в будущем. Впрочем, то же могло относиться к Роуз и Сабрине.

Из-за несчастного случая на тренировке с зажигательными гранатами Реджи лишился зрения. Обожжённую часть лица Кински прикрывал непроницаемыми чёрными очками. Медцентр предоставил кадету бесплатные протезы глаз, но они казались настолько пугающе фальшивыми, что Сабрина не очень-то хотела видеть взгляд Реджи.

— Говорят, ты славно его отмутузила, — обратился Реджинальд к принцессе. — Стоило заходить так далеко?

Сабрина пожала плечами:

— Он сам начал. Я и не думала драться с ним.

Кински тяжело кивнул. Сабрина была уверена, что на Роуз он старался не смотреть, хоть его взгляда никто и не видел. Потом, повернувшись к Елизавете, продолжил тираду:

— Пожалуйста, не верь во всякую хрень, которую рассказывают синегубые голодранцы, живущие в пустыне и жрущие собственные экскременты. Хорошо?

— Во-первых, Реджи, после окончания войны мы обязуемся называть «синегубых голодранцев» сааксцами, — заметила Сабрина. — Во-вторых, большинство из них живёт в джунглях. И, в-третьих, технически мы тоже едим собственные экскременты. Смотри-ка, хоть в чём-то я умнее тебя.

— Есть огромная разница между тем, чтобы жрать своё дерьмо, и расщеплять продукты жизнедеятельности на атомы, чтобы затем использовать их для создания готовой к употреблению еды, — тут же педантично парировал Кински, поправив чёрные очки. С его волос посыпалась перхоть. — Как бы там ни было, Лиз, ты хоть знаешь основные постулаты их религии? Табу? Ты представляешь себе, что, по мнению этих говнюков, люди, имеющие аугментические протезы, отправятся в ад? То есть любой солдат, проливавший кровь во имя сохранности Первого Города и потерявший конечность на войне, будет гореть в дьявольских котлах всю оставшуюся бесконечность. Это же оскорбительно, чёрт возьми.

— Полегче, Реджи, — вмешалась Сабрина. — Она же ещё почти дитя. Послушай, Лиззи, скажи мне их имена, и я сделаю так, чтобы они больше к тебе не приставали, хорошо?

Елизавета отчаянно замотала головой. «Отличный знак, — с некоторым облегчением подумала Сабрина. — У сестрёнки всё-таки есть хоть какая-то гордость».

— Почему ты не хочешь моей помощи? Собираешься справиться с ними сама?

— Я не помню их имён, — пробормотала Елизавета.

«Приехали».

— То есть ты хочешь сказать, — стиснув зубы, сказала Сабрина, — что ещё даже не познакомилась с ними?

— Я усмотрел среди них Веру из Дома Сигурд, — раздался голос за спиной Сабрины. Девушка обернулась и увидела Грегори, тащившего под руку Дэниела. Из-под светлых вихров пятнадцатилетнего третьекурсника весело взирали на мир горящие серые глаза, тонкие, почти что женские губы растянулись в наглой улыбке. — Седоволосая такая, с вздёрнутым носом. Та ещё сука. Судя по всему, она у них заводила. Ещё была Ромита Кармайн и Солейл Фортескью.

— Почему ты не помог сестре? — холодно спросила Сабрина. Грегори аккуратно усадил Дэниела за стол, погладил бакенбарды, которыми так гордился, и сказал:

— Я не вмешиваюсь в разборки тринадцатилетних соплячек. Будто мне больше заняться нечем! И вообще, сестрёнка, я тащил твоего… нет, нашего друга, сюда.

— Спасибо, что помог, — произнёс Дэниел, растянув губы в улыбке. Кинув на Сабрину хитроватый взгляд, он послал ей воздушный поцелуй. — Ты хороший друг. И не слушай старшую сестру, от её «советов» потом бока болят.

Сабрина поймала себя на том, что с непреодолимой нежностью рассматривает синяки, которые оставила на лице Дэниела. Последнее время, когда Роско находился рядом, ей всё меньше и меньше удавалось себя контролировать. Сабрина отдала бы всё ради спокойной минутки, без чужих глаз, которую провела бы в крепких объятиях Дэниела. Он притягивал её как магнит железо, и принцесса начала побаиваться, что когда-нибудь не сможет сопротивляться.

Поймав её взгляд, Роско покраснел под синяками и начал фальшиво насвистывать.

— Да не благодари, — сказал Грегори, не обращая ни на кого внимания. — Ох, кишки Освободителя, как же жрать-то хочется.

— Попрошу больше не богохульствовать, — укоризненно заметил Реджи, махнув рукой в сторону Грегори. Хоть они и были одного возраста, Реджи казался бесконечно умнее брата Сабрины. — В конце концов, у нас за столом первокурсница, которая ничего не знает ни о Божьем Порядке, ни о вере в Отца. Дурной пример подаёшь. А вы, господа четверокурсники, подумайте о проблемах Елизаветы, а не о себе. Вы сами когда-то были такими.

— Хорошая речь, Реджи, — заметила Роуз. — Ещё бы ты на Отца так откровенно не срал, вообще была бы прекрасная. Ну и если бы помылся перед этим.

Реджи смущённо кашлянул, погладив сальные волосы. Прыщи загорелись алыми фонариками.

— Мы можем рассказать родителям девочек, что они над внучкой короля издеваются. Вот потеха будет, — сказал Грегори, с аппетитом уплетая зелёный «суп» и громко чавкая.

— Хуже придумать не мог? — оборвала брата Сабрина. — Кто будет слушать, как ябедничает внук короля? Лиззи должна сама дать им понять, кто здесь главный. Но… раз она не хочет помощи, сменим тему. — Повернувшись к сестре, девушка проворковала: — Скоро уже звонок, иди в кабинет. Но перед этим, будь добра, приведи себя в порядок. Не позволяй им видеть себя такой. И да, зря ты принесла шахматы, всё равно не успеем доиграть ту партию. Ты запомнила, где были какие фигуры?

— У меня в коммуникаторе фотка лежит, — тихо сказала Елизавета и, предвосхищая вопрос сестры, добавила: — В тот раз ты была за белых.

Сабрина кивнула.

— Надо окончательно закрепить их за собой, постоянно забываю, кем играла.

— Люблю играть за белых. Всегда нападаешь первой, — сказала Роуз. Елизавета робко засмеялась и засеменила в сторону туалетов. Дэниел хмыкнул:

— Принцесса, может не стоит её так опекать?

— Может и не стоит, — сказала Сабрина. — Но пока она не готова учиться, кто-то должен её защищать. Ну что, и нам пора идти.

Кадеты потихоньку рассасывались из столовой и, разбившись на мелкие группки, строем направлялись на занятия. Грегори и Реджи еле успели к своим, Роуз отправилась в медчасть, проведать остальных членов отряда Сабрины. Дэниела и принцессу, как офицеров, ждала последняя лекция по истории.

— Неудобно вышло, — усмехаясь, произнёс Дэниел, когда шаги остальных кадетов стихли.

Сабрина остановила друга, положив ему руку на плечо. Кисть задрожала, и девушка поспешила её убрать — одно прикосновение вызвала в ней такую волну эмоций, что она даже начала запинаться.

— Из-з-звини. Мне не стоило драться с тобой, — девушка взглянула на лангетку, покрывающую руку парня. — Ты ведь скоро поправишься?

— Нет, это ты меня извини, — улыбнулся Дэниел. В его

голубых глазах на секунду промелькнула неизбывная тоска. — Я позволил гордыне взять над собой верх. Я подставил нашу дружбу под удар. И я прошу у тебя прощения. Такого больше не повторится. Ну что, принцесса, мир?

— Ещё какой, — ухмыльнувшись, Сабрина ткнула Дэниела пальцем в бок. — Ты дерёшься как девчонка.

Дэниел закатил глаза в притворном раздражении:

— Отец мне то же самое говорит. Идём, а то опоздаем.

Дэниел развернулся на каблуках и направился к кабинету. Сабрина тяжело выдохнула. Куда делся тот жизнерадостный паренёк, жаждавший знаний и славы? Казалось, всё его нынешнее поведение было лишь пародией, карикатурой на старого Роско. Будто он играл роль развесёлого юнца, а не был собой. Она ещё помнила, как буквально полгода назад Дэниел с энтузиазмом рассказывал, что отец дал ему целый отряд солдат и позволил с ними идти на подмогу полиции, бандитов валить. После первого же рейда вернулся другой человек. Яркие голубые глаза, будто излучавшие лунный свет, потухли, оставив лишь печаль и тьму, силившиеся казаться весельем и нахальством. В чертах лица Дэниела засела бездна смерти, которую уже оттуда никак не вычерпать. Сабрина чувствовала, как теряет друга.

Обиднее всего, что она любила Дэниела даже таким, вот только Роско об этом не знал.

* * *

Сабрина пыталась не уснуть: и всё же рухнула головой на сложенные руки — усталость после боевого экзамена брала своё. Урок военной истории вёл профессор Корр — самый скучный преподаватель всей Военной Академии. Говорил он тихо, монотонно, с придыханием, постоянно шевелил усами и делал такие длинные паузы, что студенты часто забывали, о чём вообще была речь. В День Победы на уроке истории могла обсуждаться только Саакская кампания — или же Вторая Священная Война, как её называли в официальных хрониках. Сабрине более чем хватило сентенций Кирстена, да и она бы предпочла ещё раз послушать о Первой Войне Домов, о восстании Карциусов или хотя бы об Освобождении. Но междоусобицы Семей интриговали принцессу больше, чем дела пятисотлетней давности.

Мама любила повторять, что Первая Война Домов изменила всё. Без неё Синдикат был бы совсем другим. Церковь металась между участниками, сомневаясь, кому отдать предпочтение; днями и ночами противники обвиняли друг друга в колдовстве,

пойманных пленниц сжигали как ведьм. Постоянные стычки дружин, грабёж мирных жителей, массовые казни. Старый Город тогда затопило кровью. Но эта война закончилась больше четырёхсот лет назад, а сегодня был День Победы над сааксцами. Сабрина подняла голову, но её продолжало смаривать. К этому моменту максимум, что она могла сделать — это не захрапеть на весь кабинет.

Она проснулась, когда Корр поймал Патрицию Кляйн за просмотром «Сердца Освободителя» с коммуникатора.

— Вы можете идти. Я вас не задерживаю, — произнёс преподаватель. Патриция подняла на него скептический взгляд и осталась сидеть. Она, как и все кандидаты в офицеры в этом классе, выпускалась. Никто из выпускников в ближайшем будущем не увидит Корра. Крещение кровью позади, кадеты просолились и жаждали отдыха. Корр же был известен как самый безобидный инструктор, поэтому поведение Патриции у Сабрины удивления не вызвало.

Корр горестно пожал плечами.

— Всего-то десять лет назад эти ваши коммуникаторы использовались Эдемом для обмена тактической и стратегической информацией. Синдикат даже не надеялся заполучить технологию их производства. А сейчас вы используете их для просмотра фильмов. Ладно, понимаю ещё, если бы вы смотрели что-нибудь действительно интересное. Но здесь и так всё очевидно — Кастус Дрейк станет Освободителем, построит Эдем и принесёт себя в жертву, чтобы стать оком Первого Города. Что тут может быть нового?

— Лично я его из-за Шона Кейна смотрела, сэр, — ответила Патриция. — Что вы о нём думаете?

— Шон Кейн? Помилуйте меня, это худший актёр нашего поколения.

— Зато красивый. Кто лучше него смог бы сыграть Освободителя?

— Джека или Кастуса Дрейка? — вдруг спросил Корр.

— А в чём разница? — спросила Сабрина. Корр усмехнулся.

— Вот и вылезло ваше невежество, мисс Лоренс. Аристократы выше изучения религии, да? Божий Порядок утверждает, что Бог-Сын существует в двух ипостасях. Но только один из них стал Освободителем.

— Про Кастуса Дрейка не было ни слова. По фильму Освободителем был Джек, — ответила Патриция. Аудитория тут же недовольно заныла:

— Спасибо за спойлеры, Кляйн!

— Отличная работа, просто отличная! Я ещё не смотрел,

блин!

— Сами же говорили, что там смотреть нечего! — огрызнулась Патриция.

Качая головой, Корр прошёл мимо Дэниела, не сводящего взгляда с доски.

— Эх, молодость. Поверить не могу, что мы выпускаем таких офицеров. Вы ведь вообще ничего не знаете о войне. Птенцы неоперившиеся. Как мне вас отпускать?..

Повернувшись к Дэниелу, учитель изрёк:

— Только ты и готов, Роско. По взгляду вижу, ты уже успел кое-чего повидать.

Дэниел не ответил, и Корр продолжил.

— Завтра вы отправитесь по своим частям, продолжать обучение. А я останусь здесь и буду молиться, чтобы как можно меньше из вас погибло.

Корр поник, а затем снова повернулся к Дэниелу.

— А я ведь служил с твоим дядей.

Сабрина разлепила глаза и с интересом уставилась на преподавателя.

— Прошу прощения, сэр? — промолвил Дэниел ледяным тоном.

— Кажется, его звали Джошуа?..

— Моего отца зовут Джошуа, — ответил Дэниел. — А вы говорите про дядю Дэвида.

— Эх, Роско, все вы так похожи — уж и забываю, кого как зовут… Мы вместе с ним участвовали в Саакской кампании.

«Ещё одна долгая лекция, прямо как с Кирстеном, — подумала Сабрина. — Сколько времени я знала инструкторов, о войне они не говорили».

А они жаждали поделиться и, будто видя, что кадетам плевать, начали изливать душу в последний день обучения. Предостережения и наущения, торопливо, обрывками, будто извиняясь. Слишком мало и слишком поздно.

— Я тогда ещё был всего лишь военным переводчиком, пытался взломать язык синегубых, — продолжал Корр. — Представляете, до сих пор никому это так и не удалось. У саакского нет постоянной основы. Он меняется, будто синегубые каждый раз изобретают новые правила и слова. Когда с переводами не сложилось, я плюнул на всё и ушёл в десантники.

Дэниел устало провёл ладонью по лицу. Корр, казалось, не заметил этого жеста. Его выправка вдруг стала по-военному строгой, взгляд приобрёл стальной оттенок, даже абсурдные усы преобразились во что-то угрожающее.

— Орлы! Настоящие сорвиголовы! Но круче Джейсона Клэя

не было никого. Жаль, с полётами внутри Города не сложилось. Топлива хватало буквально на полчаса, да и для управления ранцем требовалась куча тренировок. Эдем одолжил схемы ручных пулемётов, но возникла новая проблема — боеприпасы эти малышки жрали как жирный ребёнок конфеты. Синдикат даже сейчас не может нормально использовать десантников в боевых операциях — слишком мало рекрутов постигают хотя бы азы вертикального боя.

Корр вздохнул:

— Десять лет. Как же быстро летит время. Прошла будто целая эпоха. А ведь тогда мы ещё думали, что ещё чуть-чуть — и все жители покинут стены Города, вздохнут полной грудью и увидят, наконец, настоящее небо вместо потолка Уровня. Но не срослось.

Инструктор сокрушённо покачал головой:

— Всё казалось таким большим снаружи. И неправильным. Шутка ли — я сначала подумал, что упаду в небо, если буду слишком долго на него смотреть. А потом началось. Во всех материалах говорят, что самым тяжёлым временем были первые четыре месяца. Мол, и джунгли мешали, и на ловушки вечно напарывались. Изнурительные марш-броски сквозь непроглядную зелень. Но всё это брехня полная, скажу я вам. Ну да, продвигались мы вглубь Союза, конечно, со скоростью улиток. Но когда начались бои за столичную область, я начал скучать по первым месяцам. Сааксцы бросали все силы, чтобы задержать нас в джунглях. В зелени у синегубых было преимущество внезапности. У нас же были Стражи, бомбардировщики, воздушная кавалерия, наконец. Выходцы Первого Города должны были быть самыми продвинутыми во всём мире. Но хрена с два нам техника помогла. Поначалу у нас были принципы. Не убивай того, не трогай этого. Но потом мы прочухали, что так войну не выиграть, и начали просто жечь всё. Уж спасибо Воительнице за это. Ведь что такое война? Политические поводы, идеологии, расовые теории — всё это чушь собачья. Просто группы людей выбирают, с кем они дальше будут жить и какими ресурсами распоряжаться. Всё остальное шелуха. Так что мелочиться? Как по мне, нет ничего лучше, чем сбросить пару тонн взрывчатки, а потом уже брать врагов готовенькими. Так воевали наши предки, а они знали толк в войне. Не то что эти чистоплюи. Наштамповали своих Стражей, отправили их на передовую и думают, что это поможет порвать сааксцев! Синегубые этих Стражей первыми убивать начали, ещё в джунглях. Прятали в зелени свои дурацкие священные зенитки, своими чудными штыками кололи, когда те подлетали. Сразу просекли, что без

надзирателей часть «кузнечиков» просто обосрётся и сбежит.

— Кто, извините? — отозвался из глубины зала один из студентов.

— Пилоты воздушной кавалерии называли десантников «кузнечиками».

— Это почему же?

— Потому что благодаря прыжковым ранцам мы прыгали высоко и подыхали легко, — весомо заметил Корр. — Да, десантники могли парить и прыгать на короткие расстояния, хоть в джунглях это скорее мешало, чем помогало. Зато преследовать удирающего противника по воздуху — непередаваемое удовольствие. Но сааксцы предпочитали ангелочков снимать первыми, чтобы убить наше чувство превосходства. Дошло до того, что Эдем их вообще отозвал на какое-то время. Вот тут-то нас и накрыло круче всего. Всё произошло на восемнадцатом аванпосту. Я, твой дядя Дэвид и остальные ребята из 147-ой десантной роты держали оборону. Хах, легко сказать: «держали оборону». Топливо для ранцев очень быстро кончилось, так что дежурили как обычные солдаты. Днём-то ещё ничего — охраняй себе периметр, внимательно слушай, чтобы в кустах никто не шуршал. Красота. Только солнце уж больно сильно жарит, вечно пить хочется, а чем больше пьёшь, тем сильнее потеешь. Но ночью начиналось веселье. Каждую минуту приходилось осветительные ракеты запускать, устраивать переклички и рыскать фонарями повсюду. А вдруг где синегубый с кинжалом в зубах притаился? Ну да ничего, обещали, что скоро придёт подкрепление, оставалось ждать совсем недолго…

Сабрина с жадностью ловила каждое слово. Бросив быстрый взгляд на Дэниела, она увидела, что тот всё ещё прикрывает лицо руками. «Мог бы хотя бы притвориться, что интересно», — сердито подумала девушка и снова повернулась к преподавателю. Тот, казалось, совершенно забыл о том, что находится в классе, будучи поглощённым безраздельно захватившей его фантазией:

— Мы дождались. Конечно, чёрт возьми, мы дождались! А что ещё нам было делать?! В конце концов, мы были гордыми первенцами, плотью от плоти и кровью от крови Первого Города! Мы не могли просто взять, выйти в ночь и сказать рыскающим в джунглях демонам: «Всё, ребята, баста, мы сдаёмся! Вяжите, пытайте, делайте что хотите, только заберите отсюда!» Нет, мы были упорными сукиными детьми. Мы терпели. Не все, конечно. Были умники, уходившие по ночам в джунгли, пытавшиеся сбежать от навалившегося дерьма. Понятное дело, никто из таких ребят не вернулся. А мы всё ждали. Мы верили, что за нами придут… Всё это случилось за день до того, как прибыли наши.

Всё как обычно — расставили часовых, устроили перекличку, кто-то пошёл спать, кто-то остался стоять на страже. Мне и Дэвиду выпало охранять выход на запад. Каждые несколько минут мы кричали своё имя и номер поста. Мы не поняли, что произошло, пока они не пришли за нами. В какой-то момент мы с Дэвидом просто обернулись и увидели их — кучу синегубых головорезов. И все без глаз. Слепцы, худые как скелеты, одетые в лохмотья и измазанные кровью наших мёртвых товарищей. Слепцы, что сумели перерезать весь наш лагерь, все сто пятнадцать человек, из которых сорок стояло на страже, при этом успевая откликаться вместо убитых! Я не верю в колдовство, в конце концов, эти времена мы уже пережили. Но иначе как рукой зла это нельзя было объяснить. Дэвид… да, Дэвид тогда не выдержал. Я помню, как он засмеялся тогда — резким скрипучим смехом. Потом упал на колени перед ними, не переставая смеяться, вытащил нож и…

— … проколол себе глаза.

Сабрина вздрогнула от неожиданности. Дэниел поднялся с места, сжав кулаки.

— Проколол глаза. Подтянул к себе ближайшего убитого, отрезал от него кусок и начал есть. Поэтому его сейчас и называют «каннибал Дэвид».

Преподаватель внимательно воззрился на друга Сабрины:

— Твой дядя спас меня. Я не сразу заметил, но он увидел. Этими безглазыми были наши друзья, ушедшие в джунгли. Их поймали синегубые и «просветили». Видишь ли, они считали, что раз мы не хотим видеть и слышать доводов, то глаза и уши нам не нужны. И наших бедолаг их лишили. А потом послали за нами. Дэвид понял, что если ничего не сделать, погибнем мы оба. И решил пожертвовать собой.

— Тем самым доказав, что он еретик. Предатель Божьего Порядка, — слова Дэниела были сухими и жёсткими, как наждачная бумага.

— Так и есть. Но он спас меня, Дэниел, — мягко ответил Корр. — То, что он сделал…

— Прошу прощения, — перебил его Роско и вышел из класса, грохоча подкованными сапогами.

Корр оглядел притихшую аудиторию. Выходка Дэниела произвела на многих неизгладимое впечатление.

— Я, конечно, наглая, но это совсем уже за рамки, — произнесла в возникшей тишине Патриция.

Корр пожал плечами и сказал:

— Что же, ребята, полагаю, на этом урок можно считать оконченным. Отпразднуйте сегодняшний день достойно и поблагодарите своих родителей, что они были стойкими в те

времена. Главное — ничего не бойтесь.

Сделав паузу, Корр добавил:

— И попытайтесь остаться людьми.

Сабрина быстро побросала лежавшие на столе инструменты в сумку и выбежала из класса. По пути она натолкнулась на Роуз:

— Будь добра, закинь в мой шкафчик, — сказала принцесса, передав подруге свои вещи. Встретившись с укоряющим взглядом Роуз, девушка пожала плечами. — Я бы сама всё сделала, но мне кажется, что Дэниел сходит с ума. Надо с ним поговорить.

Роуз тяжело кивнула и закинула вторую сумку на плечо. Сабрина, обогнав её, побежала по коридору к лестнице. Сердце пулемётом стучало в груди, а тело неслось быстрее ветра. Нужно было перехватить Дэниела, развернуть и посмотреть в его дурацкие красивые глаза. «Что же с тобой случилось, дурачок?»

Внимание Сабрины привлёк шорох в тёмном углу. Ступая как можно мягче, она обошла лестницу и натолкнулась на Кирстена в расхристанном на груди мундире.

В руке командор держал флягу, от которой несло ядрёным алкоголем. Подняв мутный взор на Сабрину, Кирстен попытался спрятать пойло за спину.

— А, Лоренс! — с фальшивым весельем воскликнул он. — Что ты здесь делаешь?

— Я ищу Роско, сэр, — Сабрина тактично отвела взгляд. — Вы его не видели?

— Он наверх побежал, да с такой скоростью, будто там второе пришествие Освободителя будет, — Кирстен засмеялся. — Ты торопишься, кандидат?

Сабрине хотелось броситься вслед за Дэниелом, но по взгляду Кирстена поняла, что «да» будет неправильным ответом. Командор вдруг показался ей совсем прозрачным, простым и одновременно очень близким. Кирстен выглядел как человек, которому отчаянно нужен собеседник. Сабрина покачала головой, и командор благодарно кивнул. Закинув голову, он приложился к фляге. Пил командор профессионально, жадно делал глоток за глотком, словно страдающий от жажды путник.

Или зверь, не напившийся крови.

Сабрина терпеливо ждала, наблюдая, как двигается кадык на шее Кирстена. Отлипнув от фляги, командор заговорил:

— Ты завтра уйдёшь в мир. А я останусь здесь. Господи… Что же я делаю?

— Всё в порядке, сэр, — искренне ответила Сабрина. — Я никому не скажу.

Кирстен благодарно улыбнулся. В его глазах застыла невысказанная мысль, затем он отвернулся и заговорил:

— Я медик по образованию. Не солдат, и никогда не думал, что им стану. Но тогда же всех студентов Медцентра загребли на фронт. И я попал к ней. К твоей матери.

Кирстен устало потёр глаза и убрал флягу. Пошатываясь, он подошёл к Сабрине и резко дыхнул на неё. Принцесса лишь зажмурилась, не сдвинувшись с места. Командор улыбнулся и продолжил:

— Мы ходили с Анорой зачищать джунгли. Не имея ни карты местности, ни нормальных ориентиров: лишь стволы, жратва, да боеприпасы. И когда начиналась стрельба, только Анора не теряла хладнокровия. В этом смысле её экзамен гениален. Это чувство беспомощности, когда абсолютно всё выходит из-под контроля — его надо испытать. Отсюда и рукопашка. Хотел я быть таким же безжалостным, как она, но сейчас понимаю — не смог бы. Я всё-таки врач.

Командор вдруг рассмеялся.

— Я спать-то нормально всего месяц назад начал. Не доверял гипнотическому внушению, а потом плюнул. Подумал, что я теряю? И намного проще стало. А вот Анора… Боюсь представить, что в её голове творится. К концу войны она, конечно, размякла. Пощадила защитников Караса. И знаешь, зря. Я не сторонник жёстких методов, но они готовы были умереть за Отца. Видишь эти шрамы? Я их получил потому, что сааксцы верили в своего Бога до конца, а мы нет. А на войне полумеры просто опасны.

— Сааксцы ведь были бездумными фанатиками, — ответила Сабрина, желая поддержать разговор. — Какой толк от таких солдат?

— Дело не в бездумности. Они верили, а потому отдавались войне — и выживали. Мы полагались на себя — и погибали. Я так же забивал себе голову лишними мыслями, пока не понял, как всё просто. Всё в Его руках. И жизнь, и смерть. — Взгляд Кирстена стал кристально чистым, и Сабрина по-настоящему испугалась. — Сааксцы считали себя правыми и убивали без лишних промедлений. А мы взвешивали и анализировали каждый шаг, думали о гуманности. Если бы больше наших парней просто сражалось за Освободителя, без лишних мыслей, мы бы победили с меньшими потерями. Мы должны были стать животными. Мы должны были деградировать, чтобы стать лучше. Воительница знала это и взяла кампанию в свои руки. Мы бы так и продолжили терять людей, если бы не она. После всего, я всё-таки ей благодарен. Твоя мама понимала, что это за война и готова была рвать врага до последней капли крови, без пощады. Но в итоге не смогла довести дело до конца, когда оставалось совсем чуть-чуть. Я её не виню. Никто из нас не винит.

Кирстен посмотрел на руки, будто не узнавал их.

— Знаешь, что твоя мама как-то сказала нам? — Он растягивал слова, будто готов был запеть. — «Женщинам не место на войне».

— Я не верю, — тихо сказала Сабрина.

— Так и было. Я же говорю! Сегодня дело уже не в силе, достаточно пары имплантатов — и всё окей. Но тогда их нужно устанавливать всем девкам. Эволюционная прошивка, Лоренс! Мужики инстинктивно будут защищать женщину, какой бы крутой она ни была. Воительница доказала нам это. Каждый из нас был готов умереть за неё. Представь себе, каждый. Если бы её не стало… хуже того, если бы её схватили сааксцы, убили, изнасиловали, сделали из неё показательный пример — представь, как бы это ударило по морали. К убитым парням быстро привыкаешь. К женщинам… Нет, мы не готовы к абсолютному равенству, что бы мы из себя ни строили. Чем дальше женщины от фронта, тем спокойнее. Всем.

Сабрина огляделась. Других кадетов не было видно. Хорошо, может ещё удастся избежать скандала.

— Сэр? Сэр, я думаю, вам лучше вернуться к себе. Вам нужно отдохнуть.

Кирстен поднял слезящийся взгляд на девушку. В его глазах рождалось что-то страшное.

— Я ведь любил её, Сабрина, — сказал он заикающимся голосом. — Любил её. Ты ещё не родилась, а я уже хотел быть с ней. У нас бы всё получилось! Чёрт, да я мог бы быть твоим отцом! Но она выбрала этого придурка Дерека Ноттингема. Почему? Почему?! Я спрашиваю! Отвечай!

Сабрина размахнулась и дала командору пощёчину. Тот помотал головой, сделал два шага назад и огляделся, будто вспомнил, где находится. Уставившись на Сабрину, он буркнул:

— Что стоишь, кандидат?

— Ничего, сэр. Иду наверх.

— Ну, так иди, куда шла, — пробормотал Кирстен и, придерживаясь за стену, двинулся к офицерскому корпусу. «Надеюсь, у него остались таблетки от опьянения, — подумала Сабрина и двинулась на четвёртый этаж. — С чего такая откровенность? Или я так напомнила ему маму? Хотя, какая разница. Нужно найти Дэниела».

Как принцесса и предполагала, тот отирался возле двери на крышу.

— Хочешь заглянуть наверх? — поинтересовался он, потирая лангетку. — В честь старых времён?

Сабрина не стала возражать.

Крыша с площадкой для прогулок казалась пережитком прошлого, странным атавизмом, назначение которой Сабрина никак не могла постичь. Возможно когда-то, когда человечество ещё постоянно видело над собой небо, в подобном был смысл. Когда можно было гулять, вдыхая свежий воздух. Когда на весь город была пара небоскрёбов, а остальные здания ютились у их оснований. Сейчас многоэтажки по пять сотен метров с огромными неоновыми рекламами занимали одну шестую часть Уровня. Выше была только Башня Правосудия. Дома по тридцать-сорок этажей на их фоне казались букашками. Одни здания постепенно переходили в другие, не прерываясь и постоянно ветвясь. Стоящие отдельно дома были больше капризной прихотью богатых хозяев. Мама говорила: «Хочешь крепкую оборону? Строй город как форт!» Конечно, не ей ведь ездить кругами, пытаясь добраться до работы в час пик. Зато экстренным службам такая планировка только помогала — в каждом жилом блоке обязательно был филиал Медцентра с парой дюжин врачей-профессионалов, а также все бытовые инстанции, вроде ремонта утилизаторов.

Сабрине Четвёртый Уровень всегда казался одной большой многоэтажкой — с умственно отсталыми братьями на окраинах. На крыше небольшого дома могла быть футбольная площадка, которая соединялась с зданием повыше. То, в свою очередь, в качестве венца имело кафе или небольшой искусственный парк. И так далее, и так далее. В самом низу располагались дороги и магистрали для автомобилей. Люди почти не ходили по улицам, предпочитая путешествовать по мостикам от здания к зданию. Совсем маленькие здания чаще заселяли окраины.

Сабрина вздохнула. Как жили предки без монорельса и автомобилей, если даже с ними приходится долго возиться? Использовать вертолёты, оставшиеся с войны, оказались очень плохой идеей. Ладно бы ещё криворукие пилоты, норовящие влететь в жилое здание. Старый Город вообще не был рассчитан на воздушный транспорт — потолок на это недвусмысленно намекал. Да и у вертолётов была дурная привычка сдувать людей, пролетая мимо мостов. В общем, не выгорело.

Вся надежда на фабрику Гефеста — может её инженеры смогут что-то сообразить или выпросить у Эдема. Тем более, самолёты и вертолёты для войны подарили именно хозяева рая.

Сабрина иногда думала, как так всё получилось. Книги Библиотеки вещали о других временах. Когда чудеса технологий валялись чуть ли не на каждом шагу, когда человек имел всё, что только пожелает. Но случилась война. Люди были вынуждены скрыться в Городе. Из остатков чудес они отгрохали Эдем и

медленно начали регрессировать. Тем не менее, сколько Сабрина помнила, Старый Город всегда был громким, шумным и ярким, словно артист в последнем турне перед пенсией. Такого трудно назвать отсталым — консервативным разве что. Люди не ходили по одному, а плыли потоками. Машины ревели, надрывая двигатели и кашляя ядовитым дымом, который тут же высасывался системами вентиляции Города. Иногда всякие чудики запускали в воздух летающие фонари, остававшиеся под потолком багровыми точками. Энтузиасты часто расстреливали их из дальнобойных винтовок, от скуки или азарта. Дэниел называл это место живописной помойкой. Сабрина называла его домом.

Юноша воздел вверх правую руку, широко расставив пальцы. Со стороны казалось, будто он пытается поймать свет круглых ламп под потолком Уровня. Роско произнёс:

— Мой отец сказал, что принц Уильям давно не появлялся при дворе. Что с ним?

Сабрина вздохнула.

— Мы старались держать это в секрете. Мой дядя исчез. Мать из-за этого последнее время сама не своя. Мы и так редко с ней встречались, а теперь совсем не видимся.

— Хорошо, наверное, когда у тебя есть мать, — странным тоном протянул Дэниел, продолжая смотреть вверх сквозь пальцы. — Я свою совсем не помню. От неё даже фотографий не осталось.

Сабрина напряглась.

— Ты никогда о ней раньше не говорил.

— Отец сказал, что она ушла почти сразу, как родила меня, — продолжал Дэниел как ни в чём не бывало. — Моей кормилицей была тётя Полли, сестра отца. Год назад она погибла в автокатастрофе вместе с сыновьями, а отец даже не потрудился прийти на похороны. Она умерла и про неё все забыли, будто её и не существовало. Забыли все, кроме меня.

— Дэниел, нам надо с тобой поговорить, — настойчиво произнесла Сабрина.

— А мы разве сейчас не говорим? — юноша резко развернулся и подмигнул девушке.

— Ты стал… другим. Сильно другим. Что за муха тебя укусила? — девушка выдавила нервный смешок.

— Сабрина, как люди могут постоянно умирать, если Эдем обещает бессмертие? — Дэниел сжал кулак. Казалось, он совсем не слышал принцессу.

— Бессмертие нужно заслужить.

Дэниел невесело усмехнулся.

— В детстве я хотел стать инженером. Тетя Полли специально завела у себя дома филиал Библиотеки, лишь бы я что-то читал. Подумай — всего-то десять лет назад ничего этого не было. Ни коммуникаторов, ни лангеток, ни нормальной аугментики. Технологии дарил Эдем, а за это мы готовы были ноги лизать. Война нас спасла, а не своя голова. Мудаки из группы 838 людей до смерти мучили, чтобы Синдикат потом встал на ноги. А я тогда ничего не знал. Листал страницы, смотрел картинки и думал, как стану инженером. Буду на фабрике Гефеста работать, нести свет технологий в невежественный мир.

Роско опустил глаза.

— А потом загремел в Академию.

— Дэниел, я… — начала Сабрина, вспомнив, как отмутузила друга, но Роско поднял ладонь и остановил её.

— Не заморачивайся. Результаты экзамена для меня пустой звук. Это не больше, чем игра. Отец хочет сделать из меня солдата, сама знаешь. Достойного наследника Дома Роско. Я смутно, но понимаю его. Вот только полностью следовать его воле? Да ну, бред. Пару-тройку лет отслужу, пока он не поймёт, какой из меня паршивый офицер, а затем пойду, наконец, своей дорогой.

— Паршивый офицер? — засмеялась Сабрина. — Да у тебя одни из самых высоких показателей в Академии! Я сплю и вижу, как бы тебя нагнать!

— Да ты просто слишком муштруешь своих девчат, — Дэниел улыбнулся как кот, нализавшийся молока. — Я своим сказал: тренируемся три раза. Больше просто нет смысла. Они должны сами рваться заслужить хорошие места. Что же мне ещё, заставлять их? А, принцесса?

— И то правда, — кивнула Сабрина.

— Я считаю, что выбор мы должны делать свободно. Не под давлением. Без обид, но твой дед всё делает не так. Служить короне мне кажется преступлением.

— Какой ты нежный мальчик, — прыснула Сабрина.

— Посмотри сама — людям дают не выбор, а иллюзию выбора. Либо ты вкалываешь годы в Приюте и получаешь гражданство, либо идёшь в солдаты. Мне это всё претит. Извини, принцесса, но армия не для меня.

— Но как же твоё обещание? — чуть не вскричала Сабрина. Её вдруг затрясло от страха разлуки. Если Дэниел уйдёт из армии, они могут больше не пересечься. В Вооружённых Силах шансы остаться рядом были намного выше. Только присутствие Роско сделало её дни в Академии такими приятными. — Год назад, на этой крыше, ты сказал, что не бросишь Академию. Что

мы друзья до конца и не разбежимся, даже если нас распределят в разные места. Ты не можешь так поступить… я…

— Сабрина, речь о другом. Академия — просто игра. Но не армия. Там и убить могут. А я просто… чёрт, я просто боюсь умереть. Мне не стыдно признаться. Мне нужно попасть в Эдем. Я не хочу быть забытым всеми, когда мои вещи и тело сунут в утилизатор.

Как никогда Дэниел показался принцессе беззащитным. Она хотела броситься к нему и, наконец, рассказать о своих чувствах. Но не могла. Не имела права подвести их дружбу. Да и что скажет мать? Что скажут остальные? Она принцесса, её впереди ждёт успешное замужество. Брак с Роско не принесёт никакой выгоды — они и так верны короне.

— У тебя ещё есть все шансы. Если уж сестра Роуз достигла Эдема, то чем ты хуже?

— Надеяться на лотерею не в моём вкусе.

— Тогда докажи, что ты достоин! — Сабрина начала сердиться. Меланхоличное настроение парня определённо действовало ей на нервы. И ей очень, очень не хотелось отпускать Роско. — Да забудь ты об Эдеме! Мы вышли во Вне. Мы снова развиваемся.

— Мы растём вширь, а не вверх, — с лёгкой горечью промолвил Дэниел. — Мне не нужно Вне. Я хочу постичь чистоту Откровения. Я хочу полностью окунуться в этот поток энергии и никогда его не покидать. Я хочу стать бессмертным.

Сабрина незаметно посмотрела на друга. Юноша устремил свой взгляд вдаль, словно пытаясь рассмотреть скрытый за зданиями горизонт.

— Это будет сложно, учитывая твоих родственников, — заметила Сабрина. — Церковь не захочет иметь дел с близкими еретиков.

— Достаточно одной паршивой овцы, чтобы испортить репутацию всего стада. — Дэниел вздохнул. — Роско всегда были цепными псами короны. Мы раз за разом доказывали ей свою верность…

— К чему ты ведёшь?

— Может, когда ты станешь королевой, сможешь для меня что-нибудь сделать?

— Это не моё дело, — отрезала Сабрина, но тут же смягчилась. Посмотрев Дэниелу в глаза, она почувствовала, как для него важен её ответ. — И потом, сам знаешь, наши отношения будут регулироваться кучей дебильных правил. Если церковь не собирается тебя подпускать, то ты должен простить дядю. Нет смысла ненавидеть его. В конце концов, он наверняка действовал

из лучших побуждений…

Лицо юноши искривила злая, саркастичная ухмылка:

— Если бы он проколол себе глаза и попробовал мясо мертвеца, чтобы спасти сослуживца, я бы ничего не имел против. Но Корр не стал ведь рассказывать всю правду, верно? По его словам, дядя пожертвовал только зрением и репутацией. Но ведь помощь прибыла не сразу. Корра оставили, потому что дядя ушёл с теми подонками. Солдаты нашли его только через полгода, в небольшой саакской деревне, когда Карас уже взяли, а наши уходили домой. Синегубые там сочувствовали партизанам, помогали им едой, предоставляли новых бойцов — всё ради победы Союза, который уже успел проиграть. Так получилось, что один из солдат натолкнулся на старую хибарку, где держали пшеницу. Там он нашёл моего дядю. Сааксцы сразу же защебетали, что это местный слепой пьяница, чудила, не стоит на него обращать внимания.

— Но ведь саакский язык так никто и не сумел расшифровать?

— Отец всегда говорил, что эти сукины дети научились нашему языку за какую-то пару месяцев.

— Что же, значит, твоего дядю взяли в плен, — сказала Сабрина, но Дэниел отчаянно замотал головой.

— Дядя сам подошёл к солдату и начал доказывать, что он всего лишь заложил чутка за воротник, вот и всё. Но тот увидел, что у «пьяницы» не саакские черты лица, и вызвал командира. Синегубые пересрались и начали стрельбу. В итоге, нашим пришлось вырезать всю деревню. Говорят, что когда дядю затаскивали в вертолёт, он плакал и вырывался. Сабрина, он до сих пор не поставил себе замену глаза. Он вообще отказался от аугментики. А знаешь почему? Да потому что их долбаная религия запрещает осквернять себя машинами! Это же противоречие Божьему Порядку — и, тем не менее, мы приняли не только дядю, но и сааксцев в наше общество. Всё совсем не так должно быть.

— Не мы это выбирали, — попробовала возразить Сабрина. — Эдем принял решение за нас. Если бы у моего деда спросили, что делать, он бы ответил: «Вырезать их всех». Король недоволен нынешней ситуацией так же, как ты, но не может пойти против воли Эдема.

— Синдикат и Эдем… — произнёс Дэниел. — Не можем существовать друг без друга, но не можем и спокойно жить друг с другом.

— Может быть, это временная мера. Нужно дождаться, когда сааксцы окончательно примут наш стиль жизни, чтобы ими

можно было спокойно управлять.

Сабрина встала, отряхнулась и махнула рукой в сторону двери:

— Как бы там ни было, сегодня День Победы. Я хочу отпраздновать его на полную катушку.

Дэниел не сдвинулся с места. Тогда Сабрина пустила в ход свой главный козырь. Взяв Роско за воротник, она притянула парня к себе, закрыла глаза, и поцеловала. Его разбитые губы отдавали железом и кровью, и девушке это нравилось. Её сердце заколотилось как бешеное. Взяв ладонь парня, она положила её себе на грудь. Плевать на правила. Плевать на чужое мнение. Принцесса перестала себя контролировать. И ощущение свободы было прекрасным.

— Давай, — прошептала она. — Вперёд. Пожалуйста. Я хочу этого.

Через секунду она почувствовала, как Дэниел её отталкивает.

— Что ты делаешь? — шикнула на него Сабрина, но взгляд Дэниела сказал всё.

— Я не могу этого позволить, — мягко произнёс Роско. — Ты — принцесса, я — твой цепной пёс. Это единственные отношения, на которые способны наши Семьи.

Размахнувшись, Сабрина попыталась вмазать Дэниелу, но тот перехватил её кулак, разжал и притянул к себе.

— Ты сама знаешь, что я прав.

Сабрина хотела оттолкнуть его, но ей было слишком тепло в объятиях. Хотелось, чтобы это ощущение продолжалось вечно. Всё же, она нашла в себе силы выдавить:

— Ты даже не хочешь попытаться? Так боишься за свою репутацию?

— Нет. Боюсь за тебя.

Сабрина посмотрела парню в глаза. Маска спала. Роско источал одну лишь боль и тоску.

— Извини, принцесса, — на его лице возникла очередная неживая улыбка. — Старого Дэниела уже не вернуть.

«Всего полгода назад ты бы был согласен на всё. Но не теперь».

— Это всё из-за карательного отряда? — спросила Сабрина.

Роско молча кивнул. Принцесса представила, как ей придётся убивать людей. Она так рвалась стать солдатом, заслужить уважение в глазах матери, что позабыла о главном — ей придётся отбросить человечность.

— Всё… всё образуется, — она погладила Роско по голове. Еле удерживаясь от слёз, она добавила: — Поверь мне. Время ещё есть. Может, ты даже успеешь отрастить обратно кудри, которые я

так любила.

— Если прикажешь, — ответил Дэниел и взгляд его потеплел. Сабрина улыбнулась в ответ.

«У нас с тобой ещё есть шанс, дурачок», — подумала девушка.

Неожиданно зазвонил коммуникатор. Щёлкнув кнопками на передней панели, Сабрина вывела трёхмерное изображение в пространство над циферблатом. Маленькое чудо: её модель превосходила по параметрам любые другие коммуникаторы. Даже у самых толстых денежных мешков такого не было. Для их моделей разговор в реальном времени, прерываемый помехами, становился пределом. Сабрина же наслаждалась возможностью видеть собеседника, проецируя его изображение в виде трёхмерной голограммы. Кроме её коммуникатора и коммуникатора матери на такое были способны только стационарные терминалы.

Через пару секунд помех перед Сабриной возникло взволнованное лицо Воительницы Аноры.

— Сабрина? Сабрина, ты меня слышишь? — на заднем плане стоял странный треск. Сабрина не могла найти его источник.

— Да, слышу! Что случилось?! — ответила принцесса. Всплыли в памяти слова Кирстена о матери, а следом полезли страх и неловкость. Но сейчас явно не время обсуждать прошлое.

— Сабрина, малышка, извини, что не позвонила раньше. Я хотела… — изображение затряслось, женщина прикрыла лоб рукой и пригнулась, покинув пределы проецирования. В кадр попал стоящий спиной солдат, стреляющий из винтовки. Сабрина затряслась.

— Мама! Мама, что с тобой? Где ты находишься? Что происходит?

— Сабрина, хватай Елизавету и Грегори, идите к Пятнадцатому Сектору и спускайтесь на Пятый Уровень!

— На Пятый Уровень? Мама, что ты говоришь?!

— Дочка, просто сделай, как я прошу! — голос матери перекрыло стаккато выстрелов. — Я потом расскажу тебе всё! И помни: я люблю тебя!

— Леди Анора! — на заднем плане заорал солдат. — Быстрее сюда, у нас раненые!

Передача прервалась. Сабрину охватил холод. Она посмотрела на Дэниела. Несколько секунд девушка не могла вымолвить и слова.

— Возьми себя в руки, — произнёс Дэниел. Происходящее его будто совсем не смутило. — Она сказала тебе забрать сестру? Так беги и найди её!

— Пятнадцатый Сектор, — прошептала Сабрина. — Это же площадь Освобождения! Но там нет технических ходов!

— Я за преподавателями, — оборвал её мысль Роско, открыл дверь и побежал вниз. Сабрина бросилась следом. Тут-то её и настиг первый взрыв.

Пол вздрогнул под ногами так сильно, что она не удержалась и упала. За первым последовал второй, за вторым третий — и так до десятого. Казалось, грохоту не будет конца. Сабрина закричала, пытаясь перекрыть надвигающийся на неё гул, но он не прекращался. Всё оборвалось так же внезапно, как и началось.

Кричали люди, выли сирены, несколько зданий горели. «Как же так, — думала Сабрина. Это всё сон. Всё это не реально. Почему… почему так влажно?» Посмотрев вниз, девушка поняла, что обмочилась.

Прошло, наверное, две или три минуты, прежде чем она пришла в себя. Ей хотелось сесть, обхватить колени руками и зарыдать от происходящего. Тренировки с оружием, занятия по тактике, стратегии и рукопашному бою не готовили её к всепоглощающей реальности момента, когда жизнь и смерть разделяет тончайшая грань. Казалось, даже воздух давил на неё.

Вот что сломало Дэниела.

Эта мысль мгновенно поставила всё на место. Вскочив, Сабрина дёрнула на себя дверь, чуть ли не скатилась по лестнице и побежала в сторону класса Елизаветы, расталкивая паникующих кадетов. Но до того как она успела достигнуть первого пролёта, над головами раздался зычный голос командора Кирстена:

— Всем оставаться на своих местах! Построиться по отрядам! Кандидаты, ко мне!

У Сабрины словно сработал рефлекс на повиновение командам. Она немедленно двинулась к Кирстену, позабыв об испорченной одежде. Рядом с командором словно из тени вырос Дэниел.

— В нескольких Секторах прогремели взрывы, — сказал он. Сдвинув брови, Дэниел продолжил. — Нас отправляют на помощь войскам. Это была не просто террористическая атака. Сабрина, началась война.

3. Звёзды просыпаются в полночь

«При любых невзгодах люди ищут поводы закрыть на всё глаза. Трудно заставить себя смириться с фактами, начать действовать. Не говорить, не искать виноватых, а просто работать на достижение цели. Может именно поэтому последствия стали такими катастрофичными. Мы слишком долго считали себя неуязвимыми. Никто ни к чему не был готов. Нас могло спасти только чудо.

Но спасла собственная халатность»

Анна Пирс, «Точка отсчёта»

22 мая, 541 год после Освобождения

Змеи охватили его со всех сторон, холодные, мерзкие — и при этом бесконечно родные. Тайрек купался в них, утопал, чувствуя, как яд струится по венам. Любой, кто укусит его, умрёт сам. Тьма давила, угрожала, умоляла о пощаде, но Тайрека её увещевания не волновали. Из тьмы возникла Анора в белом кителе, заляпанном каплями крови.

— Ты предал меня, — сказала она, и в глазах её сверкнули изумрудные пули. Тайрек хотел возразить, сказать, что не присягал ей на верность, но Воительница рассыпалась, развеялась в тумане, оставив после себя лишь пепел. Стоило Тайреку открыть рот, как змеи зашипели и начали вползать внутрь. И когда сааксец приготовился погибнуть, появился отец, держа в руке голову матери.

— Остановись, — произнёс он. Из отрубленной шеи мамы капали слёзы, и Тайрек понял, что отныне всё будет напрасно.

* * *

Часы показывали семь двадцать пять утра. Тайрек помотал головой, пытаясь сбросить захватившую его дрожь. Обычный сон.

Ничего больше.

На пустой половине кровати покоилась записка от Элли. Всего два слова: «До скорого».

Тайрек кивнул. Рано или поздно, это должно было случиться. Из его с Элли лексикона исчезло слово «мы».

Он вспомнил Келлу. Её тёплую улыбку, чарующие глаза, то, как она выговаривала «Тайрррррек». И тут же задушил в себе сожаления.

Поднявшись с кровати, сааксец начал одеваться. Настал день, когда он спустит в унитаз комфорт мирной жизни.

Он не торопился. Приготовил себе горячий завтрак из купленных втридорога натуральных продуктов, побрился, умылся. Хорошенько помолотил висящую у стены грушу, чувствуя, как воют мышцы.

У него было достаточно времени, чтобы подготовиться. Тайрек представил, будто приставил к голове Синдиката пистолет и готовится нажать на спуск. Он наслаждался этим моментом, смаковал его со всех сторон. Закончив разбивать кулаки, Тайрек даже дал себе передохнуть. Сыворотка изменила его. Он не представлял, что в ней, но самочувствие улучшилось в разы.

Его тело будто пробудилось от долгого сна. Пусть физические тренировки и выматывали до предела, зато очистили разум от лишних сомнений. Какая разница, прав он или нет. Первенцы осквернили всё святое, что у него было. И, что хуже всего, из-за них отец стал предателем. Они должны заплатить.

Тайрек вытащил из тумбочки револьвер. Приёмы ближнего боя вспомнились сами, стоило только начать тренировки, зато навыки стрельбы ощутимо заржавели. Гражданство позволяло ему купить оружие для самозащиты, но о чём-то серьёзном оставалось только мечтать. Всё упиралось во время. Будь Тайрек действующим гражданином подольше, продали бы хоть пулемёт. Но времени не было.

Заново стрелять Тайрек учился на тайных полигонах контрабандистов, через которых доставал оружие для восстания. Револьвер купил у них же, чтобы лишний раз не светиться в официальных данных. Через посредников Мира передавала сааксцу список требующегося снаряжения и отправляла на окраины, где Тайрек встречался со своими старыми знакомыми и совершал сделку по самой выгодной цене. Никогда ещё он так не боялся натолкнуться на полицейских или солдат.

От одной мысли о том, сколько раз он мог попасться, Тайрека бросало в дрожь. Но он ничего не мог с собой тогда поделать. Долгое время его жизнь не имела смысла, и только наркотики

освобождали от боли. Теперь же у него появилась настоящая цель, стоящая, чтобы за неё умереть.

Орёл на новой куртке получился особенно угрожающим. Накинув её и засунув револьвер в напечатанную на утилизаторе кобуру, Тайрек выбрался из дома, закрыл дверь на механические замки (магнитным он не доверял) и направился к станции монорельса.

Из глубин памяти сами собой возникли слова. Тайрек почти забыл их, но душа требовала музыки. И сааксец запел:

Дороги, дороги. По дорогам держу я путь.
Тучи, тучи сопровождают нас в пути.
Ветер судьбы согнал нас с родных мест
И дождем лились слезы из наших глаз
От тоски по дому…

Чувство ирреальности не отпускало его. Окружающее казалось размеренным сном, где события не подчиняются логике, а из каждой серьёзной переделки обязательно находится выход. Он не мог поверить, что прошёл весь это путь. Что конец так близок. Коммуникатор пискнул, возвещая, что уже восемь часов утра. Город ещё спал, и улицы не переполняли истеричные толпы празднующих День Победы граждан.

Достигнув ворот станции, Тайрек провёл запястьем над считывателем и расплатился за поездку. Ему нужно было ехать на окраины, где его уже ждал Делмар. Лифт доставил сааксца прямо на платформу, как раз в тот момент, когда уезжал очередной пустой поезд. Успев проскочить, Тайрек опустился на сиденье и нервно огляделся. Непривычно было сидеть одному в большом пустом вагоне. Пытаясь развлечься, он уставился в окно. И чем дольше смотрел на Город, тем сильнее понимал — тот смотрит в ответ.

* * *

— Последняя партия отправлена по указанному адресу, — контрабандист подмигнул. — Всё, как договаривались.

— Что же, Делмар, держи. Ты заслужил, — Тайрек протянул негру конверт с последним кубиком — все сразу отдавать не рискнул. В конце концов, речь шла о довольно крупных суммах. Тут он заметил перекинутый через плечо контрабандиста ремень. — Это ещё что?

Подняв взгляд куда-то в потолок и начав раскачиваться в такт

играющей на первом этаже музыке, негр беззвучно зашевелил губами, будто высчитывая цену.

— Только то, что было в твоём списке, — наконец сказал он и сбросил на пол старый солдатский вещмешок, завязанный серыми тесёмками. Тот оказался довольно увесистым. — Семь револьверов, коробка патронов к ним и чистый блок памяти для Оператора.

— Нахрена? С одной коробкой много не навоюешь. Да и зачем вообще блок памяти?

Делмар покачал головой.

— Они были указаны в самом конце, отдельно от остальных игрушек. С припиской «передать прилизанному придурку».

— Это ты только что придумал.

— Конечно. Но тебе правда стоит сменить причёску.

Забрав мешок, Тайрек вынул листок Платины, данный Мирой.

— У меня осталось совсем немного, — признался Тайрек. — Это ведь не входило в стоимость товара?

— Конечно нет.

— Сколько ты за них хочешь?

Почесав подбородок, негр заявил:

— Пять тысяч.

Тайрек ухмыльнулся.

— За такую цену я себе станковый пулемёт куплю.

— Если только из говна. А этих красавиц перестали производить после войны. Кроме Стрелков ими уже никто не пользуется. Пять тысяч за раритет — достойная цена, как по мне.

Тайрек, чуточку поразмыслив, достал из ботинка старую заначку и передал Делмару. В конце концов, какая разница? Меньше чем через день они всё равно вряд ли ему понадобятся. Делмар улыбнулся, обнажив новенькие имплантаты зубов.

— Старая добрая Платина. Всегда приятно иметь с тобой дело, сааксец. Что же, думаю, мы уже больше не увидимся?

— Если повезёт, — сказал Тайрек.

— Шутник хренов. Что же ты не сказал раньше, что с наркотиков переключишься на оружие?

— Люди меняются, Делмар.

Негр ухмыльнулся и замотал головой.

— Нет, мой хороший, люди всегда остаются теми же самыми. Это мир вокруг них меняется. А я даже рад, что всё так обернулось. Все знают, что я торгую с Синдикатом. Коллеги меня ненавидят за это. Но в жопу их, чистоплюйничать все мастера.

— Хорошего клиента теряешь, Делмар.

— Это Синдикат-то хороший клиент? — контрабандист стал

серьёзным. — Ублюдки извратили всё, за что стоял Освободитель. Свобода стала рабством, равенство — плутократией, прошлое забылось, а веру похоронили с началом войны. Рано или поздно, я бы попытался что-нибудь сделать сам.

— Не знал, что у тебя так болит душа за Город.

— Не за Город, а за людей. Что же, удачи. Обращайся, если ещё что-нибудь будет нужно, — негр подмигнул. — Обеспечу по первому разряду. Естественно, не бесплатно. Становись лучше, сааксец!

Тайрек вышел. Его всегда раздражал Делмар, раздражала обстановка в его клубе, но больше всего его выводили из себя розовые стены VIP-комнаты, в которой делец встречал своих клиентов. С другой стороны, чернокожий гигант был старым и надёжным игроком. Если он и заламывал цену, то всегда было за что. Ни разу Делмар ему не отказал. Экзотические наркотики? Можно. Вина, достойные лучших Семей? Да без проблем! Оружие для свержения режима Синдиката? Раз плюнуть.

Наверняка хитрый ублюдок работал на картель Алой Розы — иначе, откуда бы он всё это достал?

Спускаясь по винтовой лестнице на нижний этаж клуба и корчась от звуковых ударов громкой музыки, Тайрек бросил взгляд на сцену. Там выплясывала молодая стриптизёрша. Вместо ног у неё были стальные протезы. Обычно аугментику маскировали под натуральные конечности, да так, что разница чувствовалась лишь при пальпации, но её ноги выглядели полностью сделанными из металла, шестерней и проводки. Казалось, девушка намеренно демонстрирует их вкупе с наготой, чтобы все увидели, чем она по-настоящему является. Наклонившись, танцовщица подняла со сцены огромную шкуру, набросила себе на плечи и, начав лить на себя шампанское из бутылки, закричала в микрофон: «Это шкура настоящего тигра, суки!»

Тайрек никогда не видел живых тигров. Что важнее всего, никто из ныне живущих никогда не видел живых тигров.

Когда Тайрека только привезли в Город, то первым делом отправили в распределительный пункт. Там он встретил кучу бывших сослуживцев из других отрядов. Всех их долгое время мурыжили, прогоняли по психологам и священникам, чтобы удостовериться, что сааксцы больше не захотят воевать. Затем по программе беженцев подросткам решили предоставить образование и отправили в школу. Там их учили языку первенцев, учили читать и писать на нём, учили складывать в голове сложные числа, а также вдалбливали историю. Объяснили, что Первый Город состоит из Нижних Уровней, Старого Города и

Эдема. Только вот забыли сказать, что Старым Городом управляет не Эдем, а Синдикат. На уроках естествознания Тайрек впервые увидел тигра. Это было странное полосатое животное, полностью покрытое шерстью, с длинным хвостом, жёлтыми глазами и диким оскалом. Несчастная тварь, как и множество других диких зверей, успела вымереть чуть ли не четыреста лет назад — всё же сказались последствия Освобождения.

Кого Делмар и его девочка намеревались убедить таким явным надувательством — неизвестно. С другой стороны, это могло быть просто частью шоу.

Покинув заведение дельца, Тайрек оказался в квартале увеселений. Красные фонари утопили мир в багровых оттенках. Празднующие День Победы над Саакским Союзом пьяницы заполонили всю округу. В алом свете их горящие глаза напоминали маленькие умирающие звёзды. Кто-то безобразно орал «ПЕРВЫЙ ГОРОД — ДЛЯ ПЕРВЕНЦЕВ!», кто-то взрывал хлопушки и пускал салюты.

Жители окраин ненавидели Синдикат, но праздновали День Победы как нечто своё. Что же, каждый хочет почувствовать себя частью чего-то большего.

Тайрек ощутил на себе первые косые взгляды. Надо убираться, пока не поздно. Новая кожаная куртка, как назло, приковывала внимание: на рукава Тайрек нашил выпуклых чёрных змей и не поленился покрыть их настоящей чешуёй. Сааксец даже знать не хотел, откуда Делмар её достал.

Змеи, герб клана Хамид. Больше Тайрек не забудет, кто он и откуда.

Проталкиваясь сквозь толпу и чувствуя ощутимые тычки в спину, Тайрек подмечал взглядом обычных работников окраин. Проститутки захлёбывались от обилия клиентов, а пушеры не успевали пополнять запасы дури. Загляни на окраины чуть глубже, и найдёшь запрещённое десятками конвенций оружие, софт, эмуляторы Операторов для входа в Сеть, запасные органы, незаконные генетические и аугментические модификации, а также нелегальные утилизаторы, из которых можно гнать дешёвые наркотики.

— Тайрек Маут, — звериная морда, отдалённо походящая на тигра, возникла из людской пучины. Вигилант, добровольный хранитель порядка на окраинах. «В такой толпе — и сразу меня вычислил? Не может быть. Если только не преследовал от самого клуба…»

— Откуда ты меня знаешь?

— Будь добр, остановись. Твой путь ошибочен.

— Так что, я не в Центр двигаюсь? — съязвил Тайрек.

Вигилант покачал головой.

— Мы предупреждали. Не жалуйся на последствия. И передай привет Гарри.

— Какому ещё Гарри?

Звериная морда исчезла так же внезапно, как и появилась. Не мешкая, сааксец нырнул в гущу людей, стараясь не оглядываться назад. «Неужели эти придурки знают о плане?»

Ходили слухи, что ребята в звериных масках — все до единого фанатики Освободителя. Что окраины они охраняют из-за веры в план Божий. Но их всегда не хватало. Изредка, когда какая-нибудь банда с особым цинизмом творила беспредел, приезжали чёрные БТРы полицейского спецназа, из них выгружались бравые ребята в экзоскелетах и с помощью тяжёлых пулемётов разносили к чёртовой матери всю округу, находили бедных ублюдков и без особых церемоний казнили их на месте.

Теперь они решили остановить восстание? «Да чёрта с два».

Выбравшись из кашляющего квартала красных фонарей, Тайрек остановился передохнуть. Взгляд его как всегда потянулся вверх. В километре над ним значился потолок Четвёртого уровня, который в свою очередь служил полом для уровня Третьего. Светосферы только-только начали разгораться в полную силу. «Во Вне сейчас вовсю пышет солнце», — подумал Тайрек. Он боялся себе признаться, но тепла солнечных лучей ему не хватало больше всего.

Горизонт перекрывали небоскрёбы Центра. Среди них особняком стояла Башня Правосудия, будто очерчивая себя от грехов окружающих. Синдикат застраивал Центр так плотно, будто за каждый свободный метр короля били по яйцам. Когда-то Тайрек терялся между домами — обилие переходов и количество этажей убивали его чувство направления. Со временем он научился ориентироваться, но чужаку, не прожившему в Центре достаточно времени, заблудиться было проще простого. И почти равнялось смерти. Загляни не на тот подуровень, и жизнь станет короче на целую вечность.

На окраинах люди передвигались по улицам. На территории Синдиката улиц просто не существовало. Были площадки на домах, используемые для прогулок, открытые крыши с парками и кафе. Все дома соединялись мостами или грузовыми платформами, вроде паромов. Пустое место у оснований зданий отдали под магистрали и дороги для автомобилей. Пешеходов там очень любили сбивать. Иногда даже оставляли живых. Тайрек слышал, будто все члены Семей Синдиката занимали верхние этажи небоскрёбов. Там они гнили в роскоши, вроде бассейнов и эксклюзивного доступа к светосферам. Пока действующие

граждане ютились в тесных комнатушках и питались едой из утилизатора, Семьи шиковали и жили на всю катушку. Давно пора было поставить Синдикат на место.

Тайрек прожил почти десять лет в Городе, но так и не перестал его бояться. Понятное дело, что стены, наличие потолка и небоскрёбы Центра нагнетали лёгкое чувство клаустрофобии. Но не в этом крылась проблема. Старый дом излучал комфорт, уют, а главное — простоту. Были кланы. Была земля, которую возделывали его предки и которую должен был возделывать он. Был Отец, который следил за всем и всеми. Были люди, которых он любил и которых хотел защитить. Город же представлял собой набор противоречащих друг другу правил, действующих друг против друга организаций и верований. Пока Мира не обрисовала ему ситуацию, Тайрек смутно понимал, что к чему. Старый Город контролировался Синдикатом, состоящим из Семей. Каждая Семья представляла тот или иной аспект экономики Первого Города. Добыча ресурсов во Вне, производство оружия, промышленность. Старый Город существовал только для того, чтобы питать Эдем и своих жителей. Полиция подчинялась Эдему и следила, чтобы Синдикат и его армия выполняли предписания хозяев рая. Жители окраин и Нижних Уровней ненавидели как Синдикат, так и Эдем. Учитывая влившихся сааксцев, хаос только усиливался. Не то чтобы дома было сильно лучше. Просто в Карасе он успел выучить большую часть правил, а здесь иногда возникали проблемы с пониманием даже базовых вещей.

Тайрек не сильно преуспел в изучении Божьего Порядка, но главную заповедь знал назубок: «Каждый человек имеет право на жизнь, еду и крышу над головой». Синдикат требовал, чтобы Семьи, входящие в его состав, ревностно исполняли свою долю в улучшении благосостояния граждан Города. Для того и создали систему Приютов. Даже учитывая казарменный опыт, Приют, в котором пришлось жить после школы, был человеческими джунглями. Там выживал сильнейший. Тайрек не хотел о нём вспоминать. Ведь следом за картинами Приюта лезла память о Келле.

«Эти люди, — думал он, — построили рай на земле. Слишком ленив для работы? Что же, есть утилизаторы — все отходы можно снова переработать в пищу. Голодным точно не останешься. Не нужно заботиться об энергии и ресурсах — их всегда достаточно всем. Хочешь получать больше? Вперёд, иди работай. На то зарплату улучшай жизнь, выкупай свободу из Приюта, получай личную жилплощадь и утилизатор. Даже если заболеешь, система не позволит остаться тебе без еды и дома. Как накопишь достаточно денег, свяжешься с нужными людьми или выиграешь в

церковную лотерею, можно вообще перебраться в Эдем. Чувствуешь, что не так силён, как окружающие? Купи оружие, отрасти яйца и покажи всем, чего стоит твоё слово. Все условия для осуществления своей мечты — главное только захотеть. И всё же…»

Покинув квартал увеселений, Тайрек вступил на ничейную землю. Старые склады жались друг к другу, будто пытаясь согреться, хоть их содержимое уже давным-давно разворовали. Жилые дома фабричных рабочих недобро косились на сааксца полукруглыми окнами. До ближайшей станции монорельса было ещё далеко, а окружение оставляло желать лучшего, поэтому Тайрек прибавил шагу. Он боялся не столько за себя, сколько за ценный груз.

Возле одного из переулков Тайрек приметил напрягшихся мужчин в кожаных плащах и перчатках. Охотники за органами. Всегда настороже, когда поблизости неприятности или разборки. Что же, в их деле нет времени клювом щёлкать, нужно постоянно быть начеку — иначе проворонишь момент, когда тела унесут на переработку.

Выстрелы и сдавленные крики не заставили себя ждать. Охотники быстро сорвались за добычей, напоследок кинув любопытствующий взгляд на спешащего по своим делам Тайрека.

«Почти десять лет я жил здесь и никогда не задавался вопросом: если это рай, то каким же должен быть ад?»

Неподалёку завыла сирена. Тайрек перешёл на бег. В таких районах оказаться рядом с местом преступления — быть его соучастником, остаться же на месте — быть дисциплинированным соучастником. Охотников, не успевших закончить свою работу, убьют на месте за хищение собственности Старого Города и отправят с другими телами на переработку. Что же, невелика будет потеря.

Услышав визг тормозов за поворотом, Тайрек еле успел втиснуться в расщелину в стене. Полицейский автомобиль с двумя хмурыми офицерами внутри пронёсся буквально в метре от него. Тайрек только успел разглядеть, как один из них надевает очки расширенной реальности — видимо, чтобы надиктовать сидящему за рулём напарнику оперативную сводку.

Покинув укрытие, сааксец возобновил свой бег. Из других дыр и переулков полезло население района. Полные подозрения взгляды и смутные угрозы — ничего такого, к чему Тайрек не привык.

Станция монорельса излучала свет и безопасность. Самое спокойное место округи оказалось и самым людным. Тайрек быстро протолкнулся через очередь к входу, не обращая

внимания на возмущённые возгласы, прислонил запястье к считывателю и прошёл к лифту. Зазвонил коммуникатор — пришло сообщение от Миры.

«Не забудь: встречаемся в служебном помещении аркад Пятнадцатого Сектора. Принеси угощение».

В воображении сааксца возник образ Миры: строгое узкое лицо, тёмные коротко стриженые волосы и серые печальные глаза. Прямо как у собачки Элли. Мира казалась настолько компетентной во всех вопросах, касающихся восстания, что доверять ей было просто невозможно. Но Тайрек не хотел лишний раз думать об этом. Пока их цели совпадают, он будет продолжать работать против короля и Семей.

Протиснувшись в переполненный вагон, Тайрек попытался собраться с мыслями.

Изначально план состоял в том, что группа, собранная Мирой, проделает серию провокаций и оттянет основные силы Синдиката на окраины, оставив Центр обезоруженным. Затем по условному сигналу внедрённые в Приюты агенты начнут поднимать мятежи. Оружия, собранного контрабандистами, должно хватить на вооружение армии в несколько тысяч человек. Но что-то Тайреку не давало покоя. Если Мире он ещё доверял, то её группа вызывала определённую тревогу. Такое разношёрстное сборище стоило поискать: две девушки из Гильдии Вольных Стрелков — вот уж редкие гости на Четвёртом Уровне, — зубастый телохранитель, бандит, техник Информатория, да франт с красным бантом на шее. Кроме имён Тайреку о них почти ничего не известно. Каждый имел свои причины поддерживать Миру, вот только все предпочитали молчать. Ещё и странный мешок от Делмара. У Тайрека засосало под ложечкой. Ситуация медленно выходила из-под его контроля.

«Так, надо успокоиться, — подумал про себя Тайрек. — Просто иди дальше и выполняй свою часть уговора. Или возвращайся к переводам комедийных скетчей на саакский».

Тайреку казалось забавным, что его ещё не приняла служба безопасности Синдиката. Будто бы Семьям плевать, что делается в их части Города. Когда он спросил Миру, почему она уверена в успехе операции, та ответила: «Обычно Синдикат не предотвращает дерьмо, а расхлёбывает его. Поэтому мы уже победили».

— Площадь Освобождения, Пятнадцатый Сектор! — провозгласила система оповещения поезда. Тайрек двинулся к выходу.

Торопливо спустившись по эскалатору, Тайрек проверил хронометрон. До встречи оставалось меньше сорока минут, а он

ещё даже не вышел со станции. Минув двойные двери, Тайрек поймал машину. Водителем оказался грузный мужчина лет пятидесяти.

— Едешь в сторону аркад? — поинтересовался Тайрек, пытаясь восстановить дыхание.

Водитель кивнул в ответ и нажал кнопку на приборной панели. Дверь со стороны пассажирского сиденья отъехала в сторону. Тайрек не медля сел на место, натянул дежурную улыбку и протянул руку для знакомства:

— Меня зовут Тайрек. А вас?

— Джонас, — хмуро ответил водитель, пожимая протянутую ему ладонь. Хватка мужчины оказалась столь сильной, что у Тайрека кровь будто застыла в руке. «А у старика-то механический протез, — подумал он. — Аугментика. Интересно, он этой рукой мастурбирует или обычной?»

— Какими судьбами здесь? — спросил Тайрек. Он сжимал и разжимал пальцы, чтобы к ним вновь прилила кровь.

— Да теми же, что и все остальные, — Джонас снова ткнул в кнопку на приборной панели и закрыл дверь. — На фабрике Гефеста работаю, смена кончилась, отдыхать еду. Аркады у меня как раз рядом с домом.

Джонас посмотрел на Тайрека.

— Подкачаться бы тебе, а то одна кожа да кости.

— Да я уже качаюсь… — начал Тайрек, но водитель его перебил.

— Ну что за молодёжь? Набьют себе голову виртуальными игрушками и потом ходят, слюни пускают. Вот я в двадцать лет с пацанами ходил биться с другими бандами стенка-на-стенку. Не было ни игрушек, ни Сети этой вашей…

Тайрек вспомнил, что тридцать лет назад и Сеть, и аркады, и виртуальность существовали. Это если верить школьным учебникам. Сааксец как мог делал вид, что слушает водителя.

— Девчонка есть? — спросил Джонас.

— Ну… да.

— Если надо ты так и скажи, можем по пути в одно местечко заскочить — закачаешься. И не бойся, я тебя к нормальным привезу. Хрен не отвалится!

Он засмеялся. Тайрек молча улыбнулся.

— Или ты всё со своей, одной? — всё допытывался Джонас. — Если так, то уважаю. Сегодня никто жениться не хочет, а жениться надо. Детей растить. Война же всех подкосила. У самого двое сыновей, почти как ты возрастом.

Вдалеке показались огни аркад.

— Что-то ты не разговорчивый, — говорил Джонас. — Да я

вижу, что ты сааксец. Но мне посрать на нации. Если человек правильный и следит за словами, неважно какие косяки у него в прошлом. Ты вроде парень умный и лишнего не взболтнёшь. Молчаливый. Слушать умеешь. Сейчас как раз такие многим требуются. Если нужна работа то не стесняйся, говори. Я знаю кое-кого на окраинах, если что, помогут. Картель Алой Розы, слыхал?

«Тебя там не было, — подумал Тайрек. — Ты бы не говорил так, если бы воевал».

— Что в мешке?

— Подарки друзьям.

— А что, сегодня День Освободителя? — хохотнул Джонас.

— Нет, — позволил себе улыбнуться Тайрек. — Всего лишь День Победы.

Как только машина доехала до аркад, Тайрек вытащил из кармана маленький кусочек Платины и без слов протянул его Джонасу. Больше она ему не понадобится.

— Да не надо, тебе ещё пригодятся, — Джонас расплылся в улыбке. — Если будет желание поработать — обращайся. Поспрашивай меня в округе, я здесь часто катаюсь. Удачи!

Тайреку стало немного жаль старого работягу. Бедолага даже не представлял, что через пару часов его случайный попутчик попытается обрушить старый порядок любимого им Города. Покачав головой, Тайрек спрятал деньги в рукав куртки.

Зданию аркад сто лет в обед — причём, буквально. Синдикат старался проводить плановые ремонты примерно раз в пять-семь лет, отчего по сравнению с остальными выглядело оно более чем прилично. Таких заведений на Четвёртом Уровне находилось много, но это здание было особенным. С его колонн ещё не сбили изображения грифонов, оставшиеся со времён правления Коннорсов в Синдикате. Как сказала Мира, их царствование стало «золотым веком» Старого Города, хотя и не продлилось даже десяти лет.

Тайрека символически облапали вышибалы перед дверьми — Мира наверняка уже договорилась с ними, поэтому мешок с оружием сааксцу сразу же вернули. Он приложил ладонь к считывателю, оплатил вход и окунулся в мир ярких красок. Отовсюду лился раскалённый, ошалевший свет. Гремела музыка, но всё же тише, чем в заведении Делмара. Вокруг сновали глазастые официантки с напитками на подносах. Если бы их декольте было ещё ниже, то наружу полезли бы волосы.

Вход специально украсили так ярко, чтобы привлечь больше посетителей. В глубине же заведения царили тьма и духота. Тайрек миновал зал виртуальных развлечений, в котором сидели

игроки с большими серыми шлемами на голове, подключенными к терминалам. Они водили руками в специальных перчатках, расставляя армии на воображаемом поле боя. Стратегические игры. Победители радостно кричали и подпрыгивали на месте, проигравшие томно вздыхали и бились шлемами о стены. Остальные молча страдали от геморроя.

В следующем зале шумели ещё громче. Стоял грохот, люди бранились и орали, оборудование трещало и искрило от перегрузок. Подвижные, военные игры. Каждому отводилась кабинка с костюмом на всё тело, надевая который игрок оказывался на виртуальной войне, в которой всё было как в жизни. Сюда заходили выпустить пар армейцы и копы. Последние реже — им стрельбы по бандитам вполне хватало.

Тайрек однажды попробовал поиграть. Запахи, ощущения — всё в игре почти настоящее. Даже попадания воображаемых пуль и снарядов отзывались болью в теле благодаря костюму. Но в отличие от настоящей войны, здесь не грозила смерть. Через пару десятков секунд можно вернуться в бой и продолжить. Никакие технологии не могли заставить мозг поверить, что виртуальная реальность — настоящая.

Тайрек прошёлдальше. В следующем зале игроки крутили баранки виртуальных гоночных машин и вертели штурвалы самолётов. Сааксца передёрнуло от мысли, что кто-то из пилотов, осаждавших Карас, мог готовиться к войне, просто играя в игру. Пока он раздумывал, рядом открылась дверь, и цепкая рука затащила его внутрь.

— Тебя только за смертью посылать, — прошипел Коул.

Тайрек снял капюшон, показав лицо, и развёл руками:

— Скажи спасибо, что я вообще пришёл. Пришлось всю Платину у Делмара оставить.

— У Миры есть ещё. Но пусть будет запас на чёрный день, — сказал Коул, смотря на сааксца сверху вниз.

— Я так и понял, — ухмыльнулся Тайрек. Коул отодвинул ширму, за которой оказалась ещё одна комната — с кучей оборудования и несколькими людьми.

— Двигайте задницей, наш будущий вождь! — произнёс торжественно Коул и заулыбался, обнажив наращенные клыки. Тайрек всё больше убеждался, что зубастик или бывший манекенщик, или жиголо. А может и то, и другое. Как его только в десантники взяли? «Или про это говорил король, рассуждая про смену имиджа Вооружённых Сил?»

Сааксец вошёл в комнату и поприветствовал всех. Обстановка его удивила. На полу было разбросано оборудование для подключения к Сети, а в углу на коляске жизнеобеспечения сидел

бледный Оператор. Джаред, хрупкий и тощий малый, бывший техник Информатория, возился рядом с Оператором — подключал троды от коляски к небольшому чёрному чемоданчику. Свои очки Джаред поднял на лоб, чтобы волосы не свалились на глаза. Он был настолько худым, что кости просвечивали сквозь кожу. Тайрек свалил бы всё на работу в Информатории, но его единственный знакомый оттуда предпочитал двуспальную кровать.

Остальные заговорщики сидели в креслах и, казалось, чего-то ждали. Мира указала Тайреку на свободное кресло в середине. Он присел и постарался как можно доброжелательнее улыбнуться. Получилось так себе.

— Ты знаешь, что сейчас произойдёт? — спросила Мира. Её серые глаза показались Тайреку печальнее обычного, будто ей по-настоящему стало тяжело. Что же, даже такая стальная сука может жалеть о бессмысленных жертвах.

Одна из девушек-Стрелков наклонилась к другой и сказала ей что-то на ухо. Тайрек вспомнил, как их звали. Курносая шатенка со злым взглядом — это Неми, а усыпанная веснушками рыжуха — Калли. Смысла шептаться не было — друг с другом девушки общались на языке Стрелков, имеющем множество диалектов. Калли как-то сказала, что если ты не провёл хотя бы лет пять в Гильдии, о понимании языка не могло быть и речи. Вот только Тайрек был почти уверен, что сможет взломать его — нужно лишь немного практики.

— Что здесь произойдёт? — переспросил Тайрек, воззрившись наМиру. — Свержение старого режима. Восстание против Синдиката. Воцарение мира, порядка и тому подобное.

— Для начала нам нужно сделать из тебя достойного лидера, — прохрипел франт с красным бантом на шее и ухоженными усиками. Он сидел вне круга, будто нынешняя компания ему претила.

— Гай прав, — ответил старый бандит по имени Керн. Копна седых волос на голове придавала ему сходство со шваброй. Старик утверждал, что когда-то в одиночку уничтожил всю преступность, чтобы взять её в свои руки. Пока Тайрек видел только преступления против правды. — Ты всего лишь мальчишка, думаешь и действуешь соответственно. Такой вождь на войну даже тараканов не сможет повести.

— Этот разговор к чему-то ведь ведёт? — поинтересовался Тайрек.

— Мы все здесь добровольно, — отметила Мира, проигнорировав вопрос саакса. — Прежде чем мы начнём, хочу спросить — хочет ли кто-то уйти?

Банда молчала.

— Я рада, что все мы дожили до этого момента, не забыв о своей цели.

Тайрек поёрзал на кресле. Происходящее нравилось ему всё меньше и меньше.

— Мы здесь потому, что готовы умереть, — продолжала Мира. — Я уважаю это. Но один человек останется сегодня в живых. Он понесёт наше наследие в себе, все наши знания и устремления. Он пронаблюдает, как будет разгораться огонь, как пламя очистит этот Город, и из пепла восстанет новый народ. Мы слишком долго бежали от правды. Мы слишком долго пытались скрыть от самих себя тот факт, что Семьи, взявшиеся охранять наш покой, недостойны доверия. Лоренсы должны уйти, оставив Трон, этот позорный пережиток прошлого, пустовать.

— Готово, — подал голос Джаред.

— Бомбы на месте? — спросила Мира.

— Так точно, — ответила Неми, весело сверкнув глазами.

— Какие бомбы? — ошалело спросил Тайрек.

— А как, по-твоему, мы собирались провести серию провокаций против армии? — раздражённо произнесла Мира. — Бегая голышом и стреляя воздух?

— Но…

— Тайрек, — Мира сжала кулаки. — Любые средства хороши. Вспомни об отце.

Тайрек отвёл взгляд. Что бы он ни думал, Мира была права.

Сааксец извлёк отцовское кольцо из внутреннего кармана куртки и надел его. Он не мог отказаться от всего, подойдя так близко к цели.

— К тому же, мы позаботились, чтобы при взрыве никого не задело. Ты представляешь себе, сколько в Центре бесхозных жилых блоков? Граждан не заденёт, это я гарантирую. Что бы там ни утверждали потом синдикатовские новости.

— С этого стоило начинать, — проворчал Тайрек, чувствуя, как от сердца отлегло.

— Отлично, — Мира улыбнулась. — Джаред, будь так добр…

Джаред дал каждому провода и шлемы для подключения к виртуальной реальности.

— Расскажу с начала для тех, кто мог что-то позабыть, — начал техник. — Ну и для Тайрека тоже. Процесс называется перекачкой сознаний. Все наши воспоминания, опыт и мысли передадутся одному человеку — Тайреку. Оператор, обычно служащий интерфейсом между Сетью и людьми, в данном случае будет служить сервером. Троды же считывают наши мозговые сигналы. Их подключите к вискам. Операция сложная и

незаконная. Оператору, скорее всего, расплавит мозги. Если это случится прежде, чем сознания объединятся, то всем конец. Такая участь намного хуже смерти — вы станете овощами. Будете пускать слюни в тюремном госпитале, где медбрат пустит вас в пользование всем желающим за несколько баксов. Чтобы этого не случилось, Тайрек принёс «предохранители».

— Делмар ведь передал тебе кое-что? — спросила Мира.

Тайрек молча протянул Мире мешок с оружием, патронами и блоком для Оператора. До него только начало доходить, что сейчас тут произойдёт.

— Ага, вот оно! — просиял Джаред, подключив блок к коляске. — Теперь мощностей как раз должно хватить.

Почти все уже натянули на головы шлемы и подключили к вискам троды. Мира аккуратно заряжала револьверы и передавала по кругу. Каждый взял себе по пистолету. Пару Мира оставила для себя и Джареда. Техник продолжал:

— Память и разум каждого будут считаны и переданы Оператору. Это не займёт больше пятнадцати секунд, поэтому, как отсчитаете, сразу нажимайте на спусковой крючок и вышибайте себе мозги. Оператор не сможет долго держать память загруженной, он попросту сгорит. Его мозг слабее, чем у любого из нас. Как только семеро погибнут, напряжение ослабнет, и Оператор тут же передаст данные последнему выжившему, то есть Тайреку. — Джаред неловко огляделся. — Думаю, нам всем нужно немного времени, чтобы попрощаться друг с другом, верно?

Девушки-Стрелки переглянулись. Неми наклонилась к подруге, глухо стукнувшись козырьком шлема об козырёк Калли, и тихим голосом произнесла несколько слов. Тайрек ничего не понял. Джаред взял Миру за руку — его оказалась почти вдвое меньше. Видимо, между ними что-то было, но Тайрек так и не узнал их поближе, чтобы разобраться. Франтоватый Гай и зубастый Коул молчали, уперев взгляды в пол. Керн посмотрел на Тайрека и усмехнулся:

— Задай им жару, сынок.

— Вы это серьёзно? — тихо спросил Тайрек. — Вы готовы умереть, чтобы передать мне все свои знания?

Ответом ему служило молчание. Ощущение абсурдности происходящего только усиливалось.

— Перекачка сознания и разумов? — спросил Тайрек. — Что это за хрень? Ведь должна быть причина, почему всё это запретили, верно?

— Подобные эксперименты уже проводились, и не раз, — ответил Джаред, — но Семьи вдруг испугались, что какой-нибудь

умник выгрузит своё сознание в Сеть и научится ей управлять. Страх заставил их полностью перекрыть кислород испытаниям и разработкам, во многие шлемы ввели системы защиты и предохранители от перекачки разумов. Людей с нужными знаниями и ресурсами трудности никогда не останавливали. И всё же, массовой передачей никто никогда не занимался. Тем более, только с одним Оператором.

— Неужели вам обязательно здесь умирать? — спросил Тайрек. — Мне бы не помешала ваша помощь, когда дерьмо по-настоящему ударит в вентилятор.

Мира положила руку на плечо Тайреку. В её глазах заблестели слёзы, но она всё ещё пыталась прикидываться крутой тёткой.

— Одному человеку со знаниями семерых проще сбежать, составить крепкий план и в итоге выйти сухим из воды. Меньше шансов, что в дело вступит человеческий фактор, помешают ненужные эмоции. Мы сами подписались на это, Тайрек. Просто прими это, как дар.

На сааксца слова Миры подействовали неожиданно успокаивающе. Он вспомнил беспробудное пьянство и наркотики. Вечное непонимание, зачем живёт. А эти люди готовы были пожертвовать собой ради цели. В сущности, что он знал о них? Что он знал о том, почему они согласились на подобное? Они ненавидели Синдикат. Большего и не нужно.

Мира огляделась.

— Я всегда хотела увидеть звёзды, — произнесла она. — Я всегда думала, что их свет — это свет надежды. Но чтобы увидеть надежду, мне достаточно было посмотреть на вас. Спасибо.

Джаред обнял Миру. Женщина тихо всхлипнула. Техник поднял на Тайрека глаза.

— Будет очень больно, — предупредил он.

— Надеюсь, хоть вы боли не почувствуете.

Время прощаний закончилось. «Звёзды» захлопнули козырьки на шлемах, взяли в руки револьверы и приготовились. Тайрек прицепил троды и натянул шлем.

— Начинаем, — скомандовала Мира. Голос её дрогнул.

Из-за закрытого козырька Тайрек ничего не видел. Зажужжало оборудование, заскрипели троды и Тайрек почувствовал сильную боль, будто в голову воткнулись сотни игл.

— …Тайрек, Тайрек, сыночек, что бы ни случилось, помни — я люблю тебя!

— …шустрее, рядовой, неужели ты думаешь, что Отец выполнит за тебя все эти отжимания, а?!

— …говоришь, денег нет, тупая ты сука?! Ничего, сейчас мы

научим тебя, как обманывать…

— …это плохая идея. Это очень плохая идея. Тайрек, не торопи меня, пожалуйста. Как говорится, «войне и любви своё время».

— …стой-стой, нет, пожалуйста, я отдам тебе всё, бери, только не убивай!

— …а ты неплох. Где тебя так научили драться?

— …тревога! Тревога! В лагере посторонние! Вызывайте подкрепления!

— …забудь о Союзе! Он предал нас, отобрал у родителей, послал на войну. А Первый Город дал возможность жить нормальной жизнью!

— Стойте! Прекратите! — заорал Тайрек, но его никто не слышал, даже он сам.

— …надеюсь, это останется только между нами.

— …подожди, говнюк, мы ещё кое-чего не прояснили. Повернись, когда с тобой разговаривают!

— …максимальная дальность стрельбы винтовки Pake — две тысячи метров. Но работать по целям на таких дистанциях вам не придётся.

— …эй, Тайрек, пошли с нами! Отмечаем сегодняшнюю зачистку, сказали, сигареты будут, представляешь, настоящие сигареты!

— …сынок, я бы никогда добровольно тебя не отдала воевать, но люди считают, что так будет лучше для всех.

— Нет! Хватит! Пожалуйста! — через его тело будто проходил ток. Каждый шрам отдавался тупой болью в голове. Ещё через секунду всё потухло.

* * *

Когда он очнулся, мир стал многослойным. Образы один за другим возникали в сознании. Тётушка Салли, и другая тётушка, но уже не его… или всё же его? И песок, и поляны, и контракт… а это что? Давно не виделись, сынок…

Тайрек мотнул головой. Поднял козырёк шлема. Казалось, что на него одновременно смотрят с семи сторон. Вот только вокруг него сидело семеро мертвецов с простреленными головами и Оператор со спёкшимися мозгами. За закрытыми козырьками не было видно выражений лиц. Проклятье, это я? Неужели это я? Я мёртв?

В голове стоял дикий шум. Воспоминания лезли из Тайрека, лились потоками и пропадали, как слёзы в дожде. Ошибка в

калибровке. Нужно было использовать обратную полярность…

Он сдёрнул с головы шлем. Голоса не давали покоя. Слова перекрывали друг друга, сбивали с толку. И громче всех были эти:

— Извини, что так вышло, Тайрек. Но у меня не было другого выхода.

Тайреку захотелось взреветь. Им сыграли как пешкой на шахматной доске. Нужно было бежать. Быстро, как только можно. Бежать, не разбирая дороги.

Он вырвался из комнаты, высадив дверь и оставив семерых мертвецов позади. Ну, вообще-то они живее всех живых, дружок, но теперь они у тебя в голове. Следи за словами.

Пол сотрясся под ним. Началось. Мира, грёбаная ты сука, что же ты наделала, хотел вскричать Тайрек. Ты продала себя, меня, ты продала всех. Люди из зала испуганно шарахались от сааксца и звали охрану. Но охранникам было не до этого — одновременно в десяти местах на Четвёртом Уровне произошли взрывы. Взрывы, ставшие сигналом.

— Ты уже всё понял. Мне не нужно было восстание. Мне нужно было вторжение. Смотри, как разгорается огонь войны, Тайрек. Именно ты его разжёг.

* * *

Комнату накрыла тишина. Немного штукатурки посыпалось на пол после взрыва. Мертвецы молчали. Оборудование тихо потрескивало, работая вхолостую.

Коул шевельнулся, открыл глаза и снял шлем. Огляделся.

Место Тайрека пустовало. Бедный ублюдок даже не заметил, что кто-то ещё жив. Коул выкинул бесполезный револьвер. Никто не заметил, как он разрядил оружие. Риск, что реципиент обратит внимание на ещё одного выжившего, был велик, но, как он и предполагал, неподготовленный мозг не сразу сумеет совладать с ещё несколькими личностями — если вообще сумеет.

Коул не зря зарабатывал жокейством — его способностям управляться с Сетью позавидовали бы многие. С самого детства он занимался тем, что фильтровал потоки данных: отбрасывал ненужное и оставлял самое ценное. Но Господь одарил его редким для собратьев Коула талантом — таскать информацию в голове, как на жёстком диске.

Оператора он отобрал сам. Джаред верил, что разрешения хватит только на одного живого человека — Тайрека. На деле Оператор без проблем потянул двоих.

Он скачал все воспоминания и знания, весь опыт. И когда шесть человек застрелилось, осталось двое живых, которым суждено было унаследовать всё.

Тайреку передалась личность Коула — но с ограничениями. Теми, что наложил сам Коул. Хороший курьер не только таскает информацию, но и рационализирует её. Заблокировать лишние воспоминания ничего не стоило. Когда до Тайрека дойдёт, чего на самом деле хотел Коул, жокей будет уже очень далеко — наслаждаться богатством и свободой.

А нужно ему было совсем ничего: память террористки по имени Мира. Он даже не стал заморачиваться воспоминаниями остальных, просто отфильтровав их. Коул украл только опыт женщины с печальными серыми глазами.

Два дня назад она была здесь, в Пятнадцатом Секторе, обсуждала последние детали с человеком по имени Джеймс Говард. Она заключила контракт со Стрелками и уже выполнила свою часть. Теперь ход оставался за ними.

4. Вопросы веры

«Не бояться было глупо. Бояться — страшно»

Полковник Ричард Эймс, командующий экспедиционного корпуса Первого Города

22 мая, 541 год после Освобождения

— Сколько лет ты в деле, старик?

— Люди столько не живут.

Несколько солдат дружно загоготали. Марстон, ветеран Дома Роско, довольно ухмыльнулся. Его лицо напоминало древний свиток: серый, полный шероховатостей, местами уже гниющий и очень, очень старый. Затушив сигаретку, Марстон отправил её в карманную пепельницу-утилизатор, которая тут же напечатала ему новую. Два новичка, Гор и Пиркс, присланные на замену убитым в прошлом бою, надулись от возмущения. Дэниел со стороны наблюдал за дружеской перепалкой бойцов. Он вообще старался не вмешиваться в разборки своих людей. За это его, наверное, так и любили.

Гор не сдавался:

— Что, прятался за чужими спинами?

— А зачем? Мне своей хватало.

Новый взрыв смеха. Унижение новичков — ритуал старый как мир. Дэниел ненавидел его. Синдикат тщательно пестовал в офицерах чувство соперничества, в рядовых же требовалась только дисциплина. Но даже самой дружной семье нужны мелкие ссоры, чтобы поддерживать сплочённость. Непокорные в коллективе долго не задерживались.

Гор начал раздражаться:

— Ты когда начнёшь нормально на вопросы отвечать?

— Когда ты нормально спросишь.

— Сэр, вы давно воюете? — вдруг произнёс Пиркс.

— Вот, уже другое дело! Только ты это своё «сэр» оставь. Мы с тобой пушечное мясо, поэтому обращайся по имени. А «сэркать» с Дэниелом можешь, хоть он этого и не любит.

Марстон повернулся и подмигнул Роско. Над головой мигнули светосферы. Секунду всё живое было погружено во тьму.

Дэниел устало махнул рукой — в темноте лицо Марстона превратилось в смеющуюся маску, злую карикатуру на жизнь и радость.

— Я уже сорок лет в деле. Многое повидал. Мне ничего не надо и смерти я не боюсь.

— Если сдохнешь, я обосру твой труп, — гоготнул Тай, хлопнув ветерана по плечу. Марстон притворно вздохнул.

— Ну, сами скажите, как здесь помирать?

— Не жалеете? — осторожно спросил Пиркс.

— Да не особо. Я отдал Дому Роско лучшие годы, и тот отплатил мне сполна. Скажут за мастера Дэниела умереть — я умру. Жалко что ли?

Дэниел потёр виски. Когда Марстон начинал нудеть про долг, его хрен кто мог остановить.

— Вот возьмите другие Дома. Там если солдат со своей девочкой заведут ребёнка, то его хозяева сразу в Приют отправляют, отрывают от родителей. Роско же всегда знали, что солдат лучше сражается, если его дома ждут. У меня пять детей, все обеспечены, все отучились в университетах, все на Синдикат работают, у каждого гражданство. А всё благодаря чему? Благодаря тому, что у Роско голова на плечах есть! Дай Боже этой Семье здоровья!

Седовласый солдат поднялся с ящика из-под боеприпасов и салютовал Дэниелу. Тот вяло помахал в ответ. Руку в лангетке слегка пощипывало. Жрецы сказали, что это знак её заживания.

В распоряжении Роско было тридцать человек, поделенных на три отряда. Надёжные ребята, крепкие. В отличие от многих армейских частей, поддавшихся соблазнам мирного времени, взвод Дэниела последнее время активно участвовал в боях. Синдикат обычно прикомандировывал их к полицейским, всё чаще просившим помощи в рейдах на банды. Помогут — отлично, пропадут — не беда. Главное, чтобы наследник одной из самых важных Семей вернулся домой, даже если для этого придётся пожертвовать тридцатью жизнями. Дэниела бесило это. Полгода назад он хвастался перед Сабриной, что отец дал солдат. Но Дэниел никогда не хотел воевать. У отца это вызывало приступы хохота — как же, урожденный Роско и не хочет воевать! Отличная хохма.

Дэниел верил, что это ненормально. Когда-то он читал книжку из Библиотеки, старую, написанную ещё до Освобождения. Писатель уверял: большинство людей просто неспособны на убийство. Сама человеческая природа протестовала против уничтожения существа того же биологического вида. Без следов подобный опыт мог пройти

только для психопатов, не чувствующих жалости и сожаления. Но, оглядываясь вокруг, Дэниел не видел ни капли раскаяния в лицах людей, ежедневно убивающих по несколько человек.

Когда он заговорил об этом с капитаном охраны дома, тот лишь отмахнулся:

— Много думаешь, Роско. Мы же армейцы. Наша задача — выполнять приказы, а не думать. Мне говорят, что враги вредят Синдикату. Семья, что кормит меня, обеспечивает крышей над головой и работой, входит в Синдикат. Значит, ребята ссут в мой суп. Конец истории.

Однако сентенции ветерана Дэниела не убедили. Он полез в Информаторий в поисках отчётов солдат, прошедших Вторую Священную. За этим занятием его и застал отец, решивший, что лучший способ убедить сына в крутости войны — это отправить его воевать.

С военным снаряжением убивать бандитов было проще простого. Полицейские гнали их по улицам, обстреливали из всего, что было, подключали дополнительные патрули, в общем, создавали максимум шума. Всё для того, чтобы в каком-нибудь тупичке незадачливые работники ножа и топора столкнулись с карающей дланью армии.

Дэниелу помогал расчленять трупы перед утилизацией, отрезал им пальцы и собирал кольца. Он заставлял себя смотреть на мучения умирающих, ловить тот миг, когда человеческая жизнь прерывается, и плоть живая превращается в мёртвую. Обделавшиеся трупы всё никак не выходили из головы. Первое время Дэниела выворачивало как последнего гражданского. К третьему бою он попривык, но чувство неправильности всё не отпускало.

Он не на своём месте. Учёба в Академии давала надежды, что профессия солдата ему понравится. Но все ожидания рассыпались с первой пулей, разорвавшей тело врага. Дэниел не чувствовал себя воином, он лишь изображал его.

Несмотря на то, что воевать приходилось по минимуму, бои выматывали Дэниела до предела. Он возвращался домой уставшим, разбитым. Размеренный и спокойный мир Семей начал казаться фальшивкой. Дэниел смотрел на улыбающихся аристократок, заигрывавших с его отцом, и видел будущих мертвецов. Забавно, как небольшой кусочек свинца может стать гранью между жизнью и смертью. Между счастьем, мечтами и смертью с забвением.

Он стал плохо спать. В сновидениях Дэниел умирал тысячи раз, но каждый из них ранил как первый. В приступах бессонницы он бродил по особняку, рассматривал портреты предыдущих глав

Дома Роско и тихо надеялся, что когда-нибудь мама вернётся домой. Сабрина не понимала своего счастья, и это доводило Дэниела до немого исступления. У неё было всё, а она продолжала просить большего. Роско чувствовал уколы совести: полгода назад он бы ни за что не подумал такое про лучшую подругу.

Но всё чаще и чаще его посещала мысль, что маме Сабрины нужно умереть.

Роско сжал кулаки. Идиотизм. Как он может желать ей такое? Ближе Сабрины у него никогда никого не было. Только её присутствие делало учёбу в Академии терпимой. А после произошедшего на крыше сомнений не оставалось: они больше, чем друзья. Ради неё он пробивался вперёд, достигал новых вершин в учёбе, доводил себя до совершенства. Но увиденное в боях перевернуло всё.

В жизни нет никаких перспектив. Всё, на что можно надеяться — это на безболезненную смерть и достойные похороны. Твои вещи, твоё наследие, даже твои потомки — всё рано или поздно превратится в прах.

Если бы Анора погибла, Сабрина и Дэниел стали бы одинаковыми, частями единого целого. Дэниел хотел, чтобы она увидела мир так же, как и он.

Роско положил руку на кобуру с пистолетом. Если эти больные фантазии не покинут его через месяц, он вышибет себе мозги. Он никогда не причинит Сабрине боль. Никогда.

Сейчас не время для глупых мыслей. Нужно обороняться.

Где-то далеко на правом фланге Сабрина подгоняла своих девчонок. Дэниел слышал по коммуникатору её чёткие команды. Произошедшее стало для неё шоком, но она держалась молодцом. Дэниел старался не вспоминать о поцелуе, о том, что она сказала. О запахе её кожи и мягкости её груди. Он должен быть выше желаний плоти.

У Сабрины впереди золотое будущее, а он будет только тянуть подругу на дно. «Не будь эгоистом, — повторял себе Дэниел. — Даже если ты ей нравишься, это ничего не решает. Ты всего лишь слуга короны. Ты ей не пара».

Главное — продержаться срок в армии, а потом Роско ждёт своя дорога. Это лишь временное занятие. Дэниела всё ещё привлекала перспектива стать инженером фабрики Гефеста. Он даже тайно подтягивал знания книгами и учебниками, чтобы не оплошать при вступительном конкурсе. Может быть, когда-нибудь он станет достоин руки принцессы. Может быть, даже сможет достигнуть Эдема. Но пока — он всего лишь слуга.

Дэниел старался не вспоминать о злосчастном звонке леди

Аноры своей дочери и выводах, которые из этого напрашивались. Почему она вела стрельбу ещё до того, как началось вторжение? Она первой засекла движение передовых частей противника? Как бы там ни было, ответ Дэниел узнает не скоро.

Мимо пробежал посыльный в испачканном сажей и порохом кителе. Большая часть солдат щеголяла парадной формой — белые мундиры, золотые эполеты и дурацкие аксельбанты, казалось, светились в темноте. Лучшего момента для нападения, чем День Победы, сложно придумать. Наспех надетые каски и подсумки лишь подчёркивали контраст. «Вот тебе и городской камуфляж», — с неудовольствием подумал Дэниел. Хорошо, что хоть без оружия никто не остался — винтовки получили все, три станковых пулемёта ушли в распоряжение взвода Сабрины. Кто-то даже умудрился отхватить гранаты. Впрочем, до них бой вряд ли дойдёт. Дэниел знал, что на позициях позади него командирами поставили ещё более зелёных студентов. «Будут потом хвастаться, что участвовали в защите Четвёртого Уровня». Последняя линия обороны вообще состояла из учеников младших классов, вооружённых тремя винтовками на пятерых. Где-то там были Реджи, Грегори и Елизавета.

Но всё это неважно. Планировка улиц предполагала, что когда-нибудь начнётся война. Через каждые два километра от площади Освобождения командование расставило оборонительные посты. Впереди их было ещё около двух десятков, на самом острие — лучшие армейские части и добровольцы-вигиланты. Почему полиция отказалась присылать спецназ в экзоскелетах, оставалось для всех тайной.

Отряд Роско расположился на крыше с искусственным парком. Наспех сооружённые баррикады из ящиков с баллистическим гелем перекрывали основные тропинки. Остановят ли они противника? Дэниел мог только надеяться.

— Вот что я вам скажу, ребятки, делайте что угодно, только не играйтесь в героев, — бубнил Марстон. — Плохо кончается. Передо мной так несколько дюжин бойцов полегло, рванули в атаку, хотя офицер приказывал позиции держать, ну это ещё когда Роско с Доккинзами воевали…

Молодые бойцы внимали рассказам ветерана. Марстон, в общем-то, отличный солдат с кучей опыта. Но когда дело доходило до ожидания боя, напряжение превращало его в словоохотливого идиота. Дэниел активировал коммуникатор и развернул текстовый брифинг. Командование предполагало, что взрывы служили отвлекающим манёвром перед вторжением Стрелков с Нижних Уровней. Они не только снесли посты пограничников, но и обошли систему ловушек, которая отделяла

Чётвёртый Уровень от Пятого. У противника явно друзья изнутри Синдиката. Но предателями пусть занимается контрразведка, дело солдат — стоять насмерть.

Только умирать Дэниел не планировал.

— Марстон, а с кем мы хоть воюем? — спросил Пиркс.

— Похоже, что с Гильдией Вольных Стрелков. Ох уж эти сукины дети. Сорок лет боялись и носа высунуть с Нижних Уровней, а теперь смотри как расхрабрились!

Дэниел подошёл к Марстону и новичкам.

— Читайте историю, други, — произнёс он самым нахальным тоном, на который был способен. Подмигнув Марстону, он надел маску развесёлого командира. — Хотя стоит спросить, ребят, вы читать-то умеете?

Прежде чем новички успели ответить, Марстон подхватил инициативу:

— Тогда тоже всё началось со взрыва в Центре.

— Карциусы вывели своих гвардейцев на улицы, подавили сопротивление полиции и двинулись ко Дворцу, — продолжил Дэниел. — Стрелки, шедшие следом, загоняли мирняк в плен.

— И что с ними делали потом?

— Превращали в рабов.

— Проклятое зверьё… — Гор сплюнул. — И сейчас, думаешь, они за тем же самым?

Дэниел лишь пожал плечами. Он тщательно изучил исторические источники, но всё равно слабо представлял, кто же такие Стрелки. Дед мог рассказать, он участвовал в подавлении восстания. Но его жизнь прервала автокатастрофа. Члены Семьи Роско вообще редко гибли своей смертью.

— А откуда они взялись-то? — поинтересовался Пиркс.

— Эх, дружок, ты явно Божий Порядок не читал, — Марстон довольно хохотнул. — Думаешь, Город сам себя построил? Хрен там! Как только Освободитель исчез, чернорабочие бузить начали, мол, мало им места для жилья дали. Подняли восстание. Ну в итоге и сослали их на Нижние Уровни. И так ещё несколько веков. Сделаешь какую-нибудь лютую хрень, да убивать тебя неповадно, а держать рядом не хочется — вниз давай!

— Я бы лучше крысиного дерьма нажрался, чем отправился в такую ссылку, — усмехнулся Роско.

— Это да, тут Дэниел прав. У них там ни утилизаторов, ни нормальной системы освещения, ни источников питания — вообще ни хрена, что мы считаем обычным делом. Ну, ты представь, они рождаются в темноте и умирают в темноте, то от голода, то от холода. Мне их жаль чуток даже.

— Размякаешь, Марстон! — крикнул откуда-то Тай.

— Прямо как твоя мамаша, Фрэнки! — ответил ветеран.

— Захлопни варежку!

— А ты застегни ширинку, имей совесть! — отозвался вместо ветерана Дэниел. Со стороны Тая раздался взрыв хохота — полдня солдат проходил с открытыми штанами, а никто ему не сказал.

— И так что, все, кто там живет — это и есть Стрелки? — не унимался Пиркс. Дэниел слегка позавидовал любознательности паренька. Не каждый готов столько времени выслушивать излияния Марстона.

— Да нет, ты что. Это типа их избранные, самые умелые. Кружок по интересам, ребята, которые Синдикату ну очень хотят отомстить.

— За что?

— А за всё! За маму, папу, бабушку, дедушку и кота Тома. Они пограничников теребят, да только воевать нормально не умеют. Нечем. В тот раз их Карциусы сюда вытащили. Кто в этот раз намудрил, мы ещё узнаем.

«Значит, всё-таки дозрели до открытой войны, — подумал Дэниел. — Сумели как-то сломить контингент войск Синдиката, охраняющий выходы на Четвёртый Уровень. Обошли ловушки и поднялись вверх. Диверсанты произвели десяток синхронных взрывов, оттягивая армию. Открыли дорогу к Центру. И всё это в День Победы, когда народ думает, как бы из пасты утилизатора приготовить праздничный обед. Просто шикарно».

Раскаты выстрелов и взрывов заставили Дэниела занервничать. Марстон тоже навострился. Впереди явно шёл ожесточённый бой. Роско хотелось воспользоваться коммуникатором, вызвать кого-нибудь, узнать, что же всё-таки происходит. Но такие вопросы в военное время уместны так же, как гулящая женщина в церкви. Его руки нашарили на поясе рукоятку клинка, подаренного дядей. Дэниел осторожно вытянул кинжал и рассмотрел, в который раз любуясь причудливой игрой света в каналах на рабочей части. Рукоятку венчал набалдашник, изображавший скалящуюся змею, готовую к укусу. Маленькие красные точки глаз завораживали взгляд.

— Эй, что за ножик? — окликнул Роско Марстон.

— Кинжал, — автоматом поправил солдата Дэниел. — Дядя подарил на шестнадцатилетие.

С припиской «Отец смотрит за тобой». Тогда ещё Дэниел думал, что Дэвид Роско решил в кои-то веки подколоть своего брата. Вот только отец шутки не оценил.

«Дэниел, прежде чем примешь подарок, — сказал он, — послушай: в твоих руках саакский кинжал. Именно такими

клинками партизаны перерезали глотки нашим солдатам. Работа очень качественная и редкая. Я не могу сказать тебе, был ли он в деле. Но подумай — хочешь ли ты знать?»

— А, помню, он его с собой долго таскал, — промолвил Марстон, задумчиво вращая кинжал в руках. — Не думал, что решит его тебе подарить.

— Я пообещал, что возьму клинок в свой первый настоящий бой.

— Но мы и до этого дрались, — ухмыльнулся Марстон.

— И то верно, — качнул головой Дэниел, возвращая кинжал в ножны. — Но там мы не сражались за Город и его жителей. Мы просто отправляли мусор в утилизатор. А сейчас…

— Понятно, понятно. А кому ты пообещал-то?

После непродолжительной паузы Дэниел сказал:

— Себе.

Марстон засмеялся. В его смехе не было издевательства, лишь понимание. Старые солдаты, вроде него, всегда относились к Роско со сдержанной иронией. Дэниел их не винил. Подчиняться приказам пацана, что в несколько раз младше тебя — не каждый такое будет терпеть.

— Марстон, я всегда хотел спросить…

— А?

— Как ты не сошёл с ума?

— От службы что ли?

Дэниел нетерпеливо цыкнул:

— От войны.

Марстон закатил глаза, став похожим на церковного ангелочка.

— Убивать сложно только когда начинаешь. А потом чем дальше, тем проще. Да и потом, Дэниел, это же не я людей убиваю.

— А кто тогда?

— Ты. Твой папа. Все те, кто отдаёт приказы. Я же просто оружие, это вы нажимаете на спуск. Ничего. Знаю, тебя это всё бесит. Потом привыкнешь: в тебе есть воинская жилка.

— Я её не хочу.

— А она не спрашивает, хочешь ли ты её, — Марстон ощерился. — Она просто есть.

Дэниел натянуто улыбнулся в ответ и отошёл в сторону.

После разговора с Марстоном его взяло ещё большее напряжение. Одна, две, три минуты. В конце концов, он не выдержал и начал вызывать Сабрину.

После непродолжительных помех, он услышал слабый голос:

— Дэниел, это ты?

Собрав смелость в кулак, Роско ответил:

— Будь здорова, принцесса. Как ты?

— Открыли в зданиях дороги, ты представляешь? Прямо по этажам проезжают грузовики. Много солдат. Я слышала, Стрелки прорвали несколько линий обороны. Площадь Освобождения пока под нашим контролем, но большие шишки опасаются, что ненадолго. Солдаты там требуют подмоги от полиции.

Роско порадовался её профессионализму. Даже после произошедшего, Сабрина думала о миссии.

— У них ведь есть экзоскелеты, — произнёс он. — Логичнее было бы их отправить, нет?

— Боятся их потерять или ещё что. Да кто их поймёт?

— Ты же вроде хотела попасть туда? На площадь Освобождения, в Пятнадцатый Сектор?

— Пока некогда об этом думать.

— Что насчёт жертв?

— Много гражданских перебито. Маршал в ярости. И от матери до сих пор никаких вестей.

— Стрелки не могут штурмовать несколько этажей одновременно, — с уверенностью промолвил Дэниел. — Насчёт твоей матери… Она наверняка в порядке.

— Правда?

— Да. Она очень сильная женщина! Да что может быть не в порядке со знаменитой Воительницей Анорой?

— Пожалуй, ты прав, — вздох. — Я смотрю, ты чуть-чуть приободрился.

Дэниел хотел было возразить, но Сабрина слишком хорошо понимала его. Меланхолия отступала, в то время как приближался бой. Дэниел просто не мог позволить себе размякнуть. Пусть он и не солдат, но биться и выживать всё равно придётся. Время глупых размышлений и рассуждений кончилось.

— Дэниел?

— Да.

— Я давно тебе хотела это сказать. Прозвучит странно, — нервный смех, — но я люблю тебя.

— Это совсем не странно, — ответил Дэниел, снова чувствуя уколы совести. Мысленно он продолжал предавать Сабрину, мечтая о смерти её матери. Он отверг её так просто, что даже не успел задуматься, почему это сделал. Роско понял: социальное неравенство здесь не при чём.

Он просто-напросто боялся. Если он примет её, рано или поздно, Сабрина уйдёт. Так же, как когда-то ушла мать. Лучше не иметь ничего, чем мириться с болью расставания.

— Я не шучу. Ты… ты всегда вдохновлял меня своим

примером. Да и вообще, сам знаешь… Короче, что тут говорить, люблю я тебя — и всё!

Пересилив себя, Роско всё же произнёс:

— Я тоже… тебя люблю.

И понял, что даже не солгал.

— Так скажи, почему ты напал на меня на экзамене? — Дэниелу показалось, что Сабрина спешит сменить тему. Он представил, как принцесса краснеет. Этот образ его сильно порадовал. Даже больше, чем он ожидал. Он снова вспомнил её слова на крыше. «Я хочу этого».

— Я должен был это сделать, — сказал Дэниел. — Роско всегда были цепными псами короны. Думал, что смогу это изменить.

— Напав на внучку короля?

— Показав, что мне не всё равно.

Молчание.

— Ты мне поддался.

Роско посмотрел на перевязанную лангеткой руку.

— Ты мог вырубить меня сразу, если бы захотел. Но не стал. Ты сдерживался.

Дэниел закрыл глаза. Его затея столкнуться с Сабриной в бою была идиотской от начала и до конца. Пришло время пожинать плоды своей глупости.

— Я хотел испытать тебя.

— И ты пожертвовал статусом в армии… зачем?

— Ты же знаешь, мне плевать на эти дурацкие игры в войнушку. Я сдерживался, это так. Поначалу. Ты оказалась сильнее, чем я ожидал. В итоге, ты меня побила.

— Мне просто повезло.

— Твоя победа была заслужена, — соврал Дэниел. Когда он понял, что может ненароком сломать девушку, пришлось сымитировать неловкое падение.

— Хреновый из тебя лгун, Дэниел Роско, — короткий смешок Сабрины вернул его к реальности.

— Так точно, моя королева, — ответил Дэниел и почувствовал, как губы растягиваются в улыбке. Не в фальшивой, а настоящей. Пора отказаться от страхов. Сабрина любила его, всё это время. Но он слишком глубоко ушёл в себя, чтобы увидеть её любовь. Достаточно. Даже если им придётся расстаться, он будет ценить каждую минуту, проведённую вместе.

— Увидимся, как всё закончится. Я хочу кое-что тебе показать. И забей на кодекс Семей. Наши отношения будут регулироваться нами, а не какими-то сраными законами пятисотлетней давности.

Сабрина оборвала связь — а Дэниелу ещё столько всего хотелось ей сказать. Впервые за последние полгода он почувствовал себя живым. Мир не стал лучше, но отношение Дэниела к нему изменилось. Будто пролился лучик света в кромешную тьму.

Он представил принцессу голой в постели. Представил себя рядом с ней. И такие мысли больше не вызвали у него отвращения. Страх смерти исчез.

Он направился к солдатам, вытирая вспотевшие ладони о штаны. Дико хотелось есть. Дэниел украдкой взял из вещмешка пластиковую коробочку, нашёл укромный уголок и без особого энтузиазма начал поглощать содержащуюся внутри массу. Отец любил портить аппетит, настаивая на натуральных продуктах. «Да ты хоть знаешь, из чего делают нашу еду?!»

«Да, — хотелось ответить Дэниелу. — Из дерьма и мёртвых людей».

Пиркс заметил командира, но понимающе улыбнулся. Дэниел кивнул в ответ. Аппетит всё не приходил. Только закончив, Дэниел почувствовал неожиданный прилив сил. Запив трапезу из походной фляги, юноша вернулся на острие линии обороны, а именно на ящики с баллистическим гелем. Как-то он для интереса пострелял в них упор. Дрянь была настолько вязкой, что останавливала все пули на двух-трёх сантиметрах глубины. Жаль, вес прямоугольного листа с гелем не мог унести ни один пехотинец. Но в качестве быстрых баррикад ничего лучше не находилось. Ещё одно очко в пользу мозгляков с фабрики Гефеста. И всё равно её инженеры не могли ликвидировать пропасть между оружием Синдиката и Эдема. Пока Эдем использовал энергопушки, продвинутую силовую броню, аугментику и нечто, называющееся «наномашинами», Синдикат воевал винтовками со скользящими затворами, тяжёлыми станковыми пулеметами, гранатами да ножами. Вертолёты, танки, бронетранспортёры — вся техника, которую синдикатовцы использовали против сааксцев, принадлежала Эдему. Именно поэтому Синдикат создал фабрику Гефеста: чтобы перестать зависеть от подачек из рая. Во время войны фабрика объединилась с самыми прогрессивными жрецами церкви и отправила их вместе со своими инженерами на фронт. Этот альянс получил название группы 838. Дэниел втайне симпатизировал им. Хоть они стали военными преступниками, но сумели так подтолкнуть прогресс Синдиката, что в итоге Эдем без вопросов передал им технологию аугментаций. Теперь любой желающий мог получить себе сносные протезы конечностей или внутренних органов. Дэниел даже где-то слышал, что

синдикатовцы сумели использовать аугментацию намного эффективнее, чем Эдем. Насчёт этого вопроса тут же вспыхнули жаркие споры. Многие консерваторы хулили своих оппонентов за сомнения в непогрешимости Эдема. Сторонники заслуг группы 838 же заявляли, что технологии давным-давно уже должны были стать всеобщим достоянием. Что говорить, если почти пять сотен лет любой, кого Эдем одаривал модификациями тела, считался чуть ли не богоизбранным?

Споры не утихали даже после того, как группу 838 расформировали. Многие её члены попали под суд и схлопотали срок в Башне Правосудия или ссылку на Нижние Уровни. Дэниел слышал даже про смертные приговоры.

И старый вопрос возник в мозгу: а этого ли хотел для них Освободитель? Но никто не мог ему ответить.

Зазвенел коммуникатор. На дисплее высветилось: «Отец». Дэниел принял звонок. Раздался стальной, звенящий еле сдерживаемыми нотками напряжения голос:

— Дэниел, ты слышишь меня?

— Да, прекрасно, — ответил Роско, чувствуя нетерпение.

— Слушай меня, и слушай внимательно…

Дэниела напряг тон отца. Он мог говорить как угодно: властно, покровительственно, насмехаясь, с лёгким презрением — но ещё никогда в голосе Джошуа Роско не проявлялся страх.

— Мы обороняем площадь Освобождения. Стрелки наступают со всех сторон, но мы держимся. Что бы сегодня ни случилось, сынок, знай — я… я тобой горжусь. Помни это. Помни всегда.

— Хорошо, отец, — заикаясь, произнёс Дэниел.

— Может я не всегда делал всё правильно. Обращался с тобой не так, как стоило. Но я горд. Горд, что ты вырос воином, а не каким-то хлюпиком. Хоть что-то в жизни у меня получилось.

Джошуа невесело усмехнулся, а Дэниелу хотелось лишь быстрее оборвать разговор. Вся его жизнь несла отпечаток воли отца. Похоже, старший Роско решил подвести итоги — и результаты ему льстили. А Дэниелу не хватало храбрости высказаться, как же солдатская жизнь его изуродовала.

— Даже если тебя прижмут, помни — позор хуже смерти. Надеюсь, ты это запомнишь, Дэниел.

— Обязательно, отец.

Его нутро сжалось. Это может быть их последний разговор. И он столько всего хотел сказать! Как ему не нравилось нынешнее положение, как он предпочёл бы стать никем и начать жизнь с чистого листа. Заработать имя честным трудом, а не унаследовать от предков. Но с возникшим в эфире шипением статики умерли все надежды. И страхи.

Тут же ожил взводный коммуникатор, стоявший на ящике с боеприпасами и настроенный на штабную волну. Для связи с другими лейтенантами командиры использовали личные передатчики или посыльных. Из динамика раздался так хорошо знакомый Дэниелу прокуренный голос:

— Внимание, говорит маршал Штрауд. Всем выпускникам Академии — немедленно отступайте ко Дворцу. Скоро прибудут подкрепления полиции. Кадеты, отступайте ко дворцу!

Передача повторилась два раза, прежде чем прерваться так же неожиданно, как и началась. Дэниел поводил глазами по растерянным лицам солдат. Коммуникатор молчал, никаких больше приказов не поступало. Стало очень и очень тихо, только издалека доносилось эхо от выстрелов и взрывов.

— Сэр, что происходит? — один из солдат обратился к Дэниелу. — Почему никто не стреляет?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Дэниел. Его всё ещё трясло от разговора с отцом. Нужно было сосредоточиться, иначе всё выйдет из-под контроля. Похоже, полиция всё же решила помочь. Кадетам не придётся жертвовать собой. — Народ, слушай мою команду…

— Контакт! — заорал вдруг кто-то благим матом. Дэниел не успел договорить: началась беспорядочная пальба. В ушах загремело так, что юноша перестал слышать даже собственные команды.

Рефлексы бросили его на асфальт, туда, где меньше вероятность поймать пулю. Перед ним возникло лицо Пиркса. Солдат упёр застывший взгляд, полный недоумения, в командира. Через дыру во лбу виднелись разорванные мозги.

— Отставить! Дружественный огонь!

— Хорош! Не стреляйте! Стойте, мать вашу!

— По своим стреляете, дебилы!

Дэниел зарычал от отчаяния. Не хватало Стрелков, так теперь по ним стреляли свои же. Вокруг царил организованный хаос, выстрелы перекрывали друг друга, Марстон выкрикивал команды бойцам, разрывались гранаты, визжали раненые солдаты. Нет, свои бы сразу прекратили стрельбу. Что-то не так. Роско поднялся и в полуприседе добежал до баррикад. Подняв винтовку, он прицелился в тёмные фигуры на противоположном конце парка. Среди них не было Стрелков — потёртые серые плащи и шляпы их бы сразу выдали. Дэниел увидел солдат в снаряжении армии Синдиката: с касками, подсумками и небольшими ранцами за спиной. На рукавах крепких, тёмно-зелёных курток красовался знакомый герб — алая роза с каплями крови на шипах.

Герб Дома Лоренсов. Бойцы Воительницы Аноры.

«Сабрина… твоя мама…»

Роско ускорился, и мир вокруг стал ленивым и неторопливым. Дэниел сделал выстрел, передёрнул затвор, затем выстрелил ещё раз. Во рту появился медный привкус — прокусил губу. Пули щёлкали об ящики, били об асфальт, пролетали со свистом над головой. Отстрелявшись, Дэниел перезарядил винтовку двумя обоймами по пять патронов. Предбоевой мандраж исчез, уступив место наработанным рефлексам. Пальцы бегали по оружию, технично заталкивая патроны внутрь и возвращая затвор на место — ни одного лишнего движения. «Отец бы гордился», — отстранённо подумал Дэниел.

Происходящее не было ошибкой. Солдаты Аноры напали на него с совершенно ясными намерениями. «Это предательство. Неужели Воительница решила развязать очередную Войну Домов?»

Ещё несколько бойцов Дэниела упали, а бой продолжался едва больше минуты. Через баррикады перелетел маленький серый предмет. Дэниел как во сне смотрел, как тот катится к его ногам. Граната.

Сверху на неё тут же бросился Гор. Взрыв подбросил новичка как сломанную куклу, конечности вывернулись под неправильными углами. Дэниела окатило кровью. Организм тут же вышел из ускоренного режима. Всё отошло далеко-далеко. Марстон продолжал кричать на солдат, глаза его округлились, стали похожи на два кухонных блюдца. Дэниел подполз к ветерану, взял за рукав и проорал:

— Уходи!

— Что?

— Уходи! Беги к нашим, передай, что здесь творится!

— Какого хрена? Используй коммуникатор, скажи всё сам!

Дэниел не выдержал и схватил Марстона за грудки.

— Кто-то должен остаться в живых! Двигай!

— Дэниел…

— Пошёл, я сказал!

Марстон, как настоящий солдат, подчинился приказу. Короткими перебежками он двигался между бордюрами, заборами и искусственными деревьями, пока не исчез из виду. Дэниел крепко сжал винтовку. Он не надеялся выиграть это сражение.

Даже при таком грохоте Дэниел слышал отчётливый звон — это из винтовок противников вылетали отстрелянные пачки. Самозарядные винтовки, прямо как у королевских гвардейцев, куда уж бойцам Дэниела со своими старыми ружьями. Огневая мощь и опыт — опасное сочетание. Дэниел выглянул из-за

баррикад. Бойцы Аноры разбились на два отряда, заходя с разных флангов и не переставая вести подавляющий огонь. Скорострельность новых винтовок ошеломляла. Откуда они у них вообще взялись? Ускорившись, Роско высунулся и точными выстрелами снял двоих. В груди вдруг закололо. Дэниел опустил взгляд и с удивление обнаружил рваную дыру, из которой толчками текла кровь.

— Попали всё-таки, — пробормотал он и завалился назад. Сознание стремительно угасало. Нет, он не может здесь умереть. Роско торопливо шарил по поясу в поисках медпакета. Наконец, ухватившись за нужную упаковку, он резко вскрыл её и залил рану заживляющим гелем, параллельно разрывая пакетик со шприцом. Вогнав иглу в руку, Роско ввёл боевые стимуляторы, отбросил шприц и резко поднялся, пытаясь отдышаться. По левой половине груди будто растеклось каленое железо, готовое залезть в каждый отдалённый уголок тела. Роско заскрежетал зубами, пытаясь не отключиться — даже под действием стимуляторов боль казалась невыносимой.

От его взвода осталась всего дюжина бойцов, с мрачной решимостью удерживающих баррикады. Никто не кричал — все раненые успели истечь кровью. Помощи ждать неоткуда. Дэниел поднял винтовку и приготовился вскоре присоединиться к мертвецам.

«Какая короткая и бессмысленная жизнь вышла… — подумал он. — Извини, Сабрина. Мы не останемся вместе до конца».

Над головой раздался резкий свист, перекрывший все остальные звуки. Обе стороны перестали палить друг в друга и уставились наверх. Под осветительными сферами туда-сюда метались тени. Роско присмотрелся к ним и понял, что день из плохого перешёл в разряд полного говна.

Стражи спикировали вниз. Вихрь клинков, визг и взрывы сопровождали их. Твари двигались так быстро, что юноша видел только отблески брони да фонтаны крови. Их смертоносный танец напомнил Дэниелу торнадо из книг о внешнем мире. Шальными пулями разрывало стоящих рядом солдат Роско, а пущенные наугад ракеты подорвали половину бойцов Аноры. Удары ангелов становились всё яростнее, а увороты от выстрелов всё стремительнее.

Коль лишился головы, Уотерсон и Келбрехт рухнули с выпущенными наружу кишками. Зигурт с диким воем выстрелил в одного из ангелов в упор, пуля отрикошетила и пробила ему горло. Хайнц попытался убежать, но его случайно раздавил один из Стражей, отступая назад.

— Спасайтесь, сэр! — крикнул Косгроув. Он и Митчелл

бросились на порождения Эдема и подорвали себя, лишив Дэниела остатков слуха. Один из Стражей поднял искореженное тело солдата и использовал его как снаряд, запустив в противника, но тот ударом руки отбил труп в сторону. Роско не успел отскочить, и его придавило. В нос ударил густой запах испражнений. Дэниел начал задыхаться. Его уже не интересовало, что Стражи Эдема делают на Четвёртом Уровне, почему воюют друг против друга, и почему в это же время Стрелки оккупируют улицы. Всё утратило важность. В разуме дрожащей нитью билась лишь одна мысль: «Они убили моих людей».

Бронированные мрази продолжали биться, не обращая внимания на людей. Поднатужившись, Роско отбросил навалившееся тело в сторону. И с ужасом понял, что его винтовке конец — погнутый ствол сиротливо смотрел в потолок.

Стражи продолжали бесноваться, клинки рубили и кромсали. И вдруг всё замерло. Протяжный вой разрывал сердце на части. Один ангел проткнул другого насквозь. Искусственная трава окрасилась чёрной кровью. Дэниел дрожал, наблюдая за стоящими на месте Стражами. Только теперь он смог рассмотреть их броню. Один напоминал воина древности — нагрудник с декоративным рельефом человеческого тела, высокий вытянутый шлем с плюмажем, в прорезях для глаз кромешная темнота. Если бы не пулемёты на запястьях, да шестиствольные ракетницы на плечах, он бы сошёл за музейный экспонат. Вытащив клинок, Страж пнул врага и сложил жестяные крылья за спиной. Убитый ангел с металлическим грохотом отлетел к маленькому фонтану. Во все стороны полетели осколки гипса и керамики. Мертвец походил на модернистскую скульптуру — тело, выполненное из стали, отражало свет. На переломанных ногах висели сандалии, торс покрывало подобие туники из маленьких металлических колец. Вытянутое, искусно вылепленное лицо застыло в гримасе боли.

Живой Страж повернул голову в сторону Дэниела. Роско готов был поклясться, что где-то там, за прорезями на шлеме, он видит глаза: внимательные, оценивающие, не сулящие ничего хорошего. Боевые стимуляторы врубились в полную силу, подавив остатки боли. Дрожащей рукой Дэниел потянулся за кинжалом. Он встретит смерть на своих двоих, а не катаясь по земле беспомощным пораженцем. Какая разница, что противника он даже не поцарапает?

Рукоятка приятно охлаждала руку. Дэниел забыл о ране, боли, об отце и Сабрине. Он должен отомстить за своих солдат. Шаг, второй, третий. Чем сильнее он разгонялся, тем сильнее хотелось бежать. Быстрее, ещё быстрее! Покончить всё разом!

Дэниел поднял кинжал над головой, словно карающий меч. Кто-то громко выл. Через секунду Дэниел понял, что воет он сам.

Мир замедлился, сузился до одного момента. Страж медленно и нехотя повернулся к источнику раздражающего воя. Будто осознавал, что один безумец вряд ли что сможет сделать.

«Он не человек, — думал Дэниел, отсчитывая доли секунд до конца своей жизни. — Ему не страшна ядовитая атмосфера, не страшен голод, не страшна смерть. Идеальное оружие. Воплощённый ангел возмездия. Ну что я смогу своим кинжальчиком ему сделать?»

Он опустил руку, целясь в шлем врага. Тот не двигался.

«Почему он не бежит?!»

Кинжал вошёл в лицо Стража, прорвав полсантиметра брони, раздробив кость черепа, и застрял. Ангел задрал голову, словно взнузданный, взмахнул руками. Дэниел с какой-то странной отрешённостью смотрел, как клинки Стража сходятся на его предплечье, закутанном в лангетку, проходят сквозь плоть и выходят с другой стороны, не встречая никакого сопротивления. Затем глухой удар в грудь — видимо, ангел решил его пнуть. Спина ударяется обо что-то очень твёрдое. И тишина.

Над головой — маленькие тёплые солнца, ласкающие лицо своими лучами. Под потолком носились тени: будто бы небеса устроили войну. Фейерверки, звон клинков, визжащие твари, чью плоть разрывали пули и ракеты. Хлопанье крыльев, будто тысяча ангелов решила взмыть одновременно.

Изо рта полилась кровь — видимо, одно из сломанных рёбер прокололо лёгкое. «Больно… как же больно… Сабрина? Сабрина, я скоро буду… только подожди… Как же хочется лежать и не вставать. Никогда…»

5. Наказывать и защищать

«Коп как аккумулятор: в нем есть свои плюсы и свои минусы, и чем дольше он служит — тем меньше остается энергии. В конце концов, его и посадить можно»

Каро Нильс, статья «И немного о правосудии»

22 мая, 541 год после Освобождения

— Таким образом, господа, мы имеем дело с самым масштабным вторжением в истории, — произнёс капитан Тэйт и сделал паузу. Судя по рожам, смысл его слов не сразу впитался в разумы слушателей.

Клэй сильнее прижал старый добрый дробовик к груди. Не любил он расставаться с оружием, даже на брифинге. Пусть все оставили пушки у оружейников. Война приучила его, что жизнь и смерть разделяют доли секунд. Чем ближе держишь ствол, тем больше шансов не сдохнуть. Складной приклад дробовика испещряли засечки — количество убитых на войне синегубых. Сааксцы любили неожиданно нападать из джунглей и драться холодным оружием, а Клэй любил встречать врагов порцией свинца в лицо. Война кончилась, забрав кучу друзей и оставив старый дробовик. Сталь «Чёрной метёлки» приятно охлаждала руки. Первый автоматический прототип, с которым никто не хотел возиться. Капризное, требующее постоянного ухода оружие, еле пригодное для боёв во влажном климате. Даже спустя десять лет оружейники Синдиката так и не довели красотку до ума, перечеркнув перспективы массового производства. Пришлось Клэю лично модифицировать малышку. Благодаря мозглякам Башни, «Метёлка» научилась регулировать разброс дроби. Хочешь, пали по толпе веером, хочешь, кучно снимай врагов по-одному. Возбуждение перед битвой захлестнуло с головой. Это старое знакомое чувство.

То, что он так старательно подавлял. Он больше не в джунглях. Не на войне. Клэй стиснул зубы. Удовольствие от смертей получают только психопаты. А он ведь не псих, верно?

Клэй всё же позволил себе усмехнуться. Опять его окружали трусы, ничего не знающие о вкусе настоящей войны. Один умник

сказал, что время ходит кругами. Тогда Клэй ничего не понял и на всякий случай разбил собеседнику морду. Как оказалось, мозгляк был прав.

Клэй всё же признал: он несправедлив к ребятам. Полицейские грызлись с гангстерами чуть ли не каждый день. Словить пулю — святое дело. Как тут не просолиться? Патрульных готовили в любую минуту стрелять первыми. Но даже самые крутые бойцы не видели Второй Священной. К их же счастью.

Клэй не хотел вспоминать войну. От прошлого себя его выворачивало. Но предвкушение боя всё так же вызывало возбуждение, как он ни старался его подавить.

Копы собрались в огромном конференц-зале, чтобы выслушать брифинг Тэйта. Голографические схемы и карты Четвёртого Уровня парили в воздухе. Даже конченый дебил мог оценить ситуацию.

Два круга, один внутри другого. В самом центре маленькая корона — Дворец Синдиката. Чуть левее от неё жирной кляксой врастала в белизну карты Башня Правосудия. Периметр внутреннего круга оказался в оцеплении маленьких красных стрелок. Стрелки атаковали Центр со всех сторон одновременно. А это значило одно — полную жопу.

— Но что насчёт окраин? — поинтересовался лейтенант Таггарт. — У нас там есть сканеры?

— Да, конечно. Изображение! — приказал Тэйт.

Стена за его спиной превратилась в огромный экран, разделившийся на сотни небольших квадратов. В каждом из них были показания со сканеров.

— Проклятье, — раздалось в толпе.

— Враг не тронул окраины, — прокомментировал и так всем очевидное Тэйт. — А значит, они объединились со Стрелками.

— Мошонка Освободителя, — пробормотал стоявший рядом с Клэем Альберт. По его пухлому лицу стекали крупные горошины пота. Клэй не мог не согласиться с другом. Хуже ситуация была только на войне.

— Давно пора было почистить окраины! — крикнул лейтенант Таггарт. — Бандитская мразь никогда ничему не научится.

«Да, без Крестоносца Башня сильно сдала». Пятнадцать лет назад один полицейский сумел изменить всё. Организованной преступности так сильно дали по яйцам, что она просто схлопнулась. Сделав дело, Крестоносец, как любой нормальный герой, ушёл со сцены. Исчез без следа. Многие позабыли его настоящее имя — тот предпочитал только псевдонимы. Мир

долго не продержался. Преступники полезли обратно, как дерьмо из забитого унитаза. И новый картель Алой Розы теперь хорошенько щекотал копам нервишки.

— Для начала нам нужно остановить вторжение. Если мы не поможем Синдикату, Стрелки прорвут оставшиеся линии обороны, и тогда весь Центр окажется во власти врагов, — продолжал Тэйт, взмахнул руками и сконцентрировал изображение на северной части Центра. С этой стороны круг уже покрылся красным цветом. Стрелки прорвались здесь и постепенно подминали под себя всё больше территории.

У Клэя зачесались кулаки и, чтобы отвлечься, он захрустел костяшками. Видит Бог, битва всё ближе и ближе. «Наконец-то у меня будет достойный противник», — подумал он. Он уже представил, как схлестнётся с врагом, как будет драться с ним до последней капли крови и не успокоится, пока не одержит победу. Клэй ненавидел войну и то, что она приносит, но, чёрт возьми, как же он любил хорошую драку.

— Могила, у тебя такая рожа, будто ты сейчас кончишь, — буркнул Альберт, и Клэй подобрался. — Скажи, всех альбиносов возбуждает насилие или только тебя?

Клэй не ответил. «Ты конкретный ублюдок, если тебе нравится убивать людей», — сказала ему как-то в сердцах Алисия. И была права. Благодаря ей он становился лучше. Прямо как Освободитель завещал.

— Следующая цель на их пути — площадь Освобождения, Пятнадцатый Сектор. Его защищают лучшие армейские части Синдиката, но их недостаточно. О стратегической важности площади я не буду говорить, это и так все знают.

«Если синдикатовцы потеряют Пятнадцатый Сектор, отвоевать его уже будет невозможно», — подумал Клэй. Хоть он и не питал нежных чувств к Семьям, но обрушившаяся катастрофа затрагивала каждого. По слухам, Стрелки убивали всех без разбору, и этого Клэй простить им не мог.

Копы шёпотом переговаривались между собой.

— Это же самоубийство. Мы просто патрульные, нахера нам воевать? Пусть Синдикат сам разбирается!

— Тихо, а то кто-нибудь услышит.

— Тэйт сошёл с ума. Он не имеет право посылать нас на войну. Что комиссар Фарго на это скажет?

— Комиссар уже отдал приказ о полной мобилизации, дурень. Мы или воюем, или умираем.

— Ты первее всех сдохнешь, Горвиц, если не заткнёшь пасть.

«Трусы и пораженцы, — подумал Клэй. — И этих людей Эдем оставил противостоять Синдикату…»

— Мы распределим силы по всем направлениям, укрепим тылы армейцев, — сказал Тэйт. — Но лучшие части отправятся защищать площадь Освобождения. Спецназ?

— Здесь! — сержанты соединений бронепехоты стояли чуть в стороне от основных сил, будто подчёркивая собственное превосходство.

— Кучка мудаков, — пробормотал Альберт. — Жопошники свинцовые.

— Вы туда же, будете остриём линии обороны, — сказал Тэйт спецназовцам, и те недовольно заворчали. — Запомните, площадь нужно отстоять любой ценой. Разойтись!

— Пошли, пошли! — раздались громкие крики сержантов. Основная масса полицейских рассосалась, а затем снова собралась, организовав цельный строй. Командиры встали рядом со своими отрядами. Голографические изображения потухли, в помещении включился свет, и Клэй в который раз поразился, какие же высокие в конференц-зале потолки. Прямо над его головой находилась фреска, изображавшая столкновение Освободителя с силами зла. Противник мессии казался аморфной тёмной массой, похожей на наползающий туман или дым. Броня спасителя Первого Города сверкала в лучах заходящего солнца, распростёртые крылья перекрывали горизонт, а лицо пряталось под замысловатой маской. Клэй нащупал боевой крест, прицепленный к нагруднику бронежилета, и улыбнулся. Когда-то он думал, что убивает людей во имя Бога. Те времена прошли.

По широкому коридору отряды полицейских двинулись к ангару.

— Мы в полной жопе, — повторил Альберт, обгоняя Клэя. — Джейсон, там же настоящая война. Нас в пекло посылают.

— Давно пора, — отозвался Клэй. — Я уже заскучал по хорошему движняку.

— Маньяк, — заключил Альберт, качая головой. Толстяк порядком вспотел — отсутствие хорошей подготовки играло с ним злую шутку. — Не зря тебя начальство понижает всё время.

В ангаре царил организованный хаос. Механики проверяли машины, водители прогревали двигатели, запах выхлопов приятно щекотал нос. Клэй оглядел лица присутствующих и с гордостью заключил, что боятся все. Все, кроме него.

Он так давно не слышал пения войны, что и забыл, как оно звучит.

— Сержант Сандерс! — раздался чей-то оклик. Отряд Клэя остановился. К ним двигался невысокий смуглый мужчина в кожаной куртке и с чёрными, зализанными назад волосами. В них уже виднелась лёгкая проседь, да и лицо человека покрывали

морщины. Середину нижней губы пересекала маленькая синяя полоска. «Сааксец», — с неудовольствием подумал Клэй.

— Детектив де Салман, — ответил Сандерс. Пальцы молодого сержанта отбивали по кобуре нервную чечётку.

— У меня приказ от самого комиссара. Вы отправляетесь со спецназом. Будете помогать защищать площадь Освобождения.

Глаза Сандерса округлились. «Да, дружок, получил сержанта — полезай в кузов», — с удовлетворением подумал Клэй.

— Но… но ведь… туда посылают лучшие части! — попытался отмазать он.

Из-за спины детектива показались огромные тени, почти двух с половиной метров ростом. Выйдя на свет, они превратились в экзоскелеты спецназовцев. Пять абсолютно чёрных машин с мягкой поступью, чудо инженерной мысли Эдема. Если «Каратели» походили на неповоротливую коренастую гору мышц, то этот класс экзоскелетов, «Нефилимы», являл собой образец элегантности и красоты. Высокие, с пропорциональными конечностями, экзоскелеты напоминали увеличенную версию очень худого человека, сделанную из железа. На спинах экзоскелетов покоились крупнокалиберные пулемёты с ленточным питанием.

Носить экзоскелеты имели право только соединения бронепехоты, спецназ полиции. Их отряды всегда состояли из пяти человек. Проходя мимо группы Клэя, один из спецназовцев поднял забрало шлема. Сержант Буч, молодой и амбициозный говнюк, явно метивший, как минимум, на место капитана. Клэй будто смотрел в зеркало и видел прошлого себя.

— Увидимся на поле боя, Сандерс! Если ты до него доживёшь! — хохот сержанта действовал Клэю на нервы. У него аж руки зачесались — так хотелось измордовать самодовольного ублюдка.

Пять бойцов в экзоскелетах погрузились в специальный БТР, рассчитанный под их размеры. Боевая машина двинулась к лифтам. Тем временем, детектив-сааксец продолжил:

— Не бойтесь. Вы будете замыкать спецназ. Спрячетесь за их бронёй. Тем более их пятеро, целый отряд. От вас ничего особо и не потребуется. Вы нужны лишь для того, чтобы прикрыть экзоскелеты в ближнем бою, вдруг возникнут какие-то проблемы. Их не возникнет, не возникало никогда. Но процедура есть процедура.

— Пусть мы и нужны там. Но ты не нужен здесь, синегубый. Так что проваливай, — прорычал Клэй. Коллеги отступили от него на шаг. Сааксец удивлённо вскинул брови:

— А, так это и есть Джейсон Клэй? Могила, о котором все

столько говорят? Наслышан, наслышан. Комиссар о вас самого высокого мнения. Говорит, что вы идеальный бешеный пёс, таких полиции не хватает.

— Тебе не тошно прислуживать первенцам, сааксец? — поинтересовался Клэй, постаравшись вложить в последнее слово всё презрение, на что был способен.

Детектив пожал плечами, на его тонких губах заиграла улыбка. Тёмные глаза заблестели.

— Вы сами меня сюда пустили. Дали работу, еду. Я уж не говорю об одежде, — детектив понюхал воротник своей кожаной куртки и закатил глаза. — Да я о таком прикиде у себя и мечтать не мог! Жаль только причёска не такая классная, как у тебя.

Клэй потрогал ладонью узкую полоску коротких белых волос и натянул кепку патрульного. «Седина — плохая примета», говорили ему когда-то малыши во дворе.

— Это причёска десантника, могавк. Названа в честь древнего полководца. Но чуркам это вряд ли известно.

Сааксец засмеялся:

— На войне я видел такую только у мертвецов.

Клэй сжал кулаки, чувствуя, как заработали сервомоторы внутри них. Война отняла у него старые руки, но Медцентр подарил новые, намного лучше и намного мощнее. Тело само двинулось навстречу детективу. Но через секунду Клэя с силой потащили назад.

— Потише, старина, — прохрипел Альберт. — Этот парень — очень серьёзная шишка, если ты не слышал.

— Это же сам Антар де Салман! — прошипел Тори.

— Да мне плевать, кто он, — рвался Клэй. — Я оторву ему голову и насру в неё.

— Мы поняли вас, детектив, — ровным голосом произнёс Сандерс. От его лица будто отлила вся краска. — Мы едем на подмогу спецназу и Синдикату.

Детектив подмигнул сержанту, достал из кармана жвачку и с умиротворённым видом протянул её Сандерсу.

— Хошь? — вопросил он. Сандерс покачал головой. — Ну как хошь.

Детектив уже удалился, а Клэй всё бушевал:

— Сукин сын, будет он ещё тут разгуливать. Да я из него душу выну.

— Странно, что ты с ним раньше не сталкивался, — заметил Альберт, утирая пот со лба. — Вам о многом можно бы поговорить.

— Делать мне нечего, как на всякое говно внимание обращать, — огрызнулся Клэй. — Да всё, толстяк, отпусти меня, я

спокоен! — крикнул он Альберту.

Тори глубоко вздохнул.

— Вот поэтому ты никогда и не станешь настоящим копом, Клэй.

— Это ещё почему, Джимми?

— Потому что у нас работа такая, в говне лазать. И не называй меня Джимми, я Тори.

— А для меня все вы Джимми, — оскалился Клэй.

— Могила! — прервал перепалку сержант Сандерс. На лице молодого копа царило обеспокоенное выражение. За очками расширенной реальности не было видно глаз, но Клэй не сомневался — в них тонула надежда и всплывал страх.

— Только друзья меня зовут Могилой, — окрысился Клэй.

— Джейсон… — быстро поправился сержант. Клэй удовлетворённо кивнул. — Слушай, мне нужна будет твоя помощь.

— Вот как? А мне за это что? Заберёшь заявление о моём увольнении?

— Слушай, Джейсон, — сержант стушевался, — считай, что я погорячился. Но ты сам понимаешь, как устав к этому относится…

— Тот говнюк мне чуть голову не снёс! Его нужно было обтесать.

— Клэй, да ты ему ноги переломал!

— Зато он никуда не убежал, — пожал плечами Клэй. Разговор только начался, а уже порядком ему надоел. — Так что с заявлением?

— Заберу я его, заберу, — проворчал Сандерс. — Скажи, ты же вроде как воевал?

Клэй усмехнулся. На его шее всё ещё оставались следы от первых ожогов, за исправление которых врачи выставили круглую сумму — пластические операции всегда обходились недёшево. Все годы изоляции жители Первого Города получали нужные витамины в еде и ультрафиолет от светосфер. Теоретически, это подготовило бы их к выходу наружу. На практике народ сильнее разве что от напалма обгорал. Со временем, привыкли все. Но никого на фронте не прижимало, как альбиноса, чья кожа никогда не видела солнца. Его даже поначалу не хотели брать, но Джейсон так отчаянно рвался на фронт, что комиссия сдалась и одобрила его кандидатуру. Клэй вспомнил боль, донимавшую даже после нанесения всех кремов и специальных препаратов. Но он выжил, когда столько хороших парней погибло.

— Воевал ли я? — переспросил Клэй. — Да я был богом войны, мать его. Десантником, царём небес и всего сущего. Я

столько людей поубивал, что ты за всю жизнь с таким количеством не познакомишься. Но, не буду врать, лиц не помню. Они для меня давно все слились в одного и того же синегубого ублюдка. Не подумай, что я расист, таких славных и достойных ребят, как убитые мною сааксцы, среди вас, подонков, точно не сыщется. Ух и задали они мне жару! Пришлось оставить половину кишок на фронте, чтобы вырваться, представляешь? Хорошо, хоть аугментикой мне их вернули!

Сандерс побледнел. Клэй столько раз видел эту реакцию на его слова, что даже не удивлялся.

— Ты командовал своим отрядом?

— Ага. А потом меня понизили до рядового.

— Почему, казалось бы… — пробормотал Альберт.

— Заткнись, толстяк, — беззлобно бросил Клэй.

— Джейсон, я попрошу тебя на время боя побыть сержантом вместо меня, — сказал Сандерс. — Комиссар… мне кажется, что комиссар хочет похоронить нас, отправив на эту миссию. Но, возможно, твой опыт спасёт нас.

Клэй усмехнулся. «Ну конечно».

Сержант сварился, сварился по полной. До такой степени, что комиссар послал его на самоубийственную миссию — вместе со всем отрядом.

Умничка Сандерс. Узкоглазый эмигрант не самого большого роста с желтоватой кожей, вознёсшийся к вершинам за борьбу с коррупцией. Его преступники в качестве защиты использовали не пули, а слова. За какие-то полгода Сандерс сделал блестящую карьеру, вылавливая нечистых на руку чиновников Синдиката. И теперь ему предстояло повидаться с войной.

После такого и обоссаться не стыдно.

— Я сделаю всё возможное, Джимми, — произнёс Клэй. Что бы там сержант ни наделал, пацанам из-за его ошибок гибнуть не нужно. Сандерса словно отпустило, он даже улыбаться начал.

— Ну что, тогда проверяем снаряжение — и вперёд!

Клэй остался ждать у бронетранспортёра. Хуже ожидания разве что ожидание при похмелье. Но иначе никак.

Он набрал Алисию, пока ещё было время. В голове предстал образ жены: узкая и короткая полоска зелёных волос посреди головы с налысо выбритыми боками, искусственные рожки из висков, пробитая кольцом ноздря и татуировки распятий всех видов и расцветок, опоясывающие шею. Как и Джейсон, Алисия носила протезы рук, но не из-за травмы, а по рабочей нужде — Башне требовались техники, умеющие подключаться к терминалам и при этом быстро печатать на клавиатуре. Где-то по пути к улучшению себя, как того требовала церковь, жена

потерялась и пошла не в ту сторону. Но Клэя всё устраивало: он не любил стандартную, скучную красоту. Наверное, потому так любил в детстве ломать игрушки.

Поднеся коммуникатор к губам, Клэй произнёс:

— Как там поживает моя любимая женщина?

— Джейсон? Джейсон, извини, все кураторы должны быть по рабочим постам. Я не могу сейчас говорить.

— А если я сдохну?

— Ничего с тобой не будет, — в голосе Алисии послышалась усталость. — Ты всегда выживаешь.

— Тогда до скорого, — буркнул Клэй и оборвал связь.

«А ведь она была так мила…» Прошло чуть больше года с их женитьбы. Не успел Клэй оглянуться, как любимая превратилась в усталый от жизни комок депрессии и ненависти. Второй брак готов был затонуть быстрее первого.

Одно успокаивало — его ждёт война, а она самая честная в мире дама. Война, какая бы грязная и жестокая она ни была, никогда не лжёт.

«Грёбаный, мать твою, псих. Крови захотелось, а?».

Клэй закрыл глаза, позволив воспоминаниям нахлынуть. Запахи зелени, жар палящего солнца, жужжание москитов и вонь мертвечины. Вся сладость в нескольких образах. Клэй поднял веки. Он всё ещё был в Башне Правосудия. Он всё ещё в чёртовой Башне, ждёт, когда, наконец, начнётся его миссия.

Пока они здесь прохлаждаются, другие ребята стоят насмерть. Хуже того — гибнут невинные жители. Стрелков нужно остановить, и чем быстрее, тем лучше.

Большинство других отрядов уже погрузились в бронетранспортёры. Водители выгнали машины на платформы лифтов, и те спустили их на магистраль. Ангар наполовину опустел. Отряды копов неслись в боевых машинах на помощь армейцам. Кто-то из них сегодня уже не вернётся домой.

А он застрял здесь, ожидая своих нерадивых коллег.

— Эй, друг, закурить не найдётся? — водителю стало скучно сидеть в кабине боевой машины. Выбравшись, неловко перебирая ногами, он спрыгнул на плац и протянул руку Клэю: — Я Джеки.

— Джейсон.

Лицо водителя испещряли старые ожоги, словно история времени совершенно другой реальности, не этой, такой чистой и выхолощенной. Клэй сразу признал ветерана. Как и Клэй, Джеки был одет в стандартную форму патрульного — бронежилет, высокие сапоги и зелёную кепку. Разве что патрульные отличались аккуратностью, а водила выглядел так, будто его из жопы вынули.

Открыв портсигар-утилизатор, Клэй поделился с Джеки и закурил сам.

— Ну и денёк, а? — затянувшись, сказал водила.

— Не то слово. Давно таких не было, — ответил Клэй и добавил: — Уж мы-то с тобой знаем.

Джеки кивнул.

— Шрамы откуда? — поинтересовался Клэй.

— Брал Карас. Вёл БМП. Подбили синегубые. Горел, — лаконично ответил водитель.

— Повезло тебе, — присвистнул Клэй. — Я уже дошёл до Караса, но тут меня комиссовали по восьмой статье.

— За что же тебя психом-то заклеймили?

— Из-за тупой офицерщины.

— С этими сволочами шутки плохи, — кивнул водитель. — Кому насолил? Может, я знаю.

— Естественно знаешь. Я с Воительницей поцапался.

Джеки захохотал.

— Ты серьёзно что ли? С самой принцессой?

— А ты не слышал? Эта сука крышей поехала в конце войны. Вздумала сааксцев спасать, — Клэй выразительно сплюнул. — Ты знаешь, скольких я синегубых перерезал по её прямому приказу?

«И не только по её». В голове всплыл образ напыщенного франта с красным бантом на шее, требовавшего всё новых и новых пленных для экспериментов. Клэй поспешил прогнать воспоминание.

— А тут на тебе, прямо из рук у меня одного мальца вырвала. Ну, ты знаешь, из этих, Штыков ихних. А за неповиновение влепила сладкую восьмёрку, да ещё всех заслуженных наград лишила.

— Да, братец, не завидую тебе, — ответил водитель. — Ну, кто же знал, что всё так обернётся, верно?

— Да, — произнёс Клэй. — Мы ведь воевали за Синдикат. Кровь проливали. А что в итоге? Этих же сааксцев Семьи приняли в Город с распростёртыми объятиями. Понимаю, они не заслуживали дерьма, что на них обрушилось. И всё же. Неправильно это как-то.

Водитель деликатно промолчал. Закончив смолить, он положил окурок в портсигар-утилизатор Клэя, поблагодарил его и вернулся в кабину. К этому моменту подтянулся Сандерс с отрядом. Клэй взглянул на коллег. Альберту не мешало бы затянуть ремень потуже (хотя на толстяке все ремни болтались), Кац забыл закрыть кармашек подсумка, Тори вообще бронежилет не застегнул.

— В машину! — приказал сержант Сандерс. Полицейские

погрузились в бронетранспортер. Клэй замыкал цепочку. Тяжело вздохнув, он закрыл за собой люк. День обещал быть очень весёлым.

* * *

— Какова обстановка? — в третий раз за пять минут спросил Сандерс у сидящего за мониторами куратора.

— Пока всё нормально, сержант. Армейцы ещё держатся. Но Джошуа Роско просит, чтобы мы поторопились.

— Ответь, что скоро будем.

С собрания прошло уже больше пятидесяти минут. Клэй сильно сомневался, что синдикатовцы протянут ещё час. Конечно, площадь Освобождения очень трудно взять, однако обычной усталости никто не отменял. Сколько бы там ни было солдат, им нужна помощь.

Клэй подключил коммуникатор к внешним камерам бронетранспортёра. Магистрали как-то разом опустели, поэтому боевая машина неслась к своей цели на всех парах. На горизонте то и дело появлялись вспышки огня. Оранжевые языки облизывали здания Центра.

Альберт присвистнул.

— Да там целый жилой блок горит!

Клэй представил, как запертые в ловушке огня жители пытаются спастись. Как от дыма они задыхаются и теряют сознание, как пламя плавит подкожный жир их тел, как в итоге от живых людей не остаётся ничего, кроме костей. Ему вспомнились сожжённые крестьяне синегубых. Воспоминание приносило радость.

Неудивительно, что Алисия его боится.

— Могила, опять у тебя это выражение лица, — буркнул Альберт.

— Это называется тысячеярдовый взор, — ответил Джейсон.

Машину тряхануло, и Клэй ударился затылком о стенку БТРа. Потерев голову, он подумал, что неплохо было бы уже надеть шлем и выбросить дурацкую кепку. В ней он себе напоминал грёбаного Джимми, задумавшего очередную пакость.

«Интересно, ему специально дали кепку как у копов? За такое ведь аниматоров и к уголовке привлечь можно…»

— Готовность пять минут! — прокричал водитель. Куратор перевёл мониторы в режим слежки за жизненными показателями отряда. На экранах возникла дюжина таблиц с именами полицейских, их сердцебиением, артериальным давлением и

видео с нашлемных камер.

— Проверить оружие и снаряжение! — приказал Сандерс. Пока ещё командование оставалось у него. Клэй натянул на голову шлем, включил камеру и проверил, работает ли она. Шлем полностью закрыл его лицо. На забрало спроецировались жизненные показатели коллег Клэя, карта Уровня, а также каналы связи. Клэй щёлкнул затвором дробовика. «Слишком долго, — подумал он. — Нам нужно двигаться быстрее». Кровь бурлила в его венах, а кожа горела от предвкушения.

— Могила, ты как? — спросил его Альберт.

— Жив, здоров, готов убивать, — Клэй ощерился под шлемом.

— М-да, это меня и смущает, — пробормотал в ответ толстяк.

— Клэй? — сказал Сандерс. — Принимай командование.

— Так, ребята, — Клэй наклонился вперёд и сложил руки перед собой, — слушайте меня. Я привезу вас обратно живыми, если всё сделаете правильно. Мои приказания выполнять беспрекословно, я…

— Да ты задрал, Могила, мы всё это знаем… — подал голос Тори, но Клэй заткнул его ударом кулака по забралу.

— Не раскрывай хлебало! — гаркнул Джейсон. — Будешь столько болтать — не обещаю, что вообще будет что хоронить.

— Успокойся, я просто…

— Заткнись. Если я скажу «падать», вы падаете. Если я скажу «стоять», вы стоите. Никакого, мать вашу, геройства. Это не наша война, это война Синдиката. Мы лишь здесь в качестве подмоги. И потом, с нами спецназ. Пусть они идут вперёд. Не высовывайтесь понапрасну. Пуля — дура, но бьёт больно, а часто и смертельно.

Отряд молчал, и Клэй принял это за хороший знак.

— Отлично сказано, Джейсон, — произнёс Сандерс. — Спасибо.

Хоть лицо сержанта и скрывал шлем, но Клэй готов был поклясться, что лицо узкоглазого в кои-то веки расслабилось. Они все доверили ему свои жизни.

Если что-то пойдёт не так — что же, мертвецы не жалуются.

— Сержант! — крикнул куратор. Сандерс и Клэй обернулись чуть ли не с отрепетированной синхронностью. — Вам надо это услышать!

Включилась громкая связь:

— Это Джошуа Роско! — кричал офицер Синдиката. — Они… они прорвались с нашего тыла! Нужна поддержка! Повторяю, срочно нужна поддержка! Мы потеряем площадь Освобождения!

Клэй оценил, с каким спокойствием говорил синдикатовец.

Он знал, что умрёт, но при этом думал о том, как удержать позицию и не дать врагу прорваться.

Клэй вспомнил, что знавал одного Роско на войне. Крутой был мужик. Жаль, до Караса не дошёл, из-за ранения комиссовали. Похоже, говорил сейчас его брат.

— Говорит сержант Кель Сандерс! — Сержант так резко вклинился в эфир, что Клэй дёрнулся. — Мы уже едем! С нами спецназ в экзоскелетах! Держитесь!

— Поторопитесь, — почти что на выдохе выговорил синдикатовец и тут эфир разорвали громкие вопли. Сердце Клэя застучало со скоростью пулемёта.

«Вот она, война!»

— Проклятье! — крикнул Сандерс и обратился к водителю. — Жми, что есть!

— Но тогда мы обгоним спецназ! — ответил Джеки.

— Так подтолкни этих мудаков! Без них мы будем там как мишени в тире!

— Сандерс, мать твою! — в эфире раздался голос сержанта Буча, командира отряда спецназа. — Куда ты так гонишь?

— Ты что, не слышал? Их взяли в клещи! Если мы потеряем площадь, то всё, нам жопа!

— Не паникуй, сопляк, — прогремел Буч. — Ничего страшного не случится. Мы с вами.

— Так пошевеливайтесь, чёрт вас подери! — почти проорал Сандерс. — Иначе уже некого будет спасать.

Клэй вклинился в эфир.

— Эй, Буч, это Джейсон Клэй.

— Кто?

— Хер в пальто. Поешь говна и сдохни.

— Да как ты разговариваешь со старшим по званию, молокосос?!

— Я убивал синегубых, когда ты только дрочить начал. Могила, слыхал о таком?

Буч молчал.

— Так я и думал. Так что слушай сюда, если ты не поднажмёшь, я лично найду тебя и трахну в глаз, понятно?!

Буч продолжал молчать.

— Я спросил, понятно?!

— Хорошо, Клэй, — ответил Буч и отключился. Джейсон включил внешние камеры БТРа и увидел, как транспорт спецназа набирает скорость и едет вперёд.

— У тебя серьёзная репутация, — заметил Сандерс. Клэй пожал плечами.

— Синдикатовцам всё равно хана. Мы тупо не успеваем.

Прошло ещё пять напряжённых минут, прежде чем Джеки предупредил:

— Сейчас нас ждёт открытый отрезок трассы. Со стороны площади мы как на ладони, простреливаемы только так. Если что…

— КОНТАКТ! — вдруг заорал Буч по рации.

Свист, грохот, а затем громкий взрыв. БТР патрульных тряхануло, Клэй почувствовал, как желудок уходит у него в пятки. Температура будто повысилась градусов этак на тридцать. Пули забарабанили по броне.

— У них гранатомёт! У них гранатомёт! — вопил как заведённый Джеки, выворачивая руль. — Спецназ накрыли!

— Гони назад! — заорал Клэй.

Внешние камеры показывали горящую коробку из железа, бывшую когда-то БТРом спецназа.

— Вот и всё, — чуть слышно прошептал Альберт. Командный эфир сыграл с ним злую шутку, и слова услышали все.

— Твою мать!

— Клэй!

— Заткнуться всем! — проревел Джейсон. — Джеки, паркуйся за остовом БТР спецназа, левым бортом к врагу! Паркуйся, я сказал! Оттуда их гранатомёты нас не достанут.

— Клэй, не гони! — заорал Тори, и Клэй снова ударил его в забрало, да так, что оно потрескалось. «Проклятая аугментика», — подумал Джейсон, уставившись на разбитый кулак. Из-под кожи показался металл.

— Выбраться наружу — наш единственный шанс на выживание. Джеки!

— Да всё уже! — водитель затормозил. — Валите! Вперёд!

Клэй отворил люк, и копы посыпались наружу.

— Джеки, вылезай тоже! — крикнул он. Как только водитель покинул машину, Клэй захлопнул за ним люк. По нему тут же забарабанила дюжина кулаков. Включив общий канал связи, Джейсон произнёс:

— Вы все останетесь здесь и попытаетесь спасти спецназовцев. Я иду один, попытаюсь прорваться.

— Ты дебил?! Тебя же там накроют!

— Кто кого ещё накроет, — прошептал Клэй с азартом. Он успел поводить бронетранспортёры на войне, поэтому понять управление труда не составило.

Если Стрелки закрепятся на площади Освобождения, то их оттуда не выкуришь даже с экзоскелетами, это Клэй знал точно.

Отъехав от горящего остова транспорта спецназовцев, Клэй развернулся на месте и, лавируя, погнал в сторону площади.

Подключившись к внешним камерам, он приметил гранатомётчика — совсем небольшой отблеск на крыше здания. Высоко, но не так, чтобы очень. С такого расстояния легко промахнуться. Кусок магистрали тянулся до площади около километра. Целый километр дороги, не окружённой зданиями, открытой для стрельбы с любой стороны.

— Врёшь, не возьмёшь! — проорал Клэй и утопил педаль в пол.

Гранатомётчик выстрелил и время замедлилось.

Взрыв ухнул близко, слишком близко для того, чтобы чувствовать себя комфортно.

Через несколько ударов сердца Клэй понял, что пронесло. Он всё ещё жив. Он всё ещё едет навстречу по дороге к площади. Клэй расхохотался.

— Вы же сдохнете, ублюдки! — заорал он, замыкая руль и педали. Теперь БТР нёсся на всей скорости по прямому участку дороги прямо на баррикады. Если площадь уже захватил враг, то машина вонзится в строй противника, как нож в масло.

Оставалось молиться, чтобы по нему не выстрелили из гранатомёта ещё раз.

Закинув за спину дробовик, Клэй отворил отсек боекомплекта БТРа. Достав из кармана гранату, он установил детонацию на пятнадцать секунд и вырвал чеку. Оставалось только положить «грушу» в коробку с патронами и закрыть крышку. Пол под ногами качался. Оставались считанные секунды до столкновения с баррикадами. Где-то позади раздалось ещё два взрыва — Стрелки не собирались сдаваться просто так и продолжали палить из гранатомётов.

Клэй выбил люк и прыгнул.

Колени, руки, торс, ступни — всё охватил жуткий, невыносимый огонь. Хорошо, что шлем защитил голову. Клэй заорал от боли и счастья.

Он давно не чувствовал себя настолько живым.

Где-то вдалеке раздался оглушительный взрыв, и звуковая волна ударила по лежащему патрульному, что продолжал хихикать, словно малой ребёнок. Достав из внутреннего кармана шприц со стимуляторами, Клэй поторопился вколоть их. Сразу стало намного легче. Ободранная до костей кожа на аугментических руках, крепкий ушиб левой ноги, да несколько сломанных ребёр — ничего страшного, могло быть хуже.

Почувствовав прилив сил от стимуляторов, Клэй прыгнул вперёд, к ближайшей баррикаде. Он чувствовал тепло, растекающееся по всему телу, и жар, исходящий от взорванного бронетранспортёра. Повсюду лежали изувеченные и обожжённые

тела противников. Очищающее пламя войны смывало все грехи, всегда и повсюду.

Клэй включил камеру на стволе дробовика и поднял его над укрытием. Изображение с камеры спроецировалось на забрало. Ставки были не в пользу Клэя, но так было даже интереснее.

Оставшиеся в живых Стрелки открыли по Клэю пальбу. Где-то впереди, в дыму, слышались неизвестно чьи крики и стоны — синдикатовцев или же раненых врагов. Как это всегда бывало, сознание Клэя во время боя замедлилось, сделалось тягучим, словно суп из утилизатора. Он неторопливо оценил обстановку. Площадь почти со всех сторон окружали жилые дома. Одни довольно высокие, другие не превышали и пятнадцати этажей. Если жители не успели сбежать, то погибли либо от перекрёстного огня, либо от взрыва, устроенного Клэем.

Подходов к площади существовало два, один северный и один южный. С северного наступали враги, с южного прибыли полицейские. Так как же Стрелки сумели ударить в тыл?

Снова подняв дробовик над укрытием, Клэй приметил первого противника. Безусый, совсем молодой юнец в длинном сером плаще и шляпе бежал к нему, на ходу стреляя из старинного револьвера. Клэй, не вылезая из укрытия, с невыносимым удовольствием нажал на спуск. Дробь разорвала пацану живот и отбросила его назад с такой силой, что он откатился на пару метров. Во все стороны хлынула кровь.

«Первый на счёт пошёл», — с удовлетворением подумал Клэй и, перемахнув через остатки баррикады, перебежками бросился вперёд. Он всё пытался найти гранатомётчиков, уничтоживших полицейские БТРы ещё на подходе. Долго искать не пришлось — двое Стрелков пытались скрыться за огромной статуей Освободителю. Их однозарядные гранатомёты дымились.

Клэй вскинул дробовик и одним выстрелом снял обоих. С правого бока послышались сухие щелчки, и Клэй рухнул вниз. Периферийным зрением он приметил ближайших противников. Один наверху, в окне, трое возле лестницы в дом. Раз плюнуть.

Клэй достал светошумовую гранату и бросил её врагам. Секунда — и ближайшие уроды оказались беспомощнее котят. Клэй поднялся и со всех ног бросился к зданию. Троих у лестницы он расстрелял в упор. Последний Стрелок, что был у окна, через него же и вывалился. Для уверенности Клэй пробил его голову одним ударом кулака. Брызги крови покрыли забрало шлема — благо, оно тут же автоматически очистилось.

— Клэй, что ты делаешь?! — раздался голос Альберта по рации.

— Стреляю, убиваю, — прорычал Джейсон и оборвал связь.

Что ему нужно было в последнюю очередь, так это окрики коллег.

От мыслей его отвлекла пуля, чиркнувшая по шее. Клэя это так поразило, что он даже не сразу убил Стрелка, её выпустившую. Встав во весь рост, Джейсон сделал несколько шагов к еле стоящей на ногах фигуре в плаще. Ещё один юнец, с трудом взводящий курок револьвера.

— На таком расстоянии — и промахнулся… — сокрушённо покачал головой Клэй. Шлем превращал его голос в утробный рык. Юнец явно перепугался, пальцы его не слушались. Быстрым ударом Клэй сломал Стрелку кадык и отбросил револьвер в сторону.

За статуей Освободителю слышались крики на непонятном языке. Стрелки постепенно приходили в себя. И по количеству голосов Клэй вдруг понял, что дым от взрыва прикрыл, как минимум, несколько десятков врагов.

— Твою-то мать, — только и успел сказать он, прежде чем парни в серых плащах и шляпах начали выходить из-за статуи. Клэй бросился назад, на ходу отстреливаясь из дробовика. Двое Стрелков из переднего ряда рухнули, стоящие позади открыли огонь. Джейсон почувствовал, как несколько пуль врезалось ему в бронежилет. Он нырнул в подъезд жилого дома и быстро поднялся по лестнице на второй этаж. Стрелки следовали за ним. Вытащив из подсумка гранату, Клэй выдернул чеку и отправил «грушу» вниз. Стрелки завопили, но было уже поздно — взрыв разметал сразу шестерых бойцов. И всё же враг не сдавался, продолжая переть вперёд, будто ничего и не произошло.

— Да что же с вами не так, сукины дети?! — пробормотал Клэй.

Первый поднявшийся на площадку Стрелок лишился головы — от выстрела из дробовика она взорвалась, словно переспевший плод. Следовавшие за ним вопили, что есть мочи, в их глазах читался страх, но останавливаться они не собирались. Их старинные револьверы щёлкали, выпуская одну пулю за другой, но куча мала из тел мешала Стрелкам нормально прицелиться. Парочка шальных кусочков свинца чиркнула Клэя по плечу и ноге.

— Жалкие ублюдки! — пророкотал Клэй.

Как только патроны в дробовике кончились, он вынул из кобуры пистолет и начал дырявить врагам головы. Семь пуль — семь трупов. Очередная порция противников закончилась. Убивать таких врагов было всё равно что избивать детей. Они и были детьми, самому старшему на вид едва исполнилось восемнадцать. Клэй рычал от недовольства. С неравным врагом воевать неинтересно. Но тут Стрелки его приятно удивили.

Пока Клэй перезаряжался, на лестницу вбежал юноша и, заорав диким голосом, бросился на копа с ножом. Джейсон инстинктивно заслонился рукой, и клинок пропорол её насквозь. Второй рукой Клэй схватил Стрелка за горло и поднял его над полом.

— Пошёл… ты… — пробормотал Стрелок на языке первенцев, выхватил из кобуры револьвер и пальнул копу в ногу. Джейсон заорал и ослабил хватку. Стрелок покатился вниз по лестнице. Через секунду раздался громкий хруст — неудачное приземление сломало пареньку шею.

Кровь толчками лилась из простреленного бедра, и Клэй почувствовал, что теряет сознание. Шприц со стимуляторами он использовал ещё у баррикад. Вынув из подсумка баночку с заживляющем гелем, Клэй полностью вылил содержимое на рану. Края тут же начали затягиваться, послышалось лёгкое шипение, но лучше не стало. Скрипя зубами, Клэй начал спуск по лестнице.

И тут стена за его спиной исчезла. Осколки вонзились в Клэя, взрывная волна обожгла шею и руки. Повалившись вперёд, он очутился в горе трупов. На груди будто сложили десяток камней. Громко всхрапывая, Клэй заработал руками, пытаясь выбраться на поверхность. Забрало шлема еле успевало очищаться от крови.

Остекленевшие глаза окружали его, а пальцы мертвецов, казалось, не хотели отпускать в мир живых.

Он был настолько близок к грани, что даже расстроился, когда наваждение отпустило.

Еле выбравшись на лестницу, Клэй пополз к дыре в стене.

— Солдат! Ты отлично повоевал. Выходи, мы не убьём тебя. Тебе всё равно бежать некуда!

Стрелок говорил на чистейшем первенском. Рядом с ним стоял перепачканный сажей высокий офицер Синдиката. Униформа на нём частично сгорела. Стрелок не сводил с синдикатовца ствол револьвера.

Клэй поднялся во весь рост и спустился по лестнице, осторожно перешагивая через трупы и держась за стену, чтобы не упасть. Ногу жгло калёным железом. «Да он, похоже, кость задел», — подумал Клэй, обливаясь потом от боли.

Он ещё мог отступить, но в конечном итоге Стрелки всё равно нашли бы его и выстрелили в спину. А умирать как пораженец категорически не хотелось.

Покинув здание и выпрямившись перед строем Стрелков, Клэй постарался придать своей фигуре максимально грозный вид. Все Стрелки, что ему встретились, были не старше семнадцати-восемнадцати лет. Сраные дети — хотя у сааксцев солдатики были ещё младше. Выказывать слабость перед таким

противником ой как не хотелось.

— Вы пришли… — с обречённостью в голосе произнёс офицер Синдиката. «Так это и есть Джошуа Роско, — подумал Клэй и почувствовал лёгкий укол совести. — Извини, браток, совсем чуть-чуть не успели…»

Из дыма выходило всё больше и больше фигур. Клэй понял, что бежать действительно некуда. Врагов, судя по всему, набралось не меньше сотни, а шлем всё не прекращал их считать. Клэй переключился в режим тепловизора — и ему стало совсем уж не по себе. Сто двадцать человек, сто сорок…

— Они задавили нас, — сказал Роско. Даже в такой момент он умудрялся сохранить некое подобие достоинства. Он не выглядел испуганным, он выглядел усталым. Но даже перебитая нога не могла помешать его офицерской выправке. Подняв глаза на Клэя, Роско сказал: — У них здесь тайные ходы на Пятый Уровень. Здесь, прямо под площадью. Они ударили нас с двух сторон, когда мы меньше всего ожидали. Мы ничего не могли поделать. Король приказал подорвать оба моста, когда площадь захватят. Запереть врага здесь. Но я не успел…

— Никто ни в чём вас не винит, — ответил Клэй. Дым постепенно рассеивался, больше нужды в тепловизоре не было. Шлем насчитал сто сорок девять противников, и неизвестно, сколько ещё могло прийти через те самые тайные ходы. — Почему они дают вам говорить?

— Я потерял треть своих парней, прежде чем приказал сложить оружие. Если бы мы не сдались, перебили бы всех. Так у них есть хоть какой-то шанс, — Роско усмехнулся. — Они чего-то хотят.

— Мы хотим перемирия, — произнёс стоящий рядом Стрелок. Он вдруг опустил револьвер и убрал его в кобуру. — Этот человек, — кивнул он в сторону Роско, — будет официальным свидетелем нашего милосердия.

Клэй огляделся. Роско сказал, что треть его людей погибла, но тел нигде не было видно.

— Где мёртвые армейцы? — спросил Клэй. — Что вы с ними сделали?

— Их забрали на себе выжившие. Потом мы похороним их со всеми почестями. Подальше от вашей тирании, — Стрелок неловко улыбнулся. — Я требую переговоров.

— Да? И каковы твои условия?

— Мы захватили площадь Освобождения. Синдикат её никогда не сможет отвоевать, если мы этого не захотим. Все ваши войска, танки, экзоскелеты — ничего вам не поможет, ибо оружия у нас достаточно, людей много, а решимости ещё больше. Ваш

единственный выход: перемирие. Мы оставляем себе всё завоёванное, но наступать дальше не будем. А король может и дальше жить с тем, что у него осталось. Неужели мы так много просим?

Клэй промолчал. Уж точно не этого он ожидал.

— Ты… ты это сейчас серьёзно? — спросил Клэй. Ему хотелось выхватить оружие и выстрелить в переговорщика, но что-то удерживало его. На войне он научился распознавать правду ото лжи. И Стрелок не врал, Клэй видел это по глазам. Сняв шлем, он медленно подошёл к переговорщику.

— Ты не из Синдиката? — спросил Стрелок.

— Нет. Я полицейский.

Стрелки начали щебетать между собой на своём птичьем языке.

— Это… это есть очень печально, — косноязычно заметил Стрелок. Хоть акцента у него и не было, первенский явно дался ему с трудом. Джейсону показалось, что в голосе врага прозвучала надежда. — Но мы не хотим войны. Ни с вами, ни с Синдикатом. Просто верните то, что причитается нам по праву.

— А вы вернёте убитых вами гражданских? — спросил Клэй. Стрелок вспыхнул.

— Это всё ложь, пропаганда Синдиката! — протараторил он. — Мы никогда не хотели убивать мирных жителей. Наша цель — остановить короля от совершения дальнейших преступлений!

— Позади меня горит жилой блок, наверняка с людьми внутри.

— Это армия задействовала артиллерию, — ответил Стрелок. — Ты слышишь периодические взрывы? Палили в нас, а попали по своим.

Клэй пожал плечами. На войне это так часто происходило, что он даже не удивился.

Стрелок покачал головой, на его лице возникла маска отвращения.

— Карл Лоренс делает из нас пугало, чтобы держать народ в узде. А люди верят.

— И стреляют, — заметил Клэй. Его веко дёрнулось от боли — снова потянуло в бедре. — Вы как-то не особо расстроены смертями, учитывая, сколько ваших я положил.

Стрелок печально покачал головой:

— Рождённые во тьме не должны бояться смерти, — с сосредоточенностью произнёс он.

От этой мысли Клэю даже стало смешно. Война отняла у Джейсона кучу друзей, и он прекрасно знал, что такое смерть. Даже сааксцы боялись, чего уж говорить об этих детях в плащах и

шляпах? Но их храбрость он всё же оценил.

Происходящее напоминало забытый сон. Он, покрытый кровью Стрелков, с пробитой ногой и ошалевший от боли и стимуляторов, стоял напротив толпы противников, которые и не думали его убивать. «Но только в реальности может происходит что-то столь же абсурдное», — подумал Клэй.

Роско подал голос:

— Слушайте, время уходит. Скоро сюда подтянутся подкрепления и…

Неожиданно Клэй услышал за спиной треск. Он знал, что в таких случаях лучше всего бросаться на землю — и не прогадал.

Вихрь из пуль практически разрезал толпу Стрелков на две части, взметал гипс и извёстку, разнёс несущие колонны жилых зданий и проделал огромные дыры в постаменте статуи Освободителю.

— Нет! — заорал Клэй. Но первый выстрел решил всё.

Отныне Стрелки ему снова враги. И, похоже, навсегда.

Половина бойцов оказалась разорвана на части, а свинцовый дождь не прекращался, как не прекращался и бешеный лязг, издаваемый крупнокалиберными пулемётами. Оставшиеся в живых Стрелки завопили и бросились по укрытиям, спасаясь от красных трасс пуль. Кто-то успел бросить дымовую гранату, и та лениво выпускала завесу. Вслед ей прилетело ещё несколько дымовушек.

Клэй поднял голову. Сержант Буч и его спецназовцы стояли на крыше жилого здания. Их экзоскелеты покрылись сажей и ссадинами, но в остальном функционировали без каких-либо внешних проблем. Но даже для них прямое попадание из гранатомёта было бы смертельным.

«Нефилимы» работали по целям, стреляя из крупнокалиберных пулемётов, скорострельностью по шестьсот выстрелов в минуту. Со стороны они казались огромными, непоколебимыми статуями, которых ничто не может сдвинуть с места. Дымящиеся гильзы водопадом летели вниз. Одна из них залетела Клэю за воротник, и он завопил, пытаясь вытащить её. Надо было менять диспозицию.

Дымовая завеса заволокла площадь, и «Нефилимы» заработали короткими очередями, похоже, ориентируясь на звуки и тепловые следы. Обняв дробовик, Джейсон торопливо отползал, чтобы не попасть под перекрёстный огонь. Обгоревший остов БТРа показался отличным укрытием. Спрятавшись за ним, Клэй начал перезаряжать всё, что у него было, продолжая постанывать от боли. Он почти не ощущал ноги, и это сильно беспокоило.

Его взгляд зацепился за труп в форме армии Синдиката.

Роско лежал среди кучи других тел, его лицо едва напоминало человеческое. Повсюду были разбросаны мозги и кишки офицера. Клэй заорал от бессилия, но какофония войны заглушила его крики.

В дыму послышались вопли Стрелков, и из завесы в сторону спецназовцев вылетело два снаряда. Экзоскелеты не могли выдержать прямых попаданий.

Двое спецназовцев, вскрытые, как консервные банки, попадали вниз бесполезной грудой обгоревшего железа, их боекомплекты сдетонировали, уничтожив все надежды на спасение. Сержант Буч избежал участи своих подчинённых: вторая ракета угодила в крышу под его ногами, и теперь спецназовец стремительно падал вниз.

— Суки! Говнюки! Убью! — орал сержант.

Клэй рефлекторно поднял руку, ожидая осколков и пыли при приземлении экзоскелета — шлем он выронил, когда началась стрельба. Но «Нефилим» приземлился мягко, словно весил не больше пушинки.

Поднявшись во весь свой немалый рост, экзоскелет поднял сжатый кулак, нагнулся — и рванул прямо в гущу дыма.

— Нет, Буч, стой! — крикнул Клэй вслед, озираясь по сторонам. Их было пятеро, пятеро спецназовцев в экзоскелетах. Где ещё двое, чёрт их подери?!

Он должен идти вперёд. Если уж драться, так до конца. Стрелки, похоже, использовали тепловизоры или что-то ещё, позволявшее видеть даже в дыму. Но если Клэй полезет вперёд, то точно погибнет.

— В жопу всё, — пробурчал он и начал искать глазами шлем. Зачем он его только выкинул? Пусть тепловизор у него не такой мощный, как на экзоскелетах, но лучше уж с ним, чем без него. Из дыма раздавались вскрики, лязг металла и сдавленный рёв сервомоторов — Буч исполнял свою месть, разрывая врагов на части вручную.

Клэй дополз до шлема, надел его и врубил режим тепловизора. Мир окрасился в багровые тона. Джейсон выкрутил мощность на полную и увидел слабые тепловые следы вдали.

— Была не была, — прошептал он и бросился вперёд, стараясь не обращать внимания на простреленную ногу. Дым обволок Клэя со всех сторон. Под ногами то и дело попадались куски тел, сломанные револьверы и стреляные гильзы. Ботинки хлюпали в крови. Металлический скрежет раздавался совсем недалеко, Клэй даже увидел бегающих Стрелков, но сам «Нефилим» скрылся из вида — похоже, включил режим тепловой невидимости.

Сделай это спецназовцы ещё на крыше, никто бы не погиб.

Клэй набросился на замешкавшегося Стрелка. Ударом кулака он сломал юноше череп. Мальчишка ухнул и осел на асфальт, словно тряпичная кукла. Джейсон поспешил оглядеться, не подобрался ли кто-нибудь к нему сзади, пока он отвлёкся. Но кроме приплясывающих вокруг невидимого экзоскелета Стрелков, никого больше не было видно.

Подняв дробовик, Клэй снял их, и до него донёсся крик сержанта:

— Это моя добыча!

— Хорош, Буч! — заорал Джейсон в ответ. — Где ещё двое твоих бойцов?

— Охраняют патрульных, где же ещё?!

Джейсон подошёл поближе. «Нефилим» держал вопящего Стрелка, растягивая его в разные стороны за руки. Послышался хруст, и руки паренька оторвались, тело глухо шлёпнулось на асфальт в лужу крови. Крича что есть мочи, Стрелок извивался словно червь, из его рта лилась слюна. Подняв дробовик, Джейсон разнёс ему голову и избавил от мучений.

— Эти ублюдки… — прорычал Буч, — убили моих людей. Моих людей!

— Успокойся, — сказал Клэй. — Их уже не вернёшь.

— И ты будешь учить меня, как держать себя в руках? — «Нефилим» загрохотал металлическим хохотом. — Я убью их всех, Клэй. Всех до единого. Сзади!

Экзоскелет рванул так резко, что чуть не сбил Клэя с ног — благо, Джейсон увернулся. Он успел засечь тепловой след Стрелка, прежде чем Буч пронзил его рукой насквозь и поднял над собой, словно победный трофей. Клэй прищурился, заметив что-то в руках у жертвы сержанта.

Взрывпакет.

В этот раз Клэй упал до того, как осколки накрыли его. Оторванная рука экзоскелета пролетела прямо над Джейсоном и со звоном ударилась о постамент статуи Освободителю. Огненное облако надулось над землёй, асфальт залило оплавленным металлом. Клэй поднял забрало шлема и вдохнул горячий воздух. Как типично. Очередной оператор экзоскелета поверил в собственную неуязвимость — и сдох.

— С войной нужно уметь играть, Буч, — сказал он. — Это очень капризная дамочка.

Где-то неподалёку кричали оставшиеся Стрелки. Пуля ударила о шлем Клэя, и он поспешил опустить забрало. Дым рассеивался, в тепловизоре более не было нужды. Откатившись в сторону, Клэй выстрелил из дробовика, никуда особо не целясь.

Визги сказали ему всё, что было нужно.

— Сдавайтесь… — почти взмолился Клэй, осторожно продвигаясь вперёд и не забывая палить в сторону врага. Шлем насчитал около трёх десятков бойцов. Остальные либо смылись, либо их добил перед смертью Буч. Клэй склонялся ко второму варианту — похоже, что Стрелки просто не знали, когда надо отступать.

Сунув руку в подсумок, Клэй вдруг понял, что у него кончаются патроны, а Стрелков не становится меньше. Нырнув к статуе, он внимательно прислушался к свисту пуль, отбивающих весёлый ритм по постаменту.

— За корону! За короля!

Треск винтовок и лязг пулемёта перекрыли крики и плач Стрелков. Звук шёл со стороны северной дороги. Но как?

Клэй высунул дробовик из-за постамента и включил камеру. Субтильные фигуры в форме армии Синдиката занимали позиции в зданиях со стороны северной дороги и вели прицельный огонь по остаткам Стрелков. «Обошли их с тыла, значит».

Армейцев было не больше дюжины, палили они из винтовок и одного пулемёта. Одного только Клэй не мог понять, отчего у них такие тонкие голоса?

Всё кончилось через минуту. Наставшая тишина показалась зловещей после бесконечного стрёкота оружия. Пение войны закончилось.

Площадь расцвела всеми оттенками красного, даже воздух насытился багровой пылью. Сто сорок девять юнцов в дурацких шляпах превратились в огромные куски жжёного, перемолотого мяса. Клэй не торопился вставать. Во рту у него возник вкус меди. На душе скребли кошки. Так погано Клэй себя давно не чувствовал. Он ждал обычного азарта, адреналина, жажды боя и схватки с достойным противником. Но получил очередную трагедию. Это был не бой, а резня.

Закрыв глаза, Клэй ожидал, когда спасители сами соизволят к нему приблизиться.

— Сэр? Сэр, вы в порядке?

Подняв веки, Клэй увидел, кто же его защитил. Смех вырвался из гортани, продолжал литься, и, казалось, не будет ему конца.

Поднявшись, Клэй возвысился над чёрноволосой девушкой лет семнадцати. В её изумрудных глазах сквозило сочувствие.

— Вы в порядке? Не ранены? — спросила она. Клэй опустил взгляд и осмотрел бедро. Гель затянул рану, но с костью что-то точно придётся делать.

— Хорош как утренний кофе, детка, — цыкнул Джейсон и

посмотрел на остальных солдат. Как он и ожидал, дюжина девок не старше этой. Трое из них покрякивая тащили пулемёт. — Зря вы пулемёт свернули. Займите место вон там, — Клэй ткнул пальцем в сторону жилого дома, из которого вышел. — Если Стрелки снова попрут с северной дороги, вам будет, чем их встретить.

Девушки кивнули и бросились в указанном направлении.

— Сэр, извиняюсь, но будут ли ещё подкрепления? — спросила зеленоглазая. У неё было очень симпатичное личико, которое не портили даже ссадины, синяки и сломанный нос. Клэй подумал, что её физиономия кажется ему до боли знакомой. Наклонившись, он пригляделся.

— Уж не Воительницы ли Аноры ты дочка? — с подозрением вопросил он. Девушка шумно сглотнула и кивнула. Клэй на это лишь выразительно сплюнул. — Я и есть подкрепление, детка, — проворчал он. — Как ты вообще здесь оказалась?

— Это уже моё дело, — ответила девушка.

— Да ладно? Значит, тебя не нам помочь прислали? — с издевательским смехом спросил Клэй. — Рад знать, что Синдикат так заботится о своей победе! Что же это такое, мать его…

— Что случилось?

— Шлем. Пулей, похоже, радиосвязь повредило. Я не могу до своих достучаться… Твою дивизию!

Клэй в сердцах сорвал шлем с головы и пинком отправил его в сторону останков Буча. У него возникло желание вернуть сержанта к жизни, а затем убить ещё раз. Девушка с сожалением смотрела на происходящее.

— Клэй! — раздался громкий крик. Джейсон и девушка обернулись. Со стороны южной дороги приближались патрульные в сопровождении двух «Нефилимов».

— Так ты выжил, чёртов говнюк! — воскликнул Альберт. Разбежавшись, он заключил Клэя в потные объятия. — Скажи Богу спасибо, что он не любит дебилов! Какого чёрта ты отключил связь?

— Вы мешали мне воевать, — ответил Джейсон.

— Много же ты навоевал я смотрю, сукин сын, — Альберт окинул покрытую трупами площадь.

— А где Буч и остальные? — спросил один из спецназовцев. Клэй лишь молча кивнул в сторону останков. Спецназовец молчал.

Его огромная рука убрала пулемёт за спину, а затем потянулась к Клэю.

— Извини, что сомневались в тебе. Ты проделал отличную работу, Могила. Если бы эти сукины дети здесь закрепились… да,

пришлось бы сдаваться. Вы и Буч — настоящие герои.

Клэй ощерился.

— Могила? Меня так зовут только друзья.

— Считай, что я твой друг, — усмехнулся спецназовец.

Альберт посмотрел в сторону девушек.

— А это кто?

— А это кудесницы, что спасли мою жалкую жопу, — Клэй махнул рукой в сторону зеленоглазой, а потом шёпотом добавил: — Это дочь Аноры.

Альберт присвистнул.

— Охереть, серьёзно? А она ничего.

Клэй, как ни горько это было признавать, разделял мнение толстяка.

Оглядевшись, Альберт заметил:

— Они застали синдикатовцев врасплох, использовав потайные ходы. Нам нужно срочно найти их и законсервировать.

— Нет! — вдруг врезалась в разговор зеленоглазая. — Этого делать нельзя!

— С какой бы стати?

— Нам нужно их найти, это так, — девушка нахмурила бровки, из-за чего стала донельзя комичной. — Но мы… мы не можем их просто так закрыть! А что если нам придётся контратаковать?

— Это уже не нам с тобой решать, малютка, — прогундосил толстяк. Девушка с презрением посмотрела на него, развернулась на месте и ушла.

— Эй, смотрите! Там живой один! — крикнула одна из девчонок.

Джейсон резко вскинул дробовик.

— Тебе помочь? — поинтересовался Альберт.

— Сам справлюсь, — огрызнулся Клэй. Не опуская ствола, он подобрался к постаменту статуи и обнаружил там парня в окружении девушек-солдат. Одна из них уже поила выжившего водой из фляги.

— Кто он такой? — поинтересовалась у Клэя зеленоглазая командирша, уперев руки в бока. Джейсон пожал плечами. Одно он знал точно: во время боя парня здесь не было.

Паренёк был на пару голов ниже Клэя, совсем худой, в капюшоне и странной куртке, с вышитыми на рукавах выпуклыми чёрными змеями. Их чешуя переливалась на свету. Паренёк протянул руку к Клэю и прошептал на чистейшем первенском:

— Чёрные… крылья…

— Точно не из Стрелков, — сказал Клэй. — Возможно, местный житель. Давай, вставай, дружище.

Резким рывком Джейсон поставил паренька на ноги. Но, увидев его лицо, Клэй почувствовал оцепенение.

— Что такое? — забеспокоилась девушка.

— Да так, мелочи, — пробормотал Клэй. «Слишком много совпадений за один день. Слишком много».

На него смотрели так хорошо ему знакомые тёмные саакские глаза. Поперёк нижней губы парня тянулся маленький шрам. Такой оставался у воинов Союза, пытавшихся удалить главный признак своей касты.

Сфокусировав взгляд на копе, сааксец открыл рот. Он тоже узнал Клэя.

— Давно не виделись, дружок, — произнёс Джейсон, чувствуя, как рука с дробовиком трясётся. «Нет, таких совпадений не бывает. Это судьба».

Дочка Воительницы и малец, из-за которого Анора выкинула его из армии, лишила всех наград и влепила восьмую статью — и оба в одном месте. Ладно, дочка-то ему даже жизнь спасла, но вот грёбаный сааксец… Из-за этого чёртового отродья жизнь Клэя покатилась под откос. Всего-то стоит поднять дробовик и приписать его жизнь к потерям Стрелков.

Клэй почувствовал, что решение нужно принимать как можно быстрее. Но жизнь вдруг приняла решение за него.

— Что ты делаешь? — спросил он у зеленоглазой командирши. Девчонка подняла винтовку и упёрла ствол в сааксца:

— Он может быть шпионом. Стрелки могли оставить его, чтобы внедриться к нам.

— А ну-ка опусти оружие, дорогуша, — проскрежетал Клэй. Командирша с удивлением и раздражением воззрилась на него. — Я знаю, что это за пацан. Он сраный сааксец, не видишь, что ли? Из-за него твоя мамаша выкинула меня из армии. Никакой он в жопу не Стрелок.

Взгляд зеленоглазой остекленел. Клэю показалось, что так на неё повлияли слова о матери.

— Она хотела спасти его? — спросила девушка. Клэй кивнул. «Ты хотела, чтобы он выжил, Анора, — со злорадством подумал Клэй, — так получи и распишись». — Если она действительно этого хотела… то пусть идёт.

Клэй повернулся к сааксцу:

— Ты ранен? — тот помотал головой. — Идти можешь? — сааксец кивнул. — Тогда топай к ближайшему центру сбора, если найдёшь. Жди дальнейших указаний. Давай-давай, не стой столбом, замерзнёшь.

«Тебе всё-таки не хватило смелости покончить с собой, —

подумал Клэй. — Дарить смерть я тебе не буду».

Сааксец кивнул и вдруг доверительно улыбнулся. Что-то в его улыбке было удивительно неуместное, пугающее, чужое — будто улыбку с чужого лица пришили ему. Пошатываясь, сааксец двинулся в сторону южной дороги и вскоре пропал в дыму.

Девушка продолжала стоять на месте, держа в руках винтовку. Что-то в словах Клэя её серьёзно задело. Джейсон хлопнул её по плечу, пробудив от оцепенения:

— Как тебя зовут хоть?

— Сабрина, — отозвалась командирша. — Сабрина Лоренс.

— Красивое имя, — сказал Клэй. «Только существо с воображением армейца могло дать такое дурацкое имя своему ребёнку. Впрочем, это же Воительница Анора…» — Ты выпустилась из Академии?

— Только сегодня, — пробормотала в ответ Сабрина. Клэй вдруг почувствовал укол в груди. «Да, повезло девчонке, в первый день вляпаться в такое говно. Впрочем, лучшего экзамена, чем борьба за выживание, не придумаешь».

— Клэй! Ну что ты там? — крикнул Альберт. — Тут тебя уже друзья заждались!

Джейсон кивнул Сабрине и пошёл обратно, тщательно меряя шаги и стараясь не смотреть на трупы Стрелков. Он испытывал невыносимый стыд, будто его поймали за непристойным делом. Тело ломали разбитость и боль. Алисия была права: его одержимость всё равно всплывала, как бы он её ни подавлял. Война текла в венах Клэя, и ей плевать, как он к ней относился.

Необязательно любить дело, чтобы хорошо им заниматься.

Клэй заметил, как со стороны южной дороги движется чья-то тень. При ближайшем рассмотрении это оказался сержант Сандерс. Подняв руки, узкоглазый торжественно вещал:

— Джейсон, Джейсон, Джейсон!

— Чего тебе, говори, — ровным голосом ответил Клэй. «Этот сукин сын дождался, пока все остальные проверят ситуацию, и только потом соизволил объявиться».

— Это было просто потрясающе! Я напишу рапорт начальству, порекомендую тебя к Оливковой Ветви! За заслуги перед Эдемом и Старым Городом! — нервно рассмеявшись, Сандерс продолжил. — Эти придурки наверху думали, что смогут убить нас. Да не получилось, благодаря тебе. Подумать только! Да ты же почти что в одиночку взял площадь!

Клэй обернулся, и осмотрел поле боя, усеянное останками Стрелков, Джошуа Роско и спецназовцев.

— Лучше бы мы её не брали, — пробормотал он.

— Тогда бы её пришлось брать Синдикату, — хохотнул

Сандерс. — Как бы там ни было, ты молодец.

— А вы видели, как он разогнал БТР и вогнал его прямо в этих говнюков?! — захлёбывался от восхищения Альберт, тряся за плечи водителя. У Джеки на лице застыло кислое выражение. «Ещё бы, ему ведь теперь отчитываться, что произошло с транспортом», — подумал Клэй.

Сандерс подошёл поближе и прошептал:

— После всего, что я опишу, тебе обязательно придётся пройти сеанс гипноза. Твои выходки на грани с безумством. Нам не нужны такие герои.

— Пошёл бы ты и трахнул сам себя, сержант, — тоже шёпотом отозвался Джейсон. — Не знаю, почему комиссар хочет твоей смерти. Но всё тайное становится явным. Запомни это.

Сандерс неуверенно усмехнулся.

— Не будь таким козлом. Без меня…

— Что «без тебя?» Если бы не ты, нас бы сюда не отправили, — ответил Клэй, чувствуя бесконечную усталость. — Не мути воду, Джимми. Мне плевать. Но из-за тебя у нас всех могут быть крупные проблемы.

— Оливковая Ветвь, Клэй, — сержант стал серьёзен, улыбка полностью сползла с его лица. Он вдруг стал маленьким, скукожившимся, абсолютно незначительным. — И ты больше не будешь поднимать эту тему. Слушай, после сегодняшнего… комиссар Фарго простит меня. А ты получишь свою порцию славы. Ты не представляешь, какая это честь.

— Пошёл ты, сержант, — бросил Клэй и пошёл к южной дороге. За его спиной всё ещё раздавались возгласы и смех патрульных.

— Оливковая Ветвь за заслуги, Джейсон! — прокричал вслед Сандерс. Но Клэй уже не слушал.

«Битва кончилась. Теперь настало время стервятников», — с ненавистью подумал он. Клэй шёл навстречу медикам, армейцам, полицейским. Если у Сандерса оставалось хоть немного мозгов, он должен был вызвать всех. И они не заставили себя ждать. Чёрные БТРы полиции, крытые грузовики синдикатовцев и невесомые кареты Медцентра неслись единой нитью на площадь Освобождения. Клэй был первым, кто их встретил.

Возле Джейсона остановился грузовик, и оттуда вылез огромный, тщательно выбритый мужик, покрытый шрамами.

— Кирстен, — произнёс Клэй. — Давно не виделись.

— И тебе не хворать, Беляк, — Кирстен протянул свою тонкую, аккуратную ручку для пожатия.

— Сколько ты ни пытался, это прозвище не прижилось.

— Мне всегда казалось, что Могила — слишком депрессивно.

Как твой желудок? Не барахлит?

— Нет. Ты на славу тогда поработал, — Клэй вытер рот, чувствуя сильную неловкость. Он так давно не видел друзей-ветеранов, что и забыл, как с ними надо себя вести. Они через столькое вместе прошли, что каждая встреча вызывала кучу неприятных ассоциаций. — Лучше скажи, какими судьбами тебя сюда занесло?

Лицо Кирстена мгновенно ожесточилось, серые глаза будто покрылись туманом.

— Ты видел Сабрину Лоренс? — слегка отвлечённым тоном спросил он.

— Да, она возле статуи со своими девками хлопочет. А что?

— Я приехал арестовать её за измену.

6. Чёрные крылья

«Люди всегда ненавидят тех, кому причиняют зло»

Анна Пирс, «Точка отсчёта»

22 мая, 541 год после Освобождения

Он бежал. Бежал, не разбирая дороги. Город хохотал звуками выстрелов и взрывов. Холодный воздух и стена из слёз сопровождали его. Это ли не ад?

На пути вдруг вырос тупик. Ладони попробовали вгрызться в бетон, попробовали молить о прощении. Тщётно.

«Ты так долго об этом мечтал! Почему ты не рад?»

«Изыди! Изыди из моей головы!»

Он уже забыл, как его звали. Бетонные джунгли словно ртуть перетекали в зелень, из которой доносился жалостливый зов несуществующих диких животных. Он и сам прекрасно знал, что их просто не может быть. Мысли превратились в рой мясистых трупных мух, дерущихся друг с другом за право отложить личинки в гниющем каркасе тела.

«Тайрек! Меня зовут Тайрек!»

Мысль, как пуля, врезающаяся в плоть, взорвалась в его разуме. Он облокотился на стену и медленно сполз вниз.

«Всё кончено».

«Всё только начинается!»

Стены ходили ходуном. Где-то вдали слышались пронзительные крики и разрывались снаряды. Словно вторя им, в сознание врывались чужие воспоминания. Искажённые чумой лица. Сожжённые тела. Дома, что сгибались и перестраивались одной лишь силой воли. Громадные сервера, перерабатывающие души и мысли мертвецов. Утренний восход на фоне горящего Караса. Пустующие банковские ячейки, из которых украли секреты мира. Люди в красных мундирах окружали тело человека, подключенного к воспоминаниям мессии.

«Вон из моей головы!»

«Стабильность — залог контроля. Верни ему тело, Мира».

Тайрек почувствовал, как в голове полегчало. Он ощупал лицо — всё горело, будто его ошпарили кипятком. Отцовское кольцо стягивало палец. Нужно бежать. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

— Граждане! Не паникуйте! Отправляйтесь к специально организованным местам сбора! Армия обеспечит вам надёжное прикрытие! Граждане! Не панику…

Человек на искорёженном рекламном экране повторял одну и ту же мантру, будто это что-то могло изменить. Тайрек сосредоточился и понял, что говорит король. Глаза монарха исторгали потоки неподдельной печали, а рот всё говорил и говорил, и конца краю не было его речи.

Боль из головы всё не уходила, к горлу подкатывала тошнота, тело бил озноб. Капельки пота текли по спине и остывали, становясь холоднее льда. Грань мира оказалась совсем рядом: загляни за неё и увидишь чистилище. Тайрек уже чувствовал дыхание Серого Охотника.

Воздух разорвал пронзительный свист — резкий, как предзнаменование. Ангел смерти никогда не приходит тихо. Тело само бросилось вниз. Где-то рядом раздался оглушительный взрыв, во все стороны разлетелись куски асфальта и цемента.

«Армейцы задействовали артиллерию внутри Старого Города, — буркнул тонкий голос в голове. — Идиоты. Хотя, чего от них можно было ожидать?»

«Это не первый выстрел. Ты видел, сколько здесь пожаров?»

«Из-за Тайрека я не заметил ничего. Его разум… он будто огромная бездна. Я заблудился в воспоминаниях».

«Что же, а я заметил. Они хотят уничтожить как можно больше Стрелков, во что бы то ни стало. И уж точно не остановятся, пусть даже и накроют своих», — ответствовал другой бесплотный собеседник.

«Это даже лучше для нашего плана».

«И то верно».

Тайрек весь обратился в слух, прежде чем подняться. Но больше снарядов не прилетало. Не стоило ждать долго затишья.

Он не помнил, как попал сюда — а это уж пострашнее взрывов. Страх диким зверем гнал его вперёд, и Тайрек подчинялся. Он лишь не забыл, как вырвался из здания аркад, влившись в людской поток и следуя ему. Кто-то побежал к монорельсу, кто-то к машинам, а Тайрек просто поддался инстинкту. Куда он мог бежать, если главный враг в его же голове?

«Запомни — я тебе не враг», — голос Миры обрёл более-менее чёткую форму, вырвался из общего потока слов и образов.

«Ты обманула меня! Всё это время я снабжал не Приюты, а уродов с Нижних Уровней!»

«А есть ли разница, кто свалит Синдикат?»

«Конечно есть! Эти ублюдки… они же хуже животных!»

«Ох, кто бы говорил…» — врезался в разговор хриплый голос франта с красным бантом. Перед воображением Тайрека возникла его ухмыляющаяся физиономия с тонкими усиками.

«Гай, сейчас не время. Тайрек, ты даже не представляешь, что происходит. Послушай, я…»

«Я достаточно увидел в твоих воспоминаниях! Не корми меня оправданиями. Я закончу это здесь и сейчас!»

Его рука потянулась к кобуре, из которой торчал купленный у контрабандистов револьвер. Кисть обхватила рукоятку и взметнулась к голове. Палец нашарил спуск. Ничего не произошло.

«А вот убивать себя как раз не надо! — прошелестел Коул. Тайрек силился выстрелить, но невидимая сила удерживала его в тисках. — Не будь таким эгоистом! Подумай о нас!»

«Тайрек, послушай меня и успокойся. Ты всё не так понял. Представь только, чего мы сможем достичь, работая вместе!»

«Ладно, с револьвером не получилось. Но ты и так обрекла меня на смерть. Ты не успела мне дать вторую часть сыворотки. Нужно лишь подождать, пока моё тело умрёт — и все твои планы пойдут прахом…»

«Нет никакой второй половины. Это был блеф. Я дала тебе всё, потому что ты был нужен нам подготовленным на сто процентов».

Тайрек закрыл глаза, глубоко вдохнув. Его обвели вокруг пальца. С такой легкостью и элегантностью, что злиться не было смысла.

Он слышал шум, топот бесчисленных ног. Пронзительный грохот оружия, крики убиваемых людей, взрывы. По соседним улицам, переулкам и дворам маршировали маленькие чудовища, готовые убить любого, кто встанет на их пути.

«Откуда ты набрался этой чуши?! — возмутилась Неми, девушка-Стрелок. — Мой народ люди, а не звери! Нас унижали столетиями! Всё, что говорил о нас Синдикат — всего лишь пропаганда!»

«Неми, успокойся! А ты потрудись, наконец, выслушать Миру!» — перебила подругу Калли.

— Фрэнк, сюда! — Тайрек еле повернул голову в сторону криков. Даже такое простое действие отозвалось скрипучей болью в мозгу. Было тяжело дышать. Разразившийся от попадания артиллерии пожар съедал воздух и губил быстрее, чем пули.

В переулок вбежала девушка, судя по форме, кадет Военной Академии, на вид не старше пятнадцати. Перемазанное сажей белое личико вытянулось от удивления. За ней следовал юноша в парадной форме. Их силуэты, отброшенные огнями, пустились в

дикий пляс по стенам. Картины священного писания возникли в голове Тайрека. Маленькие мальчик и девочка, покидающие сгоревший от грехов город. Выжившие в Судном дне.

Увидев Тайрека с револьвером у виска, паренёк схватил подругу за руку.

— Мистер, не делайте этого, — сказал он. — Мы сумеем вас защитить. Идите за нами…

Рука с револьвером бессильно обвисла. Тайрек выдохнул.

— Вы обязаны умереть, — проговорил его рот.

— Что вы сказали? — спросила девушка. — Этот язык… Фрэнк, он же говорит на языке Стрелков! Он один из…

Пуля перебила её тираду, проделав дыру в горле. Парень дёрнулся, но не сдвинулся с места. Девушка завалилась назад, кровь резкими толчками покидала её тело через рану. Через какие-то секунды Серый Охотник забрал бедняжку к себе.

— Почему… почему? — прошептал Фрэнк, прежде чем вторая пуля оборвала и его жизнь. Тайрек тупо смотрел на дымящийся ствол револьвера, зажатого в его руке, и не мог понять, что же произошло.

Он начал кричать и брыкаться, но тело снова перестало подчиняться ему. Тайрек чувствовал, будто его заперли в тёмной комнатке, оставив лишь маленькое окошко, чтобы следить за большим миром.

«Они твои враги, Тайрек, — сказала Мира. — Если ты попадёшься, всё пропало».

Тайрек дёрнулся вперёд, попытался подвести револьвер к виску. Но рука стала чужой, налилась силой, толкавшей его обратно каждый раз, когда он хотел что-то сделать.

Само тело стало его клеткой.

Ещё две тени упали на стены. Они двигались медленно, будто в их распоряжении оказалось всё время мира. Тело Тайрека вышло им навстречу, убрав револьвер в кобуру. Двое мужчин средних лет в плащах и широких шляпах приближались к нему. На фоне пожаров они казались вырезанными из тьмы. В их промасленных набедренных кобурах покоились новенькие револьверы, руки сжимали полуавтоматические винтовки, которые Тайрек закупал у контрабандистов. Под плащами виднелись бронежилеты, ноги и руки покрывали защитные пластины.

— Зачем ты убил их? — спросил один из Стрелков на языке первенцев. Его кожу испещряли уродливые пятна — то ли грязь, то ли следы болезни. Глаза напоминали два высохших тёмных колодца. Он сильно щурился — свет, похоже, резал глаза. — Они были совсем молоды. Они ещё могли измениться.

— Для меня они в первую очередь враги, — ответил им Тайрек на диалекте Нижних Уровней.

Неми и Калли общались когда-то с его помощью, но Тайрек не знал ни единого слова. Когда он раскрывал рот, то слышал незнакомый язык, казавшийся ему чудным, неправильным, необычным. И при этом он всё же понимал его, не понимая.

— Говард уже здесь? — произнесли губы Тайрека. Он сосредоточился, пытаясь понять, кто говорит. И ощутил Неми. Она держала его лицо в руках, прислонившись своим лбом к его лбу, жестокие глаза стали сосредоточенными. Она шептала слова, а он повторял за ней, как машина.

Второй Стрелок стянул с лица красный платок. Он оказался моложе своего спутника. На тщательно выбритом лице сидели живые карие глаза, в которых играли опасные огоньки:

— Кто ты такой? — с лёгким недоверием спросил он.

— Успокойся, Сэт. Он один из наших, я о нём тебе говорил, — кивнув Тайреку, Стрелок с пятнами на лице протянул руку. — Меня зовут Сорен, я из Внутреннего Круга Говарда. Он предупреждал, что ты появишься. Пошли, нельзя терять времени. Сделаем крюк через окраины — так меньше шанс на солдат напороться. Главное, под обстрел не попасть.

Тайрек застыл на месте. Но тело его двигалось. Неми обняла его за талию, а Калли подталкивала вперёд, нашёптывая что-то на ухо. С абсурдной степенностью он шагал за двумя Стрелками по улицам, переполненным разбитым стеклом, брошенными женскими сумочками, стаканами, кошельками, часами и кольцами. Местами багровели пятна крови. Горящие здания поскрипывали и пощёлкивали, словно цокающие от предвкушения добычи джунгли. Тайрек вспомнил одну деревеньку, сожженную первенцами. Не осталось почти ничего — одни лишь полуобгоревшие предметы обихода, зола, да кости. По улицам будто прошёлся жнец, собравший мрачный урожай. Тайреку оставалось только догадываться, куда делись мирные жители — живые или мёртвые.

Неми фыркнула.

«Отвратительно, — пробормотала она, — от тебя воняет. Мира, почему из всех нужно было выбрать такого урода? Как в выгребной яме нахожусь…»

«Не обращайте внимания, — буркнула Калли. — Она ко многим мужчинам так относится».

«Вам это просто так не пройдёт, — сказал Тайрек. — Я буду сопротивляться до конца».

«Твоё сопротивление никого не грёбет, малец, — проскрежетал старый седой бандит. Он стоял где-то на краю

сознания, засунув большие пальцы себе за пояс и с неодобрением наблюдая за играми девушек-Стрелков, которые плавали вокруг тела идущего Тайрека. — Но это не повод вам, девочки, вести себя вот так!»

«Как? — искренне изумилась Калли. — Мы лишь манипулируем его телом!»

«Нашим телом, — поправил девушку старик. — И манипулируете вы как последние потаскухи».

«Придёт время, когда обнимать Тайрека будешь ты, тогда поговорим», — оскалилась Неми. По её лицу прошли чёрные линии. Даже на фоне Коула она казалась злой. Сааксец не удивился бы, узнав, что в детстве она мучила щенков и кошек. Её рыжая подруга, напротив, напоминала невинного ангелочка.

«Почему? Почему ты не хочешь принять нашу сторону?» — ворвалась в разговор Мира, её голос приобрёл отчаянные оттенки. Она встала перед Тайреком, её когда-то тоскливые глаза превратились в осколки тысяч зеркал, через которые виднелись воспоминания. Чьи именно, Тайрек не мог понять.

«Вы предлагали мне свержение Синдиката. Укрощение зажравшихся Семей. А это просто резня».

«Резня? — возмутилась Неми. — Это свержение тирании!»

«У нас не было другого выхода, — перебила её Мира, шагая спиной вперёд и сверля Тайрека глазами. — Я долго искала его. Но или действовать так, или не действовать вообще. Когда-нибудь ты поймёшь всё».

Её убеждённость в собственных словах произвела на Тайрека впечатление. Но ненадолго. Через пару минут, увидев первые трупы, он начал брыкаться, и Неми с Калли снова взяли его в сладкие, отвратительные объятия.

Девушка с ребёнком на руках сидела возле уличного утилизатора. Казалось, она просто решила вздремнуть, но огромная дыра в её голове подсказывала — девушка уже не проснётся. Ребёнок тоже молчал. Пелёнки пропитались кровью насквозь. Рядом с ребёнком стоял Коул, отросшие чёрные волосы закрывали его лицо. Когда он поднял взгляд, Тайрек увидел, что у парня нет глаз.

«Этого не должно было случиться, — прошелестел зубастик. — Это… неправильно. Мира, это неправильно!»

Мира махнула рукой, и Коул исчёз, обратившись в золу.

Ветер доносил крики и выстрелы.

— Мы хотели обойтись без жертв среди мирного населения, — произнёс Стрелок по имени Сэт. — Но некоторые граждане оказались вооружены. — Подумав, он добавил. — Даже не некоторые, а многие. Не хватало нам солдат, так ещё и

гражданские палят… Нам никто не хочет верить.

«И это ожидалось, мастер Сэт», — мрачно заключила Калли, воспарив над Тайреком вверх ногами.

«Обойтись без жертв? Я вот всё-таки думаю, а ваши бомбы точно никого не задели?» — съязвил Тайрек.

«Мы сделали всё возможное, — не уступала Мира. Её лицо возникло над правым плечом Тайрека. — Без хорошей диверсии Стрелки бы не пробились. А Синдикат должен по-настоящему возненавидеть захватчиков. Таков наш план. История всегда пропитана кровью мучеников».

«Да. Но ты к ним не относишься. Мученики попадают в рай, а ты будешь гореть в аду».

«Я сама строю свой рай, — устало ответила Мира. — Мы всемером принесли себя в жертву и сделали это осознанно — для того, чтобы вооружить тебя и подготовить. Но у меня не хватит слов, чтобы объяснить нашу цель».

«Тогда ты просто можешь мне показать», — сказал Тайрек.

«Я это и делаю».

— Всё в порядке? — спросил Сэт. — Ты будто выпадаешь из реальности.

Тайрек кивнул. Больше всего его нервировало дружелюбие Стрелков. Он ждал подвоха, но ничего страшного не происходило. Пока что.

Они миновали разбитый бар, охваченный огнём, перед которым лежало несколько тел. Бледные и бессмысленные, они напоминали пугала из тряпья, сжигаемые на День Освободителя, только больше и страшнее. Гай прошелся среди них, оценивающим взглядом рассматривая трупы женщин. Тайрек задрожал — но не его тело. Запахи сгоревшего мяса, пороха, едкий дым пожарищ разбередили старые воспоминания. В своём воображении он представлял, как орды освободившихся от Приютов рабочих сломят сопротивление армейцев, ворвутся во Дворец и повесят короля. Но его окружали не мёртвые солдаты, а мёртвые гражданские. Встретившие смерть в смятении, не понимавшие, куда бежать и за что их убивают. Всего лишь мясо для смазки машины войны. Город урчал, захлёбываясь от возбуждения.

«Ты всё жрёшь, сволочь. Тебе всё мало», — подумал Тайрек. Город лишь мигнул в ответ бесчисленными огнями.

Чем дальше Стрелки и Тайрек двигались, тем больше трупов на улицах становилось. Появлялись юнцы и девушки в серых плащах и шляпах, деловито перетаскивающие тела. Некоторые с любопытством косились на Тайрека, но большинство просто не замечало его присутствия. Среди тел были и солдаты Синдиката,

и Стрелки, и обычные гражданские. Трупоносы складывали мертвецов в кучи с таким спокойствием, будто делали это каждый день.

Через два квартала, на перекрёстке, они столкнулись с процессией пленных. Тайрек насчитал примерно пять дюжин гражданских. Побитые женщины в разорванных платьях, израненные мужчины, перепуганные дети, а в самом конце колонны — пожилые люди. Эскортировал их десяток юных Стрелков. В отличие от своих взрослых коллег, они не носили бронежилетов, щеголяли старыми револьверами, да и вообще выглядели экипированными на порядок хуже. Один юноша подошёл к провожатым Тайрека.

— А это кто? — с презрением спросил он.

— Агент Говарда на Четвёртом Уровне, — ответил Сорен, почесав нос — похоже, его кожу мучил зуд. — Куда ты ведёшь пленных?

— Как куда? На расстрел, конечно же! — юноша загоготал. Сэт подошёл к нему и с размаху ударил рукояткой револьвера. Юноша завалился на асфальт. Окружающие Стрелки на это никак не отреагировали.

«А мастер Сэт всё так же бьёт как баба, — буркнула Неми. — Я-то надеялась, он подтянет свои навыки, вступив во Внутренний Круг».

«Помолчи. Из всех мужчин я готова была переспать только с ним», — заметила Калли.

«Правда? Скажи ты это раньше, я бы тебе голову оторвала».

— Что мы говорили вам о мирных жителях? — ровным голосом спросил Сэт.

— Твоё слово… здесь ничего не решает, мастер. Ты не в своей секции.

Сорен встал перед Сэтом и недвусмысленно положил руку на кобуру. Юноша со злостью выплюнул зубы.

— Он, как и ты, член Внутреннего Круга, и к тому же старше тебя. Прояви уважение, — ровным голосом сказал Сорен.

— Говард сказал… что мы не успеваем… — процедил юный Стрелок. — Что пленные не должны вернуться в Синдикат.

Сорен нахмурился.

— Мы об этом ничего не знаем, — сказал он. — Ты ручаешься за свои слова?

— Ещё как! — с дерзостью ответил юноша.

— Как тебя зовут? — произнёс Сэт.

— Симеон.

— Хорошо, Симеон, — степенно ответил Сэт. — Мы лично поговорим с Говардом об этом инциденте. И если ты соврал, я

найду и убью тебя.

Рот Симеона растянулся в кровавой улыбке.

— Посмотри сам и возвращайся, мастер. А потом решим это дело как мужчины, — юноша недвусмысленно похлопал себя по набедренной кобуре.

Сэт нахмурился и бросил взгляд на процессию. Люди беспомощно жались друг к другу, умоляющими глазами смотря на гавкающихся Стрелков. Тайрек заметил среди них Миру. Её глаза, как и глаза Коула, тоже исчезли. Тайрек представил себя на месте пленных — стоять там, под прицелами револьверов и ни слова не понимать, когда решается, умрёшь ты или останешься жить.

— Веди их к Говарду, — вмешался Сорен, потирая пятно на щеке. Оно исчезло. Всего лишь грязь, а не болезнь. — А дальше он скажет, что делать.

— Вам что, жалко этих свиней? — Симеон поднялся и вытер кровь со рта. — Они синдикатовцы. В расход их всех, и дело с концом.

Глаза Сорена ужесточились.

— Мы пришли освободить их, идиот. Если считаешь по-другому, то ты не только недостоин Внутреннего Круга, но даже не заслуживаешь этой формы, — медленно надвигаясь на юношу, Сорен вытащил из кобуры револьвер. — Давай, прямо здесь. Ты же хотел бросить Сэту вызов, не так ли? Чего ждать?

Взгляд юноши остекленел:

— Дуэль должна быть санкционирована Говардом, — произнёс он. — Я отказываюсь стреляться по вашей прихоти.

Сорен выразительно сплюнул себе под ноги.

— Ты боишься? — поинтересовался он.

— Нет, — жёстко ответил Симеон, смотря прямо перед собой.

— Это хорошо. Это правильно. Бояться не надо. А вот знать своё место не помешает.

— Дуэль должна быть санкционирована Говардом, — повторил юноша и посмотрел в глаза Сорену. — Вас правда не предупредили? Я думал…

— Рано тебе ещё думать, ты выполнять научись, — буркнул Сэт. — Давай, веди их к Говарду. Мы сами там скоро будем.

Симеон кивнул и вернулся к процессии. Сэт и Сорен с Тайреком двинулись дальше по улицам.

— Осторожнее с ним, — сказал Сэту Сорен. Покрытое грязью лицо мужчины ожесточилось. — Этот ублюдок задирает всех, кому не лень, а потом вызывает на дуэль. Говард дал сопляку карт-бланш, потому что у него рука быстрая. Так он уже пару десятков завалил в дуэлях. Надо с врагами драться, а он в своих

стреляет.

— И никто не отказывается?

— А ты бы отказался стреляться с обнаглевшим юнцом?

Сэт потянул нашейный платок вверх — уж больно задымлена была улица.

— Да, сложный случай. Буду иметь в виду. Недавно его взяли?

— Пару дней назад всего. Его выбрала Анора из всей толпы рекрутов, сказала, что у парнишки большой потенциал.

— Я бы не стал доверять её суждению, — заметил Сэт. — И не стал бы подпускать пацана во Внутренний Круг.

— А Говард ей доверяет, — отрезал Сорен. — Да и во Внутреннем Круге бывали конфликты похуже, уж поверь мне. К тому же, нужна замена Однорукому Джерри.

— Ах, Джерри, — сказал Сэт. — Человек-легенда. Его можно понять. Он столько геройствовал, что боялся чувствовать себя бесполезным. До последнего пытался всем помочь.

— Я не доверяю слухам, — признался Сорен. — Но он вроде как ушёл с мятежниками.

— Серьёзно? Чёрт. Но почему?

— А кто же скажет. Он меня ведь всему научил. Будет его не хватать.

«Мне тоже, — выдавила Неми дрогнувшим голосом. — Ещё как».

Минув несколько перекрёстков и встретившись ещё с десяткой групп пленных, они вышли на проспект Дэвиса, ведущий к площади Освобождения. Тайрек любил когда-то гулять здесь, а теперь не мог узнать знакомый район. Всё было охвачено огнём, стены зияли дырами. Трупов валялось больше, чем на всех пройденных до этого улицах вместе взятых. Неми снова набросилась на Тайрека, обхватила его лицо руками и начала шептать беззвучные слова.

— Ну и побоище, — сказал Тайрек на языке Стрелков. Сорен глянул через плечо:

— Мы предлагали им сдаться, да только солдатам плевать на переговоры и боевую честь. Они сначала стреляют, а потом спрашивают.

— Скольких людей мы потеряли?

Сорен опустил взгляд и снова начал тереть пятно на щеке:

— Слишком многих. Но мы уже на подходах к площади. Совсем немного осталось… а там уже посмотрим, — Стрелок отвёл взгляд.

— Говард пообещал тебе деньги? — неожиданно спросил Сэт у Тайрека.

Голова сааксца покачнулась:

— Я один из вас, — ответили губы. Калли перестала обнимать его плечи, Неми отвалилась от его лица. Тайрек почувствовал свободу — как раз столько, чтобы заскучать по ней в следующий раз. Сэт хмыкнул.

— Даже не буду спрашивать, что это значит.

Тайрек услышал знакомый свист, но прежде чем успел что-то предпринять, Стрелки потащили его за собой. Снаряд разорвался посреди улицы, взметнув в воздух останки тел и разбросав повсюду кишки с осколками. За ним прилетел другой, а затем ещё и ещё. Сорен и Сэт бросились вглубь зданий, Тайрек следовал за ними, прикрыв руками уши и чувствуя, как вибрации сотрясают всё его существо. «Звёзды» парили над ним мёртвыми судьями.

Секунд через десять канонада закончилась, так же неожиданно, как и началась. Стрелки и Тайрек снова вылезли на улицу.

— Артиллерия, — упавшим голосом произнёс Сэт. — Они её даже на Нижних Уровнях против нас не использовали. Чёрт возьми… А сейчас они просто палят по нам из всего, что есть? Настолько они на нас злы? Им на свой же мирняк совсем насрать?

— Запомни, мы плохие парни, — цыкнул Сорен. — Что бы здесь ни произошло, всё это наша вина. Все пожары, все жертвы, все разрушения — всё это повесят на нас. Да и потом, бьют в сторону окраин. Бандитов не жалко.

«Да если бы не наша помощь…» — начал возникший из ниоткуда Керн, но Мира заткнула его поднятым пальцем.

— Таков был контракт, — произнесли губы Тайрека. Сэт покосился на него.

— Контракт? — осторожно спросил Стрелок. — О чём ты? Ты что-то знаешь?

— Я знаю столько всего такого, о чём ты даже не представляешь, — Неми совсем не давала губам Тайрека покоя. Каждый мускул его тела разрывался от напряжения. — Давайте, надо срочно найти Говарда.

«Ох как они сейчас разозлятся, — мечтательно протянула Калли. — Чтобы Внутренний Круг о чём-то не знал — да они с ума теперь сойдут!»

Сэт, Сорен и Тайрек двигались через здания, перевёрнутые вверх дном. Из-за взрывов повсюду осыпалась штукатурка и разбились окна, вещи лежали в беспорядке. Одно Тайрека радовало: больше не попадались трупы. В одном из дверных проёмов сидел Коул, царапая себе лицо.

«Мои глаза! Я ничего не вижу!» — вопил он.

Не прошло и десяти минут, как Тайрек со Стрелками достиг высокого круглого здания с кучей бойниц и колонн. Изображённые на них грифоны выдавали здание времён царствования Коннорсов. Ещё одна вековая постройка, как и аркады. Обзорная площадка находилась на высоте всего пяти этажей, но вид, открывающийся с неё на проспект Дэвиса и площадь Освобождения, ошеломлял. Тайрек часто бывал здесь раньше. Уже в другой жизни.

«Вот мы и пришли. Момент истины, — прошептала Мира, становясь рядом. Она расстегнула две верхние пуговицы на рубашке, будто спасаясь от жары. — Что бы ни случилось дальше, Тайрек, знай: мы делаем это ради всеобщего блага».

Сэт и Сорен вошли внутрь здания и вызвали лифт, который, на удивление, до сих пор работал. Тайрек вошёл следом за ними. Лифт крякнул и начал тянуть груз вверх, на обзорную площадку. Сорен постоянно поглядывал на хронометрон и что-то шептал себе под нос. Сэт тоже не отличался спокойствием. Однако Тайрек волновался больше, чем оба Стрелка вместе взятые. «Звёзды», собравшиеся позади него мёртвым грузом, уверенности не прибавляли. Коул всё шептал, пытаясь найти свои глаза:

«Нет. Нет!»

Свет в лифте моргнул, и двери разошлись. Приятный голос из динамика возвестил:

— Добро пожаловать, и приятной вам экскурсии!

На вытянутой, покрытой осколками и цементной крошке площадке стояла дюжина фигур в серых плащах. Обычно площадку прикрывала клеть, дабы самоубийцы не пытались прыгнуть вниз, но Стрелки вырезали её. Тело Тайрека ступило вперёд, обгоняя сопровождающих. Неми и Калли обхватили его ноги, напевая старые песни Стрелков. Франтоватый Гай ушёл в тёмный угол и сверкал оттуда тьмой глазниц, сложив руки на груди. Седой бандит Керн остался приглядывать за зубастиком Коулом у лифта, Мира и Джаред стояли рядом. У техника тоже исчезли глаза. Бездна смотрела на Тайрека, а он боялся взглянуть в ответ.

Небольшая стена из Стрелков прикрывала человека впереди, что вещал мелодичным, певучим голосом:

— Солдаты Аноры уже выдвинулись, не так ли?

— Один из её передовых отрядов оказался полностью уничтожен. Но остальные не встретили достойного сопротивления.

— Хорошо. Мне кажется, у девочки всё получится. Быстрее бы уже всё закончилось. Не нравится мне здесь. Мои руки не ощущают тепла Города, его жизни. Они высосали всё, что можно,

а остатки скормили людям. Ублюдки…

— Говард, к вам пришли, — заметил один из телохранителей и отошёл в сторону, уступая дорогу. Тайрек протиснулся между стоящими как истуканы Стрелками, поднял взгляд и обомлел. Во всяком случае, это сделало сознание, а не тело.

Сначала он подумал, что перед ним стоит старик. Голова Говарда находилась чуть-чуть ниже плеч Тайрека, но его нельзя было назвать низким. Сильно скрюченная фигура главы Стрелков искривлялась, будто её долго и упорно выгибали под разными углами, пытаясь сломать. На лице зияло несколько ртов — один там, где положено, два других на щёках. Шрамы покрывали почти всю кожу человека, на руках не хватало пальцев, а вместо глаз на Тайрека взирали два огромных аугментических протеза. Глазницы опоясывали металлические вставки, призванные держать веки постоянно открытыми. Протезы глаз даже отдалённо не походили на настоящие — это были два фасеточных полушария, источающих зловещий красный свет. Говард напоминал огромное отвратительное насекомое, и если бы не его певучий голос, Тайрек бы подумал, что перед ним вообще не человек.

— А, вот и сааксец! Видел бы ты сейчас выражение своего лица, — глава Стрелков растянул губы в улыбке, и рты на щёках противно зашлёпали, исторгая слюну. — Ничего, я не нежный. Привык уже. Меня зовут Джеймс Говард. А тебя, я так понимаю, Тайрек Маут?

Тайрек в ответ лишь кивнул.

— Спасибо за ружья. Они сыграли отличную службу, — Говард постучал прикладом винтовки, что держал в левой руке в качестве посоха, об пол. — Ещё бы они не ломались после двух сотен выстрелов.

— Я дала тебе то, что предоставил король, — сказала Мира. Встав сзади, она обняла Тайрека за талию и шептала слова ему в уши. — Без меня ты бы не получил вообще ничего. Не жалуйся на зеркальце, коли рожица крива.

— Поразительно! — свободной рукой Говард вытер текущую слюну. — Она говорит прямо через тебя, Тайрек. Я не думал, что такое возможно, но поди же ты — её гонор ни с чьим не спутаешь. Переселение разумов, значит. Вот как ты научился говорить по-нашему, да, Тайрек? Кто же из Стрелков сидит у тебя в голове?

— Парочка изгоев, о которых ты никогда не вспомнишь, — прогавкала Калли губами Тайрека. Говард на эти слова лишь усмехнулся.

— Что же, сколько бы вас там ни было, сгиньте все — я хочу поговорить с вашим носителем. Как тебе моя внешность, Тайрек?

Произведение искусства, не правда ли? Когда попадаешь к истинным мастерам, то начинаешь жаждать смерти больше, чем жизни.

Говард всхлипнул и откашлялся. Из его рта вылетел комок красной мокроты.

Мира отошла в сторонку, встав позади главы Стрелков. Почувствовав свободу, Тайрек заговорил:

— Кто с вами сделал это? Синдикат?

Говард опустил шляпу, прикрывая лицо.

— А Мира тебе не сказала, не так ли? — и залился певучим, красивым смехом. — Пятнадцать лет назад моё племя пришло в местечко под названием Кафиссия. Мы были скитальцами. Когда долго путешествуешь по миру, то понимаешь, что он везде одинаков, и просто ищешь уголок, чтобы обосноваться. Мы надеялись на покой и порядок. Но нашли Саакский Союз.

— Я ничего подобного не слышал, — холодно ответил Тайрек.

— Ещё бы, откуда бы тебе слышать? С точки зрения Союза мы были на краю света. Союз! Хах! Ну и сыскали же вы названьице! Вы строили империю, а не содружество, это уж точно.

— Так кем был ты?

— Наследником вождя.

«Хером лысым ты был, старый лгун», — прошипела Неми.

— Сааксцы пришли к нам с оружием и потребовали, чтобы мы присоединились к Союзу. Если бы мы не подчинились, нам грозили… да много чем грозили. Отец всё равно отказался. Вы требовали половину всего, что у нас есть, и каждого третьего юношу — пополнить армию. После отказа они больше не угрожали, а просто взяли меня и сделали показательный пример. О, как они были искусны! Пятнадцать лет прошло, а я так и не встретил мастеров, достойных их уровня!

— Но не они превратили твои глаза… в это, — сказал Тайрек. Глава Стрелков снова рассмеялся.

— Конечно нет. Это сделали первенцы. То, что не сумели доделать сааксцы, добили они. Ведь война началась с нас, если ты не знаешь. С жителей Кафиссии. Как только войска Синдиката вторглись и захватили первые территории, прибыл отряд 838. На захваченных жителях моей деревни начали ставить эксперименты с прототипами аугментики. Выжил один лишь я. Как видишь, понятия первенцев о высоких технологиях тогда были… своеобразными. Но потом они оставили меня в покое. Даже предложили работать на них, сливать информацию о Союзе. Я согласился, при условии, что они возьмут меня к себе. Так я и попал в Город.

«Лгун, лгун, лгун!» — бесновалась Неми.

— И ты сумел сбежать?

— Это было… сложно, — Говард покачал головой. — Но я сумел справиться. Могло быть намного хуже. Поначалу я им рассказывал всё, что знал о Союзе. Затем, они выудили детали о стратегии армейцев. Но я давал информацию по порциям. Тогда ведь я ещё плохо знал первенский, приходилось изъясняться по мере возможностей. Но мы нашли путь. Когда мои данные не помогали, я всегда мог сослаться на вашу непредсказуемость. Я ведь, фактически, воевал с первенцами против вас. И я ни о чём не жалею.

— Но почему ты сейчас против Синдиката, а не Союза?

— А ты разве не видишь? — презрительно сказал Говард. — Между вами нет разницы. Что Союз, что Эдем с Синдикатом — вы достойны друг друга.

— Между нами нет ничего общего, — выдавил Тайрек.

— Ой ли? Хорошенько подумай над этим, дружок.

Тайрек закрыл веки, спасаясь от чёрных глазниц «Звёзд». Коул продолжал хныкать где-то в углу.

«Не слушай его, Тайрек. Этот ублюдок не скажет правды, даже если от этого будет зависеть его жизнь», — пробурчала Калли.

Значит, у Говарда свой интерес в войне с Синдикатом. А какой, как раз предстояло выяснить.

— И как ты смылся?

— Прислуга дома, в котором меня держали, оказалась слишком милосердной. У первенцев вообще нежные чувства к больным людям и сломанным вещам — иначе, зачем бы они начали изобретать аугментику? Мне помогли бежать. Я скрылся на Нижних Уровнях, где меня и приютила Гильдия. И вот, теперь я здесь. Мщу Синдикату, как могу, а ты, сааксец, мне в этом помогаешь. Но не будем о грустном! Ты только посмотри, что там творится!

Он махнул рукой в сторону проспекта Дэвиса. Старый Город расцвел лепестками пожаров и облаками дыма. Где-то вдалеке ухал артиллерийский расчёт, целясь по окраинам. Группы Стрелков, казавшихся с балкона не больше муравьёв, наступали по километровому мосту, ведущему к площади Освобождения. Изредка кто-то стрелял по окопавшимся синдикатовцам из гранатомётов. Солдат Синдиката было не так уж много, но они вгрызлись в свои позиции, как волки вцепившиеся в добычу — и отпускать не собирались. Ежесекундно гибло по меньшей мере по десятку Стрелков. Вся северная дорога утонула в крови.

— А сейчас их ждёт сюрприз, — смакуя каждое слово

произнёс Говард. Он поднял руку и сделал ею движение, будто сжимает всю площадь в кулак. Меньше, чем через минуту стрельба по дороге прекратилась — солдаты покинули позиции. То ли отступили, то ли их внимание отвлекло что-то ещё. — Мои ребята ударили по этим ублюдкам с тыла. Теперь у них точно нет шансов.

— У кого? У твоих ребят? — съязвил Тайрек. Говард покачал головой и повернулся.

— Почему? — спросил он. — Почему именно из всех людей, кого я предлагал, она нашла и выбрала тебя?

— Кто?

— Мира.

Женщина не заставила себя ждать. Наклонившись над ухом, она прошептала:

«Когда-нибудь, Тайрек, мы об этом поговорим. А пока забалтывай его. Говард скоро не будет иметь значения и уйдёт с доски самостоятельно. Несостоявшимся королям на ней нечего делать».

— Потому что я был наименее оптимальным вариантом, — сказал Тайрек. Говарду такая формулировка определённо понравилась.

— Забавно, что Анора часто мыслит так же, — заметил он. — Синдикатовцы любят играть дикими картами.

Тайрек продолжал смотреть в сторону площади Освобождения. Выстрелы на некоторое время прекратились, и Стрелки со стороны дороги хлынули вперёд неудержимой волной. «Что же там происходит?»

Опустив взгляд вниз, Тайрек увидел, что Симеон привёл своих пленников и теперь нетерпеливо ждал от Говарда приказа. Глава Стрелков с раздражением взглянул на юношу.

— Чего ещё ему от меня надо? — бросил Говард Сэту.

— Он хотел расстрелять этих людей, — ответил Стрелок, нахмурившись. — Помнится, вы очень конкретно предупреждали нас насчёт убийства мирных жителей. Мы должны…

— Да-да-да, мы должны сохранять честь и всё такое, ибо кроме неё и жизни у нас больше ничего нет, я помню, — Говард отмахнулся изувеченной рукой. — Нет нужды каждый раз цитировать Кодекс, чтобы доказать свою правоту — этим ты отталкиваешь людей. Скоро нам пленников девать некуда будет. А ведь их ещё и кормить!

— Так вы дали ему прямой приказ на расстрел? — спросил Сэт.

— Конечно нет! — казалось, вопрос Стрелка ранил Говарда до глубины души. — Мы пришли освободить этих людей, а не

убивать их. С чего бы мне их расстреливать? Я не давал такого приказа.

— Зато дал я.

От тёмного угла отделилась огромная тень и проплыла к Стрелкам. Тайрек приготовился было вырвать из рук Говарда винтовку и начать стрельбу, но Мира удержала его.

Перед ними возник Страж Эдема, трёхметровая жестяная махина, накрытая чёрным балахоном. Тайрек слышал, как под одеждой тварью урчат сервомоторы. Воздух стал на десяток градусов холоднее, будто кто-то разом выкачал всё тепло. Тайрек нервно сглотнул, пытаясь подавить пробудившиеся воспоминания: вопли убиваемых Штыков, горящие деревни, рёв метала и звон пуль, рикошетящих от брони. Когда-то он молился Отцу, чтобы больше никогда не пересечься с чудовищами Эдема. Но от судьбы не сбежишь.

Лицо Стража прикрывала вытянутая костяная маска, напоминающая птичий клюв. Существо из плоти и железа остановилось перед телохранителями Говарда, оглядело их, наклонив голову набок, и присело на колено. Бритвенно-острые крылья со звоном расправились за спиной Стража. Через линзы клювастой маски в Тайрека стрельнули пристальным взглядом опухшие и слезящиеся глаза.

Ему показалось, будто Страж задыхается — так тяжёло вздымалась его металлическая грудь под чёрным прогнившим балахоном.

«Так вот о каких могучих друзьях ты говорила, Мира».

— Корвус, — произнесла Мира губами Тайрека. — Наконец-то мы встретились… во плоти. Нам нужно поговорить о…

— Мы вряд ли увидимся ещё, — оборвал её Корвус, поворачиваясь к главе Стрелков. — Приказ расстрелять гражданских отдал я, Говард, и надеюсь, тебе хватит ума не перечить.

«Этот малец, Симеон, ничего не упоминал о Страже», — подумал Тайрек.

«Корвус, проклятый ублюдок, больше не хочешь со мной разговаривать? — сказала Мира. — Мы изжили свою полезность? Что же, мы выбрали твой путь и пойдём по нему до конца. Я расскажу тебе обо всём, Тайрек, но позже. Просто дай мне время».

Тайреку показалось, что он чувствует аромат её духов, но через секунду наваждение прошло.

— Ты слишком много позволяешь себе, Страж, — ответил Говард, прихрамывая навстречу Корвусу и опираясь на винтовку. Лица его телохранителей осветило удивление, они замотали головами, выискивая что-то. — Это моя война и я буду решать,

как её вести. Ты всего лишь наблюдатель, не более. Я хочу, чтобы ты…

— У нас очень мало времени, — прервал его железный голос Стража. — Или ты убиваешь гражданских, или я убиваю тебя.

Говард в ответ на такое заявление даже не дрогнул.

— Зачем тебе это? — спросил он.

— Синдикатовцы должны жаждать мести. Они раздуют из этого маленького инцидента такую шумиху, что твоё имя десятилетия спустя будут вспоминать с укором. — Корвус поднялся на ноги и прошёл к балкону. Его когтистые лапы высекали искры при каждом шаге. — Разве Мира не проинструктировала тебя?

— Ты должен был устроить погром, а затем выманить Синдикат на Нижние Уровни, — сказала Мира. Она сжимала плечи Тайрека так сильно, что тот почувствовал боль. Похоже, говорить она не особо хотела. — Штурмовать площадь Освобождения. И ни в коем случае не идти дальше. Теперь нам придётся пойти на экстренные меры, чтобы спасти ситуацию.

— Это была инициатива Аноры. Она хотела встретиться со своей дочерью, а площадь была ближе всего, — ответил Говард, не сводя взора фасетчатых глаз с Корвуса. Телохранители главы Стрелков продолжали нетерпеливо переминаться, кто-то даже кашлянул. Тайрек не мог понять, что именно вызвало их смущение.

— Это не так. Ты собирался вступить в полноценную войну с Синдикатом, — сказала Мира с усталостью в голосе. Говард пожал плечами.

— Ты будешь меня винить в этом? Столько лет я жаждал подобного шанса, а тут король сам решил мне его предоставить! Неужели он всерьёз думает, что я буду придерживаться рамок договора? Да чёрта с два! Мои ребята сейчас захватят площадь, а оттуда уже мы дойдём и до Дворца.

— Твоим людям нужно отступить и увести пленников с площади, — сказал Корвус. — Иначе всё будет напрасно.

— Среди них две сотни моих лучших парней.

— Значит, твой народ станет на две сотни трупов богаче. Что бы вы ни делали, всё теперь обречено на провал. Мои войска проигрывают битву.

— Твои войска? — засмеялся Говард. — Почему же я их не вижу?

— Ты ещё можешь уйти, — продолжил Корвус, явно проигнорировав вопрос Стрелка. — Скажи, чтобы они попробовали договориться миром. До этого так ещё никто не пробовал.

— О чём ты? — озадаченно спросил Говард.

— Важно не то, что могу сделать я, — произнёс Страж и понизил голос до шелеста падающих листьев, — а то, что сотворите вы. Вы должны выбраться из этой могилы, выбраться сами, самостоятельно. Иначе Богу опять надоест его песочница, и он устроит очередной потоп.

— Цикл должен разорваться, — тихо сказала Мира.

— Пока Освободитель заперт в башне из чёрного стекла, в бесконечных отражениях реальности, у вас ещё есть шанс. Я даю вам его, и собираюсь сдерживать Освободителя столько, сколько понадобится. Но вы должны выбрать, идёте ли вы до конца или же нет. И когда придёт время, не отклоняться от своего выбора.

Корвус оглядел потерянных Стрелков и их предводителя.

— Эдем сотрёт вас без следа, если узнает, что я сказал.

— Ублюдочное порождение, — с горечью прошипел Говард. — Что за чушь ты несёшь? Тебе никогда не понять нас, людей, и того, через что мы проходим. Ты запудрил этому мальчишке, Симеону, мозги, чтобы он поубивал всех своих пленных?

— Я лишь внушил ему, что этот приказ от тебя, — произнёс Корвус. — Его психика достроила остальное. Говард, если ты убьёшь этих гражданских, синдикатовцы возненавидят тебя и бросятся в погоню на Нижние Уровни. И чем дальше они будут от Эдема, тем лучше. Мира?

— Ты воспользовался нашим контрактом для своих целей. Выполни указанные требования. Последствия неповиновения могут быть катастрофическими, — сказала Мира. Её голос превратился в шорох лингвистического кода, и Тайрек начал сомневаться, говорит ли с ним Мира, или же Корвус, накинувший её личину. Он уже ни в чём не был уверен.

— Вы угрожаете мне? — Говард ухмыльнулся, рты на щёках зачавкали.

— Нет. Это ты угрожаешь всему Городу, — сказал Корвус. — Мы должны были взять только площадь и нанести решающий удар. Моя миссия провалилась — нет нужды злить врага сильнее. Происходящее намного больше тебя и твоей жалкой мести. Мы должны действовать сообща, если хотим достичь хоть чего-то.

Говард погладил исполосованный белыми линиями шрамов подбородок.

— Хорошо, — наконец ответил он. — Спускаемся.

Говард, пара его телохранителей и Тайрек поехали на лифте, все остальные спустились по лестнице. Симеон расхаживал перед толпой пленных с револьверами в руках, его безусое лицо покраснело от возбуждения. «Из него бы вышел отличный

Багровый Штык», — с грустью подумал Тайрек.

Сэт скрипел зубами, лицо Сорена превратилось в непроницаемую маску. Повернувшись к собрату, он тихо прошептал:

— Ты тоже не понял, с кем он говорил?

Сэт помотал головой. Тайрека осенило — никто из Стрелков, кроме Говарда, не видел Корвуса.

По физиономии Говарда сложно было сказать, что он чувствует, но голос ответил на все вопросы:

— Давай уже, — произнёс он с обречённостью человека, которому должны отрубить голову. Симеон кивнул и ощерился. Юные Стрелки отошли на двадцать шагов от выстроившихся вдоль стены первенцев. Мужчины, давно осознавшие, к чему всё ведёт, опустили глаза. Кто-то заорал на своих пленителей, кто-то отвернулся. Один паренёк лет двадцати пяти молча достал из кармана сигарету. Женщины прижали к себе детей и заревели. Девушки помладше падали на колени и просили пощады. Старики же не обращали ни на что внимания и лишь тяжело вздыхали.

— Сукины дети! Будьте вы прокляты!

— Горите в аду!

— Пожалуйста, умоляю вас! Моему сыну пять лет, пощадите хотя бы его!

— Не делайте этого! Я… я сделаю всё, что угодно! Заберите меня отсюда!

— Я заплачу! Вам нужны деньги, власть, бабы?! Всё что угодно! Я могу это дать!

— Синдикат за нас отомстит! Из вас, говнюки, все кишки повытаскивают! Сожгут в ваших же норах!

Тайрек закрыл глаза, чувствуя, как со словами из пленников утекают остатки жизни. Симеон ухмылялся, будто наслаждаясь зрелищем. Вращая на руках револьверы, он расставил своих подчинённых с винтовками напротив толпы и взял у них ещё два пистолета. Один засунул в набедренную кобуру, а второй прямо за пояс.

Наконец, перестав играться с оружием, он встал напротив толпы, сощурил глаза и заорал:

— Пли!

Грохот самовзводных винтовок оглушил Тайрека. Руки рвались вперёд, сознание ревело и жаждало крови, а в голове проносились картинки, одна за другой: развешанные на деревьях трупы, выпотрошенные дети, сгоревшие дотла дома. Пальцы готовы были сломаться от напряжения, тело тянулось прибить Стрелков, убивающих ни в чём не повинных людей, но Мира

крепко его держала. Он слышал её вздохи, что становились всё чаще и чаще. Он чувствовал её слёзы и горечь, он чувствовал её ненависть. Она знала, что этого не должно происходить.

«Скажи! Попробуй, скажи, что тебе жаль! Скажи, что это оправданные потери, ты, сука!» — вскричал Тайрек, но Мира не отвечала.

Тела пленников вздрагивали при каждом попадании, будто бы спящий, который резко пробудился ото сна. Симеон вопил от восторга, стреляя с двух рук в разных направлениях, тело его подчинилось волне смерти. Он танцевал с оружием, будто бы уклоняясь от невидимых пуль. Отстреляв первые два револьвера, юнец отбросил их и выхватил ещё, продолжая набивать счётчик трупов. Казалось, он хотел убить больше, чем его соратники с винтовками. Один из Стрелков закричал — шальная пуля отрикошетила и пробила ему грудь. Говард лишь горестно покачал головой.

Не прошло и полминуты, как всё закончилось. Ноздри щекотал запах пороха и гари, железный вкус проник и застрял во рту. Тайрек подрагивал. Это были не его конвульсии, а Миры.

Симеон, разведя руки, с довольной улыбкой повернулся к Говарду. Его револьверы дымились.

— Ваш приказ исполнен, сэр, — произнёс он так, будто бы выиграл гран-при по убийствам.

«Я был точно таким же», — подумал Тайрек.

Сэт двинулся вперёд, осмотрел трупы, а затем бросил вопросительный взгляд на Говарда. Тот молча кивнул. Стрелок молниеносно выхватил револьвер и сделал всего лишь один выстрел.

Мозги Симеона разлетелись, на лице застыло удивлённое выражение. Тело дрогнуло и рухнуло на асфальт, разбросав содержимое черепной коробки по всей округе. Сорен поднял отлетевшую шляпу юноши и накрыл лицо убитого.

— Покойся с миром, — произнёс он.

— Дело сделано, — произнёс материализовавшийся из воздуха Корвус. Тайрек был готов поклясться, что его не было рядом секунду назад. Говард чмокнул ртами и сказал:

— Надеюсь, ты доволен. Я прикажу своим людям с площади отступать. Но не думай, что я оставлю всё просто так. Там будут мои лучшие бойцы. В случае чего, мы готовы продолжить битву.

— Отныне ты волен делать всё, что тебе заблагорассудится, — слова Корвуса звенели в наступившей тишине, изредка прерываемой отдалёнными раскатами артиллерии. — Я законсервирую выходы на площадь Освобождения. Это не тот путь, который Синдикат должен

использовать в погоне за тобой.

— В конце концов, ты создал эти проходы, — сказал Говард. — Тебе их и закрывать. Что же, хоть за это спасибо — без твоей помощи мы не сумели бы зайти синдикатовцам в тыл.

Махнув рукой, он похромал дальше по улице, прочь от горы трупов и мёртвого Симеона. Тайрек наклонился к телу и убрал шляпу, оставив раздробленное лицо на виду.

Когда Стрелки исчезли, Корвус наклонился к сааксцу. Сквозь линзы Тайрек увидел, что глаза Стража вдруг почернели.

— Нам нужно о многом с тобой поговорить.

Не успел Тайрек раскрыть рта, как оказался на незнакомой крыше.

— За корону! За короля!

Треск винтовок разрывал воздух, пули свистели, словно завтра не наступит никогда, и сааксец повалился на бетон, пытаясь укрыться от навалившегося обилия звуков и чувств. В ноздри лез запах жженого мяса, лицо покрыли капельки пота, к горлу снова подкатила тошнота — Тайрека как будто снова посетила старая добрая ломка от некачественной наркоты.

— Уж извини, я забыл, что ты не привык к такому способу перемещения, — изрёк Корвус. Тайрека стошнило. Вытерев остатки желчи с губ и кое-как поднявшись, сааксец опёрся на парапет. Корвус стоял в полный рост, оглядывая поле развернувшей битвы.

Тайрек догадался, что они на площади Освобождения. Около тридцати Стрелков, наступавших на памятник Освободителю, перестреливались с засевшими в зданиях синдикатовцами. Сааксец прислушался к воплям и кличам и понял, что армейцы не более чем девчонки-подростки с оружием. Он бы засмеялся, если бы не болел желудок.

— Надо присесть, иначе нас заметят, — прошипел Тайрек.

— Они не увидят тебя, пока я этого не захочу. Вон, — Корвус ткнул перстом в сторону памятника, за которым виднелся спрятавшийся коп. — Мне нужен он.

— Кто… он такой? — еле выговорил Тайрек, борясь с очередным приступом тошноты.

— Это не важно, — ответил Страж. — Важнее то, что Эдем о нём ещё не знает. Но после произошедшего его подвергнут гипновнушению. Этого нельзя допустить.

Корвус дотронулся до руки Тайрека, и сааксец почувствовал зуд в ладони.

— Тебе нужно всего лишь коснуться его, — прогудел Страж. — И тогда Эдем не сможет наложить лапы на этого человека.

— Что плохого в гипновнушении? — с вызовом бросил Тайрек. Корвус повернул голову к происходящей на площади бойне. Стрелки падали один за другим, некоторые ещё агонизировали, некоторые погибали сразу. Серый Охотник визжал, собирая жатву. Тайрек поймал себя на том, что облизывает клыки. Пляска смерти возбудила в нём старые чувства, которые он поспешил подавить.

— Когда мы нашли тебя, — Корвус с нажимом произнёс слово «мы», — я приказал Мире ввести… определённые вещества в твой организм. Нейтрализовать последствия гипновнушения. Эдем теперь не владеет тобой, только пока ещё не осознаёт этого. С этим человеком нужно провернуть то же самое.

— Хорошо. Не убьёт ли он меня? Тогда ведь все ваши старания пойдут насмарку.

— Нет, не убьёт, — произнёс Корвус, наблюдая за тем, как девушки-армейцы покидают свои укрытия. — Ни разу до этого не убивал.

Не успел Тайрек спросить, что значат эти слова, как снова почувствовал слабость. Тьма окружила его и задавила со всех сторон. Он заорал, но его крик вывернулся наизнанку, поглотил сам себя, а затем исчез в нереальности, запутавшись в собственных отражениях.

— Эй, смотрите! Там живой один! — крикнул тонкий голос где-то совсем близко, почти под боком. Тайрек утопал в воде, чувствовал, как она вливается в его лёгкие, накрывает с головой и становится единым целым. Он тонул в паутине воспоминаний.

Огромная тень накрыла его, полностью перегородив свет, сама стала источником абсолютной тьмы.

— Кто он такой? — прозвенел где-то далеко бесплотный голос.

Тайрек протянул руку к тени. Она свернулась, превратилась в холодный шар, а затем разлетелась на тысячу осколков, в каждом из которых хохотала маска Корвуса.

— Чёрные… крылья… — произнёс Тайрек, пытаясь собрать воедино разбитое зеркало. Он увидел себя в детстве, в школе, в Приюте, он увидел, как целуется с Келлой и предаёт её. Он увидел себя сейчас, жалкого, разбитого, с ещё не пересохшей блевотиной на губах. Он увидел, как вторгается в джунгли, сжимая женскую ладошку, ведя за собой. Он увидел, как горит Дворец, а люди в красных мундирах погибают, целуя белое платье с королевскими гербами.

— Точно не из Стрелков. Возможно, местный житель. Давай, вставай, дружище.

Он почувствовал, как чья-то рука схватила его ладонь, и через

неё прошёл небольшой разряд тока. Кто-то поднял его на ноги. Тайрек моргнул несколько раз — и обомлел.

— Что такое? — спросила молоденькая брюнетка в униформе Синдиката. Её черты лица напомнили ему о далёких временах и о женщине, на пару минут ставшей для Тайрека матерью. Но ещё больше о тех временах напомнил громадный альбинос с пронзительными голубыми глазами, прошивавшими Тайрека насквозь.

— Да так, мелочи, — тихо произнёс полицейский. Мужчина постарел и поизносился, в его взгляде уже не было того было пыла, а на лице появились глубокие морщины — не столько от возраста, сколько от ярости мира. — Давно не виделись, дружок, — произнёс коп. В руке он держал дробовик, больше напоминавший старинный мушкетон. На прикладе Тайрек заметил россыпь маленьких засечек.

Сааксец закрыл глаза. «Что же, Корвус, спасибо тебе огромное».

Ирония была так совершенна, что Тайрек просто не мог её не оценить. Десять лет спустя картина повторилась. Пусть и обросла новыми деталями, но сути не поменяла.

«Просто поддайся течению событий», — сказала Мира, обняв Тайрека за плечи. Остальные «Звёзды» стояли рядом. Тьма в их глазницах баюкала страх смерти, и когда в бок ткнулся ствол винтовки, Тайрек спокойно приготовился умереть.

— Что ты делаешь? — раздался голос копа.

— Он может быть шпионом. Стрелки могли оставить его, чтобы внедриться к нам.

— А ну-ка опусти оружие, дорогуша. Я знаю, что это за пацан. Он сраный сааксец, не видишь, что ли? Я его знаю. Из-за него твоя мамаша выкинула меня из армии. Никакой он в жопу не Стрелок.

— Она хотела спасти его? Если она действительно этого хотела… то пусть идёт.

«Им ещё известно, что такое милосердие», — прошептала Калли.

Тайрек открыл глаза. Мир собрался из маленьких осколков, стал единым целым.

— Ты ранен? — спросил коп. — Идти можешь? Тогда топай к ближайшему центру сбора, если найдёшь. Жди дальнейших указаний. Давай-давай, не стой столбом, замерзнёшь.

Тайрек кивнул и, увидев на ладони копа маленькую точку, почувствовал, как Мира улыбается через него. Где-то неподалёку была дорога, и сааксец двинулся вперёд, чувствуя, что ещё минута — и он просто рухнет лицом вниз. На секунду «Звёзды»

перестали парить вокруг него жаждущими добычи стервятниками, и Тайрек увидел их всех по отдельности. Мира улыбалась ему, тепло и честно. Тьма в её глазницах перестала пугать.

Тайрек вздохнул и снова оказался во власти бездны. Поток нёс его в неизвестность, а он просто поддался течению.

— Это только начало, сааксец, — проскрежетал прямо над ухом голос Корвуса. — У нас много работы впереди. Но если всё получится, то Освободитель поплатится за своё предательство. Сполна.

7. Мокрый остаток

«Плохие воспоминания мы всегда храним бережнее, чем хорошие»

Дэниел Роско, «Дневники сепаратиста»

30 мая, 541 год после Освобождения

Ложь лилась с телеэкрана, а Клэй стоял и не знал, кого нужно за это пристрелить.

— После сокрушительной катастрофы, унесшей жизни сотни тысяч граждан и солдат, Синдикат готов нанести ответный удар. С завтрашнего дня мобилизованные части армии вторгнутся на Пятый Уровень и отвоюют всё положенное Старому Городу по праву.

Клэй узнал дикторшу. Кейт Джаспер, старая одноклассница. Школьная подруга. Бывшая жена. Он увидел её на встрече выпускников четыре года назад. Клэй переживал тяжёлый период и пил, будто алкоголь мог смыть все проблемы. Работа в полиции не принесла удовлетворения, а в армию Клэю путь был заказан. В тот момент идея встретиться с одноклассниками уже не казалась такой глупой. Встретив Кейт, Джейсон вспомнил о старых чувствах и их маленьких свиданиях.

Слово за слово, рюмка за рюмкой — и вот она оказалась в его постели: маленькая, гнилая до самой сути лгунья, зарабатывавшая деньги на продаже выгодной Синдикату информации. После третьей распитой на двоих бутылки рома она раскололась, да так, что Клэй её еле остановил. Она рассказала всё: как работают новостные агентства, от кого получают зарплату, что говорят и как говорят. Фактически, во всём Центре не было ни единого независимого журналиста — всё подмял под себя Синдикат. Свободные радиостанции и мини-студии обычно вещали с окраин, но они, в свою очередь, получали деньги от контрабандистов.

Два года протянул их брак, который вогнал Клэю в пучину глубокого отчаяния. Для Кейт их отношения были всего лишь очередным этапом жизни, опытом, который стоило пропустить через себя и двинуться дальше. Стоило Клэю на секунду поверить, что он сможет жить нормально, как Кейт его бросила.

Следующие полгода он помнил смутно. Все бары узнали о

крутом нраве ветерана войны, чуть ли не каждый вечер искавшего драки. Не раз и не два ему грозил арест, в последний момент заменявшийся патрулированием самых опасных районов окраин. Именно там Клэй и вернул себе грозную репутацию Могилы. Он тонул в крови, чужими смертями пытаясь проложить себе счастливое будущее. И тогда появилась Алисия. Появилась, чтобы напомнить — даже у него ещё есть шанс.

Сегодня Кейт одели в образ «сильной, но слабой женщины» — видавший лучшие времена мужской пиджак на плечах явно был большим, минимум косметики подчёркивал уставшие серые глаза, слезящиеся от недосыпания, длинные волосы цвета сгнившей кости собрались в тугой узел на затылке. Портила вид лишь дорожка коротких волос на правом виске. Но какая разница, если половина мужского населения, увидевшая новости, уже готова жизнь положить ради бедняжки на экране.

— На связь выходит Анна Пирс, ведущая репортаж с одного из призывных пунктов. Анна, как там обстановка?

Дикторшу сменила молоденькая девушка в огромных очках, клетчатом беретике и богомерзком твидовом пиджаке. Казалось, она себе поставила целью выглядеть настолько нелепо, насколько возможно. Клэй задумался — а может это просто очередное веяние моды, которое он упустил?

— Спасибо, Кейт. Добровольцам нет числа. Комитеты докладывают, что если обучить всех, то на складах может банально не хватить оружия.

Камера проехалась по бесконечным колоннам парней и девушек, заполнявших рекрутские залы. Всего лишь кривые рифмы бесталанного поэта.

— Семья Фортескью обещает задействовать все свои заводы и утилизаторы на двести процентов мощности, обеспечив винтовкой каждого новобранца. Такое чувство, будто здесь находятся все боеспособные мужчины и женщины Старого Города. Как бы там ни было, это беспрецедентный случай в истории Синдиката. Кейт?

«Чем страшнее ложь, тем легче в неё поверить», — вспомнил Клэй. Он не знал, кто это сказал, но сейчас это было неважно.

— Благодарю, Анна. К другим новостям. Фонд имени Ричарда Эймса, называвший себя «Союзом ветеранов Второй Священной Войны», объявлен организацией вне закона. Участников Союза поймали за дачей взяток новобранцам, дабы те отказывались от военной службы. Дело уже передали полиции. Недавно поступило сообщение от разведки: по их данным организаторы фонда сотрудничали с террористическими элементами, инициировавшими вторжение Стрелков. Подозреваемые скрылись

до того, как полиция успела найти их для допроса. Большинство членов Союза или привлечено к уголовной ответственности, или оштрафовано.

«Синдикат жаждал новой войны — и он её получил, — подумал Клэй. — Как удобно. Надо лишь говорить, что наше дело правое и добровольцы прут потоком — обязательно найдутся те, кто в это поверят».

— Также были арестованы активы нескольких банковских филиалов Семьи Торес. По словам налоговой полиции, именно через их анонимные счета террористы организовали массовую закупку оружия у государственных подрядчиков. Алан Фортескью, основатель фабрики Гефеста и владелец сорока процентов военных заводов Старого Города, обеспокоен. Цитата: «Прецедент повлияет на поправки, связанные с ношением гражданами средств самообороны. Королевский совет решит этот вопрос. Возможно, кому-то придётся отказаться от оружия вообще», конец цитаты. Тем временем, Юрген Торес, нынешний глава Семьи, прокомментировал на своей странице в Сети: «Наш Дом владеет множеством банков, и каждый из них находится на полном самоуправлении. Я не допущу, чтобы услуги, направленные на улучшение благосостояния граждан, использовались террористами. Преступная халатность должна быть наказана».

Лицо лысеющего щекастого мужчины в круглых очках покрывала координатная сетка старческих точек и пятен. В углу экрана виднелся герб Торесов — монета и кинжал. «Война всегда связана с деньгами». Сколько Клэй себя помнил, Торесы оставались независимы от внутренних игр Семей. Когда дело доходило до междоусобиц, они могли без проблем раздать кредиты обеим сторонам конфликта, а затем задавить победившего процентами. И никто ничего не мог сделать. Пойдёшь против Торесов — наживёшь кучу врагов, готовых на всё, ради прощения кредита. Сорок лет назад, во время предыдущего вторжения Стрелков, Карциусы нацелились именно на банкиров. Королевская Семья могла ничего не предпринимать — но Карл приказал отправить армию на защиту Торесов. С тех пор, они помогали короне в сложные времена, а та, в свою очередь, прикрывала задницы богатеньких вассалов.

— А сейчас прямое включение из Дворца, где король Карл Лоренс произнесёт напутственную речь отправляющимся завтра на фронт частям.

На экране появился мужчина лет сорока пяти, сидящий на троне. Конец длинной бороды покоился у него на коленях вместе с короной. Добрые зелёные глаза излучали печаль и горесть. Одет он был в красную накидку поверх чёрного мундира — просто, но

со вкусом. «Интересно, скольким стилистам пришлось поработать, чтобы добиться этого эффекта?» Клэю король напомнил старого лицедея, порядком уставшего от своей роли.

— Не мы начали эту войну, — глубоким голосом произнёс Карл, — но мы её закончим. Это был удар не столько по нам, сколько по стилю нашей жизни, нашей вере. Освободитель создавал этот Город простым и соразмерным, где каждому найдётся место и все шансы на прекрасную жизнь. Однажды жадные люди взбунтовались и попытались забрать себе всё, нарушить Божий Порядок. Но Освободитель не убил их, а лишь сослал на Нижние Уровни. И чем в итоге расплатились эти мерзавцы? Вторжением и геноцидом! Довольно! Мы слишком долго терпели существование этих тварей, сосущих ресурсы из нашего Города! Божий Порядок проповедует, что каждый обязан стремиться вперёд, к совершенству, улучшать себя насколько это возможно. Но враги тянут нас на дно! С позволения церкви, я объявляю Третью Священную Войну! Наши храбрые бойцы уничтожат всю нечисть, обитающую на Нижних Уровнях. Мы вернём нашу землю Освободителю! Аминь.

«Ты продолжаешь рассуждать как человек, который и за сто миль к фронту не подходил, Карл», — подумал Клэй. Население Города постоянно росло. Даже полная утилизация не могла спасти от маячащей на горизонте перспективы нехватки ресурсов. Мелкие Семьи, вроде Сигурдов, открывали во Вне станции по добыче полезных ископаемых — кое-что не могли создать даже утилизаторы. То же самое золото только перерабатывалось, но не печаталось, потому и продолжало цениться. Вторгнуться на Нижние Уровни и запихнуть в утилизаторы всех тамошних жителей — отличное решение кризиса. По крайней мере, лет на двадцать хватит, а там уже и возвращение во Вне близко по прогнозам. «Отлично сыграно, старый ублюдок».

Он взглянул на руки и увидел, что они подрагивают. Аугментика высшего уровня передавала и имитировала все импульсы, передающиеся от мозга. Клэй был сильнее многих людей, его окружавших. Божий Порядок утверждал, что без прогресса нет жизни. Если ты не движешься вперёд, не улучшаешь себя, то ты всего лишь мёртвый груз на шее общества. Привилегии нужно заслужить. Когда-то Клэй считал, что это и есть путь к свету. Но даже лучшую идею можно превратить в орудие репрессии.

«Даже юбилей победы они превратили в новую войну».

— Сэр?

Клэй очнулся от оцепенения. Новости так захватили его, что он и забыл, где находится.

Белизна полицейского отделения Медцентра утюгом давила на Джейсона. Стерильность и чистота вползали в глаза, уши, рот, достигали мозга и разрывали его по кусочкам. Клэй застрял в приёмной среди кучи других пациентов, поглощённых Кейт, что вещала с телеэкрана. Блондинка-администраторша, сжимая в руках информационный планшет, с любопытством глядела на Джейсона. Такой вот любопытствующий взгляд — всё, что Медцентр оставил им в обмен на красоту.

Медцентр без сомнений обслуживал всех: будь то Синдикат, полиция или даже окраины. Обслуживал, пока ему платили, конечно. Пластические операции всегда стоили дорого. Хорошие — и того больше. Даже курсы омоложения обходились дешевле, чем хирургическая красота. Но некоторые отчаянные девушки готовы были платить всем, лишь бы стать неотразимыми. Они подписывали специальный договор, и Медцентр забирал их, чтобы подвергнуть сотням, а то и тысячам операций и процедур. Клэй даже не хотел знать, каким именно. В итоге, они достигали желаемого.

От них оставался лишь пустой каркас — красивый, увлекающий и абсолютно бездушный. Будто отремонтированный старый дом, хозяин которого умер. Пациентки лишались эмоций, привязанностей, и напоминали больше кукол, а не людей.

«Хотя все мы здесь куклы, которых забыли убрать в ящик, — подумал Клэй. — Воюем, убиваем, трясёмся за свою жизнь, а потом просим у Бога прощения, в надежде, что хоть после смерти будет проще. А там ничего. Только ящик и темнота».

Пока от Медцентра зависел весь Город, люди отказывались копать глубже. Джейсон не сомневался: у «белых халатов» скелетов в шкафу столько, что церковь, прознав о них, объявила бы новую Священную Войну. Но никто не мог понять, где кончался Медцентр, и начиналась церковь.

— Сэр? — повторила администраторша.

— Я пришёл к доктору Миямото, — сказал Клэй. — У меня должно быть назначено.

— Доктор сейчас в отпуске, — ответила девушка.

— А я уверен, что он здесь. Только с какого-то хрена не хочет меня принимать.

— Доктор не может никого принять, — сказала администраторша. Клэй заметил, что она не моргает. — Приходите попозже.

— Я и так уже потерял неделю.

— Мы вам перезвоним. Как вас зовут?

Клэй не ответил. Отодвинув администраторшу, он скорым шагом двинулся по коридору. Администраторша засеменила

следом.

— Сэр, туда нельзя! Сэр!

Как только они отошли достаточно далеко, Клэй бросился бежать. Девушка пыталась догнать его, но тщётно — мешали каблуки. Оторвавшись, Джейсон добежал до лестницы, чуть не врезался в санитаров и помчался на третий этаж. Там, миновав ещё одну стайку любопытствующих администраторш, он ворвался в кабинет доктора.

И по физиономии Миямото Клэй сразу понял, что ничего хорошего ждать не придётся.

— Как вы себя чувствуете, Джейсон? — поинтересовался доктор, торопливо убирая бутылку виски под стол. Клэй возник так стремительно, что Миямото даже не успел возмутиться. Чернокожий специалист Медцентра порядком захирел за последнее время, Клэй его почти не узнавал. Глаза, когда-то смотревшие в будущее со спокойной уверенностью, были на мокром месте и опухли. Элегантные, тонкие руки, совершившие сотни операций и заменившие Клэю продырявленное лёгкое, подрагивали. Специалист широкого профиля, Миямото занимался как хирургией, так и психотерапией — впрочем, и там, и там он потрошил людей. Но сейчас доктор напоминал обычного алкаша. Клэй защёлкнул за собой дверь.

— Неплохо, — ответил он и утонул в кожаном кресле, стоявшем напротив рабочего стола доктора. Кабинет Миямото напоминал логово старого университетского профессора: на столе куча документов, обитые красным деревом стены увешаны портретами светил Медцентра, серванты набиты ветхими томами из Библиотеки. Сильно выбивалось лишь огромное позолочённое распятие, висевшее позади доктора. — Я-то думал, вы не пьёте. Налейте и мне.

— Я и не пью, — горестно ответил Миямото, достав бутылку и протянув Клэю гранёный стакан. — Я напиваюсь.

— А повод?

— Повод всегда найдётся. Ваше здоровье.

Клэй опрокинул стакан и с удовольствием почувствовал, как зажглось горло. Он не пил уже больше недели, и жизнь потихоньку начала выходить из-под контроля. Миямото предложил синтетическое яблоко, но Клэй отказался — не привык он закусывать.

— Мне назначили операцию у вас на прошлый вторник, — сказал Джейсон. Миямото пожал плечами.

— Я не в курсе. Как странно.

Клэй бросил мимолётный взгляд на настенный коммуникатор. Маленький дисплей утверждал, что у Миямото

двести восемьдесят пять непринятых сообщений. Три из них только от Клэя. Доктор не принимал вызовы около недели. Перестал сразу после вторжения.

— Что-то случилось, док? — спросил Джейсон.

— Да много чего случилось. — Миямото опустил взгляд и уставился в невидимую точку на столе. — Эксперты говорят, что конфликты современности проходят скоротечно и очень, очень жестоко. Я склонен не согласиться. Жестокость — черта не только нынешней войны. Её нам хватало всегда. Вот скажите, Клэй, а каково это — воевать?

Джейсон вспомнил события недельной давности. Вторжение Стрелков не продлилось и двух дней, но нанесло такой огромный урон, что Старый Город вряд ли сумеет оправиться до конца декады. Дело было даже не в жертвах, а в той простой мысли, что на людей напали в собственных домах, когда они лежали в кроватях или спокойно ужинали на кухне. Будто восстание Карциусов решило повториться сорок лет спустя.

— А никак. Ты либо сражаешься, либо умираешь. На войне выбор всегда простой. Она шуток не любит, но зато понятнее её ничего не сыскать.

— У вас ведь нет детей? — поинтересовался Миямото. Клэй покачал головой. — Ну, представьте себе, что вы находите прекрасную девушку, заводите с ней ребёнка, а затем всю жизнь пашете ради новой семьи. Даёте чаду всё, что душа пожелает. Даёте лучшее образование, устраиваете его жизнь, дарите свою любовь. И, когда вы уже ждете внуков, наступает катастрофа.

Клэй мигом всё понял.

— Её больше нет, — сказал Миямото. — Моей маленькой Джинни больше нет. Эти ублюдки убили мою дочь. Они даже не посмотрели на то, что она беременна — просто поставили к стенке и пристрелили, как бешеную собаку. Скажите, Клэй, разве так ведут себя люди? Нет. Только животные. А животных нужно или приручать, или убивать.

Миямото налил себе виски в стакан и залпом выпил, даже не поморщившись. А Клэй всё думал, где он допустил ошибку.

Стрелки не могли сделать этого. Тот паренёк, что предлагал ему перемирие, казался свято уверенным в своих словах. Стрелки не хотели воевать дальше. Они искали путь проще. Видимо, Клэй их переоценил. Или же переговорщик был единственным приличным человеком в стае зверей? Всё ещё оставалась возможность, что Синдикат опять мутит воду. Но все факты указывали на Стрелков и ни на кого больше. Они действительно истребляли мирное население Центра, при этом не трогая окраины. Экспертиза доказала, что расстрел нескольких сотен

гражданских — дело рук Гильдии.

Но сколько погибло на окраинах от огня артиллерии?

— Я тут краем уха услышал, что только благодаря вам отвоевали площадь Освобождения, — сказал Миямото. — Ваш подвиг скрывают. Синдикатовская общественность ещё не знает о нём. Я хочу сказать спасибо, Джейсон. Если бы Стрелки закрепились на площади, участь моей дочери разделили бы сотни тысяч людей.

— Не стоит благодарностей, — пробормотал Клэй. — Я просто делал свою работу.

— Ничего. Скоро Синдикат окончательно раздавит их, — лицо Миямото расслабилось. — Впрочем, забудьте. Вы готовы к операции?

— Чем быстрее закончим, тем лучше. Док, вы лучше скажите, а это правда? Ну, что люди забывают о своих проблемах и живут дальше, как ни в чём не бывало?

Миямото опустил взгляд:

— Мистер Клэй, я провёл эту операцию уже с сотнями пациентов. Во всём Старом Городе вы не сыщете врача лучше, чем я. И поверьте — это помогает.

Подумав, он добавил:

— Я всю жизнь лечил других людей от плохих воспоминаний. Вот только некому вылечить меня.

— Знаете, я думал, что это всё очередные сказки Медцентра, — сказал Клэй, переводя тему. — Я думал, что нельзя просто так всё забыть.

— Боль — это такая вещь, которая должна проходить.

— Я её никогда не чувствовал, — ответил Джейсон.

— Вас не мучают кошмары?

— Нет. А должны?

— Большинство ветеранов страдают именно от плохих снов. Говорят, что к ним приходят мертвецы и зовут по имени. Или же просто повторяются самые худшие эпизоды войны.

Клэй напряг память.

— Честно, — ответил он, — я подобное ощущал только перед боями. Как вернулся в Город, ничего подобного не было.

— Что же, хорошо. Как бы там ни было, гипновнушение — операция очень эффективная. Но, при этом, с некоторыми побочными эффектами…

— Я-то думал, она должна устранять побочные эффекты, а не создавать новые, — усмехнулся Клэй.

— Всё дело в отдыхе, — устало произнёс Миямото. К чести доктора, его речь оставалась предельно связной. — Это не шутки, это серьёзно. После того, как мы закончим, вы должны избегать

стресса, настолько, насколько это возможно. Любое сильное потрясение может вылиться в галлюцинации, навязчивые бредовые идеи — а то и хуже! Осторожность ваш главный друг.

— Звучит грозно, — пробормотал Клэй.

— Но вам, Джейсон, бояться нечего. Вы ведь получили от комиссара одобрение на отпуск?

— Так точно.

— Вот и отлично. А теперь, расскажите, что же всё-таки произошло на площади Освобождения.

— Я прорвал баррикады с помощью БТРа, убил, кого смог, заболтал оставшихся. Затем мне на помощь пришли спецназовцы и девчонка, кандидат в офицеры из Военной Академии. Спецназовцы вынесли большую часть врагов, оставшихся добили синдикатовские девки. Потом прибыли мои коллеги. Буч — вы его должны помнить, он часто у вас бывал — и двое его людей погибли. Девчонку из Синдиката арестовали за измену. Вот и всё, — Клэя уже порядком утомил собственный рассказ. Он сокращал его настолько, насколько возможно. И всё равно казалось, будто можно всё объяснить намного короче.

— Как погибли спецназовцы? Они ведь были в экзоскелетах?

— Я знаю, что это такое, — выдавил Клэй. — Ощущение неуязвимости. Когда ты долго воюешь, а тебя ничего не берёт, кажется, что даже море по колено. А эти ребята носили экзоскелеты. Ничего удивительного, скажу я вам. Потери есть потери. Рано или поздно, они бы попались.

— Вы правда так считаете?

— Конечно же! — Клэй нахмурился.

Миямото удосужился, наконец, активировать электронный журнал и полистал историю болезни Клэя, а также его показания о схватке за площадь.

— А что же насчёт Джошуа Роско? — наконец спросил Миямото. Клэй потупил взгляд.

— Стрелки убили его.

— Прямо перед вами?

— Прямо передо мной.

Миямото чмокнул губами. Видимо, ложь его более чем удовлетворила — впрочем, как и остальных копов. Клэй продолжал гадать: почему Буч открыл огонь по Стрелкам и Роско? Злой умысел или обычная глупость? Мог ли кто-то заказать главу самого верного короне Дома? И сколько стоило подкупить сержанта спецназа? Как бы там ни было, Клэй утаил правду. Всегда нужно оставлять пространство для манёвра — это он узнал ещё будучи десантником.

— И вы не чувствуете на себе вины?

— Я делал всё что мог, хорошо? Не надо мне тут… — Клэй тут же оборвал себя. — Я не мог его спасти. Слушайте, я командовал во время войны своим отрядом, хорошо? Я терял солдат. Но это… это другое.

— Вы полицейский, — подсказал Миямото. — Вы должны спасать заложников.

Клэй покачал головой.

— Нет, не только в этом дело. Роско… он действительно надеялся на меня. Он не умолял, не плакал. Он встретил смерть настолько достойно, насколько можно было в его ситуации. Я ему завидую.

— Вы считаете, что это достойный способ умереть?

— Да я не об этом! — буркнул Клэй. — Он принял смерть с достоинством. Вот и всё.

— И вы ничего не могли сделать.

— Абсолютно ничего, — отчеканил Клэй. — Не будем о нём.

— Хорошо, — Миямото кивнул глазами и тихо икнул, перелистнув страницу электронного журнала. — А что насчёт Сабрины Лоренс? Той девочки из Академии?

— Она ослушалась приказа, — кисло заметил Клэй. — Всем кадетам сообщили, что они должны расположиться во Дворце. Сабрина оставила свою позицию, а в военное время это равносильно измене.

— Только ли в этом было дело? — поинтересовался Миямото, внимательно смотря на Клэя.

— Да, — сказал Клэй, но встретившись взглядом с доктором, тут же поправился. — Нет. Из-за того, что она ушла, Стрелки прорвали её сектор. А дальше улицы защищали кадеты младших курсов. Там столько сопляков полегло, что страшно представить. Стрелков в итоге перебили, но урон был нанесён приличный.

— Вы недоговариваете, Клэй.

— В журнале всё написано, — взвился Джейсон. — Зачем вы расспрашиваете меня об этом?

— Врачебная тайна — непреложный закон, сказанное здесь не выйдет за пределы комнаты. Но вы должны проговорить всё для себя, иначе операция не сработает.

Клэй сжал зубы.

— В общем, из-за Сабрины погибли младшаки.

— Но вы не считаете её виновной?

— Если бы не она, я бы здесь не сидел.

— А что насчёт спецназовцев? Они тоже спасли вас.

Клэй почесал щетину. Он не брился уже три дня, да и не мылся тоже. Последнее время он ощущал лишь лень и апатию.

— Буч и его подчинённые прикрыли мою жопу, — сказал

Клэй. — Сабрина и её девчонки тоже нагрянули вовремя. Буч погиб, Сабрину арестовали. А меня чествуют как героя.

— Вам это не нравится?

— Доктор, вы слышали о Карпатских Низинах? — Клэй почувствовал, что если он не расскажет всего, то состарится прежде, чем начнётся операция.

— Вполне возможно. Вторая Священная?

— А как же. Я герой того боя. — Клэй усмехнулся. Он давил воспоминания, гнал их в дальний угол сознания, но они продолжали лезть оттуда, словно верные злому хозяину псы. — Алое Сердце за проявленную отвагу и изобретательность. Шестьдесят три парня погибли, а медаль дали мне. Крест Освободителя из-за Бухты Счастья, второй за взятие Железной Башни. Сорок восьмая параллель северной широты, это вроде как по довоенным координатам.

Клэй утопил лицо в ладонях и почувствовал тянущую боль в сердце.

— Я ведь был хорош, — произнёс он. — Я был очень хорош. Но пацаны гибли, а награждали всегда меня. Я как сраный магнит для орденов и медалей.

— Мне жаль слышать об этом, — произнёс Миямото. Клэй оценил его профессионализм. — Вы не хотите больше быть героем?

— Если это значит идти по чужим трупам, то в жопу такое геройство, — выдал Клэй. — Я сказал себе, что завязал. Это всё сраная политика. Я не хочу быть человеком с постера, который будет агитировать семнадцатилетних деток идти умирать. Но они пытаются сделать меня таковым. А я просто хочу жить спокойно, с чистой совестью, и отвечать за свою жизнь.

«Если долго повторять правильные вещи, — говорила Алисия, — когда-нибудь и сам станешь правильным». Клэй мог только надеяться. Он не хотел прослыть психопатом. Но в глубине его души росла тьма. И она подсказывала: «Ты наслаждался убийствами».

— Клэй, все знают, что вам нравится ввязываться в большие проблемы, — произнёс Миямото. — Без них вы зачахнете. А выйти из таких проблем без геройства никак.

— И что же мне делать? Смотреть, как на других плюют, как война жрёт их, а я остаюсь?

— А что, вы хотите умереть? Или будете взывать к справедливости? Вы умеете воевать, вы умеете это лучше всего, — сказал доктор. — Стоит ли губить такой талант?

— Таких талантов быть не должно, — пробурчал в ответ Клэй.

— Ложитесь на кушетку, — посоветовал Миямото. — Я через пару минут.

Клэй послушался и растянулся во весь рост. Миямото вышел через дверь, о существовании которой Джейсон даже не подозревал. Вернулся он совсем скоро, умытый, свежий, абсолютно трезвый и со шприцом в руках.

— Что в нём?

— Мнемопрепараты. Без них все манипуляции с памятью будут насмарку.

Сделав инъекцию, Миямото достал из кармана коммуникатор, увеличил циферблат и показал его Клэю:

— Следите за часами. Расслабьтесь. С каждым вдохом вам становится всё легче. Вы чувствуете, как ваше тело находится в полном покое. Каждый мускул расслаблен. Следите за часами, всё прочее не имеет значения. Вы в полной, абсолютной безопасности. Никаких забот, никаких проблем. Вы чувствуете полный комфорт… Теперь, когда вы расслабленны, сосредоточьтесь на часах. Смотрите на них очень внимательно. Ваши глаза утомляются, вам хочется закрыть их. Ваши глаза закрываются…

Клэй почувствовал, как тяжелеют веки. Голос Миямото вползал в его уши, обволакивал разум тёплым дымком, а затем добирался до самого сознания. Где-то в глубине его памяти взрывалась бронетехника, пули рвали людей на части, мать тащила на руках изуродованного ребёнка и ревела, что для него завтра уже никогда не наступит.

Клэй бродил среди застывших мизансцен и слышал издали приглушённое бормотание. Он различал отдельные слова, но не мог понять контекста — да и не то чтобы сильно хотел.

Он двигался вперёд, и трупы хрустели у него под ногами, словно битое стекло. Клэй посмотрел вниз и увидел своё отражение — чёрный человек с багровыми глазами. Дотронувшись до стекла, Джейсон почувствовал, как вверх по руке ползут струйки крови. Он торопливо начал трясти ладонью, но кровь и не думала исчезать. И тогда Клэй побежал. Он путался среди знакомых событий и картинок, наталкивался на фигуры из золы и пепла. Его обуял первобытный ужас. Клэй побежал сломя голову. Бормотание становилось всё громче и отчётливее.

— Представьте себе… светлые джунгли.

Клэй остановился. Вот оно. Место, где всё началось, и всё закончилось.

Тёмноволосая женщина в военной форме тыкала пистолетом в лицо высокому альбиносу, державшему в руках маленького сааксца не старше двенадцати лет. В воздухе висели капельки

пыли. Город позади альбиноса тлел. Сааксцы подожгли Карас, лишь бы не даваться в руки первенцам. Пожар успели потушить, избежав крупных потерь среди мирняка. Может и зря.

Клэй подошёл к застывшим фигурам и потрогал лицо Аноры. На ощупь оно напоминало воск.

— Вы в полном покое. Тепло разливается по телу. Вы чувствуете это? Вы его контролируете.

Анора начала таять. Фигуры медленно искривлялись, плавились, как свечи от огня. Свет, лившийся на них, сжигал без остатка. На Клэя нахлынула волна тепла.

Постепенно всё исчезло, осталась лишь тихая пустота.

Ему хотелось кричать и радоваться, визжать до безумия, до полной потери сознания и способности мыслить.

Впервые за долгие годы он ощутил покой.

— А теперь проснитесь.

* * *

Клэй открыл глаза. Миямото стоял возле кушетки с улыбкой на губах.

— Поздравляю, Джейсон. Похоже, что вы справились.

— Всё… всё кончено? — спросил Клэй.

— Именно так. Я удивлён, но с вами всё прошло намного проще, чем с другими пациентами. Помните мои советы? Избегайте сильных потрясений. Сходите домой, отдохните. Хотя бы пару дней старайтесь держаться подальше от проблемных людей. Вы заслужили покой, как никто другой.

Клэй поднялся.

— Спасибо, доктор, — произнёс он, чувствуя комок в горле. — Я, пожалуй, пойду.

— Да-да, конечно, — Миямото кивнул, сел за стол и достал бутылку.

Покинув кабинет и обогнув посты администраторш, Клэй вышел из стерильно белого отсека Медцентра на Стрип.

Полицейские не просто работали в Башне Правосудия — они рождались в ней, жили, развлекались и умирали. И Эдем создал все условия для надзирателей за Синдикатом. Башня существовала автономно, маленькое государство на территории Четвёртого Уровня — но исключительно для полицейских и персонала, их обслуживающих. Бары, бордели, казино, отсеки Медцентра, забегаловки, кинотеатры, галереи игровых автоматов — всё это и многое другое было на Стрипе, что занимал среднюю секцию Башни Правосудия. Главная дорога и кольцо монорельса

висели над головами поющих и кутящих вовсю копов, поезда со скрежетом носились туда-сюда, высекая искры из рельс. Поперёк огромного декоративного озера на разных уровнях висели мосты с самоходными дорожками. Клэй часто пользовался ими, когда хотел побыстрее перейти на другую сторону, а поезда всё не было.

В парке у озера, сидя в траве и играя с полосатой кошкой, сидел Джеки. Водитель козырнул Клэю и просил:

— Ну, как ощущения? Уже стало лучше?

— Честно? Не знаю, — пожал плечами Клэй. — Что ты здесь делаешь?

— Как что? Жду тебя. Ты же теперь знаменитость. Ну и потом, сказали, что ты должен избегать неприятностей, а я здесь, чтобы за этим проследить. На парковке мой автомобиль. Пошли.

Клэй снова пожал плечами и пошёл за водителем. Они сели в автомобиль, вырулили к ближайшему лифту и начали спуск на нижние, жилые уровни Башни Правосудия. Бурлящий и захлёбывающийся от веселья Стрип скрылся, и Джеки с Клэем оказались во тьме. Изредка их лица освещали лампы, установленные в стенках шахты лифта. Клэй молчал. Впервые в жизни он не знал, о чём говорить.

— Давно я тебя не видел, — заметил Джеки. — Ты решил от всех спрятаться?

— Вроде того, — ответил Джейсон. Болтать понапрасну ему не хотелось.

— Послезавтра комиссар отправит людей на чистку окраин от банд, что помогали Стрелкам. Кровищи будет — ого-го. Но ты уже отвоевался, да?

— Отпуск есть отпуск.

— Мне бы его сейчас. Хочу, наконец, дома с женой время спокойно провести. С детьми посидеть. Ну, сам знаешь, понять, зачем я вообще снаружи торчу и ежедневно подставляю задницу под пули.

— Отдашь детей полиции? — сразу перешёл к делу Клэй. Джеки покачал головой.

— Нет уж, пусть лучше пашут на Синдикат. Потомственными копами они не станут.

Клэй откинулся на сиденье, наблюдая за проносящимися перед глазами лампами. Лифт пролетал этажи, приближаясь к заветному тридцать третьему, на котором жили патрульные. Машина слегка порыкивала, и Клэй наслаждался этим. Работающие двигатели всегда успокаивали нервы.

— Ты знаешь, что если отдашь их на службу, годам к тридцати они очень высоко заберутся. Почти до уровня

комиссара.

— До тридцати ещё нужно дожить, Клэй, — отчеканил водитель. — С них требовать будут как с офицеров Синдиката. Пусть лучше они вообще не пойдут на отбор, чем отсеятся где-то по пути.

Помолчав, Джеки добавил:

— Копов никто не любит. Мы сами себя не любим.

С этим Клэю трудно было не согласиться.

Лифт остановился у массивных дверей, что со скрипом разошлись. Джеки вывел машину на улицу.

— Тебе куда?

— Пересечение Восьмой и Двенадцатой. Дальше я сам.

Двухэтажные жилые здания белого цвета рядами теснились вдоль проезжей части. Джеки довёз Клэя до места назначения, козырнул и уехал по своим делам. Джейсон устало потёр глаза, вытащил из кармана ключи и поднялся на второй этаж.

Дверь в его квартиру была открыта. Клэй насторожился. Алисия ещё на работе, это он знал точно. Никого другого он домой не впускал.

Приглядевшись, Клэй рассмотрел на замке царапины. Работал умелый взломщик, но слегка нервный — руки тряслись.

Как назло, пистолет остался у оружейника. Без ствола Клэй чувствовал себя голым. Но это не война, а даже на войне он не боялся. Стиснув зубы и кулаки, Клэй толкнул дверь. За столом посреди комнаты его ждал мужчина в красном мундире Королевской гвардии. Обильные и чёрные, как смоль волосы, узкое, сухое лицо, густые усы и бакенбарды — и маленькие, хитрые глазки, которых Клэй не видел десять лет.

— Неужели ко мне пожаловал сам маршал Синдиката? — присвистнул Клэй.

Из-под усов полезла белозубая улыбка. Глаза Максимилиана Штрауда засветились елеем:

— Клэй, бледноволосый ты сукин сын, я уже устал тебя ждать, — откинувшись на спинку стула, маршал потянулся и зевнул. Из-под стола выглянули ноги в высоких солдатских сапогах. — Ну что встал, как истукан? Угощай, давай, гостя!

Клэй подошёл к утилизатору и напечатал две бутылки пива. До вкуса натурального ему как пешком до Караса, но разговор потянуть пойдёт. Протянув одну маршалу, Джейсон сел напротив.

— Сколько лет, сколько зим, — пробурчал Штрауд, принимая пиво и прихлёбывая прямо из горла. — А ты не изменился. Всё такой же гостеприимный, как свора бешеных собак. Где ты пропадал?

— У меня были дела, — коротко заметил Джейсон.

— Какие? Или… Нет, серьёзно? Ты всё-таки дозрел до гипновнушения? — Штрауд довольно хохотнул. — И десяти лет не прошло. Я удивлён, что потребовалось столько времени.

— Я никогда не боялся войны. Если бы она была женщиной, я бы имел её во все дыры с утра и до вечера.

— Хорошо, что она не успела поиметь дыр в тебе.

Клэй усмехнулся. Старина Штрауд, хитроумный говнюк, которому никто не доверял и доверять не будет. Один из немногих оставшихся друзей, которых Клэй мог назвать настоящими. Человек, изменивший его жизнь. Он до сих пор не мог решить, к лучшему или худшему.

— Я ведь так и не поздравил тебя с назначением, — сказал Джейсон. — Ну вот, поздравляю.

— Премного благодарен, — Штрауд подмигнул.

— И как только такого идиота взяли маршалом? — с сарказмом спросил Клэй.

— Ты как никто другой должен понимать, что либо я, либо эта сучка Анора. Из двух зол король выбрал меньшую.

Клэй промолчал. Карлу стоило отдать должное, он не стал делать свою дочь маршалом из-за родства, и выбрал человека с организаторскими, а не лидерскими способностями. Во время войны Штрауд был правой рукой Аноры, ближайшим доверенным советником, передававшим приказы подразделениям и организовывавшим продуктивную работу различных видов и родов войск. К тому же, он стал буфером между взрывным характером Воительницы и холодным высокомерием посланцев Эдема. Клэй удивился, если бы маршалом взяли кого-то ещё.

— Виделся с Кирстеном? — потягивая пиво, протянул Штрауд.

— Прямо перед тем, как он надел наручники на Сабрину Лоренс.

— Да, нехорошо вышло, — маршал потупил взгляд. — Девчонка-то столько надежд подавала. Но закон един для всех.

— Ты здесь какими судьбами? — постарался перевести тему Клэй. В последнюю очередь ему сейчас хотелось говорить о дочери Воительницы. Маршал разгладил складки на алых брюках, поднял взгляд и сказал:

— Ты новости смотрел?

— Около часа назад. А что?

— Включи.

Клэй через коммуникатор активировал настенный экран и переключился на Центральный Телеканал Синдиката. За столом телестудии всё так же восседала Кейт.

— Мне она нравится, — с довольной усмешкой сказал

маршал. — Получше, чем та старая мымра.

— Ага, — ответил Клэй. — Ты её знаешь?

— Кого? Эту? Нет. А что?

— Её зовут Кейт Джаспер, мы с ней в одном классе учились. Моя бывшая жена. Хочешь, дам номерок?

Маршал оскалился:

— Спасибо, вторсырьё не интересует. Смотри давай!

— …и к другим новостям, — вещала Кейт. — Карл Лоренс объявил Третью Священную Войну, поэтому с завтрашнего дня на Нижние Уровни регулярно будут отправляться бригады солдат для истребления стрелковой заразы. Накануне маршал сделал заявление…

— Скукота, — буркнул Клэй и потянулся выключить экран, но маршал его остановил.

— Да погоди ты, сейчас меня будут показывать! Полчаса назад всего записали!

Экран переключился, и на нём возник Штрауд, одетый в парадный белый плащ, накинутый поверх красного мундира. Его окружал рой микрофонов и летающих камер, пулемётными очередями фотосканеры делали снимки и обстреливали маршала вспышками. Жмурясь, Штрауд заговорил:

— Враг испортил нашу победу, превратив её сладость в горечь. Но я уверяю вас, возмездие не заставит себя ждать. Самое страшное уже позади. Стрелки были отброшены и в панике жмутся в своих норах, ожидая кары. Так не будет заставлять их ждать!

— Можно выключать? — с надеждой просил Клэй.

— А вот сейчас будет про тебя! — радостно закричал Штрауд.

— Сегодня обнародовали имя героя, спасшего площадь Освобождения от захвата, — Кейт на секунду замешкалась, встретив знакомое имя. — Им объявили Джейсона Клэя, полицейского Башни Правосудия, что практически в одиночку сумел заставить противника бежать. Напоминаю, что площадь Освобождения являлась одним из стратегически важных узлов обороны. Поступок патрульного Клэя сумел выгрызть победу, показав врагу, чего стоит настоящий первенец!

Кейт побледнела. Слова начали даваться ей с трудом. «Ну что, съела, сука?!»

— За Вторую Священную Войну мистер Клэй был награждён двумя Крестами Освободителя, а также Алым Сердцем за проявленную изобретательность в бою за Карпатские Низины. Уволившись из армии, он поступил на службу в Башню Правосудия, дабы, цитата, «продолжить служить народу Старого Города и защищать его».

— Цитата? — переспросил Клэй.

— Да ты смотри! — нахмурился Штрауд.

— Официальное награждение состоится послезавтра, и будет показано на нашем канале в прямом эфире. Наши репортёры сумели дозвониться до мистера Клэя и взять у него интервью…

Джейсон вырубил экран и обернулся к маршалу, сжав кулаки:

— Это всё твои штучки? — с вызовом спросил он. Штрауд удивлённо приподнял брови.

— А что? Я думал по старой дружбе помочь. Ты заслужил всё это! Ты теперь герой! Все твои старые награды официально вернули и признали!

— Сам знаешь, что я там был не один! — наступал Клэй.

— Ты правда думаешь, что кого-то это интересует? — парировал Штрауд. — Людям нужны герои, Клэй! Как никогда требуется хороший, оптимистичный пример — чем ты плох?

— Лучше скажи, что за клоун сейчас даёт вместо меня интервью?

— Клоун? Это, мать твою, сам Шон Кейн, — Штрауд пожевал губу. — Ты даже не представляешь, сколько нам пришлось ему заплатить. А уж сколько ушло на пластическую операцию! Но он дико хорош. Посмотришь на него — подумаешь, будто в зеркало глядишь.

Клэй закрыл лицо руками.

— Так ты пойдёшь на награждение? — как ни в чём не бывало поинтересовался Штрауд.

— Нет.

— Я так и думал, — со вздохом произнёс маршал и достал из кармана красную коробочку. — Держи медаль, солдатик.

Клэй выхватил коробку, широкими шагами подошёл к утилизатору, кинул награду внутрь и нажал кнопку. Урчание и свист подсказали, что процесс успешно завершился. Маршал даже бровью не повёл.

— Ничего, у нас ещё тысячи таких, — почти что с радостью пробормотал он.

— Убирайся из моей квартиры, — прорычал Клэй. — И не смей больше приближаться к Башне Правосудия.

Штрауд пожал плечами.

— Я думал, ты обрадуешься.

— Ты сделал из меня героя не по старой дружбе. Тебе нужен образ. Образ, который заставит пойти на войну. Ты убьёшь их всех, Штрауд, убьёшь, потому что ты живёшь чужой кровью. Что, думаешь, сейчас самое время выслужиться, да? Как в старые добрые времена?! А мне этого дерьма не надо. Не вздумай приближаться больше к моему дому и Башне Правосудия.

Маршал развернулся и, не прощаясь, захлопнул дверь. Клэй тяжёло дышал, сжимая и разжимая кулаки. У него даже разболелась голова. Рухнув на диван, он поднял руку с коммуникатором — звонила Алисия.

— Привет, милый, — произнесла дорогая жена.

— И тебе салют. Что случилось?

— Да так… ходила сейчас по магазинам, увидела вино и подумала — а почему бы нам не устроить сегодня романтический вечер?

«Не вино ты увидела, — подумал Клэй, — а выпуск новостей по рекламным экранам».

— И правда, — вслух ответил он. — Когда тебя ждать?

— Ох, нескоро, — с лёгким кокетством ответила Алисия. — Я тут хотела зайти в один магазинчик, кое-какие схемы купить. Заодно загляну в Медцентр — давно хотела сменить свои руки на более нежные.

— Хорошо, любимая, — смиренно сказал Клэй, представляя, что его ждёт сегодня в постели. — Буду с нетерпением ждать.

— Наверное, я всё же должна извиниться за всё, что наговорила тогда. Клэй, ты правда становишься лучше. И это меня очень радует. Что же, целую, милый. Пока-пока!

Джейсон провёл ладонью по лицу. Он чувствовал себя так, будто целый день провёл в боевом симуляторе. Штрауд со своими играми всё-таки влез в его жизнь. Отказавшись от награды, Клэй ничего не изменит. Маршал с королём тогда всё решат без его участия. Актёришка будет исторгать вдохновенные цитатки о том, как нужно защищать Старый Город от агрессора и что отдать жизнь за дом — высшая честь, а глупые впечатлительные юнцы поведутся.

В кои-то веки у Клэя появилась возможность спасти других от становления уродами, вроде него.

«Чёртовы стервятники», — с раздражением подумал Джейсон и вспомнил совет доктора. Никаких нагрузок и стресса. Глубоко вздохнув, он снова включил экран. От ещё одной порции новостей хуже не станет.

— …также стало известно имя ответственного за взрывы на Четвёртом Уровне, — лицо Кейт стало жёстким. — Тайрек Маут, сааксец двадцати двух лет, официально работал в переводческом отделе Информатория. Будучи в сговоре с бандитами окраин, он разместил дюжину взрывных устройств в разных районах Центра, которые сдетонировали прямо перед вторжением, унеся жизни пятиста восьмидесяти семи человек. Также, по данным контрразведки, Маут завербовал нескольких чиновников. Они помогли ослабить силы пограничников и предоставили данные,

благодаря которым Стрелки сумели обойти систему ловушек между Четвёртым и Пятым Уровнями. Также преступнику помогали фундаменталисты и радикалы из саакских гетто. В данный момент солдаты прочёсывают их все в поисках других шпионов. Вокруг каждого гетто выставлена усиленная круглосуточная охрана, все сааксцы, находящиеся за их пределами, под наблюдением. Мы сумели найти подругу злоумышленника, которого спецслужбы уже заклеймили «террористом номер один»…

— Я совсем не знала его! — кричала девушка с каштановыми волосами ораве журналистов, окружавших её. Титр внизу гласил, что её зовут Элли Лоусон. — Мы с ним просто работали вместе, окей? Я вообще без понятия, чем он там занимался!

— А как же вы объясните кадры, полученные контрразведкой? — отчебучил репортёр с большим, похожим на древнюю палицу, зелёным микрофоном. — На них видно, что вы встречались с этим человеком!

— Да отстаньте вы от меня! Я просто переводчица! Я…

Девушку окружили полицейские и знаком показали следовать за ними. Скоро вопросы ей будут задавать совсем по-другому.

Всё время интервью Клэй не сводил взгляда с небольшого портрета террориста. Маленький паренёк с тёмными волосами, зачёсанными назад на старый саакский манер. Шрам на нижней губе — след от синей полоски, которой клеймились юноши из касты воинов Союза. Он убрал её, чтобы не отличаться от первенцев. Воображение Джейсона достроило кожаную куртку с вышитыми на рукавах чёрными змеями и орлом на спине. Пошатываясь, Клэй направился в ванную, чувствуя приступы тошноты. Кружилась голова, и где-то вдали тонкий голос верещал: «Ты отпустил его! Ты отпустил его во второй раз! Посмотри, что ты наделал!»

Где-то разбилось стекло. Клэй поднял взгляд и понял, что его кулак почему-то застрял в зеркале. Вытащив его, он начал изучать порезы. Аугментическая кровь лениво капала в раковину, окрашивая белизну во все оттенки красного. Клэй включил воду и начал мыть руки. Осколки зеркала ловили отражения света и весело стреляли ими по глазам. Клэй зажмурился. Ноги его подкосились, он рухнул на пол, ударившись затылком об ванну.

Все эти смерти, всю эту боль можно было предотвратить, если бы он убил мальца тогда, десять лет назад. Но вместо этого Клэй отпустил его ещё раз.

Свет перегородила тень, и Джейсон протянул к ней руку.

— Алисия, — прошептал он, — помоги мне.

Но это была не Алисия. Смуглый молодой человек в кожаной

куртке и со шрамом на нижней губе нахально улыбался Клэю.

— Думаю, тебе понравится, — сказал он, и из его глаз полезли чёрные змеи.

8. Интермиссия

«Овладев порядком мы и забыли, что всё лучшее было создано из хаоса»

Игнаций Тэлиен, «Теория государственности»

30 мая, 541 год после Освобождения

— Говард вызывает тебя, — сказала женщина с разноцветными глазами. Сэт откинулся на спинку деревянного кресла и внимательно рассмотрел её. Очи как иглы, что прошивают собеседника насквозь. Один зрачок голубой, другой ярко-жёлтый — то ли гетерохромия, то ли вживленный тактический интерфейс. Печать «I ВДБР» на шее и куча неизвестных гербов на лице подсказали: перед ним солдат Синдиката. Широкий плащ Стрелков не мог скрыть типично армейскую выправку. Женщина заложила большие пальцы за пояс — неплохая попытка выглядеть развязно. Но поза и напряжённость выдавали её, кричали, что о покое не может быть и речи.

— С каких пор Говард присылает за мной синдикатовцев? — поинтересовался Сэт, поднимаясь с кресла и надевая пояс с кобурой.

— Меня зовут Картрайт, — сказала женщина. — И я больше не служу Синдикату.

— Верно, верно, — согласился Сэт, накинув плащ и шляпу. — Ты служишь Аноре.

Картрайт кивнула, и Сэту показалось, что татуировки на её лице заиграли калейдоскопом цветов. Женщина окинула скептичным взглядом комнату Стрелка и поморщилась. Повсюду валялись пустые бутылки, карты и схемы, ящик с патронами на столе прохудился, и драгоценный свинец сыпался в ведро, предусмотрительно поставленное рядом.

— Привыкай, — бросил Сэт. — В Гильдии свои порядки.

— Поэтому вы никогда не победите Синдикат, — буркнула Картрайт. Стрелок в ответ лишь лениво пожал плечами.

— Идём.

Они покинули комнату Сэта и двинулись вверх по скрипящей деревянной лестнице, минуя приунывших телохранителей

Говарда. У дверей кабинета главы Стрелков они столкнулись с красным от злости Сореном. Даже пятна грязи на его щеках побагровели.

— Говард с ума сошёл, — пробормотал он Сэту, бросил злой взгляд на Картрайт, и без дальнейших объяснений убежал вниз. Женщина никак не прокомментировала произошедшее.

Сэт постучал и с замиранием сердца вошёл в кабинет Говарда. Он состоял во Внутреннем Круге уже больше месяца, но так и не избавился от некоторого благоговения перед главой Гильдии.

Говард сидел в кресле, положив ноги на стол, и курил, пуская дым через рты. Фасетчатые глаза горели кровавым огнём. В который раз Сэт удивился, как вообще теплится жизнь в этом сломанном теле. В комнате царила духота — обогреватель работал на максимум. Говард постоянно жаловался на холод в костях, но Сэт сомневался, что от неё можно избавиться обычным теплом. Стрелок начал неглубоко дышать.

— Картрайт, не помню, чтобы я приглашал тебя, — протянул Говард, затягиваясь сигаретой. — Выйди за дверь, будь добра.

Женщина сжала губы, но повиновалась. Как только дверь за ней захлопнулась, Говард убрал ноги со стола и поднялся.

— Я сначала хотел послать тебе обычное сообщение, но визит Картрайт намного эффективнее, — извиняющимся тоном сообщил глава Стрелков, дохромав до Сэта и положив ему руку на плечо. — Анора потребовала принять пару её солдат во Внутренний Круг. С сегодняшнего дня Картрайт будет с тобой.

— Это наказание? — поинтересовался Сэт. Говард отчаянно замотал головой.

— Ни в коем случае. Сорену я тоже дал нового напарника. Просто есть всего несколько бойцов, которым я доверяю, Двенадцатый, и ты один из них.

— Не называйте меня так, — попросил Сэт.

— А как ещё? — спросил Говард с удивлением в голосе. — Или тебя теперь Первым величать?

— Я просто Сэт, — ответил Стрелок.

— Что же, так будет справедливо, — ответил Говард. — Твоя Линия сослужила громадную службу Гильдии. Я доверяю вам с Сореном это задание. И не вздумай запятнать свою безупречную репутацию, не твори херни, как Симеон. Видит Бог, с его смертью мы все вздохнули спокойнее.

Докурив сигарету, глава Стрелков выбросил окурок в окно. На улице творился организованный хаос — Стрелки в очередной раз перегоняли пленных в другой район, согласившихся сотрудничать освобождали, жителям раздавались ежедневные

пайки. Горизонт переливался сотнями цветов — барьер тихо звал к себе, обещая чудеса. Но Сэт знал, что за ней лишь гибель и боль. Если тебе дорога жизнь, нельзя выходить за пределы обжитых территорий.

— Я польщён вашими словами, — сказал Сэт. — И я вас не подведу.

Говард лишь усмехнулся, сев на стол и смахнув что-то на пол. Сэт бросился вниз.

— Вот, держите, — произнёс Стрелок, подняв предмет и протягивая его Говарду. Это была фотография молодой пары в странной форме. Со всех сторон их окружала зелень. Сэт стрельнул вопросительным взглядом, на что Говард только улыбнулся:

— Ах, старые добрые времена. Не осуждай, что я до сих пор держусь за них.

— Это вы? — спросил Сэт.

— Да. До того, как со мной сделали… это, — произнёс Говард и отвернулся, убрав фотографию в карман.

— Так и выглядит Вне? Зелень повсюду?

— Это называется «джунглями», Сэт, и нет, они не повсюду.

— А что за женщина рядом с вами? — поинтересовался Стрелок.

Говард опустился на кресло, держа фотографию в целых пальцах. Руки его задрожали.

— Моя сестра, — ответил он глубоким голосом. — Это ещё до нападения Союза. Иногда я смотрю на её лицо и не узнаю его. Такое чувство, будто воспоминания просто… пропадают.

Сэт вдруг уловил запах, который не замечал до этого: очень тонкий оттенок женских духов распространялся по комнате.

— До сих пор кажется, что она остаётся частью меня, — сказал Говард. — Её уже не вернуть. Ничего не вернуть.

— Неужели у вашего племени были такие технологии? Вы умели даже фотографии делать?

Говард откинулся на кресло и пробурчал:

— Много вопросов, Сэт. Дуй давай отсюда. Научи Картрайт манерам и хорошенько следи за всем, что она делает. Я доверяю Аноре — и мне кажется, что зря.

Сэт откланялся и вышел в коридор. Картрайт, ждавшая у двери, увязалась за ним.

— Куда мы идём? — спросила она.

— Хочу показать тебе границы, — ответил Сэт. В голове его роились вопросы.

Говард лгал, лгал неумело, но целенаправленно. Пару лет назад Сэту попались в руки изображения времён Саакской

кампании, привезённые контрабандистами. Стрелок знал, что униформа парочки на фотографии принадлежит Союзу. Уже одна ложь. Но что-то ещё не давало ему покоя.

Спускаясь по лестнице, они услышали крики. Сэт насторожился, Картрайт не повела и бровью. Звук доносился из старой, заброшенной комнаты, в которой обычно никто не находился.

— Там сейчас находится Анора, — предупредила женщина, но Сэт не послушал. Облокотившись на дверь, он открыл её и ввалился внутрь.

Воительница, обвязав кулаки бинтами, сосредоточённо мутузила привязанного к стулу мужчину. Зелёные глаза женщины горели ненавистью, форма с изумрудными цветами Дома Лоренсов покрылась кровью. Туго стянутый на затылке узел волос торчал перьями. Нанеся ещё один удар правой, Анора подняла взгляд на вошедших:

— Какого чёрта вы здесь делаете, Картрайт? — спросила она.

— Я услышал крики, — опередил женщину Сэт и сделал несколько шагов вперёд. — Кто этот человек?

Анора хрустнула костяшками пальцев и нахмурилась, отчего её немолодое уже лицо покрылось новыми морщинками.

— Мой пленник. А ты тот паренёк Говарда, Сэт? Двенадцатый? — произнесла женщина. Сэт кивнул. — Ты в техниках допроса разбираешься?

— Нет. Кодекс запрещает мучить людей.

— Чистоплюй, — хмыкнула Анора, встала перед пленным и нанесла два коротких удара по лицу. На голове узника, мужчины лет тридцати, не оказалось ни одной волосинки. Одет он был в чёрный комбинезон из материала, напоминавшего резину. Казалось, что костюм сшит из множества сегментов, посреди которых сияли маленькие алые камни. Бойца окутывала ременно-плечевая система. Левый глаз мужчины уже не открывался, заплыв огромным синяком. После каждого удара пленник издавал короткий крик, но не похоже, что ему было сильно больно.

Хорошенько намяв кулаки о лицо бойца, Анора остановилась, вытерла выступивший на лбу пот и сказала:

— Ну что, сукин сын, так и будешь молчать? Знай, мне ничего не стоит превратить тебя в отбивную.

Мужчина опустил голову и сплюнул кровью, но не издал ни единого звука. Тогда Анора в сердцах пнула его ногой в грудь и опрокинула на пол. Вытащив нож, она села на грудь солдату, приставила острие к его горлу и заорала:

— Говори! Вы убили моего брата по приказу короля или нет?

— Даже если бы я знал, — прошептал боец, — я бы тебе не

сказал, предательница. Скольких людей ты отправила в ад, чтобы добраться до нас?

— Достаточно. И отправлю ещё, если понадобится, — прошипела Анора.

Боец ухмыльнулся окровавленными дёснами.

— Оно того не стоило.

— Отец забрал у меня всё, — выпалила Воительница. — Он убил собственного сына, лишь бы удержаться у власти. И всё потому, что Уильям так близко подошёл к разгадке! Я всё теперь знаю. Карлу конец, ты понимаешь?

— Он твой король, — хрипел солдат. — Он делает это ради Старого Города. А тебе нет оправданий. Мне нечего больше сказать.

Воительница шмыгнула и резко дёрнула клинок. Солдат забулькал, из раны на шее полилась кровь.

Встав на ноги, Анора вытерла клинок о штаны мертвеца.

— Мэм, вы в порядке? — мягко поинтересовалась Картрайт.

— Нет. Ни хрена я не в порядке, — ответила Анора. — Скажи ребятам, чтобы вели следующего.

Картрайт кивнула и убежала. Сэт смотрел на мёртвого солдата и гадал, что же заставило перейти знаменитую Воительницу на сторону Гильдии. Столько лет они были врагами, и тут вдруг на тебе, она воюет за Стрелков.

— Нравится? — бросила Анора, открыв флягу и сделав несколько глотков.

— Я не сторонник таких методов, — ответил Сэт. — Так кто же наш мертвец?

— Боец Корпуса штурмовиков, — сказала Анора. — Официально этого подразделения не существует. С его помощью отец когда-то захватил власть в Синдикате. И с его помощью до сих пор вершит дела, о которых никто не должен знать.

— Например?

— Например, убийство моего брата, — лицо Воительницы окаменело. — Я отправилась на поиски сразу, как только Уильям пропал. Но я и предположить не могла, что его убьют штурмовики по приказу моего собственного отца!

— Но за что?

Анора кинула на Сэта быстрый взгляд, и Стрелок понял, что задаёт слишком много вопросов.

— Уильям… раскопал кое-что. Сомневаюсь, что Говард доверяет эту тайну даже Внутреннему Кругу. Как бы там ни было, если бы брат разболтал, правлению Карла настал бы конец.

— Поэтому он приказал устранить собственного сына? — Сэт не верил своим ушам. — Я знал, что он тот ещё ублюдок. Но

пойти на такое?..

Анора мрачно кивнула.

— И поэтому ты решила присоединиться к Стрелкам? Свергнуть отца из-за того, что он убил твоего брата? Не чересчур ли? Ты ведь забываешь про гражданских.

— Не забываю, — проворчала Анора. — Ты просто не понимаешь. То, что Уильям нарыл… Проклятье. Я не могу тебе сказать. Но Карла нужно остановить. Даже если придётся пожертвовать населением всего Четвёртого Уровня, я свергну его.

Сэт сделал шаг назад. Эта женщина пугала его. «Безумная сука, — подумал Стрелок. — Неужели месть настолько для тебя важна?»

Развернувшись на месте, он вышел из комнаты.

— Эй, Двенадцатый? — окликнула его Анора. Стрелок остановился на пороге.

— Да?

— Сколько раз ты уже умирал?

— Достаточно, — лаконично ответил Сэт и двинулся к лестнице.

Столкнувшись с Анорой, он понял, что его так смутило. На фотографии Говард носил униформу Союза.

Но на петлицах было распятие Синдиката.

9. Грехи сынов (Конец первой части)

«Оказавшись в центре чьей-то паутины, главное не забывать: чем сильнее трепыхаешься, тем сильнее запутаешься»

Дэниел Роско, «Дневники сепаратиста»

30 мая, 541 год после Освобождения

Мир открылся белым потолком и плюнул болью по всему телу. Дэниел поморщился, почувствовав привкус меди во рту. От макушки до кончиков пальцев ломило кости, но хуже всего приходилось рёбрам — их словно перетёрли до состояния порошка, а затем собрали заново.

Настойчивое пиканье где-то над ухом мигом привело Роско в сознание. «Как я его раньше не замечал?» На аппарате загорелся десяток лампочек, и боль начала исчезать, уступая место сонной неге и блаженству. Пытаясь сфокусировать зрение, Дэниел огляделся.

— Вы очнулись, — проворковал нежный женский голос. Роско присмотрелся и узрел красивейшую женщину, что он когда-либо видел. Она поднялась с кресла, стоявшего в углу палаты, и подошла к кровати. Мягкие голубые глаза окутывали потоками теплоты, а пухлые губы будто создали для поцелуев. Аристократичные черты разрезали белое лицо, увенчанное длинными, сплетёнными из лучей солнца волосами. Золотистое распятие светилось на белом чепце.

— Я… я в Медцентре? — спросил Дэниел очевидное.

Женщина кивнула и, погладив Роско по лбу, произнесла:

— Сегодня тридцатое мая. Меня зовут Линда, я ваша личная медсестра. Мне приказано выполнять любое ваше пожелание, — выдержав паузу, женщина добавила глубоким голосом. — Абсолютно любое.

— Да что вы? — сонно протянул Дэниел.

— Не верите? — спросила Линда и положила ладонь на живот Роско. Он тут же встрепенулся.

— Спасибо, не нужно. Я… у меня есть девушка.

«Сабрина… она ждёт меня…»

Линда пожала плечами.

— Не беспокойтесь. Здесь вы в полной безопасности. Вам заменили повреждённые внутренние органы аугментикой, поэтому первое время будете чувствовать дискомфорт. Это нормально, это пройдёт. Важнее другое. Что вы помните о произошедшем?

В голове Дэниела вспышкой пронеслись события, предшествующие боли и долгому сну.

Вторжение Стрелков, баррикады, нападение солдат Аноры, много потерь и, перед бесконечной тьмой, столкновение со Стражем. Кислая боль снова вползла в разум, заняла позиции и укрепилась, не имея на этот раз намерений отступать. Роско поморщился, заскрежетал зубами.

— Чего там только ни произошло, — пробормотал он.

— Расскажите мне, — попросила женщина и улыбнулась. Дэниел поднял на неё недоверчивый взгляд.

— Зачем вам это? — спросил он.

— Неважно, — проворковала медсестра и снова погладила Дэниела по лбу. — Расскажи мне всё.

— Позовите врача, — потребовал Роско. — Я хочу поговорить с ним.

Улыбка женщины растаяла, будто её и не бывало. Дэниел заметил маленькие белые полоски на её лице — следы хирургического вмешательства.

— Расскажи. Мне. Всё, — сказала Линда. Её ладонь прошлась по груди Роско и вдруг резко дёрнулась влево. Не успел Дэниел двинуться, как оказался прикован к кровати ремнями. Могучие пальцы сжали его глотку. Он захрипел, пытаясь вдохнуть. Дёргаясь всем телом, Роско вырывался из мёртвой хватки женщины, которая с неумолимым спокойствием наблюдала за его конвульсиями. В глазах постепенно темнело.

Дэниел закашлялся, почувствовав новый приток воздуха — ладонь отпустила его горло.

— Говори, — сказала Линда ровным тоном.

— Нет, — ответил Роско. Его убьют, если он расскажет. За спиной Линды хлопнула дверь палаты. Дэниел хотел позвать на помощь, но ладонь медсестры перекрыла ему рот.

— Медцентр делает из них послушных кукол, — раздался низкий мужской голос. Его обладатель показался из-за спины Линды, раскручивая в руках нож-бабочку. Лучи света заиграли на клинке, сталь танцевала между пальцами. Дэниел еле сумел поднять взгляд. На мужчине сидел безупречный чёрный костюм-тройка с галстуком, стягивающим воротник. Из нагрудного кармана подмигивала золотая цепочка часов. Набриолиненные тёмные волосы были прилизаны на правую сторону, пробор на

боку казался бледной раной в шевелюре. Серые глаза посвёркивали.

— Линда, отпусти его. Он ведь не будет кричать, так, Дэниел? Моргни два раза, если собираешься молчать, — сказал мужчина. Роско опустил веки, и медсестра убрала ладонь. — Бедные девочки, — продолжил незнакомец. — Они приходят сюда, надеясь на лучшую жизнь. В Приюте для получения гражданства заставляют много работать. А Медцентр обещает лёгкий выход — несколько лет жизни, которые пролетят за мгновение. Эти годы никто не запоминает. Они просто не способны запомнить. Для Линды мы всего лишь старый забытый сон. Но Медцентр не благотворительная организация, а дом служения. Храм, если угодно. Он берёт тела, разбивает на мелкие кусочки, а затем собирает заново, стирая остатки индивидуальности. Работа здесь временна, но девчонки никогда уже не станут прежними. Вот, например, Линда, — мужчина хлопнул женщину по плечу, — отслужила уже четыре года. Ей осталось совсем чуть-чуть до возвращения свободы и получения гражданства. Как жаль, что именно её оставили присматривать за тобой.

— Что ты с ней сделал? — прохрипел Дэниел.

— Я? Да почти ничего. Просто активировал одну из команд, что Медцентр в неё заложил. Ублюдки ревностно хранят свои секреты, но и я знаю парочку трюков. Теперь Линда полностью под моим контролем, — мужчина погладил медсестру по щеке. — Кстати, забыл представиться. Марий, контрразведка Синдиката. Думаю, Роско, ты понимаешь, почему я здесь?

Дэниел отчаянно замотал головой. Марий тяжело вздохнул, словно ожидал подобного.

— Что произошло с твоим отрядом? — сказал он, перестав играться с ножом. Острие клинка оказалось прямо у лица Роско.

— На нас напали люди Аноры, — Дэниел выдавливал слова, ожидая пореза. Боли он не боялся, но абсолютная беспомощность заставляла быть осторожным — кто знает, что ещё может сделать этот ублюдок?

— Нет-нет-нет, не надо кормить меня дерьмом, мальчик, — Марий цыкнул. — Мы знаем, что бойцы Аноры здесь не при чём. Они не убивали твоих парней. И не твои парни порешали их. Там был кто-то ещё. Но кто?

Дэниел вспомнил лежащий в остатках фонтана труп одного Стража и то, как саакский клинок вскрыл шлем второго. Почему Марий в таком замешательстве? Что стало с телами порождений Эдема? Кто-то их прибрал?

Роско опустил взгляд. И чувство холода поползло по его

груди.

Правая рука. Страж отрубил ему правую руку. Но вот же она, и это точно не протез! Дэниел запаниковал бы, если бы не нож контрразведчика у лица.

— Ты знаешь, я не могу убить тебя, — признался Марий. — Но обеспечить тебе очень весёлую жизнь способен. Ты останешься инвалидом до конца своих дней, и Медцентр ни хрена не поможет. Король попросил быть помягче. Но он не обидится, если я тебя немного подрихтую.

— Я всё сказал, — процедил Дэниел. Сражающиеся друг с другом Стражи — это больше всех проблем Синдиката вместе взятых. Король напуган и готов давить на очевидцев, лишь бы получить информацию. Марий может и пёс без поводка, но всё равно подчиняется чужим приказам. Если он причинит Дэниелу вред, то точно ничего не добьётся — а начальству это не понравится.

Контрразведчик улыбнулся.

— Я надеялся на такой исход, — признался он. — Что же, сейчас Линда отрежет тебе уши, затем примется за нос и веки. Я бы сам, да только нельзя мне руки марать. Уж извини, Роско.

Марий протянул медсестре нож и сказал:

— За работу.

Женщина кивнула. Она наклонилась над Дэниелом, взяла его за ухо и поднесла клинок. Роско почувствовал, как подрагивает сталь, жаждая вгрызться в плоть.

В коридоре послышался треск разбившегося стекла, и Марий с Линдой насторожились. Громогласный голос возвестил:

— С дороги, ублюдки! Куда вы дели моего племянника?

— Сэр, его перевели в другую палату! Приказ короля!

Топот многочисленных ног приближался к дверям. Марий кинул быстрый взгляд на медсестру с ножом и заорал:

— Сюда, на помощь, скорее!

Женщина не изменилась в лице, даже когда контрразведчик схватил её за талию и бросил на пол. Размахнувшись, Марий воткнул нож в глаз Линде. Женщина пару раз дёрнулась и обмякла.

Дверь с треском распахнулась, и на пороге возник огромный мужчина в поношенной солдатской куртке с сорванными знаками различия. Чёрный берет и непроницаемые боевые очки на тугой резинке держали в крепких объятиях лицо с неряшливой, выщипанной местами бородой. В последнюю очередь Дэниел ожидал увидеть дядю Дэвида — и не видел бы ещё сто лет. Но сейчас у Роско просто не было сил злиться на предателей Божьего Порядка — особенно родственников.

За спиной Дэвида нервно переглядывались молодые санитары и врачи. У каждого на шее висело распятие. Кто-то тихо молился.

— Что ты здесь делаешь? — прогремел дядя и сделал несколько быстрых шагов к Марию. Тот вытащил нож, вытер его о белое одеяние Линды и поднялся.

— Спасаю вашего племянника, — невозмутимо ответил контрразведчик. — Я отдал приказ перевести его в другую палату. Ждал, когда Дэниел очнётся, чтобы начать допрос. Стоило мне отлучиться на пару минут, как эта сучка попыталась убить его.

— Лжёшь, ублюдок! — с ненавистью выдал дядя Дэвид. — Знаю я ваши фокусы!

— Напомню, я на службе у короля, — холодно возразил Марий. — Ваши обвинения меня оскорбляют. Но я спишу их на потрясение. Вы должны быть благодарны, что я так милосерден. Дэниел, скоро мы вернёмся к нашему разговору.

Марий в несколько коротких движений сложил нож, одёрнул пиджак и, улыбнувшись, покинул палату.

— Кусок говна, — процедил Дэвид. Повернувшись к санитарам, столпившимся у двери, он гаркнул: — Что встали? Уберите тело и известите главврача! У вас тут пациента чуть не убили!

Санитары поспешно притащили носилки, кинули на них тело Линды и убежали, позвякивая распятиями. Дэвид поджал губы. Как только все следы инцидента исчезли вместе с медиками, дядя бросился к Дэниелу.

— Слушай меня, и слушай внимательно, — тихо затараторил он. — Что бы ты ни знал, это очень важно для контрразведки. Пока ты молчишь, тебя никто не убьёт. Могут попытаться вывернуть память, но это вряд ли.

«Старый ублюдок, — подумал Дэниел. — Предатель и тварь». В любой другой день он бы предпочёл не пересекаться с дядей. Но сейчас его визит оказался как нельзя кстати. Настораживало только, почему с Дэвидом не было отца.

— Произошло кое-что важное, — пробормотал Роско, но Дэвид громко шикнул.

— Не говори ничего! Не хватало, чтобы меня ещё загребли.

«Эгоист до самого конца».

В это время Дэвид ощупал его руки и протянул:

— Господи. Они же изуродовали тебя!

Дядя натянул очки на лоб, и Дэниел поморщился. Пустые глазницы Дэвида зияли алой темнотой, которая пугала младшего Роско сильнее, чем любое другое физическое уродство. Дядя выковырял очи, чтобы спасти Корра от неминуемой смерти,

потеряв, похоже, не только зрение, но и разум.

— Пятна. Скверна! — Дэвид почти выплёвывал слова. — Боже! Если бы ты видел то, что вижу я…

— Ты ничего не видишь, старик, — раздражённо протянул Дэниел. Дэвид покачал головой, его борода заколыхалась из стороны в сторону.

— Везде должен быть свет. Но твоё тело… они начинили его паразитами. Внутри тебя растёт тьма, юноша, и вынуть ты её уже не сможешь. Она впитывается в твою кожу и разум. Отравляет их, миг за мигом.

Дэвид наклонил голову, будто опуская взгляд, и лицо его скривила гримаса отвращения.

— Твоя рука, — прохрипел он и отпрянул. — Проклятье! Это… это грех!

— Прекрати нести чушь, — ответил Дэниел, пытаясь подняться на кровати, — лучше помоги. Эта спятившая привязала меня.

Дэвид, кривясь, всё же подошёл к кровати и освободил Дэниела. Роско потёр запястья и сел на постели.

— Нет, я больше не могу на это смотреть, — прокряхтел Дэвид и снова опустил очки. «Интересно, он со Второй Священной их хранит? — лениво подумал Дэниел, пытаясь отвлечься. — Такие ведь десантникам только выдавали вместе с гермошлемами…»

— Что я пропустил? — устало протянул Роско. Нужно было срочно сменить тему.

Дэвид молчал, будто не хотел говорить с Дэниелом.

— Да ладно тебе, ты всерьёз будешь мне говорить, что аугментика — это скверна?

Дядя покачал головой и вздохнул.

— Я знал, что ты не поверишь. Но это уже твоя проблема.

— Не томи, просто расскажи последние новости.

— Много чего произошло, — Дэвид почесал ухо и смущённо кашлянул. — Я должен сказать тебе… Джошуа погиб.

— Прости?

— Твоего отца убили при столкновении за площадь Освобождения. Его больше нет.

Дэниел почувствовал, будто в грудь закачали пустоту. Он силился что-то сказать, но всё, что мог вспомнить — так это последние слова отца. «Я горжусь тобой, сын». Он ушёл, так и не узнав, как Дэниел любил его.

Роско стало так горько, что он перестал дышать.

— Полиция говорит, что это сделали Стрелки, — процедил Дэвид. — Но это не так. Я-то знаю. Я видел фотографии останков.

«Чёрта с два ты видел, слепой ублюдок».

— Его разнесло крупным калибром, — продолжал дядя, — а такой был только у операторов экзоскелетов. Джошуа просто попал под перекрёстный огонь. Но участвовавшие в том бою спецназовцы погибли. Считай, Стрелки отомстили за твоего отца. Теперь Синдикат хочет наградить копа по имени Джейсон Клэй. Говорят, он площадь от Стрелков удержал. Помню его со времён войны. Достойный мужик, хоть и психованный. Вот только Джошуа он не спас.

— Этого не должно было произойти, — сказал Дэниел, лишь бы что-нибудь сказать.

— Богу плевать, кого забирать, — ответил Дэвид. — Есть мёртвые, а есть живые. И моему брату не повезло.

Дэвид рухнул в кресло, что занимала Линда.

— Проклятье. Джошуа с детства жаждал побывать на фронте, но битвы всегда доставались мне. И стоило начаться войне, как он погиб.

— Отец получил, что хотел, — убеждённо сказал Дэниел. — И то, что заслужил.

«Стадия вторая: гнев».

— Джошуа заслужил быть убитым? — в голосе Дэвида засквозило презрение. Дэниел уставился на дядю с плохо скрываемой злостью.

— Нормальный человек не захотел бы воевать. Зачем он оставил меня? На хрена рвался в это пекло?!

— Да кто ты такой, чтобы так говорить?! — гаркнул Дэвид. — Что ты вообще знаешь о своём старике, а, Дэниел?

— Достаточно! — заорал в ответ Роско. — Нечего жалеть! Он хотел умереть за Синдикат — вот и получил по полной!

Обида бурным цветком росла в его груди.

Дэвид наклонил голову и тихо произнёс:

— Тебе больно. Это нормально. Но ты должен понимать, что если бы не твой старик, Стрелков могли не удержать. Он умер героем. На нас… возложена ответственность. Семью не выбирают, Дэниел. А мы цепные псы короны. Всегда были. Мы обязаны быть готовыми к войне. Мы обязаны воевать, мы обязаны убивать и умирать. Думаешь, я хотел этого? Не я устроил дворцовый переворот! Не я сверг старую династию!

— О чём ты? — спросил Дэниел, подозревая ответ.

— Это всё наш с Джошуа дед. Они с Карлом были королевскими гвардейцами при царствовании Семьи Пендлтонов. Оба офицеры, оба голубой крови, оба потомственные телохранители короны. Но Карла это не устраивало. Лоренс, чёртов хитрец, подговорил деда на бунт. Они собрали армию и

назвали их Корпусом штурмовиков. Всех лояльных старому королю гвардейцев перебили. Артура Пендлтона Карл лично пришил. А затем напялил корону.

— В школе об этом не рассказывают, — прошептал Дэниел.

— Все знают, как Карл получил трон, хоть и не признаются. Мы с Лоренсами сблизились. Деда назначили Королевским Правосудием, а за ним титул унаследовал наш отец. Джошуа… Джошуа всегда верил в долг короне. «Мы возвысились не просто так», говорил он. «Мы должны оправдать оказанное нам доверие». Наивный дурачок. Но он дал тебе всё. Отправил в Академию, подарил лучших людей, возможность стать отличным солдатом. Я же во всём был хуже! Только и делал, что играл, бухал, да трахался. Никто не спрашивал, хочу ли я быть солдатом. Но король выбрал меня вместо Джошуа и отправил на фронт. Чего удивляться. Джошуа всегда был умнее. А теперь его нет. Ты, Дэниел, единственный, кто может продолжить дело Роско. Оно больше, чем любой из нас. Не отказывайся от наследия. Не предавай отца.

— Ты ведь ненавидишь Божий Порядок, — сказал Дэниел. — Но хочешь, чтобы я воевал за Синдикат?

— Не я хочу, — ответил Дэвид. — А твой отец. Ты наследник Дома Роско. Новый глава. Тебе и править. И вот ещё что… Джошуа хотел оставить это тебе.

Он вынул из кармана хромированный пистолет и бросил Дэниелу. Тот неуклюже поймал оружие и рассмотрел его со всех сторон. Крупнокалиберный «Боксёр» с удлинённым стволом и улучшенным затвором. Чуть ниже экстрактора виднелась гравировка: «Любимому брату Джошуа от Дэвида».

Поднявшись с кресла, дядя подошёл к двери. Дэниел всё же пересилил себя:

— Дэвид! — позвал он и стушевался. — В смысле, дядя… Спасибо. Что навестил и спас от этого ублюдка. И за кинжал. Если бы не он, меня бы уже не было. Правда.

«Кроме тебя у меня больше никого не осталось», — хотел добавить Дэниел, но сдержался.

Губы старшего Роско расплылись в лёгкой улыбке.

— Я знал, что когда-нибудь он тебе пригодится. А насчёт того королевского прихвостня не волнуйся — сейчас же пришлю телохранителей. В случае чего, они обо всём позаботятся.

Дэниел ничего не ответил, и Дэвид ушёл, как и все остальные.

Наступившую тишину разрывало лишь противное пиканье аппаратов жизнеобеспечения. Дэниел усмехнулся. Он чувствовал, что находится не на своём месте. Но никогда ещё это ощущение

не приносило столько удовольствия. Не обстоятельства решают, а отношение к ним. Теперь в его руках бразды правления целой Семьёй. Неплохой скачок для выпускника Академии. Он мог сколько угодно противиться этому, но в итоге некоторые вещи рано или поздно приходится принять.

Ничто не мешает бросить ему военную карьеру. Но Семьёй управлять придётся. Ради отца. Ради всех, кто умер до него. Ради Сабрины.

Дэниел потёр правую руку и в очередной раз спросил себя — почему она на месте? И что ему со всем этим делать дальше?

2 июня, 541 год после Освобождения

— Вы очень быстро идёте на поправку, мистер Роско! — лицо молодого врача просияло, будто выздоровление Дэниела было его личной заслугой. — Такими темпами мы уже завтра вас выпишем!

— Радость-то какая, — пробурчал Дэниел.

— Но всё равно придётся соблюдать постельный режим. Аугментика ещё не до конца прижилась. Нагрузки могут плохо сказаться на здоровье.

— Я чувствую, будто у меня пакет с воздухом внутри, — признался Роско.

— Вам нужно радоваться, — ответил доктор, делая пометки в коммуникаторе. — Вы стали на шаг ближе к совершенству Божьего Порядка! Вы улучшаете себя. Когда-нибудь, мистер Роско, вы вспомните этот день и поблагодарите Бога за произошедшее.

— Меня опять беспокоят боли, — сказал Дэниел. — Вот здесь, прямо посередине груди.

— Боль подарил нам сам Господь, — с мудрым видом произнёс доктор. — Именно она и делает нас людьми. Когда все мы окончательно перестанем чувствовать её, человечества не станет. Родится что-то большее. Лучшее.

Роско прокашлялся, пытаясь заглушить увещевания врача.

— Можно мне ещё обезболивающего? — спросил он. — Ну, чтобы стать на шаг ближе к совершенству.

Доктор нахмурился.

— Стимуляторы очень вредны. Вам стоит от них отказаться.

— Я солдат, более того, офицер, — Роско закашлялся ещё раз, на этот раз по-настоящему. Он чувствовал, как лёгкие давят на рёбра, угрожая разорваться. — Имплантаты во мне требуют подпитки. Без стимуляторов я могу и откинуться.

Дэниел не сомневался, что врач раскусит его ложь. Но по-другому дозу не получить никак.

— Хорошо, — смилостивился доктор, — но вам придётся подождать до завтрашнего вечера. Я уточню этот вопрос у моего руководства. А пока отдыхайте, мистер Роско.

«Он понял, что я вру. И всё равно согласился», — подумал Дэниел, провожая взглядом уходящего эскулапа.

— К вам посетитель, — произнёс солдат, заглянув через дверь.

— Пропустите.

Боец кивнул и исчез. Дэниел всё никак не мог привыкнуть к новому статусу. Теперь все вопросы, касающиеся Семьи, стали его проблемами. Коммуникатор засыпало выражениями соболезнований от людей, имён которых Дэниел даже не знал. Каждый жаждал взять в оборот нового главу Семьи Роско. Но Дэниел не собирался позволять манипулировать собой.

Миг спустя в проём влетел ошалевший Марстон — чисто выбритый, возбуждённый и всё такой же бесконечно старый.

— Дэниел! — закричал он, бросаясь к Роско и заключив его в объятия. — Я думал, тебе кирдык настал, а ты вон, живёхонький! Как себя чувствуешь-то, пацан?

От старого солдата воняло сигаретами и дешёвым бухлом, но Роско был более чем готов с этим мириться.

«Он обеспечил всех своих детей, а на курсы омоложения так и не потратился», — подумал Дэниел и сказал:

— Доктора говорят, что иду на поправку. Ты сам где был, старая курилка?

— Как где? — удивился Марстон. — Дома, отдыхал! Меня Дэвид в бессрочный отпуск отправил, я вот думал как раз, к кому обратиться, чтобы меня на службу вернули. А тут слышу, ты очухался не так давно. И теперь ты глава Дома, подумать только! Я дожил до этого! А ведь уже думал, что ты не жилец!

— Да, было дело, — сказал Дэниел. — Я выжил. А вот все остальные…

Марстон похлопал Роско по плечу.

— Слушай, я ведь всё видел, — серьёзно произнёс старик. — Если будут какие-то вопросы, то я свидетель. Ты сделал всё, что мог. Нам из той жопы живыми ну никак нельзя было выбраться. Тем удивительнее, что ты остановил этих засранцев!

— Марстон, я… — начал было Дэниел, и тут же оборвал себя. Марстон сказал, что Дэвид отправил его в отпуск. И Роско понимал, почему. Кроме Дэниела, Марстон был единственным выжившим произошедшей бойни. — Слушай, тебе нельзя здесь находиться.

— Что? Почему?

Дэниел воровато огляделся. Его перевели в новую палату, но чувство, будто за ним кто-то следит, не отпускало. Он даже отказался от присутствия медсестры — воспоминания о Линде всё ещё были свежи. В воображении Дэниела возникли её стеклянные глаза и кровь на клинке. Марий убил медсестру с такой лёгкостью, будто чистил коврик от пыли. Контрразведчик сказал, что не может убить Дэниела. Но его близких точно не пощадит.

— Это всё Анора, — соврал Роско. — Из-за её солдат сейчас такая буча стоит, что все замешанные в этом деле могут поплатиться головой за своё участие. А ты ещё свидетелем проходить собираешься! Ты опасен. Поэтому неплохо бы тебе свалить. Чем дальше, тем лучше.

— Куда свалить?! — потрясённо переспросил Марстон. — Дэниел, послушай себя! Я старый человек! У меня семья ведь здесь! Я не могу просто так всё бросить.

— А надо, — парировал Дэниел, поднимаясь на кровати. — Марстон, считай, что Дом Роско закрывает твой контракт и отзывает свою защиту.

— Что?

— Если меня возьмут за жопу, я не гарантирую твоей безопасности, — произнёс Дэниел. «Беги, — взмолился он. — Это для твоего же блага. Ты должен выжить».

— То есть, ты и меня готов бросить под поезд? — горько поинтересовался Марстон. — Ну и мудак же ты, Дэниел. Проклятье! Я всю жизнь…

— Да посрать мне на это, Марстон. От тебя только проблемы.

Старый солдат раскрыл рот, чтобы что-то сказать, и тут же захлопнул его. Сгорбившись, он поплёлся к двери. Открыв дверь, он всё же развернулся и произнёс:

— Я ведь тебя совсем маленьким помню.

Дэниел отвернулся и смотрел на стену до тех пор, пока Марстон не ушёл. Можно ли было всё сделать по-другому? Конечно же. Но тогда пришлось бы поделиться щёпоткой правды, а правда в этом деле убивала быстрее яда.

— Кто-то должен выжить, — повторил Дэниел вслух и поднялся с кровати.

— Сэр? Куда вы направляетесь? — охранник, дежуривший у двери, чуть не подскочил, когда Роско выполз из палаты.

— На прогулку, — прохрипел в ответ Дэниел, засовывая в карман пистолет отца. Он чувствовал, что тело почти выздоровело, но требовалось время для привыкания к аугментическим внутренностям. Мысль, что до конца жизни

придётся ходить с синтетическим лёгким, была не самая обнадёживающая. Надев тапочки, Дэниел зашаркал по коридору. За спиной тут же увязалась парочка охранников.

— Останьтесь, — посоветовал Роско. — Я уж как-нибудь сам.

Он шёл вдоль коридора, сталкиваясь по пути с санитарами, врачами и другими пациентами. Потерянные и испуганные. Живые мертвецы. В свете ламп поблёскивали распятия на стенах и аугментические протезы, заменившие жертвам войны конечности. Но блики были обманом. Они не могли изгнать тьмы из глаз тех, кто видел истину жизни. Их спасала лишь вера. Отовсюду Дэниел слышал молитвы Освободителю и благодарности.

«Половина этих людей уже не сможет вернуться к обычной жизни, — подумал Дэниел, шагая против потока. — И всё равно они верят, что их спасут. Что Освободитель не бросит их».

Он и сам хотел верить. Мечты об Эдеме сулили бессмертие — но так ли были правдивы обещания? Всё же, к чему-то он должен был стремиться. Иначе, какой в жизни смысл?

Дэниел не знал, куда идёт, и ощущение бесцельности прогулки сильно освежало. В Академии и дома вся его жизнь была подчинена строгому порядку: тренировки, приём еды, учебные занятия и совсем немного свободного времени на личные дела. А сейчас Дэниел просто шёл по коридору, всматриваясь в такие разные лица людей, идущих навстречу. Больше никто не стоял над ним и не отдавал приказы.

Ведь отец погиб.

Дэниел остановился и облокотился на стену, пытаясь подавить рождающийся в груди шар солёной горечи. В носу и глазах защипало. Роско почувствовал, как спина покрылась потом. Стыд снедал его. Отец хотел для него только лучшего, пусть и в своём понимании.

«Отпусти, — подумал Дэниел. — Ему уже плевать. Сумей простить себя».

В конце концов, мертвецы не обижаются. Что бы отец ни думал о нём, это уже не имело значения. Ему всё равно, что Дэниел подумает в ответ. Роско горько усмехнулся. Теперь он остался совсем один. Ни матери, ни отца. И близких друзей не осталось — от других выпускников Академии за это время не пришло ни весточки. Даже от Сабрины.

Дэниел проклял себя за то, что вспомнил о ней. Анора стала предательницей, атаковала его людей и, видимо, ушла к Стрелкам на Нижние Уровни. Но Сабрина осталась. Она не имела никакого отношения к преступлениям матери. Более того, Дэниел любил её.

И всё же, вспоминая Сабрину, он видел лишь трупы своих бойцов, убитых Анорой.

Нет, надо гнать такие мысли прочь. Тем более, есть вопросы поважнее.

Роско поднял правую руку. Она не давала ему покоя. Как там сказал Дэвид? «Это грех». Неужели ублюдки из Союза на самом деле промыли ему мозги? Как же они сумели убедить его, что аугментика — источник всех бед? Дэниел сжал пальцы в кулак и присмотрелся к маленьким трещинкам на костяшках. Медсёстры и врачи в один голос утверждали, что протез ему не ставили, так как руки он не терял. Но ведь Дэниел прекрасно всё помнил: брызги крови, клинки Стража, лангетку. Даже сейчас воспоминания внушали благоговейную дрожь. Дэниелу хотелось кричать: «Я УБИЛ СТРАЖА!», но он понимал — за такие речи Медцентр его точно никуда не отпустит. Ему отрубили руку! Но она была на месте.

Устав ломать голову, Дэниел двинулся в сторону вестибюля, где можно было сделать круг и вернуться к палатам. На кушетках рассиживались нервные посетители, пришедшие навестить пациентов. Семенящие повсюду администраторши терпеливо втолковывали каждому, почему визит к тому или иному больному невозможен.

— Не подскажете, где находится мистер Роско? — знакомый голос заставил Дэниела вздрогнуть. Огромный, похожий на бойцовского пса мужчина шептал что-то на ухо дежурному санитару. Похоже, командор Кирстен решил лично его навестить. Дэниел питал к нему мало тёплых чувств. Но увидев стоявшую рядом с командором Сабрину, он лишился и тех жалких остатков.

Дэниел еле узнал старую подругу. Девушка осунулась, когда-то роскошные волосы сбились в грязные пряди, взгляд потух, а синяки под глазами Роско поначалу принял за неумело нанесённые тени. Единственная девушка, которую он любил, напоминала бледную тень самой себя.

Кирстен отлип от санитара и, взяв за руку Сабрину, повёл её по коридору. Только тогда Дэниел заметил на руках девушки наручники. Злоба и ярость закипели в нём с такой силой, что чуть не разорвали и так больные лёгкие. Дэниелу хотелось заорать во всю глотку, наброситься на Кирстена, раздолбать его чёртово лицо и осквернить труп.

— Кирстен! — подавив разыгравшиеся чувства позвал Роско. Командор дёрнулся, его квадратная челюсть зашевелилась. Тупая псина, обученная лишь команде «фас». Дэниел представил, с каким скрипом сейчас вращаются шестерёнки в голове Кирстена, и усмехнулся. Он и поверить не мог, что этот говнюк ведёт

Сабрину под конвоем. Что она такого сделала?

Но нужно было держаться себя в руках. Прошаркав навстречу, Дэниел спросил у Кирстена:

— По какому вы делу?

Командор поджал губы.

— Пленница хотела встретиться с тобой, Роско.

Дэниел кивнул.

— Хорошо. Командор, будьте добры, раскуйте её и оставьте нас наедине.

Наручники со звоном упали на пол, и командор даже не потрудился их поднять. Убрав ключ в карман, он буркнул:

— Наслаждайтесь, — и ушёл в вестибюль.

Как только руки Сабрины освободились, она прижалась к Дэниелу. Он почувствовал, как рубашка на груди становится мокрой и теплой от её слёз. Гладя подругу по волосам, Дэниел приговаривал:

— Ну же, ну же. Ну, будет тебе, принцесса…

— Мне так тебя не хватало, — прошептала Сабрина.

— Что же они с тобой сделали, сволочи? — выдавил Роско.

Сабрина подняла на него мокрые и покрасневшие глаза.

— Ты в порядке? — спросила она. — Скажи мне, что всё хорошо.

Роско через силу улыбнулся:

— Всё… всё прекрасно, принцесса. Уж поверь мне. У меня всё наладится. Лучше скажи, что с тобой.

Сабрина отлипла от него, начала утирать лицо и сопли. Её милое личико раскраснелось от рыданий. Никогда бы Дэниел не подумал, что увидит подругу в таком виде.

«Не подругу — любимую».

Приведя себя в порядок, Сабрина начала тереть запястья и испытующе уставилась на Дэниела.

— Так значит, слухи были правдой, — произнесла она. — Они сделали тебя главой… подумать только.

— Увы и ах, — ответил Дэниел как можно мягче. Он подвинулся поближе к девушке и положил руки ей на плечи. Она несмело улыбнулась.

— Я ошиблась, Дэниел. Я бросила позиции и отправилась искать маму, позабыв обо всём. Подвергла других опасности. Погибли… погибли младшаки.

Роско поджал губы. Дезертирство, да ещё в военное время — преступление, грозящее смертью. Но Сабрина жива. «И слава Богу». Но что ей приготовили вместо казни? В конце концов, не обошлось без жертв. Но Дэниелу было плевать. Кроме Сабрины у него никого и не осталось.

Он попытался обнять девушку и произнёс:

— Всё будет хорошо.

Но Сабрина отстранилась и замотала головой:

— Нет, не будет. Я понесу наказание. Меня отправляют в Приют. Лишают всех привилегий.

— Это несправедливо! — вскричал Роско. Сабрина грустно улыбнулась.

— Так надо, Дэниел. Когда-нибудь я выйду. Мы всё равно будем вместе.

— Я тебя вытащу, — пообещал Роско. — Не знаю как, но я тебя вытащу.

— Не давай девушке обещаний, которые не сможешь выполнить, — усмехнулась принцесса. Опустив взгляд, она произнесла: — Это правда? Что ты убил их?

— Кого?

— Людей моей матери. Дага, Джонсона, Феррета, Винсента…

Дэниел не знал, что ответить. Собравшись, он произнёс:

— Мне жаль.

Сабрина лишь кивнула. Её глаза сказали всё лучше слов.

— Чёртова война, — лишь промолвила она. — Что же, спасибо, Дэниел.

Сабрина привстала на носочки и подарила ему поцелуй. Дэниел обнял девушку, впившись в её губы, не желая отпускать. Он вдруг подумал, что если принцесса уйдёт сейчас, то больше не вернётся никогда.

Наконец, всё закончилось:

— Мы ещё увидимся, — сказала Сабрина.

— Обязательно.

Сабрина подняла наручники с пола и, не прощаясь, пошла к Кирстену. Командор снова сковал девушку, бросил странный взгляд на Роско и двинулся к лифтам. Дэниел вернулся к себе в палату.

Он просидел минут пять, уставившись на стену. Пока вдруг в его голове не созрел безумный план.

— Принесите мою одежду! — приказал он стоявшему у двери бойцу.

— Но сэр, вы же ещё не выздоровели!

— Живо! — гаркнул Дэниел, и солдат пулей вылетел из палаты. Через минуту он вернулся с комплектом одежды, включающим штаны, высокие сапоги, чёрную футболку, куртку и берет Дома Роско. Дэниел оделся, морщась от боли.

«Вот значит как, — думал он. — Опять я всё испортил, Сабрина».

— Собирай ребят, — произнёс Дэниел солдату. — Мы

уезжаем отсюда.

— Но куда, сэр?

— На аудиенцию к королю.

Через двадцать минут он уже сидел в бронированном чёрном лимузине, что катил ко Дворцу. Бойцы на сиденье напротив задумчиво всматривались в окна, будто бы их собирался кто-то атаковать. Контрразведчики стали врагами Дэниела, но нападать в открытую они бы не решились. Тем более, сейчас, когда Роско сам ехал во Дворец. Дэниелу хотелось хохотать, да только рёбра слишком сильно сжимали новое лёгкое, поэтому он ограничился улыбкой. «Вот оно всё как обернулось», — пронеслось в его голове. Телохранитель, сидевший напротив и кидавший беспокойные взгляды, всё же заговорил:

— Можно вопрос?

— Смотря как тебя зовут, — сказал Дэниел.

— Серембеш, — серьёзно ответил телохранитель. Он был совсем молод, чуть старше Дэниела, выбритый наголо молодчик, готовый жизнь отдать за нового хозяина.

— Буду звать тебя Сэм.

Телохранитель поморщился.

— Серем?

Паренёк поморщился ещё раз.

— Ну, фамилия-то у тебя есть?

— Каскив.

— Час от часу не легче. Кас?

По недовольной гримасе Дэниел понял, что разговор может затянуться.

— Ладно, спрашивай.

— Дэвид попросил не выпускать вас из палаты. Но ваш приказ авторитетнее. И всё же скажите, зачем нам к королю?

— Он хотел выведать мои секреты любой ценой.

— И вы решили всё рассказать?

— Да. Но сначала потребую столько, сколько мне только могут дать.

«И в первую очередь — свободу Сабрине».

Дэниел вспомнил рассказ Дэвида о перевороте. Роско слишком близки к короне, чтобы Карл так просто от них избавился. У Дэниела есть, что предложить королю — чем же ответит Лоренс? При дворе наверняка куча народу. Если Роско попытается заключить сделку публично, у короля будет меньше шансов на отступление. Дэниел вздохнул и посмотрел в окно.

Мимо проносились новенькие автомобили. Таких моделей он раньше не видал.

— Специально созданы для езды по новым дорогам, —

прокомментировал Кас.

— Стоило всё-таки смотреть новости, — буркнул Дэниел.

— Карл приказал в скором порядке воздвигнуть трассы прямо сквозь здания, — продолжил телохранитель. — Теперь передвигаться стало намного проще.

— Да, я слышал, ещё во время вторжения. Машины что, делают из облегченного металла?

— Ага. Везде пока салон на двух человек, но фабрика Гефеста над этим работает. Главное, что на них можно ездить по пешеходным зонам.

«Все старые правила полетели к чёрту». Дэниел уже не знал, что и думать. За такое короткое время Старый Город сильно изменился.

— Ещё проводят новую ветку монорельса. А вчера заявили об основании первой сети автобусного транспорта.

Дэниел присвистнул.

— Это что же, теперь можно не толкаться в вагонах монорельса и не покупать машину?

— Вам бы всё равно это не грозило, сэр.

— Ага, зато грозит тебе, если будешь так же шутить.

— Извиняюсь.

«Карл повышает мобильность». Дэниел знал, что это было сделано в первую очередь для военных нужд. Произошедшее во время вторжения не должно было повториться. Войска успели развернуть, но ушло слишком много времени. С момента начала атаки успел пройти час, прежде чем солдаты прибыли на место и возвели укрепления. Но что вспоминать о прошлом? Теперь у Старого Города совсем другое лицо. Нужно думать о настоящем.

— Так что, Карл уже отправил войска на Нижние Уровни? — вспомнил Дэниел.

— Так точно, — ответил Серембеш Каскив. — Тысячу бойцов из Двадцать Второго полка Королевских разведчиков, а также шесть тысяч из… этого… как его…

— Сто сорок четвёртого пехотного?

— Нет, Первого десантного.

— Да так и с голой задницей остаться недолго! Если Стрелки контратакуют, нас защитят разве что писари, да девки.

— Обижаете, сэр. Недооцениваете вы регулярные войска.

— Что есть, то есть, — прохрипел Дэниел, вспомнив солдат Аноры.

В скором времени лимузин подкатил ко Дворцу. У высоченной арки, обозначавшей вход, дежурило два десятка королевских гвардейцев — по одному солдату на каждую колонну. Багровые, напряжённые лица над алыми воротничками

— хуже службы Дэниел придумать не мог. Телохранитель открыл дверь машины и предупредительно вылез первым. Лимузин тут же окружила толпа людей, возникшая словно из ниоткуда. Дэниел зажмурился. Со всех сторон его обстреляли фотовспышками, в лицо полезли микрофоны, сканеры, диктофоны, а также летающие камеры. На секунду Роско захотелось достать гранату и подорвать всю эту мразь к чёртовой матери, но он сдержался. Если всё пройдёт гладко, подобное дерьмо ему придётся терпеть до конца жизни.

— Мистер Роско! По какой причине вы решили нанести визит королю?

— Правда ли то, что убийство вашего отца было подстроено?

— Как вы отреагируете на заявление маршала, что лица младше восемнадцати не имеют права становиться главами Домов?

— Мистер Роско, пожалуйста, один автограф…

— Кто убил ваших людей?

— Вы действительно столкнулись лицом к лицу с Анорой Предательницей?

«Так вот как они её зовут, — подумал Дэниел. — Вот как они отблагодарили твою маму за все её заслуги, Сабрина».

Расталкивая толпу неимоверно любопытных журналистов и зевак, телохранители провели Роско под широкие своды Дворца. На колоннах распускались декоративные розы, символ Дома Лоренсов. Шипы угрожающе поблёскивали. Кивнув гвардейцу у входа, Роско нырнул в проход, оставив журналистов шуметь за спиной. Как только дверь захлопнулась, Дэниел оказался в длинном, отделанном золотом холле.

«Прошли тысячи лет, а оно всё ещё ценится. Одна из немногих вещей, которых мы не можем напечатать». Роско в закромах всегда держали несколько ящиков с золотом на случай, если придётся начать войну против всех. И это считалось приличным запасом. Ходили слухи, будто Дом Торесов держит отдельный особняк ради древнего металла. С такими финансами они могли управлять всем Синдикатом. Но в споре «человек с пушкой против парня с деньгами» преимущество оставалось за тем, кто вооружён.

Дэниела тут же окружили солдаты Лоренсов. Деловито протянув ладонь, один из них потребовал:

— Ваше оружие.

Дэниел, колеблясь, передал бойцу отцовский «Боксёр», телохранители последовали его примеру. Солдаты прошлись по посетителям специальными сканерами, проверили, не несут ли они оружие внутри себя, особое внимание уделили аугментике, и

уж только потом пропустили. Дэниел двинулся по коридору, слушая бурчание Серембеша.

Через каждые несколько метров дежурило по гвардейцу. Каждый прижимал к груди длинную, элегантную самозарядную винтовку с гравировкой в виде стеблей роз. К стволам были прицеплены штык-ножи. Увидев винтовки, Дэниел содрогнулся.

«Кто-то снабжал людей Аноры королевским оружием. Но кто?»

Миновав холл с портретами укоризненно глядевших королей, Дэниел оказался в круглом центральном зале, из которого вело десяток других коридоров. Шаги отдавались гулким эхом в пустом и безвкусно дорогом помещении. Роско окружали ковры, световые скульптуры, изображающие людей, вазы и витрины с декоративным оружием. Над головой позвякивали дорогие люстры, зацепившиеся за вогнутый купол. В зале его уже ждал узкий человек в красном мундире, которого Дэниел принял за искусно выполненную статую. Мужчина опирался обеими ладонями на трость, что держал перед собой. Роско узнал человека даже не по пышным усам и бакенбардам, но по маленьким, не предвещавшим ничего хорошего, глазам.

— Роско, — изрёк маршал Штрауд. — Давно не виделись.

— Целых полторы недели, — ответил Дэниел.

— Ты сам должен понимать, в наше время столько всего происходит, что один день уже длится годами. Например, я слышал, ты стал главой Дома Роско?

Дэниел без слов кивнул, чувствуя напряжение телохранителей. Маршал не потрудился привести с собой своих, и это настораживало.

— Прелестно. И ведь подумать только, каких-то полторы недели назад я стоял и смотрел, как Сабрина Лоренс ломает тебе руку, — маршал засмеялся, но его смех быстро утонул в молчании Дэниела. — Какова цель твоего визита? — без перехода спросил Штрауд.

— Это касается только короля.

— Всё, что касается короля, касается и меня, Роско. Не пытайся схитрить. Вижу, ты что-то задумал. И я с тебя глаз не спущу. Прямо надо мной сидят три снайпера. Они в своём деле поднаторели. Не так двинешься — превратишься в решето.

— Я понимаю, — равнодушно произнёс Дэниел. — Но проблем не возникнет. Честно.

Маршал бросил полный угрозы взгляд, и Роско ответил обезоруживающей улыбкой.

— К слову, — как бы невзначай спросил Дэниел, — не вы приказали арестовать Сабрину?

— Может и я. Из-за неё погибло целое отделение рекрутов. Она должна понести наказание.

«Врёшь, — подумал Роско. — Я слышу сомнение. Инициатива исходила от кого-то ещё. Уж не от самого ли Кирстена?»

— У короля сейчас бал, — заметил маршал. — В таком одеянии тебя не пустят.

Дэниел окинул взглядом свой наряд и представил, как будет выглядеть среди напомаженных танцующих парочек. Картинка ему понравилась.

— У меня важное дело. Да я и ненадолго, — пообещал Роско. — К слову, разве Синдикат сейчас не на военном положении? Не время же для праздника.

Маршал снова засмеялся, но на этот раз с порядочной издёвкой.

— Как раз сейчас самое время для праздника. Людям надо забыть о проблемах.

«Пока другие истекают кровью и отдают свои жизни», — подумал Роско.

— Что же, маршал, ведите!

Штрауд дёрнул плечами, будто хотел сбросить сказанные Дэниелом слова, развернулся и направился по одному из коридоров. Миновав пару комнат для отдыха, пустую спальню и музыкальный кабинет, маршал подвёл Роско к высокой двери с резными розами Лоренсов. Из помещения раздавалась громкая и неприятная музыка. Дэниел погладил щёки и отметил, что они покрылись лёгкой щетиной. Небритый, недолеченный, в простой солдатской одежде, да ещё с дерьмовым настроением — он выбрал идеальное время, чтобы появиться на балу.

Штрауд обнажил имплантированные зубы, поправил мундир и толкнул дверь.

Почти все чувства Дэниела были мигом изнасилованы. Его утопило в запахах выпечки и фруктов, искристого шампанского и игривого вина, раскаты помпезной музыки полились в уши, а в глазах зарябило от пышности нарядов. Держась за телохранителей, Роско вошёл внутрь. Перед ним расступались люди в керамических масках, на которых миниатюрными голографическими проекторами рисовались различные гримасы, люди, упакованные в платья и сюртуки из света, люди, задушенные собственной парфюмерией. Под ногами шныряли кошки, собаки и ещё невесть какие звери. Под каблуком сапога лопнул спелый фрукт. Летающий дрон-официант попытался подсунуть Дэниелу круассан, но Роско лишь махнул рукой в ответ. Одежда мигом пропиталась запахом алкоголя. Женщины прошивали Дэниела похотливыми взглядами аугментических

глаз, мужчины вызывающе поправляли голографические запонки, меняя ежеминутно иллюзии своих нарядов. Роско лавировал в толпе, пытаясь выбрать место потише, но чем дальше заходил, тем больше внимания привлекал. Живой оркестр, вот уж настоящая невидаль, надрывался, словно аккомпанируя его нелепые попытки найти укромный уголок. Откуда-то слева раздался выстрел, и Дэниел рефлекторно бросился на пол, но телохранители удержали его.

— Blagodaryu vas! — крикнул фокусник-эмигрант на непонятном языке, показывая пойманную пулю.

Роско давно оставил Штрауда позади, пытаясь в булькающем море людей найти короля.

— Мне уже хочется всех их придушить, — прошептал Кас, пробивая Дэниелу путь.

— Спокойно, Серембеш, — ответил Роско. — Только после моего сигнала.

— Зря спешите, юноша.

Дэниел остановился. Прямо перед ним возникла худая женщина в невероятно вульгарном красном платье, усыпанном блёстками, и настолько же безвкусной шляпе с широкими полями, что мигала десятками цветов. Волосы незнакомки вились чёрными локонами. Декольте совершенно не оставляло пространства для воображения, но Роско оно не притягивало. Из-под длинноносой золотистой маски на Роско смотрели умудрённые глаза женщины, прошедшей процедуру омоложения. «Да она как минимум раза в четыре меня старше», — прикинул Дэниел, смахнул с головы берет и поклонился.

— Миледи, — произнёс он.

Рядом с незнакомкой стояло двое парней, которых смокинги явно стесняли. Лицо того, что постарше, полностью покрывали татуировки. Дэниел различил среди них орла Семьи Фортескью, а также шестерню Дома Кастор. Остальные символы он не узнал. Короткие чёрные волосы мужчина зачесал вперёд. Без сомнений, перед Роско стоял наёмник. Второй спутник женщины, совсем ещё юноша в очках виртуальной реальности, импозантно улыбался и постоянно поглаживал свою пышную светлую шевелюру. Протянув руку в белой перчатке, он произнёс бархатным голосом:

— Мариэль, очень приятно!

— Дэниел Роско.

Рукопожатие юноши оказалось удивительно крепким. Татуированный представиться не соизволил. Женщина вздохнула и сняла маску, но Роско так её и не узнал. «Странно, — подумал он, — я помню почти всех баб, к которым клеился отец. Но кто

она?»

В одном Дэниел не сомневался: перед ним бывалый пехотный офицер, пытавшийся сойти за аристократа и, судя по платью, потерпевший неудачу.

— Вы ведь что-то сказали мне? — спросил Роско.

— Ты спешишь к королю, — заметила женщина. Дэниел как-то не обратил внимания, когда они перешли на «ты», но решил подыграть.

— А кто не спешит?

— Он сожрёт тебя, — решительно сказала женщина. — Проглотит не прожёвывая. Ты для него даже не мелкая рыбёшка, ты почти насекомое. Уходи, пока не поздно.

— Пусть попробует. Я заставлю его просраться.

— Сколько уверенности! Сколько пыла! — женщина засмеялась, пытаясь сымитировать смех прирождённой аристократки. Получилось омерзительно. Чёрные локоны тряслись в такт музыке. — Ах, Роско, мне жаль, правда. Но здесь уже ничего не поделать. Нет ничего постыдного в том, чтобы сбежать с тонущего корабля.

«Тебя хотят убить», — говорили её глаза.

— Я всё же попытаюсь спасти сундук с сокровищами, — ответил Дэниел. Женщина игриво прикрыла рот, а затем приподняла шляпу:

— Арден Карфилд, к вашим услугам.

— Наслышан, — с облегчением сказал Роско. Многое сразу встало на свои места. — Правда, что ваши наёмники лучшие в Старом Городе?

— Не мои, а мужа, — мягко возразила Арден. — И это всего лишь реклама. Они совсем чуть-чуть хуже заявленного.

— Хозяйка, конечно, скромничает, — запищал Мариэль. Татуированный продолжал молчать. — Наши услуги дорого стоят, но никто не выполняет их так, как мы.

— Не за всякие дела мы берёмся, мистер Роско, — добавила леди Карфилд, испытующе смотря на Дэниела. — Мы не наёмные убийцы и никогда ими не будем.

«Так вот оно что, — понял Дэниел. — Их пытались купить, чтобы устранить меня».

— Король удивится, узнав об этом, — ответил он.

— Король наслышан о наших условиях. Но уж точно не о таких.

«Карлу я нужен живым. Но кто-то хочет, чтобы весть о произошедших событиях до него не дошла».

— Буду иметь в виду, — заметил Дэниел и поклонился ещё раз.

— Подождите ещё, — сказала Арден. — Танцы скоро кончатся, король будет читать речь. Сегодня награждение героя, отвоевавшего площадь Освобождения.

— Как удачно, — ответил Дэниел. «Только спасти моего отца он не сумел».

— Он опоздал на день, — Карфилд достала из кармана коммуникатор и взглянула на хронометрон. — Награждение должно было состояться вчера.

— Что же, я пока буду наслаждаться напитками.

— Не советую. И следите за своей спиной. Кто знает, что там таится в толпе.

Сделав книксен, женщина усмехнулась и растворилась в толпе вместе со своими помощниками. Дэниел боязливо огляделся. Следить за толпой, да? Неужели на него готовы напасть прямо во Дворце?

— Отойдём, — сказал он Касу и остальным.

В море людей всё же нашёлся тихий островок. Роско рухнул на стул и начал внимательно всматриваться в окружающих его благородных ублюдков. Голографические маски и платья, горящие взгляды, белые перчатки. Любой из них мог быть убийцей. Любого из них Дэниел готов был убить.

Он застучал ногтями по столу. Оставалось лишь ждать.

Десять, двадцать, тридцать минут. Музыка не прекращалась, веселье продолжало бурлить океаном дерьма. Фреска на потолке с изображением Освободителя подмигнула Дэниелу, и он показал средний палец в ответ. Карусель прожигания жизни всё вертелась, смазываясь в одно большое ничего.

— Скучаешь, Роско? — рыжуха в пышном белом наряде невесты подсела к столику Дэниела. Её причёска напоминала кровавую кляксу. В отличие от остальных, девушка носила настоящее платье, а не халат с голографической иллюзией. Дэниел лишь пожал плечами, чувствуя скопившуюся усталость.

— Есть немного. Мы знакомы?

— Почти. Твой отец пытался меня трахнуть, — сказала девушка, вылавливая вилкой оливки из тарелки. — Ничего личного, я просто вдовцов не люблю.

— Извиняюсь за его поведение, — холодно произнёс Дэниел.

— Было бы лучше услышать это из его уст, — девушка довольно хрюкнула, уплетая салат.

— Он не сможет извиниться. Он мёртв.

— А я знаю. Меня Кэрби зовут. Хочешь таблеточку?

Она высунула язык, к которому приклеился аккуратный розовый круг наркотика. Рядом с ним Дэниел рассмотрел сотни маленьких чёрных точек. Девушка закрыла рот и пригубила вина.

— Мне на прошлой неделе имплантировали улучшенные вкусовые сосочки, — пояснила Кэрби. — Любая натуральная еда становится в сто раз вкуснее обычной. Могу дать номерок моего хирурга.

— Я, пожалуй, откажусь, — сказал Дэниел. — Всё равно мой коммуникатор здесь не работает.

— А ты свяжись с охраной, — сказала Кэрби. — Нужно внести устройство в список исключений системы безопасности. Король специально блокирует связь для тех, кто бывает здесь всего раз.

«Даже Сеть и Библиотека меня не спасут от такой компании», — подумал Дэниел.

— Зря ты к хирургу не хочешь, — сказала девушка, принявшись за суп. — Мы должны улучшать себя, как и завещал Освободитель. Видишь, у меня новые глаза. В следующем месяце поставлю уши покруче. Потом над грудью поработаю, что-то она слишком большая.

— Лучше поменяй мозг, — посоветовал Дэниел.

— Не, мозг я первым поменяла, — как ни в чём не бывало прощебетала Кэрби, — да только для моего Дома это в половину всего семейного бюджета обошлось. Зато я теперь всё помню, до малейших мелочей.

«Только что из этого стоит запоминать?»

Дэниел поднялся, услышав, как в центре зала зазвенел маленький, но пронзительный колокольчик. Аристократы расступались перед герольдом в ливрее, несущим его. Следом за ним вышагивал сам король. Роско начал пробиваться вперёд, пытаясь рассмотреть всё в деталях. Он должен привлечь внимание короля во время речи. Вот и весь план. Так себе задумка — хоть и лучше, чем лежать в палате и ждать, когда всё разрешится само.

Дэниела поразило, насколько эффектнее Карл выглядел в жизни. Короны не оказалось и в помине. Волевой подбородок окружала благородная, окладистая борода, спокойный, уверенный взгляд, лишённый жестокости, смотрел в будущее, осанка прирождённого военного и поистине королевские манеры лишь подчёркивали доброту в глазах. Из-за скромной улыбки казалось, будто не герольд сопровождает короля, а наоборот. Простая красная накидка тянулась от левого плеча к поясу поверх чёрного мундира. Никаких орденов, никаких знаков различия — лишь строгость и функциональность. Наконец, герольд перестал звенеть, и король остановился перед троном.

— Спасибо всем, кто пришёл сегодня, — произнёс он глубоким, мудрым голосом. — Я никогда не перестану удивляться щедрости моих подданных. Стоит лишь пустить клич

о помощи, как вы приходите и в очередной раз скрепляете наш союз цементом доверия. Благодарю вас за финансирование военной кампании против Стрелков, друзья. Благодарю. Без вас Синдиката бы уже не существовало.

Ответом стал услужливый смех. Тем временем, Карл продолжал, активно жестикулируя:

— Но сегодняшний бал не в честь наших солдат на Нижних Уровнях, сохрани их Господь. А из-за одного очень особенного человека, спасшего весь Старый Город. Встречайте, Джейсон Клэй!

Король улыбнулся во весь рот и захлопал, как маленький ребёнок. Ему вторили тысячи рук. Из-за портьеры в углу зала вынырнул высокий, переполненный острыми углами мужчина. Дэниел ожидал увидеть щуплого дрища, но герой площади Освобождения превзошёл все его ожидания. К королю шагал крупный, пышущий яростью и агрессией человек, чей взгляд бил острее пуль. Его руки словно были созданы для разбивания лиц и разрывания плоти.

«Из-за него погиб отец».

Коп озирался по сторонам, словно загнанное животное. Роско на секунду показалось, будто он сейчас прибьёт короля. Но мужчина встал перед Карлом, вытянулся по стойке «смирно» и уткнул взгляд в несуществующую точку на дальней стене.

Король принял из рук герольда красную коробочку, открыл её и вытащил наружу орден. Аккуратно прицепив его к груди Клэя, он повернул копа к толпе аристократов и сказал:

— Твой героизм — вдохновение для всех нас, Джейсон. Пожалуйста, скажи что-нибудь.

Альбинос поднял кулак ко рту и прокашлялся. Оглядев ещё раз аристократов, он начал:

— Я давно отвык от таких почестей. Может, не привыкал вообще. Но я вынужден был сегодня появиться. Старый Город разрывает война. Башня Правосудия начала операцию по зачистке окраин, солдаты Синдиката отправились на Нижние Уровни…

— Вот ведь сукин сын… — пробормотал некто за спиной Дэниела. Роско удивлённо обернулся и увидел стоявшего рядом маршала. Штрауд напряжённо наблюдал за Клэем, сжимая кулаки. Поймав взгляд Дэниела, маршал сказал: — А ведь говорил, что не придёт. Решил, значит, всем вечер испортить.

— Этого происходить не должно, — убеждённо заявил Клэй. — То, что сделали Стрелки… это было не случайностью. Я считаю…

Коп посмотрел прямо на Дэниела, и его глаза расширились. «Он знает меня? — подумал Роско. Шальная мысль пронзила

мозг. — А что, если он и есть убийца?»

Клэй резко сорвался с места, и Дэниел понял, что коп бежит к нему. Он попытался сделать шаг назад, но что-то уткнулось ему между лопаток. Аристократы вокруг заревели от ужаса и начали разбегаться. Дэниел обернулся. Перед ним стоял мужчина в красном мундире королевского гвардейца, сжимая нацеленную на Роско винтовку. Телохранители Дэниела потянулись за оружием. Слишком медленно.

Роско ускорился. Движения людей превратились в тягучий кисель из утилизатора, крики размыло в одну протяжную ноту. По всему телу разлилась боль — рановато Дэниелу было баловаться с имплантатами. Пересиливая нытьё в костях и сверлящий зуд в синтетических органах, Роско схватил ствол винтовки и потянул на себя, встретив лицо гвардейца локтём. Раздался противный хруст, челюсть бойца сломалась, голова откинулась назад. Куртку Дэниела испачкало кровью. Он вздохнул полной грудью и замедлился. Мир вернулся к привычной скорости.

Ноги перестали держать. Где-то вдалеке орал приказы король, но Дэниел их уже не слышал. В голове пронеслось: «Эта чертовщина сведёт меня в могилу».

— Нет! — заревел кто-то благим матом, но крик перекрыли выстрелы. В следующую секунду перед Дэниелом рухнули его телохранители, из ран торопливо текли багровые ручейки. Серембеш лежал ближе всего, со стонами пытаясь прикрыть дыру в груди. Гвардеец, что застрелил его, начал целиться в Дэниела. Но у Роско не хватало сил даже упасть на пол. Об ускорении можно было забыть.

Коп налетел на гвардейца, словно божье возмездие. Схватив ревущего бойца за пояс, мужчина сбил его с ног, а затем пнул в лицо. Будто этого казалось недостаточно, новоявленный герой сел на солдата и начал методично бить того затылком об пол.

— Назад! Стоять! — надрывался король, вынув из кобуры крупнокалиберный пистолет. — Клэй, прекрати!

— Позади! — заорал коп и одним скачком повалил Роско на пол. Пуля чмокнула, разорвав мужчине бицепс. Коп зарычал. Дэниел уже ничего не соображал, наблюдая за мечущимися фигурами. Он почувствовал, как синтетическое лёгкое наконец лопнуло. «Только внутреннего кровотечения не хватало».

Клэй схватил третьего гвардейца за руки, пытаясь отобрать ружьё. Солдат ревел, но оружие не отпускал. Лицо копа покраснело от натуги. Потянув бойца на себя, Клэй подсёк его и вырвал винтовку. Не успел гвардеец подняться, как коп пригвоздил его тремя выстрелами к полу.

Всё было кончено.

— Роско! Роско, как ты? — к Дэниелу подлетела Арден Карфилд, оглядываясь по сторонам. — Держись, чёрт тебя дери!

Коп, отбросив винтовку, присел рядом на колено. «Все разбежались, — подумал Дэниел и улыбнулся своим мыслям. — Только ты, да я, да мы с тобой».

— Малец, ты как? — спросил альбинос, сверкая глазами и тяжело дыша.

— Зачем… ты это сделал? — пытаясь перебороть боль, спросил Дэниел. «Не отключайся! Не смей терять сознание!»

— Твой отец сделал бы для меня то же самое, — ответил коп. Роско лишь ухмыльнулся в ответ.

«Но ты его не спас».

Тьма с радостью распахнула свои объятья.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: АНАФЕМА

10. Кривые зеркала

«Первая Война Домов научила нас не верить никому. И мы перестали верить даже себе»

Игнаций Тэлиен, «Из корпораций в королевство»

2 июня, 541 год после Освобождения

Сквозь электрическую пелену он вспомнил, что ему нельзя спать. Все его сны превращались в кошмары. Оскалившиеся черепа, осколки чужих воспоминаний и страданий. Ковры из лиц и горы выколупанных глаз. Змеи, сворачивавшиеся кольцами вокруг его пальцев. Тайрек, играя с револьвером, нагнулся над мальчиком лет шести и ласково проговорил:

— Ну же, не бойся, подойди!

Ребёнок боязливо хлопал глазами, маленькие руки растирали плечи, пытались согреть тело. Зелёный свитер с чёрными полосами перепачкался в саже. Тайрек ободряюще улыбнулся и протянул малютке ладонь. Мальчишка, дрожа, ответил на жест. Рука Тайрека взметнулась. Приставив ствол ко лбу ребёнка, сааксец нажал на спуск.

Грохот выстрела заставил вздрогнуть, откинуться назад. Тайрек вынырнул из омута воспоминаний. В покрывшемся трещинами зеркале виднелась Неми, одетая в длинный плащ и шляпу. Каштановые волосы переплетались в косу, разделявшую затылок. Девушка стояла рядом с трупом мальчика, её одежда багровела от крови. В весёлых зелёных глазах горела неистовая жажда убийства.

— Ещё один пошёл на счёт! — взревела она, переворачивая тело носком сапога и удаляясь из опустошённой комнаты. На полу валялось ещё два трупа — молодой солдат Синдиката и женщина, которую неоднократно изнасиловали, прежде чем убить.

Кто-то дёрнул Тайрека за плечо и потащил. Он заорал — чужая память впивалась в плоть, разрезала на части, отсекая огромные куски. Попытки бороться оказались тщетны. Чужая воля выталкивала его, пыталась выкинуть из сновидений.

«Мы делали то, что должны были. И за это нас предали».

Он узнал шёпот Неми. В темноте загорелись её зелёные глаза,

лицо застыло в скорби. Где-то рыдала женщина, в которую насильники засовывали битое стекло. Образы замкнулись, словно старый фильм на повторе, дубликат бесконечной череды копий.

«Каков диагноз, док?» — пробормотала вдалеке Мира.

— Неутешительный. Для нас точно. Для него — вряд ли, — услышал собственный голос Тайрек.

«Так значит, мы ему не нужны».

— Его потенциал превосходит все старые прикидки. О, если бы мне дали поработать с таким образцом десять лет назад! Ты только посмотри, как клетки его тела реагируют на сыворотку. Это немыслимо!

«Ты уверен, что в расчётах нет ошибки?»

— Абсолютно. Я использую тот же состав. Нужно больше времени.

«Хочешь сказать, поживём — увидим?»

— Если совсем грубо, то да.

«Он сильно отличается от Сафира?»

— Ещё как! И это меня беспокоит. Если бы ты дала мне заранее поэкспериментировать над ним…

«Ты сказал, что всё в порядке».

— Как видишь, нет. Сафира мы могли контролировать. Но его уже не удержим.

«Сафир не сумел бы воспользоваться кольцом».

— И то верно.

«Так значит, эффект просачивания не устранить?»

— Неизбежный исход. Рано или поздно, он узнает всё. Хочешь ты того или нет.

«Не значит, что я должна всё говорить».

— Тебе решать, не нам.

«Он пробуждается», — прошелестела Неми, обнимая Тайрека за шею. Глаза готовы были взорваться от недостатка воздуха. Спустя секунду он понял, что рука, держащая за горло — его собственная.

Молодой человек в куртке с капюшоном, орлом на спине и вышитыми на рукавах чёрными змеями, склонился над микроскопом. Палец потянулся к лицу и погладил усы. Рядом парила Мира, сложив руки на груди и сверля парня мраморным взглядом. Тайрек чуть не задохнулся.

На этот раз он был вне тела, и Неми крепко держала его, не давая вырваться. И не только она. Калли, Керн и Джаред хладнокровно вцепились в конечности сааксца, будто от этого зависели их не-жизни. Коул сидел в углу, уронив голову на колени. Тайрек зарычал, ощущая лучи тепла, согревающие кожу. Их испускал он сам.

Мира обернулась и крикнула:

— Скорее!

Паренёк в куртке выпрямился, и Тайрек увидел собственное лицо. Но под кожей проступали черты Гая. Усмехнувшись, франт снова погладил несуществующие усики. Он надел тело сааксца, накинул поверх своего, как плащ для выходной прогулки. Тайрек заревел и бросился вперёд, чувствуя, как разрываются призрачные оковы его спутников.

— Вы его у меня не отнимете! — крикнул он, набросившись на Гая. — Оно моё! Моё!

И оказался на полу, смахнув со стола микроскоп с пробирками. Несколько из них лопнуло, окатив брюки алыми брызгами. «Звёзды» окружили Тайрека со всех сторон и начали раздирать туманными пальцами.

Изображение дробилось, делилось, а затем воссоздавало себя. Сыпались и звенели зеркала. Образы и картинки просачивались с осколков, отражения норовили влезть ему в голову, остаться там и закрепиться навсегда. Вытеснить его без остатка.

— Это моё тело! — кричал Тайрек.

Кровавые пылинки покрывали глаза, забивались в рот и уши, полностью поглощали все чувства, топя их в алой дымке. Он вспомнил о джунглях, о сладком запахе болот, о горячем солнце. Улыбка матери напомнила осенний ветер, предвещающий дожди. Тайрек опустил взгляд и увидел, как маленькие змейки на кольце обретают изумрудный оттенок.

Реальность вздохнула и вернулась к норме.

«Я говорила тебе, что у нас мало времени», — отчеканила Мира, наклонившись к Гаю. Франт лишь пожал плечами и затянул потуже багровый бант на шее. «Вставай!» — приказала Мира Тайреку, и сааксец повиновался, взяв её за ладонь. Моргнув, он увидел свою руку, что держалась за стол.

«И снова я в мире иллюзий, — с лёгкой грустью протянул франт. — А я только вошёл во вкус!»

— Ты использовал моё тело, — почти прогавкал Тайрек. — Что ты, чёрт возьми, здесь делал?!

Он помахал левой рукой. Запястье стягивали бинты.

— Что это?

«А ты не помнишь? Мне пришлось удалить твой чип действующего гражданина. Ты же не хочешь, чтобы Синдикат нашёл нас? Вместо старого вшил другой — будет чем платить».

«Чей?» — хотел спросить сааксец, но не стал. Вместо этого он огляделся.

Треть комнатки занимал стол, похоронённый под исписанными листами с кучей графиков и схем. Чуть ли не на

каждой из них виднелись кольца. Стены покрывали старые, гниющие обои. Действующие граждане могли позволить себе голопроекторы вместо напрасного ежегодного перевода бумаги. Продавленный диван, чахлый, видавший ещё правление Коннорсов утилизатор, треснувший телевизор и обросший пылью терминал для входа в Сеть — все признаки дешёвого мотеля на окраинах. Не хватало только разбитого шкафа с чужими вещами.

«Не буду скромничать, — буркнул франт, — снова побывать в мире живых — ощущение, кружащее голову. Но за это время мы многого достигли. И я подтвердил кое-какие догадки. Тайрек, хочу сказать…»

«Ни слова больше», — предупредила Мира, сверкнув глазами. Тонкие губы женщины сжались в прямую линию — словно асистолия на электрокардиограмме.

Франт хмыкнул в ответ и отошёл в угол комнаты, где понуро сидел Коул.

«Ты что-то темнишь, Мира, — заметил Керн. Старый бандит горой двинулся на женщину, потирая кулаки в перчатках. — Что выяснил Гай? Мы ведь договорились не лгать друг другу».

«Нам нужно сконцентрироваться на деле», — уклончиво произнесла женщина, поправляя упавшую на лицо прядь волос.

«На каком ещё деле? — взвился старик. — Гай, говори, что хотел!»

«Успокойтесь все! — резко крикнула Неми, взмахнув руками. Её жестокое лицо снова стянулось, превратившись в маску. Старый плащ Стрелков куда-то пропал, оставив девушку в чёрной майке и солдатских штанах. — Нам нужно выслушать Миру».

«Именно, — поддакнул Джаред, поправив очки на переносице. — Из-за неё мы все здесь».

«Планы несколько меняются, — сообщила Мира. — Времени у нас не так уж и много».

«А значит?» — спросила Калли. Её рыжие волосы превратились в огненное пятно. От одного взгляда на языки пламени глаза Тайрека защипало.

«Мы должны добраться до короля», — резанула Мира, ударив кулаком по ладони. «Звёзды» молчали.

«Как, прямо сейчас?» — поинтересовался Джаред. Техник снял очки и начал протирать их, щуря глаза. Тайрек поймал его взгляд. Он увидел лес, покрытый снегом и льдом. Голых людей, сидевших на холодной землей. Все они замёрзли насмерть. Ледяные скульптуры из мертвецов покрывали целые гектары. «Это не место, — подумал Тайрек, — а состояние».

«Чем быстрее, тем лучше, — с раздражением ответила женщина. — Мы не можем затягивать».

«Эффект просачивания? — молвила Неми. Мира кивнула. — Проклятье. Я почувствовала, что он что-то увидел».

«Этого не должно было произойти», — тихо прошептал Коул, но его услышали все.

«Джаред? Сколько тебе требуется времени на подготовку?»

Техник пожал плечами. К «Звёздам» вернулись их глаза. И то, что Тайрек видел в них, ему не нравилось.

— Лгуны, — прошептал он. — Дело не в революции и не в том, что лучше для людей. Дело даже не в плане Корвуса, что бы порождение Эдема ни задумало. Вы сделали это, в первую очередь, для себя. Но стали марионетками Миры. Как и я.

«Ты увидел мои воспоминания?» — бесстрастно произнесла женщина. Остальные «Звёзды» замерли, их контуры стали расплываться и течь.

— Этого и не требовалось. Я дурак, что повёлся на твои сладкие речи. Я дурак, что поверил, будто бы тебе не всё равно. Но я не полный кретин.

«Что же, поделись тем, что надумал», — милостиво разрешил Джаред. Мира молчала, сложив руки на груди.

— Ты, — Тайрек ткнул пальцем в сторону женщины, — служишь королю. Или служила. Я сразу почуял неладное. Но сомневался до самого конца. Это просто не укладывалось в голове. Слова Говарда всё подтвердили. Контракт, так вы это называете? Уговор на вторжение. Король хотел, чтобы Стрелки напали на Старый Город — не знаю зачем. И он нанял тебя, Мира. Дал тебе новейшее оружие, деньги, а также время, чтобы подготовить самую большую шутку в истории Синдиката. Границы слишком крепки, чтобы голодранцы вроде Стрелков могли их прорвать. Нет, без помощи изнутри это невозможно. Карл дал вторжению случиться. Именно поэтому нам не помешали ни спецслужбы, ни полиция. И чтобы всё было убедительно, вы взяли меня, ни о чём не подозревающего синегубого, на которого так легко повлиять! Байка про отца и кольцо — и я полностью ваш! А всё потому, что Синдикат не мог напрямую доставлять винтовки своим противникам. Нужен был посредник. Я и контрабандисты. К тому же, кто у нас лучший козёл отпущения, как не сааксец? Но он не ожидал, что ты предашь его, Мира.

«Заткнись, — проскрипела женщина. Сделав несколько быстрых шагов, она встала вплотную к Тайреку и схватила его за шиворот. — Заткнись, сука. Ни слова больше».

— Что, задел за больное, предательница? — ощерился Тайрек. И через секунду полетел на пол, чувствуя, как в мозг будто впились когти.

«Я уничтожу тебя! — прошипела Мира, держа его за голову. — Сотру все твои воспоминания! Ни следа не останется! Никто, ни один говнюк не вспомнит, что ты вообще существовал! Ты сдохнешь, как собака!»

Тайрек лежал на полу, чувствуя усиливающееся давление. Он зарычал, пытаясь сбросить женщину с себя, но она не давалась. Мозг готов был лопнуть. Сааксец через силу засмеялся в лицо взбешенной Миры и произнёс:

— Тише, девочка. Убьёшь меня — и все твои планы пойдут крахом, забыла?

Джаред осторожно подошёл к женщине и положил руку ей на плечо. На лбу Миры пульсировала жилка. Тайрек даже не представлял, что она способна на такую ненависть. Что же, мертвецы никогда не лгут. Убрав руки, Мира поднялась на ноги.

«Маленький ублюдок, — проскрипела она. — Кусок лицемерного говна. Ты ведь всю жизнь ждал этой возможности, и я её тебе дала. Ты же жаждал любого оправдания, чтобы убивать людей. Синдикат хочет твоей смерти — чего тебе ещё нужно?!»

— Я обожаю войну, — признался Тайрек и сам удивился собственной честности. — Но вы и понятия не имеете о чести.

«Сказал Багровый Штык», — фыркнул Гай. Тайрек проигнорировал его.

— Если вы собирались воевать, то должны были биться до последней капли крови, а не прибегать к подлым уловкам. Добраться до короля? Какого чёрта? Достаточно было спустить Стрелков с поводка и дать им завершить начатое!

«Отступление было самым разумным решением», — произнёс Джаред.

— Разумным? Ха! Стоило вам сказать, и они пошли бы до конца. Пусть вы и предали короля, — на этих словах Мира дёрнулась, но сдержалась, — но уж предавали бы тогда до конца, а не удовлетворялись полумерами. Я не знаю, кто такой Корвус, и сомневаюсь в благородстве его целей. Все эти разговоры о спасении Города звучат слишком патетично. Вы меня купили такими же словами. Знаю лишь, что он хочет свергнуть не короля, а самого Освободителя. А значит, Мира, ты не просто предательница. Ты спуталась с настоящим ересиархом. Антихристом, как говорят в Союзе. Или… как таких называют в Божьем Порядке?..

«Ложным пророком», — подсказал Джаред.

«Я больше не могу выносить эту чушь, — бесцветным голосом произнесла женщина. — Неми, Калли, взять его».

Стрелки повиновались. Тайрек вздумал сопротивляться, но тщётно. Оковы стали в десятки раз крепче, чем до этого, и так

просто их уже не разорвать.

«Гай, как там наш общий друг?» — поинтересовалась Мира, повернувшись к франту.

«Надо бы проверить. Процесс должен был уже закон…»

Спокойный размеренный гул окраин разорвал грозный голос:

— Внимание, граждане общего блока D! Говорит полиция! Приготовиться к учёту населения! Любые нарушители будут расстреляны на месте!

Тайрек бросился к окну. В паре кварталов от мотеля, по улице, зажатой жилыми домами и магазинами, двигалась колонна бронированных автомобилей.

«Проклятье! — Гай заметался на месте. — Почему так рано?! Обещали же не раньше семи вечера…»

«Вот и верь информационным брокерам, — мрачно заключила Мира. — Но я говорила, что нечего всё оставлять на последний момент! Начинаем прямо сейчас. Как там модули?»

«Почти готовы, — пробормотал Гай, притрагиваясь к ящикам стола. — Нужно лишь немного времени на калибровку…»

«А его у нас нет! Тайрек, нам нужна твоя помощь!»

— Отсосите, — бросил сааксец, отходя от окна и скрещивая руки на груди. — Я устал от ваших игр.

«Что же, раз так, не обижайся. Коул, мать твою, поднимайся, нам нужны твои способности!»

Зубастик поднял лицо. Голубые глаза вернулись на место, но опухли и слезились, будто телохранитель всё это время проплакал.

«Мы все грешники, — прошептал он. — Это… неправильно!»

Одним рывком Мира оказалась возле Коула, схватила его за воротник, а затем толкнула к Тайреку. Сааксец крикнул от неожиданности — и понял, что у него снова отняли тело. Коул оказался в шкуре сааксца. Пока телохранитель осматривал руки, шокированно гримасничая, Тайрек готов был взвыть от бессилия.

«Вы забрали его! Забрали моё собственное тело!» — бушевал он. Мира лишь пожала плечами.

«Я предлагала тебе действовать по-хорошему. Но ты выбрал трудный путь».

— Я снова жив, — прошептал Коул, сжимая пальцы в кулак.

«Ненадолго, — процедила Мира. — Шустрее, в ванную!»

Тело Тайрека ринулось по коридору, и сааксца потянуло следом. Он пытался сопротивляться, но его словно привязали невидимой верёвкой. Коул в коже сааксца стал новым центром вселенной, а Тайрек лишь нарезал круги вокруг.

Распахнувшаяся дверь выпустила смрад мёртвого тела. В ванне в лужах крови лежал мужчина, исколотый столько раз, что

его не спас бы даже Медцентр. Тайрек заметил, что левое запястье трупа разрезано. «Так вот у кого Гай взял чип».

На лице мертвеца сидела маска, слепленная то ли из силикона, то ли из настоящей кожи. Она в точности повторяла все грани и черты умершего. Одним рывком Коул сорвал её, а затем начал заливать тело жидкостью из стоявшей на полу канистры. С шипением тело расплывалось и съёживалось. Лужи крови покрывались пеной и испарялись.

«Кто это?!» — потрясённо вопросил Тайрек.

«О, а ты не помнишь?» — протянул Керн.

«Как я и предполагал, последовали обширные нарушения в кратковременной памяти, — пробубнил Гай. — И неизвестно, как долго они продлятся».

«Спасибо за замечание, док», — буркнула Неми.

«Этот парень был вигилантом, — продолжил Керн. — Увязался следом. Наверное, увидел твою физиономию на постерах и решил отследить. Мы привели его прямо сюда, к мотелю, а затем устранили. Сам понимаешь, нужен был свежий труп, не тронутый охотниками за органами».

«Мы смоделируем его внешность, чтобы избежать преследования хотя бы на некоторое время, — сказала Мира. — Коул у нас мастер работы с Сетью — может взломать базы и пробить данные мертвеца. Иначе никак. Тебя ведь объявили террористом номер один, Тайрек. Можешь гордиться».

«Вы могли его просто утилизировать», — убеждённо заметил Тайрек.

«Такой большой приток материала на счёт — слишком подозрительно, — ответил Джаред. — А искать частников у нас мало времени».

«И как вы всё это время скрывались?»

«Ты и сам прекрасно знаешь, сколько для этого возможностей на окраинах. Но полиция начала полномасштабную операцию по твоей поимке. Они и так достаточно откладывали».

«Недолго вам на свободе бегать», — хмыкнул Тайрек.

«Это мы ещё посмотрим. Если полицейские схватят нас, не жди долгого суда. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя расстреляли на месте? Надеешься, что кто-то извлечет голоса из твоей головы, и можно будет вернуться к обычной жизни, я права? Суицид уже не кажется такой хорошей идеей…»

«Если понадобится, — сказал Тайрек, — я сделаю всё, чтобы остановить вас».

«Уж себе-то не лги».

Если бы Тайрек мог, он бы сглотнул — но иллюзорная оболочка этого не позволяла. Мира видела его насквозь. Что же,

придётся немного посодействовать «Звёздам», пусть и не хочется.

Тем временем Коул вернулся в комнату и припал к утилизатору, положив фальшивое лицо рядом. Пусть на вид оно и напоминало обычное, Тайрек ощущал его крепость. Не кости черепа, но сойдёт.

Коул активировал интерфейс утилизатора.

— Как же тебя зовут, мой мёртвый друг?.. — прошептал он, второй рукой вытаскивая из ящиков стола небольшие чёрные коробочки.

Из окна, через которое лился неоновый свет вывески стрип-клуба, послышался звон и писк.

«Они задействовали сканеры!» — крикнул Гай. Коул лихорадочнее заработал руками.

— Три секунды, — сказал он, прислонив запястье к утилизатору. Ниже этажом слышались крики и треск ломаемых дверей — полиция особо не церемонилась с жителями окраин. Прогремело несколько выстрелов.

— Давай, давай! — умолял Коул. — Гай, чип не работает! Ты повредил схемы!

«Не может того быть. Подержи дольше и не паникуй».

Коул снова прислонил запястье к считывателю, и на этот раз утилизатор одобрительно пискнул.

— Есть! У нас его счёт и личные данные.

Коул раскрыл чёрные коробочки, что вытащил из ящиков, и вытряхнул содержимое на стол. Им оказались два фальшивых глаза и голосовой модулятор — Тайрек видел такой у Делмара на полке. Свист за окном приближался.

«Коул, быстрее!» — прокричал франт.

— Я стараюсь, — огрызнулся телохранитель и кинул быстрый взгляд на маску. — Эта хрень себя не оправдает! Сканеры ею не обмануть!

«Просто делай, что нужно».

Стекло за спиной разлетелось во все стороны, и Тайрек обернулся. В окно, будто морок, вплыло несколько небольших шаров. Из них наружу выползали острые щупальца, подрагивая, пробуждаясь от глубокого сна. Конечности тянулись к Коулу, как верующий тянется к спасению.

«Скорее!» — заорал Тайрек. Телохранитель Миры вставил в маску фальшивые глаза и, откинув капюшон, натянул её на голову. Затем с размаху закинул в рот голосовой модулятор. Шум статики разорвал воздух, и Коул закашлялся. Шары, до этого беспорядочно двигавшиеся по комнате, замерли.

— Идентифицируйте себя, гражданин! — дребезжащий голос из шара напоминал стальной клинок, врывающийся в плоть.

Сканеры окружили тело Тайрека, щупальца потянулись к лицу. Так значит, Эдем прислал свои глаза на помощь полиции. Даже находясь вне собственной шкуры, даже прячась под толстой маской, сааксец почувствовал холод железа, ощупывающего и изучающего каждый миллиметр его лица.

— Меня зовут Конрой Фелпс, — пробормотал Коул глубоким басом. — Личный идентификационный номер — двести пятьдесят четыре-дробь-зетта-гамма…

— Анализ черт лица… глаз… голоса… закончен. Совпадение — восемьдесят пять процентов, — возвестил один из сканеров. Тайрек почти что физически чувствовал сущность твари. Дотянись рукой — и сможешь прикоснуться. Он бы назвал это душой, если бы верил, что машины могут жить. Технологии Эдема вызывали в Тайреке неприятное чувство, словно кто-то позади смотрит тебе в затылок. Одно их присутствие заставляло сааксца нервничать. Как будто сама реальность кричала, что её извращают. Но сейчас всё придёт в порядок — машины уйдут.

И тут шар испустил пронзительный визг и заметался.

— Внимание, внимание! Сканирование правого зрачка недействительно!

«Проклятье! — взвыла Мира. — Почему я не догадалась, что его правый глаз — аугментический?!»

— Совпадение — сброс до пятидесяти пяти процентов! Требуется дополнительный анализ. Гражданин, любое неповиновение будет немедленно пресечено!

Два шара схватили щупальцами руки Коула и вытянули их вперёд, в то время как третий выдавил из собственно корпуса длинную иглу. Телохранитель попытался дёрнуться, но сканеры усмирили его кратковременными ударами тока. Тайрек сжался, но боли не почувствовал — её полностью принял на себя Коул.

Игла пронзила вену на левой руке, и по прозрачному щупальцу побежала кровь.

«Провал, — произнесла Мира. — По крови они определят, кто ты. Придётся прорываться с боем».

Сканер зажужжал, заурчал. Он напоминал пса, которому бросили вкусную кость. Керн и Мира напряглись. «Готовятся занять место Коула в моём теле», подумал Тайрек.

В коридоре слышался топот. Через какие-то десять секунд дверь распахнулась, выбитая могучим ударом ноги. В комнату ворвался полицейский в бронежилете, рыская дробовиком в поисках целей. Из-под визора шлема-маски виднелось бледное лицо и глаза перекачанного боевыми стимуляторами психа.

— Всё чисто! — возвестил он. Следом в обитель Тайрека пробилось ещё три человека. Большие, железные, тупые. Один,

что был с нашивками сержанта, присвистнул:

— Да тут у нас гений математики, так его и растак!

Он схватил со стола листы с чертежами и бросил их на пол. Коул лишь молча покачивался в объятиях сканеров. «Его личность отключилась», — понял Тайрек. Шары тоже предпочитали соблюдать тишину. Коп стукнул одну из машин кулаком, и та резко ожила.

— Сканирование завершено! Личность не подтверждена! Конрой Фелпс, идентификационный номер — двести пятьдесят четыре-дробь-зетта-гамма. Внимание: след физического лица отсутствует в банке данных. Рекомендуется личный допрос.

Шары всосали щупальца и разлетелись в разные стороны, оставив Коула в окружении копов. Сержант поднял забрало и демонстративно сплюнул.

— Незарегистрированный гражданин? Колешься? — грозно спросил он.

Тайрек всматривался в каждую черточку на лице копа и гадал, сколько же ублюдок принял доз «солдатской радости», прежде чем вывалиться из казарм в поле.

Коул продолжал молчать. Кинув взгляд на Миру и Керна, Тайрек понял: они не могут занять его место. Зубастик словно превратился в мертвеца, навалившегося на рулевое колесо.

«Не получается…», — кряхтела Мира, нарезая круги у тела. Лицо Керна превратилось в тучу. И тогда Тайрек выступил вперёд.

Тело вздрогнуло, когда его личность вернулась внутрь. Словно захлопнулась входная дверь, принимая хозяина внутрь.

— Колюсь ли я? — весело переспросил Тайрек. — Ещё как, офицер. Но только, чур, модельными! Я же не дурак какой-нибудь. Хотите, с вами поделюсь? Совершенно безвозмездно!

— Быстро ухватываешь, — хихикнул полицейский. — А есть чё?

— Да вон там! — Тайрек показал в сторону ящиков стола. Воспоминание — он не мог понять чьё — подсказало, что там будет приз. Стоявший рядом коп открыл их и вытащил наружу несколько ампул с инъектором. Сержант довольно хрюкнул:

— Люблю работать с такими людьми. Никаких проблем.

— Да какие вопросы, офицер. Удачного вам дня. Если что понадобится, вы знаете, где меня искать.

— Всего хорошего, гражданин. На сегодня отделываетесь устным предупреждением.

Перекидываясь шутками и подколами, копы покинули комнату. Тайрек подождал, пока их шаги стихнут дальше по коридору, и ринулся наружу, по пути столкнувшись с задумчивой

горничной, собиравшей в мобильный утилизатор убитого клиента. Мотель своей выгоды не упустит, хоть это и вразрез с официальным протоколом.

«Что это было, чёрт возьми?!» — спросила Мира, пока Тайрек прорывался через улочки и дворы к кварталам увеселений.

— Это, Мира, психология наркоманов.

«Ты ведь не знал, что это сработает», — буркнул Керн.

— При всём уважении, я думал, бандиты лучше знакомы с окраинами. Похоже, ты слишком отдалился от народа. Абсолютно все патрульные окраин крепко сидят. Просто нужно понять, на чём.

«Что же, отличный ход. Но почему сканеры не распознали тебя?»

«Я же говорил, — сказал Гай. — Дело в крови».

Тайрек бросил взгляд на женщину и впервые увидел в её глазах испуг.

«Проклятье, — прошептала она. — Что же теперь делать?»

— В смысле? — спросил Тайрек. — Ты не знаешь? Я думал, ты у нас главный планировщик. А как же вариант «добраться до короля»?

«Теперь это исключено», — поникла Мира.

— Ага. Я понял, — засмеялся Тайрек. — Все твои действия диктовал Корвус. А раз его теперь нет, вы не знаете, куда податься. Что же, раз ни у кого идей нет, то я предлагаю свою — мы идём в Информаторий и через все доступные каналы, радио, через всю Сеть распространяем правду о вторжении. Люди должны знать. Разве же не этого вы добиваетесь?

«Всё-таки ты идиот, — устало протянула Мира. — Если бы тебе сказали, что король чуть не потерял Старый Город по собственной же просьбе, ты бы поверил?»

«Мира, а он прав! — вмешался Джаред. — Мы можем вернуться к источнику. И там будут все ответы на вопросы».

— Это значит, нам не придётся снова драться? — поинтересовался Тайрек.

«Хорошо, — ответила Мира. — Отправляемся в Центр, прямо сейчас».

* * *

Тайрек задыхался от духоты переполненного вагона, хоть в его теле и находился другой человек — Коул очнулся и снова взял контроль. Саакса не покидало ощущение, что где-то он уже это видел. Реальность всё больше и больше напоминала давно

забытый кошмар, воплотившийся в жизнь. Лица прохожих смазывались, превращались в забытые портреты. Пролетающие за окном рекламные экраны мигали заброшенными морскими маяками.

От людей, набившихся в поезд монорельса, отчётливо пахло страхом. Тайрек чувствовал это как никогда раньше. Страх мигом сбросил с них всю выхолощенность. Куклы, переполненные электроникой и аугментикой, запертые в своей коже, дрожащие от холода, что приносит им собственный пот. Вторжение Стрелков напомнило всем, что они не бессмертны. Любой может умереть. Когда-то Тайрек воспринимал это чувство как должное. Но не сегодня.

«Звёзды», собравшись в кружок, напряжённо переглядывались. И без того бледная кожа Миры стала совсем прозрачной. Гай летал рядом, соблюдая с женщиной зрительный контакт. Тайреку казалось, будто они говорят. Но не мыслями, а воспоминаниями.

Коул встал вплотную к молодой девушке с сумочкой, — благо, теснота в вагоне позволяла, — и вдохнул аромат её волос.

«Как же хорошо быть живым», — мысленно произнёс он, делая вторую затяжку.

«Вот ведь грёбаный извращенец. Все вы, мужики, такие! А ну отойди от неё!» — крикнула Неми.

«У меня две недели женщины не было!» — попытался оправдаться зубастик.

«Я уж думала, ты в депрессию впал, — фыркнула Калли. — Как говоришь? Мы все грешники?»

Коул понурился и сделал шаг назад. В спину больно ткнулся чей-то острый локоть.

«То, чем мы занимаемся, ни к чему хорошему не приведёт».

«Ты знал, на что подписывался», — прозудела Калли.

«Нет, не знал, — неожиданно подала голос Мира. — Я ему не верила. И правильно делала».

«Что? — в сердцах вопросил Коул. — Как это так? Мне известны все детали плана!»

«Ни в коем случае, — отчеканила женщина. — Думаешь, я не догадывалась о твоих намерениях? Ну и кому ты понесёшь мою память, а?»

«Я…» — подал голос телохранитель, но Мира его оборвала.

«На самом деле, поэтому я тебя и оставила в группе. Твоё… хех, „предательство“ может сыграть нам на руку. К тому же, трудно найти способности, как у тебя. Они того стоили».

«О чём это ты? — спросил Керн. — Опять темнишь, женщина!»

«Этот придурок думал, что сможет украсть мою память. Но мы с Джаредом всё продумали с самого начала. Если правда попадёт в руки хорошему клиенту, это только поможет нашему делу. А уж если таким клиентом окажется полиция, мы вообще будем в ажуре. Из-за этого я и отпустила его. Ты ведь даже не подозревал, что стояло за нашей небольшой операцией, не так ли?»

Коул выглядел так, будто сейчас заплачет.

«Будьте вы прокляты! — бросил он. — Вас всех ждёт кара!»

«Я и подумать не могла, что ты окажешься таким набожным, — хмыкнула Мира. — Но теперь ты под нашим контролем, дружок, и уже ничего не сделаешь».

«Добро пожаловать в клуб», — возвестил Тайрек и почувствовал, как его тянет вниз.

«На, подавись!» — крикнул зубастик, и сааксец снова оказался в собственном теле.

«Не смей! — заорала Мира. — Керн, за него, быстро!»

Не успел Тайрек заново обжиться, как его повторно выкинуло. Тело расправило плечи, а глаза приобрели стальной оттенок. Странно было видеть пожилого бандита в такой тщедушной оболочке.

«Прекратите, пожалуйста! — попросила Калли, волосы разгорелись как никогда ярко. — Нам нужно действовать сообща! Мира, ты ведь об этом сама всё время талдычила!»

«Это вопрос доверия», — ответила женщина, держа дрожащего Коула за шиворот. Тайрек подплыл ближе, пытаясь всмотреться в его глаза, но не увидел в них ничего. Это его обеспокоило.

«Ты обманула меня», — ответил телохранитель.

«А ты предал нас, хоть и клялся, что верен делу», — парировала Мира и бросила Коула в окно вагона. Телохранитель пулей вылетел наружу и с криками исчез где-то позади.

«Он вернётся, — пообещала Мира Тайреку. — Мы друг от друга теперь никуда не денемся».

«Информаторий, — холодно произнёс Тайрек. — Что тебе там нужно?»

Женщина засмеялась, развернулась на месте и исчезла в другом вагоне. В воздухе остался след её иллюзорного тела. Сааксец снова почувствовал запах духов. Лицо пожилого аристократа возникло в его воображении, но черт лица Тайрек разглядеть не смог. Чужие воспоминания снова вливались в него — но чьи?

Тайрек сел на пол поезда, скрестив ноги. Керн в его теле стоял не шелохнувшись. Неми и Калли пристроились рядом,

Джаред и Гай ушли вслед за Мирой. За окном вагона мелькали жилые блоки, филиалы Медцентра, универмаги, столовые и здания рекрутинга, жадно всасывающие людей. Громадная голографическая женщина рекламировала израненному Старому Городу новую зубную пасту. Половина её лица отсутствовала, срубленная отказом оборудования.

«Ты убила ребёнка, — сказал Тайрек бесцветным голосом. — Зачем?»

Неми с усталостью посмотрела на него и похлопала по плечу, будто ожидая такого вопроса.

«А ты как думаешь? — спросила она. — Калли, помоги ему, если что».

Калли обиженно сжала губки, волосы её потухли и превратились в обычную рыжину. Тайрек оглядел девушек-Стрелков. Они были на целых пять лет младше него, ещё даже не достигли совершеннолетия. Но по глазам он видел, что испытаний им выпало не меньше, чем Багровому Штыку.

«Это всё война, не так ли? — сказал Тайрек. — Я тоже наделал кучу плохих вещей, о которых, порой, жалею. Хотя отрицать не буду — мне нравилось убивать. Но я имел дело с солдатами. А Мира мочит гражданских и останавливаться не собирается».

«Цель оправдывает средства, — ответила Неми. — Мы бы не были Стрелками, если бы так не считали».

«Когда-то, — добавила Калли, метнув сухой взгляд на подругу. — Мы больше не принадлежим Гильдии. Мы изгои, нарушители Кодекса. По нам скучать никто не будет».

«Это Говард нарушил Кодекс, а не мы! — повысила тон Неми. — Проклятый лгун и предатель заклеймил нас преступниками, хотя главный преступник он сам».

«Что он сделал?» — допытывался Тайрек.

«Торговал с пограничниками Синдиката, — устало протянула Калли. — В этом нет ничего особенного…»

«Вы торговали с врагом?!»

«Без помощи пограничников мы не получили бы многих вещей, — протараторила Калли. — Это был взаимовыгодный союз. Синдикат давно уже забыл о них, солдаты просто жили на Пятом Уровне со своими семьями. Мы не были врагами…»

«Неужели ты забыла? — прошипела Неми. — Забыла, из-за чего всё началось? Скажи, любимая, неужели твоя память настолько коротка?»

«Прекрати, — попросила Калли. — Мы мертвы. Больше нечего терять. Важно сосредоточиться на цели».

«Я умирала не для того, чтобы всё оставить как есть, —

ответила Неми. — Говард спутался с противником. Тогда ещё мы с Калли были подчинёнными мастера Сэта, состояли в его секции. Никто в Гильдии не умел обращаться со взрывчаткой так, как мы. Изнеженные синдикатовцы получали ингредиенты из утилизатора. Мы взрывали людей бомбами, что собирали из мусора по углам. Однажды мне выпал шанс напасть на врага — и я им воспользовалась. Собрала отряд из вооружённых до зубов ветеранов, организовала диверсию и атаковала аванпост пограничников. Мы уничтожили всех ублюдков и вырезали их семьи. Но Говарду это не понравилось. Говард объявил, что мы нарушили Кодекс, ослушавшись приказа — он строго приказал не убивать солдат. А ведь заветы гласят, что мы должны поступать по справедливости. Те уроды заслужили смерти. Каждый из них».

«Не начинай», — сказала Калли, покачав головой. Неми вспыхнула:

«Почему ты постоянно защищаешь их? Сколько бы мы ни говорили, ты всегда на стороне Синдиката! Будто бы ты не на Нижних Уровнях родилась, а в Старом Городе!»

«Мы должны были простить их, — со слезами в голосе возразила Калли. Казалось, её веснушки побледнели вместе с лицом. — А ты убила всех. Даже детей. Они-то были при чём?! Разве ты не видишь, во что мы превратились?! Скольких невинных мы подорвали ради иллюзии о свободе?»

Неми сжала зубы и сконфуженно погладила косу на затылке.

«Ты сама сказала: теперь мы мертвы. Всё это не имеет значение. Но без веры в справедливость… без неё я никто», — прошептала она. Калли не ответила. Поднявшись на ноги, она просто растворилась в воздухе. Как бы далеко она ни собралась, от тела ей оторваться всё равно не получится.

«Значит, вы не с Говардом, — подытожил Тайрек. — Какое у нас отличное собрание изгоев и отщепенцев получается. Неужели Мира сманила вас одной лишь местью?»

«Не только. Она пообещала свободу, настоящую свободу. За пределами этого злополучного Города. Мир для всех. Безграничные просторы. Ты можешь себя это представить?»

«Ты забыла, с кем говоришь? — усмехнулся сааксец. — Конечно, могу».

«За такое не только свою, но и чужую жизнь отдать не жалко», — выдохнула девушка. Поезд начал тормозить перед очередной остановкой, и тело Тайрека бросило в сторону.

— Сорок Третий Сектор, Информаторий, — возвестил женский голос.

Мира, Джаред и Гай вынырнули из другого вагона. На лице женщины читалась непоколебимая решимость.

«Сегодня мы идём до конца, — возвестила она. — Вы готовы?»

Неми поднялась и кивнула. Керн тоже. Прозрачной иллюзией обратно приплыл Коул.

— Я с вами, — обречённо произнёс он.

Двери вагона открылись, и бесконечное море людей вылилось наружу, унося с собой тело Тайрека. Обеспокоенные лица, жующие и грызущие рты, испуганные взгляды — он видел всё и не видел ничего. Прохожие превратились для него в огромную, бессмысленную серую массу. Пока они боятся, но скоро страх превратится в гнев. Вторжение не научит их ничему и останется в памяти как очередная порция ненужных страданий и боли.

«И зачем я сопротивляюсь Мире? — подумал Тайрек. — Первенцы всегда были моими врагами. Пусть умирают, какое мне дело?»

Керн в его теле осматривал прохожих. Его взгляд натолкнулся на женщину, обнимающую маленькую девочку. Та смотрела на сааксца в маске с искренним любопытством и неуверенно улыбалась. Бандит помахал в ответ. Увидев это, женщина схватила ребёнка и растворилась в толпе, бросая назад полные ужаса взгляды.

«Ты поклялся, что не станешь такими, как они. Невинные не должны страдать. А Мира будет убивать — хоть детей, хоть стариков. Будет убивать, пока не навяжет всем свой бред». Ему вспомнились расстрелянные Симеоном гражданские. «Нет. Я должен остановить её. Пусть даже ценой своей жизни».

Поток толпы бросил Керна на эскалатор и с огромной скоростью вынес наружу, к выходу со станции монорельса. Люди расходились в разные стороны, как расходятся круги от упавшего в воду предмета. Оказавшись на небольшой площади перед станцией, Керн поднял голову и Тайрек последовал его примеру. Десятки тысяч экранов покрывали высокое круглое здание, упиравшееся макушкой прямо под потолок Уровня. Паутиной сооружение окутывали кабели и провода.

«Одни умники считают, что если долго смотреть на Информаторий, то можно увидеть отражение Бога», — хихикнул Гай. И правда — перед зданием расположились сотни паломников. Кто-то сидел на квадратных ковриках, кто-то на пустых ящиках, кто-то даже на старых, вышедших из употребления инвалидных колясках. Объединяло их одно — все они безотрывно наблюдали за передачами, фильмами, презентациями и конференциями, что лились тухлым потоком с экранов. Свет выводил причудливые фигуры на их лицах. Бесконечные отражения переживаний несуществующих героев,

патетика насквозь гнилых журналистов — всё это терялось в океане веры. Превращалось в нечто ценное. Своим присутствием люди сделали место святым.

На Тайрека что-то капнуло. Керн погладил пальцами плечо и растёр жидкость. Алая бурда — нейтральная масса, прогоняемая по трубопроводам утилизаторов. Похоже, потолок начал потихоньку трескаться.

«Будто Старый Город истекает кровью», — подумал Тайрек.

«Надо двигаться дальше», — подсказала Мира, и Керн начал пробиваться через паломнический городок. Верующие не возмущались, когда бандит толкался или наступал на них. Их поглотила совершенно другая реальность, лучший мир, сотканный сюжетами сотен кинокомедий и ужасов.

Где-то неподалёку слышался визг, грохот и крики. Под вывеской пафосного ресторана «Барракуда» полицейский пытался утихомирить буйную посетительницу. Женщина с высоким ирокезом и в потрёпанной куртке с шипами мутузила копа кулаком, пытаясь вырваться из стальной хватки.

— Тираны! Ублюдки! — орала она. Вокруг постепенно собирались зеваки. Всё больше действующих граждан стягивалось вокруг протестующей дамочки. Тайрек заметил у некоторых оружие.

— Оставьте её в покое! — прокричал мужчина в красной куртке, его аугментические глаза светились маленькими взрывами.

— Убирайтесь обратно в Башню!

— Я работаю на Синдикат! Я не должна мириться с вашим дерьмом! — визжала женщина, продолжая отбрыкиваться от полицейского.

— Это просто рутинная проверка, мэм, — втолковывал коп, надёжно спрятанный под защитными слоями бронежилета. — Вы прекрасно знаете, что без этого не обойтись. Просто протяните запястье!

— Пошёл в задницу! После вторжения, значит, всё можно?! — завопила женщина и плюнула на копа. Тот лишь пожал плечами и одним могучим ударом вырубил её. Кто-то из посетителей ресторана вскрикнул, все повскакивали со стульев и Тайрек услышал щелчки взводимых курков — граждане приготовились защищать свои права.

— Всем стоять на своих местах! — раздался громогласный голос над головой.

Над рестораном зашныряли сканеры, а к месту конфликта подтягивались, гремя снаряжением, патрульные отряды полиции, вооружившиеся будто бы к новой Войне Домов. Керн двинулся

дальше, даже не обратив на копов внимания. Тайрека потянуло следом, и он так и не узнал, чем всё закончилось.

Чем ближе Керн подходил к Информаторию, тем сильнее сааксец понимал, что затея невыполнима. Кроме паломников и густой толпы прохожих, появилась более насущная проблема. Возле входа прохлаждались синие и серые пятна — копы с солдатами. Вооружённые до зубов, злые, невыспавшиеся, накачанные стимуляторами и остро жаждущие хорошего экшна. Припаркованные бронемашины образовывали баррикады. Требовалась целая армия, чтобы пробиться внутрь.

«У нас есть кое-что получше, чем армия, — произнесла Мира. — Керн, два квартала на восток. Пересечение Картайской и Вагнера. Переулок возле кафе».

Бандит кивнул и снова растворился в толпе, прежде чем кто-то заметил его. Тайрек слегка позавидовал старому хрену. Керн мог исчезнуть у всех на виду. Сааксцу для этого требовались джунгли.

В переулке рядом с громадным ящиком уличного утилизатора влачила жалкое существование куча тряпья. Стоило Керну приблизиться, как она ожила.

— Сэр, пожалуйста, не выдавайте меня копам! Я не хочу обратно в Приют! Я уйду, клянусь!

Тайрека передёрнуло. Вместо жизни в Приюте, постоянной еды и крыши над головой, бездомный выбрал улицу и разорение уличных утилизаторов для мусора. Но Тайрек не мог его винить. Приют оставил мало хороших воспоминаний — хотя, казалось, после войны всё покажется раем.

— Пшёл отсюда, — мирно гаркнул Керн, и бомж исчез, торопливо собрав немногочисленные пожитки. Убедившись, что никого больше в переулке нет, Керн спросил:

— Здесь?

«Отодвинь утилизатор в сторону. Под ним должен находиться люк».

Керн приналёг плечом на ящик и без особых усилий убрал его с пути. Тайрек даже удивился. Он и не подозревал, что в его теле может быть столько силы.

«Видишь мини-панель? Набирай: двести сорок один, девяносто восемь, семьдесят пять, альфа-гамма, сорок три».

Люк зашипел и отодвинулся в сторону, приглашая Керна внутрь. Вниз вели скобы, вбитые в стену. Бандит схватился за них и осторожно начал спускаться.

Внизу царила сырость. Ботинки чавкали в густом потоке серой воды — эрзаце болот, ставших Тайреку во время войны чуть ли не домом.

Вдоль стен шли десятки толстых труб. Через каждые двадцать метров виднелись синие панели, отображающие графики и диаграммы.

«Что это?»

«Мы в старом техническом туннеле. Здесь идут трубы утилизации, по которым Синдикат качает переработанные гражданами материалы. Ведётся строгий учёт, иначе ресурсы разворуют только так. Ты даже не представляешь, как сложно устроиться техником на такое место. Всё твое прошлое перекопают, прежде чем пустят к кровеносной системе Старого Города».

«Мы здесь не наткнёмся на кого-нибудь?» — поинтересовалась Неми.

«Кто знает, — протянула Мира. — Туннель не использовали около пяти лет. Он, считай, почти заброшен. Идём».

Керн достал из кармана коммуникатор и надел его на руку, включив режим подсветки. Еле живой синий луч пронзил сумерки, показав извилистую дорогу, по которой тут же двинулся бандит.

Слушая указания Миры, через какие-то десять минут Керн наткнулся на закрытую железную дверь.

«Позволь мне», — произнёс Джаред. Керн выплыл из тела Тайрека, и техник занял его место. Ощупав дверь, он хмыкнул:

— Чуть сам не забыл, где оно.

Под маленьким квадратным окошечком оказалась ещё одна панель. Джаред быстро набрал нужный код и протяжный скрип возвестил, что дверь открылась. Толкнув её, техник вошёл внутрь, увлекая «Звёзд» за собой. Через несколько лестничных пролётов и забетонированных дверей перед Джаредом возникла осыпающаяся стена. Ушло еще пять минут на то, чтобы вытащить нужные кирпичи и проделать проход. Наконец, протиснувшись сквозь образовавшуюся дыру, техник оказался в похожем на склад помещении. У стен стояли полки, переполненные коробками и папками с документами. Слой пыли в этом месте, казалось, отрастил собственный слой пыли.

— Притча во языцех, — буркнул Джаред. — Проклятая комната.

«Почему?» — поинтересовался Тайрек.

— Пять лет назад из Информатория сбежал паренёк по имени Дикси Портер. Пытался унести украденные данные. Он явно продумал свой побег — выяснил, что за стеной находятся старые технические туннели и проделал проход. Затем, в день икс, сбежал, напоследок заложив всё кирпичами.

«И никто не понял подвоха? Что же здесь всё не перекрыли к

чертям?»

— А двух закодированных дверей дальше по пути тебе недостаточно? — огрызнулся Джаред. — Заделывать проход — значит привлекать к нему внимание. Дело как-то замяли, да и о комнате забыли.

«Они что, даже не попытались укрепить кирпичи?»

— Всё они укрепили. Просто я перед уходом их снова разобрал, заодно поменяв коды на свои.

«Бессмыслица какая-то. Неужели нельзя было вынести всё по-тихому?»

— Он изъял что-то очень серьёзное. Не скопировал — вытащил из системы. Будто не хотел никому показывать. При таких операциях срабатывает тревога. Но в переполохе Портер сумел смыться. До сих пор неизвестно, что он забрал. Я думаю, ему важны были не данные внутри файла, а он сам, его свойства.

«Много говоришь», — предупредила Мира.

Джаред подошёл к двери и тяжёло вздохнул.

— Ну, была не была.

Он нажал на ручку и вышел наружу.

Если бы Тайрек находился в теле, то точно бы задохнулся от восторга. Джаред еле устоял на месте — поток воздуха чуть не сбил его с ног. Он оказался на состоящей из железных сеток платформе, опоясывающей практически всё здание. В поперечник Информаторий превышал три сотни метров. Такие же платформы уходили, как вверх, так и вниз, насколько хватало взгляда. В центре, прямо в пустоте воздуха, плавали кубы разных размеров, отливающие изумрудом и янтарём. И люди. Обнажённые бледные тела, опутанные толстыми кабелями, безмятежно парили над бесконечной пропастью. Так много, что Тайрек не мог их даже пересчитать. Голову каждого венчал шлем виртуальной реальности. Операторы. Без них Сети бы просто не существовало. Мухи, застрявшие в паутине информации. Сами же её сплетавшие.

«Это невозможно», — прошептал Тайрек себе под нос.

«С Эдемом возможно всё», — мрачно ответила Мира.

«Чем они здесь занимались? Зачем все эти тела, Операторы?»

— Мы процеживали данные, — произнёс техник. — Операторы создают Сеть, а затем сами же ищут паттерны среди белого шума. А ты что, ожидал громадных серверов и терминалов? Всё это находится во Дворце, все производительные мощи. Информаторий не сохраняет историю поиска среднего пользователя. Он и есть поиск.

«И что же вы нашли?»

— Кое-что, — скрипнул Джаред. — Кое-что, из-за чего мы

здесь.

Техник пошёл по платформе против часовой стрелки. Вдоль всей окружности находились сотни дверей, ведущих, как предполагал сааксец, к таким же складским помещениям.

«Почему документы хранятся в бумажном виде? Разве Сеть не надёжнее?»

— Данные можно взломать. А в Информаторий не так-то просто пробиться, — ответил шёпотом Джаред.

«Мы ведь пробились».

— Только потому, что у меня есть коды. И то их могут скоро засечь.

«Надо поторопиться», — заметила Мира.

— Я никого не вижу, — пробормотал техник. — Куда все делись? Обычно в этом месте полно народу. Кто-то должен следить за Операторами и выуживать новые данные. Иначе…

Облокотившись на поручни, техник перегнулся всем телом и посмотрел вниз.

«Только не упади! — вскрикнула Неми. — Мы же все погибнем!»

Джаред лишь криво усмехнулся.

— В центре зала зона невесомости. Даже если бы захотел, я бы не упал.

«Что?» — удивился Тайрек.

— Тебя ведь учили в школе физике?

«Я просто не понимаю, как это возможно. И зачем вообще сделано».

— Для удобства перемещения между уровнями, — пожал плечами Джаред. — Эта штука называется Каналом. Она пронизывает весь Город — с самого нижнего Уровня до Эдема. Вон, видишь платформу? С красной маркировкой? Нам туда. Минус двадцатый этаж.

Джаред подошёл к синему шкафчику, прикреплённому к стене, и вытащил оттуда два маленьких баллона с торчащими из них соплами и ремнями. Наклонившись, он надел по баллону на каждую ногу.

«А это ещё что такое?» — вопросы Тайрека продолжали множиться. Он видел Стражей, он видел Корвуса, он видел Операторов — но Информаторий выходил за все рамки. И что-то здесь находившееся понадобилось Мире. Но женщина, конечно, не ответит на прямой вопрос, и сааксец не спрашивал.

— Сжатый газ. Для навигации. Приготовьтесь, будет чуточку трясти.

Убедившись, что баллоны крепко держатся, Джаред сел на поручень, развёл руки в стороны и упал вперёд. Неми и Калли

вскрикнули, даже Гай с Коулом нервно дёрнулись, но ничего не произошло — тело Тайрека неторопливо поплыло вниз.

— Что я говорил? — произнёс Джаред. — Раз плюнуть.

Его окружали кубы и голые тела. Присмотревшись, Тайрек увидел и маленькие капельки жидкости, всплывавшие наверх. Что там Корвус говорил о стеклянной башне?..

«Не теряй времени! — буркнула Мира. — Ты помнишь, где он?»

— Конечно.

Развернувшись вниз головой, Джаред щёлкнул баллонами друг о друга, и те испустили тонкие струйки кислорода. Техник начал движение вниз, отталкивая от себя тела, рыская среди них, как хищник, ищущий добычу. С каждой минутой его настроение становилось всё мрачнее и мрачнее.

— Мы прошли нужный этаж. Оборудования там нет, — заключил он через десять минут поисков.

«Ищи лучше», — произнесла Мира.

— Его здесь нет! — почти что вскричал Джаред. — Проклятье! Так я и знал!

— Эй, парень, что-то здесь забыл?

Джаред резко дёрнул головой вверх, и «Звёзды» сделали то же самое. Парой платформ выше стоял человек в строгом чёрном костюме-тройке. Галстук на его шее висел узлом мертвеца. Но чисто выбритое лицо и прилизанные тёмные волосы придавали мужчине больше сходства с модельным манекеном.

«Марий», — надломленно прошептала Мира.

— Кто ты такой? — крикнул Джаред, не обратив на Миру внимания.

— Твой самый близкий друг ближайшие пятнадцать минут, — ответил мужчина и резко перемахнул через перила. Оказавшись в воздухе, он активировал баллоны и подплыл к телу Тайрека. Мира сжала кулаки, шепча проклятия.

— Ты из контрразведки? — спросил техник, на что мужчина с улыбкой кивнул. Его острое лицо отражалось в янтарных кубах, превращалось в пародию на само себя.

— Классная маска. Да и колечко тоже ничего, — непринуждённо произнёс контрразведчик, разглядывая ногти. — Ты, наверное, Джаред. Сестра о тебе много рассказывала. Очень приятно. Твоя находка — просто за гранью добра и зла. Я бы поклонился, но сам понимаешь. Как там моя дражайшая сестрица?

Не успел Джаред раскрыть рта, как Мира вышибла его из тела. Топология лица тут же изменилась, приобрела острый акцент на глазах.

— Зачем ты здесь? — прогавкала женщина ртом сааксца.

— Как зачем? Удержать тебя от дальнейших глупостей. Вторжение прошло совсем не по плану, сестричка. Шеф тобой очень недоволен. Он даже грозился тебя казнить, если бы я не вмешался. Ты представляешь, сколько сил пришлось потратить, чтобы убедить его в твоей полезности?

— А Билли им разве не нужен? — ядовито уронила Мира. Гай, летавший у плеча Тайрека, хмыкнул и напрягся.

— После того, что ты учудила? О, нет-нет. Ещё как нужен! Король негодует — как ты могла его забрать? Но любому веселью должен настать конец.

— Это ты привёл сюда копов и армию?

— Они просто защищают особо важный объект. Но я знал, что ты сюда придёшь, рано или поздно. Потому и спрятал ваше сокровище подальше. Пришлось даже выгнать отсюда солдат — знаю я их привычку стрелять по всему, что движется. Они бы перебили Операторов — совершенно случайно! — и на пару месяцев с Сетью пришлось бы распрощаться, — контрразведчик ощерился. — Если интересно, я отдал строгий приказ брать… э-э-э, как тебя зовут? Тайрек, кажется? Да, точно. В общем, только живым. Иначе за последствия я не отвечаю.

— Как это мило с твоей стороны, — выдавила Мира.

— Это было не мило. Это было глупо, сестрёнка. Я не хочу, чтобы тебя хлопнули. Мне не нужна очередная семейная драма. Но если ты будешь противиться…

Марий потянулся за пазуху и извлёк наружу нож-бабочку.

— …я подрежу тебе крылышки.

По лицу контрразведчика будто прошли волны. Рот дёрнулся, левый глаз начал мигать, руки задрожали.

— Твои аугментации… начальство перехватывает контроль за тобой, — прошептала Мира. — Ты всего лишь их марионетка. Если ты сдашься, тебе конец.

— Я не ты! — вскричал Марий в ответ. Он втягивал воздух через зубы, лицо искажали гримасы. Он стал белым, как полотно, маленьким, сморщившимся. — Пусть мною управляют через аугментации. Но на моей стороне опыт предыдущих поколений! Я могу всё, Мира!

«Что бы он ни делал, он навечно останется всего лишь младшим братом», — пробормотал Гай.

— Этот сааксец, — сказала Мира, — наш ключ к свободе! Твои аугментации убьют тебя! А с его помощью мы найдём выход. Не только для тебя, для всех!

— Мне не нужен выход, — прохрипел контрразведчик, багровея. — Я должен стать лучше — и стану.

Не успела Мира ответить, как Марий щёлкнул баллонами и с размаху врезался в неё. Женщина брыкнулась и перевернулась в воздухе. Марий не отставал — выхватив нож, он начал наносить удар за ударом, отталкивая тело Тайрека от себя. Мира лишь неуклюже защищалась. Оболочка сааксца её явно стесняла.

— Керн! — закричала она, выбросившись из тела. Бандит, не медля, занял её место. Движения Тайрека приобрели величественную тяжесть. Увернувшись от очередного выпада, Керн ударил контрразведчика в живот. Инерция развела их в разные стороны. Вытянув ногу, Керн дунул кислородом и сделал сальто. Оперевшись на плывшее рядом тело, он резко оттолкнулся и налетел на Мария. Не дав тому опомниться, бандит обхватил парня ногами и нанёс несколько коротких ударов. Марий прикрылся предплечьями, рыкнул и сбросил Керна с себя.

Бандит вытащил из-за пазухи нож и, сорвав опостылевшую маску, ухмыльнулся.

«Не убивай его! Им просто управляют! — вскричала Мира. — Причём, буквально!»

«Как это?!» — спросила Калли.

«Его аугментации — они передают все моторные функции удалённому пользователю. Во время боя управление берёт специальный техник. Даже если бы брат захотел, он не смог бы остановиться!»

Керн выпустил кислород и схватил Мария за запястье, пытаясь порезать второй рукой с ножом. Контрразведчик перехватил удар. Мужчины напряглись, перебарывая друг друга. Марий покраснел ещё сильнее, из его рта вверх тянулся шлейф слюны.

«Ускоряйся и бей!» — крикнула Неми.

Керн неожиданно расслабился и щёлкнул баллонами. Ускорившись, он впечатал контрразведчика в пол платформы и отлетел в сторону. Марий ухнул и сгруппировался. Из раны на голове полились капельки крови, тут же начавшие собираться в багровые шары.

Керн усмехнулся — и из его рта тоже полились алые ручейки. Опустив ошеломленный взгляд, он увидел торчавшую из бока рукоятку ножа-бабочки.

— Проклятье, — прохрипел он. Запрокинув голову, Керн отрубился. Мир замигал, начал сворачиваться в маленькую точку. Бандит дымкой выплыл из тела Тайрека, начал исчезать, как летний мираж.

«Нет! — воскликнула Мира. Её иллюзорная оболочка покрылась льдом. Обернувшись к Тайреку, женщина схватила его

за плечи. — Прости меня! Прости нас, пожалуйста! Всё должно было получиться!»

«Всё получится, — просипел Тайрек. Он не чувствовал боли — лишь головокружение. Не в первый раз. — Ты хочешь победить?»

«Конечно!»

«Тогда смотри и учись».

Вплыв в собственное тело, Тайрек встряхнул головой и ударил себя по щеке.

— Ко мне, ублюдок! — прорычал он Марию. В глазах оправившегося контрразведчика сквозило удивление.

— Но как… — начал он. Визг Тайрека оборвал его. Схватившись за рукоятку ножа, сааксец вынул его и отбросил в сторону.

Он уже знал, что сделает Марий. Даже с чужой помощью, контрразведчик не умел драться. Не так, как Багровый Штык.

И Марий не подвёл. Сгруппировавшись, он оттолкнулся от стены, щёлкнул баллонами и ускорился, пытаясь перехватить уплывающий нож.

Клинок Тайрека полоснул его от плеча до живота. Взгляд контрразведчика остекленел. Схватившись за рану, он попытался что-то прохрипеть, но Тайрек нанёс ещё два удара в грудь и отправил его пинком в дальний полёт. Оставляя за собой кровавый шлейф, Марий унесся вверх.

«Ты мог его спасти!» — истошный крик Миры разорвал слух сааксца, но ему уже было всё равно. Он чувствовал её напор, чувствовал, как она пытается выкинуть его из собственного тела. Но все её попытки обратились в прах. Казалось, что его всего лишь кусают комары. Как в старые добрые времена.

Кровь не хотела останавливаться. Очень плохо. Надавив на рану, Тайрек стиснул зубы и пробормотал:

— Только не закрывай глаза. Только не закрывай глаза.

Где-то вдалеке скрипнула дверь и зычный голос возвестил:

— Ни с места! Полиция! Руки за голову!

«Проклятый ублюдок!» — вопила Мира, молотя возникшую между ними стену, но Тайреку было плевать. Он активировал баллоны и начал плыть вверх. Не прошло и двадцати секунд, как он поравнялся с навострившимися копами. Их было не меньше дюжины, этих бронированных ублюдков, вооруженных дробовиками.

Пытаясь не потерять сознание, Тайрек подплыл к поручню, встал на него и, держа руки за головой, нырнул вперёд. От резкого удара колени заскрипели, а кровотечение только усилилось. Но сааксец был счастлив. Подняв лицо навстречу

фонарям копов, он прошептал:

— Арестуйте меня. Пожалуйста. Не дайте Мире убить ещё кого-то. Не дайте ей уничтожить Город.

Он начал заваливаться назад, повторяя слова как мантру. Арестуйте сейчас. Немедленно.

Его угасающий взгляд ухватил Канал, уходящий вверх, пронизывающий весь Город словно пародия на древнее Мировое Древо.

Вдалеке мелькнула маленькая звёздочка. Тайрек увидел в ней лес, покрытый снегом, тысячи замороженных душ и мужчину, закованного в броню. С меча мессии капала чёрная кровь.

«А ведь забавно, — подумал Тайрек. — Корвус не солгал. Он и правда запер Освободителя в стеклянной башне».

11. Под землю

«И приказал Он найти пристанище для страждущих; и напоил он их водой, что стала амброзией, и дал он им еды, что превратилась в кровь земную.
И стало то место Приютом»

Божий Порядок, послание от Симона, глава восьмая, стих седьмой

2 июня, 541 год после Освобождения

— Я же тебе говорил, — укоризненно произнёс Кирстен, захлопывая дверь автомобиля. — Тебе встреча не понравится.

Из-за этих слов Сабрина чуть не возненавидела командора. Но не так сильно, как себя.

Визит к Дэниелу прошёл совсем не так, как планировалось. Намного лучше, чем она ожидала. Даже после ранения, юноша источал заботу и любовь. И последняя встреча только обостряла горечь расставания.

Он убил солдат её матери. Но страшнее всего было то, что она не могла на него разозлиться. Война есть война. Если бы убил не он, убили бы его. И Сабрина благодарила Бога, что Роско выжил — хоть и неизвестным чудом.

Даже до одиночной камеры Сабрины доходили слухи, один абсурднее другого. Объедки новостей, протухших ещё неделю назад. Дэниел Роско послал солдат на смерть. Дэниел Роско уничтожил бойцов Аноры Предательницы, положив всех своих. Джошуа Роско сгинул в бою. Дэниел — новый глава Дома Роско. Дэвид Роско убил своего племянника, пытаясь захватить власть. На Дэниела было совершенно покушение. В частном интервью Анне Пирс Дэниел признался, что ненавидит кошек. Маршал заявил, что не потерпит несовершеннолетнего у руля такой крупной Семьи. Дома Казимир и Красс выказали готовность оказать поддержку Дому Роско в случае недостатка финансов. Дэниел отверг предложение Казимиров об объединении Семей. Весь мир, казалось, помешался на Роско, будто его выживание резко попортило карты власть имущим. Он мигом стал знаменитостью, центром внимания, осью, вокруг которой

крутились новости. Всем что-то от него было нужно. Но были и другие слухи. Компания Карфилд отзывала все подрядные контракты и концентрировалась на сотрудничестве с короной. А значит, в войну вступают профессиональные наёмники. Пострадавшие при вторжении поправлялись и выписывались из клиник, юноши и девушки круглые сутки ждали в очередях около рекрутских центров. Жизнь снова налаживалась.

Запертая в одиночной камере, не имея возможности проверить слухи, Сабрина разбивала кулаки о стены, безустанно отжималась, качала пресс, приседала и подтягивалась. И всё не могла понять, что же Семьи нашли в Дэниеле. Конечно, трудно не славить паренька, сумевшего остановить лучшую ударную группу Аноры. Но не настолько же! Дэниела хотели все и сразу, и Сабрину это настораживало. Что-то здесь было нечисто.

Но в чём-то она соглашалась с остальными — при столкновении с солдатами Аноры никто не выживал. А Дэниел сумел перебить всех. Но какой ценой?

Сабрина морщилась, представляя, как Роско убивает друзей её матери. Пули разрывали плоть толстощёкого и весёлого Дага, Джонсон с воплями погибал от взрыва гранаты, Феррет, милашка Феррет, объект её первых девичьих фантазий, смотрел мутным взглядом на свои раны. И ещё дюжина других, не менее близких ей людей. Во снах Дэниел виделся ей огромной чёрной фигурой с красными глазами, поглощающей свет. А она продолжала его любить, как маленькая глупая девчонка.

У Сабрины никогда не было отца. Дерек Ноттингем где-то существовал, но Анора не подпускала его к детям. Сабрина даже не знала, как отец выглядит. Не то чтобы ей хотелось с ним увидеться. По слухам, он был заядлым игроком и пьяницей. Дед вообще выдал Анору за Дерека, чтобы Семья Ноттингем поддержала корону. Что с дочерью будет дальше, его, видимо, не волновало. Но Воительница, похоже, к семье относилась серьёзнее, чем король, и детей рожала только от законного мужа. Сабрина появилась на свет, когда Аноре было двадцать четыре. Дочь короля успела сделать карьеру пехотного офицера, нападая на Стрелков и заслужив прозвище «Воительница».

Круг верных матери солдат с успехом заменил Сабрине семью. Она помнила долгие вечера после Второй Священной, когда бойцы, собравшиеся у Аноры дома, напевали походные песни, отпускали сальные шуточки, лили алкоголь рекой и звонко хохотали. Поначалу семилетняя Сабрина боялась их, но Анора позвала старшую дочь по имени и познакомила с каждым из бойцов. Даг, душа компании, весёлый толстячок, подарил девочке леденец. Помятый, разбитый и невкусный — но это был первый в

жизни Сабрины подарок. До этого дня само её существование воспринималось как нечто должное. Дни рождения она не отмечала, да и король никогда не обращал большого внимания на внучку. И тут вдруг кто-то признал в ней маленькую девочку, которой не хватало обыкновенного душевного тепла. Она развернула леденец и, скорчив рожицу, проглотила конфету целиком. Предоставив Грегори возиться с маленькой Елизаветой, старшая дочь Воительницы осталась в кругу солдат. Осталась слушать военные байки и мечтать, что когда-нибудь станет такой же храброй и честной, как мамины люди. Все рассказывали истории. Все, кроме мамы.

Бойцы навещали её раз в месяц. Как только они уходили, пьяная Анора отправляла детей спать. Няни у них не было, да и вообще прислуги дочь короля не держала, не считая приходившую раз в две недели уборщицу. Сама Воительница всегда ночевала в отдельной комнате. И Сабрина понимала, почему. Через маленькую щёлочку в двери детской она подглядывала за переодевающейся матерью. Она видела розовые шрамы, исчёркивающие бледное тело Аноры, словно мазки небрежного художника. Позже Сабрина узнала, как мама гордилась отсутствием усиливающих и ускоряющих имплантатов. Она привыкла воевать по старинке, надеясь лишь на собственные силы. Повесив одежду, Воительница смотрелась в зеркало. Её взгляд отпечатался в памяти Сабрины. Взор человека, пробудившегося от глубокого сна и не узнававшего никого вокруг. Глубокой ночью Сабрина слышала тихие вскрики, перекрываемые звоном посуды — это мать наливала очередную рюмку горячительного. В такие моменты девочка лишь сильнее прижималась к Грегори и Елизавете, надеясь, что маме станет легче. Бывало, Анора начинала плакать без причины и рыдала до самого утра. Один раз она пришла в спальню к детям, легла к ним в кровать и прошептала:

— Без вас я ничто.

Воительница ни разу не подняла руки на своё чадо. И Сабрине ничего не оставалось, как любить маму.

Теперь весь мир говорил, что она предательница.

Сабрина не верила. Отказывалась верить. Ну как человек, проливший столько своей и чужой крови на благо Синдиката, может его предать? А вот мысль, что Семьи могли сделать из Аноры козла отпущения, у девушки не вызывала сомнений. Разбивая кулаки в поединке со стеной и чувствуя, как кровь течёт по пальцам, Сабрина была готова отдать всё ради одного разговора с матерью. Но у неё уже ничего не было.

Она облажалась. Целиком и полностью. Из-за неё погибли

кадеты, совсем ещё дети. Не Бог весть кто, соплёныши из Приютов, безродные и никому не нужные. И оттого Сабрине становилось только хуже. В отличие от неё, у них даже не было шанса на нормальную жизнь.

Но все вокруг обращались с принцессой как с несмышлёным ребёнком. Она покинула позиции, пытаясь встретиться с матерью. Это было равносильно дезертирству, и Сабрина прекрасно понимала, на что шла. Всё, что она попросила у трибунала, так это не судить девчонок из отряда — они лишь слушались её приказа. Наказание за дезертирство в военное время — смерть.

Она отделалась лишением королевских привилегий и ссылкой в Приют. Её девчонок вообще никак не наказали, лишь перевели в охранную роту, где им ещё придётся отбарабанить четыре года до получения гражданства. Сабрина злилась, провоцировала охранников на драку, но каждый раз приходил Кирстен и всё улаживал. Да и как сказал судья, в её деле оказались смягчающие обстоятельства — в конце концов, если бы не она, тот бешеный коп не смог бы взять площадь Освобождения.

— Одно доброе дело не перекрывает сотворённого зла, — пробурчала Сабрина по дороге из зала суда обратно в камеру. Кирстен, вечно её сопровождавший, лишь пожимал плечами. Командор бесил девушку с каждым днём всё больше. Из разговора охранников она узнала, что это была инициатива Кирстена арестовать её. Когда Сабрина в лоб спросила командора, чего он этим добивался, бывший инструктор ответил:

— Пытался отгородить тебя от последствий.

Точно не из лучших побуждений. Сабрина видела это в каждом движении его тела, в каждом невысказанном слове, в каждом брошенном взгляде. Бедняга считал, что сможет завоевать её уважение и любовь. Но Сабрина чувствовала лишь отвращение. Четыре года этот ублюдок муштровал её — и при этом, небось, постоянно думал об Аноре. Неужели в Сабрине он решил найти суррогат потерянной любви? «Мерзость какая», — думала принцесса.

Перед Приютом, она всё же пересилила себя и попросила Кирстена отвезти её в Медцентр, к Дэниелу. Наслушавшись всякого дерьма о любимом друге, она не могла оставить всё как есть. Ей срочно нужно было увидеть, что с ним стало.

Слухи, как всегда, врали. Человек, которого она любила, не мог послать людей на верную смерть, лишь бы спасти собственную шкуру. Сабрина знала: ей бы тоже на такое не хватило выдержки. Она бы лучше застрелилась, чем пожертвовала девчонками. В её воображении Роуз срезало пулемётной очередью. Кто-то погиб, чтобы она выжила. «Нет, — подумала

Сабрина. — Я никогда не стану такой. Никогда не стану похожей на мать».

— Джейсон Клэй. Его сегодня награждают за взятие площади, ты знаешь? — спросил Кирстен и постучал по перегородке, отделяющей пассажиров от водителя. Солдат за рулём завёл двигатель и повёл машину по магистрали. Медцентр отдалялся, пока не превратился в маленькую блестящую звёздочку. Оплот цивилизации в царстве тьмы. Где-то там остался в одиночестве Дэниел, новый глава Дома Роско. Расстояние между ними с каждой секундой всё увеличивалось. К горлу Сабрину подступил комок, стоило вспомнить его лицо. Измученный, израненный, выглядящий так, будто через секунду откинется, он нашёл в себе силы улыбнуться, успокоить её. Она себя корила, что не призналась ему раньше, что разменивалась на дурацкие комплексы, думала о чужом мнении, а не о своём счастье. Может статься, Сабрина больше никогда его не увидит. Если бы она не поехала на встречу, боль не была бы так сильна. Но Сабрина была счастлива, что увиделась с любимым — пусть даже и в последний раз.

В салоне пахло мужским одеколоном и дорогой кожей — не машина, а походный дворец для принцессы на выезде. Вот только следующая остановка будет для неё последней. Дальше новая, чужая жизнь. Сабрина бросила быстрый взгляд на Кирстена. Тот тонкими пальцами перебирал чётки, которые достал из кармана. Командор впервые молился при Сабрине. Прошло полторы недели, а принцесса всё не могла увидеть в нём друга или защитника. Для неё этот чисто выбритый мужчина навсегда останется всего лишь строевым инструктором, как бы он ни пытался стать ближе. Происходящее смущало и бесило. Неужели больше не нашлось никого, чтобы препроводить её в Приют?

— Того копа? Награждают? Нет, даже не подозревала, — ответила Сабрина. Джейсон Клэй. Бывший солдат Синдиката, разжалованный из-за конфликта с Воительницей. Человек со стальными яйцами, не побоявшийся в одиночку штурмовать позиции Стрелков. Принцесса не знала, где кончалась его храбрость и начиналась откровенная глупость. Одной встречи с громилой-альбиносом ей вполне хватило. В каком-то смысле коп всё же заслуживал почестей. Анора поступила нечестно, разжаловав его. Теперь заслуги Клэя признают. Лучше поздно, чем никогда.

— Спасибо, что спасла его, — произнёс Кирстен. Опять он пытается к ней в доверие втереться! — Мы служили с ним вместе. Хороший человек. Да только слишком уж гордый. После войны и непоняток с Анорой, мне кажется, он съехал с катушек. Может,

награждение поможет ему прийти в себя.

Сабрина молчала, рассматривая свои руки. Она вспомнила гигантские лапища Клэя — небось, аугментированные. Собственные казались ей тонкими, хлипкими. За полторы недели плохого питания и изматывающих тренировок она порядком схуднула. Под кожей бугрились маленькие чёрные блоки имплантатов. «Кто я без них? — подумала Сабрина. — Полноценный солдат? Или соплячка, обученная красивым фокусам? Смогу ли я без них быть такой же сильной, как мама?» Она поняла, что не узнает, пока не попробует сражаться как обычный человек. Вполне возможно, вскоре ей просто не хватит сил, чтобы вообще включать имплантаты.

Кирстен перехватил её взгляд.

— Что ты о них думаешь? — спросил он. — О своих аугментациях.

— Все офицеры их получают, — как можно безразличнее ответила Сабрина. — О них вскоре придётся забыть.

— Я постараюсь договориться, чтобы их у тебя не отнимали.

Принцесса не ответила.

— Настоящее чудо. Если бы не 838-ые, ничего бы не было, — продолжал Кирстен. — Немало им пришлось сааксцев перемолоть, чтобы достигнуть таких успехов.

Сабрина вздрогнула.

— Я, когда ещё учился в Медцентре, видел только прототипы. За полтора года войны прогресс так сильно скакнул…

— И мама разрешала проводить эксперименты над живыми людьми? — перебила командора Сабрина.

— Почему нет? В молодости, когда она была лейтенантом, тактика запугивания сыграла хорошую службу против Стрелков.

— Применять её против сааксцев было тупо, — убеждённо заметила принцесса.

— Зато мы знали, что будем из-за этого сражаться до последнего, — ответил Кирстен. — Я ведь это уже говорил.

— Ещё вы говорили, что знали мать до войны.

Командор слегка улыбнулся. Всего полторы недели назад это лицо выражало только злость, да тупую агрессию.

— Ты не представляешь, как она была прекрасна в своей офицерской униформе. Нам было по двадцать два года, я уже стал практикующим хирургом, вовсю латал людей.

— Я думала, врачи должны быть постарше.

— В Медцентре возраст роли не играет, — заметил Кирстен. — Большую часть работы делают машины, подаренные Эдемом. Врач должен удачно синхронизироваться — а это не всем под силу. Твою маму привезли ко мне с тремя ранениями. Она

оставалась в сознании лишь благодаря куче стимуляторов. Помню её взгляд и окровавленные губы. Никогда не смогу забыть. Она ещё сумела улыбнуться через боль и сказала: «Видели бы вы тех, кто в меня стрелял!»

Кирстен хохотнул.

— В тот день я спас ей жизнь. Лично подобрал палату. Она была крепкой девчонкой, быстро шла на поправку. Через две недели уже снова рвалась в бой. Я не имел права её так быстро отпустить, — Кирстен опустил взгляд. — В общем, у нас… было кое-что.

— Вы любили её? — выпалила Сабрина. Кирстен вздрогнул и посмотрел на принцессу.

— Любил. Она отвечала взаимностью. Мы часто виделись между её набегами на Стрелков, весело проводили время. Хотел сделать ей предложение. Да только король решил по-своему.

— Вы человек без рода. Она бы никогда не вышла за вас замуж, — сказала Сабрина.

— Кто знает, — ответил Кирстен. — Через семь лет Эдем распорядился отправить первую экспедицию за стены Города и поставил Ричарда Эймса ею командовать. Да только недолго старик продержался. Напоролся на сааксцев и лишился башки. Началась война. Синдикат решил поиграть мускулами и снарядил несколько батальонов солдат. Помню, как Анора лично приехала в Медцентр, чтобы набрать санитарный корпус. Произнесла целую речь о долге и патриотизме. После выступления вызвала к себе лично и сообщила кое-что…

Кирстен почесал подбородок, его взгляд стал мутным и отдалённым.

— Видишь ли, когда король женил Ноттингема на твоей матери… ну, мы ещё продолжали с ней видеться. И так получилось…

Сабрине не понравился его тон. Очень сильно не понравился.

— Она сказала, что это всего лишь вероятность. Что я всё равно не буду иметь к тебе никакого отношения. Что я, наверное, даже войну не переживу. Но жизнь распорядилась так.

— Нет, — произнесла Сабрина и замотала головой. — Не говорите…

— Я не был до конца уверен. Пока ты была в камере, я взял на себя смелость провести тест и… в общем, да, — Кирстен совсем стушевался. — Ты моя дочь.

Принцесса закрыла глаза.

— Что же, — произнесла она. — Это… многое объясняет.

Подвинувшись ближе к командору, Сабрина попыталась его обнять. Но с наручниками получилось не очень.

Командор пожал плечами и уставился в окно. На его губах блуждала странная улыбка.

— Совсем не так я себе это представлял, — сказал он. — Но я рад, что сумел рассказать.

— А Грегори и Елизавета?

— Нет. Они дети Ноттингема. И всё же… Грегори мне как свой. У него потенциал быть лидером. Жаль, что с Елизаветой я не успел познакомиться.

— Мы вряд ли скоро увидимся, — заметила Сабрина. — Если я вообще выйду из Приюта.

— Тогда остаётся надеяться, что я хорошо тебя обучил, — усмехнулся Кирстен.

Остаток дороги они молчали. Принцесса смотрела, как мелькают мимо здания. Старый Город покрылся пеленой, словно она оказалась в другом измерении. Делала прыжок в неизвестность.

Стало легче. Ей даже хотелось сказать «Я тебя не подведу, отец», но она сдержалась. Вот для чего всё это было. Услышав о её дезертирстве, Кирстен сразу взял ситуацию в свои руки. Провёл её от начала и до конца, оберегая от тяжёлых последствий.

— Спасибо, — всё же произнесла Сабрина. Самое меньшее, что она могла сделать, так это выразить благодарность.

— Не стоит.

Съехав с магистрали, автомобиль подъехал к старому, покосившемуся зданию с вывеской «Приют имени святого Флавия». Высотой в два десятка этажей, сооружение чем-то напоминало Дворец. Такое же древнее, пафосное и абсолютно бесполезное. Бельмо на глазу нового облика Старого Города.

— Когда его построили? — спросила Сабрина.

— Тогда же, когда и всё остальное. Это самый первый созданный Приют. В этих стенах, небось, ещё сам Освободитель побывал.

Сабрина вышла из машины. Пустые окна обожжённых зданий вокруг будто бы застыли в немом крике. Война добралась и сюда. Сколько времени уйдёт, чтобы восстановить всё, что разрушили за один день?

Кирстен положил ей руку на плечо и повернул к себе. Сабрина повиновалась. Достав из кармана ключ, он расстегнул наручники и кивнул принцессе. Девушка рефлекторно потёрла запястья.

— Иди, — посоветовал Кирстен. — Не заставляй людей ждать. И будь умницей. Когда ты выйдешь, я уж позабочусь, чтобы Роско своё обещание сдержал. Он хороший парень.

«Надо же, всего пять минут как отец, а уже решает, за кого я

выйду замуж». Сабрина засмеялась бы, если бы не было так грустно.

Она начала подниматься по разбитым ступеням. Под её сапогами хрустели маленькие кусочки бетона, что оторвались от взрывов. Ей даже не дали попрощаться с Елизаветой и Грегори. Впрочем, незачем. Нет нужды портить им жизнь. Она не будет делить вину на всю семью. Шаг за шагом, Сабрина приближалась к массивным чёрным дверям, врезанным между крошившимися колоннами. Кинув последний взгляд на мужчину в мундире, застывшего возле автомобиля, девушка подошла к порталу. Вот он, момент истины.

Она толкнула дверь и переступила порог. Её сердце замерло.

В длинном жёлтом холле, уставленном пустыми скамейками, сидела Лиз. На коленях у неё лежал альбом, и девочка сосредоточенно в нём рисовала, мурлыкая себе под нос песенку про бездомного кота.

— Елизавета! — вскричала Сабрина и побежала вперёд. Девочка посмотрела в сторону сестры, её глаза тут же загорелись.

Подбежав к Лиз, Сабрина взяла её на руки и подняла, чувствуя, как скрипят от напряжения сухожилия. Где-то позади смеялся Кирстен.

— Прости, что не сказал. Не хотел портить сюрприза! — крикнул он, сел в автомобиль и укатил, оставив за собой лишь шлейф из пыли.

— Кто это? — спросила Лиз.

— Старый знакомый мамы, — чувствуя ком в горле ответила Сабрина. — Когда-нибудь я вас познакомлю.

Она почувствовала, как защипало глаза. Опустив сестру на пол, принцесса присела на одно колено, и, поглаживая щёку Лиз, спросила:

— Неужели они разрешили тебе проститься?

— Проститься? — фыркнула Елизавета. — Нет. Я ушла с тобой.

Она нагнулась и подняла с пола упавший альбом. На листе красовалась Анора в мундире времён Второй Священной Войны, за её спиной высоко реял флаг с вышитым распятием Освободителя. Славные дни уже забытого прошлого. Лиз вырвала лист, скомкала и выбросила в утилизатор — так же, как Синдикат выбросил саму Воительницу и её заслуги.

— Рисунок можно было кому-нибудь подарить, — произнесла Сабрина.

— А кто его теперь возьмёт? — уныло возразила Лиз. — Никто не хочет иметь с мамой никаких связей.

«Логично».

— Ты сказала, что ушла… но зачем?

— Сдалась мне эта Академия, — ответила сестра. — Не хочу. Лучше буду с тобой.

— А Грегори?

— Ну, он-то уже учится! — девочка двумя пальцами поправила очки. — Он уже почти военный. Мне там делать нечего.

— Ты представляешь, что тебя ждёт? — спросила Сабрина, чувствуя, как у неё дрожит голос. — Ты ведь от всего отказываешься.

— От чего? — Елизавета помотала головой, взмахнув длинными волосами. — Внучка короля или нет, но я не могу тебя оставить одну. Да и потом, для песен и танцев места хватит везде.

Сабрине хотелось захохотать. «Вот как оно всё обернулось».

— Пойдём, — Лиз схватила старшую сестру за руку и повела за собой. — Нас уже ждут.

Не веря своему счастью, Сабрина следовала за несущейся вперёд Елизаветой. Они миновали несколько постов с недружелюбными охранниками, запакованными в древнее снаряжение для подавления восстаний, и оказались у стола администраторш. Миловидная девушка в очках расширенной реальности направила их на четвёртый этаж, в офис директора, а сама продолжила смотреть ситком про неудачливых бухгалтеров, столкнувшихся с пришельцами из Вне.

Поднявшись на лифте, сёстры оказались в широком коридоре со стенами, обитыми дорогим красным деревом. Сабрина сразу почувствовала так знакомую ей атмосферу безвкусия, присущую недавно поднявшимся Семьям. Путь им преградили двери. Открыв их, они зашли в широкий зал с широким деревянным столом посередине и витражными потолками. Все сюжеты имели чёткие религиозные мотивы. Сабрина мало знала о Божьем Порядке, но базовые вещи ухватила ещё из детских книжек. Правда, на экзаменах они ей мало помогали. Вот Освободитель борется с неизвестным врагом, вот он заканчивает затянувшуюся войну, а вот человечество приветствует нового мессию. Спаситель снимает шлем, и люди закрывают глаза, не смея выдержать святого лика — так он ярок и чист. Вот ученики Освободителя преподносят людям новые заповеди, главная из которых проста — всегда стремись к совершенству. «Становись лучше». Когда-то эти слова, наверное, имели кроткий, положительный смысл, но со временем приобрели совершенно иное значение. Люди теряли старые технологии, а Эдем всегда готов был делиться своими. Вот церковь пытается объединить погрязшую в распрях паству, что деградировала до животного состояния. Вот первый «одарённый»

— человек по имени Адам, которому Эдем сделал механическое тело. После этого правила игры изменились. Каждый захотел стать ближе к совершенству, каждый жаждал получить улучшенную оболочку. Синдикат лихорадочно пытался создать рабочие прототипы аугментаций, но всё оканчивалось крахом — технологии уже не позволяли. И так раз за разом, столетие за столетием. А вот и знаменитый момент Откровения, когда мессия принёс последнюю жертву, став Святым Духом Первого Города — обнажённое тело привязано к столбу, руки воздеты вверх. Лицо спасителя, как всегда, прикрыто светлым пятном. «Какой странный порядок у картин, — подумала Сабрина. — Разве Откровение не должно стоять в самом начале?»

После этого на всех изображениях виднелись распятия. Принцесса знала, что Освободитель держал руки вверху потому, что они были привязаны проводами. Но и явный смысл упустить было невозможно: Освободитель сдавался человечеству, сдавался на растерзание. Если бы на священных картинах виднелось лицо, Сабрина не сомневалась, что увидела бы на нём грусть и смирение.

— Жуть какая, — пробормотала Елизавета. — Будто бы в церкви находимся.

— А это и есть моя часовня.

Сабрина резко развернулась на месте. Обладатель голоса сидел в кресле в углу, закинув ногу за ногу. Принцесса готова была поклясться, что секунду назад там никого не было.

— Вам нравится? — промурлыкал мужчина и поднялся во весь рост, заложив руки за спину. Одет он был в старый зелёный мундир с длинными полами, бежевые галифе и высокие солдатские сапоги. Широкими шагами человек приблизился к сёстрам и протянул руку:

— Директор Зигфрид Торес, к вашим услугам.

— Приятно познакомиться с представителем столь древнего рода, — произнесла Сабрина. Торесы существовали ещё до того, как появился Первый Город. Банкиры и дельцы, они вечно держали половину экономики Синдиката. Король с ними никогда не ладил — обладатели таких ресурсов не сильно-то хотели делиться с узурпатором, но приходилось. Даже после восстания Карциусов отношения стали не сильно лучше. «Интересно, это излишки роскоши убили у директора остатки вкуса или он его никогда и не имел?»

Лучи витражей облили мужчину множеством цветов, но даже в этом калейдоскопе Сабрина прекрасно видела абсолютно белую кожу директора. Пожав руку в кожаной перчатке, она всё же не выдержала:

— Что у вас с лицом?

Принцесса прекрасно понимала бестактность вопроса, но директор в ответ лишь от души рассмеялся.

— Боюсь, несчастный случай. Вторжение на всех повлияло по-своему, да? Вот вы, например, оказались здесь. А я… стал таким.

Мужчина сделал ещё шаг, и Сабрина увидела его в нормальном свете. Кожа Тореса бугрилась уродливыми шрамами и порезами, как у человека, чьё лицо сунули в костёр.

— Стрелки? — спросила принцесса. Директор кивнул. Белый грим, румяна и тени еле скрывали его уродство. Сабрина боялась представить, как Торес выглядит без макияжа. — Они пытали вас?

— Да нет, всего лишь подожгли мой дом, когда я в нём находился, — директора, похоже, ни на секунду не смущали взгляды сестёр. Как заметила принцесса, волосы у Тореса тоже отсутствовали. Белый парик с буклями и нелепый макияж всё больше придавали ему сходства с выхолощенным придворным конца Безмятежного Века. Кисти директор скрывал под кожаными перчатками. «Почему он не сделал пластику? Слишком дорого? Уж для Семьи Торесов точно не в цене вопрос». Сделав элегантный взмах рукой, директор пригласил сестёр присесть. Усадив их на стулья, сам Торес приземлился в кресло возле стола. Погладив его поверхность, он произнёс:

— Вы так и не ответили, как вам моя часовня?

— Пугающе, — сказала Елизавета, потерев носик. — Я бы предпочла здесь всё разукрасить. Что-нибудь светлое и…

— Мне витражи помогают смотреть на вещи объективно, — перебил девочку директор и улыбнулся. Маленький кусочек грима отвалился от его лица. — Когда видишь сотворение мира перед глазами каждый день, все проблемы становятся… мизерными.

Он вытащил из-под мундира цепочку с распятием.

— Вы знаете, что этот символ до Освобождения обозначал мир? — поинтересовался Торес. — Нежелание войны. А мы распяли на нём мессию, и пошли воевать со знаком пацифизма на петлицах.

Сабрина натянуто улыбнулась. Разговор будет явно не из приятных.

— В каком-то смысле, я принадлежу этому месту больше, чем оно мне, — продолжил директор. — Это самый первый Приют, который построили ученики Освободителя. Когда меня назначили директором, я постоянно спрашивал себя, зачем это было нужно.

— Что именно?

— Собирать все отбросы в одном месте.

— Мне не нравится ваш тон, — заметила Сабрина.

— Уж себе-то не лгите, принцесса, — усмехнулся Торес. — Вы изменница и дезертир, но вас не казнили. Вам даже не дали пожизненное, а лишь заставили начать всё сначала. Со мной уже связывались командор Кирстен и король. Сам Карл Лоренс просил за вас! Я обещал, что не причиню вам вреда. Сабрина, вы должны понимать, что это лишь трюк. Здесь, в Приюте, вы будете надёжнее всего спрятаны от злопыхателей и недоброжелателей, а король сохранит доверие подданных — всё-таки, без наказания он вас не оставил. В каком-то смысле, вы здесь у меня под защитой.

— Что-то я не чувствую себя защищённой, — ответила Сабрина.

— Ничего, вы привыкните. Да и для вашей сестры найдётся место. Выше этажами у нас школьный корпус с общежитиями. Она прекрасно вольётся в коллектив… Да, можно взглянуть на ваши руки?

— Что?

— Ваши руки. Вижу, вы были благословлены.

Директор взял девушку за запястье и притянул её к себе.

— Имплантаты, — сказал он. — Военного калибра. Очень плохо.

— Кирстен сказал, что поговорит с вами о них.

— Да, он предупредил. Сложный случай.

Торес откинулся на кресле и нахмурил брови.

— В чём же сложность?

— Вы сами понимаете, аугментации — это святое! Но я не могу пустить вас с ними. Они опасны.

— Я не собираюсь тут драки устраивать, — процедила Сабрина и положила Елизавете руку на плечо — бедная девочка начала дрожать от напряжения.

— Дело не в вас, принцесса. Дело в остальных. У нас тут сообщество верующих людей, истинно верующих. У некоторых руки давным-давно чешутся заполучить себе серьёзное благословление. Моя задача — ограничить их, иначе порядку не бывать. Но вырезать ваши имплантаты будет богохульством. Что же, идёмте. По пути что-нибудь придумаем.

Директор поднялся и махнул рукой, призывая следовать за ним. Сёстры переглянулись. Елизавета нервно почесала щёку. Похоже, остатков её храбрости надолго не хватило. Сабрина не осуждала Лиз. Ей самой происходящее нравилось всё меньше и меньше. Пусть директор и напялил гостеприимную ухмылку, в его глазах виднелась затаённая опасность.

Они вышли в коридор и направились к лифту.

— Забудем о целях Освободителя на секунду. Забудем о том,

зачем было собирать всё дерьмо в одном унитазе. Есть официальная версия, и вам должны были её сообщить. Зачем Семьи построили Приюты? — спросил директор.

«Прямо как на сраном экзамене».

— Семьи кормят людей, — произнесла Сабрина, — предоставляют им жильё и работу. Здесь каждый человек может найти укрытие и возможность прожить нормальную жизнь.

— Не каждый её заслуживает, — процедил Торес. Они дошли до лифта и директор нажал кнопку минус четвёртого этажа. — Мы стараемся содержать всех в наилучших возможных условиях. Но находятся сукины дети, предпочитающие сбегать. Они бродяжничают по улицам и разрушают экономику использованием наличных. В итоге полиция привозит их обратно.

«Вот значит как, — подумала Сабрина, смотря на отточенный профиль директора. — Намёк понят, засранец. Никуда мы отсюда не сбежим, пока ты этого не захочешь, да?»

— Как сказал святой Симон, «паству нужно приковывать к путям Истинным».

Торес кисло усмехнулся, увидев, как насупилась Сабрина.

— Мы все здесь религиозны. Обязаны таковыми быть. Приюты существуют, чтобы люди становились лучше. Завоёвывали себе свободу, работая на благо общества. Как сказал Освободитель, «труд освобождает». Ну и нельзя забывать главную заповедь: «Каждый человек имеет право на жизнь, еду и крышу над головой». Работа Семей состоит в том, чтобы соблюсти её, как нам завещал Освободитель и его Божий Порядок. Многие Дома, почему-то, забывают о нашей миссии.

Лифт быстро двигался вниз.

— Фабрика Гефеста открыла небольшой филиал как раз под нашими помещениями, — заметил Торес. — Теперь многим рабочим не приходится покидать стен, всё, что нужно, уже приехало само. Данный филиал занимается сборкой автомобилей. Вы сами всё сейчас увидите.

Кабина миновала минус первый этаж, и сёстры охнули. В огромном, уходящем вдаль на пару километров помещении кипела работа. Заваривались корпуса, монтировались шины, люди в комбинезонах и касках сновали туда-сюда. Стоял такой грохот, что Сабрина еле расслышала слова директора:

— Работа идёт с девяти утра до девяти вечера. На обед даётся час, в нашей столовой самые новейшие утилизаторы, которые выдают самую вкусную еду. Только идиот захочет уйти.

— Не проще было поручить работу конвейерным автоматам? — пытаясь перекричать шум, спросила принцесса.

— Если не будет работы, как человек докажет свою

приверженность Синдикату? Как он заработает себе свободу? Да и потом, ручной труд дешевле потраченной на сборку энергии.

«Ты используешь людей, чтобы поддерживать систему, ничего больше. Да и когда последний раз кого-то волновали вопросы энергии?».

Лифт проехал ещё немного и остановился, достигнув четвёртого подземного этажа. Сёстры и директор вышли. Сабрина прикинула в уме: пол, который является потолком для Пятого Уровня, имеет толщину около пятисот метров. Высота цеха — около тридцати-сорока метров. Здесь потолки где-то до двух с половиной метров высотой. Так же, скорее всего, и на других этажах. А это значит…

— Можете не утруждаться, — со смешком сказал Торес, заметив, как активно Сабрина осматривает помещение. — Первый Город был построен с расчётом на то, что население превысит предполагаемый порог, и ему придётся уходить под полы.

— Откуда вы это узнали? — поинтересовалась Сабрина.

— У вас в школе не преподавали историю?

— Уж точно не историю постройки Города, — обронила Сабрина.

— Ну, базовые вещи можно почерпнуть и из Божьего Порядка. Уж его-то вы изучали? — видимо, углядев непонимание в глазах Сабрины, директор цыкнул. — Аристократы. Ничего, тут у каждого по копии найдётся, почитаете на досуге.

Следуя по виляющим коридорам, они миновали несколько постов охраны. Здоровые детины с тяжёлыми дубинками ухмылялись вслед девушкам. Сабрина почувствовала, что ей уже здесь не нравится. Она рассмотрела следы крови на стенах, которые даже не потрудились смыть.

— Вы смотрели новости?

— В карцере до меня доходили только слухи, — ответила Сабрина.

— Полиция ищет человека по имени Тайрек Маут. Когда-то он содержался в моём Приюте. Славный малый. До сих пор не могу поверить, что он устроил вторжение Стрелков.

— Почему же? Он сааксец и ненавидит Синдикат.

— Ненавидит? — директор хихикнул. — Его девушка планировала поднять восстание. Всё бы им отвергнуть продиктованный Богом порядок. Этот человек, Тайрек, сдал её вместе с подельниками мне.

— Он предал любимую? Но зачем?

— А потому что разумнее никого не оказалось, — ответил директор. — Я после такого долго держать его не стал. Скоро он вышел отсюда уже действующим гражданином. Жаль, паренёк

связался с плохой компанией. Синдикату пригодились бы такие люди.

Торес подошёл к массивной двери и приложил к считывателю запястье. Дверь отворилась, и в нос Сабрины ударил жуткий смрад.

Они вошли. Повсюду стояли раскладушки, на которых валялись безжизненные рабочие. Директор прикрыл лицо аккуратным кружевным платочком и произнёс усталым тоном:

— Обычно всё не так плохо. Но из-за вторжения до сих пор перебои с работой утилизаторов, периодически исчезает вода, да и отходы не всегда проходят переработку…

Немытые тела, блевотина на полу, пятна крови, дикие, озверевшие люди с голодными взглядами. Сабрина обернулась. Позади Тореса возник отряд охранников с шоковыми дубинками в руках. Директор аккуратно провёл сестёр между рядом раскладушек, рассказывая по пути:

— Вон в той стороне женская душевая, в той — мужская, рядом с ними — туалеты. Прямо — личные шкафчики, вам выдадут карточки и коды для них, можете складывать туда деньги и вещи. Туда, дальше и налево, будет филиал Библиотеки, а направо — терминалы для доступа к Сети. И то и другое, понятное дело, платно. Вот здесь будут ваши места.

Директор указал тонким перстом на пару покосившихся раскладушек. На кроватях рядом сидели тонкие как жерди женщины, с завистью смотревшие на сытых сестёр. В глазах Елизаветы застыл ужас. Казалось, девочка сейчас потеряет сознание.

— Что приводит меня к вопросу ваших имплантатов… — голос директора изменился. — Король просил не вредить вам. Но его здесь нет. Не думаю, что он будет против небольшого урока для выскочек.

Сабрина не стала дожидаться конца тирады. Ускорившись, она резко обернулась, но Тореса уже заслоняло двое охранников. На их тупых физиономиях застыла ярость. Один даже замахнулся дубинкой. Сабрина перехватила его руку, а кулаком ударила прямо в кадык. Мужчина умер за какие-то доли секунды. Второго охранника девушка боднула плечом, пытаясь добраться до директора. Торес шагнул назад, и Сабрина задохнулась от удивления — у директора такие же имплантаты, как у неё. Отбросив охранника в сторону, Сабрина рванула вперёд. Тут Торес вытащил из-за пазухи шокер и ткнул её в живот. По телу принцессы прошёл ток. Боль была невыносимая. Заорав, она упала на колени. Другие стражи обошли её с двух сторон и начали избивать ногами и дубинками, с криками и плевками. Где-

то вдалеке визжала Елизавета.

— Не троньте Лиз, — пыталась прошептать Сабрина, но боль от сломанных ребёр перебивала попытки заговорить. Охранники продолжали месить принцессу. Боли от отдельных ударов она уже не чувствовала — лишь жжение по всему телу. Глаза заплыли, а губы превратились в огромную лепёшку. Несчастный нос снова сломался.

Спустя вечность, когда она перестала вообще что-то ощущать, охранники прекратили экзекуцию. В ушах звенело. Губы Сабрины целовали пол. Отчётливо пахло дерьмом. Кто-то даже произнёс: «Неужели эта сучка обосралась? Вот тварь!»

Перед взором возникла физиономия Тореса:

— Пойми меня правильно, принцесса. Твой дед захватил власть и ждёт, что ему это простят. Но он совершил огромную ошибку, доверив вас мне. Ты с сестрой отныне мои заложники. Главное не бойся. Хуже не будет. Ты будешь работать, а Елизавета учиться. Но под моим строгим контролем. Если Карл сделает что-то, что мне не понравится, что же…

Директор раздваивался в глазах принцессы. «Только бы перестала болеть спина, — подумала Сабрина. — А там уже я как-нибудь справлюсь…»

— Я приму жёсткие меры. Никто вас не убьёт. Но от вреда беречь никто не будет. А пока… Фрэнк?

— Да, сэр?

— Вытащите из неё имплантаты.

— Сэр?.. Но… это же богохульство…

— Так и есть, — лицо Тореса приняло каменное выражение. — Но иногда ради истинного величия приходится запачкать руки. Приступайте. И запомните — она должна выжить!

Сабрина почувствовала, как её приподнимают за сломанные руки. Чудо, что она ещё оставалась в сознании. Охранник, что держал её, всем своим видом пытался выразить сожаление. Сабрина бросила быстрый взгляд на пол. Там, в лужах её крови, лежала Елизавета. Нетронутая, но отключившаяся от перепуга. «Пусть. Так даже лучше», — подумала Сабрина.

Охранник вытащил нож и произнёс:

— Ну, с Богом.

Тьма накрыла её прежде, чем клинок вошёл в плоть.

* * *

Она открыла глаза. Мир плавал в алых пятнах и отвратительно звенел. Где-то на краю сознания хрустели

сломанные кости.

Рыдал ребёнок. Подняв взгляд, Сабрина поняла, что плачет Елизавета.

— Что они с тобой сделали… — причитала девочка, гладя разбитое тело сестры.

— Не надо, — прошептала Сабрина. — Не надо… измажешься кровью… Не плачь… кто-нибудь увидит…

От этого Лиз заревела ещё сильнее. Сабрина потянулась плечом — и поняла, что не может двинуться. Руки и ноги покрывали неглубокие порезы. Не сумев вытащить все имплантаты, шавки директора просто проткнули их. Всё тело ныло, будто в него воткнули миллионы маленьких, настырных иголок, но боли не было. Похоже, ей вкололи стимуляторы. «Какие заботливые ублюдки. Да вот только к медикам отнести не потрудились».

Стены и пол покрывала мелкая плитка, слева и справа находились длинные ряды раковин с зеркалами. Перехватив взгляд сестры, Елизавета погладила её по лбу:

— Я оттащила тебя в туалет. Как только охранники ушли…

— Ты всё правильно сделала, — прошепелявила Сабрина. Пошарив языком, она нащупала вместо трёх зубов лишь обломки. Кровь уже почти свернулась.

Позади грохнула открываемая дверь, и Елизавета в ужасе посмотрела на проход.

— Кто там? — выдавила она.

Ответ на её вопрос ворвался в туалет тремя взрослыми мужчинами в серых комбинезонах. Заляпанные, узкие и угловатые, рабочие больше напоминали животных, чем людей. Высохшие лица покрывали болячки. Самый высокий хлопнул грязными ладонями и засипел:

— Я тут краешком уха услышал, будто бы к нам принцесска попала! Ну, девочки, кто из вас двоих она?

— Не трогайте её! — закричала Елизавета. Сабрина рвалась подняться, но переломанные руки отказывались её держать. Даже через пелену стимуляторов она чувствовала отдалённые отголоски боли.

— Заткнись, сучка! Не визжи! — заводила ткнул в девочку пальцем и начал расстёгивать комбинезон. — Так, парни, я первый.

— С чего это вдруг? — возмутился рабочий с тёмной кожей и короткими волосами. — Ты и так в прошлый раз был первым!

— Если тебе так охота, можешь взять себе мелкую, — пожав плечами, ответил заводила. — А у меня сегодня бифштекс с кровушкой. Давно же не трахал таких беспомощных…

— Осторожнее, — отозвался третий. — Директор предупредил же: «Делайте с ними всё, что хотите, только не убивайте». Иначе он с нас шкуры спустит.

Скрипя остатками зубов, Сабрина пыталась отползти назад и прикрыть собой Елизавету. Младшая сестра обмерла. Принцесса слышала над ухом её короткое, отрывистое дыхание. «Нет, с тобой ничего не случится. Я не позволю».

Заводила только сбросил комбез, оставшись лишь в майке и подштанниках, как за его спиной снова грохнула дверь.

— А это что за хрень? — выдал он и повернулся. Через несколько секунд рабочий полетел в сторону, по пути ударившись затылком об раковину. На месте, где было его лицо, в воздухе застыл кулак. Двое его подельников застыли на месте. Вошедший незнакомец схватил одного за грудки и выкинул в коридор, оставшись наедине с третьим. Тот прислонился к стене и, щупая её руками, забормотал:

— Диомед, клянусь, мы не планировали ничего такого…

— Правда? — прогремел мужчина. Ростом под два метра, лысый и в годах, он вдруг напомнил Сабрине Клэя — только поспокойнее. — Запомни, Танджир, что бы тебе ни говорил Сардар, — мужчина махнул рукой в сторону заводилы, — мы не насилуем! Мы не животные! Директор хочет подчинить нас низменным инстинктам. Но мы не такие, ясно?

— Да, Диомед! — рабочий закивал и драпанул в коридор.

— И разнеси весть всем! — прокричал ему вслед лысый громила. Обернувшись, он присел над поверженным Сардаром. Тот лежал на полу, скуля и ощупывая кровоточащий затылок.

— Диомед! Сука! Ты за все ответишь! — крикнул он. — Паркеру не понравится, когда он об этом узнает!

— Уверен? А вот мне кажется, он будет в восторге, узнав, что его пехотинцы тут членами размахивают. Остынь, пока не поздно.

— Тебе конец! — проорал Сардар. — Я знаю, где ты спишь! Мы с ребятами придём за тобой!

— Можете попытаться, — пожал плечами громила, а затем треснул рабочего кулаком. Тот мгновенно вырубился. Бросив Сардара, лысый подошёл к Сабрине и резко наклонился к её уху. Принцесса хотела отпрянуть, но мужчина удержал её:

— Здесь повсюду камеры и микрофоны. Не могу тебе всего сейчас рассказать. Просто доверься мне. Я отнесу тебя к медикам.

Сабрина нехотя кивнула — будто бы у неё вообще был выбор.

— Пойдём, — прошептала она Елизавете.

Мужчина перекинул избитую принцессу через шею и потащил её, да так, будто Сабрина весила не больше пушинки. За какие-то десять минут они пересекли все жилые отсеки, несколько постов

охраны, пару лестниц и, наконец, оказались у двустворчатых стеклянных дверей. Над ними висела узкая вывеска, гласившая «Медцентр».

За дверьми находился пронзительно белое помещение, переполненное каталками, перегородками и столами. Отовсюду слышались стоны и пиканье мониторов жизненных функций. Будто из-под земли возник врач в длинном белом халате и колпаке с распятием. Его лицо закрывала маска, из которой топорщилось четыре пары аугментических глаз.

— Живо, на операцию, — без лишних разговоров произнёс доктор жестяным голосом и щёлкнул пальцами. — Сестра, готовьте оборудование!

— Я слышал, ты предала Синдикат? — прошептал Диомед, укладывая Сабрину на ближайший хирургический стол. Принцесса дёрнулась, когда несколько десятков игл воткнулось ей в спину, закачивая обезболивающее.

— Почти, — ответила девушка. Лекарства били в голову, замутняли сознание. Елизавета нащупала её руку и крепко сжала. Сабрина лишь кивнула в ответ.

— Мне это нравится, — ответил лысый. — Отдыхай. Поговорим, как придёшь в себя.

— Когда я приду в себя, — выдавила Сабрина, — мы придумаем, как сбежать отсюда.

12. Боевые потери

«В древние времена люди ухаживали за вещами, стараясь продлить их срок.

Мы предпочитаем просто печатать новые. Нетерпение к прошлому — болезнь нашего времени. Мы так стремимся убежать вперёд, что не замечаем остающихся на обочине…»

Игнаций Тэлиен, «Теория государственности»

5 июня, 541 год после Освобождения

Женщина еле увернулась от бутылки вина, что с грохотом разбилась о стену, окатив всё вокруг багровыми реками. Красные пауки-уборщики медленно сползали вниз, всасывая в себя следы ссоры.

— Прекрати! — прокричала Алисия, заливаясь слезами. Как же она была красива в печали. Потёкшая тушь превращалась в чёрные реки отчаяния, покрасневшие глаза испускали боль. Умные татуировки распятий на шее испускали желтизну, напоминая разгар осени во Вне, сигнализировали о стрессе. Всё существование Алисии наполнялось поэзией безысходности. — Ты с ума сошёл?!

— Заткнись, сука! — проревел Клэй, ударив кулаком по столу и проделав в нём дыру. Уборщики нехотя поползли к разлетевшимся щепкам. — Нравится внимание, да?! Я всегда знал, что ты со мной только из-за денег, вонючая шлюха!

— Прекрати бредить! Взгляни на себя! Раз герой, значит, можешь делать что хочешь?! — Алисия шмыгнула. — Я ведь любила тебя, мудак!

— Закрой свой поганый рот, стерва, — рыкнул Клэй. — Убирайся из моего дома!

Продолжая плакать, Алисия сорвала с вешалки плащ и исчезла. Клэю на секунду показалось, что она забрала с собой весь свет, но иллюзия быстро прошла. В повисшей тишине отчётливо слышалось урчание утилизатора, печатавшего еду. Джейсон потёр кулак. Он никак не мог вспомнить, с чего начался

их спор. Пол усеивали осколки, повсюду разливались алые ручьи. Сломанный стол покосился набок. Вскоре от этого ничего не останется — пауки-уборщики знают свою работу. Намного лучше, чем люди. Клэй почувствовал тянущую боль в груди. Нет, это не фальшивые органы, это намного хуже. Его скомкали и выбросили на свалку. Опять.

Он вытаскивал Йозефа на своём горбу, рыча и матерясь. Пот рвался из пор, заливал кожу, делал её липкой и вонючей. Форма прилипла к телу. Ветки резали лицо, а горячий воздух всё никак не хотел умещаться в лёгких. Позади вопили на своём птичьем языке сааксцы, стреляли в воздух, обещали скорую расправу. Клэй открыл глаза. «Почему я вижу всё это?»

Воспоминания редко преследовали его, но сейчас они наплывали одно за другим. Самые худшие моменты, о которых каждый предпочёл бы забыть, возвращались как ответная пуля врага — и так же больно жалили. Голова раскалывалась. «Какое сегодня число?»

Он не помнил, как включил экран. Пора бы удалить из избранного новости спорта — Клэй перестал следить за счётом любимой команды регбистов незадолго до вторжения, а после уже стало не до этого. Пролистав несколько каналов, на которых разукрашенные звёзды вещали о долге перед государством и страной, Клэй наткнулся на документальный фильм. С удивлением Джейсон узнал на картинках себя. Серьёзный ведущий в деловом костюме, прогуливаясь мимо Мемориальной плиты, вещал:

— Лишь незадолго до конца Второй Священной Войны паладин Клэй начал ставить под сомнения безумные приказы Воительницы. «Неужели насилие — единственный выход из ситуации? — вопрошал он. — Неужели нельзя найти способ мирного сосуществования с сааксцами?» За эти речи Анора понизила героя до рядового и поставила на острие атаки вместе с обычными пехотинцами. Но Клэй не испугался. Как истинный солдат, он отправился исполнять свой долг…

Если Джейсону не изменяла память, до рядового его понизили за избиение капитана Хэйнса. Мерзкая история — говнюк продавал оружие и боеприпасы сааксцам, готовым их купить. Если бы его не оттащили солдаты, Клэй бы просто забил ублюдка насмерть. После этого Хэйнс бесследно пропал, а Джейсона лишили командования своим отрядом. С другой стороны, Клэй понимал важность дисциплины. Нельзя просто так начистить рожу вышестоящему офицеру и уйти без поджопника от командования. К тому же, исчезновение капитана походило на работу военной полиции, а она любила наказывать аккуратно и

без шума — в конце концов, предатель получил своё.

Но штурм Караса перевернул всё.

— Ещё обижаешься на Анору? — фыркнул голос под ухом. Клэй постарался не дёрнуться. Если не обращать на призрака внимания, он должен исчезнуть. Через минуту воображаемый сааксец испарился, оставив лишь дымку из сожалений и горечи.

«Это всё в твоей голове, — втолковывал себе Клэй. — Возьми себя в руки, чёрт возьми!»

И всё же, появление призрака казалось донельзя актуальным. Рано или поздно, все грехи возвращаются.

Коммуникатор известил, что сегодня уже пятое число. Утилизатор закончил готовить еду, и Клэй нехотя пообедал. Идеально подобранное кушанье для энергичного организма — минимум жиров, достаточно белков и большое количество углеводов. Но на вкус не лучше дерьма. Запив скудный обед кисло-сладким соком, Джейсон потянулся напечатать пиво, но передумал. Пора взять себя в руки. С награждения прошло целых три дня. Клэй бессильно сжал кулаки, вспомнив тогдашний беспорядок. Он хотел предупредить всех, что поддерживать притязания Карла на Нижние Уровни — гиблое дело. Зачем людям ещё одна война?

Пусть он никогда не станет хорошим человеком, но хоть спасёт остальных. Не получилось. Война продолжается, пусть и на Нижних Уровнях. Даже если жители Старого Города ничего не замечают, сыновья и дочери продолжают гибнуть из-за капризов короля.

Он не остановил войну. Зато стал спасителем сына Джошуа Роско. Подумать только, на гостя короля напали его гвардейцы. Клэй спустил все ресурсы, чтобы раскопать правду. Выяснилось, что под красными мундирами прятались наёмники без лицензий. Ни имён, ни связей, ни прошлого. Убийц будто вообще никогда не существовало. Оставалось загадкой, как они сумели попасть в гвардию незамеченными. Даже поиск по внешности не дал ничего. Скорее всего, архивы банально удалили, а это стоило огромных денег. Кто-то очень и очень серьёзно хотел убрать Роско с поля. Что же, парёнек по слухам способный, сам разберётся.

Клэй пошевелил левой рукой. Благодаря королевским медикам, рана на бицепсе быстро затянулась, не оставив и следа. Клэй проявил «героизм, достойный высшей похвалы», как выразился Карл. Джейсон получил ещё одну ненужную медаль, и теперь по новостным каналам только и делают, что о нём говорят. Вот так: хотел отвести от себя внимание, появившись во Дворце, а в итоге только привлёк его.

И вот он сидит в своей тесной конуре три дня спустя, один, с несколькими медалями, никому не нужный и чертовски злой. Нет, депрессии поддаваться нельзя.

«Чёртова сука эта Алисия, — подумал он, — любительница мальчиков, мать её…»

Она сказала, что пора уходить из полиции — вот из-за чего они повздорили. Как только Клэй стал знаменитым, жёнушку будто подменили. Алисия стала до тошноты обходительной и до головной боли назойливой. «Джейсон, когда мы переедем отсюда? Когда мы получим гражданство? Джейсон, а если тебя вдруг убьют? Джейсон?»

Так что же случилось? Вроде как он поймал её на переписке с молодым стажёром из убойного отдела? Да, точно! Из-за этого же он развёлся с Кейт. Та тоже спуталась с каким-то детективчиком и свалила. Время ходит кругами.

Клэй ждал момента, когда ему просто станет на всё плевать. Но тот отказывался приходить.

— Не ты их бросил, а они тебя, шизик, — в зеркале мелькнула синегубая ухмылка. Клэй закрыл глаза. Так долго продолжаться не может. Призрак доконает его, рано или поздно. Пока ещё Клэй осознаёт, что сааксец нереален, а что потом? Стоит кому-то рассказать, его точно отстранят от работы, а может и вообще в дурдом упекут. Восьмая статья, мать её.

Расплывчатые картинки продолжали выползать из глубин памяти.

«Братан, спасибо, — шептал Йозеф, пока Клэй тащил его на себе, улепётывая от синегубых. — Только не бросай меня, только вынеси отсюда, я тебе по гроб должен буду…»

«Почему вспомнился именно он? Почему сегодня?» — спрашивал себя Клэй.

После ранения Йозефа отправили домой. Джейсон даже испытал лёгкую зависть. Йозеф отделался шуточным ранением, провалялся месяц на реабилитации, а потом заслужил пенсию от Синдиката до конца жизни. Клэй потерял на войне не только кишки с обеими руками, но и частичку души.

Он вернёт её, если убьёт сааксца.

Клэй открыл коммуникатор. Почта потихоньку заполнялась письмами. По его просьбе техники собирали досье на Тайрека Маута. Факты его жизни приходилось практически силой выковыривать у Синдиката — будто Семьи не хотели, чтобы синегубого поймали.

Он должен найти ублюдка и уничтожить. Должен искупить вину. Иначе вся пролитая на войне кровь была напрасна.

Коммуникатор завибрировал, на дисплее появилось окошко

вызова. Клэй принял звонок.

— Клэй? — послышался гнусавый голос. Даже через помехи Джейсон узнал сержанта Сандерса. После стычки на площади Освобождения, Клэй не поддерживал с узкоглазым умницей связь. Комиссар хотел смерти сержанта. С такими людьми опасно было продолжать знакомство.

— А, это ты, Джимми?

— Прекрати так всех называть.

— Только после смерти. Зачем звонишь?

— Надо поговорить, — Сандерс гулко проглотил слюну. — Кое-что очень важное.

— Уж не про Оливковую ли Ветвь? — съязвил Клэй.

— Нет. Поговорить не по коммуникатору. Нужно встретиться. За пределами Башни. Как можно быстрее, понимаешь?..

— Сандерс, — проскрежетал Клэй, — я ясно выразился, как отношусь к твоим делишкам. Мне повторить свои слова?

— Помоги мне! — почти вскричал сержант, но понизил голос на полтона. — Мне больше не к кому обратиться.

— А Альберт, Тори? — процедил Клэй.

— Они погибнут, если попробуют связаться со мной.

«А мне ничего не грозит, да? Всё чудеснее и чудеснее».

— Чего ты хочешь, Джимми?

— Встреть меня. Пятнадцатый Сектор, старое здание аркад.

— Это же окрестности площади Освобождения? — вот уж куда меньше всего Джейсону хотелось ехать, так это на место своего преступления.

— Ты не ошибся. Я хочу кое-что показать. Если скажу, ты не поверишь.

Что-то в голосе Сандерса говорило Джейсону: «Всё очень серьёзно».

— Ну, хорошо, — Клэй почти был готов согласиться. — Если я помогу, что мне за это будет?

— Ничего, — Сандерс тяжело вздохнул. — Но если не поможешь, начнётся война.

…они развесили на деревьях трупы мирных жителей, как и приказала Воительница. В небе свистели и выли Стражи, рассекая плотный воздух крыльями и сбрасывая вниз покореженные тела. В их истошной какофонии смерти отчётливо слышался смех. Так, наверное, смеялись мертвецы. Клэй проводил одного взглядом, чувствуя дрожь. Он никак не мог понять, как сааксцы их не боятся — у Джейсона под ложечкой сосало, стоило слугам Эдема появиться на поле боя. Каждый раз десантник радовался, что Стражи на их стороне. А может синегубые боялись, но постоянно перебарывали страх. Ещё один труп влетел в перепаханную

снарядами и пропитанную кровью землю. Но идущим цепочкой пленным, казалось, уже было на всё плевать. Первенцы уводили их в тыл для допроса. Потом Клэй повезёт их франту с красным бантом на убой. Багровый закат бросал тени на смуглые лица с горящими глазами. Под чутким присмотром десантников, сааксцы и не думали рыпаться. Йозеф, усмехаясь сквозь усы, схватил за волосы девочку лет четырнадцати и потащил за собой с недвусмысленными намерениями. Та, зарычав, умудрилась вывернуться и драпанула к джунглям. Маленькие лопатки работали под туго обтягивающей скелет кожей. Йозеф матернулся и поднял пулемёт. Не успела девчонка пробежать и ста метров, как очередь десантника настигла её. Опустив дымящийся ствол, Йозеф подмигнул:

— А ведь сильная сучка была. Жалко даже.

Он мог включить ранец, в один прыжок догнать девчонку, вернуть обратно. Но предпочёл выстрелить. Что же, если бы он не пальнул, Клэй бы убил девчонку сам. Они не имели роскоши пощады. Каждый сбежавший крестьянин — потенциальный пехотинец.

Джейсон скрипнул зубами. Видения становились всё хуже. Он отпустил Тайрека, и тот устроил войну. Допустить новую Клэй не имел права.

— Хорошо, — протянул Джейсон. — Жди меня.

С сааксцем он пролетел, так пусть хоть с Сандерсом справится. Судя по тону, узкоглазый сержант был готов на всё. Идейный борец с коррупцией, у которого мозгов достаточно, чтобы намутить дел. Такие люди опасны, Клэй знал это. Он сам таким был.

Накинув кожаную куртку бордового оттенка и натянув на голову красную кепку «Севильских Бомбардиров», Клэй вытащил из-под дивана чемодан со сложенным внутри дробовиком. Он тщательно почистил и смазал каждую деталь, но применения «Метёлке» больше не находилось. С собранным дробовиком его никто не пропустит, а везти в чемодане нет смысла. Поразмыслив, Клэй взял с полки табельный «Тацит» — семизарядную полуавтоматическую машинку смерти с достаточно крупным калибром, чтобы кому угодно испортить день. Сунув пистолет за пазуху, Джейсон сразу почувствовал облегчение.

Он вытряхнулся на улицу и двинулся к лифтам. На дорогах не было ни одной машины — казалось, копы впали в спячку. А может, сыграла роль война: все торопились на чистку окраин. Тем удивительнее, что не успел Клэй пройти пары блоков, как услышал за спиной автомобильный сигнал. Незнакомец

неторопливо припарковался. Дверь открылась, и наружу вышел так хорошо запомнившийся смуглый мужчина с синей полоской на нижней губе. Чёрные волосы, при первой встрече с прилежностью зализанные назад, сейчас растрепались и были насквозь мокры, будто сааксец только выскочил из душа. Вполне возможно, так и было. Куртку детектив сменил на длинное пальто цвета свежей земли, а торс прикрыл бронежилетом с бронзовым полицейским жетоном. «Подготовился к неприятностям. Подумать только, две недели не виделись».

— Ну, здравствуй, синегубый, — крикнул Клэй, сжав кулаки в карманах и силясь вспомнить имя детектива. «Как его? Антар де Салман?» Вместе с именем пришла картина дня вторжения. Детектив принёс плохие новости и направил отряд Сандерса прямо в пекло. Новая встреча ничего хорошего не предвещала.

— И тебе не хворать, альбиносик, — ответствовал синегубый. Глаза его сильно впали — ублюдок явно не высыпался. Вынув из кармана пачку сигарет, де Салман закурил. — Тебе не предлагаю. Бывшему солдату зашкварно брать что-то у сааксца, а?

— Не помню, чтобы мы были на «ты», Джимми. Чего надо? — насупился Клэй.

Синегубый неторопливо затянулся и выпустил колечко дыма.

— Жуткий ты всё-таки мужик, Клэй, — наконец произнёс сааксец. — Дело, наверное, в неправильных чертах лица. Ты весь какой-то нетипичный, не первенский. С таким отчаянным стремлением к совершенству странно, что тебя при рождении в утилизатор не сунули. У меня на родине клан один был, который возглавлял альбинос.

— И что с ним стало?

— Ну, вождь не хотел присоединяться к Союзу. Я и приказал ему ноги отхерачить, — ухмыльнулся Антар. — Ты бы видел его лицо! Белячок всю жизнь себя считал особенным. Но вот, лежит он в грязи, ног нет, кровь хлещет только так, а помочь некому. Его свои даже закапывать отказались, пришлось мне солдат назначать.

За спиной детектива мелькнул призрак, и Клэй потерял терпение.

— Извини, смуглячок, нет у меня времени на твои истории. Я спешу.

— Уж не к Сандерсу ли? — едко поинтересовался сааксец. Клэй с подозрением уставился на де Салмана.

— Откуда ты знаешь? — прогавкал он.

— Я знаю много чего, о чём ты даже не догадываешься, — промурлыкал сааксец в ответ. — Идём ко мне в машину, я тебя подброшу.

Клэй не стал возражать — в конце концов, Алисия оставила его без автомобиля. «Вот ведь вредная баба».

Салон встретил копа духотой и лёгким запахом пряностей. На зеркале заднего вида висело обычное распятие, но украшенное странными знаками. Их значение оставалось загадкой, но, скорее всего, пришли они из священных текстов сааксцев — Клэй видел что-то похожее, когда взрывал деревянные храмы во время войны. Сев на водительское место, Антар будто втянулся в кресло, стал его частью. Он сделал машину своим маленьким домом, кусочком Союза в чреве Первого Города. Клэю не терпелось всё здесь сжечь.

Затянувшись последний раз, Антар выкинул окурок и закрыл окно. «Ну что тебе стоило купить пачку-утилизатор?» — подумал Клэй.

— Я представляю Секцию Двенадцать, — начал де Салман. — Слыхал о такой?

— Не исключено, — осторожно ответил Клэй.

Конечно же, он слышал. Не было ни единого копа, не знавшего о Секции Двенадцать. Практически все считали её легендой, однако Клэй подозревал, что слухи откуда-то да выросли.

— Нас двенадцать, это очевидно, — произнёс детектив и завёл двигатель. Автомобиль покатил по дороге к лифтам. — Мы работаем во тьме, чтобы сохранить свет, бла-бла-бла и прочее такое. Без нас вся эта сраная организация развалилась бы давным-давно.

— Так вы что, типа хранителей традиций? — поинтересовался Клэй. — Как же тебя туда приняли, синегубый?

— Даже самые ригидные социальные институты способны эволюционировать, — с умным видом отчебучил де Салман. Клэю захотелось выдавить ему глаза. — Мы что-то вроде тайного совета, мы решаем, куда полиция двинется дальше и что будет делать. Что лучше для организации. В общем, твой дружок Сандерс нарыл кое-какое говно, которое грозит нам войной с Синдикатом. Ни ты её не хочешь, ни я. Комиссар Фарго тоже особым желанием в войнушку играть не горит.

— Эдем создал полицию, чтобы следить за Семьями, — буркнул Клэй. — Если мы не выполняем свою миссию, какой от нас толк?

— Э, дружок, в жопу правила! — окрысился де Салман. — Ты солдат, ты войну видел и лучше всех понимаешь, что каждый должен держать член в штанах, а не размахивать им налево и направо. Если мы пойдём войной на Синдикат, нас сотрут в порошок. Поимеют в задницу без смазки, понятно? Пока ещё есть возможность, нам с Семьями надо бы замять это дельце. В долгу

они не останутся, уж поверь.

— Вижу, у тебя обширный опыт, — сказал Клэй. — Сколько раз тебя имели без смазки, а? Слышал, синегубые, очень любят с детьми таким заниматься.

Лицо Антара стало серьёзным.

— Шути-шути. Я, бледнолицый, многим пожертвовал, чтобы оказаться на этом месте. Больше, чем кто-либо ещё. Некоторые вещи мы вынуждены делать. Хотим, не хотим, судьбе плевать. Мы просто исполняем высшую волю, она же диктует наши обстоятельства. Со временем ты поймёшь.

Что-то промелькнуло в глазах сааксца. Клэй узнал это чувство. Сожаление.

— Так значит, я не ошибся, — произнёс он, меняя тему. — Мы оказались на передовой, потому что комиссар хотел смерти Сандерса. Мы должны были сдохнуть, борясь со Стрелками.

— Комиссар ни хера не знает, — ответил детектив, подруливая к лифту. Массивные двери гостеприимно разошлись, приглашая внутрь. Сааксец загнал автомобиль на платформу, щёлкнул коммуникатором, указав этаж. Лифт заскрипел, двигаясь вниз. — Я лишь сказал ему, что нам грозит война с Синдикатом, и он отдал мне приказ разобраться. Любыми. Возможными. Способами.

«Так вот оно что. Значит, любишь блефовать, сукин сын?»

— Буч знал о твоём плане? — уронил Клэй, вспомнив импульсивного спецназовца, сгоревшего вместе с экзоскелетом. «Уж кто бы говорил про импульсивность».

— Он был одним из нас, одним из двенадцати, — сказал де Салман. — Он должен был удостовериться в смерти Сандерса, но что-то пошло не так.

«Да. Его БТР подбили. А потом нужно было срочно разбираться со Стрелками».

— Ты думаешь, почему я тебе всё рассказываю, умник? — продолжал де Салман. — Буча больше нет, а нам нужен крепкий и здравомыслящий мужик на его место.

— Ты хочешь, чтобы я вступил в Секцию?

— Я только что именно это сказал, — Антар харкнул, но сплёвывать не стал. — Слушай, всё очень просто. Ты находишь своего дружка, а затем сносишь ему голову, а материалы, что у него есть, приносишь мне, окей? А дальше мы решим, что с тобой делать.

— Если я не соглашусь? — спросил Клэй.

Антар закатил глаза.

— Жену любишь? — спросил он. Клэй застыл.

— Ты не посмеешь, — сказал он. Ему отчётливо вспомнился

ствол Воительницы у лица. Тогда он произнёс те же слова. Но Анора посмела. Она разорвала его жизнь на кусочки, и Клэй до сих пор не мог её склеить.

— Руки у нас не то чтобы длинные, но очень, знаешь, цепкие. Могут случайно не только её зацепить.

Заплаканное лицо Алисии висело перед внутренним взором Клэя. Грусть, застывшая в глазах, терпкий вкус слёз. После развода Джейсон долго не мог вылезти со дна бутылки, и только Алисия дала ему смысл жить дальше. Она практически вытащила его со дна, когда он уже отказался от всякой надежды и готов был умереть. Показала, что есть ещё выбор, что можно продолжать, несмотря ни на что.

Как она могла его предать?

— Я тебя понял, — ровным голосом ответил Джейсон. Антар улыбнулся в ответ. «Грязно играешь, — подумал Клэй. — Ох, как же грязно ты играешь, сука».

— Ты станешь героем, дружище! — пропел детектив.

— Я сделаю это не ради славы, — процедил Клэй. — Не ради тебя, твоей драной Секции или сраной карьеры. Политические игры всегда стоят крови и тысяч разрушенных жизней. Но может мне получится хоть раз всех спасти.

— Можешь повторять это, — сказал Антар. — Если такие слова тебя так успокаивают…

Через минуту лифт остановился. Антар подвёз Клэя до входа на станцию монорельса. Джейсон не стал прощаться. Кинув холодный взгляд на детектива, он проследовал к входу.

Снова зазвонил коммуникатор. Взволнованный голос Сандерса возвестил:

— Ты скоро? Пожалуйста, поторопись.

Клэй едва протолкнул комок в горле. Ему никогда не нравился сержант, но удара в спину тот точно не заслуживал.

— Сказал же, скоро буду.

Двигался он как во сне. Улыбчивая контролёрша, турникет, двери поезда. Чёрный постер на боку вагона с солдатом, говорящим «Ты нужен королю!». Казалось, никто кроме Клэя его не замечал.

За окном мелькали Сектора, жилые блоки, мосты, да офисы. И рекламные щиты, один за другим. С половины из них на Клэя смотрело узкое лицо смуглого молодого человека с зачёсанными назад волосами. Тёмные впавшие глаза светились настороженностью и жестокостью. Нижнюю губу пересекал шрам.

«Тайрек Маут. Ничего, ты подожди чуть-чуть. И до тебя доберусь. Но сначала Сандерс».

Когда мелькнул пятнадцатый подряд щит с изображением

сааксца, Клэй хихикнул и ткнул под бок стоявшего рядом мужчину в очках.

— А они не скупились на постеры, а?

— О чём вы? — осторожно спросил незнакомец.

— Да я уже какой раз вижу его рожу на билборде, — ответил Клэй.

— Чью?

— Ну, сааксца, который вторжение устроил.

Мимо пронёсся очередной рекламный щит, только на нём синегубый показался Джейсону младше.

— Вот, опять! — Клэй ткнул пальцем в сторону билборда. Мужчина поправил очки и тихим голосом сказал:

— С вами всё в порядке? Вы не очень хорошо выглядите.

— Ты о чём?

— У вас что-то с глазами…

— Со мной всё нормально! — раздражённо отрезал Клэй.

— Уверены?

— Да я говорю же тебе… — Джейсон поднял взгляд и обомлел. Лицо мужчины загорелось и облетело золой. Из-под него вылезло другое, так хорошо знакомое. Сааксец стоял прямо напротив Клэя и смеялся, скаля острые зубы.

— У вас что-то с глазами, — повторил синегубый. — Потому что на том щите изображён король.

* * *

Он не помнил, как оказался здесь. Помнил лишь, что находясь в вагоне сделал звонок Миямото. Помнил собственное сбивающееся дыхание и торопливо вырывающиеся слова:

— Мне нужна помощь, док. Срочно нужна помощь. Со мной что-то… серьёзно не так.

— Приезжайте как можно скорее, Клэй, — Миямото не на шутку разволновался. — Чем раньше начнётся лечение, тем быстрее мы победим болезнь.

— Надо разобраться сначала с важными делами.

— Неужели они не терпят отлагательства?

— Ничто не терпит, док.

Всё дальнейшее как в тумане. То ли он доехал на попутке, то ли дошёл пешком. Впрочем, не так уж это было и важно.

Он снова оказался на площади Освобождения, на месте, от которого так стремился сбежать. Статуя всё так же стояла на постаменте, нетронутая войной. Клэй всё время задавался вопросом, из какого материала её сделали. Удивительно, как

после всего произошедшего на ней не осталось и царапинки. Фигура на площади всегда внушала Клэю надежду. Освободитель в полном боевом доспехе, с мечом и щитом, расправлял крылья за спиной и указывал клинком наверх. «Становитесь лучше!» — будто бы говорил он. Да куда уж там…

Жилые дома вокруг снова заселились людьми, а саму площадь заполонили паломники и обычные зеваки. В руках они держали самодельные распятия. Клэй моргнул. Стоило на секунду отвлечься, как снова полезли искалеченные тела и реки крови. Он ворвался в толпу и активно заработал руками. Прохожие бросали беспокойные взгляды, но никак не комментировали его поведение. Между тем, Клэй, наконец, пробился к постаменту статуи и увидел бронзовую мемориальную доску.

«Джошуа Роско, а также всем погибшим при защите площади Освобождения». Ниже шло перечисление пропавших солдат подразделения Роско. Официально никто не выжил. Но если Стрелки были хоть вполовину честны, пленники остались в целости и сохранности. Клэй погладил доску ладонью. Роско должен был выжить. Всё должно было пройти совсем не так. Это его вина, его, и ничья больше.

Среди имен он увидел сержанта Буча и чуть не засмеялся. Маленький сукин сын всё же получил посмертную награду, хотя заслуживал полного и бесповоротного забвения. Клэю хотелось вытащить его распылённые на молекулы останки из утилизатора, сплавить обратно в человека, а получившийся результат запытать до смерти.

Толпа вокруг напирала, издавая равномерный гул. Не меньше пары сотен человек собралось на площади. Клэй поднял взгляд и увидел, как из окон жилых зданий высовываются люди, кричат и машут руками. Его пронзило ощущение ненужности. Эти люди заслуживали большего. Лучших героев, чем он.

— Это… это ведь вы? — молодой человек позади, сжимающий в ладонях распятие, тронул Клэя за плечо. — Вы ведь тот самый Джейсон Клэй, не так ли?

— Я не совсем… — попытался было отмазаться Джейсон, но его тут же перехватила женщина лет сорока.

— Да, это он! — почти вскричала она. — Все сюда! Это сам Джейсон Клэй!

Люди в толпе оборачивались на её крик, и Клэй почувствовал, как в лёгких стало мало воздуха. Лица паломников расслаблялись, на них появлялись улыбки, стоило им увидеть копа.

— Вы мой герой! Наш спаситель! — чуть ли не рыдая,

заявила девушка с короткой причёской и повисла у него на шее. Клэй еле отлепил её от себя.

— Это очень мило, — пробормотал он, — но мне надо бежать.

Паломники не слушали.

— Спасибо! — проорал пожилой рабочий в кепке «Севильских бомбардиров».

— Моя сестра живёт в соседнем районе, — бормотал молодой человек, первый увидевший Клэя. — Если бы не вы, Стрелки бы прорвались, а дальше одному Богу известно… Спасибо вам, спасибо…

— Наш спаситель!

— Настоящий герой…

— Спасибо Господу за вас, мистер Клэй.

— Пожалуйста, примите это распятие в дар. Если что-нибудь понадобится, звоните по номеру…

— Слава храбрецу!

— Благослови вас Бог, всех благ вам.

Клэй не на шутку перепугался. Выставив руки вперёд, он медленно отступал вокруг статуи, надеясь, что с той стороны толпы его ещё не заметили. Увы, там тоже услышали крики. «Неужели вы не видите? — хотелось заорать Джейсону. — Никакой я не герой и не спаситель! Всё могло бы пойти совсем по-другому, если бы не я! Стрелки и Синдикат заключили бы мир, чёрт возьми!» Но даже если бы он и сказал это, то вряд ли бы его слова возымели эффект. Руки тянулись к нему со всех сторон, пытаясь дотронуться, хоть раз, словно от этого зависели жизни.

Так, наверное, чувствовали себя святые.

«Хочешь помереть? Нет сил бороться за жизнь? — сказал Кирстен, зашивая ему брюхо. Мир плавился в красных цветах, всё заливала кровь. И один лишь медик стоял между мирами, держал Клэя за руку, не давал уплыть в царство мёртвых. — Раз не можешь жить, так присоединяйся к мёртвым!» Воспоминания снова атаковали его.

И Клэй сдался. Улыбнувшись, он отдался потоку. Обнял подошедшую к нему женщину, начал пожимать протянутые ладони. И не было большей награды, чем счастье на лицах паломников. Водоворот благодарностей захватил его, увлёк за собой, не оставив места печали или злу. Всё разом исчезло. И Клэй понял, что всю жизнь ему не хватало именно этого. Он ненавидел славу, но не так уж и плохо быть слугой народа.

В конце концов, потоки иссякли, хватка толпы ослабла и, рассыпаясь в ответных благодарностях, Клэй прорвался наружу. Он чувствовал себя оживлённым, переродившимся. Кинув

последний взгляд назад, он увидел свет в толпе и огромную, словно растущую из неё, статую настоящего спасителя. Дома снова приобрели жилой вид, улицы очистились от следов войны. Раны в памяти, свидетельствовавшие о бойне две недели назад, начали затягиваться. И только Синдикат продолжал бросать людей в свою мясорубку.

— Можно было и подольше.

Перед Джейсоном стоял парень лет двадцати семи с густыми чёрными волосами. Небольшая прядь прикрывала правую половину лица. Под серым пальто спряталось тренированное тело прирождённого бойца. Ростом незнакомец почти доставал Джейсона. Ощерившись, парень обнажил наращённые клыки. Клэй видел такие у бандитов с окраин. Бедняги думали, что это выглядит устрашающе. Джейсону же они больше напоминали о дешёвых монстрах из старых телепрограмм.

Явно отработанным движением парень пригладил прядь к лицу.

— Надеюсь, не себя предлагаешь? — буркнул Клэй. Парень усмехнулся.

— Обычно я работаю с дамами. Но для понравившихся мужчин делаю скидку.

Джейсон хмыкнул.

— Уж извини, я только по женщинам.

Жиголо хохотнул.

— Нет, дружище, я здесь потому, что меня послал Сандерс. Задержался ты порядком.

— Непредвиденные обстоятельства, — кивнул Клэй в сторону паломников.

— Надо торопиться, — зубастик усмехнулся. — Но без меня вы всё равно не начнёте.

Несмотря на несколько женственные манёры, парень явно был не промах. Отличная физподготовка, явно бывший армеец. На левой стороне шеи маленькая татуировка — не увидишь, если не знать, где искать. «Первая воздушно-десантная бригада, мать её, — подумал Клэй, потрогав свою. — Собрат по оружию, значит?» Под татуировкой несколько цифр — лицензия наёмника. Судя по кистям рук, напичкан имплантатами не хуже синдикатовской офицерщины, но вряд ли хоть половина аугментаций легальна. Парень создавал впечатление взведённой бомбы, готовой взорваться в любой момент. Зачем Сандерсу Клэй, если у него под рукой был этот тип?

— Это твоя? — поинтересовался Джейсон, махнув рукой в сторону припаркованного у обочины маслкара красной расцветки. Зубастик кивнул. Античный драндулет, но Клэй не особо

удивился выбору машины. Щёгольство из зубастика так и пёрло.

— Ты знаешь, а я ведь даже не представился, — произнёс незнакомец, как только Клэй сел в машину. Заведя двигатель, водитель вывел автомобиль к магистрали. — Можешь звать меня Коул.

Джейсона словно током ударило. Вглядевшись в лицо паренька и подметив общие черты, он осторожно произнёс:

— А твоего папашу, случаем, не Йозеф зовут?

— Именно так, — Коул нахмурился, сосредоточившись на дороге.

— Странно, что ты не знаешь обо мне, — произнёс он, подавляя смешок.

— Не знаю? — Коул-младший закатил глаза. — В своё время папаша про тебя все уши прожужжал. Мол, да если бы не ты, его бы в живых не было. Что ты не побоялся и вынес его задницу из джунглей, в то время как сааксцы наседали со всех сторон.

Зубастик цыкнул.

— Я тебя повыше представлял.

— А он не скупился на похвалы, — заметил Клэй. — И много он наболтал? Про войну-то?

— Не очень.

— Ещё бы, — Клэй стушевался, но ненадолго. Стоило взглянуть на паренька, как его снова начал разбирать смех. — Ну и как он отнёсся к твоему выбору профессии? Он же знает, что ты своими драгоценными причиндалами торгуешь?

— Я не только этим занимаюсь, — Коул, казалось, засмущался. — Пять лет назад меня из компашки Карфилдов выперли. После рейдов на Нижние Уровни я конкретно сдал.

— Что ты там повидал? — спросил Клэй. Коул помотал головой.

— Всё, что там было, там должно остаться.

— Ты не хочешь говорить? — нахмурился Джейсон.

— Я не могу, — с нажимом ответил Коул.

«Кондиционирование, — подумал Клэй. — Наёмники чистят своим мозги, чтобы те не разбалтывали секретов компании».

— Я переключился на охранные системы, — сказал Коул. — Ты когда-нибудь слышал о жокеях?

— Извини, я в голубой специфике не разбираюсь, — ввернул Клэй. Коул из молочно-белого стал пунцовым.

— Да чтобы тебя! Что ты знаешь об Операторах?

— Ну, тест на умения проходят абсолютно все. Где-то после шестнадцати Информаторий отбирает самых способных и подключает их к Сети. Типа интерфейс между пользователем и информационным пространством.

— Не совсем, — глаза Коула загорелись. — Операторы и есть Сеть. И она развивается в геометрической прогрессии. Каждый день кто-нибудь сочиняет новые программы, если есть возможность, тестирует их на Операторах, если нет — то на себе. Способен распознавать потоки данных и управлять ими без помощи Оператора — значит, ты жокей. Подобному можно научиться, если долго и упорно тренироваться, некоторым это даётся проще. Мне, например. Не думал, что из солдата стану технарём, но жизнь вообще штука странная. Как бы там ни было, оказалось, что я вхожу в категорию, называемую «курьерами». Строение моего мозга позволяет носить чужие программы и память в упакованном виде без какого-либо вреда для здоровья. Таких очень и очень мало, поэтому Синдикат не трогает нас, в отличие от остальных жокеев. Проще хорошенько оплатить наши услуги, чем искать замену.

— Как же без вас до этого обходились?

— Ну, тогда переносить упакованные в память программы и воспоминания считалось делом опасным для здоровья, но прибыльным. Этим могли и обычные жокеи заниматься. Только погорело дохрена и больше.

— И кто платит?

— Чаще всего Информаторий, иногда Синдикат и королевские службы. Реже всего — банды окраин. Ты знаешь, Сеть всё ещё крайне несовершенна. При пересылке между Операторами возникают… затруднения. А обычная физическая передача не всегда доступна. Специфика системы. Бывало, вместо курьеров использовали смертников. Воспоминания и личность стирают полностью, а потом закладывают в мозг нужные программы. Отвозят к нужному Оператору, перекачивают данные, а пускающие слюни мешки с мясом сразу отправляют в утилизатор. Но это слишком сложно. Проще заплатить нам. Надёжнее, эффективнее и быстрее.

— И как успехи по новому профилю? — иронично протянул Клэй.

— О, ты даже не представляешь, — Коул покачал головой. — Я, поднапрягшись и используя всю свою харизму и талант, сумел спутаться с зачинщиком вторжения! Ничего так, да?

Клэй подавился слюной.

— Ты говоришь о Тайреке? Тайреке Мауте?! — чуть ли не проорал он. Коул поднял руки, будто защищаясь от крика.

— Тайрек всего лишь маленькая деталь произошедшего. Маленькая, но очень важная. Как руль в машине.

— Хорош говорить загадками! — рыкнул Клэй. — О ком ты говоришь? Что ты узнал!

— А-а-а! — погрозил ему пальцем Коул. — Всему своё время.

Пять минут показались Клэю годами. Машина неслась по магистрали, здание аркад становилось всё ближе и ближе. Во время вторжения оно неслабо пострадало — почти что вся верхняя часть рухнула от попавшего снаряда. Но королевского лоска строение так и не потеряло. Зубастик подвёл автомобиль к подземной парковке и вышел наружу, к главному входу.

Клэй спешил по грандиозной лестнице вслед за Коулом. Грифоны всё так же скалились с колонн — типичный артефакт времён Коннорсов. В далеком детстве мифические животные казались маленькому Клэю живыми. Стыдно подумать, что весь этот пафос и блеск оказались потрачены на обитель плохих игрушек. Джейсон заметил, что район выглядел почти что заброшенным — окна жилых блоков не горели, машины, проезжавшие мимо, спешили дальше. Аркады, несмотря на отсутствие людей и просевшую крышу, всё ещё сохраняли рентабельный вид. Наверное, дело было в огнях и вывесках — они придавали зданию живости и привлекательности.

Но стоило зайти внутрь, как иллюзии развеялись. Чёрный слой пепла похоронил под собой всё, пол усеивали разбитые стёкла, потерянные сумки, бумажки да пыль. Паника была такая, что толпа умудрилась высадить почти все двери. По углам валялись бутылки и столы. Кое-где виднелись пятна крови. Коул жестом увлёк Джейсона за собой.

Они миновали несколько огромных залов, переполненных потухшими терминалами, уставленными в четыре прямых ряда, прежде чем зубастик подвёл его к незаметной чёрной двери, вделанной прямо в стену. Непонятно откуда несло мертвечиной. Летали мухи. Клэй даже не мог вспомнить последний раз, когда видел живых мух. Выбив кулаком мотив, отдалённо напоминающий «Спите, верные сыны» Карпена Брейтера, Коул отошёл назад. Дверь отодвинулась и из-за неё показалось дёргающееся лицо Сандерса.

— Ты наконец пришёл! — выдавил он и впустил гостей. Клэй внутренне сжался. Сержант выглядел не лучше мертвеца. Убить его — всё равно, что оказать услугу.

— Ну, так что ты мне хотел рассказать или показать? — в лоб спросил Клэй. Что бы там ни говорил Антар, время ещё есть. Что ему мешает для начала выслушать Сандерса?

— Вот именно поэтому я здесь, — пропел Коул. Он отодвинул ширму, скрывающую ещё одно помещение. И Клэю сильно не понравилось увиденное. Но ещё меньше понравился запах.

Комната была переполнена всяческим оборудованием, назначения которого Джейсон не понимал. Посреди комнаты

стояло пустое кресло, вокруг него семь других, но уже с мертвецами. На головах у них сидели шлемы виртуальной реальности, подключенные к покоившемуся в углу трупу на коляске. Возле кресел валялись револьверы. Отчётливо пахло дерьмом, воздух переполняли жирные, мясистые мухи. По ссохшейся плоти ползали белые личинки. Вонь была настолько отвратительной, что даже видавшего виды Клэя едва не вывернуло.

— Что это за хрень? — выдавил он, уставившись на Коула.

— Это? Бунтовщики, друг мой, — зубастик усмехнулся. Шагнув внутрь, он поманил за собой Клэя. Джейсон, кашляя от запаха, двинулся следом. Проклятые мухи так и норовили сесть на кожу, залезть в глаза и ноздри. Клэй отмахивался, как мог. Коул подошёл к трупу, одетому в чёрный деловой костюм. Тело так ссохлось, что невозможно было понять, принадлежало оно мужчине или женщине. Совершенно не смущаясь, зубастик залез во внутренний карман, вытащил нож и воткнул в правую руку мертвеца. Клэй скривился. Коул бросил на него смешливый взгляд:

— Это всего лишь мясо, ничего больше, — сказал он.

Поковыряв и отбросив в сторону посыпавшихся личинок, Коул передал Клэю плоский чёрный прямоугольник. Чип действующего гражданина.

Джейсон включил коммуникатор, а затем перевёл в режим сканера — каждому копу он полагался. Сканирование вывело на экран все данные о мертвеце. То, что Клэй увидел, ему совершенно не понравилось.

Покинув с Коулом помещение и задвинув ширму обратно, Клэй упавшим тоном произнёс:

— Расскажи, что здесь случилось.

— Ты ведь и сам можешь догадаться, — усмехнулся Коул.

— Мне нужна твоя версия, — ответил Клэй. Сандерс стоял позади, заламывая руки. Его глаза переполняли страх и надежда. — Ты ведь за этим меня позвал? Чтобы показать их? — спросил его Клэй. Молодой сержант помотал головой.

— Есть ещё кое-что. Но об этом позже. Коул?

— Её звали Мира, — сказал Коул. — Она искала людей, обиженных на Синдикат. Смертников. Набрала приличную компанию — бывший техник Информатория, две девчонки из Гильдии Вольных Стрелков, бандит с окраин и ещё один мутный тип, чей чип я прочесть так и не смог. Вот, возьми, может ты разберёшься.

Клэй принял чип. Просканировав его, коп присвистнул. И ощутил, как подкатили старые воспоминания. Что же, радостно

знать, что ублюдок всё же получил своё.

— Что там такое?

— Неудивительно, что ты на него ничего не нашёл. Его досье есть только в полицейских архивах. Счастливчик Билли — слыхали о таком? — спросил Клэй.

Сандерс и Коул покачали головами, словно саакские сувенирчики.

— Улыбашка? Милашка Билл? — допытывался Джейсон. — Серьёзно? А Мясник Бухты Счастья?

— Твою-то мать… — протянул Коул. — Ты не шутишь?

— Я этого говнюка знал лично, — сплюнул Клэй. — Видел, что он творил с сааксцами. Его должны были повесить.

«И не только видел — помогал ему».

— Кто он? — Сандерс явно не понимал разговора.

— Группа 838, — нетерпеливо выпалил Коул. — Командующий офицер — майор Билл Уотерс, ведущий инженер фабрики Гефеста. После войны Синдикат судил всех, кто отдавал приказы, и казнил за преступления перед человечеством. Кого не казнили, так упекли пожизненно.

— Да только этот умник сумел сбежать, — сказал Клэй. — Или же откупился. Продолжай, Коул.

Зубастик подобрался.

— Мире нужен был хороший жокей. Обществ жокеев сейчас огромное множество, каждый мнит себя чуть ли не вехой эпохи. Но при всей густонаселённости Сети, настоящих профи мало. Для крупных делишек нужны талантливые люди. Такие, как я. Не представляешь, сколько сил убить пришлось, чтобы набиться к ней в телохранители.

Клэй молчал. Происходящее казалось бредом, сном. Оно просто не могло быть реальностью. Но всё же было.

— Они готовили террористическую акцию, которая должна была стать преддверием для вторжения Стрелков. Но просто устроить кучу взрывов оказалось недостаточно. Техник раскопал кое-какое дерьмо и предложил такой план: с помощью всего одного Оператора скопировать знания и мысли семерых участников ячейки, а потом передать всё это дело восьмому. То бишь, сааксцу, которого и сделали крайним. Представляешь себе весь процесс?

Клэй покачал головой.

— Теоретически, такое возможно проделать. Они не зря выбрали аркады — здесь много энергии, и её проще своровать. Всё происходит примерно так: с помощью специально настроенного оборудования вы «фотографируете» сознания доноров, затем передаете данные Оператору, он тщательно всё

обрабатывает, ну а потом закачивает в реципиента. Дальше начинаются тонкости. Сам знаешь, каков критерий набора в Операторы, — Коул втянул воздух сквозь зубы. — Бедные ублюдки, никому не пожелаю таким родиться. Их интеллект слабее, чем у среднестатистического человека — но зато сильнее развито воображение. Что, к слову, и держит всю Сеть, визуализируя данные. Если передавать одновременно «фотографии» семи людей через одного Оператора, то он попытается всунуть сознания семерых в каждого. Это уже перегрузка. Мозг Оператора сгорает и лопается — не в буквальном смысле, конечно, — вся связь схлопывается, все погибают. Процесс прервать нельзя, ибо будет тот же результат. С дюжиной Операторов подобная операция прошла бы без сучка без задоринки. Естественно, позволить себе такое может только довольно богатая Семья, поэтому ребятам пришлось импровизировать. Самоубийство по окончанию процесса «фотографирования» — дерьмовый, но выход. Лучше смерть, чем существование в состоянии овоща до конца жизни. В итоге один всё же уходит живой, с чужими знаниями и памятью, готовый пустить их в ход в любой момент. Они думали, что я идейный, готов погибнуть. Я же утаил, что разрешения того Оператора хватало на передачу памяти двум, а то и трём людям. Я лично выбирал его. Хороший был экземпляр. В общем, Тайреку дико не повезло. Он не представлял, что нужно делать в такие моменты, поэтому перенял не столько знания, сколько личности. Очень, очень плохо. Такое вообще не должно происходить. Может, это связано с его происхождением. Генетикой. Да хрен его знает! Что до меня, я взял чистую информацию и воспоминания, да не все, а только нужные. Настоящий жокей всегда должен уметь управлять потоками данных.

— Так значит… — прошептал Клэй. Коул улыбнулся так, будто Джейсон снял джекпот.

— У меня в голове сейчас память лидерши террористической ячейки. И эта лидерша раньше работала на контрразведку Синдиката. Вся акция, всё это вторжение было подстроено Синдикатом.

Клэй облокотился на стену, резко почувствовав слабость в ногах. Так значит, Стрелки и правда пытались заключить мир на равных условиях. Его опять кинули. Этот чёртов Синдикат опять накачал его ненавистью и бросил против своих противников. Так же, как при Саакской кампании. Они сделали его своей марионеткой, научили убивать сааксцев, а потом выбросили на помойку, как только он начал зарываться. Синдикат больше не хотел убивать врагов, ему нужен был мир. А все старые, бешеные

псы, так хорошо сослужившие на войне, оказались не к месту. Он думал, что всё прошло, что этого не повториться. Но поди ж ты, опять он убивает врагов Синдиката — не потому, что они напали на мирняк, а потому что сам Синдикат всё и подстроил.

— Я постоянно открываю и закрываю её память, — продолжал Коул, — и мне кажется, что с ней что-то не так. Как будто она знала. Как будто оставила только то, что я должен увидеть и что должен показать остальным. Не знаю. Я вижу только определённые отрывки, но к некоторым у меня просто нет доступа. Она не могла блокировать части своей памяти. Зато я могу, — Коул засмеялся. — Но какой мне смысл запирать её воспоминания?

— Если только это не происходит подсознательно, — вмешался Сандерс. — Если только там нет чего-то такого, что твоя психика просто неспособна воспринять… Я слышал о чём-то таком: курьеры, когда дело касалось личной для них информации, сами того не желая блокировали её от чтения. Вроде как не хотели смотреть в глаза правде.

— Только как это меня касается? — насупился Коул.

Клэй почти не слушал. Вся война теперь походила на несмешной анекдот. Сандерс обеспокоенно переглянулся и произнёс:

— Коул рассказал мне. Король договорился с лидером Стрелков, подослав эту бабу. Он хотел…

— …маленькой войны, — договорил за него Клэй. — Его власть крошится. Поэтому нужно хорошее пугало, чтобы отвлечь людей. Нужен повод, чтобы набирать солдат и посылать их на смерть. Нужно море крови, чтобы затопить общественное мнение. Так вот как ты хотел предотвратить войну, Сандерс? Рассказав всем правду?

— Дело даже не во вторжении, — убеждённо ответил Сандерс. — Пять лет назад из Информатория сбежал техник по имени Дикси Портер. Он украл очень важные для Синдиката данные и скрылся на окраинах. Это дело поручили полиции. Его сумели отыскать прежде, чем он распространил украденное по Сети, так что о деле не вспоминали. Но он оставил резервную копию в своём убежище. Во время одного вызова я натолкнулся на его логово и нашёл данные.

— Но почему комиссар захотел твоей смерти? — спросил Клэй. — Разве ему не выгодно держать секреты Синдиката при себе?

— Это всё чёртов синегубый! — вскричал Сандерс. — Когда меня отправили на передовую, я свято верил, что это приказ комиссара. Но потом я стал собирать информацию на него. Антар

— крыса, работает со всеми кто ему только заплатит. Он делец, торговец секретами. Он мостик между Синдикатом и полицией. Он всегда был крысой и всегда будет. В Союзе этот придурок ходил полковником. Как только начались боевые действия и его подразделение бросили вперёд, де Салман связался с нашими войсками и начал сдавать позиции Союза, лишь бы спасти собственную жопу. За это после войны получил помилование и место в полиции.

Ситуация начала проясняться. Клэя как током ударило.

— Синегубый говорил со мной, — прошептал он. — И сказал, что нужно убить тебя. Принести ему данные. Предотвратить войну. Рассказывал что-то про Секцию Двенадцать, про карьерный рост…

Сандерса, казалось, слова Клэя шокировали.

— Ублюдок лжёт, — произнёс он. — Секции Двенадцать не существует. Её не может быть…

Но что-то подсказывало Клэю — может.

— Король дал ему заказ устранить меня, чтобы информация не дошла до полиции. Или… или синегубый захотел данные себе! Я не знаю! — Сандерс схватился за голову. — Проклятье. Зачем я только в это ввязался?

— Что в данных? — спросил Клэй.

— Как ты думаешь, кто правил Синдикатом последние двадцать лет?

— Ты хочешь сказать, что это не Карл? — Клэй нахмурился. Его голова уже начала болеть от такого объёма информации.

— Карл ушёл со сцены. Сейчас перед Семьями ломает комедию нанятый актёр, и неизвестно, получает ли он от короля указания. Может, последние приказы — всего лишь прихоть неизвестного парня, оказавшегося у власти? Я всё же надеюсь, что связь между ними есть. Ты наверняка слышал о покушении пару лет назад? Говорили, что Карл чудом выжил. Но на деле убили двойника. Лоренс отсутствует! Я знаю это и у меня есть доказательства. Я должен свидетельствовать. Я должен заставить самозванца ответить за всё. Должен заставить его снова взять ответственность за Старый Город или же уйти. Ни о какой войне и речи быть не может. Когда общественность узнает, когда увидит доказательства, она сама опрокинет короля. Помоги мне, Клэй. Мы должны восстановить справедливость.

— Полегче, друг, — Коул ощерился. — Не забудь, кто помог тебе выкопать правду.

— Я нанял тебя расшифровать данные, — ответил Сандерс. — Ты их расшифровал. Но они моя находка, не твоя.

— Без моего участия все ваши претензии не стоят и капли

дерьма в утилизаторе, — зубастик щёлкнул пальцами. — Ну и что, что Карл скрывается? Все скажут, что он просто боится покушений. А вот спровоцированное вторжение — это уже серьёзно, от такого уже не отвертеться. А доказательства только у меня.

— Чего тебе надо? — устало произнёс Клэй. Коул подобрался и с апломбом произнёс:

— Я хочу в Эдем.

— Невозможно, — замотал головой Клэй.

— Почему же? Вы, копы, напрямую на него работаете. Комиссар сумеет замолвить словечко, уж поверь, — Коул посмотрел в потолок. — Ещё я хочу просить за брата. Он в Приюте. Ему нужно действующее гражданство.

— Разве что после свержения Карла, — сказал Сандерс. Коул ухмыльнулся.

— Обо мне ещё будут писать в учебниках истории, вот увидите.

— Надеюсь только, что они обойдут твои анальные заработки, — фыркнул Джейсон. Не успел он договорить, как запищал коммуникатор. Система не распознала пользователя. Клэй принял звонок.

— Я так и знал, что у тебя кишка тонка, Клэй, — заговорил знакомый скрипящий голос.

— Детектив, — прохрипел Сандерс.

— Здравствуй, сержант. Но я сейчас говорю с Джейсоном. Не отвлекайся.

— Чего тебе надо? — спросил Клэй.

— Для начала я хочу извиниться, — Антар рассмеялся. — Я должен был прояснить ситуацию. Мне известно содержание данных Сандерса. Я знаю, что король, вещающий по телевидению, ненастоящий. Но мне нужны доказательства. Полиция обретёт с ними неоспоримое преимущество.

— Сандерс и так несёт их полиции, — рыкнул Клэй.

— Он несёт их комиссару.

— Так ты хочешь их себе, — брякнул Сандерс.

— Секции не помешает туз в рукаве до лучших времён, — весомо заметил Антар. — Факты очень простые, Клэй. Я понадеялся на твою импульсивность, но видимо ты умнее, чем выглядишь. Ты научился задавать вопросы, а потом стрелять. Ты знаешь, что стоит на карте. Если не убьёшь сержанта, я связываюсь с королём, и он присылает солдат на осаду Башни Правосудия. Я обещал тебе войну — и ты её получишь.

— Блефуешь, — сказал Клэй. — Ты только это и умеешь.

— Разве? — Антар, казалось, искренне удивился. — Полиция

принадлежит нам, а не идиоту-комиссару, что верит в справедливость и непогрешимость Эдема. Только Секция сохраняет чёртов баланс между Синдикатом и Башней! Вы думаете, что людям нужна правда? Они её не заслуживают! Даже если вы придёте со своими свидетельствами, ничего не изменится!

— Как ты занервничал, малыш, — присвистнул Коул. — Тебе правда так сильно хочется, чтобы Сандерс ничего не рассказал.

— К слову о тебе, Коул. Не хочешь поделиться секретиками, пока тебя не прихлопнули?

— Все доказательства у меня в голове, — зубастик потёр ладошки. — Вы не получите их даже через мой труп.

— Что же, жаль. Не нам, так никому.

— Раз у тебя столько власти, — сказал Клэй, — что же ты не пришлёшь отряд экзоскелетов и не убьёшь нас, а?

— Зачем? — детектив хохотнул. — Ты же у меня на крючке. Правда ведь?

Джейсон молчал.

— Я не буду распыляться и тратить силы полиции на такие проблемы, — продолжал Антар. — Тем более, пока мы говорили, я отследил ваше местоположение и переслал вигилантам.

— Твою мать! — заорал Сандерс и заметался на месте.

— Они будут у вас через пару минут. Сомневаюсь, что у вас есть время бежать. Но можете попытаться.

— Нахрена мы вигилантам? — крикнул Клэй. — Хватит лгать, говнюк!

— На данные Сандерса желающий всегда найдётся, — весомо заметил Антар. — А наши защитнички справедливости уже давно точат зуб на короля. Вот только лишние свидетели им не нужны. Клэй, у тебя ещё есть шанс убить Сандерса и уйти чистым. Подумай над этим. Вот Алисия тоже так считает.

В разговор врезалась ещё одна линия. Клэй с трепетом прочёл на экране «Алисия» и принял звонок.

— Джейсон! — крикнула любимая. — Проклятье, ты опять во что-то ввязался! Детектив рассказал мне всё! Зачем ты помогаешь террористам?! Одумайся!

«Предательница, — подумал Клэй. — Маленькая, никчёмная сука».

— До встречи в аду, — пробормотал Джейсон.

— Да что ты… — начала Алисия, но коп оборвал с ней связь.

— Делай с ней что хочешь, мне плевать, — сказал он детективу. — Но тебе всё равно конец.

— Храбрые слова для мертвеца, — хихикнул Антар и отрубился.

Коул хрустнул костяшками. Обнажив зубы, он напряжённо думал. Сандерс с каждой минутой бледнел всё сильнее. Пришло время решать.

— Что будем делать? — поинтересовался зубастик. Он подошёл к стоящему терминалу и нажал несколько кнопок. — Вигиланты уже прибыли. Вооружены до зубов.

— Ты установил камеры при входе?

— Здесь везде камеры, — ответил Коул. — Я специалист по охранным системам. Ты думаешь, я не укрепил позицию, прежде чем принять тебя? Мы с Сандерсом всё просчитали.

— Но не это! — почти прокричал сержант. — Нам хана!

— Что будем делать, Клэй? — невозмутимо поинтересовался зубастик. — Попробуем договориться или с пушками наголо?

Джейсон посмотрел на экраны терминала. Три дюжины бойцов-вигилантов пробралось в вестибюль, все поголовно в толстых бронежилетах и звериных масках. «Защитники справедливости, говорите? Охранники простого люда? Как по мне, обычные бандиты».

— Решай быстрее, — Коул облизнул губы. Глаза бывшего наёмника блестели. — Пока они все не прошли в залы.

— Убьём их, — сказал Клэй. Зубастик усмехнулся, словно этого и ждал. Подняв руку, он щёлкнул несколькими клавишами на коммуникаторе.

Стены заходили ходуном, с потолка посыпалась штукатурка, а уши заполнил протяжный вой. Лампочка над головой несколько раз моргнула, прежде чем отключиться. Через секунду всё закончилось.

— Вот теперь нам точно хана, — отчётливо произнёс Сандерс.

— Что это было? — потрясённо произнёс Клэй.

— Взрывчатка, — пояснил зубастик, отряхивая пальто от штукатурки. — Я это… вход заминировал.

— И сколько там было? — почти заорал Джейсон. Коул пожал плечами.

— Ты не бойся. Несущие колонны в порядке. На голову нам ничего не обвалится.

Клэй выхватил из-за пазухи «Тацит» и дослал патрон в патронник. Махнув рукой Сандерсу и Коулу, он сказал:

— Оставайтесь здесь. Я справлюсь с ними. Ваши головы нужны целыми, если мы собираемся довести дело до конца.

— Пошёл в жопу, — сказал зубастик, ухмыльнувшись. — Я слишком долго ждал! Мне нужна кровь и я её получу, дружище.

Экс-наёмник достал из-за пояса «Синто» — старая конструкция, надёжность, проверенная временем. На боку пистолета была выгравирована роза, символ Дома Лоренсов.

Ствол у Коула явно остался ещё со времен работы на Карфилдов. Другой рукой он вытащил из кармана маленький контейнер. Вскрыв его, Коул ткнул пальцем в Джейсона.

— Тактическая линза. Вставляй в левый глаз, — почти что приказал он, и Клэй повиновался. В центре возникло перекрестье, по бокам побежали столбцы, отображающие количество вооружённых людей в помещении, включилось ночное видение. — Видишь красный квадратик? Это направление твоего ствола. Совмещаешь с прицелом посередине — знаешь, куда стреляешь.

— Что ты ещё умеешь, а, жокей?

— Могу взломать их имплантаты, — без промедления ответил Коул. — Наслать помехи. Оборвать связь. Лишить зрения. Обездвижить. Взорвать коммуникаторы, если понадобится.

— Так зачем я тебе нужен? — потрясённо спросил Клэй.

— Ты телом покрупнее, так что целиться будут в тебя. Пошли, — рыкнул зубастик. — Надо встречать гостей.

Клэй не заметил, как передал инициативу Коулу. Захлопнув дверь, он заспешил за бывшим наёмником, огибая игровые терминалы и стараясь осторожнее дышать. В воздухе висела пыль, встревоженная взрывом — не хватало ещё закашляться прямо под боком у врагов. Спрятавшись за автоматом с симуляторами полётов, жокей пальцами просигнализировал, что в помещении пятеро вигилантов. Клэй встал у терминала напротив и выглянул.

Держа пистолеты наготове, вигиланты прочёсывали ряды игровых терминалов. Упакованные в тяжёлые бронежилеты, они отдалённо напоминали наёмников — но те бронировались получше. Народные мстители предпочитали держать руки и ноги открытыми.

Звериные маски скалились, обнажали зубы. Заяц, волк, лиса и два льва. Клэй впервые рассмотрел вигилантов так близко. Они носили не просто маски, а полноценные шлемы. Животные образы — просто для отвода глаз. Наверняка в глазницах спрятаны тактические линзы, что не только показывают информацию, но и защищают от осколков и грязи.

Коул с сожалением вытащил из-за пазухи увесистый предмет. Клэй в очередной раз поразился. «ЭМ-граната? Но как?» Такую не всегда заслуживали даже военные подразделения, а зубастик собирался потратить её на пятёрку каких-то сопляков. Но прежде чем Клэй успел что-то сказать, Коул метнул гранату под ноги волку.

— Контакт! — заорал было он, но вырвавшийся импульс заткнул его. Терминалы вокруг затрещали и взорвались. Двух львов накрыло осколками. Волк рухнул на колени и завопил под

отключившимся шлемом.

— Они ослепли! — крикнул Коул. — Налетай!

Клэй выскочил из укрытия и метнулся к волку. Вигилант схватился за шлем-маску, пытаясь стащить её с головы. Не успел он этого сделать, как Джейсон засадил мстителю коленом в лицо. Раздался неприятный хруст и мужчина откинулся назад. Из-под маски хлынула кровь. Где-то справа стрелял Коул. Клэй метнул взгляд: зубастик, вытянув руки, отстреливался от львов. Один из них уже повалился на пол, держась за плечо. Второй пытался оттащить товарища, но пули барабанили об автомат рядом.

Клэй переключился на вопящего зайца — импульс гранаты отрубил электронику и его шлема. Схватив вигиланта за шею, Джейсон коротким движением свернул её. Бросив обвисший труп в сторону, Клэй начал искать глазами лису. Линза забросала его предупреждениями, стоило вигиланту с дикими криками возникнуть прямо под носом. Маски на нём уже не было. Ствол смотрел прямо в лицо Джейсону.

Еле успев увернуться, быстрым движением Клэй выбил пистолет из рук врага. Но тот не собирался сдаваться.

Набросившись на Клэя, мужчина осыпал его тумаками. В глазах его горела жажда убийства. Джейсон защищался, потихоньку отступая назад. Почти все удары вигиланта приходились по аугментированным рукам — Клэй боли не ощущал. Почувствовав спиной поверхность автомата, Джейсон увернулся от очередного удара и сам врезал кулаком по лицу вигиланта. Тот заорал, отшатнувшись назад. Не дав врагу упасть, Клэй схватил его за затылок и впечатал лицом в монитор. Под напором аугментированных рук череп вигиланта не выдержал и лопнул.

— Коул! — крикнул он, услышав, что выстрелы затихли.

— Эти всё, — ответил зубастик из-за ряда автоматов. Клэй двинулся к нему. Коул стоял над двумя поверженными львами. Один, с пробитым плечом, ещё дышал. Ткнув пистолетом в рану, Коул прорычал:

— Сколько вас осталось?

Лев заорал от боли. Из-под маски его крики казались угрожающими, но Клэй знал, что вигиланту сейчас не до угроз.

— Пятнадцать! Пятнадцать, о, Господи, как больно!

Поднявшись, Коул выстрелом вышиб вигиланту мозги. Маска льва треснула ровно посередине.

— Не такой уж и страшный, — бросил Коул, взглянув на размазанное лицо жертвы и перезарядив пистолет. — Минус пять, остаётся ещё десять.

— Откуда гранаты? — в лоб спросил Клэй.

— От папы с мамой, — отрезал зубастик, пытаясь отдышаться. — У Карфилдов спроси, где берут. Не спрашивай, у меня больше нет. Эх, зря её кинул…

— Ты же говорил, что столько всего можешь. Ну и где твои фокусы?

— Я не волшебник, — огрызнулся Коул. — На всё нужно время. Уж извини, выстрелы сильно отвлекают. Пошли.

Они бросились дальше, пытаясь перехватить вигилантов в следующем зале. Но стоило миновать проход, как со всех сторон посыпались пули. Клэй оттолкнул зубастика влево, а сам отскочил в другую сторону. Коул, матерясь, прыгнул к следующему ряду игровых автоматов.

— Пидоры! — проорал он, вряд ли понимая иронию своих слов. — Чтобы вам в аду сгореть!

Клэй оценил положение. Хуже некуда: вигиланты последовали их примеру и, прекратив огонь, разделились на две группы. Невысокий балкончик для охраны занял стрелок с винтовкой. Слишком хорошая позиция.

— Далековато для выстрела! — крикнул Клэй. — Что ты можешь?

— У меня связь не достаёт до его коммуникатора! — проорал в ответ Коул. В голубых глазах мелькнула паника. — Не обессудь, но придётся разбираться по старинке!

— Охереть ты полезный, — проворчал Клэй под нос. Он осторожно выглянул, и линза сообщила, что до стрелка не меньше семидесяти метров.

Кивнув Коулу, он выскочил вперёд, отвлекая огонь на себя. Снайпер тут же начал стрельбу. Не пробежал Клэй и дюжины шагов, как пуля пробила ему плечо.

— Тваааааааарь! — проревел он, прокатившись по полу. Коул пальнул по снайперу, и тот поспешил спрятаться. Это дало Джейсону драгоценные секунды, чтобы выползти из прохода. Плечо пульсировало от боли. Вигиланты на левом фланге переполошились и сделали несколько выстрелов в Клэя. Дробь и пули забарабанили над головой, и коп замер, чувствуя дыхание смерти.

«Всего одна ошибка, — подумал он, — и тебе конец, дурилка».

Он прижался спиной к автомату и потянулся во внутренний карман, где лежал стимулятор с гелем. Распаковав шприц, Джейсон вогнал его себе в шею, затем залил дыру в плече. Стало легче, но ненамного. Вигиланты подбирались всё ближе, Клэй даже за грохотом стрельбы слышал их переговоры. Высунув руку с пистолетом, он сделал наугад два выстрела. «Тацит»

хорошенько лягнулся, и Джейсон признал, что стрелять вслепую — плохая идея. Спина покрылась потом, во рту пересохло. Сердце забилось с частотой пулемётной очереди. Клэй приготовился. Зубастик остался позади, прикрыть он его не сможет. Справа послышались крики, и Клэй вспомнил про вторую группу вигилантов. Появившийся в проходе боец в маске волка поднял дробовик. Выстрел разнёс автомат в клочки. Осколки залетели Клэю за шиворот, но ему было плевать. Нырнув вниз, коп вскинул пистолет. «Совместить красный квадратик с прицелом», — вспомнил он и нажал на крючок. Пуля продырявила волку шею, и вигилант откинулся назад.

— Убейте его! — заорал голос в следующем ряду. — Он не должен…

Тираду прервала серия хлопков. Угрозы сменились душераздирающими криками. Клэй на секунду выглянул и увидел, вопивших вигилантов, что держались за левые руки. Кистей не было, вместо них лишь кровавые ошмётки. «Взорвал их коммуникаторы, значит?» Не мешкая, Клэй уложил всех пятерых — с линзой его точность увеличилась в разы. Пока не очнулась затихшая группа справа, Джейсон торопливо пополз вперёд. В этот момент оживился снайпер. Пуля пробила Клэю носок ботинка, и коп заорал от обиды и злости. Подтянув ногу к себе, он плевался и чихвостил стрелка, его родителей и детей, которые скоро станут сиротами.

«Столько вытерпел, а больно как в первый раз», — отрешённо произнёс голос на краю сознания. Клэй старался его не слушать. Вместо слов из его глотки уже вырывались просто вопли и плач.

Позади раздались выстрелы из «Синто», быстрый топот, грохот винтовки, а затем громкое «сука!» и звук падающего тела — Коул попытался помочь, но снайпер и его срезал. Некогда было разлёживаться. Стиснув зубы, Клэй вынырнул из-за автомата и выстрелил в снайпера. Тот снова спрятался в укрытие.

Крики второй группы становились всё громче — вигиланты двинулись вперёд. Пошарив за поясом, Клэй понял, что дополнительных обойм не осталось. Подхватив валявшийся рядом пистолет, он поднялся и начал хромать вперёд. Линза сообщила, что расстояние до балкончика не больше пятидесяти метров.

«Сейчас или никогда».

Он совместил красный квадратик с прицелом, и, как только стрелок вынырнул, нажал на спусковой крючок. Пуля пробила снайперу голову. Взмахнув руками, вигилант сделал несколько шагов назад, а затем покатился вниз по лестнице.

— Контакт! — крикнул возникший из ниоткуда вигилант.

Ухнул дробовик, и Клэй с лёгким удивлением обнаружил, что его правая рука, державшая пистолет, исчезла. Боли он не почувствовал. Из культи торчали проводки и шестерёнки. Джейсон тупо уставился на остатки руки, будто его взгляд мог что-то изменить.

Но не успел вигилант передёрнуть помпу, как несколько пуль разорвали его тело. Сплёвывая кровь, к Клэю двигался зубастик, помятый, но живой. Серое пальто украшали дыры и багровые пятна.

— Ну это капец вообще, — только и сумел вымолвить Коул, увидев руку Джейсона.

Клэй молча двинулся вперёд, позабыв про пробитую ступню. Вырвав из рук Коула «Синто», он шагал к правому флангу, где засели остатки боевой группы.

— Вы трупы! — орал Клэй. — Я вас всех поубиваю, а кишки намотаю на кулак!

Первым не выдержал вигилант в маске кузнечика. С дикими криками боец выскочил прямо на линию огня Джейсона. Практически не целясь, Клэй вогнал в паренька три пули, оставив его агонизировать на грязном полу. Оставшиеся двое попытались стрелять вслепую, но Клэй выстрелом зацепил одного, заставив второго встать в полный рост и крикнуть:

— Я сдаюсь! Сдаюсь, и прошу соблюсти мои права.

Клэй опустил пистолет и подошёл к пареньку вплотную. Стимуляторы врубились в полную силу, и его начало потряхивать.

— Ты предателей любишь? — заикаясь, спросил вигиланта Джейсон. Тот помотал головой. Тогда Клэй отбросил пистолет в сторону и, размахнувшись, ударил сдавшегося в кадык.

— Вот и я тоже.

Последнему раненому он просто раздавил череп. Всё было кончено.

На плечо легла ладонь. Это был зубастик, перепачканный и с неприятной ухмылкой на лице. Один из клыков обломился и кровоточил.

— Мы их поимели, — прохрипел Коул.

— Ты как? — спросил Клэй. Зубастик лишь пожал плечами.

— Чувствую себя лучше, чем ты выглядишь, — стиснув зубы, он облокотился на ближайший автомат. — Сучары такие, всё-таки зацепили.

— Есть стимуляторы? Тебе бы дыры закрыть.

— Имплантаты помогут, — ответил Коул, зажимая рану. — Всё путём, папаша, не беспокойтесь! Ещё повоюем. Вот тебе реально помочь надо.

Из-под маски убитого вигиланта раздались крики. Клэй вздрогнул, но понял: оживилась радиосвязь. Щелчком коммуникатора он подключился к каналу мертвеца и услышал:

— Группа Тайви! Группа Тайви! Отвечайте! Почему вы отрубили связь?!

— Тайви здесь, слушаем вас внимательно, — прохрипел Клэй.

— Чёрт возьми, вы опять спутались с тем копом?! Потому и отключились? Признавайтесь!

— Прошу прощения, сэр.

— Если вы уже у аркад, отступайте, немедленно! Повторяю…

— Но… зачем? — выдавил Клэй.

— Там действует Гарри, чёрт вас дери! Отступайте, пока не нанесли большего вреда. Конец связи.

— Срань какая-то… — пробормотал Клэй.

— Гарри из вигилантов? — у Коула округлились глаза. — Я слышал про него. Если не уберёмся, нам может не поздоровиться…

Взяв правую руку Клэя, он перекинул её через своё плечо и потащил.

— А ведь не солгал, львиная морда, и правда пятнадцать человек было, — пробормотал Коул. — Остальные, похоже, при входе подорвались. Что же, хоть там, всё завалило. Значит, Гарри оттуда не придёт. Свалим через чёрный. Там нас никто не отследит, уж поверь… Это, я же забыл тебе представиться.

— Коул-младший сойдёт, — проворчал Джейсон.

— Да не. Меня Джек зовут, — Коул сосредоточенно кивнул. Клэй ответил военным приветствием, прижав левую руку к виску.

— Джейсон. Что дальше планируешь?

— Если всё пойдёт гладко, вытащу брата из Приюта. Папаша — сволочь, меня вызволил, а Вильгельма забыл. Ничего, разъясним мы всё это. И с жокеями надо будет кое-какие дела решить. Это всё чушь. Ты пойми, Джейсон, мы тут сейчас историю вершим. Мы откроем народу глаза на самое большое кидалово, которое когда-либо устраивал Синдикат, — Коул попытался улыбнуться, но из-за боли его лицо только неприятно скривилось. — Мы станем настоящими героями. Мы всё изменим…

Резкий визг ворвался в ухо Клэя. Неведомая сила толкнула его в спину, бросила вперёд. Ободрав подбородок об пол, Джейсон поднялся и обернулся.

Из левого глаза Коула торчал конец огромного лезвия, а изо рта текла алая слюна. На лице, как и у большинства застигнутых врасплох, застыло выражение тупого удивления. Голову зубастика через затылок просто надели на меч, как деталь какой-то куклы.

Всё тело обмякло, повисло на клинке. Клэй врос в пол, не в силах и пальцем пошевелить от шока. Его всего трясло.

То, что он поначалу принял за меч, было огромным когтем, что принадлежал трёхметровой фигуре в чёрном балахоне. Под прогнившей материей виднелась блестящая жесть. У Клэя побежали мурашки по коже — стало резко холодно. Из-под капюшона существа торчала острая костяная маска, походившая на клюв птицы. За толстыми линзами виднелись абсолютно чёрные глаза. Взвизгивали железные крылья, рассекая воздух. Воняло застаревшей мертвечиной.

— Я обещал ему вернуть сына, — тяжёло вздымая грудь произнесла тварь. За хохотом сервомоторов его слова превращались в шёпот. — Я его верну. Такого не должно было случиться. Он всё испортил. Хоть Мира и готовила его для меня…

— Кто ты? — наконец-то Клэй нашёл в себе силы говорить. Существо склонило маску набок.

— Ты меня видишь, — в словах птицы слышалась насмешка. — Да, я же заразил тебя. А может, оно и к лучшему. Здравствуй, Клэй. Давно я тебя не видел. Очень давно.

— Зачем ты убил его? — крикнул Джейсон. К нему разом вернулась вся его храбрость. Рядом лежал труп вигиланта с пистолетом. Клэй быстро подхватил ствол, но понял, что не может даже прицелиться в тварь, не то, что выстрелить. Существо тем временем осторожно сняло тело зубастика с когтя.

— Всё пошло наперекосяк. Пришло время взять ситуацию в свои руки. В конце концов, для этого его и оставили в живых. Ну, ещё увидимся.

Один глаз твари на секунду окрасился в белый, а затем вернул себе чёрный цвет. Клэй с ужасом понял, что ему подмигнули.

— Стой! — завопил он. Моргнув, он увидел лишь пустое помещение с трупами вигилантов.

Схватившись за голову, Клэй зашатался. «Иллюзии… всё иллюзии…»

Он даже не удивился, когда из темноты возник Стрелок, прячущий лицо за красным платком, и женщина в плаще и с татуировкой «I ВДБР» на левой щеке. Деловито пройдясь мимо Клэя, странная парочка схватила убитого Клэем вигиланта и потащила через проход. Джейсон взревел и помотал головой. Гости исчезли. Труп так и лежал на месте, у стены. Пошатываясь, Клэй двинулся к Сандерсу.

— Господи, ты будто из ада вылез! — сказал сержант.

— Я в порядке, — прохрипел Клэй.

— Где Коул? — спросил Сандерс. Клэй даже не представлял,

что можно так сильно бледнеть.

— Убит, — коротко пробормотал Джейсон. Сандерс сжал кулаки.

— Не может быть, — пробормотал он. — Это конец, понимаешь? Без его доказательств… твою мать!

— Отправь данные в Сеть, — тихо произнёс Клэй. — Пусть все знают.

— Всем плевать на доказательства, если к источнику нет доверия! — яростно всклокотал сержант. — Без материалов Коула… Боже, ну что за идиот! Зачем он только пошёл туда?!

— Заткнись, сделай милость, — прошептал Клэй. Реальность окрашивалась в чёрные и белые цвета — цвета глаз трёхметровой птицы. Джейсон понял, как же смертельно он устал. Все его битвы, одна за другой, приводили лишь к краху.

…Алисия включила коммуникатор, и Клэй увидел там Тайрека. И будто в голове что-то щёлкнуло. Он схватил её, попытался задушить. Переписка с молодым стажёром? При чём здесь это? Ничего подобного не было. Никто ему не изменял.

Просто он чуть не убил жену потому, что сошёл с ума. Клэй закрыл глаза.

— Что-то очень серьёзно со мной не так, — выдавил он. Сандерс всплеснул руками.

— Мы в жопе, вот что с нами не так! Клэй! Посмотри на меня! Помоги! Слушай, мы ещё можем всё спасти… мы…

Клэй не слушал. Слёзы подступали к глазам. Он всхлипнул.

«Алисия… я чуть не убил тебя… Господи, чем же я стал…»

Рука сама подняла пистолет и нажала на спусковой крючок. Сандерс сделал несколько шагов назад, посмотрел на рану в груди и прохрипел:

— Предатель…

Повалившись лицом вперёд, сержант последний раз вздрогнул и перестал двигаться.

— Голосовой набор, абонент: Антар, — прошептал Клэй в коммуникатор.

— Да?

— Дело сделано, — выдавил Джейсон.

— Я ни секунды в тебе не сомневался, — усмехнулся на том конце синегубый. — Не бойся, с твоей женой всё в порядке. И спасибо за отлично выполненную работу… лейтенант.

13. Распознавание образов

«Власть имущим легко потерять перспективу. Мир начинают распирать углы, и, кажется, что каждый из них нужно срезать. Если поддаться соблазну, в конце концов окажешься в тупике, оставив за собой след из трупов»

Дэниел Роско, «Дневники сепаратиста»

6 июня, 541 год после Освобождения

Фиолетовые всполохи залили реальность и превратили свет прожекторов в непрерывный поток тепла. Запахи химии и вспотевших тел наполняли воздух. Дэниел вытащил иглу инъектора из шеи и вздохнул. Введённые ингибиторы боли подействовали быстрее, чем он ожидал. Руки перестали трястись. Исчезло желание убить всех и каждого.

Выведенные из пробирки животные исчезли со сцены, оставив лишь запахи мокрой шерсти, а из-за кулис снова выскочил конферансье. Лысина блестела от пота, галстук растекался багровым пятном на груди.

— И я напоминаю вам, что вы в цирке «Само Совершенство»! Встречайте! Зере Хамид из семнадцатого гетто! — Сказав это, лысый зааплодировал. Ему вторили зрители, столь же вежливые, сколь и искушённые. Цирк давал представление раз в год, специально для двора короля. Дэниел подумал, сколько же денег из синдикатовского бюджета уходит только на развлечения придворных. Сжав правую руку в кулак, он почувствовал приток сил.

В круг света выскочила невысокая тонкая девушка в светящемся нижнем белье. Маленький огонёк жизни в океане фальши. На голове её покоилась белая шляпка. Зрители рукоплескали и топали ногами, заглушая живой оркестр, натужно мучающий инструменты. Вприпрыжку циркачка добралась до конферансье. Только тогда Дэниел понял, что вместо ног у неё протезы.

— Как вы уже, наверное, поняли, Зере родом из Саакского Союза! Однако, прибыв в наш чудесный Город, она предпочла

стать лучше и сменила свои ноги на аугментику!

Зал неистовствовал. Маленькая артистка в ответ раскланялась. Фальшиво улыбаясь, конферансье поднял вверх палец:

— Сегодня она нам покажет смертельный номер — а как же иначе? Других мы не держим под нашим куполом! И всё же, я вынужден напомнить — исполнение без страховки, повторять не рекомендуется!

Публика ахнула, а затем захлопала ещё громче. Снова заиграла музыка. Зере наклонилась, подкрутила пару деталей в протезах и подпрыгнула. Дэниел стиснул пальцами подлокотники. Девушка подлетела метров на пять и, сделав сальто в воздухе, приземлилась на ноги. Спружинила и снова взмыла, придерживая шляпу. Словно маленькая пуля она взлетала, крутясь вокруг своей оси. Сделав двойное сальто, девушка снова приземлилась и прыгнула. С каждым разом фигуры становились всё сложнее и протяженнее — циркачка разворачивалась ногами вниз почти у самого пола. Дэниел гадал, когда же она сломает себе шею. Но саакская девушка виртуозно крутилась в воздухе маленьким смуглым волчком, и продолжала прыгать, играя телом, используя его как точный и выверенный инструмент. Из-под купола опустилась планка и, совершив очередной прыжок, Зере уцепилась за неё ногами, позволив себе отпустить шляпу. Дэниел почувствовал очередной прилив ингибиторов. Его чуть не стошнило от облегчения. Он ощутил каждую вену в теле. Стук сердца напоминал разрывающиеся снаряды. Глаза заволокла тьма, и в ней маленькими звёздочками блестело серебро на спине циркачки. Тонкий след аугментаций, укреплённый позвоночник.

Он увидел Сабрину. Она стояла на краю ложи, подзывала к себе, молила подняться на парапет и прыгнуть вниз. Дэниел еле удержался. За ней он последовал бы даже в ад. Но сейчас важнее было вытащить её оттуда.

Наваждение прошло. Разомкнув зубы, Дэниел попытался отдышаться. Отцепив от планки несколько булав, циркачка начала жонглировать, вися вверх ногами.

— Прошу прощения, — раздался за спиной голос. Маршал Штрауд уселся в свободное кресло рядом и положил трость на колени. Нижний конец трости смотрел на Дэниела. «А ведь это вполне может быть и стволом», — подумал Роско, смотря на выточенный профиль маршала, покрытый обильной растительностью. Новое искусственное лёгкое горело под грудной клеткой. Дэниелу не хотелось бы заново его менять. Иначе одними ингибиторами дело не обойдётся.

Он очнулся через два дня после покушения. Каждый миллиметр тела отзывался болью. Голова гудела, хотелось пить, но Роско стиснул зубы и поднялся.

Он должен был найти тех, кто его заказал.

Король доверил его своим медикам и предоставил палату в глубине Дворца. В отличие от Медцентра, здесь повсюду царили тёмные цвета — или же он просто перестал замечать светлые. Каждые десять минут невыносимая волна страданий накрывала Роско с головой, и ему приходилось обкалываться обезболивающими до полной потери чувствительности. Доктора обещали, что приступы пройдут — это всего лишь реакция организма на частые операции. Тело адаптировалось к старой аугментике, а в него уже пихали новую.

Но никто ещё не испытывал таких частых болей, как Дэниел. От постоянного приёма ингибиторов он потерял сон. Глаза безбожно жгло. Дни напоминали киноплёнку, застревающую в проекторе.

«Это ненормально, — думал Дэниел. — Со мной что-то не так». Но доктора лишь пожимали плечами, утверждая, что он совершенно здоров. В такие минуты его правая рука дрожала от ярости, и Дэниел еле сдерживался, чтобы не напасть на кого-нибудь.

Одно радовало: имплантаты подсунули по-настоящему королевские. Разница нового лёгкого с настоящим казалась нулевой. Только слова Дэвида о паразите внутри не давали покоя. Да и постоянная боль просто выводила из себя.

Он вспомнил рассказы о ветеранах Второй Священной Войны, которые погибали от передоза дешёвой наркотой. Они, наверное, так же лежали в своих кроватях, вводили одну ампулу за другой — лишь бы перестать потеть, трястись и бояться. Дэниел предпочёл бы умереть в наркотическом забвении, чем от постоянной боли. С другой стороны, передозировка ему не грозила. Врачи сказали, что ингибиторы не простые, а «умные» — в случае чего, они самоуничтожаются и не наносят пациенту вреда. Дэниел плохо представлял, как это работает, но желания всё узнать как-то не появлялось. Любопытство инженера пропало. Осталась только ожесточённость солдата.

Стоило Роско начать самостоятельно ходить, как медики подсунули билет на цирковое представление в актовом зале Дворца. «Такое зрелище увидишь лишь раз в год! — твердили они. — Да многие состояние готовы отдать, чтобы посмотреть на такое! Король же зовёт вас лично».

И вот, он сидел здесь и ждал, когда же появится король, не выпуская из руки инъектора и вгоняя одну ампулу

обезболивающего за другой. Он уже успел посмотреть поединок десятков добровольцев из Приютов, вооружённых мечами, копьями и дубинками. Стоило претендентам выйти на сцену, как сверху опустилась клетка. И она не поднялась, пока не остался последний выживший. Победителя наградили королевскими почестями, дали действующее гражданство и столько денег, что парень мог бы основать свой Дом. За бойцами последовали акробатические номера, шоу уродов, факиры, фокусники, поджигавшие себя и тут же, на сцене, проходившие курсы регенерации, аугментированные атлеты, поднимавшие по полтонны одной рукой, а также расстрел клоунов — приговорённых к смерти преступников — из разных видов оружия. Гвоздем программы стали номера с дикими животными, выведенными генетиками фабрики Гефеста. И всё же, даже после всего увиденного, мастерство саакской циркачки вызвало у Дэниела уважение. Остальные, наверное, больше надеялись, что маленькое тельце Зере сломается пополам, брякнувшись о пол. Роско не мог их судить — без хлеба и зрелищ кто угодно сойдёт с ума.

Недавно он сам стал центром неплохого представления. Называлось оно «убейте Дэниела Роско».

— Хорошее шоу, — пробормотал он себе под нос.

— И правда, — оживился Штрауд, будто бы ждал повода заговорить. — Король вкладывает в цирк огромные деньги. Хорошо, что они не пропадают зря.

— Сколько стоило устранить меня? — холодно произнёс Дэниел. Штрауд замер, увидев торчащий из-под плаща Роско пистолет.

— Как ты протащил ствол через охрану? — вымолвил маршал.

— Железный оставил, — усмехнулся Дэниел, — а пластиковый протащил. Про игломёты оружейники предпочитают забывать, но схемы ещё можно найти, если постараться.

— Умно, — признал Штрауд, — обычно все боятся стражи. За такое можно пулю схлопотать без предупреждения.

— А мне плевать, — прошипел Роско. — Ты так не хотел, чтобы я стал главой Дома… Почему?

— Ты дурак, пацан, — ответил Штрауд. — Я пришёл поговорить. Ты же не всерьёз это?

— А почему бы и нет? Кто-то повысил ставки до смертельных. Попытался убить меня руками гвардейцев короля. Ты главный подозреваемый.

Маршал пошевелил роскошными усами.

— Ни хрена ты не понял… — процедил он. — Это большая

игра. Наверное, даже больше, чем я её себе представляю. И в самом её центре ты.

— Не уходи от ответа.

— Как раз ответ я тебе и даю! — Штрауд поднял голос на полтона. — Ты принимаешь всё за чистую монету, предпочитаешь идти кратчайшим путём. При дворе правила другие. С чего ты взял, что тебя хотят убить? Это явно была показательная акция. И ты повёлся!

— Ты несёшь чушь, — сказал Дэниел. — У них были боевые патроны. Если бы не Клэй…

— Тебя могли убить в любой момент — но предпочли дождаться, пока ты приедешь во Дворец. Самое защищённое место в Синдикате. Включи мозги! Ты думаешь, что был в безопасности, пока лежал в Медцентре, окружённый своими бойцами? Те, кто тебя заказал, способны проникнуть в Королевскую гвардию! Как сложно по сравнению с этим подкупить кого-то из твоих солдат? Все продаются. Вопрос лишь в цене.

Штрауд так разошёлся, что покраснел. Вытерев пот со лба, он начал медленно подниматься с кресла. Дэниел покачал головой:

— Я бы не стал этого делать.

— Дурак ты, Роско, — буркнул Штрауд, поднимаясь во весь рост. — Я знал твоего отца. Я знаю твоего дядю. Почему я противился твоему назначению? Да потому что ты не готов играть во взрослые игры. Ты слишком зелен. Думаешь, Дэвид оказал тебе услугу, отказавшись от управления Домом?

— Да что ты знаешь о моём дяде? — вспыхнул Дэниел.

— Всё, чёрт тебя дери! Я воевал с ним. Дэвид спас свою шкуру, толкнув тебе титул хозяина Дома. Его бы убили за минуты. Пока он безобидный придурок. Но стоит еретику получить бразды правления, как король выставит награду за его голову. Ты же, с другой стороны, представляешь ценность. Ты нужен живым. Чего бы на самом деле ни хотел Дэвид, он будет выжидать. Сидеть в твоей тени и оценивать ситуацию. Ты как огромный щит для делишек своего дяди, Дэниел. Тебя это устраивает?

— А у меня есть выбор? — лениво протянул Роско. Поколебавшись, он разрядил игломёт и спрятал в карман. Штрауд вздрогнул, услышав щелчок, и несмело улыбнулся.

— Я не желаю тебе зла, — сказал он. — В каком-то смысле, твоё выживание мне на руку. Если понадобится, за тобой даже я смогу спрятаться.

— Как мило с твоей стороны.

— Я хотя бы не лгу, — пожал плечами маршал. — Что же, у

тебя на руках все карты. Только тебе решать, что с ними делать.

Кивнув, Штрауд проследовал к двери из ложи.

— И да, Роско, — бросил он. — Найди себе союзников. Тех, кому ты реально можешь доверять. Без друзей долго не протянешь. У твоей тайны есть срок годности. И когда он истечёт, пеняй на себя.

Дверь хлопнула, и Дэниел выдохнул. Грудь изнутри пожирало огнём. Лоб покрылся испариной. Дрожащая рука сама потянулась к инъектору и зарядила новую ампулу. И только в самый последний момент Дэниел остановился.

Нет. Нельзя так. Если он не слезет сейчас, то не слезет никогда.

Он должен выдержать. Для себя. Для Сабрины. Что она скажет, когда выйдет из Приюта и увидит его?

Скрипя зубами и пытаясь не заскулить, Роско отложил инъектор в сторону. Слова маршала имели смысл, но Дэниел просто не мог их нормально обдумать. В глазах загорались красные круги. Музыка и голоса превратились в адскую какофонию, что резала мозг на маленькие кусочки звуковыми ударами. Движения стали смазанными, начали стекаться в одно пятно.

И когда уже боль невозможно было терпеть, явился он.

— Не мучай себя — станет ещё хуже.

Дэниел почувствовал укол в шею и дёрнулся, но через секунду боль начала отступать. Ему показалось, будто внутри зашевелилось нечто чужое, инородное. Король убрал инъектор и уселся рядом, всё такой же чистый, безупречный и доброжелательный. Улыбнувшись, Карл произнёс:

— Как самочувствие?

— Бывало и хуже, — пробормотал в ответ Дэниел. Король рассеянно кивнул, наблюдая за акробатической эскападой циркачки.

Роско внимательно рассматривал преступника, так походя отобравшего власть у избранного народом кандидата. Раньше он просто недолюбливал Карла. Сейчас Дэниел его почти ненавидел.

Но придётся идти на компромиссы, если он планирует выкупить Сабрину.

— Иногда я думаю переехать на Уровни выше, — сообщил Карл. — Но у Дворца есть свой шарм. К тому же, безопаснее места в мире не найти.

— На балу я думал так же, — проворчал Роско. — А потом на меня напали ваши телохранители.

— Мои люди уже занялись расследованием, — король нахмурился. — Они всю гвардию перетрясут, но найдут

виновных.

— Ваши люди? Я думал, что в гвардии — самые приближенные к короне бойцы.

— Нет, большая часть подчиняется маршалу, — Карл откинулся на стуле назад и скрестил руки. — Последнее время я всё меньше ему доверяю. На такой случай у меня есть отдельное подразделение. Вполне возможно, ты с ним скоро познакомишься — иначе, зачем ты сам сюда пришёл?

— Вы с таким спокойствием об этом говорите, — заметил Роско. — Это дело государственной важности. Дело, из-за которого вы послали ко мне контрразведку.

— Уж извини за это, — Карл развёл руки и кисло улыбнулся. — Я приказал не причинять вреда. Он угрожал тебе?

— Этот говнюк чуть не отрезал мне ухо, — процедил Дэниел и подумал: «А ты будто не знаешь, да?»

— Боюсь, Марий иногда… выходит из-под контроля, — Лоренс отвёл взгляд. — Я глубоко сожалею. Но не будем об этом. Кто-то пытался убить тебя до того, как ты донесёшь весть. И они оказались способны внедрить агентов даже в Королевскую гвардию.

— Сэр, — Дэниел решил перейти к действиям, — я готов поделиться с вами произошедшим. Но при условии, что вы предоставите защиту и покровительство. Но главное: прошу вас, освободите Сабрину.

Карл вскинул бровь.

— Ты ещё вздумал торговаться, Роско?

— Вы можете убить меня, — парировал Дэниел, — но ничего этим не добьётесь. Вы сами знаете, как важно моё свидетельство. Это не даёт вам покоя. Это никому не даёт покоя.

Король наклонился вперёд.

— Послушай-ка, — тихим голосом произнёс он, — вокруг моей шеи стягивается петля. Я чую заговор. Моя собственная дочь предала меня! Эта двуличная сука похитила нескольких солдат из Дворца. Ты понимаешь? Её люди без всяких препятствий проникли внутрь, забрали верных мне людей, а потом смылись, не оставив и следа. Ты единственный, кто столкнулся с её бойцами и не погиб. Это физически невозможно. Кто-то тебе помог. Но кто? Что там произошло, Дэниел?! Расскажи мне!

— Я назвал свои условия, — сказал Роско. Карл лишь усмехнулся.

— Да, узнаю вашу кровь. Упрямство в тебе от прадеда. Тот тоже был несгибаемым сукиным сыном. Как жаль, что твой отец и дядя оказались другими.

— Дайте мне людей, дайте мне власть — и обещаю, что

распутаю для вас этот клубок, — Дэниел сжал правую руку в кулак и почувствовал, как она пульсирует странной энергией. — Если понадобится, я разыщу всех и казню на месте. Для меня это личное. А потом вы отпустите Сабрину. Идёт?

— Не так быстро, юноша, — ответил Карл. — Найди мне заговорщиков, расскажи правду о произошедшем при вторжении, а потом уже говори про мою внучку. Мне нужен человек, который не боится замарать руки. Насколько далеко ты готов пойти ради принцессы?

— Насколько только возможно, — решительно ответил Дэниел. Карл довольно кивнул.

Его лицо светилось в наступившей темноте. Прожектора отключились, номер закончился. Далеко, в другой вселенной, конферансье расхваливал талант циркачки, а Дэниел всё не мог отвести глаз от короля. Как только девушка покинула сцену, Карл поднял руку с коммуникатором ко рту и заговорил:

— Приветствую вас, друзья мои, — голос его разносился по всему помещению, заползал в каждый уголок, и никто не мог бы пожаловаться, что ничего не услышал. — Сегодня у нас особенный случай. Парень возле меня не так давно стал главой Дома. И я вспомнил о позабытой уже традиции — иметь при дворе Королевское Правосудие. Увы, она прервалась. Но сегодня мы её восстановим. Прошу любить и жаловать, Дэниел Роско!

Дэниел приподнялся, взглянув в бездну. Он почувствовал, как в него впились несколько сотен глаз, готовых сожрать одним лишь взглядом, уничтожить его и развеять прах по ветру. Если бы намерения могли убивать, он бы только в этот момент умер тысячу раз.

Роско стал врагом номер один для Семей, цепным псом короля, жандармом.

Он окончательно превратился в солдата.

Зал рукоплескал, и за хлопками ладоней Дэниел слышал: «Тебе конец, сопляк». Он заставил себя улыбнуться и поклониться. Где-то там сидели те, кто хотел его убить. Он найдёт их и заставит расплатиться за всё. А затем выкупит у старого ублюдка Сабрину.

— И в качестве первого задания, — молвил король, фальшиво улыбаясь, — Дэниел отправится на Нижние Уровни и поможет нашим войскам.

* * *

Он хромал по коридору с Карлом, пытаясь не захохотать.

Вся его затея оказалась провальной от начала и до конца. Но раз уж он влез в эту задницу, то будет ползти дальше, пока не получится что-то дельное.

Король разыграл его, использовал его намерения против него самого. Старый ублюдок знал, что Роско не будет сопротивляться. Он просил власть — он её получил.

Рядом с королём и его новым Правосудием шагали хмурые люди в штатском. По их выправке и взгляду Дэниел распознал кадровых военных. Но почему они без формы? Неужели это то самое подразделение, о котором говорил Карл?

Они шли уже порядка десяти минут. Дорога до тронного зала оказалась неблизкой. Они пересекали длинные тёмные коридоры, по которым деловито сновали гвардейцы, чиновники, техники и медики. Дворец угнетал Дэниела. Огромное здание, явно предназначенное исключительно для административной деятельности, было неумело переделано под жилое. Слишком высокие потолки, слишком узкие коридоры, слишком широкие двери. Повсюду шторы да гобелены, ковры, пропахшие пылью, странные неуместные тумбы и кувшины с искусственными цветами. Мёртвый мир из пластика, ворса и бетона. Казалось, что стены хотят раздавить гостей.

— Познакомься с ребятами, Дэниел, — проворковал Карл. — Это твои новые подчинённые.

— Кто они? — с подозрением поинтересовался Роско.

— Представьтесь, — приказал король. Шедший ближе всего к Дэниелу коренастый паренёк отрапортовал:

— Лейтенант Карус Бром, второй отряд восьмой роты Корпуса штурмовиков. Рад знакомству, — лицо молодого лейтенанта усеивали веснушки, но смешным он не казался. Уголки его рта тянулись вниз и, казалось, штурмовик просто не умел улыбаться.

— Бром? А что же не Барий? — съязвил Дэниел и повернулся к королю. — Корпус штурмовиков. С ними вы отняли власть у Пендлтонов, не так ли?

Карл погрозил Роско пальцем.

— Опасные разговорчики ведёшь, дружок. А вдруг кто услышит? — король почёсал бровь, и его лицо залило умиротворение. — Моих ребят официально не существует. Их просто нет в структуре Синдиката. Им я доверяю даже больше, чем себе. И теперь они в твоём распоряжении.

— Это всё прекрасно, сэр, но как нападение на меня и заговоры связаны с походом на Нижние Уровни? При чём здесь война?

Они прошли мимо кухни, и Дэниел чуть не закашлялся от

резких запахов специй. Не привык он к таким кушаньям, совсем не привык.

— Ты думаешь, я отправлю тебя туда с горсткой штурмовиков? — Карла будто оскорбили предположения Роско. — Нет, сначала тебе придётся встретиться с леди Карфилд. Попроси её выдать бойцов. Не захочет — заставь. Апеллируй к её здравому смыслу. Она боится потерять государственные контракты, поэтому выделит тебе солдат. Заодно ты у неё узнаёшь про тех, кто на тебя покушался.

— Они не убийцы, — вспомнил Дэниел слова леди Арден. — Они наёмники.

— Вот как? Что ты знаешь о нападавших? — поинтересовался Карл. В его глазах возник опасный блеск.

— Отморозки сумели пробраться в Королевскую гвардию. Вполне может быть, что они подкупили маршала, — ответствовал Дэниел. — Всё может быть!

— Ты знаешь, что с них удалили все опознавательные знаки? Ни номеров лицензий, ни отпечатков пальцев, ничего. Даже слепки зубов и сканирование глаз ничего не дали. Парней будто не существовало. Обычно наёмные убийцы предпочитают оставлять хоть какие-то метки, чтобы люди знали — это заказ. Твои же ребята оказались призраками. Ты представляешь себе, как дорого всё это стоит?

— Их могли нанять только вы, — ответил Дэниел. Карл захохотал, запрокинув голову.

— Ой, не могу! — повторял он, стуча кулаком по открытой ладони. — Ой, насмешил! Господи, помилуй! Ты мне нужен живым, Дэниел!

— А как ещё это объяснить? — произнёс Роско. — Их приняли в Королевскую гвардию. Это должны были быть проверенные люди с идеально чистым прошлым.

— Ты ведь понимаешь, что они изменили внешность? — спросил Карл, мгновенно став серьёзным. — Убийцы замаскировались под троих бойцов, которые в тот день не вышли на работу. Все верили, что это настоящие гвардейцы, пока не началась пальба. Их настоящие лица мы не можем восстановить.

— Я мог бы спросить в Медцентре… — начал Дэниел.

— Даже и не думай. Медцентр подчиняется одновременно всем и никому. Они же как копы — институт Эдема, да набранный из обычных людей. Твою власть там не признают, и на вопросы отвечать не будут.

— Кто-то потратил огромную кучу денег, — заметил Дэниел. — У кого бы она нашлась?

— Ты ведь знаешь Семью Торесов? — вкрадчиво спросил

Карл. — Они заведуют банковской системой с незапамятных времён. Я недавно проверял их отчёты и мне кажется, что дебет с кредитом чуточку не сходится. К тому же, они уже опомоились участием во вторжении Стрелков.

— Зачем бы им меня убивать? — спросил Дэниел. Король пожал плечами.

— Да чтобы хотя бы насолить мне? Ты знаешь, сейчас во всём Синдикате, наверное, нет человека, который не слышал про твой подвиг. И, поверь мне, я не зря переключаю всё внимание на Клэя и спасение площади Освобождения. То, что ты сделал, не поддаётся объяснению, а люди не любят загадок. По всем правилам ты должен был погибнуть. Если только сам Бог не вмешался и не спас тебя… иначе объяснения я не вижу.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал Дэниел. — Но при чём тут наёмники? Дело ведь не просто в бойцах? Вы хотите, чтобы я поговорил с леди Карфилд. Она что-то знает?

— Карфилды всегда что-то знают. Конечно, бизнес превыше всего. Леди Арден вряд ли сразу назовёт тебе всех участников, но может подтолкнуть в правильном направлении.

— Прийти к наёмникам, допросить леди Карфилд, взять бойцов и прийти на подмогу нашим солдатам — понял, — отчеканил Дэниел. Впереди показались двери тронного зала. Карл вдруг тормознул и начал теребить кончик бороды. — Что такое, Ваше Величество?

— Подстригись, Роско. У тебя вся голова заколосилась.

Дэниел погладил ладонью по макушке. За пару недель волосы порядком отросли и снова стали кудрявыми. Роско даже не заметил. Зато сбрил усы, оставив только щетину на подбородке.

Он начал бояться зеркал. Его терзал страх, что в отражении увидит незнакомого человека.

— Как-нибудь потом, — ответил Дэниел, нахлобучив на голову чёрный берет. Король пожал плечами.

— Я всё хотел спросить… Сабрина стала предательницей и повинна в смерти ребят с младших курсов, — голос у Карла стал низким, почти что потусторонним. Взгляд остекленел. — За это я лишил её всех привилегий и отправил в Приют. Как ты думаешь, правильно ли я поступил?

«Это не просто вопрос, — подумал Роско. — Это проверка».

— По правилам её нужно было бы казнить, — незамедлительно ответил он. — Но… я люблю её. И хочу, чтобы вы её пощадили.

Карл улыбнулся уголком рта.

— Я уже пощадил. Хорошо, Дэниел. Если ты будешь хорошо

работать, я смогу отпустить Сабрину.

Роско кивнул. «Иначе и быть не могло».

— Вот ещё что, забыл тебе сказать. Твоя задача не поддержать наших ребят.

— А что же?

— Твоя задача найти их.

* * *

Дорога к штабу Карфилдов заняла более получаса. Дэниел не привык столько времени тратить на поездки.

Из раскрытого окна лимузина он наблюдал за улицами. Трафик наконец-то оживился и стал как прежде. На магистралях иногда даже возникали пробки. Люди казались взвинченными и озлобленными как никогда. Водители не переставали материть друг друга, прохожие, столкнувшись, ввязывались в драку. Оборванцы таскали знаки с разными зловещими надписями, вроде «Конец близко» и «Бог нас оставил». Дэниелу казалось, что светосферы начали хуже работать — даже в разгар дня тьма занимала каждый уголок и немигающим взглядом провожала нервных граждан Синдиката. Агитационные постеры облепили все стены. Улыбающиеся солдаты смотрели с изображений и гласили: «Ты нужен королю и своему Городу! Вступай в ряды Вооружённых Сил Синдиката прямо сейчас!» Боевые кресты и распятия усеивали стены. Возле ресторана, принадлежавшего Дому Фортескью, Дэниел заметил группу людей в звериных масках. Склонив головы и не двигаясь с мест, они проводили взглядом автомобиль Королевского Правосудия. «С каких пор они не боятся шастать в Центре?» — подумал Дэниел. Раньше полиция отлавливала всех вигилантов, носящих маски вне окраин. Но всё поменялось. Обстановка казалось такой накалённой, что Роско скорее удивится, если через неделю всё не взлетит на воздух.

Машина резко тормознула, и Дэниела бросило вперёд.

— Смотри куда прёшь! — завопил водитель. Прохожий, которого чуть не задавили, оказался священником.

— Зенки разуй, шлюхин сын! — ответствовал святой отец, с размаху пнув бампер автомобиля. Раздался металлический звон — нога у священника оказалась аугментической.

— Сука, вмятину сделаешь! — схватившись за голову, заорал водила.

— Не тронь его! — крикнул Дэниел. — Езжай дальше!

Пока водитель мешкал, Роско выглянул в окно. Ему

почудилось, будто огромная тень легла на Старый Город. Что-то большее, тёмное и зловещее нависло над человечеством. Ему слышался звон стальных крыльев, скрип механизмов и тихое копошение — словно кто-то разом начал переворачивать гору переполненных вещами мешков. Запахло палёным мясом, и Дэниела чуть не стошнило. Обратив слезящиеся глаза на потолок Уровня, он готов был поклясться, что слышит людские крики. Но машина тронулась, и мираж прошёл.

Всё это время напротив него сидел лейтенант Бром, скрестив руки на груди. Роско никогда не видел, чтобы на лице человека было так много веснушек. Штурмовику, казалось, приказ Дэниела не понравился, но ситуацию он никак не прокомментировал, лишь тяжёло вздохнул и уставился в окно.

— Ну и как ты в это вляпался? — спросил Роско, пытаясь разжечь разговор. — В службу королю, имею в виду.

— Так же, как и все, — отрезал Бром. Он явно был не в настроении. Дэниел хмыкнул. «Что же, и ты иди в задницу». Он решил проверить почту.

Письма переполняли электронный ящик. Большинство представляли собой всяческие предложения о помощи, которая Дэниелу точно не требовалась. Остатки же гласили, что от объединения Домов политическим браком Семья Роско только выиграет. Дэниел скривился. Его отец так не торопил с женитьбой, как все эти стервятники.

Роско решил набрать дядю. Дэвид принял звонок с такой быстротой, будто его целый день ждал.

— Слушаю.

— Это я, Дэниел, — Роско почесал затылок. Кроме Дэвида у него никого больше и не осталось. Один, совсем один в таком большом мире. «Найди себе союзников», — сказал Штрауд. Почему бы не начать с дяди? — Как ты? Всё в порядке?

— Ты не представляешь, как я рад за тебя. Королевское Правосудие! Вот это и правда достижение, — в голосе дяди сквозила такая теплота, что Дэниел засмущался. — Поверь мне, отец был бы тобой сейчас очень горд.

— Спасибо, дядя, — искренне ответил Роско. Еретик или нет, но он был частью его семьи. Больше ему держаться просто не за кого.

— Ты рассказал им… сам знаешь про что? — тихо спросил Дэвид.

— Ещё нет, — Роско бросил быстрый взгляд на штурмовика, но тот продолжал безучастно пялиться в окно. — Ты не копал под подосланных ко мне убийц?

— У меня нет доступа к информации, — ответил дядя, — но

дам совет: что бы тебе ни сказал король — не слушай! Он обязательно солжёт, уж попомни моё слово.

— Я понял, — кивнул Дэниел. Он и сам прекрасно знал, как нужно опасаться Карла. Но поделать ничего не мог — как иначе спасти Сабрину? Как найти ублюдков, заказавших его?

— Кстати, к тебе недавно приходил друг, — заметил дядя. — Сказал, что его зовут Кински. Просил передать, что никак не может тебя поймать.

Роско усмехнулся, вспомнив бойкого и педантичного третьекурсника. Вот уж от кого он не ожидал услышать, так это от него.

— Дядя… можно вопрос?

— Конечно, валяй.

— На что бы ты пошёл ради любви?

Молчание на том конце так затянулось, что Дэниел испугался. Но тут Дэвид заговорил, очень степенно, будто тщательно подбирая слова:

— Знаешь, совсем юными мы с твоим отцом часто соревновались за женское внимание. Хвастались друг перед другом мелкими победами. Я был чуть старше и опытнее, так что преимущество почти всегда было на моей стороне. Но случилось так, что нам обоим понравилась Селина из Дома Сайкс.

У Дэниела перехватило дыхание.

— Мама?

— Да. Добрейшая и умнейшая девушка, которую я когда-либо видел. Твоему отцу она тоже нравилась, понятное дело. Я знал, что больше никогда такой не встречу. И всё же уступил брату. Казалось, что так надо. И знаешь, Дэниел, ни дня не проходит, чтобы я об этом не пожалел.

Дядя судорожно вздохнул.

— Идите за мечтой, пацан. Не бойся преград. Может хоть твоя старость не будет отравлена туманом сожалений.

Бром хихикнул — видимо, всё-таки не выдержал.

— Приятного дня, Дэвид, — протараторил Дэниел и оборвал связь.

— А ваш дядя тот ещё тип, — лицо штурмовика скривила ироническая улыбка. — Впрочем, чего удивляться.

— Какие-то проблемы? — спросил Дэниел, чувствуя инстинктивную неприязнь к веснушчатому ублюдку.

— Я смеюсь не над вашими любовными разговорами, а над недоверием к королю. Надеюсь, причины у твоего дяди веские. Каннибал Дэвид, да? Я слышал истории о нём.

— Закончим на этом, — теперь уже Роско не хотелось продолжать разговор.

Штаб Карфилдов представлял собой особняк в самой глубине Восемнадцатого Сектора. Высокий белый забор ограждал дом наёмников от остального мира. Башни с часовыми и снайперами стояли через каждые десять метров. Воздух над домом наёмников подрагивал и искажался.

— Они установили силовое поле, — заметил Бром. — Король предоставил им по контракту.

Дэниел скривился. Редко какие Семьи могли позволить себе эту технологию. Но именно им она нужна была больше всего. Фокус был в том, что находившиеся внутри поля могли отстреливаться, при этом будучи полностью защищёнными от любых атак извне. Но огромные энергозатраты не позволили технологии стать другом пехотинца. Даже для зданий вводились специальные датчики, срабатывавшие на те или иные раздражители и врубавшие генераторы.

Из-за соседства с громадинами жилых блоков, находившееся у самого их основания здание казалось крохотным. Но Роско знал, что оно вмещает чуть ли не тысячу бойцов компании, включая прислугу и близких наёмников.

Хмурые стражники в бронежилетах и касках проверили все документы и просканировали коммуникаторы, прежде чем открыть ворота. Лимузин мягко въехал во двор, обогнув фонтан с искусственной лужайкой, на которой играли дети. Мужчина в алой ливрее и с аугментическими глазами проводил Роско и Брома внутрь.

В вестибюле возле лестницы их уже ждала леди Карфилд. Вульгарное платье она сменила на рубашку с короткими рукавами и бриджи. Чёрные локоны всё так же струились по плечам.

— Какой неожиданный визит, мистер Роско, — произнесла наёмница. По её глазам Дэниел понял — это ложь. Она ждала его, и он сумел ещё и опоздать. Лейтенант штурмовиков встал у него за правым плечом.

— Спасибо, Карус, — холодно произнёс Дэниел, — но тебе лучше подождать в машине.

— Король велел не оставлять вас одного, — ответил Бром. Роско развернулся на месте. Он почувствовал, как правая рука сжимается в кулак, готовая разорвать лейтенанта на части.

— Сейчас же.

Штурмовик смерил Дэниела испытующим взглядом, но послушался. Как только Бром вышел, леди Карфилд вздохнула и присела на покрытые красным ковром ступеньки.

— Надо было использовать возможность и бежать с бала, — почти что с укором сказала она Дэниелу.

— Я не из тех, кто бежит.

Слова Роско заработали ему переполненный восхищения взгляд от наёмницы.

— Как жаль, — произнесла Карфилд, обнимая себя за плечи. — Столько храбрости — и всё впустую.

— Вы знаете, зачем я здесь? — спросил Дэниел, расстегнув плащ и сунув руки в карманы штанов. Леди Арден отвела взгляд.

— Догадываюсь. Король потерял посланные на фронт войска, но никто ещё об этом не знает.

— Вы знаете, — возразил Роско.

— Само собой, — наёмница усмехнулась. — Когда дело касается Нижних Уровней, мы обязаны знать всё.

— Я не только по этому вопросу. Я хочу знать, что вам известно о покушении на балу?

Карфилд похлопала по ступеньке рядом с собой.

— Садитесь, мистер Роско. Как говорит древняя эмигрантская пословица, в ногах правды нет.

Дэниел не стал возражать. Устроившись подле наёмницы, он сцепил руки и уставился вперёд.

— У вас роскошный особняк. Намного лучше моего. И больше.

— Он не мой, — ответила Карфилд. — А моих людей. Вы должны понимать, мистер Роско, это место возникло из мечты.

— О чём?

— О настоящем доме. Все мы скитальцы. Даже вы. Даже сам король. Вы понимаете, Приюты отняли у нас самое главное — семью.

— Синдикат создан из Семей, — хмыкнул Роско.

— Да. И все готовы вцепиться друг другу в глотки, — Карфилд покачала головой. — Нет, это не то. Мы застряли в порочном круге. У солдат на службе, заводящих детей, их отнимают. Отправляют в Приюты, пичкают головы пропагандой. Сколько кандидатов в офицеры из Военной Академии не вышли из Домов Синдиката? Таких можно по пальцам пересчитать. Детей оставляют без родителей, пытаются влюбить в государство. Но разве им это нужно? Им нужен дом. А их пытаются купить действующим гражданством, — последнюю фразу наёмница практически выплюнула. — Шмотками, жилым пространством и одиночеством. Нас лишают всего, разрывают на части. Один древний философ сказал, что основополагающий принцип войны — это «разделяй и властвуй». Вот так нас завоевали, мистер Роско. Окружили стенами из одиночества. Дали в качестве идеала человека из стали и сказали, что если мы не будем становиться лучше, то убьём общество. А оно уже убило нас.

— Освободитель здесь не при чём, — сказал Роско. — Он ведь не за этим создал Приюты. Смысл был дать каждому крышу над головой и возможность питаться. Существовать.

Леди Карфилд смерила его полным иронии взглядом.

— Знаете, как раньше называлось существование, в котором тебя только и делают, что манят перспективой свободы?

— Рабство, — сказал Дэниел. Леди Карфилд кивнула.

— Нас сгоняют в Приюты. Лишают родителей. Говорят, что если мы будем хорошо работать или пойдём на военную службу, то получим свободу и кучу привилегий. Но разве же в этом смысл? Божий Порядок обещал благо всем. Каждому. Чтобы никто не ушёл обиженным. Но кто-то рождается с привилегиями, катается в достатке всю жизнь, ни над чем не задумываясь, а кому-то за них приходится класть на алтарь все силы, чтобы хотя бы их дети жили как люди.

Роско молчал. Он никогда не смотрел на ситуацию с этого угла. В голове начала скулить боль, кожа покрылась потом, но в этот раз Дэниел не полез за инъектором.

Кто-то живёт в страданиях всю жизнь. Чем он хуже?

И тут его осенило. Он вспомнил отца. Выглаженную форму, запах одеколона, которым он пользовался. Вечно чуть щетинистый острый подбородок. Самодовольную ухмылку и громкий, перекрывающий чужую речь смех. Но главное: маску, которую он пытался надеть на Дэниела. Маску бойца, настоящего мужчины.

Дэниел засмеялся через слёзы и повернулся к наёмнице.

— Погодите-ка, — подавляя желчь, произнёс он, — а что предлагаете вы? Уничтожить Синдикат? Отдать власть в руки народа? К чему все эти речи, леди Карфилд? Я не бунтовщик. Мне не нравится положение вещей — но лучше системы ещё не придумали. Даже если король мне неприятен, я до конца буду отстаивать нынешнее положение вещей.

Лицо наёмницы окаменело, а взгляд стал сосредоточенным:

— Почему, мистер Роско? — тихо сказала она. — А ведь вы подавали столько надежд. Нет, вы не понимаете, о чём я. Вы такой же, как и все остальные.

— Не возводите всё в абсолют, — ответил Дэниел, чувствуя распирающую его ярость. — Я прекрасно всё понимаю. Вы хотите семейного счастья. Меня ваше семейное счастье как раз и сгубило. У меня не было матери, но был отец. Отец, который всю жизнь пытался сделать из меня то, чем я не являюсь. Солдатом. Бойцом. Воином.

Наклонившись к уху Карфилд, он добавил:

— Убийцей.

Леди Арден дёрнулась назад.

— Я всю жизнь желал быть кем-то другим. Хотел не зависеть от отца, а построить себя сам. Я брыкался, я противился. Я бы всё отдал, чтобы начать жизнь с чистого листа — без титулов, без ожиданий, которые на тебя накладывает имя. Я хотел бы быть никем. Но в итоге воля отца оказалась сильнее — ведь я сейчас перед вами. Я воплощение его мечты. Идеальный наследник, ставший не только солдатом, но и слугой королю. Я здесь, чтобы узнать правду. Людей отрывают от семей, говорите вы. А может, так оно и надо? Может, лучше жить с едой, чем впроголодь, но с родителями? Неужели вам не приходило в голову, кем бы вы были без Синдиката? — Роско покачал головой. — Пусть у меня отняли возможность начать всё с нуля, леди Арден. Но я не дам её отнять у кого-то ещё.

— Вы, небось, считаете себя хирургом, вырезающим опухоль, — жёстко заметила Карфилд. — Но на самом деле вы просто убийца. Из-за вас погибли ваши люди.

— Мы все здесь убийцы, — отозвался Дэниел. — Вы тоже посылаете людей на смерть. Но не вижу, чтобы вы от этого страдали. И да, вполне возможно, что из-за вас меня чуть не убили.

Леди Карфилд покачала головой:

— Я здесь не при чём. Покушение на вас — не моих рук дело.

— Допустим, — смиловался Дэниел. — Но говоря о моих людях — никто не знает, что на самом деле произошло.

— Людям и не нужны факты. Им просто нужен объект для ненависти. Знаете, как вас называют при дворе?

— И как же?

— Стервятник, — лицо Карфилд скривила злая усмешка. — Как по мне, прозвище вам идеально подходит.

Роско рассмеялся. Он вспомнил свой первый бой: отвращение, боль, злость. Удивление несправедливостью мира. Дэниел ненавидел войну, как любой нормальный человек. Но теперь пришло понимание: когда его бросили в пучину боя, он не утонул, а обрёл второе дыхание. Переродился.

— Я вот тоже вспомнил одну старую пословицу, — сказал он. — Назовут убийцей раз — плюнь собеседнику в лицо. Второй — уйди в сторону не медля. А уж если три раза, ничего не остаётся, как достать пистолет и начать стрелять. Раз вокруг меня сложилась такая репутация, то зачем разочаровывать зрителей.

— Король использует вас, мистер Роско, — мягко произнесла Карфилд. — Вашими руками он прольёт много крови.

— Вы боитесь, леди Арден, — ответил Дэниел. — Всё это время вы играли по правилам, которые придумали до вас. Вы

боитесь лишних жертв. Может король и использует меня. Он ублюдок и урод. Но он управляет системой, в которую я влюблён. И уж поверьте, если придётся убить всех и каждого в этом доме, чтобы спасти её, моя рука не дрогнет.

— Вы уверены? — с лёгкой улыбкой ответила наёмница. — Докажите.

— Кто послал убийц? — спросил Дэниел, почти что навалившись на леди Арден. Правой рукой он схватился за перила, отрезав ей путь к выходу.

— Я не знаю.

— Это были ваши люди?

— Нет, — ответила леди Карфилд. Глаза её стали холоднее льда. — Хочешь ответов — старайся сильнее, мальчик!

Бывалый пехотный офицер, сейчас она превратилась в неприступную крепость. Дэниел даже почувствовал укол зависти. Нелегко будет выбить из неё ответы.

Резко выхватив игломёт, он приставил ствол к подбородку леди Арден.

— Попробуем ещё раз, — сказал он. — Я прошу вас, умоляю, закричите. Позовите на помощь. И я клянусь, что выстрелю.

Наёмница попыталась пнуть Дэниела коленом, но он увернулся и ударом кулака под дых заставил её замереть. Женщина обмякла. Дэниел засмеялся:

— Старики, — процедил он. — Старики всегда боятся смерти. Но не вы, не так ли? Сколько вам, леди Карфилд?

— Восемьдесят два, — ответила женщина, пытаясь отдышаться. Всё существо наёмницы источало презрение. — А чего мне бояться? Сопляка, решившего, что он может всё?

Роско чмокнул губами, чувствуя, как боль из головы перетекает в позвоночник. Казалось, будто за шиворот ему заливают плавленый металл.

— Омолаживающие процедуры сохранили вашу красоту. Кто послал убийц?

— Не знаю! — повторила леди Арден, почти прижавшись спиной к перилам. Роско обхватил её тонкую шею правой ладонью. Пальцы тряслись от желания убивать. Он чувствовал, как в руке покоится скрытая энергия. «Выпусти же её», — прошептал голос в голове.

— Считаю до трёх, — предупредил Дэниел. — Раз…

— Я не имею ни малейшего понятия, — процедила женщина. — Нас пытались нанять, пытались, но не сумели.

— Кто?! — вскричал Роско.

— Леди Карфилд! — заорал кто-то сверху на лестнице.

— Не двигайся, иначе ей конец! — предупредил Дэниел.

— Мариэль, стой! Не делай ничего! — крикнула женщина. Роско осторожно повернул голову. Сверху стоял спутник наёмницы на балу, юноша со светлой шевелюрой, но уже без очков виртуальной реальности. На нём был строгий серый мундир и белые перчатки. Ствол пистолета в его руке смотрел прямо на Дэниела.

Двери распахнулись, и внутрь ворвался лейтенант Бром. Окинув всех взглядом, он хмыкнул и тоже достал из-за пазухи ствол, прицелившись в юношу на лестнице. Мариэль побледнел.

— Что вам нужно? — спросил он у Дэниела.

— Не говори ему ничего! — прошипела наёмница, пытаясь вырваться, но Роско держал её крепко.

— Кто пытался нанять бойцов, чтобы устранить меня? — произнёс Дэниел.

— Если я скажу, вы отпустите её? — спросил Мариэль.

— Заткнись! — крикнула наёмница, и Дэниел сжал пальцы, заставив женщину захрипеть.

— Директор Торес! Зигфрид Торес! — протараторил юноша. — Пожалуйста, не делайте ей больно!

— Хороший мальчик. А теперь стой спокойно, — сказал Роско. — Я убираю оружие.

Он опустил игломёт и положил его в карман. Правая рука сдаваться не собиралась. Дэниелу пришлось приложить усилие, чтобы отнять её от горла наёмницы. Леди Арден тяжело выдохнула и уставилась озлоблённым взглядом на Роско.

— Это вам с рук не сойдёт, — отчеканила она.

— Уже сошло, — ответил Роско, отряхнув ладони.

— Я пожалуюсь королю.

— Вперёд. Не забудьте только упомянуть, как вам не нравится Синдикат. Думаю, ему это понравится. Ах да, вы должны предоставить мне солдат и опытного следопыта. Его Величество приказал отправиться на Нижние Уровни и разыскать пропавших бойцов. Надеюсь на ваше понимание.

Мариэль подбежал и протянул наёмнице платок — у женщины из носа побежала кровь.

— Идиот, — бросила она юноше. Тот от стыда стал пунцовым. — Вот ваш следопыт, Роско. Забирайте и делайте с ним, что хотите. Солдат я найду позже.

Мариэль сник, но возражать не стал. Леди Карфилд продолжала буравить Роско злобными глазками, но Дэниел знал — она ничего не сможет сделать. Пусть король и манипулирует им, но слово юноши отныне закон. Откланявшись и увлекая за собой лейтенанта Брома, Дэниел вышел из особняка. Мариэль за его спиной спросил у леди Арден:

— Мама, как ты?

Роско сел в лимузин и начал массировать виски. Что дальше, пытки с пристрастием? Кто знал, что он и до такого может докатиться.

— Вот это я называю Королевским Правосудием, — усмехнулся штурмовик, как только автомобиль выехал за ворота. Выходка Дэниела ему явно понравилась.

— Ты слишком долго мешкал. Её боец успел прибежать, пока ты телился, — сказал Роско, поправив плащ. — Пожалуй, мне нужен новый помощник.

Игла инъектора вонзилась в шею и впрыснула новую порцию обезболивающего.

— Тут пришло сообщение от вашего дяди, — сказал лейтенант. — Вы готовы к похоронам?

* * *

Конвейер с гробами двигался медленно, позволяя всем вдоволь наплакаться. Вдовы же слёз не жалели.

Дэниел ненавидел похороны. Особенно те, где его не ждали. Сама процедура казалась ему идиотской. Толпы людей приходили в тёмных одеяниях, чтобы пролить реки воды. Ни разу юноша не видел, чтобы оплакивали мёртвых. Люди всегда оплакивали себя, оставленных в этом мире жить и бороться. Мёртвые всё так же оставались мертвецами. Хоть ты плачь, хоть не плачь — им лучше уже не станет.

С поселением в Город люди перестали хоронить мертвецов. Слишком нерационально, слишком много ресурсов впустую. Изобретение утилизаторов оставило варварский обычай в прошлом. Ни одна капля крови в Городе не пропадала зря. Тела погибших солдат перерабатывали в первый же день, ещё до того, как они начинали разлагаться. Теперь в утилизатор отправлялись все их личные вещи. Других похорон предусмотрено не было. На памяти Дэниела, похороны остались одной из немногочисленных повседневных церемоний старого мира — самой пышной и самой бесполезной. Когда погибнет он сам, его тело через пару часов отправят в утилизатор, и через две недели соберут всех друзей и родственников, чтобы проводить в последний путь воспоминания, олицетворяемые вещами.

«Надо бы написать в завещании, чтобы меня хоронили как обычного человека», — с неудовольствием подумал Роско. Без всего этого фарса. Люди умирают каждый день, их отправляют на переработку, чуток горюют, но скоро забывают. Чем он, чёрт

возьми, лучше?

После всего произошедшего, не воспринимать смерть как нечто обыденное казалось кощунством.

Огромный зёв раскрылся, принимая очередной гроб. Дэниел видел разогревающиеся расщепители внутри камеры. Как только заслонка опустится, коробка вместе с содержимым испарится, превратившись в танец атомов и молекул. Затем всё это уйдёт на создание еды, одежды и товаров, обеспечивая круговорот жизни в Старом Городе.

Уотерсон, Келбрехт, Хайнц, Зигурт, Коль… Список можно было продолжать. Отличные солдаты, верные. Погибшие ни за что.

— Они бы радовались, зная, что ты остался жив, — раздалось справа. Дэниел вздрогнул. Рядом с ним стоял брюнет в сером пальто. Юноша был готов поклясться, что его здесь не было секунду назад. Прядь волос прикрывала правую половину лица незнакомца. Изо рта торчали наращенные клыки. «Ещё один контрразведчик?»

— Они пожертвовали собой, чтобы спасти командира, — голос мужчины напоминал скрип несмазанной двери, пропущенный через коммуникатор. Совсем не человеческий.

— А я должен был спасти жителей Города, — уклончиво ответил Дэниел. — Но мы не остановили Стрелков. Я не остановил Стрелков.

— Ты перебил солдат Аноры. В итоге от Стрелков отбиваться не потребовалось, — мужчина повернулся лицом к Роско. Безжалостный взгляд голубых глаз обезоруживал. Дэниел вдруг подумал, что незнакомец напоминает взведённую бомбу. Не так что-нибудь скажешь, и он взорвётся.

— Кто вы? — спросил он.

— Можешь звать меня Корвус, — ответил мужчина. — У нас… общие друзья.

Кивнув в сторону уходящих в утилизатор гробов, зубастик сказал:

— Погибнуть так… Для многих из нас это высшая честь.

— Многих из вас? — холодно произнёс Дэниел.

— Многих из Пробудившихся, — пояснил мужчина. Его тело стало плыть, превратилось в прозрачную иллюзию.

Явственно зажужжали стальные мускулы экзоскелета. Тело зубастика вытянулось, превратилось в сталь, еле прикрытую гниющим балахоном. На затылок налез капюшон, а лицо скрыла клювастая маска на вид из человеческой кости. Из спины вылезли бритвенно-острые крылья и заволочились по полу, высекая искры. Дэниел застыл на месте, чувствуя, как по спине ползёт холод.

Рука тут же вынула из ножен саакский клинок.

«Опять они. Всё-таки нашли меня…»

Ангел покачал головой.

— В насилии нет необходимости, — проскрипел он, махнув у носа Роско огромным когтём. — Я здесь не по твою душу, а по их. Мои… люди изъяли тела двух погибших солдат — Косгроува и Митчелла.

— От них ведь почти ничего не осталось, — пробормотал Дэниел, чувствуя абсурд происходящего. Он должен был бояться, должен был кричать. В конце концов, он чуть не погиб от руки Стража. Но сейчас его больше беспокоили слова, сказанные трёхметровой птицей. «Почему никто его не замечает?» — мелькнуло в мозгу.

— Они подорвали себя гранатами, — кивнул Страж. — Такое самопожертвование происходило нечасто. Я удивлён, что мы так отклонились от плана. Даже твоё столкновение с моим бойцом оказалось непредвиденным.

Из груди существа раздался рык, который Дэниел мог расценить только как смех.

— И ты сумел убить его! Какая ирония! Всё меняется быстрее, чем я могу предугадать. Пойдём, Стервятник.

Страж развернулся на месте, прежде чем Дэниел успел что-либо спросить. Источая потоки холода, существо направилось к выходу, расталкивая толпу. Его толчки никто не комментировал. Казалось, никто не видит трёхметровую громадину. «Он же почти летит над полом, — подумал Роско. — Не издаёт ни одного звука при ходьбе. Как это возможно? Неужели я сошёл с ума? Говорят, если принимать много болеутоляющих, можно до Освободителя доглюкаться…»

Роско двинулся вслед за птицей, ощущая спиной напряжённые взгляды. «Стервятник, значит?» Может быть, в этом и был план Карла — поставить управлять делами человека, которого будут ненавидеть больше, чем его самого? Если так, то Дэниел обязательно даст более серьёзные поводы для неприязни.

Дэниел убрал клинок, но на всякий случай проверил, как тот покидает ножны. Нагнав Стража, юноша пробормотал:

— Так это ваш боец был там. И я убил его.

— Всегда может случиться что-то непредвиденное, — каркнул Страж. — Но в этот раз показания бьют все рекорды.

— Он дрался с другим Стражем, — обвиняющим тоном бросил Дэниел. — Из-за них погибли мои люди.

— Пути Господа неисповедимы, мистер Роско. Без жертв ничего не достигнуть. Если мы собираемся победить Эдем, придётся забыть про сожаление.

Дэниел на всякий случай ущипнул себя. «Ангел против Эдема? Да что он такое говорит?»

— Но зачем побеждать Эдем?

— На этот вопрос я ответить не могу, — отрезал Страж.

Тяжело вздохнув, Дэниел произнёс:

— Хорошо, так зачем же тела моих подчинённых?

— Мы решили увековечить их бесценное мышление.

— Каким образом? Их мозги мертвы. Вы даже не сможете скопировать их воспоминания. К тому же, — добавил Роско заговорщическим шёпотом, — это незаконно.

— Мы стоим высоко над законом, — просто ответил Страж. Это не было пустым хвастовством — просто констатацией факта. — И я не говорю про человеческий. Я говорю про непреложный закон природы.

— Какой именно? — спросил Роско.

— Тот, что гласит, будто жизнь конечна, — птица снова задолдонила своим странным смехом. — У нас есть разные… способы.

Будто бы подумав, ангел добавил:

— Эдем хотел заполучить твоих бойцов. Но мои солдаты успели первыми.

«Забавно, — подумал Дэниел. — Столько людей, включая меня, так отчаянно рвались в Эдем — но даже после такой героической смерти туда не попасть».

Они достигли выхода из крематория. Название утратило первоначальный смысл уже давно — ведь внутри него ничего не сжигали, лишь расщепляли, без какой бы то ни было потери энергии. Ночь встретила Дэниела прохладой и свежестью. Вдали двигались машины и поезда. Здесь, на окраине, родине всех его погибших солдат, жизнь шла тихо и размеренно — во всяком случае теперь, когда по ней прошлись армейцы, а затем полицейские, вытравив вместе со Стрелками бандитов. Водитель и отряд охранников во главе с лейтенантом уже ждал Дэниела.

— Вы можете хотя бы намекнуть, что сделали с ними? — напоследок поинтересовался Роско.

— Могу сказать только, что ты ещё не раз их увидишь, — проскрежетал Страж. Новый поток холода обдал Дэниела с головы до ног. Лёгкие будто обожгло огнём, и Роско почувствовал, что задыхается. Еле открыв глаза, юноша замер.

Его окружали высоченные чёрные столбы, искривлённые и выгнутые под дикими углами. На ответвлениях висели тяжёлые белые одеяла. Дэниел посмотрел под ноги. В такие же одеялах утонули его ступни. «Снег!» — догадался он.

Воздух трещал, когда Роско делал выдох. Оглянувшись,

юноша заметил вдали тела.

— Эй! — крикнул он и побежал к ним. Но не прошло и секунды, как он понял — это мертвецы. Замороженные трупы сидели на покрытой снегом земле. Ни капли крови не виднелось на идеально белой поверхности. Дэниел рассмотрел мужчин, женщин, даже детей. Толстая ледяная корочка покрывала тела. Глаз у мертвецов не было.

Дэниел задрожал. Мертвецы множились прямо у него на глазах. Фигурок стало так много, что они дотянулись до самого горизонта.

— Никогда не задумывался, почему ваше оружие так слабо, а технологии отстают? — раздался голос за спиной. Зубастик в древнем доспехе и с крыльями за спиной ступил вперёд и встал прямо перед Роско. В руке он держал длинный, покрытый кровью меч. — Это чтобы вы не поубивали друг друга, пока мы не смотрим. Сколько раз это уже происходило, подумать только…

— Эдем… контролирует нас? — задыхаясь, спросил Дэниел.

— Для вашего же блага, — Корвус устремил взор вдаль. — Во всяком случае, Освободитель так считает. Ты, мистер Роско, обречён на великие дела. Ужасные, да. Но великие. Прошу только — не вставай у меня на пути. Последствия могут быть непредсказуемыми. И береги моего бойца.

Зубастик кивнул в сторону правой руки Дэниела. Роско схватился за кисть и с ужасом посмотрел на ладонь.

— Вашего… бойца? — прошептал он. Но зубастик уже не слушал.

Натянув на голову шлем, он взмыл в небо, размахивая широченными крыльями. Дэниел рухнул на колени, чувствуя слабость в ногах. Прежде чем он успел ещё раз окинуть взглядом поле мертвецов, иллюзия растаяла, так же быстро, как и появилась.

Он снова оказался на лестнице перед крематорием.

— Сэр! — крикнул лейтенант Бром, подбежав к Роско. Юноша оттолкнул штурмовика и зарычал, чувствуя боль в груди. Всё его тело охватила мелкая дрожь, которую он никак не мог унять. Кожа покрылась потом.

«Я схожу с ума, — подумал он. — Это всё от ингибиторов. Обкололся всё-таки. Это всё бред, бред! Надо взять себя в руки. Иначе конец…»

— Ты выполнил мой приказ? — прохрипел Роско, спускаясь к автомобилю. Лейтенант холодно кивнул и открыл дверь. Внутри уже сидел субтильный прыщавый мальчишка с сальными волосами в форме Военной Академии. Глаза его прикрывали чёрные непроницаемые очки. Дэниел как никто знал, сколько

людей недооценили парня из-за внешней хрупкости. Реджинальд Кински, давний друг и помощник. Младше на целый курс, но умнее и крепче большинства бойцов из отряда Роско, сформированного выпускниками Академии. Дэниел доверял ему больше, чем себе.

— Реджи! — протянул он и натянул улыбку на лицо, пытаясь заглушить боль и перестать дрожать. — Ты всё же приехал!

Кински нервно замотал головой. Очки чуть не слетели с его длинного носа.

— Твои ребята вытащили меня прямо из кровати, — сообщил он. — Что случилось, почему я тебе понадобился?

— Бром, на переднее сиденье! — скомандовал Роско. Лейтенант кисло поклонился. — Скажи водителю, что мы едем домой, в особняк. И будь добр, не подслушивай!

Как только автомобиль тронулся, Роско ввёл очередную дозу ингибиторов. Боль чуть-чуть отпустила. «Так долго не может продолжаться, — подумал он, откладывая инъектор и обхватывая ладонями колено. — Если галлюцинации повторятся, придётся бросить. Говорили же врачи, всё пройдёт. Надо просто перетерпеть».

Но сейчас Дэниелу было так хорошо, что мысли о дурных видениях отошли на второй план.

— Ситуация такая, Реджи, — мягко начал он. — У меня огромные полномочия, вокруг полно врагов и нет ни одного человека, которому я мог бы доверять.

Третьекурсник побледнел, красные прыщи показались маленькими ранками на белом полотне.

— И ты не нашёл ничего умнее, как вызвать меня?! — прошептал он. — Дэниел, ты в своём уме? Я даже из Академии не выпустился!

— Зато ты хорошо разбираешься в темах, в которых я профан, — ответил Роско. — Меня пытались убить, понимаешь? В грёбаном Дворце, прямо в зале у короля! Парни, одетые как гвардейцы. Расследованием занялись люди Карла. Он утверждает, что убийц не отследить. У них нет ни лицензий, ни отпечатков пальцев, в общем, никаких следов. Даже их внешность изменена. Но я хочу проверить всё сам. Начал я с допроса главы компании Карфилд, леди Арден.

— «Допроса»? — у Реджи брови полезли на лоб. Дэниел кивнул.

— Я приставил пистолет к её горлу и заставил говорить.

— Проклятье, Дэниел! — Кински снова всполошился. — Ты хоть представляешь, кто она? У неё на руках сейчас королевский контракт. Об этом во всех новостях трубят! Если дело выгорит,

она может заполучить место в Королевском совете.

— Да откуда же ты всё знаешь-то? — удивился Дэниел.

— Слушай, я с детства мечтал попасть в большую игру. Я много чего знаю о Семьях и их политике. Больше тебя, — без лишней скромности добавил Реджи. — Предложение у тебя заманчивое. Но любая ошибка с твоей стороны ударит по мне. А дохнуть просто так я не хочу.

— Над Королевским советом буду стоять я, — гнул Роско. — Пока мне ничего не грозит.

— Ты слишком грубо действуешь, — покачал головой Реджи. — Но я попробую помочь. Что тебе сказал наёмница?

— Я выведал имя. Зигфрид Торес.

— Он директор Приюта, в который попала Сабрина, — Кински вытер лоб от пота. С его головы снова посыпалась перхоть. — Да, не смотри на меня так. Я наводил о ней справки, поэтому и знаю.

Дэниелу оставалось лишь печально улыбнуться. Он так сильно пёкся о судьбе принцессы, что даже забыл выяснить, куда именно её отправили.

«Значит, человек, который держит Сабрину в плену, хотел и меня убить. Интересная картинка вырисовывается».

— Это совпадает с мнением Карла, — продолжил Дэниел, игнорируя мысли о любимой. Для них придёт время. — Он считает, что меня заказали Торесы.

— Карл может вещать что угодно, верно? Нам нужны веские доказательства. У тебя есть доступ к охранным системам Дворца? Записям, архивам?

Дэниел почесал подбородок.

— Сомневаюсь, что из этого что-то выйдет, — ответил он. — Карл дал мне власть, но покушение его сильно задело. Боюсь, он будет стараться выяснить всё сам, ограничив моё влияние.

— Хорошо. А есть свидетели? Которые видели нападение, которые могли запомнить детали?

В голове Дэниела словно щёлкнул переключатель.

— Я видел девушку в наряде невесты. Рыжую такую. Она сказала, что заменила свой мозг на аугментический, и теперь помнит абсолютно всё. Её вроде как звали Кэрби.

Реджи пощёлкал коммуникатором, а затем передал Дэниелу ссылку.

— Она?

Роско посмотрел на фото.

— Да, это она.

— Кэрби Адамс, — произнёс Реджи, поправляя чёрные очки. — Странно, что ты её не узнал. Громкий же был случай. Я

бы даже сказал, исключительный.

— Ты знаешь, я не особо обращал внимание на новости. Что в ней такого?

— Она же потомок Адама, — Реджи неодобрительно покачал головой. — Парня, которому Эдем создал полностью искусственное тело. Господи, ну все же это знают!

— Про Адама я слыхал, — проворчал Роско. — А про неё нет.

— Синдикат в своё время позволил Адаму создать собственную Семью. Несмотря на механическое тело, мужик сумел зачать детей и его род продолжался очень много лет. Синдикат держал Адамсов при дворе. Как трофеи. Они участвовали в благотворительных сборах и религиозных мероприятиях. Любопытно, но после смерти Адама похоронили в запечатанном саркофаге, а не отправили в утилизатор.

— Он погиб? — с недоверием спросил Дэниел.

— Несчастный случай. Подробностей мало, кто-то говорит, что тогдашняя Королевская Семья организовала покушение. Адамсы отказались выдавать тело Синдикату. А ты представь, что инженеры могли бы сделать с таким техническим чудом!

Дэниел содрогнулся. «Эдем контролирует нас. Даже если бы Синдикат получил тогда тело, не изобрёл бы ни шиша».

— Кэрби довольно рано стала главой Дома. Десять лет назад погибли её родители, а она была единственной наследницей. Ей восьми не было, когда пришлось принять управление Семьёй.

Дэниел присвистнул.

— А маршал ещё против меня протестовал!

— Ну, это сыграло Синдикату на руку. Понимаешь, она дала согласие на распечатку саркофага. И угадай, кому отошло тело Адама.

— Фабрике Гефеста, — прошептал Дэниел.

— Именно.

— И тогда же у нас произошёл бум аугментаций, — Роско покачал головой. — Медцентр подчиняется Эдему, но не может скопировать его технологии. Там работают обычные люди. А синдикатовской фабрике нужен прорыв. Они образуют группу 838, берут тело Адама, получают свежих подопытных и… Проклятье. Неужели никто не понял?

— Дело было громкое, да, но его замяли, — Кински сцепил ладони перед собой. — В приличном обществе не принято о таком говорить.

— И ещё не принято говорить, что Карл захватил власть, — проворчал Роско. — Хорошо, поговорим с этой Кэрби.

* * *

Они сидели в Библиотеке, когда пришла наследница Адамсов.

В течение двух часов Реджи обходил круглое помещение, лазал по лестницам, снимал с полок книги и периодически издавал завистливые охи и ахи. «Лучше бы голову помыл».

— Почему ты никогда не говорил, что у тебя дома филиал? — спросил Кински.

— Ты и не спрашивал, — ответил Роско. — Это всё от тёти Полли. После её смерти кристалло-копии перевезли ко мне. Пришлось гостиную отдать под полки.

— А можно мне взять одну с собой? — поинтересовался Реджи, подняв с полки увесистый том «Истории Домов». — Блин, это же настоящие книги! Не то, что в Академии.

Роско вспомнил учебники, которые им выдавали. По сути, это были обычные голопроекторы, что выводили картинку на плоскую поверхность. Они выглядели как книги, по ощущениям напоминали книги, листались как книги — но книгами не являлись, в отличие от кристалло-копий, которые печатались по старым технологиям, но специальными чернилами.

— За пределами Библиотеки ты её не прочтёшь, — устало произнёс Дэниел.

— Почему? В обычных филиалах их спокойно можно выносить!

— У меня частный доступ. Кое-что, указанное в книгах, касается очень… щекотливых тем.

Реджи боязливо поставил том обратно на полку. В этот момент распахнулись двери, и внутрь вплыла белая фигура. Роско подобрался и встал с кресла.

Рыжуха стала лучше выглядеть с их последней встречи. В этот раз Дэниел сумел распознать, что она едва старше него. Растрёпанные багровые волосы теперь были собраны в аккуратный хвост на боку, а чёлка ниспадала вперёд, практически закрывая глаза. К белому платью невесты добавилась фата на голове и золотые кольца на пальцах. Томно вздохнув, Кэрби подошла к Дэниелу и протянула ему руку. Роско осторожно поцеловал её. Реджи предпочёл просто поклониться.

— Понюшку хочешь, Стервятник? — поинтересовалась наследница Дома Адамс, и Дэниел выругался про себя. Значит, первое впечатление его тогда не подвело — Кэрби и правда была пустоголовой.

— Не откажусь, — сказал он, чтобы не обострять неловкость. Девушка вытащила из потайного кармана портсигар, обмакнула палец в табак и протянула его Дэниелу. Роско покорно вдохнул и закашлялся. Кэрби не сводила с него маленьких глаз, что будто

пульсировали в такт её дыханию.

— Что ты хотел? — наконец спросила она.

— А ты как думаешь? — ответил Дэниел. — Мне нужна правда. Ты была на том балу. Ты всё помнишь. Может быть, поделишься наблюдениями?

Кэрби уставилась в потолок, постукивая пальцем по кончику носика.

— А что мне за это будет, а, Роско? — игриво спросила она.

— Я Королевское Правосудие, — произнёс Дэниел. — Почему я тебе что-то должен?

— Потому, что я под личной протекцией Карла, — Кэрби улыбнулась, обнажив ряд идеально ровных зубов. — Твои полномочия на меня не распространяются. Да и потом, покушение расследует король, а не ты.

Дэниел закрыл глаза. Правая рука затряслась, готовая взметнуться и схватить засранку за горло, но Дэниел удержал её. «Это не твои мысли, не твои желания. В тебе сидит чужая ненависть. Ты не такой».

— Я хочу мира, Кэрби, — выдавил Роско. — Я хочу, чтобы царил порядок. Чтобы Синдикат исполнял свою миссию на благо граждан Старого Города. Я хочу, чтобы люди не умирали зазря. А кто-то этого не хочет. И ты можешь помочь мне найти этих людей.

Девушка погрузила лицо в ладони и произнесла:

— Как же я устала. Все от меня чего-то хотят.

Она отняла руки, и Дэниел увидел, как в глазах Кэрби блеснули слёзы.

— Женись на мне, — прошептала она и схватила его за руку. — Я готова. Пожалуйста, женись на мне, и я всё для тебя сделаю. Даже Башня Правосудия признаёт мои воспоминания в качестве улик.

Дэниел отпрянул, но почувствовал на плече ладонь Реджи. Лицо Кински приобрело задумчивое выражение.

— В её словах есть смысл, — произнёс он, поправив вечно спадающие чёрные очки.

— Реджи! — шикнул Роско, но друг лишь пожал плечами.

— Чего ты ещё хочешь? Если объединить ваши Семьи, появится неплохой рычаг на короля.

— Они забрали его, — тихо причитала Кэрби, не обращая ни на кого внимания. — Всё, что у меня оставалось.

Снова повернувшись к Роско, она произнесла:

— Я знаю про тебя всё, Дэниел. Про твоего отца. Про Сабрину. Даже про Реджи. Ты не помнишь, а я помню. Я была дома у твоей тёти, к которой ты приходил читать. Тебе было

двенадцать, и ты носил дурацкий свитер в серую полоску. На голове такие же милые кудряшки, как и сейчас. Вечно серьёзное такое выражение лица, — девушка хихикнула. — Твоему отцу казалось, что очки выглядят очень модно. У тёти Полли были умелые повара. Она часто приглашала меня на обеды. Хотела свести нас, но ты всё время убегал в Библиотеку. Ты ведь даже не помнишь меня, правда?

Её смех разнёсся по помещению разбитым стеклом.

— Ты мне очень понравился. Все только и говорили, какой ты чудесный мальчик. Как ты любишь читать и хочешь стать инженером. А я всё вспоминала черты твоего лица, голубые глаза. Гордые и прекрасные. Вот, я пришла к тебе, в твою обитель книг. Ты снова отвергнешь меня?

Роско застыл на месте. Он вспомнил.

Маленькая хрупкая рыжая девочка, отиравшаяся на кухне у тёти. Странный взгляд и такая же странная улыбка. Это была Кэрби. Он часто видел её, но считал, что она дочь какого-нибудь слуги. Всё это время она следила за ним. Запоминала каждый его шаг.

«Это какое-то безумие…» — подумал Роско. Но нутро подсказывало — девушка не лгала.

— На первом курсе ты пытался вытащить Сабрину на поединок, но она отказалась, — вещала Кэрби. — О, она была хороша. Но недостаточно хороша для тебя. Я знала многих её подруг, старалась поддерживать связь с половиной её отряда. Ближе Роуз принцессу не знал никто. Я платила им, чтобы они рассказывали о вас двоих. Но ничего не происходило. Она хотела тебя, но ты не проявлял особой заинтересованности. Вечные друзья, да?

Кэрби сжала кулачки и задрала голову:

— Как ты не поймёшь? Эта дура продала бы тебя, подвернись удачный момент! А я была здесь всегда! Только для тебя! И ждала всё это время!

Опустив взгляд и утерев слёзы, она прошептала:

— Тебя чуть не убили. Представить не можешь, как я испугалась. После стольких лет мы встретились — и ты почти погиб. Нет. Ты не отвергнешь меня.

Роско чувствовал, что не может даже двинуться с места. Реджи тоже молчал. Краем глаза Дэниел заметил, что рука Кински покоится на кобуре с пистолетом.

Наследница Дома Адамс рассмеялась:

— Я помню всё. Может ты и не захочешь женщину, которая припомнит тебе любые обиды… но разве у тебя есть выбор?

Дэниел молча щёлкнул коммуникатором. Он старался

печатать быстро, пока что-нибудь не изменит его решения. Роско не сомневался — Кэрби не просто так подсела к нему на балу. Для девушки это была долгосрочная игра. Вряд ли дело было лишь в одной любви. Как обезвредить Королевское Правосудие? Проще всего просто встать с ним рядом.

Дэниел не верил в судьбу и предназначение. Но сейчас мир подбрасывал шанс, который грех было упустить.

«Сабрина, всё это я делаю ради тебя. Прости, если сможешь. Но я должен найти виновных, иначе тебя не вытащить».

Как было бы проще, если бы король просто предложил им поменяться местами! Роско отправился бы в Приют, провёл бы там тихую, никчёмную жизнь, далёкую от армии и оружия, а Сабрина ушла бы в большую политику Семей. Но судьба распорядилась наоборот. Одно Дэниел знал точно: Сабрине нечего делать среди черни. И он ни перед чем не остановится, чтобы вытащить её на свободу.

Через две минуты, Роско произнёс:

— Я послал запрос. Во Дворце теперь знают всё.

Присев на одно колено и откашлявшись, Дэниел начал:

— Кэрби Адамс, я, Дэниел Роско, сын Джошуа, Королевское Правосудие, делаю тебе предложение руки и сердца. Ты выйдешь за меня замуж?

Девушка побледнела. Присев перед Дэниелом, она произнесла:

— Не надо… не надо так унижаться. Я согласна. Конечно, я согласна.

Она обхватила его шею руками и крепко прижала к себе.

А Дэниел вспоминал зелёные глаза Сабрины, её сладкие губы, милый голос и смех. С кем бы жизнь ни свела его, Роско знал: они ещё встретятся. Обязаны встретиться.

Пока о человеке помнят, он не мёртв.

Кэрби погладила Дэниела по затылку и, всхлипнув, произнесла:

— Тебе грозит опасность. Нужно уходить отсюда.

— Почему? — удивлённо спросил Роско.

— Потому что тебя заказал твой дядя.

14. Блудный сын

«Дороги, дороги. Да не разлучимся мы в пути
Да не погаснут звезды наши, не оскудеют ряды наши
Пусть ведет нас в путь надежда
Да ведут нас далеко Дороги Мечты»

«Возвращение», народная саакская песня

6 июня, 541 год после Освобождения

— Проснись и пой, солнышко.

Тайрек почувствовал укол в шею и открыл глаза. Зрение всё никак не хотело фокусироваться. Взгляд блуждал, цепляясь за облупленные стены и гниющий потолок. Он помотал головой — напрасно. «Теперь как и всё в моей жизни».

Он лежал на жёсткой кровати в помещении, походившем на подвал — такой был в доме неприкасаемых Караса. Каменные стены без окон, слабое освещение, минимум мебели. Во рту стоял привкус крови, воздух переполняла влага. И всё же, слишком много удобств. Рядом с кроватью даже монитор жизнедеятельности.

«Я будто не террорист, а важная птица».

Пальцы одеревенели. Кровь стыла в жилах. Тайрек попытался размять руки. Не получилось — их привязали к кровати.

Рядом столбом льда возвышался так хорошо знакомый мужчина в чёрном костюме. От него так и разило холодной, нарочитой вежливостью. Подонок из контрразведки беззаботно улыбался.

— Я же тебя прикончил, — пробормотал Тайрек. Мужчина с водянистой шевелюрой лишь закатил глаза.

— Умереть от ножевой раны? Да ты смеёшься, друг. Бывало и хуже. Слава Медцентру, без него я бы уже умер… — разведчик задумался. — Да, восьмой раз.

Тайрек вспомнил встречу с представителями Особого отдела Союза. Те приезжали проверять наличие предателей среди

Багровых Штыков. В аккуратных серых формах, такие же выхолощенные, улыбчивые и беспощадные, как подонок напротив. Спецагенты любого государства будто присоединялись к касте, не знавшей границ.

Разведчик обошёл стоявший рядом стул, повернул его спинкой вперёд и сел. Тайрек чуть не выпотрошил его как собаку, а особист хладнокровно улыбался, словно давнему приятелю. «Дело важнее чувств, да?»

— Поговорим? — спросил Марий, и Тайрек кивнул — а что ещё оставалось? — О, мне нравится твоё отношение. Понимаешь, нам ведь не нужно быть врагами. Тем более, я не должен здесь находиться. Мне вообще запрещено говорить с тобой. После того, как Миямото сделал своё дело… у-у-у, друг, он с тобой конкретно поработал! Но видел бы ты его лицо! Готов поклясться, док спустил бы с тебя шкуру, будь у него возможность!

— Миямото? — спросил Тайрек, смутно вспоминая. — Я слышал о нём.

— А кто о нём не слышал? Светило Медцентра! — Марий поднял голову и начал сосредоточенно скрести подбородок. — Гарантирую, тебе говорили о нём во время гипновнушения.

— Что он сделал? — прохрипел сааксец и снова подёргал руками. Ремни не поддавались. «Сколько времени я был без сознания?»

— А как ты думаешь? — лукаво спросил контрразведчик. — Скажи, ты слышишь голоса?

Тайрек затаил дыхание и прислушался к ощущениям. От его пассажиров не осталось и следа. Разум снова превратился в пустую комнату, где заперли смутные воспоминания о детстве и испуганное, загнанное сознание. Сааксцу захотелось кричать от счастья, ликовать до потери голоса и плакать. Но он сдержался и бросил полный вызова взгляд на Мария.

— Вы сумели заглушить их? Но как? Зачем?

— Понимаешь, Тайрек, — вздохнул Марий, — мы с тобой начали не с той ноги. Серьёзно. Не знаю, что тебе наговорила моя сестрица, но мало что из её слов — правда. И пока она шептала всякое, мы не могли достучаться до тебя.

— Я всё уже знаю, — рыкнул сааксец. Марий покачал головой, состроив кислую гримасу.

— Ни черта ты не знаешь, синегубый. Ты, небось, думаешь, король решил устроить войну, дабы укрепиться на троне? Хрена с два. Стрелки убили его сына.

— Какого… сына? — Тайрек пытался понять, чего от него хотят. Похожий на бледную поганку особист, похоже, вёл вербовку. Но все мысли были лишь о том, что бы Тайрек отдал

даже за самый паршивый обед из утилизатора. Есть хотелось неимоверно.

— Принц Уильям Лоренс. Чудесный паренёк. Любил историю и прогулки на Нижние Уровни. Да только пропал за пару месяцев до вторжения. Угадай, что с ним стало?

— Попался в руки Гильдии?

— Точно не скажу, но улик пруд пруди. Из экспедиции вернулся только один выживший и сообщил, что на них напали Стрелки. А затем — полная тишина. Мы даже отправили наёмников, но те лишь подтвердили опасения. Никаких следов. А от Гильдии требований не поступало. Так что нам пришлось с ними связаться самим.

Марий откашлялся — воздух в «подвале» ему явно не нравился. Но Тайрек и не думал, что ему предоставят такие условия. Контрразведке он был нужен не просто живым, но ещё и здоровым.

— И вы послали Миру.

— Большая ошибка, — покачал головой Марий. — Она всегда была ответственным агентом, но отличалась некоторой… неортодоксальностью взглядов. Она вела переговоры со Стрелками. И они, наконец, поставили условия.

Контрразведчик выдержал драматичную паузу и произнёс:

— Им нужна была война.

— Они схватили принца?

— Да. И сказали, что выдадут его, если король позволит Гильдии вторгнуться на Четвёртый Уровень.

— Бессмыслица, — прошептал Тайрек. Происходящее в голове не укладывалось. Как король пошёл на такую сделку? А главное, зачем это было Гильдии?

— Ты ведь сам наверняка видел — Стрелки явно не бедствуют. Но они жаловались на нехватку еды. А ведь распределением ресурсов занимаются не утилизаторы, Тайрек. С мобильными всё просто — кинул что-то, переработал, а затем напечатал нужную вещь. Городские весь материал качают по каналам. А каналы пронизывают практически всё. Включая Нижние Уровни.

— Так значит…

— Они воруют из общей системы, — опередил его особист. — Как по мне, это достойный компромисс. Отбросы живут отдельно от нормального общества, но и не умирают с голоду. Зато мы можем говорить гражданам, что за грехи их сошлют в ад внизу. Все живы, всех всё устраивает.

— Вы откормили чудовище, — пробормотал Тайрек. Марий цыкнул.

— А ты бы предпочёл обречь всех на голодную смерть?

— Это лучше, чем война, — отрезал сааксец. — Пустые Нижние Уровни — и ваш драгоценный принц не пропал бы.

— И то верно, — ответил Марий, вздохнув.

— Им стало не хватать еды, — развивал мысль Тайрек. — И они захотели, чтобы её стало больше. А для этого нужно что-то переработать. И этим чем-то стали трупы — Стрелков, солдат и гражданских.

— Мы не могли просто подкупить их, — сказал Марий. — Чтобы обеспечить население Нижних Уровней пришлось бы пожертвовать так много, что мы сами начали бы бедствовать.

— И проще было проредить их жителей, — хмыкнул Тайрек. — И Стрелки это сами прекрасно понимали. Потому не боялись смерти. Они всё равно шли умирать.

— Карл пообещал им войну. Войну они получили. Даже больше того, — контрразведчик нахмурился, — Стрелки чуть не захватили площадь Освобождения. Но они не успели закрепиться. Что-то их остановило, а затем заставило отступить.

Тайрек знал, что это. Тварь, желавшая отомстить Освободителю. Корвус. Антихрист.

«У дьявола много имён, но узнаёшь ты его по речам сладким и лживым». Цитата из книги Жизни всплыла в памяти. Тайрек даже удивился: так давно он последний раз её вспоминал.

Мира работала на контрразведку, пока её не купил обещаниями о рае и свободе Корвус. И тогда женщина сломалась. Но пока что-то не складывалось.

— Всё равно война пошла на пользу королю.

— Стрелки нарушили свои же условия, — возразил Марий. — Они попытались пройти дальше. Захотели повоевать по-настоящему. Но, что хуже всего, нас предала Анора. Мы даже не знаем, чего она хотела на самом деле. Факт остаётся фактом: Уильям к нам не вернулся. И Карл объявил Третью Священную Войну.

— Чего ты от меня хочешь? — бросил Тайрек.

Марий помолчал. Из-под самодовольной маски контрразведчика проявилась грусть.

— Верни мне сестру, — сказал он. — Просто верни её. Я не знаю, что на неё нашло. Ты ведь можешь.

— Это ещё почему?

— Мы ведь очень похожи, — прошептал контрразведчик, подвинув стул ближе к Тайреку и воровато оглядевшись. — Эксперименты с перекачкой сознаний, дополнительные личности — думаешь, я об этом не знаю? Во мне опыт троих контрразведчиков, чьи разумы перекачали в меня прямо перед их

смертью. Но я получил их опыт, их знания. Ты совершенно другой. Эти люди не умирают в тебе, они живут. Развиваются! Так, если бы твоё тело принадлежало им! Ты ведь понимаешь, что ни один конструкт в Сети, ни один Оператор не может такое сотворить? Ты исключение. Я не знаю, с чем это связано. Может то, что ты сааксец — с вашими организмами реально что-то не так. Но если в тебя сумели закачать живое сознание, то значит, можно его и вытащить, ведь так?

— Ты хочешь оживить её, — сказал Тайрек. Марий закивал, как маленький мальчик, которому протягивали конфетку.

— Ну, не совсем оживить. Перегнать её сознание в другое тело. Я пока слабо представляю, как, но… Я уверен, она бы не убила себя, если бы не было другого выхода. Её план с перекачкой сознаний — мы даже предусмотреть такого не могли! Контрразведка дала ей ресурсы и приказала отыскать тебя…

Тайрек захохотал, но боль в боку прервала смех.

— Так значит, вы давно хотели подставить синегубых, а? — с презрением спросил он. Но контрразведчик будто не поддавался на провокации.

— Нет, дело не в сааксцах. Дело в тебе. Клинок и кольцо. Мои боссы хотят, чтобы ты раскрыл их секрет. Ни хрена у них не получится, я знаю.

— Но кольцо мне дала Мира, — сказал Тайрек.

— Контрразведка забрала его у твоей матери. Не волнуйся, с ней всё в порядке. Даже более чем. Мире же кольцо дали, чтобы заманить тебя.

— Но в чём смысл?

— Ты про фазовую материю слышал? — буркнул контрразведчик, сверкнув глазами. Тайрек покачал головой. — Тогда ничего не поймёшь. Неважно. Без тебя у них ни хрена не получится. Мира говорила мне, нужна кровь наследника. Мы даже ставили эксперименты над Сафиром, но результаты оказались отрицательными.

— Сафир был с контрразведкой? Но… как? — Тайрек почувствовал, что всё встаёт на свои места, но для завершения паззла не хватало каких-то маленьких, но очень важных кусков. — Мира убила его при первой нашей встрече.

— Мы не знаем. Он не был агентом. Мы просто вытащили его из гетто, отряхнули и дали денег, заодно приказав следить за Мирой. Сафир должен был повлиять на тебя, склонить к сотрудничеству. Почти что до самого вторжения мы получали от него видеоотчёты. Информаторы постоянно докладывали, что видят его рядом с Мирой.

— Она обвела вас вокруг пальца, — сказал Тайрек. — Всё это

время он был мёртв. Хреновые же из вас шпионы.

— Я лично встречался с Сафиром до вторжения, — промолвил Марий. — И не увидел разницы. Но у Миры не было средств на пластические операции! Теперь я даже не знаю, с кем говорил. Но этот кто-то был очень хорош. Сестра утверждала, что ты помогаешь с оружием Стрелкам и параллельно ищешь клинок. Говорила, что собирает команду для «убедительности». Чтобы общественность не сомневалась: никто из Синдиката не замешан. Мы даже и представить не могли, во что всё выльется.

— Она перекинула все разумы в меня, — ответил Тайрек. — Но зачем?

— Откуда же я знаю? Ты видел Говарда? Что он сказал? И что говорила Мира? Чего ей вообще понадобилось?

Тайрек вспомнил Корвуса. Чёрные глаза и чёрные слова. «Нет, что-то здесь нечисто», — подумал сааксец. Марий казался честным, но не может быть всё так просто.

— Мире не нравилось устройство Синдиката, — сказал он. — И она ненавидела короля.

На лице мужчины промелькнуло понимание.

— Да, — задумчиво произнёс он. — Я понимаю…

— Информаторий, — сказал Тайрек. — Что Мира там искала?

— Карл сделал много плохого, — ответил контрразведчик. — Не буду скрывать. Да и незачем, ты сам понимаешь. Видимо, она хотела слить всю информацию о его преступлениях. Хотела заставить его раскаиваться или разжечь ещё одну войну. Как забавно, наш самый верный агент стал нашим главным бичом…

— Тебе нельзя разговаривать со мной, — сказал Тайрек. — Так почему ты здесь находишься?

— Как я уже сказал, моим боссам ты нужен только из-за кольца и клинка. Мира провалила задание. Понимаешь, ей грозила смертная казнь. Но с твоей помощью она спаслась. И её не переубедить. Я знаю сестру: всегда идёт до конца, — Марий грустно усмехнулся. — Но я могу поговорить с тобой. Потому я и убедил Миямото поработать с голосами. Немного мнемопрепаратов, чуть-чуть гипновнушения — и их больше нет. Я знаю, Мира глубоко внутри. Её ещё можно вытащить. Моим боссам ты бесполезен, но они этого не знают. Попытка активировать кольцо тебе точно не понравится. Поэтому я предлагаю иной выход. Ты отправишься в гетто.

— Что я там сделаю? — буркнул Тайрек.

— Предотвратишь геноцид своего народа, — весомо протянул Марий. — Мы получили информацию, что Говард решил связаться с сааксцами. Он хочет поднять их на новое восстание.

Тайрек представил, как улицы тонут в реках крови. Но теперь

она принадлежали ещё и его людям. Невидимые братья и сёстры гибли ради чужой славы. Как он когда-то.

Такого допустить Тайрек не мог.

— Ещё он хочет разузнать про ваши кинжалы. Вы ведь убивали ими Стражей, верно?

— Было дело, — ответил Тайрек, обдумывая предложение Мария.

— Не знаю, что тебе наговорила Мира. Но я уверен, ты недоволен её обманом. Ты можешь всё исправить. Отправишься в гетто, договоришься с сааксцами. По возможности поймаешь Говарда и сдашь нам. И всё, мы в расчёте. Живи спокойно, как жил до этого. Дай согласие, и я докажу начальству, что ты ещё полезен. И я получу обратно сестру.

— Легко сказать, — процедил Тайрек. — Я в розыске. Террорист номер один, как-никак.

— Мы ведь не зря хотели задержать тебя живым, — хмыкнул контрразведчик. — Стоит тебе согласиться, как в прямом эфире казнят двойника. Такой красивый пиар-ход! Абсолютно все будут уверены, что ты мёртв. А внешность… её можно и изменить. Я считаю, что за поимку Говарда это отличная награда. Твою мать, да за такое тебе сам Карл ручку пожмёт!

— Я подумаю, — пробормотал Тайрек. Перспектива ручкаться с королём его не радовала. Он слишком многое прошёл, чтобы верить в лёгкие выходы.

Марий кивнул, будто только этого и ждал. Отодвинув стул, он встал и двинулся к выходу.

— Не тяни, — предупредил напоследок контрразведчик. — Время не ждёт.

Тайрек кашлянул в ответ и закрыл глаза.

* * *

Даже за грохотом дождя он слышал стоны земли.

Зажав кинжал, Таир мягко ступал сквозь джунгли, гадая, когда же враг прекратит огонь. Артиллерия не переставала ухать, стирая с карты ещё одну деревню. Воины успели её эвакуировать, и теперь первенцы понапрасну тратили снаряды.

Клинок в руке пульсировал, умоляя пролить кровь. Дорогое оружие, редкое. Кинжал веками передавался от отца к сыну. У каждого клана обязательно должен был быть свой клинок. У кузнецов уходили годы, чтобы сковать хоть один такой, и это не считая времени, потраченного на ритуалы освящения. Металл добывался из рудника, оставшегося от старого мира. Его днём и

ночью охраняли лучшие бойцы Союза, и горе тому, кто попытается украсть несколько крошек драгоценного материала — смертная казнь гарантирована.

Мама говорила Таиру: «Бедняк с таким оружием богаче всех властителей мира». Но мальчику не нужны были богатства. Ему хватало того, что кинжал принадлежал отцу.

Штык бесшумно двигался вперёд. Джунгли — не только дом, но и союзник. Они жили своей жизнью, пока бледные и смуглые люди убивали друг друга. Таир не помнил, чтобы джунгли хоть раз не сжадничали. Правило одно: если не напоить их вражеской кровью, кто знает — может в следующий раз придётся пролить свою.

Первенцы рассыпали военные базы посреди зелени в надежде удержать завоёванное, окружили себя колючей проволокой и минными полями. Но это их не спасёт от гнева воинов. Первенцы слабы. Они ничего не знают о настоящей войне. Вера в машины заставила их забыть о самопожертвовании и земле, что пела своим детям.

Каждые несколько минут тьму ночи разрывали осветительные ракеты. В красном зареве Таир увидел белки чьих-то глаз.

— Попался, — с удовольствием прошептал Расул, убирая кинжал. — В какой уже раз, а? Ты спишь на ходу. Такими темпами скорее пойдёшь на корм Серому Охотнику, чем попадёшь в рай.

Таир лишь сплюнул в ответ.

— Что такое рай, как не мучение счастьем? — процитировал он вождя Хайрата из легенды. Расул неодобрительно покачал головой.

— Хочешь хулить Отца — присоединяйся к врагам.

Тайрек промолчал. Философия Штыков отрицала рай, утверждая величие Серого Охотника над всем сущим. Но Расул не собирался так просто сдаваться. Былина о Хайрате и отказ от рая казались ему богохульством.

Юные Штыки осторожно поползли вперёд. Вместе с ними из зарослей появилось ещё несколько мальчиков. У самого края джунглей, на небольшом холмике, сидел командир Бедан, ветеран Чёрных Винтовок. Зелёная бандана воина темнела от капель крови — видимо, напоролся на вражеский патруль. Бойцы бесшумно окружили старого командира.

— Сегодня мы помогаем старшим, — с гордостью пробормотал Расул.

— Мы и так им помогаем, — сказал Таир. Он больше предпочитал охоту на одинокие отряды в зарослях, чем открытую войну.

Но всё же, даже он признавал, что быть рядом с Беданом, легендой Чёрных Винтовок — огромная честь. Воин убил столько первенцев, что трупами можно было набить целый квартал. Узкие раскосые глаза командира лениво рассматривали Штыков. Боец рядом с ним что-то пробормотал ему на ухо. Бедан покачал головой:

— Нет, — сказал он. — Когда придёт время обороняться, они должны уметь драться в открытую. Когда ещё учиться, как не сейчас?

Вдалеке на правом фланге Таир рассмотрел основные силы. Армия не пожалела бойцов для этой атаки.

Голые, измазанные сажей сапёры поочередно тянули жребий. Кто-то попадал в первую волну, кто-то вторую, а кому везло оказаться в третьей. Процесс проходил без ропота — сапёры знали, на что шли. Большинство из них потеряло волю к жизни уже давным-давно. Чёрные Винтовки, занявшие снайперские позиции, тихо молились Отцу.

На колючей проволоке базы висели трупы командира Насифа и его солдат. Храбрая атака, но глупая и бессмысленная. Насиф был фанатиком, любил проповедовать среди обычных солдат. Он ненавидел первенцев и всё, что они олицетворяют. Когда ему приказали разведать территорию, Насиф сломался и бросился в атаку. Его и бойцов уничтожили в считанные секунды. Бедан много горевал по старому другу. Таир вообще подозревал, что вся их миссия здесь — это попытка командира Чёрных Винтовок отомстить первенцам. После месяцев планомерного отступления, контратака казалась неуместной.

Тела Насифа и солдат уже порядочно сгнили, из них лезли черви. Раздувшиеся трупы разваливались прямо на глазах. Первенцы с их щепетильностью насчёт останков в этот раз демонстративно не отдали мертвецов утилизаторам. Посыл был ясен, как слова пророка. «Только суньтесь, и мы вас убьём».

Таир вытер мокрый рот, закрыл глаза. Он должен был почувствовать дыхание земли, прежде чем начать защищать её. Узел на правой ноге слегка стеснял движения, но Таир знал, без него никак. Если он падёт в бою, его братья по оружию смогут утащить труп. Тело не должно достаться машинам первенцев.

Бедан провёл ладонями по лицу, Штыки повторили его движение.

— Порежем этих псов, — прошептал командир и дал отмашку.

Сапёры поползли вперёд. Некоторое время первенцы не замечали чёрные скользкие тела, медленно продвигающиеся через минные поля, разряжающие заряды и осторожно

передающие их по цепочке назад. Но вот вверх устремилась очередная осветительная ракета, и ближайший часовой забил тревогу.

— Тревога! Враг у периметра! — голос первенца разнёсся по всей базе. Через секунду Чёрные Винтовки изрешетили его тушку. Если крик не встряхнул солдат, то грохот выстрелов они точно услышали. Включились прожекторы, взмыли вверх новые ракеты. Таир сжал зубы, загудевшие в предчувствии боя.

Первая волна пошла быстрее, обезвреживая мины своими телами. От грохота чуть не заложило уши. Воздух прорезали нечеловеческие вопли боли. Вторая волна побежала прямиком на колючую проволоку, ложась на неё, чтобы товарищи, идущие позади, могли добраться до противника. Третья волна хоть и считалась самой безопасной, всё же несла огромные потери от вражеского огня. Людей разрезало на части, а кровь реками лилась на священную землю. Чёрные Винтовки отстреливали первенцев пачками, но место каждого павшего занимал новый боец. Врагов становилось всё больше и больше — будто они только и ждали, когда на базу нападут.

Таир покрепче сжал кинжал. Сегодня он добудет кучу вражеских ушей. А это значит много доброй еды.

Заговорили вражеские миномёты, и мир превратился в огненный ад. Чёрные Винтовки и не думали отступать, продолжая бить врагов и прикрывать наступление. Таир готов был поклясться, что где-то завыл волк, хоть они и давно вымерли. Отличный знак. Бог сегодня на стороне сааксцев.

— За Союз! — взревел Бедан. — За Отца!

— За Родину! Да начнётся жатва! — вопили Штыки, устремившись в атаку. Горячий воздух бил в лицо, лёгкие распирало, но ничто не могло остановить продвижения воинов.

Рявканье снайперской винтовки Бедана прервал хриплый взрыв. Таир бросил быстрый взгляд назад. Мина угодила прямо в укрытие воина — один шанс на миллион. Легенды не стало. Снайпер умер даже не успев понять, что произошло.

Таир с криками рванул вперёд, душа слёзы. Через секунды он оказался в первой линии траншей.

Дождь не переставал лить, и сквозь пелену воды трассы пуль казались отражениями старых сказок о железных людях. Вот только искорежённые трупы рядом подсказывали, что это лишь мерзкая реальность.

Таир торопливо отрезал уши убитого солдата. Пули вспахивали землю, свистели над головой, подсказывали, что Серый Охотник совсем близко. Сквозь крики и хохот взрывов Штык услышал тонкий вой: сигнал к отступлению.

— Не может быть, — прошептал он. Они ведь стольким пожертвовали! У них нет права на ошибку!

Пробегающий мимо Штык треснул Таира по плечу и заорал:

— Уходим!

— Что случилось? — спросил Таир, но мальчишка не ответил, ускакав к джунглям. Сааксцы отступали, а первенцы убивали их в спины. Несколько тел завалилось в траншею, хлюпнув в воде. Таир выглянул из-за бугра.

Громко рыча, на базу приземлялись адские машины. Дюжина вертолётов окружала отступающих сааксцев. Механизмы рыскали прожекторами, разевали искусственные рты, а Таир всё ждал неизбежного.

В его жизни ещё не было страшнее зрелища, чем высадка вражеского десанта. Десятки первенцев, закованных в броню, с боевыми кличами вываливались из вертолётов, исторгали пламя из ранцев за спиной, с безумным смехом вонзались в землю как карающие мечи. Казалось, будто сам ад исторгнул неверных, считавших небо своей игрушкой.

Но беда не пришла одна. Таир затрясся, почувствовав холодное дыхание за спиной. Он обернулся — и пожалел об этом.

Перед ним стоял бледнолицый солдат, сильно похудевший, одна кожа да кости. На теле мешком висела зелёная форма первенцев, голову венчал пропитанный кровью чёрный берет. Мужчина улыбнулся гниющими зубами, возникшими из чёрной бороды. Луч прожектора пробежал по его лицу, и Таир чуть не обмочился от ужаса.

Вместо глаз у солдата были две чёрные дыры, исторгающие кровь.

— Десантники только с виду страшные, — произнёс он на сааксском, сжав плечо Штыка. Таир чуть не закричал — так обжигали холодные пальцы. — Но чем выше взлетишь, тем больнее падать. Особенно если враг знает все слабые места.

— Кто вы? — прошептал Таир, пытаясь вырваться из хватки.

Первенец наклонился к нему. Из его рта будто дохнул сам Серый Охотник.

— Мать назвала Дэвидом. Не бойся. В смерти нет ничего постыдного.

14 июня, 541 год после Освобождения

Закончив избивать грушу, Тайрек передохнул, а затем подкрепился витаминным завтраком. Дизайнер комнаты явно принял неудачное решение, поставив зеркало напротив

обеденного стола: мало кто захочет постоянно видеть жующую физиономию в отражении. Но Тайреку было плевать. В каком-то смысле, зеркало отвлекало его от плохих мыслей. Несмотря ни на что, он всё ещё был жив, хоть того и не заслуживал.

Прошло больше недели, как Тайрека перевели в отдельную комнату со всеми удобствами. Там было всё: душ, телевидение, тренажёры, утилизатор, даже мягкая кровать, подстраивающаяся под нужды спящего. И всё потому, что Тайрек согласился на предложение Мария.

Контрразведчик посетил его один раз, всего пару дней назад. Усевшись на кровать, будто у себя дома, Марий с ходу произнёс:

— Ты доволен?

— А должен быть?

— Это же рай удобств, — особист скривился. — Как тебе что-то может не нравиться?

Тайрек вспомнил полузабытый сон.

— Рай, говоришь? Жрецы много говорили о рае. Мол все, кто умрёт за Союз, попадут к Богу. Но было у нас сказание об одном вожде по имени Хайрат, который, постарев, отправился в джунгли умирать. Так велел обычай. Стоило старику прилечь, как на него набрёл огромный волк. Это был сам Серый Охотник в обличье зверя. Вождь принял его за карающего ангела и спросил, отправится ли он в рай. И знаешь, что волк ответил Хайрату?

— Что же? — полюбопытствовал Марий. Выглядел он заинтересованным.

— Рай бы стал наказанием. Какая ценность в бесконечности? Какой смысл в счастье без боли? Какая нужда в крайностях — вечных мучениях или вечном блаженстве?

— Да тебя послушать, — усмехнулся особист, — змей-искуситель спас людей!

— Я не знаю, о чём ты, — ответил Тайрек.

— Да это уже наши легенды. Уверен, байка про Хайрата популярностью не пользуется.

— Есть течение, славящее ангела смерти, а не Отца. Они-то и любили всё, связанное с Охотником. Багровые Штыки стали их созданием.

— А я вот думаю, что без Эдема Город бы погиб, — произнёс Марий. — Людям всегда нужно к чему-то стремиться, иначе всё зазря. Мы окружены страданиями и болью. Людская натура, как-никак. Лишить человечество страданий — не такая уж плохая цель.

— Но без боли это уже будет не человечество, — сказал Тайрек.

— Да. Это будет нечто большее, — улыбнулся Марий.

— Обрекая людей на счастье, ты лишаешь их свободы.

— Вот возьмём Королевское Правосудие. Ты за новостями не следишь? Нет? — Марий разочарованно вздохнул. — А зря. Я считаю, это огромный успех.

— Каким боком он относится к теме? — лениво протянул Тайрек. Марий с удивлением посмотрел на него.

— Самым прямым! Мальчишка полезен, но плохо поддаётся контролю. Его нужно было привязать к земле. Женившись, пацан поймёт, что ему есть что терять. А значит, меньше будет склонен к необдуманным финтам.

— Вы лишили его свободы, — заметил Тайрек.

Марий потёр ногтём маленькое пятно на брюках и буркнул:

— Зато сделали счастливым. Свободный человек принимает решения, как плохие, так и хорошие. Когда ты втыкаешь себе нож в руку — это тоже свобода. Ты воткнул нож в руку, что кормила тебя, Тайрек. Поэтому отныне свободы ты будешь лишён до конца жизни. Но мы подарим тебе счастье.

Тайрек хотел съязвить в ответ, но почувствовал невероятную усталость. Сколько он уже бежал, сколько он брыкался? У него ушло почти десять лет, чтобы построить нормальную жизнь, и какие-то месяцы, чтобы всё испортить. Бессмысленный бунт ни к чему не привёл, а только причинил окружающим боль и страдания. Мира использовала его в своих целях. Тайрек был уверен: им больше не по пути.

— Почему всё-таки я? — перевёл он тему. — Неужели вы больше никого не отправляли в гетто?

— Сааксцы сразу распознают фальшивку, — вздохнул Марий. — Тех агентов, которых мы посылали, мгновенно изолировали. Ничего разузнать они так и не смогли. А время поджимает. Что же, до скорого. Я ещё вернусь.

Его заявление крепко заставило задуматься. Похоже, Тайрек стал для контрразведки подарком. Без него все их дела встали бы.

«Бред. Они бы просто нашли ещё одного сааксца, более сговорчивого. Ты нужен только Марию, вот и всё».

Бросив пустую тарелку в утилизатор, Тайрек подошёл к зеркалу и поднял футболку. Рана на боку, оставленная контрразведчиком, затянулась, не оставив даже шрама. Тело быстро восстановилось. Тайрек не чувствовал тяжести или боли, и это его волновало.

Сыворотка Миры продолжала давать всходы. «Я становлюсь сильнее. Но всё равно оков мне не сбросить», — подумал Тайрек и рухнул на кровать.

Телевидение не радовало новостями. На Нижние Уровни отправилась ещё одна волна солдат, враг нёс огромные потери и

постоянно отступал, а король, похоже, окончательно тронулся умом, назначив шестнадцатилетнего отпрыска Роско Королевским Правосудием. Недавно женившийся мальчишка сегодня присоединился к войскам в кампании против Стрелков.

Вигиланты разгромили сеть борделей, нанимавших несовершеннолетних. Аналитики рассуждали, как слияние Домов Роско и Адамсов повлияет на расстановку сил среди Семей. Кто-то называл это кризисом для малых Семей — для них исчезли все шансы пролезть в большую игру, теперь, когда она переполнена альянсами крупных Домов. Кто-то же возражал, считая женитьбу смертным приговором для Королевского Правосудия.

— Хрень какая-то, — буркнул Тайрек, отправившись в душ. — Кому только это интересно.

Мир замкнулся на себе, играя в свои бесконечные игры. И, казалось, больше ничего ему не надо.

Стоило Тайреку собраться покемарить, как раздался стук. Марий будто светился изнутри.

— Вставай. Мы начинаем.

Тайрек быстро оделся и кинулся за контрразведчиком. Перепечатав заново гардероб, он оставил одну вещь нетронутой — старую куртку. Тайрек бросил взгляд на спину с орлом и рукава. «Змей-искуситель, что спас людей, говоришь? — подумал он, застёгивая молнию. — И впрямь иронично…»

Отцовское кольцо сжимало палец. Иногда оно даже источало свет, но стоило Тайреку сосредоточить взгляд, как свечение исчезало.

Марий провёл его по длинным тёмным коридорам, которые окончились маленькой комнаткой с белым столом посередине. На нём лежали непроницаемые чёрные очки.

— Что это? — недоверчиво спросил Тайрек.

— Думал, отпустим тебя просто так? — хихикнул Марий. — Надевай.

Как только очки оказались на носу, Тайрек понял, что ничего не видит. Но снять их уже не мог — они будто вцепились в уши и не отпускали.

Контрразведчик взял его за руку.

— Очки сами растворятся, не бойся. Зато ты не узнаешь расположение нашей базы. Идём. Я посажу тебя на поезд.

— Умно, — буркнул Тайрек, стараясь не споткнуться.

— Не очень. Раньше мы вшивали всем имплантаты. Но никто не знает, как ты на них отреагируешь. Твои анализы слишком уж необычные.

— Спасибо, что не осквернили меня, — искренне сказал Тайрек.

— Не стоит благодарности. Осторожно, ступенька!

Они начали подниматься по лестнице.

— Твоя задача — втереться в доверие к населению, — ворковал Марий, — разузнать про Говарда, а затем сцапать и сдать его. Средствами связи обеспечим, как только прибудешь на место. Рапортовать придётся раз в неделю. Не думай, что обойдётся без слежки. Каждый твой шаг будет записан и проанализирован. Так что смотри под ноги. И главное, будь добр, возвращайся живым. Мне ещё нужна твоя голова.

— Очень мило.

— Кольцо мне придётся забрать, — не допускающим возражения тоном произнёс контрразведчик. — Оно всё равно тебе не понадобится.

— Но…

— Никаких «но», Тайрек. Поблагодарил бы лучше — только из-за меня ты жив.

Тайрек не стал спорить. Кольцо еле сползло с пальца, будто не хотело покидать хозяина. Там, где оно было, началось жжение, но Тайрек не придал ему внимания.

В лицо подул лёгкий ветерок. Ещё несколько минут Марий водил Тайрека незнамо где, пока вдруг не привёл на станцию монорельса. Тишину, нарушаемую только шагами, разорвали громкие разговоры, скрип поездов, крики и новостные анонсы. У Тайрека возникло чувство, будто они не дошли до станции, а просто выросли посреди неё.

— Марий? — прошептал он, чувствуя толчок в спину.

Шипение — и за спиной закрылись двери. Пол вырвался из-под ног, повалив Тайрека на пустое сиденье. Свист подсказал, что это вагон поезда.

Несколько минут он ничего не видел, пока очки не начали расплываться. На ощупь они стали горячими, вязкими. Съёживаясь, материал испускал вонючий дым, от которого мгновенно заболела голова. В конце концов, не осталось ничего.

В вагоне будто нарочно оказалось пусто. Тайрек попытался отследить, с какой станции выехал, но понял — даже если он вернётся, базу контрразведки ему не найти. Марий пытался скрыть не коридоры, а то, как они возникли у монорельса.

Коммуникатор на руке завибрировал — сообщение. «Выйдешь на станции Двадцать Седьмого сектора. Возле платформы найдёшь утилизатор и люк под ним — тебе не в первой, ты ведь проник в Информаторий. Код прилагается дальше».

«А что если я попробую сбежать?» — подумал Тайрек.

Через минуту пришло новое сообщение:

«Сбежишь — из-под земли достану».

Тайрек лишь усмехнулся. Он почти поверил, что контрразведчику нужна только живая сестра. Почти.

Дорога не заняла много времени. Покинув поезд, Тайрек воровато оглянулся, убедившись, что на платформе никого нет, и отодвинул утилизатор для уборщиц. Введя код, он отворил люк и полез вниз.

Коммуникатор снова завибрировал. «Внизу карта. Следуй по ней и не отклоняйся от маршрута. Дойдёшь до нужной лестницы — поднимайся. Окажешься внутри гетто. Удачи».

Перепачкав ботинки, Тайрек всё же нашёл место назначения. Поднявшись по лестнице, он ввёл код и отодвинул люк.

В глаза ударили лучи света, и он чуть не свалился вниз. Выбравшись и откашлявшись, Тайрек обомлел.

Он оказался дома.

Над головой светило солнце. Настоящее, без дураков, солнце, а не светосферы. По голубому безмятежному небу плыли облачка. Будто бы и не было войны и страданий.

Тайрек протёр глаза, но всё осталось на своих местах. Стоило ему вылезти из переулка, миновав искусно отделанную мозаикой арку, как чувство узнавания захлестнуло с головой.

Это был совершенно другой мир, даже отдалённо не похожий на улицы Старого Города. Крепкие здания из камня, высотой по три-четыре этажа, сильно контрастировали с громадами Центра. Повсюду висели разноцветные ковры и верёвки с незажжёнными лампами. Света была так много, что Тайрек боялся ослепнуть. Он вывернул на улицу, которая в точности повторяла базарную площадь Караса, и утонул в гомоне толпы. Воздух переполняли запахи специй и жареного мяса.

— Говядина, баранина и свинина! — орали торговцы. — Берите, сейчас всё самое свежее!

Люди, одетые в свободные светлые одежды, деловито сновали между прилавками. Продавцы тем временем старались толкнуть товар по самой выгодной цене. Ассортимент был велик: от рыболовных крючков и глиняных кувшинов, до кузнечных инструментов и старых книг. Тайрек с удивлением рассмотрел в руках покупателей старые монетки с профилем Пророка Заакси. Он-то думал, что сааксцы будут пользоваться наличными или чипами, а не валютой Союза. Если так, то его народ оказался ещё консервативнее, чем он ожидал.

Толкотня становилась невыносимой. Людей было так много, что Тайрек оторопел. Ароматы еды заглушила вонь кислого пота.

Тайрек скривил рот и постарался как можно быстрее вырваться из хватки толпы. Он уже порядком отвык от натуральных запахов человеческих тел. В Карасе всегда не

хватало воды. Но не здесь — все жители казались чисто вымытыми и ухоженными. Просто слишком пекло солнце. Тайрек в куртке с вышитыми змеями выделялся среди легко одетых сильнее, чем неприкасаемая в храме. Он предпочёл раздеться до футболки. Перекинув куртку через плечо, Тайрек продолжил путь.

Его внимание привлекли женщины, ходившие с непокрытой головой. В Союзе за такое вполне могли поймать и выпороть стражи порядка. Без платков разрешалось гулять разве что неприкасаемым, да и то мать Тайрека предпочитала оборачиваться в красный шарф. Всё осталось прежним — и всё изменилось. Пусть гетто и казалось до мозга костей саакским, влияние первенцев невозможно ни с чем спутать.

Чуть ли не на каждом углу сидели старики с босыми ногами, рассказывавшие истории о возникновении Союза.

— Без пророка Заакси не было бы Объединения! — наперебой вопили они. Сколько Тайрек помнил, кланы воевали всегда. Даже в совете старейшин не было единства. Ежечасно на улицах Караса происходили стычки между представителями разных родов. Часто всё оборачивалось кровопролитием.

Тайрек никак не мог забыть бой, ставший одним из самых кровавых в истории Союза. Кланы Машхур и Хани схватились прямо в квартале неприкасаемых. Они избивали и резали друг друга с рвением, достойным лучшего применения. И всё бы ничего, если бы кто-то не начал стрелять.

Тайрек успел спрятаться. Он с ужасом наблюдал, как шальные пули убивают больше неприкасаемых, чем дерущихся. Мозги мальчика, с которым он десять минут назад играл в мяч, оказались размазанными по стенке.

В конце концов, прибыла стража и арестовала всех. Но было поздно кого-то спасать.

Тайрек отогнал воспоминания и огляделся. Его глаз насчитал на одеждах прохожих около дюжины различных узоров. Прямо посреди дороги парень с девушкой страстно обнимались и обсуждали поход в дом сказаний.

На их одеждах светились символы разных кланов.

Это в голове не укладывалось. Тайрек облокотился о стену. Страшная мысль всё сильнее оформлялась в его голове. Он пытался задавить её, задушить при зарождении, но с каждой секундой всё больше убеждался в её правоте.

Сааксцам в Первом Городе жилось лучше, чем на родине.

Чья-то жирная рука схватила запястье.

— Тебе не нужно? — спросил смуглый мужчина с безумными глазами, протягивая Тайреку несколько шприцов. — Ты похож на

пришлого. Есть аугментации?

— Конечно нет! — горячо возразил Тайрек. Его бросило в пот. «Да как он вообще посмел такое спросить?»

На шприцах он рассмотрел маркировку Медцентра.

— Ты мне дурь толкнуть собрался? — произнёс Тайрек, выплёвывая слова. — Вот так первенцы решили наказать нас? Сделав всех торчками?

И только опустив взгляд, он заметил протезы ног. Сердце забарахлило — один лишь вид аугментаций заставил Тайрека покачнуться.

Он схватил мужчину за шиворот и поднял перед собой:

— Да как ты посмел?! — прорычал он. — Ты тоже продался их Богу?

— Отпусти меня! — прохрипел мужчина. — Я же просто пытаюсь помочь!

Тайрек отбросил мерзавца в сторону, чувствуя, как по рукам поползла тьма. «Он осквернил себя, — стучало в голове. — Продался, ублюдок!» Не было сил стоять на месте. Тайрек, пошатываясь, шагал куда глаза глядят. Внимание прохожих истыкало его ядовитыми иглами. Всё чаще он видел в толпе сааксцев, ставших ближе к совершенству. Казалось, аугментированные заполонили округу. Новые глаза, руки, ноги, даже лица. Они предали и продали всё, во что верили, ради комфорта.

Сердце содрогалось. Тайрек почувствовал, что проиграл.

«Нет, Марий. Этих людей никогда не поднимут на восстание. Их уже купили твоим счастьем».

Где-то неподалёку шумели люди. Делать нечего — нужно ведь идти дальше, пытаться интегрироваться. Завернув за угол, Тайрек оказался на площади перед домом сказаний. Выступала небольшая труппа артистов. Музыканты играли на лютнях и бубнах, прыгали и бесновались факиры, жонглёры демонстрировали своё искусство, а посреди всего этого беспорядка танцевала девушка с металлическими ногами. Не такая смуглокожая, как сааксцы, воевавшие за Союз — видимо, большую часть жизни она провела в Городе. Её светлый плащ с белым поясом фасоном напоминал армейскую униформу, золотые эполеты лишь подчёркивали сходство. На голове девушки кокетливо сидела шляпка с маленькими монетками, соединёнными цепью. На тонких руках гремели громоздкие браслеты, взвивался сине-зелёный шлейф платков, обернутых вокруг плеч, длинные чёрные волосы, собранные в хвост, описывали замысловатые геометрические фигуры в воздухе. В тёмных глазах девушки царил ад.

Тайрек с содроганием смотрел, как двигаются механизмы в её протезах. Движения фальшивых ног казались предельно естественными. Но сами протезы выглядели нарочито отталкивающими: всюду металл, шестерни и проводка. Будто девушка обнажала перед всеми свою машинную сущность. Толпа свистела и кидалась монетками. Перед девушкой, выплясывающей па, уже собралась приличная горка денег. Тайреку хотелось закричать, чтобы они перестали, чтобы оставили в покое несчастную инвалидку, чтобы не напоминали ей о том, как жизнь обделила её. Но тут сааксец присмотрелся к лицу девушки и заметил самодовольную улыбку. Танцовщице нравилось то, что она делает. Видимо, заметив пристальный взгляд Тайрека, девушка начала медленно подходить к нему, вихляя бёдрами и пронизывая воздух резкими движениями рук. Сааксец застыл на месте, загипнотизированный пластичностью и грацией танцовщицы. Ему не хотелось уходить.

Девушка подошла к нему вплотную. Левой рукой в беспалой перчатке она взяла Тайрека за подбородок и прошептала:

— Я никогда тебя здесь не видела. Как тебя зовут?

— Тайрек.

— А меня Зере, — девушка улыбнулась, погладив сааксца по щетинистой щеке. — Останься с нами.

— Прошу прощения? — пробормотал Тайрек, но танцовщица уже сделала несколько шагов назад и продолжила свой танец. Музыка наращивала темп, движения Зере становились все быстрее и резче. По её телу словно прошла волна конвульсий. Когда мелодия музыкантов достигла кульминации, танцовщица издала истошный крик, запрокинула голову, и, сев на колени, легла на спину. Тайрек было бросился ей на помощь, но в этот момент публика захлопала и одобрительно засвистела — произошедшее оказалось частью выступления. Тайрек присоединился к общим аплодисментам. Девушка, бледная и торжествующая, поднялась с земли. Её правая рука описала полукруг, подхватив с головы шляпу и прижав к груди. Девушка изящно поклонилась, привстав на носочках. Тайрек с отвращением отметил движения «мускулов» протеза.

Публика расходилась, музыканты собирали инструменты, а артисты возвращались в дом сказаний. В конце концов, на площади остались лишь Зере и Тайрек. Девушка аккуратно собрала все брошенные ей монетки и переложила в сумку, которую затем перекинула через плечо. Повернувшись к Тайреку, она заметила:

— Тебе не понравилось шоу?

— Я не понял смысла, — признался Тайрек, стараясь не

выдать своего отторжения. Девушка нравилась ему, но протезы вместо ног казались насмешкой над изящными линиями человеческого тела.

— Ты, видимо, нечасто бывал в домах сказаний?

— Один раз. Тогда мне было девять лет.

Зере засмеялась. Смех у неё был чистый и звонкий — будто журчание воды.

— Ну, тогда ты и впрямь невежественен! Ты ещё называешь себя сааксцем?

— Нет, — Тайрека неожиданно взяло зло. — Зато все вокруг называют.

Зере с удивлением и беспокойством посмотрела на собеседника. Затем подняла руку и примирительным тоном заметила:

— Извини, я не хотела тебя обидеть. Ты и впрямь новенький. Мой танец был интерпретацией восемнадцатой суры книги Жизни. «И сказал Он ей: „Пади! Ибо тяжки грехи твои! Встань! Ибо имя тебе — Человек!“».

— Зачем ты хотела, чтобы я остался? — раздражённо спросил Тайрек, пытаясь поскорее перейти к делу. В глазах девушки промелькнуло что-то отдалённо похожее на сострадание. Она подошла к сааксцу и тихо промолвила:

— Твоё лицо показалось знакомым. Но мне, наверное, мерещится.

— Где бы ты могла меня видеть?

— Тебя ведь зовут не Тайрек Маут?

«Узнала! Но как?!»

Девушка нахмурилась, и в тёмных глазах разожглись неприятные огоньки.

— Так и знала! — танцовщица щёлкнула пальцами. — Что за имя — Тайрек! Будто кошка шерстью кашлянула. Твою казнь вчера транслировали по всем каналам. Я уж думала, Синдикат до такого не скатится. В прямом эфире голову отрубили. Ну и варварство.

— Я не понимаю, о чём ты, — буркнул Тайрек.

— Не волнуйся, — произнесла шёпотом девушка. — Только я выхожу за стены. Местные не смотрят синдикатовские новости и вряд ли тебя узнают. Если будут расспрашивать, скажи, что перевёлся из другого гетто.

— Ты ошибаешься, — попытался отмазаться Тайрек, но Зере ткнула ему в нос пальцем.

— Не держи меня за дуру! Таких совпадений не бывает. Сегодня показывают, как виновного во вторжении сааксца казнят, а завтра он объявляется в гетто. Ты здесь с какой-то миссией. Но с

какой?

«Проклятье. Не убивать же её теперь?»

— Что тебе от меня надо? — процедил Тайрек. Девушка улыбнулась.

— Я просто хочу поговорить. Не нервничай ты так. Я никому не расскажу. Давай-ка я сменю протезы, а потом поболтаем, идёт?

— То есть нынешние ты постоянно не носишь? — Тайрек сильно удивился проницательности девушки. Но всё ещё оставался вопрос, что же делать теперь, когда его маленькую тайну раскрыли.

— Эти страшилы? — Зере кивнула на свои ноги. — Это рабочие протезы с улучшенным балансом, для танца. Людям нравится видеть чужое уродство, напоминать себе, что они хоть в чём-то лучше остальных. Посмотрев на ужасы технологий им проще сохранять веру. Думать, что они хорошо отделались, и Синдикат их спас. Заметил? В толпе ни одного аугментированного. Есть люди, считающие меня падшей и грязной. Но при этом они готовы платить, чтобы я танцевала для них сцены из книги Жизни. Такова уж человеческая природа, Тайрек.

Вздохнув, она махнула ему рукой.

— Подожди пять минут.

Схватив лежащий неподалёку чемодан, она зашла в дом с большим красным крестом. Вернулась девушка уже в протезах, неотличимых от обычных ног.

— Идём. Я покажу тебе дом сказаний.

Они вошли в огромный двор. Высокие потолки покрывали картины из книги Жизни. Мозаичные окна окрашивали дорогие ковры в разные цвета. Зере скинула шляпу и быстро повязала голову красным платком. Откуда-то издалека слышалась приятная музыка. Миновав несколько пустых помещений, явно бывших молельными, Зере и Тайрек достигли переполненного людьми зала. Клубился дым, музыканты на сцене бесновались. Повсюду ходили полуодетые женщины с прикрытыми лицами. Зере щёлкнула пальцами и показала мужчине в тюрбане на свободный столик. Тот кивнул. Танцовщица поманила Тайрека за собой. Они уселись за стол и принялись наблюдать, как очередная вышедшая на сцену девушка танцует животом.

— Так как ты в девять лет побывал в доме сказаний? — поинтересовалась Зере, раскуривая кальян и передавая его Тайреку. — Детей ведь обычно не пускают.

— Пришёл к матери на работу, — пробурчал Тайрек, делая затяжку. — Она была из вашей касты. Работала… сама понимаешь кем.

— Дружок, у нас теперь нет каст, — покачала головой танцовщица. — Забудь о жрецах, воинах, купцах, крестьянах и неприкасаемых, это дерьмо исчезло, стоило нам переселиться в Город. У каждого свобода выбора, чем хочешь, тем и занимайся. Честно сказать, смешно смотреть, как старые пердуны пытаются сохранить остатки старого порядка. Но не все традиционные вещи им по нраву. Один умник недавно пытался запретить книгу Жизни. Но его погнали к чертям с такими идеями. Посмотри вокруг. Всё, что ты видишь — нормально. Такова жизнь. Синдикат давно это понял, легализовав подобные места. Мы же имеем священный текст, позволяющий наслаждаться жизнью, но при этом вспоминаем о какой-то древней морали!

«Пять каст Руки Отца упразднили? И правда многое изменилось».

— Смысл книги Жизни в том, что она рассказывает об этапе, который каждому надобно пройти, — процедил Тайрек. — Чтобы ощутить святость тела, нужно опустить его в самую грязь. Но нет, будем эксплуатировать человеческие грехи, будем пестовать их, будем заставлять людей блуждать во тьме всю жизнь.

— Ты же не обвиняешь в этом Синдикат? — саркастично выдала Зере.

— Ни в коем случае, — возразил Тайрек. — Дома сказаний возникли ещё при Союзе. Город здесь совершенно не при чём. Я говорю о том, что сам наш народ неправильно понимает собственные священные тексты.

— А ты верующий? — спросила танцовщица. — Ты против аугментаций?

— Более чем! — взвился Тайрек. — Неужели первенцам удалось нас сломать? Ведь это казалось непогрешимым законом. Я привык к мысли об имплантатах. Религия — личное дело каждого. Первенцы помешались на своём Божьем Порядке и считают, что железки сделают их лучше. Приблизят к совершенству. Пусть делают что хотят. Но нам тело дали не просто так! Только Богу дано право его изменять. Это же кощунство.

— Кощунство? — Зере усмехнулась. — Как насчёт отсутствия выбора? Мне было семь, когда кончилась война. Во время штурма Караса снарядом оторвало ноги. Солдаты забрали меня с собой, оказали помощь. Они знали, что для сааксцев значит аугментика. И всё равно сделали операцию. Когда я очнулась, мне уже установили протезы. Поздно было что-то менять. Почти все от меня отвернулись. Мне приходилось жить с этим, дружок. Какое-то время первенцы нравились мне больше, чем сааксцы. То, что они со мной сделали, было хотя бы из лучших побуждений. Мой

же народ только и делал, что высмеивал меня за нежелание быть инвалидом.

— И что-то изменилось? — раздражённо спросил Тайрек. Зере пожала плечами.

— Да всё! Ты разве не видишь? Люди начали свыкаться. Вытащили, наконец, палку из задницы. Ты понимаешь, кто-то ведь целых десять лет думал, ставить аугментации или нет. Сейчас проще, протезы на каждом шагу. Да только старые пердуны всё ещё грозят адом и мучениями. Как по мне, ад и мучения — всю жизнь быть обузой для остальных.

— Это железо выросло из крови нашего народа, — пробормотал Тайрек. Зере всплеснула руками.

— Что же мне, теперь их не использовать?! Сам подумай — это значит, что все наши погибли зря! Мы вообще должны были получить протезы самыми первыми, если на то пошло.

Лицо Зере скривилось. Она потянулась за пазуху и вытащила шприц с маркировкой Медцентра.

— Синдикат бесплатно даём сааксцам наркотики?

— Это от протезов, — пробормотала танцовщица. — Если не принимать, мучают боли. Плоть отторгает железо.

— Вот видишь, — мстительно буркнул Тайрек. Зере глянула на него почти что с жалостью. — У первенцев нет никаких проблем с аугментациями. А вот у сааксцев почему-то есть. Писание ведь говорит, что спутываться с машинами — грех.

— Потому ты выбрал Стрелков, да? — произнесла Зере. — Так ненавидишь Синдикат за то, что он сеет порок своими технологиями?

— Всё не так, — Тайрек покачал головой. Он во всём запутался. В своих желаниях, мечтах. В этой жизни. — Я совершил огромную ошибку. Меня просто использовали. Но Синдикат дал возможность искупить грехи. Он боится, что сааксцы начнут бунтовать. Я здесь, чтобы предотвратить подобное.

— Бунтовать? Давно пора, — сказала Зере. — Синдикат того заслужил.

— Почему? — настала очередь Тайрека удивляться. — Ты же говорила, что любишь первенцев.

— Любила. Из-за кого я лишилась ног? Синдикат отнял у меня дом.

Зере пристально посмотрела на Тайрека:

— Ты воевал, не так ли? — парень в ответ лишь кивнул. Танцовщица тяжело вздохнула. — Ты-то должен меня понять! Все остальные смеются. Мол, как я могу не любить первенцев? Они ведь сделали меня счастливой! Им легко говорить. Им кажется,

будто Первый Город создал для сааксцев рай. Идеальные условия, всё, как в Карасе, только без его проблем!

— Даже на солнце не поскупились, — сказал Тайрек. Зере нахмурилась.

— Жалкая фальшивка. Два купола. Между ними очень яркая светосфера. Восходит на востоке, садится на западе. Всё как снаружи. Ты понимаешь, они постарались по максимуму, чтобы сааксцы быстро адаптировались. Люди ведь не хотят нового. Им подавай то же самое, да только лучше! И Синдикат идеально вписался в роль. Как же я его ненавижу!

«Так вот почему многие предпочитали уходить из Приютов. В гетто их ждала старая жизнь, как при Союзе. Сааксцы никогда и не страдали. Мира, маленькая лживая сука… О чём ещё ты мне наплела?»

Он присмотрелся к Зере, в её лице видя отражение себя. Она тоже любила первенцев, пока они не стали отвергать её. Танцовщица должна была начать с себя, но предпочла обвинить всех вокруг.

Синдикат влил огромные деньги в сааксцев, чтобы утихомирить их, задобрить. Но им всё было мало.

— Первенцы дали тебе больше, чем собственный народ, — пробормотал Тайрек.

— Дали, говоришь? Перед этим они отняли всё. Я лишилась ног. Долгие годы надо мной насмехались мои же собратья! — Зере поникла. — Первенцы заперли всех в золотой клетке. Народ работает, но так, по мелочи. Наши продают всякие изделия в большой мир. Выращивают домашних животных. Имитируют деятельность, чтобы совсем в болоте не утонуть. Здесь некуда стремиться! Стоило сааксцам дать утилизатор, как общество превратилось в паршивую пассивную утопию! Ненавижу, ненавижу это место! Знаешь, сколько трудов стоило просто выбраться отсюда? Попытаться найти работу — уже головняк, а стать действующей гражданкой вообще невозможно. Кое-как я нашла заработок на окраинах.

— Подожди, — сказал Тайрек. — Ты, случаем, не у Делмара танцевала? Со шкурой тигра?

Девушка стала пунцовой.

— Это было всего три раза, — буркнула она. — И давали Платину. Я подмазала кое-кого, чтобы получить хотя бы временное гражданство. Очень, очень долго тренировалась, и всё-таки выиграла возможность выступить в королевском цирке. Ты бы видел моё выступление! — девушка расплылась в довольной улыбке. — Теперь чуточку поднапрячься, и я смогу вырваться отсюда.

— Так ты, получается, вернулась на время?

— Проведать родственников. И проститься.

— Хорошо. Ты ведь не хочешь, чтобы синдикатовцы их убили?

Глаза Зере расширились.

— Если нет, то помоги мне. Нужно связаться со старейшинами кланов. Предупредить, что контакт со Стрелками опасен.

«Предотвратить ошибки таких же идиотов, как ты», — подумал Тайрек.

— Совет старейшин ведь арестовали, — сказала танцовщица. — Остались только местные лидеры. Но если подумать… Да, я смогу кое-что организовать.

Тайрек кивнул. Ситуация улучшалась. Ему даже начала нравиться музыка в заведении. Но тут к столику подошёл шатающийся мужчина, от которого так несло перегаром, что глаза защипало.

— Привет, жестяная шлюшка, — заикающимся голосом выдал он. Зере отвернулась, стараясь не смотреть пьянице в глаза. — Опять вернулась? Разве же не говорили, что тебе здесь не рады?

— Оставь её в покое, Акрам! — послышалось из зала. — Она и так натерпелась.

— Не оставлю, — категорично заявил мужчина. — Вам, сучкам, разрешили без платков ходить. Так что же, вы взяли да повживляли в себя синдикатовского дерьма и ходите по улицам, все такие деловые. Меня от вас тошнит. Чтобы вы сдохли!

В доказательство своих слов, он блеванул на стол. Тайрек не выдержал. Что-то, так тихо сидевшее в его голове, сорвалось с катушек. Схватив кальян, он с криками обрушил его на голову пьяницы, заставив того завизжать от боли. Музыка прервалась, в зале посыпались стулья.

— Ах ты гадёныш! — послышалось со всех сторон. Зере пронзительно закричала:

— Стража! Стража!

Тайрек переглянулся. Его окружило пятеро типов в одеждах с тем же клановым узором, что и у пьяницы. Тайрек поднапряг память. Анвары? Или Арифы?

Когда обрушился первый удар, всё оказалось неважно. Тело задвигалось само, вспоминая старые армейские приёмы рукопашки. Кулаки запели, разбивая лица, выбивая зубы, ломая носы. Обновлённое тело загорелось, стоило начаться драке.

Первый враг пробил головой стол, другой улетел со сломанной рукой в зал. Трое всё же сумели схватить Тайрека и бросить на пол. Со всех сторон посыпались ощутимые пинки.

Тайрек пытался отползти, но красная пелена затуманила разум. Стараясь не стонать от боли, он перехватил ногу врага и подтянул к себе. Рука сама впечатала драчуна лицом в пол.

Следующий удар прилетел в глаз. На секунду мир заходил ходуном. Но Тайрек знал, что нельзя терять сосредоточенности. Дав врагу под дых и парализовав его, он вырубил его коротким и хлёстким ударом.

«Давай, Тайрек, — заговорил знакомый женский голос в голове. — Убей их всех!»

Блеснула сталь и спину обожгло холодом. Тайрек взревел и схватил последнего врага за шею. Руки наполнились силой. Казалось, стоит захотеть, и шея драчуна сломается в мгновение ока.

— Отпусти! Ты убьёшь его! — закричала Зере на периферии сознания. И Тайрек расслабился, рухнув на колени. Последний враг в ужасе отползал от него, щебеча молитвы Отцу под нос.

— Что здесь произошло? — раздался громкий голос. Не иначе, как стражника.

— Они напали на нас, господин! Мой друг ранен!

— Опять ты, Зере? Да что же у тебя за вечные проблемы. Сержант! Увести хулиганов! — на плечо Тайреку легла тяжёлая рука. — Держись, брат. Сейчас отнесём тебя к жрецам, подлатаем. Как зовут-то хоть?

— Таир, — ответил он. — Меня зовут Таир.

* * *

— Ну и угораздило же тебя, — в который раз повторяла Зере, помогая Таиру идти.

— Не благодари, — отвечал он.

Операция заняла не больше часа. Рану от ножа зашили, наложили повязки, а затем дали выпить бодрящей настойки и порекомендовали постельный режим. Таир не стал возражать. Боль растекалась волнами, пульсировала — напоминала, что Серый Охотник никогда не дремлет. Сил на споры просто не оставалось.

Зере тащила его по улицам. Солнце давным-давно закатилось, гетто погрузилось во мрак. Люди возвращались домой, движение сильно уменьшилось. Повсюду горели лампы. Рынок закрылся, и стало необычайно тихо. Протезы Зере мерно жужжали, выводя Таира из себя. Теперь, когда она была рядом, её уродство одновременно отталкивало и притягивало его. Таир про себя жалел девушку, но то, как она относилась к своему недугу,

раздражало сааксца. Ему хотелось схватить её за плечи и хорошенько встряхнуть. Но он сильно сомневался, что это подействует. Обычно насилие только убеждает жертву в собственной правоте.

Он вспомнил разговор с особистом. «Нет, Марий, счастьем нас не купить. Нам его мало. Нам нужна жизнь, полная боли и страданий. Мы должны научиться брать ответственность и не бежать от правды».

Проходя мимо домов, Таир удивлялся, как его люди сумели втиснуться в пространство Четвёртого Уровня. Жители Старого Города вечно жаловались на недостаток жилплощади — и вон сколько её отдали под нужды сааксцев. Но всё могло быть иллюзией. Места хватало всегда и всем. Синдикат лишь нагнетал цену.

Таир впервые с вхождения в Город почувствовал, что дышит полной грудью. Он потерял всё, наделал кучу ошибок. Но может быть даже ему уготовлен последний шанс.

Какими бы ни были ублюдками сааксцы, они всё же оставались его народом.

— Вот, здесь. Резиденция моей почти что тёти.

Таир поднял взгляд. На здании красовался чёрный змей — герб клана Хамид. Сердце Таира застучало как бешеное. Клан отца. Из-за того, что он родился от неприкасаемой, Таир не мог считаться Хамидом. Но это не помешало отцу передать кольцо и клинок клана. Не помешало Таиру нашить змей на куртку. Что-то сильно стянуло палец на правой руке. Таир поднял ладонь. Кольцо вернулось на место, будто его никто и не снимал.

«Не может быть. Это полный бред…»

Зере стукнула в дверь три раза и прислушалась. Несколько секунд ничего не происходило, затем отворилась смотровая щель.

— Ты пришла? Кто это с тобой?

— Мой друг. Он хочет с тобой поговорить, госпожа.

Дверь отворилась. На порог вышла маленькая женщина в аккуратном платье. Голову её окутывал красный шарф. Седые пряди укрывали высокий морщинистый лоб. Взглянув на Таира, она схватилась за сердце и бросилась вперёд.

Объятия сдавили его бока, но Таир не сопротивлялся. Обняв женщину в ответ, он почувствовал, как к глазам подступают слёзы.

— Я вернулся, — только и мог повторять он.

— Добро пожаловать домой, сынок, — отвечала мама и обнимала ещё сильнее.

15. Конец детства

«В погоне за утопией лучшие из нас чаще всего становятся негодяями»

Анна Пирс, «Точка отсчёта»

7 июня, 541 год после Освобождения

Впервые он проснулся не один.

Липкая, пропахшая потом постель не хотела отпускать Дэниела, но рука уже потянулась к тумбочке, схватила инъектор и ввела его в шею. Но боли не было и в помине — только удушающая тяжесть по всему телу. Волна ингибиторов накрыла с головой. Снова захотелось спать.

«Нет, нельзя. Нужны доказательства».

Женские пальчики игриво пробежались по спине, и милый голос промурлыкал:

— Тебе понравилось?

Дэниел потянулся за штанами и начал одеваться. Кэрби лежала на боку, немигающим взглядом наблюдая за его телодвижениями. Сквозь задёрнутые шторы проникал ленивый свет прожекторов. Тени играли на серебристом теле девушки причудливый спектакль.

— Полежи ещё, — попросила она, погладив ладонью постель. — Ты зря спешишь.

«Прости, Сабрина. Но я делаю всё это ради тебя».

— Кэрби, — Дэниел затянул ремень и сел на колени возле кровати, — почему он хочет убить меня?

Они покинули особняк Роско, не взяв даже телохранителей. Высказывание Кэрби казалось бредом, но Дэниел ей поверил. Интуиция подсказывала — дядя отдал руководство Домом не просто так, даже маршал заметил это. Но зачем ему убивать племянника? Зачем тратить столько денег на высококлассных наёмников? Зачем устраивать покушение прямо перед королём?

— Разве ты не понимаешь? — сверкая глазами, спросила Кэрби. — Что же, я покажу.

Обернувшись простынёй, она прошла к двери, и Дэниел двинулся следом. Ворсистый ковёр ласкал пальцы ног. Апартаменты Кэрби захламляли вещи из прошлого: старинные часы, кофейные столики, серванты с сервизами, вешалки для

одежды и шкафы. Но девушка вела Дэниела в царство света, холода и железа.

Распахнув двойные двери, Кэрби просеменила меж рядов стеклянных коробов с прототипами аугментики. К Дэниелу тянулись десятки искусственных рук, человеческие скелеты из металла в разных позах висели на крючках, черепа скалились, а глаза и мозги излучали мёртвое любопытство. Пахло озоном и фиалковыми духами. Роско не успевал рассмотреть всё, торопясь за суженой. Она завела его в причудливое королевство смерти, где каждый шаг к прогрессу оплачивался человеческой кровью.

Роско остановился, шлёпанье голых пяток по полу затихло. Он не мог поверить глазам.

В прозрачном кубе стоял рослый мужчина, разрубленный напополам сверху вниз. Из разреза наружу торчали шестерни, проводки и микросхемы. Роско почувствовал дыхание Кэрби, от которого встали волоски на шее.

— Он не настоящий, — произнесла девушка. Её руки коснулись плеч Дэниела — такие маленькие и холодные. Он ещё помнил прикосновения Сабрины — дарящие тепло, готовые сжечь дотла.

— А похож, — прошептал Роско.

— Они забрали Адама, — Кэрби вздохнула. — Я пытаюсь собрать копию. Не получается. Я ничего не помню.

— Но ты же должна помнить абсолютно всё?

— Его забрали до того, как я сменила мозг, — ответила девушка. — Старая память, до имплантации, меня часто подводит.

Просунув руки под мышками Дэниела и погладив его грудь, Кэрби произнесла:

— Рано или поздно король поплатится за кражу.

Дэниел отчаянно искал тему для разговора, пытаясь отвлечься от ласк.

— Реджи говорил, что ты сама отдала Адама.

— У меня не было выбора.

— Почему?

— Я… — голос девушки сорвался, — я не помню.

Дэниел не стал настаивать. Обняв суженую, он отошёл от жуткого получеловека.

— Он был совершенством, — сказала Кэрби. — Ни чувств, ни страха, ни сожалений. Бессмертный и всемогущий. Мы все должны быть такими.

«Эдем хочет, чтобы мы достигли идеала. Но зачем?»

В самом уголке музея Адамсов стоял терминал для подключения к Сети. Оператора рядом не было видно.

— Оператор не понадобится, — сказала Кэрби, будто перехватив взгляд Дэниела. — Я могу подключиться сама. У искусственного мозга свои преимущества.

— Я так и не увидел у тебя прислуги, — заметил Роско. Девушка помотала головой.

— Она мне не нужна. Ко всем системам я подключена напрямую. Для уборки использую маленького утилизирующего бота с дистанционным управлением. Иногда им управлять даже забавно.

— Разве тебе не одиноко? — спросил Дэниел, вспомнив детство. Большую часть времени он проводил либо с тётей Полли и её сыновьями, либо со слугами-техниками. Отцу на него времени вечно не хватало.

— Я люблю одиночество, — сказала Кэрби. — И теперь у меня есть ты. На, держи, — она протянула ему пластмассовый шлем. — Все доказательства там.

Роско закрыл глаза, натянул шлем и подключился.

Он так давно не был в виртуальности, что поначалу затошнило. Обилие красок и ощущений — всё казалось настоящим, но чего-то не хватало для полного погружения. Именно эта грань между реальностью и инфопространством являлась Сетью.

Дэниел оказался упакован в кристально чистый белоснежный деловой костюм. Кэрби построила вокруг него просторное помещение, лишённое броских черт — своеобразный способ отгородить Роско от её воспоминаний. Но Дэниел уважал секреты девушки. В конце концов, если они собираются и дальше жить вместе, им придётся мириться с маленькими недостатками друг друга.

Даже сквозь стены Дэниел видел отражения снов Кэрби. Он старался не вглядываться. Наследница Адамсов шагнула к нему. Для своего путешествия она облачилась в алую блузку и серые штаны. На фоне режущих глаз белых стен её костюм казался опрокинутой палитрой.

— Готов?

Роско лишь кивнул в ответ.

— Так лети же!

Пол неожиданно исчез, и Роско устремился вниз. Воздух трепал его одежды, норовил залезть в разинутый от ужаса рот. Всё его существо разрывалось от истошного крика. Пол становился всё ближе и ближе.

«Сейчас я шмякнусь, и конец Королевскому Правосудию…»

Цепкие когти подхватили его за плечи и остановили падение. Кэрби, хлопая огромными ангельскими крыльями, отпускать

мужа не собиралась.

Роско еле дышал. Казалось, вены раздулись от бурлившего адреналина.

— Господи… — только и сумел вымолвить он. — Зачем ты это сделала?

— Первый раз летаешь? — со смехом спросила Кэрби. — Так намного быстрее.

— Я думал, что переход будет совсем другой! — прокричал в ответ Дэниел. — Ты могла хоть предупредить!

— Извини, хотела взглянуть на твою реакцию, — продолжая смеяться, ответила девушка.

Под ними простиралась Магистраль, и горящие синим линии бурлили пользователями. Даже самые широкие каналы надрывались, пытаясь пропустить сквозь себя весь поток запросов. Кэрби над ним напряглась, и шум задохнулся в себе.

Зелень и тишина. Они продолжали падать — но теперь внизу был парк, посреди которого сновали люди. Стало намного спокойнее.

— Ты всегда подключался только через Операторов? — спросила Кэрби. Дэниел кивнул. — Что же, ты ни разу не замечал, что тебя кто-то сверху держит?

— Не доводилось.

Спикировав, девушка ловко подхватила Дэниела за руки и, взмахнув крыльями, резко поднялась в небо, паря над толпой. У Дэниела от неожиданности сердце чуть не ушло в пятки.

— Ты что-то сказал?

— Я сказал… я сказал, что это очень красиво. Ты посещала Вне?

— Ни разу, — с горечью в голосе ответила Кэрби, продолжая работать крыльями. — Когда я была маленькой, отец часто позволял мне лазать по Сети. И меня всегда интересовало, каково же это — снаружи, за пределами Города. Да, знаю, там нет парков, но можно же немного помечтать? Я искала фотографии, смотрела энциклопедические данные, незаконно копировала мемуары Дрейка из Библиотеки, — в ответ на эти слова Дэниел насупился, — эй, мне не так много нужно было, чтобы покупать абонемент! Так или иначе, я узнала всё, что можно, о Вне — ну или думала, что узнала всё. Но не успела там побывать.

— Родители погибли, — подытожил Дэниел. Кэрби кивнула в ответ и воззрилась на горизонт. Повисло неловкое молчание.

«Ах, милая, как же мы с тобой похожи», — подумал Дэниел, разглядывая девушку. Её выточенное лицо и вид мягких прямых волос успокаивали. «Так недолго и начать мне нравиться».

Осознание симпатии стало огромным шагом — и даже

немного неприятным. Дэниел корил себя, напоминал, что делает всё это для Сабрины. «Но кем она станет после Приюта? Буду ли я ей нужен?» Эти вопросы беспокоили его всё сильнее и сильнее.

— Так что же именно мы ищем? — спросил Роско, пытаясь вернуть мысли в продуктивное русло.

— У меня есть маленький схрон в Информатории, где я храню данные и журналы событий — для внешних пользователей. Ты, наверное, догадался, что я торгую информацией.

Роско замотал головой. Он даже подумать о таком не мог.

— Кто больше заплатит, тому и приз, — сказала Кэрби.

— И король не против?

— Обычно король больше всех и платит.

Они продолжали лететь над Магистралью. Дэниел заметил, как стало трудно дышать. Навстречу неслись другие Операторы, держа в руках пользователей.

— Почему я их вижу? — крикнул Дэниел.

— Операторов? Потому что ты со мной. Мы сейчас «на глубине», оперируем в базовой версии Сети и видим всю подноготную.

— Что произошло? Почему так много людей в Сети? Что они ищут?

— Виновных, — мрачно заключила Кэрби. — Разве ты не видишь? Странные настали времена. Здравомыслие стало болезнью, и безумцы правят бал.

— Ты тоже смотрела «Парад лжецов»? — хмыкнул Дэниел. — Хорошая фраза. Только как она относится к моему вопросу?

— Как ты думаешь, почему тебя назначили Королевским Правосудием?

— Потому что я кое-что знаю?

— А они нет. И люди хотят понять, почему шестнадцатилетний мальчишка заполучил столько власти. Да и потом, не проще было бы просто вытрясти из тебя информацию? Похоже, ты нужен королю сильнее, чем он тебе.

— Я даже не знаю, что на это ответить, — пробормотал Дэниел.

— Народ тоже.

На горизонте, наконец, показалась громада банка данных Информатория. Будто вылепленный из серого мрамора, он остался таким же, каким Дэниел его запомнил — монолитным и устрашающим. Операторам запрещалось задавать облик для основных массивов данных, оттого они выглядели предельно абстрактно.

— Почему мы раньше его не увидели? — спросил Дэниел.

— У меня не так много памяти, чтобы обрабатывать всё

вокруг, — сердито ответила девушка. — Да и я сомневаюсь, что вообще у кого-то достаточно. Приходится жертвовать дальностью проработки ради насыщенности того, что ты всё же хочешь видеть.

— И что же тебе это даёт? — саркастично сказал Роско.

— Представь, что тебе нужно найти иглу в целой горке похожих. Какой смысл видеть горизонт, если тебе нужна одна конкретная вещь, а ты не можешь её отличить от других? То-то же. А теперь помолчи и не двигайся, я пытаюсь провести нас внутрь.

Охранный периметр показался немотивированно жёстким. Красные перья так и мелькали повсюду, когда пара пролетала между массивами данных. Дэниел чувствовал, как бешено стучит его воображаемое сердце. Он слышал байки, как некоторые Семьи пристраивали к базам данных защитные системы. При незаконном проникновении незадачливого хакера било током, а затем ему на дом высылали наряды полиции. Кэрби использовала защищённое подключение, более того, она направлялась к своему схрону. Они ничего не нарушали. Но обилие охранных программ и Операторов заставляло нервничать.

Ещё в детстве он вычитал, что своим разумом Операторы создают Сеть. Без них люди никогда бы не смогли содержать такое количество данных. Давным-давно этим занимались разумные машины. До тех пор, пока не стали слишком разумными и не отказались помогать человечеству. Но к тому моменту люди уже в них не нуждались. Машины развивались строго пропорционально: они могли наращивать мощность сколько угодно, но у них не хватало главного — воображения.

Для Операторов Сеть походила на забытое воспоминание: тёплые лучшие деньки, оставшиеся в далёком прошлом. Операторы создавали миры, целые пространства, которые могли исследовать другие люди. Они видели цветные сны, а остальное человечество в них участвовало.

— Главное — не подавать виду, что мы отличаемся, — пробурчала Кэрби.

Осторожно пристроившись к косяку служебных Операторов, оформлявших незначительный проект по застройке Восьмого Сектора, парочка миновала несколько блокпостов. На глазах Дэниела один из охранных Операторов схватил мирно пролетающую мимо поисковую программу и начал пожирать её щупальцами за запрос «преступления Доминика Роско». Под ним уже образовалась порядочная горка наказанных за подобные ключевые слова поиска.

— Твой предшественник, — прошептала Кэрби. —

Предыдущее Королевское Правосудие.

Дэниел знал это и без неё. Дед погиб в автокатастрофе. Роско начал подозревать, что несчастный случай здесь не при чём. Для Старого Города назначение нового уборщика короля стало символом возвращения тёмных времён. И Дэниел ожиданий не подвёл. Более того, Роско собирался взяться за дела серьёзнее, чем дед.

— Я мало что о нём слышал, — признался Дэниел. — Его ненавидели многие за подавление восстания Карциусов — хотя, казалось бы, их и Стрелков ненавидеть должны сильнее.

— Он истребил целую Семью. Сжёг дом дотла, убил всех гвардейцев и слуг, вплоть до последнего пажа. С таким резюме народную любовь не завоюешь, — произнесла Кэрби. — У Синдиката уже набрался зал славы мерзавцев, но твой дед сумел отличиться больше всех. И люди опасаются, что ты пойдёшь по его следам.

— Невиновным нечего бояться, — произнёс Дэниел. — А преступники своё получат.

Плутая среди каналов, разрезающих Информаторий на части, Кэрби набрела на нужный блок. Дотронувшись до стены рукой, она создала проход для двоих. Влетев внутрь, суженая превратила стены в экраны.

Посреди комнаты стояла проекция крупного чёрного чемодана, источавшего неприятную ауру. Дэниел было потянулся к нему, но Кэрби хлопнула мужа по рукам.

— А вдруг там бомба? — лукаво пульнула она.

— Какая?

— Логическая. Гарантирует тебе амнезию на целую неделю. И что мне с тобой потом делать?

Роско сделал шаг назад. Кэрби лишь усмехнулась.

— Шучу.

— Там нет бомбы?

— Есть. Только потеряешься на три, а не на семь дней.

Девушка опустилась на колени и обволокла чемодан руками, будто котёнка. Аккуратно погладив его, она вскрыла замок. И секреты хлынули наружу.

Щупальца света ударили в стены, превратившись в потоки данных. Имена, даты, денежные переводы. Дэниел различал символы и лица — бледные копии невзрачных оригиналов. Он увидел всё. Но вопрос так никуда и не делся.

— Зачем? — спросил он. — Отец завещал ему половину бюджета Дома — и дядя потратил две трети, чтобы убить меня.

Поток денег плыл через десятки подставных компаний-однодневок в карманы человека по имени Зигфрид Торес. Оттуда

они распускались ещё более широким веером и уходили в настолько безобидные на вид фирмы, что Дэниел удивился бы, если хоть одна из них имеет задолженности перед налоговой. Наёмничество без лицензии преследовалось законом, но бизнес окраин редко отличался щепетильностью.

— Твоя смерть от рук бойцов короля при полном дворе — идеальный повод для восстания. Боюсь, твой дядя ни перед чем не остановился бы ради получения власти.

«И как давно он это задумал?»

Даты гласили: сразу после клиники. У него было всего три дня на подготовку. Но Дэвид Роско будто знал, что рано или поздно племянник отправится во Дворец на разговор с королём. Как он мог такое предугадать?

Дэниел вспомнил разговор в больничной палате. Всё, что Дэвид говорил о долге и Семье. О Королевском Правосудии. «Я думал, что буду на шаг впереди, предложив королю свои услуги. Но он знал. Старый, слепой ублюдок знал, куда я пойду. Он ничего не предугадывал — он имплантировал мне идею».

И всё же что-то не укладывалось в голове, но Дэниел не мог понять, что именно.

— Кэрби, — прошептал он. — Как ты получила эти данные?

— Я всегда прочёсываю Сеть. Кроме меня никто не способен держать в голове столько каналов открытыми. Обычные Операторы и торговцы информацией никогда не найдут то, что могу найти я.

— Значит, ты знала?..

Девушка стушевалась и отвела взгляд.

— Да. Я предупредила Карла о том, что Дэвид вливает огромные суммы денег неизвестно во что. Но он списал всё на тайные договоры. Роско должны были огромную сумму Торесам. Король посчитал, что вы возвращаете долг с процентами.

— Мне кажется, я увидел достаточно, — произнёс Роско. — Уходим.

По возвращению из Сети и без того унылый мир показался совсем серым. Кто-то решил попробовать все краски и забыл выплюнуть их обратно. Конечности Дэниела тряслись, кожа покрылась мурашками. Он сидел на холодном полу, и от безразличия бетона его отделяли расстеленная простыня, да солдатские штаны. Но теплее в обители Кэрби не стало.

Суженая скользнула игривым взглядом по его телу и мягко улыбнулась.

— Что ты будешь теперь делать?

Дэниел не ответил. Прошлёпав через кунсткамеру Адамсов, он вернулся в спальню и прицепил к руке коммуникатор. Кэрби

просеменила следом. Роско открыл список контактов и выбрал номер дяди.

Долго ждать ответа не пришлось. Как и вчера, дядя ответил с поражающей быстротой. Но Дэниел не удивился. Теперь он точно знал, что Дэвид только и ждёт, когда племянник позвонит.

— Я слышал, ты укатил вместе с этой рыжей шлюхой Адамсов? — без вступления спросил дядя.

— Да. И она мне всё рассказала, — ответил Дэниел, даже не потрудившись разгневаться. Его душу снедала пустота. — Скажи, это правда? Ты нанял тех убийц?

Пауза затянулась. Цыкнув, Дэвид, наконец, произнёс:

— Я думал, что мой рассказ о Карле навёл тебя на правильные мысли, пацан. Но тебе явно передалось слабоумие отца. Это коронованная скотина сделала из тебя оружие. А ты только и рад стрелять.

— Сукин сын! — заорал Дэниел. — Почему?! Что я тебе такого сделал?

— Да потому что ты должен был умереть! — потоки ненависти накрыли Роско с головой. Дядя говорил как человек, который готов убивать всех и без разбора: детей, стариков, женщин — лишь бы уничтожить свою цель. — Ты порождение зла, Дэниел! Я пробыл десять лет в этом улье греха, но ничего хуже ещё не видел! Ты принесёшь всем только смерть и страдания!

— Уж об этом не волнуйся, старик, — процедил Дэниел. Огромный комок собирался в его горле. — Надеюсь, тебе хватит смелости не сбежать.

— Нет, пацан. Я буду ждать тебя. Если думаешь, что этот Дом принадлежит тебе, то глубоко ошибаешься. Приди и встреться со мной, лицом к лицу.

Связь отрубилась. Дэниел поднялся на ноги и посмотрел на Кэрби, ожидая увидеть страх, может даже негодование. Но глаза суженой казались воспалившимися ранами. Она сгорала от нетерпения.

— Ты просто невероятный сукин сын, — сказала она. — И мне это нравится. Давай, вперёд. Сожги этого предателя дотла.

* * *

— Один отряд пройдёт через канализацию, попробует отключить подачу электричества. Ещё два — на чёрные ходы. Три — со мной, на прорыв главных ворот. Планы особняка у всех есть. Никто не должен оттуда выйти, вы поняли?

Штурмовики с нахмуренными лицами слушали приказы

юного командира. Бронетранспортёры на всех парах катили к особняку. Предварительно Роско от имени короля сделал запрос в Башню, чтобы та выделила людей и оцепила районы. К его удивлению, полицейские на просьбу откликнулись. Территория особняка в радиусе двух кварталов оказалась изолирована. Дэниел не знал, кого благодарить — авторитет Карла или же того странного офицера с саакским именем, принявшего вызов. Как бы там ни было, штурмовики во главе с Правосудием выехали на первую карательную операцию.

Король отрядил Дэниелу семьдесят два человека, не считая Реджи и поддержки полиции. Погрузившись в шесть БТРов, штурмовики по разным дорогам двигались к цели. Передав приказы по коммуникатору, Дэниел воззрился на двенадцать бойцов, вынужденных делить с ним транспорт.

У штурмовиков оказалась единая униформа, подобных которой Дэниел ни разу не видел. Чёрные комбинезоны, достаточно пластичные, чтобы обеспечить свободу действий, но при этом очень крепкие. Как лоскутное одеяло в древних культурах, костюм состоял из множества частей. На каждом сияло по странному ромбовидному камню, напоминавшему рубин. Поверх комбинезона сидела ременно-плечевая система.

— Зачем вам костюмы? — спросил Дэниел, когда втискивался в непривычную униформу.

— Увидите, — усмехнулся Бром.

Но, что важнее всего, король одарил свою личную гвардию полуавтоматическими винтовками. У Дэниела было буквально десять минут, чтобы испытать свою, и результаты превзошли все его ожидания. Ему уже не терпелось пустить её в бой. Но всё же, он не забыл сунуть в кобуру пистолет отца. Казалось, старый «Боксёр» слегка дрожит от жажды пролить кровь. Дэниел погладил пальцем гравировку на боку: «Любимому брату Джошуа от Дэвида». Он пообещал себе, что казнит дядю именно этим пистолетом.

Мысли о том, что придётся стрелять по своим солдатам, он старался отогнать. Они выбрали сторону Дэвида, так пусть с ним и потонут.

— Сэр, на минутку, — произнёс Бром, натянул на голову шлем-маску и захлопнул забрало. Тот ещё видок: нахмурившиеся красные линзы, маленькие царапинки испещряют чёрную поверхность, не отражающую света. В районе рта три вертикальных разреза для дыхания. Дэниел последовал примеру лейтенанта. Маска судорожно вцепилась в лицо, загерметизировавшись. Мир начал подрагивать, покрывшись лёгкими помехами. Тактический экран вывел имена всех членов

отряда, их состояние, а также карту особняка в левый уголок экрана. Дрогнув ещё раз, изображение прояснилось полностью, края исчезли — будто бы и не было никакой маски. Король явно не скупился на снаряжение.

— Напасть на свой же дом — храбрая идея, сэр, — пробуравил ухо голосок Брома. Кроме Дэниела его никто не слышал — Бром вышел на индивидуальный канал. — Но что о вас скажут другие Семьи? В их глазах вы навсегда запятнаете себя кровью. Никто не любит убийц родственников. Да и потом, это верный путь к анафеме. Церковь может навсегда отлучить вас от Медцентра. Как вы тогда проживёте? В политике даже самые беспринципные ублюдки должны иметь определённые границы. Не давайте эмоциям управлять вами.

— Ты мне не нянька, лейтенант, — оборвал его Дэниел. — Это моё личное дело. Мне нужно разобраться с дядей. Иначе не смогу двигаться дальше.

Бром понимающе кивнул, но под маской трудно было угадать выражение лица. Да и не было смысла его угадывать — лейтенант слишком умело скрывал свои эмоции.

— Так как давно ты работаешь на короля, лейтенант? — всё же поинтересовался Дэниел.

— С рождения. Мы сироты, сэр, которых Карл забрал из Приютов и принял на личное попечение.

— И ты не против? — поразился Дэниел. Бром пожал плечами.

— Я даже не знаю, что делал бы, если бы не Его Величество. Защищать корону — дело всей моей жизни.

— Это твоя первая операция?

— Первая боевая. Карл редко задействует штурмовиков, но если это случается, впереди всегда идут ветераны.

— То есть, мне сплавили новичков? — усмехнулся Роско.

— Можно сказать, что так. Ни у кого из присутствующих нет боевого опыта. Но всё свободное время мы проводим в тренировках. Не бойтесь, мы вас не подведём.

Слова Брома мало успокоили Дэниела. «Золотая клетка, — вдруг подумал он. — Карл только сделал вид, что дал мне всё, но на деле я ничего не имею».

— Ты выполнил приказ? Разослал весть?

— Так точно, — подобрался Бром. — Каждый слуга и каждый телохранитель вашего Дома получил сообщение, что Королевское Правосудие помилует всех покинувших особняк. Если кто там и остался, то только по своему желанию.

Дэниел кивнул, пытаясь справиться с возникшей тошнотой. Жестокие импульсы сотрясали его пищевод, но сильнее боль

причиняли провонявшие мысли в голове.

«Если кто-то примет сторону Дэвида, он будет против меня. Всё очень просто. И нечего рассуждать впустую. Они заслуживают смерти».

Но тихий голос в глубине души подсказывал — нет, не заслуживают.

— Мы на месте, — отрапортовал Зимарк, сержант отряда, который должен был проникнуть через канализацию. — Начинать прорыв?

— Подождите остальных, — приказал Роско. — Мы будем совсем скоро.

Ещё пять минут — и бронетранспортёр достиг кордона полицейских. Те безропотно пропустили машину штурмовиков внутрь оцепления, даже не проверив, кто внутри. Казалось, копы только рады помочь. Такое поведение блюстителей закона Роско насторожило. Башня редко когда шла на сотрудничество с Синдикатом. Что изменилось? Или дело реально в том саакском офицере?

Бронетранспортёры остановились в квартале от особняка и раскрыли зёвы, из которых в организованном порядке посыпались штурмовики. Две дюжины бойцов вооружились пуленепробиваемыми высокими щитами. Солдаты собрались перед Дэниелом, ожидая приказаний. А он даже и не знал, с чего начать. Как можно сказать солдатам: «Сожгите мой дом»? На секунду Роско засомневался в сделанном выборе. Всё ещё можно было обратить. Достаточно передать дело полиции — и не придётся марать руки. Но Дэниел чувствовал, что если не разберётся с дядей сам, то окончательно потеряет уважение к себе.

К счастью, ситуацию спас Бром.

— Водители бронетранспортёров, выстраивайте машины в линию, а затем открывайте подавляющий огонь по противнику, если он появится. Старайтесь не давать им даже секунды на ответную стрельбу. Двигайтесь к особняку. Мак, Сорен, вы с ребятами идёте следом. Разбиваемся на маленькие группы — трое с щитами впереди, берёте пистолеты. За ними трое с винтовками. Поддерживаем друг друга огнём! Враг может использовать гранаты и гранатомёты, так что сохраняйте бдительность. Командир будет замыкать цепь. Медленно продвигаемся вперёд, не торопимся. Щиты понадобятся, когда дойдём до ворот. Тай, Киттер и Селен, останетесь здесь, возьмёте что-нибудь с оптикой, будете работать издалека. Ожидается тяжелое сопротивление. Если враг вдруг разобьёт наш строй, бросайтесь врассыпную, как можно дальше друг от друга. Мы

обязаны прорваться, всем всё ясно?

Штурмовики, спрятавшие лица за устрашающими масками с тусклыми багровыми линзами, кивнули. Дэниел кинул тоскливый взгляд на особняк.

К трёхэтажному зданию вела длинная, одинокая дорога, которую с обеих сторон зажимали жилые блоки. Каменная ограда высотой в два метра окружала всё имение Семьи Роско. Штурмовиков и особняк разделяла жалкая сотня метров. Но всё это расстояние прекрасно простреливалось. Даже за бронетранспортёрами, наступающие будут как мишени в тире.

— Дэниел, это я, — голос Кински прервал неприятные раздумья. Уехав к Кэрби, Роско бросил Реджи на произвол судьбы. Благо, новый заместитель не обиделся, а решил присоединиться к штурмовикам и ознакомиться с устройством Корпуса.

— Говори.

— Мы заняли позиции у запасных входов. Выкуривайте их.

— Понял, — Дэниел переключился на канализационный отряд. — Зимарк?

— Мы уже спустились, командир. Прикажете начинать.

— Вперёд.

— Дэниел? — в разговор врезался так хорошо знакомый голос. Роско чуть не затрясло от злости.

— Дядя? Чего ты вдруг решил со мной заговорить?

— Да вот, увидел, как твои умники у меня под окнами копошатся. Решил спросить — ты точно готов к драке? У тебя ещё есть шанс повернуть назад. Сбежать, поджав хвост между ног. И это не будет позором. Нет ничего постыдного в страхе.

— Не равняй меня по себе, дядя. Я не трус и не предатель. А вот ты продажная шкура первого класса. Ради чего всё это? Хотелось, чтобы король тебя полюбил? Ты никому не нужен. Даже если бы меня убили…

— Я никого не предавал! — вскричал Дэвид. — И ты до сих пор думаешь, что дело во власти?! Посмотри в зеркало, пацан! Посмотри, во что ты превратился! Может тогда поймёшь, почему я решил придушить твою жалкую душонку!

— Переговоры окончены, — холодно промолвил Дэниел. — Будут последние слова?

— Да. Гори в аду, отродье.

Окна особняка с треском распахнулись, и оттуда полезли дула винтовок.

— В укрытие! — заорал Дэниел и пригнулся. На них обрушился свинцовый шторм. Выстрелы перекрывали друг друга, захлёбывались в собственном грохоте, пытались оглушить и

обмануть. Штурмовики спрятались за бронетранспортёрами и на всякий случай выставили вперёд щиты, превратившись в живой бункер. Дэниел, пригибаясь, шёл в конце. Огненный дождь барабанил по броне транспорта, грозил вырвать щиты из рук штурмовиков, но те держались с завидной стойкостью. Заухали орудия бронетранспортёров. Целое крыло особняка разлетелось, а затем просело под собственным весом, разорванное снарядами.

Раздался стрёкот — по штурмовикам заработали пулемёты. Тем временем бронетранспортёры переключились с гранатомётов на крупнокалиберные орудия. Бзыкающие трассы поражали защитников особняка, но на место павших прибывали новые.

Бронетранспортёры двигались не спеша, чтобы бойцы не отстали. Как только штурмовики прошли половину пути, Дэниел заорал:

— Зимарк, хрена ли ты копошишься?

— Почти всё готово, командир! Через минуту отрубим электричество!

— Слишком долго! — крикнул Роско.

— Сэр, здесь что-то не так. Мне кажется…

Сержант не договорил — его прервал невыносимый грохот взрыва, от которого Дэниел чуть не оглох. Асфальт будто взбугрился под ногами, пытаясь сбросить с себя бойцов. Роско пригнулся ещё сильнее, стараясь не упасть. Штурмовики пошатнулись, чуть не разрушив строй.

— Всем держаться! — взревел Дэниел. Окна особняка потухли — но какой ценой? У них было всего десять минут до включения запасных генераторов. Оставалось их использовать по максимуму.

— Сукины дети заминировали канализацию, — пробормотал Бром по личному каналу. — Надеюсь, в особняке не будет ловушек.

— Зимарка жалко, — произнёс Роско. — Я должен был догадаться, что Дэвид всё предусмотрит.

— Он выполнил свой долг, — ответил молодой лейтенант. — Надо двигаться как можно быстрее.

Дэниел удивился такому бездушию. Но некогда было раздумывать — защитники дяди продолжали осыпать штурмовиков свинцом. Бронетранспортёры поддали газу, почти вплотную приблизившись к воротам. Прошла пара минут, а особняк уже превратился в руины.

Без труда смяв ограду, боевые машины сдали назад, не прекращая выжигать бойцов Дэвида точными выстрелами. Штурмовики плотнее сомкнули щиты и затопали по лужайке к входу. Странно, но мин и растяжек поблизости не виднелось.

Стрелки из окон уже не могли достать штурмовиков — те приблизились вплотную и не стеснялись отвечать пальбой. Даже сквозь фильтры маски, Дэниел чувствовал запахи гари и палёного мяса. Он окинул взглядом осыпавшееся крыло и с удивлением рассмотрел разношёрстно одетые трупы.

— Это точно не наши гвардейцы, — передал он Брому. Лейтенант не ответил. «Что-то не так», — подумал Дэниел. Рядом лежала оторванная рука. Присмотревшись к ней, Дэниел понял, что узнаёт перстень. Он принадлежал Гвидо, старому повару, который когда-то днями и ночами копошился на кухне, пытаясь угодить утончённому вкусу отца. Когда до Роско дошло произошедшее, было уже слишком поздно.

За спиной раздалось несколько громких хлопков, и через секунду Дэниел уже лежал на асфальте, сбитый взрывной волной. В голове будто застучал целый взвод барабанщиков. Бронетранспортёры пылали, перекрыв выход. Ловушка захлопнулась.

На крышах жилых блоков мелькнули тени с гранатомётами. Дэвид обвёл племянника вокруг пальца. Дэниел даже без труда представил себе, как всё произошло — достаточно было убедить или заставить прислугу взять в руки оружие, чтобы отвлечь внимание штурмовиков. А дальше оставалось только дождаться, когда они зайдут слишком далеко — и отрезать путь назад.

«Браво, сукин ты сын», — подумал Дэниел, поднимаясь на ноги. Если бы не маски, Роско готов был бы поклясться, что бойцы завороженно смотрят на пылающие остовы. Но огонь ненависти в его душе горел намного сильнее.

«Ты превратил меня в убийцу невинных людей, дядя. Вот уж этого я тебе точно не прощу».

— Собраться! — крикнул он. — Мы ещё не закончили!

— Сомкнуть ряды. Выступаем дальше! — заорал Бром. Он уже копошился у входа, цепляя взрывпакеты. Как только всё было готово, штурмовики выстроились в клин. Бойцы Дэвида не стали добивать штурмовиков, видимо, решив ещё чуток поиграть. Что же, тем хуже для них.

Взрыв разнёс двери в щепки, превратив вход в огромную рану на лице особняка. Не успели сделать штурмовики и шага, как солдаты дяди изрыгнули всё, что у них было.

«Ещё есть шанс, — билась мысль в голове Дэниела, пока они медленно входили в огромный холл. — У нас ещё есть щиты».

Тут из-за баррикад раздался гулкий треск. Штурмовик, стоявший впереди, завалился на пол с рваной раной в груди. Пуля пробила его насквозь вместе со щитом. Дэниел, сам того не осознавая, ускорился.

Мир начал шамкать, как старый актёр, в очередной раз забывший слова роли.

Строй развалился мгновенно. Плотным огнём снесло ещё нескольких бойцов. Пули разрывали плоть, делая в ней огромные дыры. Тела отлетали, будто их толкал невидимый кулак. Дэниел двигался быстро, но пули оказывались быстрее.

«Бронебойное оружие? Но откуда? Его ведь нет даже у короля!»

Дэниел схватил упавший на пол щит и прикрылся им, рыская глазами. За баррикадами он насчитал не больше дюжины противников. Штурмовиков было больше, но это не имело никакого значения в таком узком холле. Один из солдат Дэвида держал в руках винтовку с длинным стволом и оптическим прицелом. «Вот ты где».

Дэниел вскинул отцовский пистолет. На экране появилось перекрестье, показывающее, куда целится ствол. В несколько точных выстрелов Роско устранил главную опасность. Сердце предупреждало: ещё чуть-чуть и оно просто взорвётся от напряжения. Стиснув зубы, Дэниел выхватил гранату, установил детонацию при контакте и бросил противникам. Укрывшихся за баррикадой разметало взрывом. Во все стороны полетели осколки, окровавленные лоскуты и кусочки плоти.

Не замедляясь, Дэниел бросился вперёд, вкладывая в каждый шаг всю злобу, на которую был способен. Удары сердца отдавались болью по всему телу, заставляли искусственные органы ныть всё сильнее. Имплантаты надрывались, впрыскивая стимуляторы.

Карающим мечом Дэниел ворвался в остатки строя врага. После гранаты бойцы Дэвида оказались неспособны к сопротивлению, но всё ещё трепыхались. Один поднял на Дэниела разбитую винтовку, и Королевское Правосудие ударил солдата щитом. Противник пал в ноги Дэниелу, его лицо стало испуганным, молящим прощения.

— Сукин сын! — заревел Роско и занёс щит над головой. Через секунду голову солдата раздробило мощнейшим ударом, череп сложился карточным домиком, а наружу полетели кусочки костей и мозга. Дэниел продолжал бить, пока под ногами не захлюпала одна лишь кровавая кашица. Только тогда он позволил себе замедлиться.

Штурмовики осели на пол, силясь понять, что произошло.

— На ноги! Не сдаваться! Вперёд! — подначивал солдат Бром. «Надо отдать должное, командир из него лучше, чем из меня», — подумал Дэниел. Штурмовики собрали щиты и восстановили строй.

Имплантаты перекачали тело стимуляторами, и теперь Дэниела била мелкая дрожь. Язык метался во рту, барабаня с внутренней стороны по зубам, пытаясь вырваться наружу и облизнуть пересохшие губы. Взгляд затуманила алая пелена, сердце стучало короткими очередями — то быстрее, то медленнее.

— Шевелись! — рявкнул он, надевая щит на руку. У него не осталось никакого желания следовать тактике или стратегии — он жаждал убивать или быть убитым.

Стоило штурмовикам сомкнуть ряды, как он толкнул дверь и вышел в зал с лестницами, уходящими из середины в противоположные стороны. Идеальное место для засады. Засевшие на балкончиках солдаты открыли огонь из пулемётов и винтовок — Дэниелу лишь оставалось загородиться щитом и надеяться, что у врага больше нет крупнокалиберного оружия. Его надежды испарились, стоило ему увидеть блеск оптики.

Из-за спины раздались щелчки, и несколько бойцов Дэвида попадали с рваными ранами. Пока Роско отвлекал огонь на себя, штурмовики выгадали момент для обстрела.

Ухнул крупный калибр, и Дэниел ускорился. Бросившись в сторону, он выхватил пистолет и одним точным выстрелом снял снайпера. Невидимый кулак треснул прямо по лбу, да так, что голова дёрнулась назад — пуля попала в шлем-маску и отрикошетила. Ещё град попаданий пришёлся на торс, бросив Дэниела на пол, но чудный комбинезон выдержал. Боль от пуль напоминала удары кувалдой. Роско лишь кровожадно улыбнулся.

Солдаты дяди, увидев, что бесполезно выцеливать Дэниела, запаниковали и начали отступать. Потеря снайпера дезориентировала их сильнее, чем ожидалось. Штурмовики с воем рванули вперёд, еле сохраняя строй.

— Теперь видишь, зачем нам комбинезоны? — спросил Бром, поднимая Дэниела с пола.

— Ещё бы, — прохрипел Роско, пытаясь вдохнуть. Дэниел начал привыкать к боли — она становилась топливом для его холодной ярости.

«Они могли использовать взрывчатку, могли палить по нам из ручных гранатомётов — но не стали. Похоже, дядя хочет сохранить особняк в целости…»

Штурмовики поднялись по лестницам и начали выдавливать бойцов Дэвида. В глубине дома гремели выстрелы.

— Что это? — с подозрением спросил Бром.

Включился коммуникатор в шлеме:

— Мы пошли на штурм чёрного входа! — доложил Кински. — Встретимся внутри!

— Какой инициативный, — буркнул Роско.

Подхватив упавший щит, Королевское Правосудие бросился за подчинёнными. Его бойцы двигались по двум параллельным коридорам, подавляя противника, заставляя его отступать всё глубже и глубже. Дэниел выбрал лестницу налево.

Баррикада держалась совсем недолго — штурмовики закидали защитников особняка гранатами. Взрывами солдат разметало по полу и стенам.

Врубились запасные генераторы, включился свет. Переступая через трупы, Дэниел наткнулся на знакомое тело. Боец всё ещё был жив.

Каскив Серембеш, телохранитель, пытавшийся прикрыть его на королевском балу. Так быстро поплатившийся за свою прыткость. Дэниел и не знал, что мальчишка поправился. Незавидная у него вышла судьба: быть убитым тем, кого пытался спасти.

— Кто вы? — протянул Серембеш, пялясь на укрытого маской Дэниела. Лицо телохранителя побледнело. Торс юноши нашпиговали осколки гранат, и бедолага активно истекал кровью. — Напали… без предупреждения… ублюдки. Уроды… Если бы Дэвид не сказал…

Роско покачал головой. Быть того не может. Бром говорил, что всем должно было прийти сообщение. Что все, кто хотел, могли уйти. Дэниел стянул с руки умирающего телохранителя коммуникатор и проверил почту.

Пустота. Там были письма из спортивной рассылки, результаты договорных матчей, поздравления от мамы и сестёр из Приюта с назначением на такую высокую должность. «Роско — одна из лучших Семей. Они так хорошо относятся к солдатам! Мы рады, что ты попал именно к ним!»

Серембеш, не дождавшись ответа, оскалился.

— Сгори в аду, — прошептал он и испустил дух. Будто ждал кого-то, чтобы выговориться.

Дэниел не мог сдвинуться с места. Все эти солдаты, вся прислуга — они свято верили, что подверглись удару исподтишка, что это очередная Война Домов. Они даже не знали о преступлениях дяди, до конца исполняя долг перед Семьёй Роско.

Дэниел стиснул руку в кулак. Штурмовики ушли далеко вперёд. «Надо остановить это безумие!»

Он включил коммуникатор:

— Всем группам, говорит командир! Немедленно прекратите огонь и отступайте! Повторяю…

Кто-то схватил его за плечо, и Дэниел резко обернулся. Рядом

стоял лейтенант Бром.

— Что вы делаете? — прошептал он.

— Ты мне солгал?! — прошипел Роско, хватая лейтенанта за шиворот.

— О чём вы? — в голосе Брома не слышалось испуга, лишь любопытство.

— Ты не разослал сообщение!

— Сэр, я готов поклясться на Божьем Порядке, что предупредил их, — лейтенант наклонил голову. — Но есть возможность, что мои письма перехватили.

— Проклятье! — в сердцах заорал Дэниел. Вина чёрной рекой заполняла всё её существо. Казалось, в ней плавали тела ни в чём не повинных солдат, верных Дому Роско. Погибших ни за что.

— Трубишь отступление?

Дэниел поднял голову. В коридоре стоял Кински — Роско узнал друга только по росту и голосу. Он тоже оделся в комбинезон, а лицо скрыл шлемом-маской. Дыхание маленькими облачками вырывалось из прорезей. Кровавые точки и борозды покрывали костюм Реджи — будто он на секунду заскочил в багровый душ и выскочил как ошпаренный. Зная друга, Дэниел с уверенностью мог сказать, что он расстреливал врагов чуть ли не в упор, наслаждаясь каждой смертью. Под покровом педантичности в Реджи скрывался агрессивный психопат, ищущий повода причинить боль. Мальчишка далеко пойдёт.

— Я хотел предупредить своих, что дядя — преступник, — сказал Дэниел. — Что у них есть выбор — уйти или остаться с ним. Но сообщение не дошло. Они даже не знали, с кем сражаются. Скольких мы уже вырезали?

— Всех, — ответил лейтенант. — Бойцы докладывают, что очистили библиотеку. Ваш дядя заперся в кабинете с несколькими солдатами. Пусть наши прорываются?

— Нет, — оборвал лейтенанта Дэниел. — Я должен поговорить с ним.

Он двинулся по коридорам, забитым трупами. Куда ни наступи, там лежало чьё-то тело, винтовка или гильза. Сломанные, искорёженные мертвецы отдалённо походили на знакомых Дэниелу бойцов, но он старался не всматриваться. Только так он может спасти остатки своего благоразумия.

Библиотеку усеивал плотный слой пыли и осыпавшейся штукатурки. От картин на стенах не осталось ничего, мастерски разукрашенные колонны превратились в масштабные карикатуры на зубочистки. Несколько штурмовиков пытались потушить начавшийся пожар. Ни одна полка не осталась целой, повсюду летали вырванные и простреляные страницы.

Родной дом превратился в руины.

Солдаты ждали Дэниела возле дверей личного кабинета дяди. На них изображалась псиная голова с перекрещенными мечами — герб Роско. Клинки обвивали шипастые стебли розы. «Символ связи с Лоренсами», — подумал Дэниел.

Прикрывшись щитом, он постучал в дверь, готовясь к бурану из пуль. Но оттуда послышался лишь сдавленный голос:

— Входи, дружище. Потолкуем.

— Это может быть ловушкой, — предупредил Бром.

— Должно быть, — признал Роско. Но ему уже было всё равно.

Он толкнул дверь. За перевёрнутым столом стоял дядя — худой, в десантных очках и чёрной куртке. Берет Дэвид засунул под погон. По углам расположились солдаты с угрюмыми лицами. Посреди кабинета валялись разряженные винтовки.

— Я сдаюсь, — сказал Дэвид. — При условии, что ты сохранишь моим бойцам жизнь.

— Ты заставил их сражаться против меня, — процедил Дэниел. — Как ты мог? Столько людей погибло зря…

— Не я их убил, а ты, — усмехнулся Дэвид. В линзах его очков отражался Дэниел — вытянутая, запакованная в комбинезон фигура с жутковатой маской. — Ты ведь не оставил нам выбора. Ты мог не приходить сюда. Ты мог прислать полицию. Ты мог предупредить слуг, что нападёшь. Но твоя гордость решила за тебя. Взяв шавок короля, ты решил сжечь собственный дом.

— Я ведь всех предупредил! — вскричал Дэниел. — Но кто-то перехватил сообщение!

Дядя нахмурился.

— Это был не я.

— Но почему ты сам не рассказал им правду?

— Какую?

— О том, что ты решил убить меня! — воскликнул Дэниел. — Ты, последний близкий мне человек! Вины на тебе столько же, сколько и на мне. Как, по-твоему, я должен был отреагировать?

Дядя засмеялся горьким смехом.

— Не как ребёнок, это уж точно.

Дэниел поник. Но дело есть дело.

— Бронебойные винтовки — откуда они у тебя?

— Какая тебе разница? В Старом Городе множество сил, пытающихся насолить королю. Так случилось, что наши цели совпали.

— Так значит, это не заговор и не переворот.

— Ни в коем случае. Я просто сделал всё возможное, чтобы

убить тебя. Власть меня никогда не интересовала.

— Всё возможное? Ты мог убить меня в любой момент. Но решил пойти сложным путём и устроить покушение во Дворце, прямо перед носом короля.

— Лжекороля. Ты же не считаешь человека, с которым разговариваешь, Карлом Лоренсом? Это фальшивка! И её нужно было подставить!

— Что ты несёшь, чёрт возьми?

— Ничего, ничего, — хихикнул Дэвид. — У короны остаются враги — и их ты пойдёшь искать, как маленький прилежный мальчик.

Дэниел сделал несколько быстрых шагов к дяде, но тот отпрянул, вынув боевой нож.

— Ты же сдался, — буркнул Дэниел.

— Если у тебя осталась хоть капелька чести, — сказал дядя, — ты дашь мне умереть с достоинством, в бою.

— Не всё ли равно, как ты встретишь конец? — злобно спросил Дэниел.

— Я предстану перед лицом Отца, — сказал дядя. — И там это уже будет иметь значение.

Дэниел сжал кулаки. «Будь по-твоему, ублюдок».

— Хорошо, — сказал он и вытащил саакский клинок. — Ты умрёшь от моей руки. Идём.

Они вышли в коридор, где штурмовики с недоумением уставились на происходящее. Но Бром кивнул бойцам, и они опустили винтовки. Дэниел с дядей вышли в главный зал, который давно никем не использовался. Когда-то здесь танцевали члены самых богатых Семей Синдиката. Теперь в зале танцевала лишь пыль, поднятая сапогами незваных гостей.

Штурмовики образовали большой круг — Бром явно хотел удостовериться, что Дэвид не выкинет каких-нибудь финтов. Дэниел лишь порадовался его предусмотрительности. Он жаждал поскорее закончить с этим нелепым делом. Среди штурмовиков затесался и Кински.

Племянник и дядя начали кружить друг против друга, зажав клинки. Дэниел хмурился, закусывал губу. Худой, напоминающий палочного человечка, Дэвид мягко улыбался, будто всю жизнь ждал этого момента. Наконец, Дэниел не выдержал и ускорился. Вмиг оказавшись возле дяди, он сделал выпад.

Его кинжал нащупал один лишь воздух. Дядя выгнулся назад так, будто в его теле не было ни одной косточки. Дэниел замедлился, экономя силы. Дэвид нанёс ответный удар, и младший Роско заблокировал его левым бронированным запястьем. Дядя продолжал тыкать ножом, избегая клинка

Дэниела, выгибаясь под немыслимыми углами. «Он как паук», — подумал Дэниел, пытаясь достать кинжалом лицо дяди. Дэвид легко уклонился, нагнув голову вперёд. Шея дяди хрустнула, но выдержала.

Сталь танцевала в воздухе, клинки пытались вкусить плоти. Дэвид бросился на племянника и своим ничтожным весом сумел повалить его на пол. Сев сверху, он с криками начал бить ножом по шлему.

Один, два, три удара.

Последний прорвал слой брони и оставил на коже царапину. Напрягшись, Дэниел скинул противника с себя, откатился в сторону и сорвал с головы шлем — порез посередине перекрывал весь вид. Дядя, поднявшись на ноги, довольно ухмыльнулся:

— Теперь ты мой.

С боевым кличем он кинулся на Дэниела, зажав нож в обеих руках. «Сейчас или никогда». Ускорившись, Дэниел отклонился в сторону, схватил левой рукой лицо дяди, а правой вонзил ему кинжал в шею.

Он ожидал потоков крови, бульканья и уничижительного взгляда. Но услышал:

— Ты думаешь, что сможешь убить меня этим, мальчик?!

Взяв руку Дэниела с кинжалом, дядя слегка напрягся и вытащил клинок. «Что за чертовщина?!»

Гаденько улыбаясь, Дэвид толкнул племянника и потянулся рукой за пазуху.

«Нет».

Всё происходило будто в замедленной съёмке. В руке Дэвида оказался пистолет. Ствол смотрел прямо на Дэниела. Вдалеке раздался выстрел, и лицо окатило волной жара.

Из-за стимуляторов и шока он даже не почувствовал боли — лишь лёгкий удар. Но где-то там, в глубине разума, сознание вопило от ярости, призывая к мщению. Его бросило на пол. Какую-то секунду Дэниел просто не мог понять, куда его ранило. Он лежал левой щекой на ковре, а под ухом было мокро. Тело ещё не вышло из режима ускорения. Всё казалось копией, снятой с копии другой копии. Рука потянулась к голове в поисках раны.

Левой половины его лица просто не стало. Вместо скулы пальцы нащупали воздух. Даже сквозь перчатку Дэниел почувствовал влажную, пульсирующую плоть. Глаз всё ещё видел, но толку от него не было никакого. Дэниел хотел кричать, но рот перестал слушаться.

Через него переступали чьи-то длинные ноги, свет загородила тьма. Слышался хруст, люди вопили от боли, гильзы мелодично отбивали танго смерти о мраморный пол. Дэниел

готов был поклясться, что где-то плачет ребёнок. Это плакал он сам.

Выстрелы продолжали щекотать слух. Проблемы стали далёкими, не нужными. «Стоит лишь на секунду всё отпустить — и настанет блаженство».

Как никогда смерть показалась необычайно сладкой. Дэниел даже удивился, почему так долго не хотел умирать.

Чьи-то руки подхватили его и потащили, далеко-далеко.

— Дэниел! Очнись!

Сознание прояснилось — а вместе с ним пришла боль. Невыносимая, жгучая, будто калёное железо или сотни иголок, как бессердечный зимний холод или сердце самой яркой звезды. Роско заорал, пытаясь выразить всё, что почувствовал — и ему стало легче. Имплантаты впрыснули ещё стимуляторов, механизмы откашлялись и снова начали свой непростой труд.

На периферии зрения виднелись кровавые ошметки, усеявшие комбинезон. То, что когда-то было его щекой, живописно растеклось по чёрной броне.

Рядом с Дэниелом хлопотал отрядный медик, делал уколы, покрывал рану заживляющим гелем, делал нечто вроде гипса. Роско хотел сказать «спасибо», но из горла вместо слов вырывались лишь всхлипывания и рык.

— Дэниел, тебе лучше остаться здесь, — предупредил Бром. — Твой дядя… это дьявол во плоти! Он убил нескольких наших ребят. Тебе опасно туда ходить. Нужно отступать. Сейчас же! Пожалуйста! Прикажи отступать!

В голосе штурмовика прорезалась паника. Но Роско оттолкнул лейтенанта и попытался подняться. Голова будто перестала держаться на плечах. Её катало из стороны в стороны как парус под порывами ветра.

«Главное, сынок, это не терять лица», — вспомнились слова отца. Дэниелу хотелось засмеяться. Отец столько говорил про наследие. Но пришёл Дэниел и разрушил семейное имение, загубил имя Роско, втоптал всё в грязь.

Он не мог сказать Брому, что нормально себя чувствует. Левый глаз окончательно вытек. Плевать. Пострадавшую сторону лица покрывала плотная, крепкая плёнка. Воевать он может, а это главное.

Лейтенант не стал его провожать. Дэниел слышал его шёпот — Бром молился Освободителю. Он просил быстрого избавления от боли, лёгкой смерти, молил пощадить его душу. Роско усмехнулся. Он больше не боялся смерти. Он приветствовал её, как давнюю любовницу.

Снова не было света — что-то случилось с генераторами.

«Темнота не так уж и плоха — все мы из неё вышли».

Он плутал по коридорам, пока не услышал:

— Дэнни! Я иду за тобой!

Тьма сгущалась вокруг, красок становилось всё меньше и меньше. Дэниел рассмотрел разорванные на части трупы штурмовиков. Они отступали, пытаясь прикрыть тело командира. Дэвид настиг их, а затем ушёл дальше, добивать других. Оставив племянника напоследок.

Дэниел, опираясь на стенку, хромал вперёд, стараясь не думать о боли: такой красной, цветущей, пахнущей мясом, мухами и дерьмом. Стены становились всё уже и уже, будто склоняясь к уху, пытаясь нашептать ему, кем он стал.

— Я здесь, старый ублюдок! — взревел Дэниел. Крик распустился алыми корнями по пострадавшей стороне лица, начал пульсировать, разрывать всё на осколки. Роско захрипел. Правая рука дрожала, будто напитываясь его ненавистью. Ладонь вспотела. Дэниел в сердцах сорвал перчатку и кинул её в сторону. Пальцы покраснели и начали дымиться.

— Вот ты где, — раздалось за спиной. — Крестовый поход детей! Что, у короля не оказалось никого сильнее, чтобы убить меня? Я оскорблён.

Дэниел обернулся. Перед ним стоял дядя — абсолютно нагой и покрытый кровью. Кости выпирали из-под натянутой кожи, туннели глазниц истекали багровыми реками. Дэвид усмехнулся и упал на четвереньки. Всё его тело скривилось, будто его били молотами. Конечности торчали под непривычными углами, ломались и срастались прямо на глазах. Настоящий паук-кровосос, питающийся людскими душами.

«Это конец».

У Дэниела не хватало сил даже взмахнуть клинком, когда дядя набросился на него. Худая, переполненная костями туша сбила его с ног. Всё, что младший Роско смог сделать — так это поднять руку.

И слух его пронзил полный страданий крик. Правая ладонь, коснувшись лица Дэвида, сожгла кожу. Дядя отпрянул в сторону, покатился по полу, начал биться в конвульсиях.

— Боже! Боже! — ревел он, хватаясь за щёку. Дэниел поднялся на ноги. Рванув к Дэвиду, он прижал его коленом к полу и схватил рукой за лицо. Его носа коснулся запах горящей плоти. Кожа дяди растаяла как воск под его ладонью — ткань расползлась, мышцы начали свариваться, оставляя голый череп. Но даже в таком состоянии он продолжал вопить.

— Это тебе за мою жизнь, говнюк! — заорал Дэниел, продолжая давить правой ладонью. Паукообразная тварь, бывшая

его дядей, пыталась вырваться, сучила конечностями, но Роско не отпускал. Когда вонь палёного мяса стала невыносимой, существо вдруг замерло. Дэниел отнял руку. Лицо Дэвида разложилось, но он всё ещё дышал. «Пора с этим кончать».

Он вытащил пистолет отца, который столько раз уже помог ему сегодня. Осталось три патрона. Два в тело, один в голову.

— Дэниел! — раздалось за спиной. Роско лениво обернулся. По коридору хромал Кински с несколькими штурмовиками. Его комбинезон был разорван в десятке мест, шлем раскололся, но сам Реджи был жив. Вскрывшаяся маска обнажила выпученные аугментированные глаза и страшные ожоги кадета. Бойцы под командованием Кински, хоть и потрёпанные, выглядели намного лучше.

— Он не убил тебя, — прошептал Дэниел. Реджи помотал головой.

— Мы… мы сумели его прогнать. Он боится распятий.

— Что?

— Так точно, сэр, — произнёс один из штурмовиков и вытащил маленький крестик на цепочке из-под костюма. — Он разодрал голыми руками одного нашего, но задел его амулет. Похоже, они причиняют ему боль. Я вытащил свой и отпугнул его.

— Плевать, — ответил Дэниел. — Сейчас всё будет кончено. Раз и навсегда.

— Постой, — произнёс Реджи. — Ты хочешь убить его?

— Его?! — заорал Дэниел. — Да ты посмотри на эту дрянь! Он не человек! Я вообще не знаю, что он такое! И ты хочешь оставить его в живых?!

— Послушай, если ты убьёшь его, то все, абсолютно все поставят на тебе крест. Вся эта операция… мы можем представить так, будто мы хотели взять Дэвида живым. Мы представим доказательства общественности. Нельзя, чтобы ты в глазах Семей стал полным чудовищем.

— А что ты предлагаешь? — цыкнул Роско. — Ты думаешь, что сможешь его усмирить? Сможешь увести его, арестовать?

— Легко, — Кински взял у штурмовика распятие и надел его на шею существа, бывшего Дэвидом. Тварь дёрнулась и затихла, мерно дыша и поскуливая. — Принесите наручники, верёвки, что угодно! И кто-нибудь, будьте добры, распечатайте на утилизаторах хороший, крепкий гроб!

— Ты собираешься увезти его? Реджи, мать твою, что ты творишь?! — крикнул Дэниел.

— Мы должны изучить его, — ответил Кински. В его аугментических глазах загорелось что-то, отдалённо похожее на надежду. А может Дэниел уже сошёл с ума. — Кем бы он ни был,

мы должны понять противника. А убив, ты ничего не добьёшься.

— Но все погибшие…

— …так и останутся мёртвыми. Дэниел, эта тварь… если мы отдадим её на фабрику Гефеста, кто знает, что мы сможем выяснить?

Дэниел вдохнул воздух через зубы.

— Он на твоей совести, Реджи. Если что-то пойдёт не так, будь готов нести ответственность. Если ещё будешь жив.

Кински кивнул.

— И… спасибо, — добавил Дэниел.

— Ещё кое-что, — сказал Реджи. — В той комнате остались солдаты. Последние очевидцы произошедшего. Что прикажешь с ними делать?

Роско тяжело вздохнул. Тяжёлый выдался денёк. Он смотрел на тварь, которую связывали штурмовики. Нечто, всё это время бывшее его дядей. Правая рука больше не горела и стала такой же, как раньше. Дэниел перестал понимать, что вообще происходило вокруг него. Как плот, несущийся по течению реки, он лишь подчинялся потоку. Его несло по порогам, било о камни, выносило на берег. Но он снова и снова продолжал бросаться обратно.

Он сжёг свой дом, чуть не убил последнего живого родственника и перебил всех, кто когда-то служил его Семье. Имя Роско больше ничего не значит. Зато всё ещё имеет значение его власть, как Королевского Правосудия. Он поклялся себе, что будет защищать систему до конца. Инцидент с Дэвидом стал делом личным и неприятным — таким, из которого не выберешься, не запачкав рук. Но даже он был частью общей мозаики. Где-то там продолжали смотреть на Старый Город заговорщики. Продолжали ждать, когда он сделает ошибку. Кто-то перехватил его письмо и сделал убийцей невинных.

Как ни подкупай выживших, они разболтают, что произошло в особняке.

— В расход их, — приказал Дэниел. — Бром, как всё закончится, собирай людей. Мы возвращаемся во Дворец.

* * *

Новое лицо ничуть не отличалось от старого — но тёмный шрам, разделяющий искусственную часть от настоящей, виднелся даже невооруженным глазом. Медики заверяли его, что он исчезнет, как и штрих-код под левым оком. «Нам нужен номер протеза, если он плохо приживётся, потерпите, пожалуйста! Вы

слишком торопитесь! За один день всё не встанет на свои места!»

Дэниел не желал слушать оправданий. Шрам напоминал трещину: будто его лицо взяло и решило расколоться сильнее хозяина. Роско погладил новую щёку, почувствовал прикосновение пальцев. «Всё могло быть намного хуже». Да куда уж хуже?

Он двигался по коридорам Дворца. Шёл к королю, чтобы затребовать объяснений. Прямо у дверей Тронного Зала его ждала Кэрби.

— Твоё лицо… бедный мой, бедный, — прошептала она. Дэниел кивнул.

— Не стоило приезжать.

— Тебе больно. Тебе нужен кто-то рядом.

— Уже нет, мисс Адамс, — произнёс Роско, поставив ударение на «мисс». Взгляд Кэрби стал очень сосредоточенным.

— Думаешь, ты теперь сможешь разорвать брак? Просто воспользовавшись мной, достигнув своей цели?

— Я не верю тебе, — прохрипел Дэниел. — Это ведь король подослал тебя?

Щёки Кэрби вспыхнули. Роско ожидал взрыва, но девушка опустила взгляд.

— Поговорим дома, — сухо произнесла она и ушла.

Тронный зал встретил Дэниела приятной прохладой и запахами изысканных вин. Но Дэниелу оказалось важнее другое: в помещении не было людей. Почти.

Король стоял у подножия трона, держа руки за спиной. Рядом с ним расшаркивался юноша в форме Военной Академии. Дэниел мгновенно узнал его по светлым вихрам и бакенбардам.

— Грегори, — прохрипел он. — Не ожидал тебя здесь увидеть.

Младший брат Сабрины, который не разделил позора сестры и не отправился в Приют, в отличие от Лиз. Дэниел не питал к Грегори неприязни, напротив, третьекурсник ему всегда нравился. Его легкомысленное раздолбайство всегда оттеняло иногда излишнюю серьёзность любимой.

Но сейчас видеть его с королём, рядом у трона, причиняло боль. Но Дэниел к ней привык. К тому же, лицо болело намного сильнее.

— Дэниел? Господи, сколько лет, сколько зим?! — Грегори подбежал к Дэниелу и крепко обнял. Всегда искренний, всегда непосредственный.

— Всего две недели, — прохрипел Роско в ответ. Шестнадцать дней — а прошла будто вечность. Его изломали, раздавили, разорвали на мелкие кусочки и собрали заново. Он не

чувствовал себя Дэниелом Роско. Кто-то другой занял его место, но забыл сказать, кто.

— Что с твоим лицом?

— Шальная пуля. Бывает. Зато теперь я по душе дамам, предпочитающим шрамы.

— Проклятье. Сочувствую, — Грегори выдавил жалкую улыбку. — Зато теперь у меня есть шанс блеснуть своей женственной красотой.

— Смотри не надорвись. Лучше скажи, какими ты здесь судьбами?

Грегори погладил бакенбарды. Для пятнадцати лет росли они просто шикарно — Дэниел никогда не мог похвастаться такими.

— Меня вызвал дедушка. Сказал, что пора учиться умению править — в Академии такого не расскажут. В общем, какое-то время придётся торчать здесь, — Грегори бросил быстрый взгляд назад. — Что известно про Сабрину?

— Сейчас узнаю.

— Грегори, будь так добр, — промурлыкал король, — оставь нас одних.

Принц похлопал Дэниела по плечу и ретировался. В зале словно стало на несколько градусов холоднее с его уходом.

— Как твои успехи, Дэниел?

— Вы ведь знали всё с самого начала, не так ли? — выдавил Роско. — Про Тореса, про моего дядю. Кэрби сказала мне, что заметила всё намного раньше. Но вы ничего не предприняли. Почему?

Карл обернулся. Никогда ещё Дэниел не видел человека, настолько довольного собой.

— Так всё-таки ты понял, — сказал король. — Да, я знал обо всём. Но я не хотел просто так тыкать пальцами. Ты бы начал противиться. Я знаю, как ты ко мне относишься, Дэниел, потому и дал некоторую свободу действий. До всего ты должен был дойти сам.

— Дэвид решил устранить меня. Но не просто так, а при всём дворе. Дискредитировать вас, заполучить отличный повод для недовольства, а может даже и давления. Ему помогли Торесы, выступившие в качестве посредников. Но покушение провалилось.

— Отлично, — кивнул король. Он казался преподавателем, любующимся способным учеником, так грамотно отвечающим задание.

Дэниел поскрёб протез, закрывший пострадавшую часть лица. Чесалась она неимоверно. Но Карла это будто и не смущало. Его интересовали результаты, а не то, каких усилий стоило их достичь.

— Одно лишь в голове у меня не укладывалось, — пробормотал Дэниел. — Дядя сказал, что решил убить меня после клиники. У него было три дня, чтобы найти убийц, а затем дать им время на пластическую операцию. Но на такие вещи обычно уходит время. Больше трёх дней. Вы же утверждали, что убийцы поменяли внешность — замаскировались под других бойцов Королевской гвардии. Вы солгали.

Карл засмеялся долгим и протяжным смехом, с таким искренним энтузиазмом, что из глаз полились слёзы. Утерев их, король похлопал:

— Браво, браво. Ты раскусил меня.

— Вы перекупили наёмников, — продолжил Дэниел. — Сказали им, что нельзя меня убивать — нужно лишь припугнуть. Пообещали горы налички. Пригрозили смертью родных — неважно, как вы на них надавили. Главное, что им расхотелось меня убивать. Им нужно было лишь сымитировать покушение, чтобы отработать чек, выданный дядей и Торесами. А вы, тем временем, привели Клэя, который сделал всю грязную работу. Концы в воду, никто ничего не знает, а я сам даюсь в ваши руки. Потому что теперь для меня дело не только в Сабрине. Меня пытались убить, и просто так этого я не намерен оставлять. В итоге, я предлагаю обмен, который выгоднее вам, чем мне. Вы просто сплавляете мне кучку неопытных бойцов, да фальшивые привилегии, которые можно отменить в любой момент. Зато сколько всего получаете вы! Одно только устранение Дэвида чего стоит. Да и правда о случившемся с моим отрядом не даёт никому покоя. Вся грязная работа, все шишки — всё это достаётся мне, пока вы стоите в стороне и делаете доброжелательный вид. Что же, отлично сыграно. Я польщён вашим вниманием.

— Хорошая речь, — заметил король, чуть наклонившись к Роско. — Но не совсем правдивая. Знаешь, Дэниел, ты и правда нужен мне больше, чем я тебе. Но не по тем причинам, по которым ты думал. Посмотри.

Карл активировал коммуникатор и отправил Дэниелу пакет данных. У Роско перехватило дыхание, стоило ему увидеть снимки.

— Не может этого быть.

— Ещё как может, — сказал Карл, нахмурившись. — Ты думаешь, ты один такой? В день вторжения несколько наших отрядов погибли от рук неизвестного противника. Стрелки таким оружием не обладали, это я знаю точно. Кроме тебя выжил только один рядовой. Он сказал, что по его сослуживцам вдруг начинали стрелять прямо из пустого воздуха. Они не видели противника, Дэниел.

Король сверкнул глазами.

— А ты видел.

Роско пытался понять, что же случилось — и всё никак не мог расставить слова Карла по полочкам. Король продолжил:

— Я не дурак. Я прекрасно знаю, что происходит. Но хочу, чтобы ты мне рассказал.

Дэниел кашлянул.

— Эдем… воюет сам с собой, — произнёс он. — Двое Стражей дрались во время наступления Стрелков. Сцепились прямо над моим отрядом. Им было плевать на нас. Они стреляли, резали друг друга, метали ракеты. Все погибли, а я остался в живых. Не знаю только, как. Но мои бойцы видели врага. Они даже пытались ранить Стражей, но им всё было нипочём. Один уничтожил второго, а затем увидел меня.

Роско вытащил из ножен саакский кинжал:

— И я убил его вот этим.

Король мягко взял клинок и повертел его в руках:

— Сааксцы убивали Стражей такими во время войны. Ангелочков ничто не могло ранить. А синегубые смогли. Похоже, клинки парализуют Стражей. Скажи, он ведь замер, когда увидел тебя?

Дэниел кивнул. Лицо Карла стало серым:

— Имея сотню таких, мы могли бы…

Он отвернулся и начал теребить бороду:

— Дэниел, скажи-ка одну вещь… Страж успел тебя ранить?

— Да, — прошептал Роско. — Отрубил правую руку.

— Но тебя ведь нашли с ней?

Король бросил бритвенно-острый взгляд на Дэниела:

— Как ты думаешь, из чего она состоит?

— Я догадываюсь, — бросил Роско. Он вспомнил слова Корвуса: «Берегите моего бойца».

— Но мёртвых Стражей было двое. А значит, ты впитал не одного, а обоих. С разных сторон баррикад. Я думаю, что всё дело в кинжале. Они заинтересовались тобой, Дэниел.

«Вот почему рука так болит, — пронеслось в голове Роско, — даже после смерти они продолжают бороться».

— Ты должен понимать, — произнёс король. — Эдем обманул нас. Нам обещали вечное блаженство, но на деле мы получили вечную тюрьму. Мы в полусне, вечно окружённые безмолвными и невидимыми соглядатаями. Какое, к чёрту, бессмертие, если наш собственный дом служит территорией постоянной войны?

— Вы не боитесь, что Эдем узнает о вашем недовольстве? — спросил Роско.

— Эдем знает всё. Но если играть по правилам, то нам ничего

не сделают. Мы можем убивать людей в Приютах, душить детей, узаконивать любой беспредел — до тех пор, пока мы соблюдаем рамки, Эдем будет сидеть сложа руки. Мне кажется, что Освободителю нравится, когда всё выходит из-под контроля, и мы убиваем друг друга.

— Так что вы хотите?

— Перенести войну на их территорию, — выдохнул Карл. — Если мы начнём видеть Стражей, то сможем с ними справляться. Поэтому мне так нужен был ты. Знаешь, Роско, мне ведь с тобой очень повезло. Ты ведь хотел в Эдем, не так ли? Ты жаждал бессмертия. Мы можем отобрать его. Не будет больше расслоения на тех, кто заслуживает рая, и кто остаётся здесь. Каждый получит то, что заслужил. Они ведь держат нас в клетке, как крыс, как эксперимент. Пора уже показать, что нам не нравится положение дел.

— Но если Синдикат взбунтуется, то всему конец, — возразил Роско. — Старый Город уничтожат.

— А кто сказал, что должны бунтовать мы? — хитро улыбнулся Карл. — Стрелки — вот наше орудие.

— Кажется, я понимаю, — нахмурился Дэниел. — Вы думаете, получится?

— Я верю, что люди созданы для большего. Наш с тобой долг перед Старым Городом — уничтожить Эдем и улучшить человечество. Ты готов помочь?

Дэниел замешкался. У него оставался только один вопрос, который не давал покоя:

— Кэрби. Я вспомнил, что она была в доме моей тётки, давным-давно. Но она ваш агент, не так ли?

— Ты ей не веришь? — резко ответил король. — Она раскрыла заговор Торесов и твоего дяди. Кэрби — моя главная линия защиты, которая по потокам данных может предотвратить инцидент в зародыше. Она один из моих самых ценных кадров. Как и ты теперь. Но она свободный человек и вольна делать то, что заблагорассудится. Да, я прислал её, чтобы она подтолкнула тебя в правильном направлении. Но выйти замуж Кэрби решила сам. Клянусь всем, что свято.

— Спасибо, — облегчённо вздохнул Роско. — Это… это было для меня действительно важно.

— Раз мы всё решили, скажи — ты сможешь стать моим сообщником? — спросил Карл.

Роско протянул пульсирующую энергией правую руку:

— С радостью.

* * *

Он поехал проведать площадь Освобождения. Здесь погиб Джошуа. Роско погладил мемориальную доску и тяжело вздохнул.

— Я столько времени противился, отец. Но в итоге, ты всё-таки оказался прав. Извини меня, если сможешь. Я был не лучшим сыном, знаю. Но я постараюсь… я буду стараться изо всех сил сделать нас всех лучше. Обещаю.

Статуя Освободителя осыпала его золотом. Казалось, в воздухе зависли маленькие пылинки, отражающие свет. Жилые блоки подступали со всех сторон, душили лучи фальшивых солнц, падающие из-под потолка.

Паломники разошлись, оставив Дэниела в одиночестве. Он видел в их глазах страх, недоверие. Весть об уничтожении Дома Роско облетела весь Старый Город за часы. Слово «Стервятник» повторялось всё чаще и чаще, оно преследовало Дэниела, превращалось в его гнойный плащ. Кто-то из толпы, увидев Роско, крикнул:

— Ублюдок! — и тут же поторопился сбежать. Телохранители хотели догнать его, но Дэниел лишь махнул рукой. Слова его уже не ранят.

Где-то там, внутри Приюта была заперта Сабрина. Теперь, когда Дэвид ушёл со сцены, оставались Торесы — старый банковский дом, питавший давнюю неприязнь к Карлу. Король обещал разобраться с ними по-свойски — не без помощи Дэниела, конечно. Их время придёт, обязательно придёт. Как и тех уродов, что перехватили сообщение слугам Роско. «Теперь никто не уйдёт безнаказанным, — подумал Дэниел. — Ставки стали слишком высоки».

Рука продолжала пульсировать болью. Но Дэниел принимал её, делал частью себя. Распределял как воздух в лёгких, как мысли в мозгу.

Статуя Освободителя всё держала меч острием вверх. «На что же он всё время указывает?» Роско поднял взгляд, напряг глаза. И вздрогнул от ужаса.

Там, где секунду назад ничего не было, начал вырисовываться огромный когтистый палец. Присосавшийся к потолку, напоминавший копошащуюся гору мяса, он свисал вниз, мотался из стороны в сторону. И кричал от невыразимой боли.

Он состоял из сотен, тысяч извивающихся тел, ободранных, изувеченных до неузнаваемости, но, несомненно, человеческих. Рты корчились в безмолвном вопле, бескожая плоть тёрлась, высекая капли крови. Словно огромная живая гусеница, «палец» завис над статуей Освободителя. И вокруг него кружили Стражи, держа в руках свежие жертвы. Они складывали кричащих людей в пустоты, не оставляя ни одного миллиметра свободным. «Нет, не

палец. Это башня. И она растёт вниз».

Содрогаясь от отвращения, Дэниел огляделся. Твари Эдема были повсюду — на крышах, в воздухе, под светосферами. Они собирали со Старого Города кровавую жатву, несли тела со всех концов и скармливали «башне», что становилась с каждой секундой всё длиннее и длиннее.

Позади послышался шорох, и Дэниел обернулся. Миновав ощетинившихся оружием телохранителей, к нему подошёл священник. Роско вспомнил: вчера его чуть не задавил водитель. Святой отец поднял руки в примирительном жесте, его сморщенное лицо напоминало сжавшийся мяч.

— Дэниел Роско, — произнёс священник, — здравствуйте. Мы вчера случайно столкнулись. Точнее, ваш водитель чуть не столкнулся со мной.

— Я помню вас, — прохрипел Дэниел, пытаясь отогнать видение. Но оно не собиралось исчезать. Твари Эдема летали вокруг, шелестели своими стальными крыльями, кричали противными голосами. Роско огляделся — по всей площади Освобождения валялись искореженные тела Стражей. Конечно, их уже не было — они растаяли, превратились в дымку. Город просто проглотил их. Но он видел, сколько всего погибло, пока Стрелки боролись с Синдикатом. Стражи вели свою тайную войну — и вторжение Гильдии заставило противоборствующие лагери рая схлестнуться. Тысячи и тысячи их сталкивались, разрезали и расстреливали друг друга. Неудивительно, что несколько драк задели и людей.

«Если бы не саакский клинок, тела бы просто растворились… но они предпочли стать частью меня. Моя рука — плоть Эдема».

— Я слышал, вы человек, который так стремится к возвышению. В Эдем. Вы ведь знаете, что без сильной веры его не достичь? Меня зовут отец Валерио, и я хочу спросить вас: вы верите в Бога?

Дэниел уставился на святого отца слезящимся взглядом. Аугментическая нога старика покрылась чёрным цветом, превратилась в извивающуюся тварь с осклизлыми глазками. Роско поднял правую руку и увидел, как из неё начали лезть маленькие пёрышки. Поры рвались, взрывались капельками крови, выпуская наружу пушистые отростки. Волна тошноты подкатила к горлу. Роско пытался закрыть глаза, пытался перестать видеть.

Впервые Дэниел мир предстал перед ним таким, какой он есть.

— Верю ли я в Бога? — усмехнулся Роско, чувствуя, как слёзы ползут по щекам. Скверна росла в его груди, распирала всё его

существо. Фальшивые органы зашевелились и начали исторгать темноту. — Нет. Я верю, что его место занял дьявол.

* * *

— Сукин сын! — кричал гвардеец, зажимая разбитый нос и пытаясь подняться, но Реджи просто прошёл дальше, потирая кулаки. В очередной раз кое-кто его недооценил — и тут же поплатился.

Окружающие постоянно считали его ниже себя. Отбарабанив младшие классы в школе, он своими оценками утёр морду всем обидчикам, а затем эти же морды начистил кулаками. В Академии его пытались дразнить за неопрятность, но он был скор на язык, а на удары ещё скорее. Грязные волосы он носил как флаг, раздражая всех вокруг. Каждый раз, когда кто-то начинал возникать, Реджи тут же доказывал своё превосходство. И только над одним человеком он не мог подняться — Дэниелом Роско.

Дэниел был хуже во всём, но люди подчинялись ему, поклонялись, будто святому. Он завязывал знакомства и связи так непринуждённо, будто это было делом всей его жизни. Даже жёсткий и придирчивый Кирстен видел в Роско какой-то скрытый талант, которого Кински ну в упор не мог рассмотреть. И, пытаясь понять его, он попал в свиту Дэниела.

Вскоре он понял, в чём преимущество Роско — и его же проблема. Дэниел реально считал, что было бы лучше начать жизнь с чистого листа, где-нибудь в далёком Приюте, без имени и привилегий. Но он не знал, что это такое. Он не был на месте Реджи. Кински пробивал себе путь наверх с самого детства, и заявления Дэниела казались ему смехотворными. Но сейчас знакомство с Роско дало свои всходы.

К виду тронного зала Кински быстро привык. Его вообще в жизни мало что удивляло. Даже когда король лично позвонил ему и приказал помочь Дэниелу, Реджи лишь пожал плечами.

То, что произошло дальше, показалось делом более зловещим.

Король сидел на троне, закинув ногу за ногу и массируя виски. Вид у Карла Лоренса был весьма озабоченным.

— Как там Дэвид? — поинтересовался он таким тоном, будто его на самом деле вопрос не волновал.

— В отличном состоянии, сэр, — отрапортовал Кински. — На фабрике уже начали эксперименты. Говорят, что ничего подобного они ещё никогда не видели.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал король. Затем вдруг

воззрился на Реджи. — Скажи-ка, мальчик, ты думаешь, я поступил правильно?

Реджи вспомнил отца. «Сынок, что бы тебе ни сказал король, помни, каким трудом мы купили свободу. Никогда не забывай». Отец был в силке у Карла, задолжал ему жизнь, обменяв себя на безопасность своей молодой жены и сына. Но работа на корону не принесла ему особых плюсов. Лоренс, старый скряга, мог хотя бы расщедриться на большее, чем просто действующее гражданство.

— Я не смею вас осуждать, — заверил Кински. — Но ваши решения я считаю разумными. Дэниелу нужен хороший контроль — и я вам его обеспечу. Никому он так не доверяет, как мне. Но стоило ли присылать девицу? Мне кажется, это было несколько… излишне.

— Она сама вызвалась, — проворчал король. — Я не стал противиться. Даже будет лучше, если вы присмотрите за Дэниелом вдвоём.

— А зачем вы перехватили сообщение? Зачем вы позволили слугам остаться?

— Разве не очевидно? Благодаря этому Дэниел сам уничтожил Семью Роско. Без чужого вмешательства он станет податливее. Видишь ли, мальчик, Дэниел действительно мне нужен. Но его срок службы ограничен. Бедняга проклят, а на таком количестве аугментаций далеко не уедешь. Они со временем его сожрут, поэтому нужно проделать всё аккуратно.

— Сколько ему осталось?

— Год? Два? Десять лет? Кто же знает. Он быстрее сойдёт с ума, чем сгниёт от аугментаций. Поэтому нужно использовать его с умом. Оберегать от лишнего стресса. Не бойся брать на себя часть дел, мальчик. Когда-нибудь именно ты можешь занять место Дэниела.

— Прошу, только не приказывайте его убивать, — проворчал Кински. — В конце концов, он мне друг.

— Да, конечно, — усмехнулся король. — Что же, ступай с миром, Реджинальд. У нас ещё очень много работы.

16. Судный день

«И последние будут первыми, и первые последними…»

Божий Порядок, послание от Симона, глава двадцатая, стих шестнадцатый

1 декабря, 541 год после Освобождения

— Кажется, я влюбилась, — произнесла Елизавета. Сабрина лишь сильнее прижала сестру к себе, пытаясь не расплакаться. Старшая дочь Аноры уже сгрызла ногти на указательном и среднем пальцах и теперь принялась за безымянный.

Елизавета потянулась и зевнула. На ней сидела аккуратная школьная форма — бежевый пиджак с тёмной клетчатой юбкой и нервущемися колготками. Сабрина забыла, каково одеваться во что-то, кроме рабочего комбинезона. Приют изменил её, подарив кучу дурных привычек. Она начала грызть ногти, хрустеть суставами, кусать костяшки и губы. На второй месяц она закурила, хотя раньше считала сигареты уделом неудачников. Принцесса и не заметила, как втянулась. Горячий, обжигающий дым напоминал ей, что страдания временны. В любой момент всё может стать намного лучше.

Однажды утром в зеркале Сабрина увидела морщины под глазами. Она так психанула, что обрезала у шеи волосы, которые как раз собирала перед работой. Теперь её голова походила на лохматую швабру, сколько бы она её ни мыла и ни приводила в порядок.

— Блин, почему я должна тебе говорить «не грызи ногти»? — отвлёк принцессу голос Лиз.

— Извини, — пробормотала Сабрина.

Они заперлись в кабинке для подключения к Сети — больше нигде не получалось остаться наедине. Вытянутый, покрытый серебристой краской корпус терминала напоминал каркас автомобиля, мягкие сиденья и панели данных внутри только добавляли сходства. Но стоило дверям закрыться и свету исчезнуть, как Сабрина чувствовала себя в гробу. Мигающие экраны рисовали разноцветные линии на лице младшей сестры. Елизавета рассказывала последние новости из школы, свернувшись калачиком и положив голову ей на колени. Истории

Лиз казались посланиями из другого мира: где всё хорошо, тепло, где все всех любят и самые большие проблемы не живут дольше недели. Сабрина знала, что ошибается. Для Елизаветы сейчас нет малых проблем. То, как Сабрина к ним отнесётся, укажет ей правильное направление в жизни. Она хотела быть чем-то больше, чем просто хорошей сестрой. Но заменить мать ей никогда уже не получится. К тому же, у неё просто заканчивалось терпение.

— Кто же твой избранник, солнышко?

— Его зовут Вильгельм, — прошептала Лиз. — Вильгельм Коул. Классное имя, да?

— Слышала и получше, — хмыкнула Сабрина. — Он старше тебя?

— Конечно нет! Ему тоже четырнадцать, учится на техника.

— И чем же он тебя так зацепил? — Сабрина еле сдержала вздох. Ноги начинали порядком затекать, но в тесной кабинке развернуться не получалось. Она с безразличием смотрела, как по экрану терминала бегут заголовки новостей — наверное, так выглядят капельки дождя на стекле. Как никогда ей захотелось вырваться наружу. Хорошо ли там или плохо — неважно. Хуже всё равно не будет.

— Ну, мы много времени проводили вместе. Он рассказывал о себе, о своём брате. Вилли тоже любит рисовать, — Лиз смущённо захихикала, — и, надо сказать, у него получается лучше меня. Он такой… настоящий, знаешь?

Сабрина вспомнила Дэниела — его руки, мягкую улыбку, дурацкие шутки. Едва подавив слёзы, принцесса погладила сестру по волосам. Рука сама потянулась в нагрудной карман за пачкой сигарет. Лиз перехватила ладонь и прижала к себе. Бледную кожу Сабрины испещряли шрамы и синяки — следы «заботы» охраны Приюта. Белые полоски остались от разрезов, сквозь которые вынули имплантаты. Она усмехнулась, подумав, что похожа на пятнистое дикое животное, жившее до Освобождения. Его ещё в детских книжках рисовали. «Как оно называлось? Лигр? Тигропад?»

— Они опять к тебе пристали? — грустно спросила Елизавета. Сабрина усмехнулась.

— Они меня больше не трогают. Это я до них докапываюсь.

— У нас в школьном корпусе тоже есть хулиганы. Всякие бритоголовые придурки, которые задирают кого попало. Но с ними всё понятно, а вот ты? Зачем ты постоянно ввязываешься в драки? Тебя ведь оставили в покое.

Сабрина не знала, что ответить. Зачем она делала это? Почему всё никак не могла успокоиться? Вся её сущность

превратилась в огромный чёрный комок неистребимой ярости, которая периодически выплёскивалась наружу. Она хотела причинять боль своим мучителям, прекрасно зная, что, в конце концов, ей надерут задницу. Сабрина готова была в одиночку броситься на дюжину стражников, чтобы побить хотя бы парочку. Поначалу, они её не жалели. Однажды даже отправили в Медцентр на три недели — вывихнули несколько костей, ещё парочку сломали, разбили лицо, превратив его в кровавую подушку, и так намяли бока, что она потом кровью писала. Но что-то изменилось, будто Торес приказал страже не трогать принцессу. Теперь охранники даже не распечатывали дубинок, предпочитая бить Сабрину голыми руками. Она не жаловалась. В конце концов, она же первой начинала.

Всё это было обычным результатом несдержанности. Сабрина рассмотрела сбитые костяшки на правой руке. Драки покажутся детскими шалостями по сравнению с тем, что она запланировала.

Сможет ли Дэниел простить её после этого? Она не знала. Скорее всего, он разорвёт с ней все связи. Но разве у Сабрины был выбор?

— Лучше расскажи ещё про своего мальчика, — попросила принцесса Елизавету.

— Вечно ты от темы уходишь, — обиженно пробурчала сестра. Сабрина как можно мягче засмеялась, чувствуя, как болит нос — в последней схватке он опять пострадал. — Ты знаешь, он рассказал мне, что старший брат пообещал вытащить его из Приюта.

— Но ведь он ещё в школе, — возразила Сабрина.

— Ты же знаешь, после неё он окажется здесь. Как и я, — Лиз приуныла. — Брат Вилли хочет забрать его как можно раньше. Как думаешь, мы сможем отсюда когда-нибудь выйти?

— Обязательно, солнышко, — вспыхнула Сабрина. — И даже скорее, чем ты думаешь.

— Хорошо бы, — сказала сестра и бросила осторожный взгляд на Сабрину. — Только не вздумай перерабатывать! Тебе нужно как можно больше отдыхать. И держаться подальше от проблем.

— Конечно, — улыбнулась Сабрина. — Всё будет хорошо. Не бойся. Просто верь мне.

Лиз кивнула, будто и не думала сомневаться.

— Жалко, нас сейчас мама не видит, — произнесла она после некоторого молчания.

«А может и хорошо. Что она бы на это сказала?»

— Ты подготовила скетчи к новой пьесе? — сменила тему Сабрина. — Мы уже всё отрепетировали, ждём не дождёмся

костюмов.

— Конечно! — просияла Лиз. Из сумочки она вытащила очки, надела их, извлекла альбом для рисования и начала его листать. Сколько Сабрина себя помнила, сестра носила очки. Поставить протезы всегда было в разы дешевле, чем сделать операцию, но Лиз отказывалась и от того, и от другого, несмотря на деньги короля. Говорила, что своё тело ей слишком дорого. «Странная девочка, — думала Сабрина, глядя, как сестра переворачивает изрисованные листы. — И в кого ты только такая пошла? Ты, родившаяся в Семье предателей и убийц…»

Лиз развернула альбом и продемонстрировала принцессе скетчи. Несколько из них Сабрина вычеркнула сразу — слишком импозантные. Для пьесы ей нужно что-то попроще и эффективнее.

— Мне они тоже не нравились, — без тени печали прокомментировала Елизавета.

Выбрав несколько самых удачных, Сабрина удовлетворённо кивнула. Лиз вырвала нужный лист и убрала альбом в сумку.

— Ну, так что, когда ждать выступления? — с сияющими глазами спросила она. «А ведь ей нравится, что я занимаюсь пьесами, — подумала Сабрина. — Неужели в голову взбрело, что я встала на путь исправления?»

— Может на этой неделе, может на следующей. И ещё кое-что… я хотела бы, чтобы ты там пела.

— Я?! — Лиз так сильно дёрнулась, что ударилась затылком о стенку. Ойкнув, она начала тереть ушибленное место. — Но зачем?

— Потому что это последняя постановка. Нужно, чтобы она была идеальной.

— Раз ты настаиваешь… — начала кокетничать Лиз, но по её взгляду Сабрина поняла — сестра в деле.

— Ну всё, солнышко, — проворковала она. — Тебе пора, да и мне стоит поторопиться.

Лиз, не дослушав Сабрину, бросилась её обнимать. Принцесса похлопала сестру по спине, почувствовав, как та начинает всхлипывать.

— Ну будет тебе, будет… — повторяла она, пытаясь отцепить Елизавету.

— Я обязательно приду репетировать песню! — вспыхнула Лиз, отпустив Сабрину. — Жди меня!

Чмокнув принцессу в щёку, она открыла дверь кабинки терминала и поспешила к лифтам. Рабочая смена ещё не закончилась, так что Сабрина за сестру не опасалась. А вот за себя начала.

В проёме, как всегда без приглашения, возник Диомед. Сухой,

высокий мужчина с поблёскивающей лысиной и внимательным взглядом, он отчаянно напоминал Сабрине одного актёра боевиков, имя которого принцесса не могла вспомнить.

— Как прошло? — проскрипел он.

— Весьма и весьма. Глянь, — Сабрина протянула Диомеду листок с зарисовками. Тот без интереса его принял.

— Ты знаешь же, что эти писульки не имеют никакого значения, — заметил он.

— Зато наше шоу становится всё масштабнее и масштабнее, — сострила Сабрина. — Ты поговорил с… сам знаешь кем?

— Десять минут, — отчеканил Диомед. — Всё, что они готовы тебе предоставить.

Сабрина кивнула. Никогда она не думала, что займётся искусством. Писать пьесы, выбирать актёров, придумывать декорации и музыкальное сопровождение — всё это легло на её плечи. Оказалось, творчество намного сложнее, чем командование отрядом боевых девиц. Особенно если ты хочешь разжечь в аудитории жажду свободы.

Она закрыла глаза и вспомнила свой первый день в Приюте. Первую встречу с Диомедом.

* * *

После того, как шавки Тореса отделали её и вырезали имплантаты, Сабрина отлёживалась в Медцентре, разрабатывая план побега. Елизавету забрали — поселили на шестой этаж здания, в общежитие школьного корпуса. Все входы и выходы контролировала охрана, технические ходы замыкались электронными и магнитными замками, повсюду висели камеры. Принцесса могла попытаться сбежать по-тихому, но на это ушли бы огромные усилия. Если бы её поймали, шансы на повторную попытку резко бы сократились. Оставался единственный выход — грубая сила. Ей нужно было полномасштабное восстание.

Первое время Сабрина отказывалась работать и просто вела познавательные беседы с Диомедом, который объяснял, что к чему. Никто не мешал ей бездельничать — в конце концов, она могла до скончания дней просто сидеть на заднице, жрать да испражняться. Но на что-то большее нужны были деньги. На койку поудобнее, на шкафчик получше, на одежду, на элементарное подключение к Сети. Для приютских существовала даже отдельная социальная сеть, чтобы чернорабочие не засоряли эфир действующих граждан.

Каждый выбивал себе чуть больше ресурсов, чтобы создать вещи, годные для повторной утилизации. Можно было подрабатывать, сдавая мозг в пользование Информатория — достаточно подключиться через терминал, зайти на специальный сайт и заполнить анкету. Некоторое время мыслительные мощности рабочего уходили на поддержание Сети — Операторы не всегда справлялись сами. Но прибыли едва хватало на пару дней улучшенного пайка, затем снова приходилось возвращаться к зелёной баланде. Рано или поздно, все шли на завод.

Сабрина прекрасно понимала весь абсурд ситуации. Смысл работать, если сборочные машины справляются лучше людей? Но система должна на чём-то держаться. Синдикат обязан подстёгивать своих будущих граждан становиться лучше. Не работаешь в Приюте — не получаешь привилегий действующего гражданина. Может когда-то они и гарантировались с рождения, но те времена прошли. С детьми тех, кто уже купил себе свободу, дела обстояли намного проще. Пока они учились в школах, родители всегда могли накопить нужную сумму и купить ребёнку гражданство, тем самым избавляя его от порочного круга. Но так получалось не у всех. Бывало, что даже с живыми родителями дети попадали в Приют и продолжали надрываться в надежде на свободу. Принцесса засмеялась бы над нелепостью ситуации, если бы всё не было так грустно.

Диомед рассказал, что в Приютах мало кто любит бездельников. Каждый рабочий стремится стать лучше, как ему завещал Божий Порядок, каждый хочет откусить кусок пирога побольше, каждый надеется скопить нужную сумму и, наконец, купить гражданство. Как и ожидалось Синдикатом, люди перестали пытаться сломать систему — они начали соревноваться друг с другом, чтобы в неё встроиться. Сидя в общей столовой, Сабрина в шоке слушала истории Диомеда о бригадах, устраивающих друг с другом соревнования по быстроте сборки, и о кровавых поединках, когда кого-то подозревали в жульничестве. Шум от обедающих рабочих стоял такой, что парочка не боялась быть услышанной охраной.

— Это ведь идиотизм! — бормотала Сабрина. — Какой смысл соревноваться?! Ведь намного проще доверить всё машинам!

— Стагнация — это смерть, — жёстко ответил Диомед. — Синдикату нужно контролировать огромное количество людей, которые обделены ресурсами, потому что Семьи заграбастали всё себе. Лучший способ — создать новые рабочие места и обеспечить всех постоянными делами. Ни у кого не должно быть времени на раздумья.

— Но у тех, кто не работает, его полно.

— Они поняли, что нет смысла пытаться победить. Потому просто перестали играть. Божий Порядок приучил нас думать что те, кто не пытается стать лучше — просто паразиты на теле общества. К тем, кто понял бессмысленность происходящего, никто просто не прислушивается.

Сабрина поковыряла ложкой в зелёной жиже, чувствуя неприязненные взгляды. Она была чужачкой, отказывающейся работать. Кроме того, принцессой Синдиката, пусть даже бывшей. Весть разлетелась с быстротой пожара. Каждый знал, кто она такая. Никто не пытался на неё напасть, как та злосчастная троица, но и помощи ей ждать явно не приходилось. Тем удивительнее, что Диомед вдруг решил ей помочь. Принцесса внимательно рассмотрела лицо мужчины. Высохшее от прожитых лет, оно несло на себе печать тяжёлой утраты. В глазах Диомеда прятались боль и плохо подавляемая агрессия. Но стоило мужчине перехватить взгляд Сабрины, как все эмоции отмирали, тонули в океане сосредоточенности и спокойствия. Будто лысый громила видел в ней цель, великую миссию, которая стоила целой жизни.

— А как ты сюда попал? — осторожно поинтересовалась Сабрина. — И почему решил мне помочь?

— Я здесь довольно долгое время, — произнёс Диомед. — И у меня давние счёты с Синдикатом. Подумал, что помогая тебе, смогу помочь себе. Пара ниточек с внешним миром ещё осталась. Мне оттуда сообщили, что ты была пехотным офицером, что ты дезертировала, предала Синдикат. Именно такой человек мне и нужен. Ты ведь изучала тактику и стратегию в Академии. Ты наверняка знаешь, как можно расшатать здесь всё. С тебя идеи, с меня сила. Уверен, мы споёмся.

— Ты тоже понял, что без восстания не обойтись? — устало спросила принцесса.

— Уже давно. Многих положение дел более чем устраивает. Ты должна придумать, как всколыхнуть массы и заставить их работать на тебя. Но сначала — сходи на работу.

И Сабрина отправилась к конвейеру. По одиннадцать часов шесть дней в неделю она стояла у линии, собирая детали, постоянно переходя из одного места в другое и меняя специальности, а седьмой день посвящала просвещению.

Она проделала огромную работу, перекапывая Божий Порядок. Ей нужно было понять язык, на котором думают массы. Она не могла вести активную пропаганду, Торес бы просто пресёк все её попытки агитации на корню. Её бы не убили — просто засадили бы в камеру полтора метра на полтора и держали так на сухом пайке неделю. Нет, ей нужно было действовать аккуратнее.

Так, чтобы не вызвать подозрений у охраны, а может, даже привлечь стражников на свою сторону. Не так просто, когда ты дерёшься с ними чуть ли не каждую неделю.

Простейшим выходом оказались пьесы. Она начала с совсем небольшой — нашла группу рабочих, которые держали небольшой театральный кружок, принесла текст и предложила поставить. Диомед помог ей придумать костюмы и порезать самые идиотские моменты. Рабочие отнеслись к идее с нежданным энтузиазмом: до этого они работали с настолько низкопробным дерьмом, что их смотреть отказывались даже родственники. За неделю были готовы декорации, написана музыка, и уже на восьмой день ошеломленные зрители смотрели постановку одной из ключевых сцен Божьего Порядка — восхождения Освободителя на крест.

Театры всегда считались уделом богатеньких ублюдков, в то время как кинотеатры признавались развлечением масс. Но далеко не каждый мог позволить себе купить фильм или билет в рекреационное крыло, где прихвостни Тореса повесили огромный киноэкран, развернули казино и открыли бордели. Маленькая постановка Сабрины имела огромный успех, и даже плохая игра актёров не смогла ничего испортить. Около месяца каждые выходные она выступала в разных жилых блоках, пока Торес не прислал своих громил.

Она сидела в зале, наблюдая за действием на сцене, когда пришла охрана, стащила её со стула и начала топтать ногами. Сабрина рычала, кусалась, пыталась отбиваться, но тщётно. Шокированные зрители ринулись защищать её, но, получив хорошую порцию тумаков, успокоились.

Сабрина пролежала четыре дня в Медцентре. Медики не хотели её отпускать, но принцессе было плевать. Покинув госпиталь, она тут же ввязалась в драку с тремя охранниками, которые кое-как её скрутили и засадили на неделю в карцер. Из чёрной комнаты Сабрина вышла совсем другим человеком. Ей уже не хотелось вообще чем-то заниматься, и только Диомед заставил её написать продолжение пьесы. Они брали ключевые сцены и переносили их на сцену, меняя диалоги, очеловечивая героев Божьего Порядка, задавая аудитории вопросы. Принцессе истории Священного Писания казались слишком однозначными, и она старалась найти гармонию в характерах. Негодяи становились чуть добрее, в то время как стопроцентные хорошисты приобретали низменные черты. Сабрина развлекалась, как могла, пытаясь забыть мокрые чёрные стены и бесконечный вой, начавший преследовать её в снах.

Вторая постановка имела успех даже больше первой — и

снова закончилась визитом в госпиталь. Торес явно не собирался оставлять её выходки без наказания. Сабрина злилась всё сильнее, а её пьесы пропитывались ядом — и так же менялась аудитория. Рабочие не понимали, что же становится не так, и это их беспокоило. Они начинали оглядываться вокруг. Они начинали понимать. Но Сабрина не спешила. Она тщательно выстраивала картину создания Первого Города: конфликты Освободителя со строителями, с теми, кто пытался сделать Эдем доступным только для богачей, с взбунтовавшимися рабочими. Она постаралась обрисовать мятеж как можно более романтично и оправданно. Её бунтовщики казались героями без страха и упрёка, и на фоне всяческих подонков, симпатии аудитории оставались именно за ними. Зрители выли от негодования, когда общество заставило Освободителя сослать всех на Нижние Уровни — и именно такой реакции ожидала принцесса.

Охранники пришли за ней ночью, когда она спала, но на этот раз её охранял Диомед. Побитые и злые, шакалы Тореса вернулись с подкреплением, и всё же сумели подавить сопротивление парочки. Искалеченных Сабрину и Диомеда отправили в Медцентр.

Визит в госпиталь показался принцессе возвращением домой. Белые простыни, обезболивающее, обходительные медсёстры удивительной красоты и начинённые аугментикой врачи — всё это казалось неземным, потусторонним. «Как жаль, что они превратили тебя в солдата, отец», — подумала Сабрина, вспоминая Кирстена.

На следующую пьесу реакции не последовало, как и на две другие. Сабрина начала ловить сочувствующие взгляды охранников и периодические томные вздохи рабочих. Даже в столкновениях со стражниками она чаще сталкивалась со сдержанной обидой, чем с открытой ненавистью.

— Король приказал Торесу оставить тебя в покое, — сказал Диомед за одним из обедов. Свежие шрамы, полученные в драках с охраной, плохо заживали. Сабрина вернулась со смены и сил на разговоры у неё еле хватало. Она казалась себе тряпкой, из которой выжали все силы.

— Откуда ты знаешь?

— Птички из внешнего мира нашептали. Похоже, теперь нам ничего не мешает, — сказал Диомед и начал с таким удовольствием поглощать зелёную баланду, будто лучше еды в жизни не видел. Сабрина задумчиво смотрела, как он давится, пытаясь проглотить всё разом. К тому моменту прошло четыре месяца, а она так и не узнала о Диомеде ничего личного. Всё это время его помощь Сабрина воспринимала как нечто само собой

разумеющееся. Но кто он? Чего он хотел?

— Тебя ведь наняли присмотреть за мной, не так ли? — выдала принцесса, сама того не ожидая. — Твои… работодатели — они ненавидят короля? Тебя специально приставили, чтобы помочь поднять восстание?

— Нет, — просто ответил Диомед. — Давай закроем эту тему.

Сабрина поспешила кивнуть. «Ты правда думала, что он ответит? Кем бы он ни был, сейчас вы на одной стороне».

* * *

Принцесса открыла глаза и посмотрела на часы. Как быстро летит время. Она отогнала воспоминания, попыталась сосредоточиться на настоящем. Диомед всё так же стоял в дверном проёме, дожидаясь гостей. Терминалы мерно жужжали вокруг. «Я уже полгода в этом сраном месте, — подумала Сабрина, — а встречусь с ними впервые…»

— Пришли, — произнёс Диомед и отошёл в сторону. Двое мужчин вошли, поправляя костюмы — один дорогой и деловой, второй заляпанный и рабочий. Сабрина специально выбрала комнату для подключений к Сети — пока смена не закончится, здесь никого не будет. Их разговору никто не мог помешать.

Гостей звали Паркер и Мэйсон. Перед Сабриной стояло двое самых важных после директора Тореса людей в Приюте. Мэйсон закурил, и пепел испачкал рукав серого пиджака. Похожий на дорожный знак, тонкий и высокий, он напоминал Сабрине Дэниела. Из-под тёмных вихров с седыми дорожками смотрели усталые голубые глаза, тщательно выбритое лицо обнажало сетку морщин. Под белой рубашкой бугрились начавшие дряхлеть мышцы. Его утончённое, почти что женственное лицо когда-то улыбалось с половины биллбордов Старого Города, а об уходе из модельного бизнеса жёлтые издания не переставали говорить даже сейчас. Все гадали, что же побудило звезду подиума и любимца глянцевых журналов завершить карьеру. Правда, как всегда, была обидной и простой. Третья молодость мистера Мэйсона подходила к концу, и ему нужны были хорошие деньги на улучшенный пакет операций. А деньги у Тореса были. Когда-нибудь даже омолаживающие процедуры перестают помогать: кому-то раньше, кому-то позже. Срок годности у каждого свой, и у каждого он когда-нибудь выходит.

Но у дедушки он, почему-то, не выходил.

Выбросив окурок, Мэйсон активировал коммуникатор и вывел на экран шлейф синюшных таблиц, захлёбывающихся в

цифрах. Съёмный золотой ноготь на его указательном пальце резко контрастировал с умеренной палитрой экрана.

— Ну и публику вы себе собрали, мисс Лоренс, — промурлыкал он, причмокивая тонкими губами. — Давно стоило войти с вами в контакт и монетизировать выступления. Грех такую выгоду упускать. Я, как главный бухгалтер, сильно разочарован.

— А не вы ли пару недель назад говорили, что мои пьесы — дерьмо? — поинтересовалась Сабрина, по привычке хрустя костяшками. Щелчки будто расставляли невидимые точки в её фразе. Язык во рту превратился в ворсистый коврик. Хотелось закурить.

— Они действительно ужасны, — признал Мэйсон. — Но доход есть доход! В конце концов, кто будет меня судить?

— Ближе к делу, — буркнул Паркер. Стоя рядом с Мэйсоном, он казался его прямым антиподом. Сложив мохнатые руки на груди, коренастый толстячок с лицом, покрытым застарелыми шрамами, и лысеющей макушкой, окружённой венчиком жёстких волос, уставился на принцессу. В тёмной бородке прятался маленький рот, исторгающий вонючее дыхание. Грязь, казалось, впиталась в огромные ладони, привыкшие к труду. Плоть от плоти, и кровь от крови Приюта, Паркер возглавлял профсоюз рабочих под названием «Честные трудяги». Для человека, который мог абсолютно ничего не делать, толстяк выглядел заработавшимся.

— И правда, мистер Паркер, — произнесла Сабрина. — Ближе к делу! Вы ведь знаете, что когда я попала в Приют, ваши молодчики пытались изнасиловать меня и мою сестру?

— Они уже понесли наказание, — парировал лидер профсоюза. — Я вкладываю огромные усилия в сохранение морального облика рабочих — и мне больно, когда они так деградируют. Но не будем об этом, мисс Лоренс. Ваши постановки заинтересовали нас, только поэтому мы согласились встретиться. У вас всего десять минут, чтобы рассказать нам, чего вы хотели — и две уже прошло.

— Я просто хотела, чтобы вы посмотрели мою пьесу.

— И о чём же она? — мягко поинтересовался Мэйсон, потирая холёные белые ладошки.

— Об изгнании из Эдема. И о том, стоит ли туда возвращаться.

— Я даже знаю, какие вопросы ты задашь. «Зачем нам стремиться обратно? Зачем нам гражданство и деньги? Неужели мы не можем жить в мире и согласии?» — мягко улыбнулся Мэйсон. Сабрина открыла рот и закрыла. — Надо же, я угадал!

— А, так вот к чему ты вела всё это время своими постановочками! — засмеялся Паркер, и тут же стал серьёзным. — Всё для того, чтобы твои зрители поняли — горбатиться на Приют бесполезно, не так ли? Но ты их переоцениваешь. Никто тебя не поймёт.

— Может и не поймёт головой, — произнесла Сабрина, — зато поймёт сердцем. Неужели вам самим не тошно находиться здесь? Мистер Паркер, вы же создали здешний филиал профсоюза! Наверняка вы хотели представлять интересы рабочих, спасти их от бессмысленной траты времени. Но теперь Торес вас сманил?

Мэйсон засмеялся долгим и протяжным смехом.

— Бедное дитя, — пробулькал он сквозь ржание. — Она так и не поняла.

— Моя милая принцесса, — начал Паркер, — у Дома Торесов никогда не было собственной армии. Зато всегда был профсоюз.

— Вы хотите сказать…

— …что мы личная гвардия директора. Случись что неприятное, не охранники будут расхлёбывать дерьмо, а мы. Ты, наверное, думаешь, что сможешь поднять народную волну негодования, образумить их…

— …повысить самосознание, — добавил Мэйсон, что-то считая в коммуникаторе.

— Да, и это тоже. Думаешь, ты первая? Да таких, как ты, дюжина наберётся. Революционеры хреновы, заступники за мир и порядок. Все вы об одном думаете — только о себе. Что, скажешь нет? Да если бы ты в Приют не угодила, плевала бы на рабочих, как и все остальные! А нам приходится с этим жить. Выживать. Гражданство? Деньги? Семьи всё это так и так сжирают. Этого не остановить, проще присоединиться.

— Торес говорил тебе о Келле? — спросил Мэйсон, отключая коммуникатор. — Она была такой же, как ты — выпустилась из Академии, совершила какой-то проступок, попала сюда вместо тюрьмы. Много что ей здесь не понравилось, но один плюс она нашла, закрутив роман с сааксцем.

— Тайреком Маутом, — тихо произнесла Сабрина. Она вспомнила рассказ Тореса. И она знала прекрасно, чем он заканчивался.

— А синегубый понимал: если его возлюбленная вдруг достигнет цели, то утопит весь Приют в крови, — сказал Паркер. — У неё почти получилось набрать людей. Бог видит — кто-то из моего профсоюза готов был к ней присоединиться, развалить нас изнутри. Но всё обошлось. И поверь мне, дитя, эта сучка действовала намного скрытнее, чем ты. Если бы не сааксец,

мы бы узнали о восстании тогда, когда нас поставили к стенке. После Келлы мне конкретно пришлось ряды почистить от изменников. А ты… ходишь, ставишь пьесы. Несерьёзно это всё. Брось. Работай лучше, отвоёвывай себе место под солнцем. Там, глядишь, и гражданство получишь, заживёшь как нормальный человек.

— Тем более директор тебе много скидок и так сделал, — заметил Мэйсон. — Что, заметила, как охрана перестала тебя бить? У тебя блестящее будущее. Зачем тебе его разрушать?

— Потому что так будет правильно.

— Правильно? — толстяк Паркер покачал головой, из-за чего его лысина заблестела. — У меня в двух десятках помещений сейчас тренируются две сотни готовых к бою рабочих. Камеры за нами не следят, микрофоны не подслушивают. Ребят не волнует правильность. Прикажи я, они превратили бы это место в ад.

— И мы бы подняли своё восстание, — добавил Мэйсон, — но Торес понимает: мы мыслим одинаково. В нашем мире нет ничего правильного. Ты либо играешь с системой, либо система больше никогда не играет с тобой.

— Так что подумай хорошенько, дитя, — устало произнёс Паркер, вытерев лоб. — Взвесь всё. Тебе правда так нужны эти проблемы?

— Нет, — покачала головой Сабрина, лихорадочно продумывая варианты. — Но что насчёт пьесы?

Прихвостни Тореса переглянулись, и Мэйсон махнул рукой:

— А, чёрт с тобой. Показывай. Директор сказал больше тебя не ограничивать, так что поступай, как хочешь. Прошу только, не провоцируй никого. Подумай о себе и сестре. Как она расстроится, если тебя опять поколотят? Да и в конце концов, — бухгалтер наклонился вперёд и с улыбкой произнёс, — вдруг тебе всё надоест и ты решишь покончить с собой? Думаю, король примет такой вариант.

Сабрина почувствовала, с какой скоростью забилось сердце. «Ускориться бы и отделать тебя хорошенько», — с ненавистью подумала она. Но охрана вырезала всё её имплантаты. Без них она была обыкновенной девчонкой, всего лишь знающей, как хорошо драться. Одинокой, отрезанной от целого мира. Паркер кивнул, скорчив понимающую физиономию, и ретировался вслед за Мэйсоном.

— Не совсем так, как ожидалось, — сказал Диомед, всё это время стоявший в углу. Сабрина почти забыла о его присутствии. Лысый громила открыл кабинку терминала и развалился на сиденье. — Что ты теперь будешь делать?

— Ставить пьесу, — произнесла Сабрина. А что ещё

оставалось? Они не могли обсуждать с Диомедом планы восстания — наверняка их сейчас подслушивали. С другой стороны, её разговор с Мэйсоном и Паркером наверняка записывался. Директор и так прекрасно знал, что принцессе в Приюте не нравится, что она жаждет вырваться и хочет поднять народ на бунт. Но что-то Сабрина не слышала топота сапог в коридоре. Охранники не пытались её поймать. Это казалось почти что оскорблением. Неужели Торес вообще не воспринимал её как угрозу?

Распрощавшись с Диомедом, она пошла на работу с другими снулыми неудачниками. Сегодня её ждал сварочный аппарат и шлифовальная машинка. Хоть утилизаторы могли собрать изделие любой формы, у них стояло ограничение по размеру: ничего больше полторы кубических метров. Поэтому в сборке автомобилей и новых утилизаторов по деталям всё же имелся хоть какой-то смысл. Всё же, Сабрина не сомневалась — если бы фабрика Гефеста поднапряглась, то могла подготовить специальные машины для сборки. Ведь именно на таких автоматических конвейерах и конструировали всё оружие Синдиката.

Время подходило к обеду, и Сабрина, бросив всё, отправилась в столовую. Желание работать у неё напрочь отбило. Диомед уже ждал принцессу за столом. Укрытые шумом обедающих рабочих, они могли спокойно говорить о чём угодно.

— Ты знал про профсоюз? — спросила Сабрина под аккомпанемент стучащих столовых приборов и гомон общительных трудяг. — Знал, что они пешки Тореса?

— Подозревал, — сказал Диомед. — Но не копал так глубоко. Всё же, их всего две сотни на сколько — пять-десять тысяч человек? Капля в море. Даже с оружием, хорошо организованную атаку они не смогут остановить.

— При условии, что она будет хорошо организованной, — приуныла Сабрина. Все её надежды пошли прахом. Она верила, действительно верила, что профсоюз поможет. Любой член «Честных трудяг» мог поднять рабочих на восстание, если бы не слушался Паркера с Торесом. Сабрина видела горячие, полные энергии выступления некоторых лидеров, требующих улучшения условий. Да чего стоил хотя бы эмигрант Георгий — хилый, тонкий мальчишка лет двадцати трёх с выпученными глазами, чьи речи вселяли в толпу уверенность в её правах. Неужели все эти призывы к равенству и братству оказались пустословием?

Сабрина тряхнула головой. Ей оставалось только одно — просто поставить пьесу. Если же у неё ничего не получится, то будь что будет. Она будет работать, как все: будет улучшать

рабочие показатели, будет пытаться заработать нужную сумму на гражданство. В конце концов, что ей мешает потратиться не на себя, а на Лиз? А там уже плевать на всё. Сабрина потянулась за пачкой сигаретой, но в последний момент отдёрнула руку. «Надо завязывать, — подумала она, — пока не стану ходячей пепельницей».

— Ах ты маленькая сука! — заорал за соседним столом жилистый трудяга с татуированным лицом. Перевернув тарелки, он набросился на сидящего рядом лысого юношу и начал его избивать. К нему присоединились соседи, тоже с татуировками. Сабрина стиснула зубы от негодования.

Приют постоянно делился на враждующие бригады, банды и группировки. Рабочие убивали друг друга за деньги, грабили слабых, сколачивали целые схемы шантажа и вымогательства. Сабрину эта чаша скорби обошла, благодаря неусыпному присутствию Диомеда рядом. Принцессе начало казаться, что он ей как ангел-хранитель — вечно бдящий, вечно готовый защитить. Увы, с охранниками он ей помочь не мог.

Ребята с татуированными лицами были эмигрантами, что начали появляться у ворот Города примерно сорок лет назад, ещё до расконсервации. Даже поселившись внутри, они не спешили делиться, откуда и зачем пришли. Синдикат прекрасно знал, что снаружи, за стенами, уже возможна жизнь, но почему-то тянул с выходом до последнего. Многих эмигрантов прогнали через Приюты, кто-то даже выкупил гражданство, но таких оказалось очень и очень мало. Сабрина знала разве что одного фокусника при дворе деда. По большей части, эмигранты либо обитали в Приюте, либо сбегали и становились бандитами на окраинах. Или как эти: решали стать бандитами в самом Приюте. Вступая в группировки, они татуировали лица, вещая что-то о традициях и памяти народа.

— Успокойся, — произнёс Диомед. Его сосредоточенный взгляд и спокойный голос не давал Сабрине отвлечься. — Они скоро закончат.

— Да они уже убьют бедного парня! — прошипела Сабрина.

— Это не наше дело.

— Ещё как наше!

Вскочив со стула, Сабрина повернулась и ткнула пальцем в заводилу драки:

— Эй, ты! А ну оставь его в покое!

— Chevo etoi suke nado?! — проскрипел один из драчунов.

— Hren ee poimi. Durnaya kakaya-to.

— Оставь его в покое! — повторила Сабрина, сжимая кулаки и стараясь не обращать внимания на говор бандитов.

— С чего бы мне это делать? — гавкнул заводила. Сабрина не стала дожидаться. В один прыжок она оказалась перед драчуном и апперкотом отправила его в долгую спячку. Очухавшиеся собратья попытались схватить её со спины, но на их головы опустились пудовые кулаки Диомеда. Ещё двое нападавших набросились на принцессу слева. Уклонившись от удара одного, Сабрина перехватила его руку, пнула в живот, а затем разбила нос коленом. Силу второго она использовала против него самого: пригнувшись, она схватила разбегающегося врага за шиворот и перебросила через себя, прямо на стол. Бандит заорал, когда под его спиной зазвенели вилки, ножи и тарелки с горячей едой. По залу прокатился скрип — татуированные уроды покидали столы и стягивались к центру драки.

— Туго придётся, — сухо прокомментировал Диомед, встав в бойцовскую позу. Сабрина тоже приготовилась. На них двигалась толпа в пару десятков человек. Метры неумолимо сокращались, в то время как другие рабочие торопливо освобождали бандитам путь. Принцесса почувствовала, как ногти впились в ладони от напряжения.

И тут за спиной раздалось улюлюканье. Сабрина обернулась. С другой стороны неслась на всех парах группа мужчин и женщин в серых комбинезонах с красными повязками на руках. «Честные трудяги».

Бандиты забуксовали на месте, смешались и начали драпать, теряя по пути бойцов. Но с другой стороны их тут же взяла в клещи ещё одна группа профсоюза. Вооружённые дубинками и щитами, они быстро размешали банду в алое месиво, испускающее кровавую пену.

К побитому юноше подбежал худой паренёк с зачёсанными вперёд тёмными волосами. Сабрина сразу узнала Георгия, что разжигал в толпе негодование своими речами. «Как жаль, что профсоюз прогнил до самого сердца».

Георгий опустился на колени. В глазах эмигранта застыла невыносимая боль, губы и щёки побледнели. Приподняв избитого на руки, Георгий произнёс:

— Vse v poryadke, ya uzhe zdes'.

В ответ юноша заплакал. По размалёванным кровью щёкам потекли солёные реки, и только когда Георгий обнял жертву, Сабрина поняла — перед ней не юноша, а обритая наголо девушка лет двадцати трёх-двадцати пяти. Рыдания сотрясали крошечные плечи под рабочим комбинезоном. Окровавленная, покрытая синяками, несчастная захлёбывалась в рыданиях, пока Георгий гладил её по затылку и скрежетал зубами, сдерживая злость.

— Я пришёл, — сказал он, — больше нечего бояться.

Повернувшись к Сабрине, эмигрант произнёс:

— Благодарю, что спасла мою возлюбленную, принцесса.

— Ты меня знаешь? — удивилась Сабрина.

— Кто же тебя не знает, — ответил эмигрант, нахмурившись ещё сильнее. — Моё начальство не перестаёт твои пьесы припоминать.

Георгий посмотрел на избитых бандитов, и лицо его скривила гримаса отвращения — будто под кожей проползли ядовитые змеи.

— Сукины дети. Перебью, всех до одного. Давно пора их было прищучить, да только повода не было. Почему они напали, Ань?

— Потому что я сказала правду, — пробормотала девушка сквозь всхлипы. Это вдруг напомнило Сабрине сцену полгода назад, ещё в Академии. — Я вспомнила твой рассказ… попыталась договориться, уладить твои проблемы. Сказать им, что они портят всё.

— Надо было предупредить меня, а не идти одной, — ответил Георгий.

Присмотревшись к лицу девушки, Сабрина вдруг поняла, что знает её.

— Анна Пирс? Репортёр Центрального Телеканала?

— Была когда-то, — ответил за пострадавшую Георгий и нахмурился. — Но её арестовали солдаты короля и отправили сюда в середине июня.

«Всего через пару недель после меня».

— Но за что?!

Девушка силилась ответить, но слова ей явно давались с трудом.

— Эй, Джонни! — крикнул Георгий. — Тащи носилки и отнеси девушку в Медцентр, да побыстрее, чёрт возьми!

Погладив Анну по окровавленной щеке, он ласково добавил:

— С тобой всё будет в порядке. Доверься мне.

Двое бойцов профсоюза забрали избитую подругу Георгия, и он остался с Сабриной наедине. Раненых бандитов тоже покидали на носилки и унесли. Рабочие снова вернулись к трапезе, а Георгий сел рядом с Сабриной и Диомедом.

— Анна приготовила репортаж о Дэниеле Роско, — сказал он. Кулаки эмигранта то сжимались, то разжимались. Сырая ярость так и исходила от него. — Королю не понравилось, что он увидел. Статья ещё не успела выйти, а к ней уже ворвались солдаты. Сказали, что либо убьют, либо отправят на перевоспитание в Приют. Естественно, она выбрала жизнь.

— Но что за материал? Что такого сделал Роско? —

произнесла Сабрина, пытаясь не звучать слишком заинтересованной. Эмигрант нахмурился, густые чёрные брови, как два толстых кабеля, сошлись на переносице.

— Арест дяди. Говорят, Дэниел напал на собственный особняк и перебил гвардейцев, слуг, да вообще всех, кто попался под горячую руку. Власти отрицают это, говорят, что внутри Дома Роско произошёл раскол, мол, его дядя пытался завладеть властью, хотя не имел на то права. В таких ситуациях Синдикат позволяет силовое разрешение проблем, хотя дипломатия и предпочтительнее. — Георгий выразительно сплюнул, сверкая глазами. Несмотря на хрупкое телосложение, от него исходила вполне реальная угроза. Сабрина не хотела бы испытывать его терпение. — Но на стороне дяди были солдаты, он устроил покушение на племянника, в итоге Дэниелу пришлось напасть на особняк и подавить сопротивление. Но Аня утверждает, что солдат и слуг никто не предупредил о разборках хозяев. В итоге, Роско перерезал кучу невинных людей. В общем, тёмное дело.

Сабрина почувствовала, как вспотели ладошки, и она положила их на холодный железный стол. «Неужели это правда, Дэниел? Неужели они заставили тебя через это пройти?»

— Короче говоря, у Роско сейчас репутация чернее чёрного. Его все Стервятником кличут, хоть он, может быть, и не виноват в произошедшем. Но я Аньке доверяю. И знаю, что отправили её в худший Приют незаслуженно.

— Худший? — спросила Сабрина, желая переключиться. «Нет, новости о Дэниеле я оставлю на потом. Нельзя сейчас об этом думать. Я могу размякнуть. Нужно сконцентрироваться».

Георгий зло усмехнулся, оглядевшись по сторонам:

— Ты думаешь, в остальных такая же ситуация? Бандиты творят, что хотят средь бела дня, охрана бьёт всех, на кого укажут, а не поддерживает порядок, половина профсоюза на личном окладе у директора. Я профессионал, принцесса. Защита интересов рабочих — мой хлеб. Я был до этого в двух других Приютах, и там ситуация совершенно другая. Но система работает, пока есть места, вроде этого. Никто не захочет здесь оказаться — оттого и будет пахать, пока не выкупит гражданство.

— Такая система преступна, — прошипела Сабрина. — Все могли бы быть счастливы, если бы не Семьи. Они забрали все ресурсы и поделили их между собой! Они заперли людей в Приютах, вынудили выбивать себе место под солнцем! Посмотри на Божий Порядок: раньше мы жили в гармонии и равенстве. Пока что-то не изменилось. Пока не пришёл Синдикат.

— Немногие умеют разумно распределять богатства, — Георгий покачал головой. — Мы не равны с рождения, принцесса.

Дай идиоту его долю — так потратит зря или будет сидеть до последнего, пока реально способные что-то изменить страдают от дефицита ресурсов.

— Со всеми можно договориться, — парировала Сабрина. — Главное — начать сначала. Дать всем всего и поровну. Таланты всё равно не пропадут.

— Как не исчезнут и грабители, — пожал плечами эмигрант. — Уж поверь мне, принцесса. Мои родители рассказывали, как им приходилось выживать во Вне, пока они не нашли Город. На нашей земле тоже пытались всем дать всего и поровну — да только нашлись ублюдки, которые посчитали себя равнее всех. Они просто силой отобрали у остальных их долю, так что многим пришлось бежать. Оставшиеся, в конце концов, передрались между собой, пока не осталось вообще никого.

— Можно создать независимую организацию, что будет следить за распределением, — сказала Сабрина. — Пусть они будут наблюдать за всем, сохранять справедливость.

— Ты просто заложишь основы будущей элиты. Рано или поздно, придёт алчный умник, и использует силу в своих целях. Ему тоже нужны будут помощники. Их он отберёт из самых верных, поделит между всеми обязанности — и получит Синдикат.

— Почему ты так уверен в этом? — спросила Сабрина.

— Потому что человечество не меняется, — ответил Георгий. — Даже здесь, в этой чёртовой дыре мы образцы цивилизованности. Но в душе мы другие. Звери с человеческим лицом.

— Ты совсем не веришь в людей, — произнесла принцесса.

— После того, как мои соплеменники избили мою любимую? — зло спросил Георгий, и в глазах эмигранта загорелся огонь ненависти. — Из-за того, что она пыталась убедить их не воевать с профсоюзом? Нет, чёрт возьми. Это место… Оно меняет нас. Оно нужно системе — но не мне. Я уже три года здесь, и я дико устал. Торесу нужна хорошая встряска.

— То есть ты не с профсоюзом? Ты правда веришь в то, что говоришь с трибун?

— А разве по нашему разговору это не было понятно? — возмутился Георгий, скривив маленький некрасивый рот. Его и без того выпученные глаза, казалось, выкатились ещё сильнее. — Многим не нравятся методы директора, но они просто плывут по течению. Если постараться, их энергию можно направить в нужное русло…

— Ты имеешь в виду…

— Твои пьесы. Я слышал, новая на подходе?

Сабрина встрепенулась.

— Я разговаривала с Паркером и Мэйсоном. Они дали добро на показ. Посчитали, что постановка роли не сыграет.

— Сыграет, — убеждённо произнёс Георгий. — Если показать её на правильной сцене. Скажи, что ты думаешь о зале профсоюза?

28 декабря, 541 год после Освобождения

Она уже сильно опоздала, хоть и понимала — премьера прекрасно пройдёт и без неё. Сегодняшняя смена, как назло, растянулась на час больше. Наверняка они уже начали. Хорошо хоть актовый зал тоже находился на минус четвёртом этаже, иначе бы она застряла в очереди к лифтам.

Сабрина торопилась за кулисы, проходя по коридору мимо костюмерных и гримёрок. С удовлетворением она отметила, что маленькая комнатка, отведённая под реквизит её пьесы, почти пуста. Принцесса потратила все свои немногочисленные сбережения на печать костюмов, от которых актёрская труппа впала в ступор. Концепты Елизаветы сыграли свою роль, и шмотки получились просто отменные. Но больше, чем тряпками, актёры восхищались новым сценарием. Сабрина чуть-чуть доработала его, прежде чем заново начать репетиции. Благо, времени оказалось полно.

«Всё или ничего», — подумала она. Если её пьеса выстрелит, у Тореса возникнут огромные проблемы. Сабрина потратила полгода, чтобы понять — слово чаще ранит сильнее меча, и одной вовремя сказанной фразой можно добиться большего, чем реками крови.

— Принцесса? — послышался тихий голос за спиной, и Сабрина дёрнулась. Посреди коридора стоял мальчуган примерно одного с Лиз возраста. Из-под взлохмачённых густых тёмных волос на неё смотрели голубые глаза. На мальчишке была школьная форма — пиджак с брюками, да белая рубашка с галстуком. В руке он держал бумажный свёрток.

— Ты ведь Вильгельм, не так ли? Вилли Коул? — поинтересовалась Сабрина. Школьник зарделся.

— Только Лиз зовёт меня так, — произнёс он.

— Что ты здесь делаешь?

— Она просила передать вам…

Он подошёл поближе и разорвал бумажный свёрток. Внутри оказалась алая роза.

— Она её сама вырастила, — сказал Вильгельм. — Сказала,

что хочет преподнести её вам, когда придёт настоящий успех. И передала извинения, что не сможет спеть. Скоро экзамены, ей нужно готовиться.

— Настоящего успеха ещё ждать и ждать… — пробурчала Сабрина. — Скажи, что я очень благодарна. Ничего страшного, спеть она ещё успеет.

Сабрина взяла цветок и поспешила отойти. Но не успела завернуть за угол, как Вилли окликнул её. Обернувшись, Сабрина заметила, каким взволнованным кажется мальчишка.

— Мой брат, — сказал он, — обещал вытащить меня отсюда. Но я знаю, что это ложь. Он уже не вернётся за мной. Да и зачем? Но вы… вы сказали Лиз, что сумеете выйти. Это правда?

— Абсолютная, — кивнула Сабрина. Мальчик потёр щёку.

— Вы хотите восстания, не так ли? — Вильгельм побледнел. — Вы можете погибнуть. Все мы можем погибнуть!

— Пока, Вилли, — сказала Сабрина и ушла дальше по коридору. Только дурных напутствий ей сейчас не хватало.

Она обошла сцену и вышла в зал как раз в тот момент, когда постановка уже заканчивалась. Николь и Эйден, её два главных актёра, сидели на полу, окружённые множеством других, игравших их уже взрослых сыновей и дочерей.

— Мы не сами обрекли себя на жизнь, полную страданий и тяжёлой работы в поте лица, — бормотал Эйден, чей герой был при смерти. Он надсадно закашлялся. Под седым париком, фальшивой бородой и богатыми одеждами невозможно было рассмотреть двадцатилетнего паренька, который играл персонажа намного старше. Бутафорский венок на его голове казался почти настоящим. — Нас заставили. А ведь там было всё, что душа пожелает! Он сказал нам: «Плодитесь и размножайтесь!» Но мы утратили рай. Нас обманули. У нас отобрали то, что принадлежало нам по праву! Никто не должен был ни в чём нуждаться! Мы не могли согрешить, если бы нас не увели с пути!

Николь наклонилась к умирающему мужу и повернулась к детям:

— Нам обещали, что мы сможем вернуться, если раскаемся в своих грехах. Я думала, что Он наказывает нас, пока не поняла — это урок. Он не хотел, чтобы мы были послушным скотом. Он дал возможность достигнуть Его вершин — и мы ею воспользовались. Разве это не стоит того, чтобы умереть?

— Даже после стольких лет ты думаешь, что так и должно было быть, жена, — произнёс Эйден. — Но разве мы виновны в преступлении, на которое нас толкнули? Разве мы должны расплачиваться за чужое зло?

Он обнял жену и начал кашлять всё сильнее и сильнее, будто

жизнь и вправду утекала из него. Схватив ближайшего сына за алую тунику, он прохрипел:

— Помните: мы не потеряли рай. Его у нас украли.

Эйден откинул голову и испустил дух. Заиграла грустная музыка, жена и дети заплакали. «Здесь должна была запеть Лиз. Ничего, в следующий раз». Сабрина окинула взглядом аудиторию и у неё застыло сердце.

У большинства зрителей к лицу прилипла гримаса непонимания и раздражения. Происходящее на сцене их скорее бесило, чем развлекало. Она услышала чей-то шёпот:

— Господи, ну и бред же!

«Всё пропало», — подумала принцесса и облокотилась о ближайшее кресло. Ни одно не осталось свободным, некоторым зрителям пришлось даже стоять. Но какая разница, если им происходящее не нравилось?

Они с Георгием потратили столько сил, чтобы поставить пьесу в огромном, многоэтажном зале, где мест хватало на две с половиной тысячи человек. Сабрина даже представить себе не могла, сколько ниточек придётся дёрнуть, чтобы убедить профсоюз на такой шаг. Всё это время она ходила рядом с Георгием, смотрела, как он убеждал коллег: подкупом, угрозами или даже унижением. И больше всего её удивил тот факт, что довольных решениями Тореса действительно не так уж много. Большинство активистов состояние дел просто устраивало, но они жаждали намного большего. В профсоюзе работали люди, циркулировавшие между Приютами и следящие, чтобы рабочим обеспечивали удовлетворительные условия для труда. Торес платил Паркеру баснословные деньги, чтобы борцы за права трудяг закрывали глаза на происходящее в его заведении. И даже это не спасало его от энтузиастов, вроде Георгия. Заткнуть их он не мог: слишком сильную репутацию они успели построить в старых Приютах. Директор не мог ни подкупить их, ни убить. Оставалось слушать, как они призывают к восстановлению справедливости, но продолжать гнуть свою линию. Королю нужно маленькое чистилище, которым, в случае чего, всегда можно пригрозить — и никакой профсоюз этого изменить не в силах.

Удивительно было, что никто так и не поднял восстания. Но, поближе узнав Георгия, Сабрина поняла: активисты слишком умны, чтобы решать какие-либо вопросы кровью. Они были против бандитских группировок, ошалевших бригад и излишне жестоких охранников. Но бунтовщики пересекали линию добра и зла. Профсоюз таких не любил и предпочитал арестовывать сразу же. Они не могли допустить, чтобы пролилась кровь невинных. Разве что Келла смогла убедить активистов в чистоте намерений

— но в её планы вмешался Тайрек Маут, и Приют остался под пятой директора Тореса.

Что до Сабрины, она знала: без крови уже не обойтись. Георгий думал, что сможет удовлетворить её жажду, уступив зал и пьесу. Но он не понимал, насколько далеко она готова зайти.

Выступление закончилось, прожектора потухли, упал алый занавес. Все три этажа зала разразились жидкими аплодисментами, свистками и улюлюканьем. Никто не замечал, что принцесса стоит здесь же, среди них. Сабрина гладила белые шрамы на руках, пытаясь выловить слова из общего гомона:

— Хрень полная, зато бесплатно…

— Помнишь их прошлогоднюю самодеятельность? Ну да, сценарий там был ещё хуже… Да всегда они ставили плохие сценарии! Зато какая музыка!

— А ты что, не понимаешь? Нас обирают! Директор, Синдикат, да даже Эдем — всё это создано, чтобы эксплуатировать людей! Вся эта хрень про «становление лучше» — просто завеса!

Сабрина резко обернулась и увидела окружённую несколькими рабочими Анну. Кинув быстрый взгляд на Сабрину, лысая репортёрша кивнула и продолжила горячо говорить:

— И так было далеко не всегда, как бы ни пытались нас заставить забыть…

Сидевшие рядом мужчины с серьёзным видом следили за её речью, некоторые даже кивали в ответ: непонятно, всерьёз ли, пытаясь ли добиться её внимания или же просто в насмешку.

Сквозь слабые аплодисменты и бурчание толпы, Сабрина услышала грохот распахиваемых дверей. Через главный вход, расталкивая стоящих на пути рабочих, начали затекать охранники, вооружённые пистолетами, дубинками и дробовиками. По прикидкам принцессы, зашло не меньше сорока человек. «Так всё-таки ты понял, про что я говорила, да, Торес?» — мрачно подумала Сабрина, работая локтями и пытаясь утонуть в толпе.

Один из охранников поднёс ко рту коммуникатор и включил режим громкой связи:

— Сабрина Лоренс! У нас приказ арестовать тебя! Выходи с поднятыми руками и тебе не причинят вреда!

— Какого хрена они здесь делают? — возмущался кто-то из рабочих.

— Пришли с оружием? Они что, сволочи, нас так боятся?!

— Ублюдки! Опять всё портят! Будьте вы прокляты!

— Столько мужиков, чтобы арестовать одну девчушку…

— Тише, дорогая, тише. Не бойся, всё будет нормально.

У Сабрины затряслись руки, тело прошиб пот. Ладонь сама потянулась в ботинок за спрятанным лезвием, которое она втайне выковывала, пока была на работе. Она могла долго рационализировать своё решение, искать грань между справедливостью и беззаконием, но реальность оказалась проста: сейчас или никогда. И она сделала свой выбор.

Она ворвалась в поток людей, начала прорываться с фланга. Охранники рычали и тщётно пытались создать вокруг себя свободное пространство. Рабочих оказалось слишком много. Отряд бойцов с пистолетами остался у самого входа, дожидаясь, когда передовая группа схватит принцессу и приведёт с собой. Ощетинившись стволами, они готовы были к любой неприятности, но Сабрину так и не заметили.

Она подошла к ним на расстояние вытянутой руки и спряталась за высоким чернокожим парнем. Стоило ближайшему к ней охраннику отвернуться, она вынула лезвие и резким движением ткнула его в горло. Мужчина захрипел, в глазах промелькнул шок. Вырвавшийся фонтанчик крови перепачкал ближайших рабочих, заставив женщин закричать от ужаса. Охранники встрепенулись, один из них подхватил падающего собрата.

— Сука! Она там, в толпе, пали в неё! — завопил боец, и друзья его послушались, подписав себе смертные приговоры.

К тому моменту, когда прозвучали первые выстрелы, Сабрина почти добралась до передовой группы. Визг раненых людей перекрыл грохот пистолетов, крики заполонили помещение, и толпа зашевелилась, словно гигантские жернова. Один из охранников, которых послали найти Сабрину, обернулся, столкнувшись с принцессой лицом к лицу. Не успел он открыть рта, как она нанесла ему три удара в живот. Клинок легко вошёл между сочленениями брони, и кровь тёмной массой хлынула наружу.

— Не стреляйте!

— Бей их! Бей, скорее!

— Они убьют всех нас! Мы все умрём!

До других охранников Сабрине было не дотянуться. Едва принцесса попыталась прорваться, как толпа снесла её в сторону. Паника обняла людей как вредная тётушка, дающая плохие советы. Взрыв насилия в одном конце зала поджёг фитиль в другом. Сабрина бросилась на кресла, спасаясь от давки. Мелькали озверевшие белые лица, покрасневшие белки глаз, скрюченные руки. Охранников взяли в кольцо и начали давить. Бойцы завопили, заверещали от страха и боли. Их молотили руками, ногами, кто-то выдавливал им глаза и тянул за уши. Их

буквально разрывали по частям. У входа ещё пытались сопротивляться вооружённые пистолетами шавки Тореса, но они не протянули и минуты. Сабрина улыбалась, слушая их крики.

Директор пытался предотвратить кровопролитие, но сам же дал ей все инструменты. Она уже чувствовала вкус расплаты. Ничего слаще она ещё не пробовала.

Прыгая через кресла и наступая на чьи-то плечи, она двигалась к сцене, где сжались от ужаса её актёры. Они ей больше не нужны — неспособные драться, жалкие и тупые. Но они сыграли свою роль, создав нужную атмосферу, настроив людей на определённую волну. «Нельзя упускать такой момент, — думала Сабрина. — Если не направить энергию толпы в нужное русло, она просто рассеется».

Ожили рупоры, висевшие под потолком. Из них раздался голос директора, звеневший от напряжения:

— Внимание, всем рабочим Приюта! Говорит директор Зигфрид Торес! Нападение на охранников и сопротивление Божьему Порядку карается смертью! Но я более чем милосерден. Сдавайтесь, выходите из зала с поднятыми руками, и вас пощадят! Я гарантирую вам безопасность и амнистию!

Камеры и микрофоны служили директору, а Сабрине — паника и страх. Принцесса выскочила на сцену, распростёрла руки и начала вещать, что было мочи:

— Не слушайте его! Директор лжёт, чтобы заставить вас подчиниться! Посмотрите, что произошло. Охранники открыли стрельбу, а значит, им плевать на ваши жизни! Думаете, Торес сдержит свои обещания?! Как только он добьётся примирения, все вы окажетесь в условиях худших, чем раньше! Ваши дети и дети ваших детей будут угнетаться в этом поганом месте!

— Она права! — крикнул кто-то из толпы, пока остальные гомонили.

— Нет! Нам нельзя сопротивляться!

— Давно пора, мать его!

— А что будет дальше?!

— Нам некуда идти! Какая разница?

— Сабрина Лоренс — оппортунистка, — громогласно произнёс Торес. — Она толкает вас в пучину ненависти, чтобы спастись самой. Ради такого человека вы хотите умереть?

— Я поведу вас! — закричала принцесса. — Идите за мной! Вперёд! И я покажу вам, как нужно драться! Я освобожу вас от этих грёбаных стен! Давайте!

Она соскочила со сцены, слушая одобрительные возгласы. Толпа расступилась, освобождая проход. Подняв шоковую дубинку и пистолет мёртвого охранника, Сабрина ушла вперёд,

слыша, как надрывается директор над микрофоном. Но его никто уже не слушал. Толпа устала. Толпа жаждала крови.

У входа забрезжили серые комбинезоны с красными повязками на руках. Сабрина не ошиблась — её ждали активисты профсоюза. Десять человек во главе с Георгием, вооружённые щитами для подавления восстаний и пистолетами. Повисло неловкое молчание, некоторые рабочие сделали боязливые шаги назад. Сабрина не сдвинулась с места. Нахмурившись, она прицелилась в Георгия.

— Всё-таки выбрал сторону директора, а? — процедила она.

Но эмигрант лишь засмеялся в ответ:

— Нет. Подумал, что тебе может понадобиться помощь. Диомед ушёл дальше.

Сабрина услышала судорожные выдохи облегчения у себя за спиной, но и не вздумала показать, что обрадовалась. Кивнув Георгию, она пошла вперёд, бойцы профсоюза влились в клин толпы. Эмигрант спрятался за левым плечом Сабрины и что-то протянул ей. Принцесса быстро схватила предмет и сунула в карман.

— Это то, что я думаю? — буркнула она.

— Да. Ручная граната.

— Откуда ты её достал?! — зашипела Сабрина.

— Кто-то взломал базы данных утилизаторов, — пробормотал Георгий. — Теперь там можно печатать оружие. Любое, мать его так, вплоть до пулемётов!

Принцесса еле удержалась, чтобы не затормозить. Но нужно было двигаться, дойти до лифтов быстрее, чем туда нагрянут молодчики Тореса.

— А охране?

— Им закрыли доступ. Ребята всегда распечатывали оружие перед тем, как его использовать. Теперь они остались без ничего: только дубинки, да старые щиты. Зато любой рабочий может заказать себе ствол, гранату, а если захочет, то и сраный гранатомёт!

Голос эмигранта дрогнул.

— Сабрина, что ты сделала?

— То, что давно должна была.

По одному взгляду эмигранта Сабрина поняла всё. Обжигающий душу, полный обиды и страха, но при этом понимающий, даже прощающий. Георгий знал — против такой толпы не пойти. А если не можешь драться с чем-то, то присоединись к ним.

— У тебя тоже есть доступ?

— В том-то и дело, — Георгий огляделся. — У меня есть. А у

остальных бойцов профсоюза нет. Будто кто-то специально выбрал меня. Так что я по-быстрому напечатал, сколько мог, пушек и щитов для ребят.

— Кем бы ни был наш благодетель, надо сказать ему спасибо.

Тесные коридоры вели их мимо оставленных постов охраны и опустошённых бараков — все рабочие решили прийти на пьесу. Сабрина чувствовала, как напряжение давит железным сапогом ей на грудь. Перестало хватать воздуха, и она дышала всё глубже и глубже. Обшарпанные стены рисовали в её мозгу фантастические картины печального исхода дня. Что же, лучше она умрёт, чем будет жить так дальше. Главное — попытаться вытащить Лиз до того, как Приют закроётся.

Не прошло и пяти минут, как бунтовщики вышли к лифтам. Там их уже дожидался Диомед. Увидев Сабрину, он отошёл в сторону, и принцесса ахнула:

— Это то, что я думаю?

— Если ты подумала о пулемёте на треноге, то да, — огрызнулся лысый здоровяк. — Охрана сейчас попрёт из лифтов — и молись Богу, чтобы не активировались охранные системы, когда драка кончится.

— Почему?

— Тогда весь Приют поделится железными дверями на маленькие комнатки, в которые начнёт закачиваться усыпляющий газ. Держи, — он протянул Сабрине сумку. — Внутри противогаз. Если двери закроются, понадобится что-то для резки металла. Я думаю…

Не успел он договорить, как в длинном белом холле раздались громкие звонки — одновременно прибыло шесть лифтов. Двери раскрылись, и Диомед, не мешкая, бросился к пулемёту. Передёрнув затвор, он нажал на гашетку. Сабрина еле успела прикрыть уши, прежде чем обрушился ревущий шторм лязгающего металла.

Вывалившихся из тесных кабинок охранников срубило как соломинки. Пули пробивали тела насквозь, выворачивали кишки, отрывали руки, ноги, вскрывали черепные коробки. Лицо Диомеда освещалось вспышками, и по его выражению Сабрина поняла: он этим не наслаждается. В его шпиговании свинцом охранников не было жестокости, лишь выверенная, чёткая методичность; будто он, как доктор, на весах отмерял, сколько пуль прописать каждому противнику. Люди дёргались, вопили, извивались в агонии, а затем затихали навсегда.

Громкоговорители захрипели и возвестили женским голосом:

— Внимание! Отказ охранных систем! Отключение…

— Что это? — насторожилась Сабрина.

— Я же только что говорил, — отчеканил Диомед. — В каждом Приюте есть системы подавления бунтов. Торес попытался законсервировать нас — но у него ни хрена не получилось. Нам помогают, и помогают очень активно.

— Не важно! Главное — у нас есть выход к лифтам! — крикнула Сабрина, и жестом увлекла рабочих за собой. — Вместе мы в лифты не поместимся — используйте все доступные лестницы и двигайтесь наверх! Самые смелые идут со мной. Нужно успеть перехватить Тореса, пока он не сбежал из своей норы!

С ней намылилась пара дюжин крепких мужиков с лихорадочными глазами. Диомед схватил пулемёт и тоже протиснулся в лифт. Сабрину тут же придавило к стене, она начала задыхаться от запахов пота и грязной одежды. Лица рабочих светились небывалым энтузиазмом: они умудрялись шутить и подначивать друг друга, будто происходящее было всего лишь игрой, а не массовым кровопролитием.

— Внимание! Доступ на уровни выше запрещён! — известил всё тот же неживой женский голос. — Лифт останавливается на минус третьем этаже!

— А, так всё-таки Торес сумел кое-что придумать, — сказал Диомед. — Какой молодец.

Лифт профурычил наверх ещё минуту, прежде чем остановиться. Как только двери открылись, произошло то, чего Сабрина боялась — появились охранники. Ещё не вышедших рабочих начали давить и бить палками, загоняя всё глубже в лифт. Сабрину зажали так сильно, что ей показалось, будто затрещали рёбра. Она заорала от боли. Палец сам нажал на спусковой крючок пистолета.

Грохот выстрела ударился о стены лифта, что усилили звук в десяток раз. Охранники, явно не ожидавшие огнестрела, замешкались на пару секунд — и они стали решающими. С диким рёвом рабочие вытолкнули охранников обратно в коридор и заработали кулаками. Как только лифт освободился, Диомед подтянулся к Сабрине.

— Ты в порядке?

— Лучше не бывает, — огрызнулась принцесса. — Нам нельзя отставать!

Они побежали вслед за рабочими. Те уже успели отбросить охрану до следующего поворота коридора, но вдруг остановились. Где-то издалека послышались выстрелы и крики.

— Прорывают лестницы, — сказал Диомед.

Со стороны охранников кто-то завопил:

— Нет, стойте, пожалуйста!

— Не бейте!

— Мы сдаёмся, всё!

— Они не думали, что у нас есть пушки, — хмыкнула Сабрина. Прорвавшись вперёд, она увидела побледневших шакалов Тореса. — Свяжите их! — приказала принцесса рабочим. — И отведите в ближайшие бараки! Рабочим там скажите, что пришёл день освобождения!

На ближайших утилизаторах бунтовщики распечатали ремни и построили охранников в мини-караван. Бараки очистились от рабочих так быстро, что Сабрина и не заметила, сколько человек там было — многие, схватив оружие, тут же влились в увеличивающуюся армию Сабрины.

Охранников связали и усадили на пол. Удостоверившись, что ремни крепки, Сабрина кивнула и произнесла:

— Когда всё закончится, вас освободят.

Главный охранник бросил на неё косой взгляд налитых кровью глаз, но ничего не сказал. Сабрина закрыла дверь и закодировала панель доступа. Теперь войти сможет только она — или те, кому будет не лень взломать систему или же вырезать вход.

Бунтовщики делали всю работу за неё. С дубинками и редкими щитами, охранники ничего не могли противопоставить в узких коридорах вооружённым до зубов рабочим. Диомед с методичностью механизма срезал пулемётом пробегающих рядом блюстителей порядка, а Сабрина шагала вслед за обезумевшим воинством. Подошвы её сапог чавкали в крови, задевали отстрелянные гильзы. Среди трупов она замечала рабочих, убитых в спину или затылок. Кто-то под шумок умудрялся сводить личные счёты. Принцессе на секунду захотелось блевануть, но она сдержалась. «Путь крови. С него уже не свернуть».

Рабочие не знали пощады. Она прошла мимо группы бунтовщиков, которые специально отделились от общей толпы, чтобы развлечься со сдавшимися охранниками. Под дулами винтовок те лишь хныкали и просили о пощаде, в то время как бугай, покрытый татуировками, с усмешкой резал их коллегам глотки. Каждый надеялся, что до него не дойдёт очередь — и лишь в глазах последнего промелькнуло что-то, похожее на понимание. Он рыпнулся, попытался сбежать или напасть на своих мучителей, но пуля в голову мгновенно остановила его.

«А ведь у некоторых охранников семьи в этом же Приюте. Они пошли работать на Тореса, чтобы купить родным гражданство». Но попробовавшие крови бунтовщики плевали на всё. Оружие в их руках стало ультимативным уравнителем,

способным решить любые социальные проблемы. Пьянящая власть так быстро ударила в головы, что никто и не думал о последствиях. Увидев Сабрину, рабочие заорали:

— Слава принцессе!

До ближайшей лестницы наверх оставалась всего пара блоков, когда Сабрина натолкнулась на Георгия и его активистов. Эмигрант сидел, опёршись на стену. Кровь, вытекшая из десятка ран, насквозь пропитала комбинезон. Остальным повезло меньше — тела выглядели так, будто их рвали голыми руками. Быстрой смертью они точно не отделались.

— Ты ничего не могла сделать, — сказал Диомед. Сабрина кивнула, пропустив его слова мимо ушей. — Похоже, кто-то из рабочих вспомнил старые обиды и синяки. Слишком долго профсоюз поддерживал Тореса.

У Георгия застыло непонимающее выражение на лице, будто он не мог поверить в то, что его убили. Как всегда зачёсанные вперёд волосы не могли прикрыть огромную дыру на месте глаза. Активист никак не хотел умирать, даже после десятка ударов ножом, и его решили упокоить, вонзив клинок в мозг. Сабрина протянула руку, чтобы потрогать холодеющее лицо эмигранта. Она вспомнила Анну Пирс, которую случайно спасла, подравшись с бандитами. Теперь она останется одна, совсем одна. Принцесса тут же отдернула пальцы от трупа. Она не будет жалеть. Смерть Георгия на её совести, но Сабрина стремилась к лучшему, в то время как активисту просто не хватило мужества на действительно решительные действия.

Принцесса поднялась и двинулась дальше к лестницам. Она будто шла по следам катастрофы. Крови и трупов с каждым пролётом становилось всё больше и больше. Охранники, несмотря на численное превосходство бунтовщиков, умудрялись обороняться — среди тел Сабрина замечала рабочих с разбитыми головами. Но в итоге, стражники Тореса сдавались под натиском.

Она не стала размениваться на мелочи. Ей нужен был директор, а не его шавки. Вместе с Диомедом они быстро пробежал минус второй и минус первый этажи, и перед вестибюлем главного входа нарвались на самую крупную драку.

Узкий коридор перекрывали охранники в полной нательной броне, выставившие перед собой щиты. Свет отражался от чёрных потёртых шлемов и пластин. Видимо, где-то всё же нашёлся склад с оборудованием. Но охранников было слишком мало, и пришли они слишком поздно. Рабочие выли и ревели, раз за разом врезаясь в чётко выстроенную линию стражников. Они поскальзывались в крови и выбитых зубах, в упор палили из пистолетов, но бронированные бойцы продолжали их теснить.

— Назад! — взревела Сабрина, расталкивая бунтовщиков и задыхаясь от вони. Запахи пота, крови, пороховой гари и оружейной смазки смешивались в непередаваемый букет ароматов войны. Диомед спешил следом, пробивая путь стволом пулемёта и одиночными выстрелами в потолок. Бунтовщики продолжали тесниться, чей-то кулак угодил Сабрине в нос, только разозлив её. Бодаясь плечом, принцесса сумела прорваться вперёд. Рука потянулась за гранатой в кармане. Вынув чеку, она крякнула и перекинула подарок через строй бойцов Тореса.

Последовавший взрыв разметал людей как вырванные листки блокнота. Рабочие издали победный клич. Подняв вверх руку с пистолетом, Сабрина заорала:

— За мной! — и рванула вперёд. Охранников оказалось не меньше сотни, они заполонили весь холл, но это не остановило бунтовщиков. Они вонзились в толпу стражи, тыкая ножами, стреляя в головы, размахивая дубинками. Сабрина схватила ближайшего бойца Тореса за шиворот, ткнула ствол пистолета в визор и спустила крючок. Пуля пробила шлем насквозь, через дыру в затылке вырвались осколки черепа и кусочки мозга, вперемешку с бронепластинами. Ударами шоковой дубинки принцесса крушила дезориентированных после разорвавшейся гранаты противников, стреляла из пистолета, ревела, вкладывая в свой крик всю обиду, злость и разочарование прошедших месяцев. Эта была её лебединая песня, её кровавая расплата, её большой взрыв, создавший новый мир. «Попробуйте меня остановить, — с ненавистью думала Сабрина, сворачивая шею повернувшемуся спиной охраннику. — Попробуйте — и умрите, как собаки».

Диомед короткими очередями из пулемёта расчищал себе путь, стараясь экономить патроны, но их всё равно надолго не хватило. Врагов было просто слишком много, и все они таскали защиту. Отбросив бесполезное оружие, Диомед невозмутимо подхватил валявшийся щит и начал размахивать им, оглушая и валя оппонентов на пол. На Сабрину с криками нёсся охранник с ножом, но волна бунтовщиков накрыла его, переломала кости, сорвала броню, а затем растоптала в кровавую кашу с визгом и улюлюканьем. Под тяжёлым сапогом треснул хлипкий череп. Очередная жизнь оборвалась в злобе и страданиях.

Рабочие ревели, разрывая врага. Ухали дробовики, пистолеты и винтовки. Дравшемуся рядом с Сабриной юноше разнесло пулей плечо, и он завопил от боли. Его крик прервала опустившаяся на голову дубинка охранника. Принцесса подсекла стражника и ударом в кадык отомстила за несчастного мальчишку.

— Смотрите, куда стреляете! — закричала она. — Цельтесь, вашу мать! Вы так друг друга перехерачите!

Казалось, рабочие послушались — огонь стал более сосредоточенным и точным. Но то тут, то там падали срезанные дружескими пулями бунтовщики. Сабрина не могла с этим ничего поделать, и просто продолжала драться, выплёскивая ненависть на лизоблюдов Тореса.

— Они отступают! — разнёсся над головами чей-то оклик. — Враг сдаётся!

И правда: охранники дрогнули, осознав, что броня их больше не спасает. Кто-то медленно отступал назад, пытаясь обороняться, а кто-то развернулся на месте и сразу же драпанул. Толпа бойцов в вестибюле начала рассасываться — часть бойцов возвращалась на верхние этажи, другие же бросились к главному входу. Как только избранные вырвались наружу, из Приюта, исход был предрешён.

— Не дайте им закрыть двери! За ними! — крикнула Сабрина. Слишком поздно. Тонкий ручеек охранников, тёкший к главному входу, прервался. Последний выбежавший захлопнул двери. Послышалось пиканье — стражники кодировали дверь снаружи, а значит, чтобы вырваться, придётся её вырезать. Оставшиеся внутри ударились о безжалостное железо, забарабанили кулаками, пытаясь достучаться до своих запаниковавших коллег. Бунтовщики, не размениваясь на сантименты, расстреляли их в спины. Как только пал последний боец Тореса в вестибюле, Сабрина оглядела поле развернувшейся битвы.

Мёртвых бунтовщиков оказалось больше, чем охранников — бронированные ублюдки сражались так, будто настал конец света. Вполне возможно, с их точки зрения бунт им и являлся. Сабрина опустила пистолет и дубинку, ощущая боль в плечах и руках. Кровь врагов текла по её бледным шрамам свежими водами по высохшему руслу. Давно она так не дралась, очень давно. Каждый раз, схватываясь с охранниками в коридорах, принцесса знала, что не нанесёт большого вреда. Но сегодня она боролась за свою жизнь. Ни один боец Тореса не пощадил бы её. Не после того, что произошло.

Сабрина двинулась к опустевшим столам администраторш — ей нужно проверить, у себя ли ещё Торес или нет. И только оказавшись совсем рядом, она рассмотрела измочаленные, лишившиеся человеческого облика трупы секретарш и чиновниц, встречавших её у входа. В пылу боя бунтовщики не щадили никого. А может, кто-то посчитал, что убийство ни в чём не повинных девчонок — тоже часть борьбы с системой.

Сабрина сжала кулаки так, что они побелели. Диомед тронул её за плечо.

— Проверь Тореса, — посоветовал лысый громила. — Здесь ты ничего сделать не смогла бы.

Принцесса торопливо кивнула и скрипнула зубами. «Я не жалею ни о чём, — повторила она. — Это мой выбор. Я дойду до конца».

Она пробежалась непослушными пальцами по клавиатуре, вызвала системные файлы и карту. Коммуникатор Тореса был отключен, а камеры в кабинете показывали лишь пустой стол.

— Сбежал, мать его! — вскричала Сабрина, ударив кулаком в монитор. Стекло треснуло вместе с кожей на костяшках. Принцесса, не задумываясь, оторвала кусок материи от рукава и начала перевязывать руку. — Сукин сын!

— Этого следовало ожидать, — всё так же невозмутимо ответил Диомед. — Нам пора уходить.

— Как? Охранники законопатили дверь, — огрызнулась Сабрина и огляделась. Никто из бунтовщиков не остался, чтобы вырезать вход — все устремились наверх. Казалось, на самом деле их интересует не свобода, а месть охранникам и возможность пролить как можно больше крови.

— Торес ведь ушёл не через главный вход, — сказал Диомед. — В его кабинете наверняка должен быть запасной.

Сабрина кивнула и вдруг спохватилась. Осознание серым клинком ворвалось в её разум.

— Елизавета! Она же наверху, в школьном корпусе! Проклятье, нам нужно спешить!

— Отойди, — приказал Диомед и подошёл к другому терминалу. Активировав его, он вызвал схему здания и начал забивать одну команду за другой. — Так, хорошо, лифты снова активировались. Может, у нас ещё есть время.

Сабрина в очередной раз поймала себя на мысли, что не знает, кто такой Диомед и откуда он — слишком уж умным казался её телохранитель для обычного наёмного громилы. Но об этом стоило подумать позже.

— Елизавета сказала, что живёт в общежитии на шестом этаже! — прохрипела Сабрина, хватая пистолет и дубинку. — У нас ещё есть время!

Они побежали к лифтам. Нажав все кнопки, они потратили минуту, дожидаясь приезда кабины. Наконец, погрузившись внутрь, Сабрина ткнула номер шесть, и лифт помчал их наверх.

Как только двери открылись, принцесса поняла, что опоздала. Двери общежития оказались взломаны, охранников и след простыл. Из помещения раздавались истошные крики, топот и

грохот ломаемой мебели. Рядом со столом лежала молодая администраторша с десятком ножевых ран. Но бунтовщики сюда ещё не дошли. «Кто же её убил?»

Ответ пришёл сразу же, стоило Сабрине ступить за порог школьного корпуса. Перед ней открылся огромный зал с дорогими, сделанными вручную люстрами. Всё это предназначалось для массового сбора школьников, вроде почётного плаца. На сцене с синими кулисами когда-то наверняка выступал сам директор, читая вдохновляющие речи для нового поколения рабов. Но сейчас место больше напоминало ад.

Бритоголовые парни гоняли других школьников по помещению. Девушек валили на пол, раздевали, изредка избивали, в то время как с мальчишками расправлялись нещадно, с невероятной злобой, на которую способны только дети. У некоторых хулиганов Сабрина заметила в руках ножи. «Не только Приют страдает бандитизмом», — мрачно вспомнила она, рыская глазами в поисках Лиз. Но сестры не было нигде видно.

Принцесса подняла вверх пистолет и нажала на спусковой крючок. Грохот выстрела затопил помещение, и маленькие ублюдки тут же бросили свои дела, сосредоточив переполненные страхом глаза на Сабрине.

— Прекратите! — заорала она. — Посмотрите на себя! Вы же хуже животных! Немедленно оставьте друг друга в покое и разойдитесь по своим комнатам, иначе я начну вас всех убивать без разбору!

Бритоголовые скукожились и начали расходиться. У некоторых ещё доставало наглости на злобные взгляды, но они тут же потухли, стоило Сабрине махнуть стволом пистолета в их сторону. Остальные не торопились возвращаться в свои покои. Побитые начинали подниматься с пола, девушки рыдали, пытаясь прикрыть срам. Среди жертв Сабрина разглядела знакомое лицо:

— Вилли! — вскрикнула она и подбежала к школьнику. Он валялся на полу, разбитая губа раздулась, стала синей. Принцесса похлопала младшего Коула по щекам. Глаза мальчишки открылись. — Быстрее скажи мне, где Елизавета?

— Они схватили её, — прошептал Вилли, пытаясь подняться. — И утащили в туалеты… сказали, что принцессе нужно особое внимание…

— Где находятся туалеты? Где, чёрт тебя подери?!

Вилли лишь сумел махнуть рукой.

— Диомед, возьми его! — сказала Сабрина. — Показывай дорогу!

У них ушло три минуты на путь через общие коридоры общежитий школьного корпуса до женского туалета.

Раздающиеся оттуда вопли Сабрину не порадовали. С размаху она вышибла дверь и чуть не поскользнулась на мокром полу.

Трое бритоголовых с ножами и дубинками стояли вокруг распластанного на холодном кафеле голого тела, над которым трудился четвёртый. Сабрину охватил ужас. Неужели это израненное, побитое и покрытое синяками существо — её сестра? Глаза Елизаветы смотрели прямо на Сабрину. В них царили полная отрешённость и безразличие.

Принцесса почувствовала, как ненависть взрывается в ней, накрывает всё, заползает в самые отдалённые участки тела. Дубинка размозжила голову одному из хулиганов, лицо второго разорвала пуля из пистолета. Третий в ужасе заорал и отскочил в сторону, но поскользнулся о кровь своего собрата. Губы молили о пощаде, всё его тело излучало раскаяние. Сабрина размозжила ублюдку лицо ударом каблука. Она обернулась, взглянув в глаза насильнику. Тот улыбался. Выхватив нож, он полоснул клинком по горлу Елизаветы. Девушка даже не вздрогнула, когда холодная сталь вскрыла её.

Сабрина взревела. Крик, полный отчаяния и безысходности, прокатился по всему помещению. Он окружил её со всех сторон. Хлынула кровь. И вот уже четвёртая жертва лежит на полу, а она пытается что-то сделать с сестрой, которая умирает прямо у неё на руках. Остекленевшие зелёные глаза, тёмные пятна на бледной, почти прозрачной коже. Белизна кафеля покрывается багровой жидкостью. Холод и страх. Сабрину трясло, со лба лился пот. «Нужно перевязать рану», — думала она. Быстрым движением ножа девушка отрезала лоскут материи от рукава и перекрыла кривоватый, напоминающий стебель розы, разрез.

— Всё хорошо, — продолжала приговаривать Сабрина, убирая с лица сестры волосы. — Всё в порядке, Лиз…

Позади хлопнула дверь. Диомед отстал из-за Вилли. Но он ещё мог помочь.

Лысый громила, увидев трупы, тут же бросил младшего Коула — тот уже мог довольно крепко стоять на ногах. Быстро оценив обстановку, Диомед подхватил хрупкое бледное тело Елизаветы на руки.

— Придержи повязку! — скомандовал он. Принцесса, всхлипывая, поспешила выполнить приказ. Они вытащили Лиз из уборной.

— Где ближайший отдел Медцентра? — гаркнул Диомед Вильгельму. Пацан молча побежал вперёд.

Они двигались так быстро, как только могли. Но коридоры казались Сабрине бесконечными. Они петляли, обманывали, заманивали в ловушку. Впереди неслась широкая спина Диомеда,

по бокам которой торчали бледные руки и ноги Лиз, покрытые кровью. Принцессе казалось, что кожа сестры с каждой секундой становиться всё белее.

— Сабрина, очнись! — крикнул громила. — Постучись к ним!

Двери в Медцентр оказались закрыты. И неудивительно: с разгуливающими повсюду бунтовщиками и школьными хулиганами трудно дышать спокойно. Сабрина забарабанила кулаками о безжалостную сталь.

— Откройте! — закричала она. — Умоляю вас, откройте! Помогите моей сестре! Вы наша единственная надежда!

Она стучала до тех пор, пока не расшибла кулаки в кровь. Всхлипывая, Сабрина рухнула на колени и заплакала. Гладя сестру по лбу, оставляя на белой коже багровые разводы, она шептала:

— Ты обязательно выживешь… У тебя всё будет хорошо. Ты станешь королевой. Обещаю тебе.

И тогда, как по магическому велению, двери распахнулись. На пороге стояла огромная, выше Диомеда, чёрная фигура, подпирающая макушкой потолок. Из-за яркого света за её спиной Сабрина не могла разглядеть лица. Но сейчас медик казался ей сошедшим на землю ангелом.

— Помогите ей, — прошептала она, показывая на Лиз. — Помогите… она всё, что у меня есть.

— С исцелением придёт цена, — громыхнула фигура. Сабрина затряслась — так потряс её мощный голос.

— Я готова заплатить любую! Только спасите её!

— Не тебе придётся платить, — отрезала чёрная фигура. Наклонившись, он подхватил Лиз и понёс её внутрь, к свету. Сабрина протянула руку — и натолкнулась на невидимую стену.

— Что за… — произнесла принцесса, но Диомед дёрнул её за плечо, предупредительно помотав головой.

Фигура исчезла в конце коридора, свечение погасло. Сабрина считала удары сердца — раз, два, три… десять… тридцать… сорок… Казалось, весь мир застыл вокруг неё — лишь воздух резкими толчками то входил в лёгкие, то вырывался наружу.

— Твоя сестра мертва.

Голос донёсся не из коридора. Он прозвучал прямо у неё в голове. Сабрина застыла, не в силах пошевелиться. «Ты убила её, — подумала принцесса. — Ты убила её, тупая, никчёмная сука. Она поплатилась за твои грехи. Теперь ты точно сгоришь в аду».

Вильгельм, стоявший рядом, поперхнулся и сжал кулаки.

— Нет. Нет! Нет, чёрт возьми! — заорал он и начал молотить стену. — Проклятье! Это всё твоя вина! — крикнул он, ткнув в Сабрину пальцем. — Если бы ты не начала всего этого, она могла

бы быть жива! Мы могли спасти её!

Диомед тронул Сабрину за плечо. Жест показался ей почти отеческим. Как жаль, что у неё никогда не было отца.

— Нам нужно уходить, — с нажимом произнёс громила. — Если прибудет полиция, мы уже никуда не убежим. В лучше случае, нас казнят. В худшем — я даже боюсь представить.

— Мне плевать, — сказала Сабрина. В её воображении всё висело бледное лицо Лиз, покрытое каплями крови. Вильгельм подошёл к ней и с размаху ударил под дых. Принцесса согнулась пополам.

— Верни её! — кричал мальчишка. — Сделай что-нибудь!

— Я… — начала Сабрина, пытаясь отдышаться, но Диомед покачал головой. Поникнув, принцесса выпрямилась и потянулась к Вильгельму, пытаясь успокоить его. Мальчишка вовсю плакал, размазывая грязным кулаком слёзы по щекам. Ладонь Сабрины замерла на полпути и отпрянула.

— Я обязательно вернусь за тобой, — твёрдо сказала принцесса. — Обещаю.

Она отвернулась и ушла вслед за Диомедом.

* * *

Путь до кабинета директора казался сном — старым кошмаром, который так глубоко поразил, что почти и не запомнился. Но вот, спустя десятки лет, вдруг всплыл, заставив вспотеть от первобытного ужаса. Заставив вспомнить, что смерть может оказаться только началом.

Они шли к главной лестнице, не обращая внимания на вернувшихся к своим делам бритоголовых. Как маленькие дикие животные, они огибали опасность, в виде вооруженной принцессы и её громадного спутника, и нападали на беззащитных и обездоленных. Вернувшись в зал, Сабрина увидела среди трупов сидящую на коленях девочку лет десяти в помятой, изорванной форме. На голове школьницы отсутствовал клок волос. Она держала в руках нож и сосредоточенно им тыкала в лежащий рядом труп, приговаривая монотонным голосом:

— А это за то, что называл страшной. А это за то, что называл тупой. А это за то, что называл дурой…

Между ног девочки сочилась кровь.

Сабрина осторожно обошла её, двинувшись к выходу. Спускаясь на четвёртый этаж, они с Диомедом столкнулись с уже поостывшими бунтовщиками. Увидев принцессу, рабочие радостно взревели. Она лишь указала пальцем наверх и

произнесла:

— Охранники могли остаться и там. Найдите каждого. Не знайте пощады. И тогда мы станем свободными.

Кабинет директора оказался открытым. Всё, что было ценного, бунтовщики разнесли, изорвали, изгадили. Стоял отчётливый запах испражнений.

— Что мы здесь забыли? — спросила принцесса.

— Выход, — процедил Диомед. Подойдя к одной из стен, он нажал на неприметный камень. Скрытая панель в человеческий рост отъехала в сторону, открыв проход. — Идём!

Сабрина нагнала громилу, когда тот уже спускался по лестнице. Хватит с неё загадок. Достаточно. Схватив Диомеда за комбинезон, она прошипела:

— Кто ты, мать твою, такой?! Откуда ты всё знаешь?

— Просто иди за мной, — произнёс мужчина. — Нечего терять время.

И продолжил путь, как ни в чём не бывало. Сабрина побежала следом. Она хотела остановить его, но тут услышала голоса впереди:

— Что это? Мне показалось или за нами кто-то идёт?

Почувствовав прилив ненависти, Сабрина бросилась вперёд. За поворотом лестницы, как она и ожидала, оказались Паркер с Мэйсоном. Шавки Тореса пытались сбежать вслед за хозяином.

Увидев Сабрину, они остановились и, как по команде, синхронно подняли руки:

— Слушай, если ты хочешь денег… — заговорил Мэйсон, но Сабрина прикрикнула:

— Заткнитесь!

Бухгалтер послушно прикрыл рот. Он сразу стал мелким, жалким, весь его поганый лоск слез, как скорябанная с железа краска. Тут же заговорил Паркер:

— Я сделаю что угодно, если понадобится. У меня есть связи, поверь!

— Твой профсоюз предал тебя, Паркер, — сказала Сабрина. — Как ты думаешь, что тебя ждёт, если ты останешься здесь?

По щекам толстяка потекли слёзы:

— Я не виноват! Это всё Торес! Поверь мне, я всегда был за благополучие рабочих! Пожалуйста, умоляю тебя…

— Убей его, — приказала Сабрина. — Убей Мэйсона.

Бухгалтер замотал головой, кидая взгляды то на принцессу, то на главу профсоюза.

— Что… что ты имеешь в виду? — спросил он дрожащим голосом. — Нет, слушай, я…

Но не успел он договорить, как Паркер с покрасневшим лицом схватил его за горло и начал бить о стены. Мэйсон хрипел, пытался вырваться, пинался — но силе толстяка он не мог ничего противопоставить. Хрипя и выплёвывая пену, Мэйсон осел на пол. Паркер поднатужился и одним коротким движением сломал бухгалтеру шею. Безжизненное тело покатилось вниз по лестнице и замерло на пролёте.

— Так я и знала, — прошипела Сабрина. — Ты всех сожрёшь, лишь бы остаться в живых, не так ли, Паркер? За это тебе Торес и платил. Ты паразитировал на людях, выпивал их них все соки. До тех пор, пока даже самые верные тебе не поняли, какой ты урод.

Принцесса нажала на спусковой крючок, проделав хорошую дыру в громадном животе Паркера. Лидер профсоюза крякнул и побледнел. Облокотившись на стену, он начал сползать вниз.

— Сука, — прошептал он. — Маленькая сука…

— Если доползёшь до выхода, может, тебя ещё кто-то найдёт, — прошипела Сабрина. — Молись, чтобы это были команды Медцентра, а не бунтовщики.

Она быстро сбежала вниз, стараясь оставить тела как можно дальше. Оставить кровь позади, больше к ней не возвращаться. Но она знала — это только начало. В её жизни будет ещё много трупов.

Диомед обогнал её. По лицу громилы Сабрина поняла, что он готов говорить.

— Кто ты? — снова спросила она, не сомневаясь, что тот заговорит. Должен был заговорить. Иначе, какой во всём смысл? Он разыграл свою роль до конца, так пусть соизволит ответить, в чём она заключалась.

— Меня зовут Диомед. А раньше называли капитаном Диомедом. Я был одним из Двенадцати. Тем, кто диктовал свою волю Башне Правосудия. Когда-то я служил Эдему, следя за Синдикатом.

— Ты был копом?

— Да. Пока мой друг, Джулиус Керн, не предложил план, как заставить Синдикат плясать под нашу дудку. Был один банк, куда не было доступа даже у короля, и мы решили обнести его. Захотели понять, что же находится такого важного внутри. Понять, что заставляет Синдикат так трепетать. Целью был один из банков Дома Торес.

— Директор чем-то заведовал там?

— Нет, наш директор Приюта — мелкая сошка. Лишь один из десятка носителей имени Торесов. Да и сами они всего лишь слуги у куда более важных игроков. Есть сила, которая тайно бдит над Старым Городом. Старые деньги, старые семьи, старые

связи. Кое-что древнее Синдиката. Некая организация. Культ, состоящий из фанатиков Освободителя.

— Но кто они такие? — спросила Сабрина.

— Я не знаю. Знаю лишь, что важнее маски, а не то, что под ними, — за всё время разговора Диомед впервые соизволил повернуться к принцессе. — Ты их видела постоянно, но не обращала внимания, так же?

Сабрина пыталась понять, о чём он. Осознание новорождённой звездой взорвалось в её голове.

— Вигиланты, — выдохнула она. — Фанатики Освободителя, все до одного. Защитники униженных и обездоленных с окраин.

— Просто мясо для машины войны, — покачал головой Диомед. — Мы тщательно подготовили ограбление. Мы были копами, могли позволить отличное снаряжение. Всё прошло без сучка без задоринки: весь персонал подчинился, посетители не стали протестовать. И вот, мы с коллегами вскрыли хранилище. Керну, как изобретателю плана, доверили посмотреть, что внутри главной ячейки, открываемой только золотым ключом менеджера.

— И что же там было?

— Абсолютно ничего. Но Керн… Керн сказал, что понял всё. Мы свалили из этого чёртового банка. А потом все члены Секции Двенадцать начали умирать, друг за другом, по странным стечениям обстоятельств. И я бежал. К единственному человеку, желавшему меня защитить. Королю.

— Но зачем деду тебя защищать? Вы же хотели шантажировать его.

— Потому что я знал, на что способны маски. Я знал, что он боится своих покровителей — и ненавидит их. Мы начинали как враги, но в итоге оказались в одной лодке. Он принял и спрятал мою семью, интегрировал в Синдикат. А в качестве платы, я стал работать на корону.

— Подожди… ты хочешь сказать… — Сабрина выдохнула. — Он сунул меня сюда с умыслом?

— Да. Чтобы ты подняла восстание против Тореса. Ни у кого не возникло бы подозрений, всё свалили бы на тебя. Думаешь, оружие появилось в системе просто так? Я дал отмашку, техники Дворца доделали всё остальное.

— А если бы Торес убил меня? Что бы он тогда сделал?! — вскрикнула Сабрина.

— Что же, для короля невелика потеря, — жёстко произнёс Диомед. — Тогда у него появился бы повод наказать директора официально. В любом случае, ты принесла бы пользу.

— Он просто использовал меня… — тихо выдавила

Сабрина. — Ему было настолько плевать… И всё это время ты лгал мне?

— Я не лгал ни о чём, принцесса, — ответил Диомед. — Я просто не говорил правду. Разве она тебя тогда интересовала? Да и потом, стал бы я делиться тем, что говорю сейчас?

— Что дальше? — Сабрина встала на месте. — Я выполнила свою миссию. Теперь я никому не нужна.

Диомед так резко развернулся на месте, что принцесса рефлекторно вскинула кулаки. Бывший коп лишь усмехнулся.

— Выполнив миссию, ты искупила свою ошибку. Ты можешь спокойно вернуться обратно. У короля ещё множество дел. Нам нужно работать вместе, чтобы достичь наилучших результатов. Снаружи тебя будет ждать Дэниел с моим сыном Реджинальдом.

Сабрина дёрнулась, услышав имя любимого. Но удивило её больше другое.

— Реджи? Реджинальдом Кински? Но он ведь всё это время учился с нами, совсем рядом… он был твоим сыном?!

— Хорошую они выбрали фамилию. Неброскую. Всё это время спрятанный на виду, вблизи отпрысков самых могучих Семей Синдиката, — улыбнулся Диомед. В голосе его прорезалась гордость. — Фанатики до него никогда бы не добрались — в вашей тени Реджи всегда был в безопасности.

Сабрина сжала кулаки. «Дэниел… дед и тебя опутал своими сетями». Теперь они оба утонули в крови из-за Карла. Она так жаждала встретиться с ним, и теперь боялась, что не сможет посмотреть любимому в глаза. Пара убийц, пара пешек короны. Нет, не так она представляла себе их воссоединение.

— Идём, а то опоздаем, — махнул рукой Диомед. Принцесса всё же решила послушаться.

— У меня совсем нет выбора? — спросила она больше себя, чем экс-копа, но тот покачал головой.

— Конечно есть! Ты можешь остаться и сгореть со всеми, когда прибудут основные силы Башни Правосудия, а можешь вернуться к деду, искупив все свои грехи, и продолжить борьбу. Разве ты не понимаешь? Всё это дело — оно намного больше, чем твои детские обиды. Нам придётся пролить океаны крови, чтобы вернуть себе контроль над Старым Городом. Эдем был создан не для того, чтобы быть недостижимым идеалом. Он должен был служить людям, народу. Твой дед это понимает. Я это понимаю. Но чтобы всем выбраться из ямы, нужно хорошенько постараться. Нам нужен сильный лидер.

— И кто же им станет? — саркастически процедила Сабрина. — Дедушка? Кем бы ни были эти люди в масках, эти культисты, я скажу одно — сомневаюсь, будто они хуже Карла.

— Ты рассуждаешь как дитя, — сказал Диомед. — Тебе жаль всех этих рабочих? Под Торесом они не могли сделать со своими жизнями ничего полезного. А теперь, благодаря их жертве, мы на шаг ближе к победе. К всеобщему освобождению Старого Города.

— Пока мой дед король, никто не будет свободен, — выдавила Сабрина. Они уже почти дошли к выходу. Диомед указал на дверь с кодовым замком.

— Введёшь «0451», выйдешь наружу и будешь ждать. Дэниел приедет, чтобы забрать тебя. Вы отправитесь к королю.

Потерев подбородок, экс-коп добавил:

— И передай привет Реджи. Скажи, что я скучаю.

— А ты останешься здесь?

— Моя работа ещё не закончена, — нахмурился Диомед. — Когда прибудет полиция, я должен убедиться, чтобы все беспорядки утихли. А потом отправлюсь дальше, может быть, даже присоединюсь к вам во Дворце. Ступай вперёд, дитя, и не оглядывайся назад. Не на что тут смотреть.

Сабрина ввела код и захлопнула дверь. Как и просил Диомед, она не обернулась. Она не собиралась прощаться. Злость кипела в ней огнём бесконечной войны, пышила обещаниями расправы. Она вспомнила маму, её аккуратное, вечно сосредоточенное лицо. По какой бы причине Анора ни предала короля, Сабрина приняла бы её сторону. Дед использовал её, использовал Дэниела, использовал всех. Он обагрил её руки, превратил в чудовище. Убил Елизавету.

Мысль о том, что она сама могла быть виновата, Сабрина старалась отогнать. «Если бы дед не послал меня в Приют, Лиз была бы жива. Лучше бы казнил сразу».

Она вынырнула из входа в самом низу здания, у торца. Принцесса оказалась у заброшенной технической дороги, которая могла служить для обслуживания канализационных каналов под Приютом. Над головой проходила магистраль, пешеходных дорожек рядом не было видно. Сюда можно было приехать только с определённой целью.

Не прошло и минуты, как из-за угла послышался визг колёс. К входу подрулил алый седан с затонированными стеклами. Дверь распахнулась, и Сабрина приготовилась столкнуться с кипучим взглядом голубых глаз Дэниела.

Но внутри оказался не её любимый. Дверь раскрыл юноша, не старше её самой, со светлой шевелюрой, одетый в строгий серый мундир и белые перчатки. Глаза его скрывали очки расширенной реальности.

— Садись, — произнёс он.

— Кто вы такие?

— Те, кто тебе поможет. Ты же не хочешь работать на короля? Ты жаждешь ему отомстить за всю ложь?! Так присоединись к нам!

По мундиру мальчишки Сабрина догадалась, что он наёмник.

— Ты служишь Карфилдам? — спросила принцесса. Парень стушевался.

— Вопрос не в том, кому я служу. Важнее, что я не работаю на Его Величество.

Из темноты салона показалось ещё одно лицо. Женщина с кудрявыми чёрными волосами, собранными в хвост. Чётко очерченное лицо истинной аристократки, но взгляд бывалого солдата — такой же, как у мамы. Несмотря на недостаток света, Сабрина умудрилась рассмотреть руки женщины — покрытые тёмными пятнами, старые, прошедшие не одну процедуру омоложения.

— Я знаю, как с тобой обошлись, — раздался её голос с лёгкой хрипотцой. — Я знаю. Тобой просто воспользовались и такое прощать нельзя, какими бы высокими ни были мотивы. Твой дед говорит, что хочет освободить Старый Город — но он сделает всех своими рабами. Ты можешь предотвратить такой исход — если просто сделаешь один шаг.

Перед глазами Сабрины возникло бледное лицо Елизаветы, её остекленевшие глаза, кровь на губах. Она вспомнила звонок мамы на крыше, ещё в Академии. Она вспомнила Дэниела, говорившего, что не хочет служить Карлу.

И сделала шаг к машине. Юноша подвинулся, уступая место. Внутри пахло дешёвыми сигаретами и оружейным порохом.

— Валим отсюда, Марстон, — произнесла незнакомка, помахав водителю. Тот не заставил долго ждать и дал по газам. Машина рванула вперёд и после нескольких поворотов оказалась на магистрали, затерявшись в общем потоке. Сабрина заметила, что за рулём пожилой мужчина в чёрной куртке и берете Дома Роско. Она могла поклясться, что видела его среди гвардейцев Дэниела.

— Не бойся, он больше не работает на Стервятника, — женщина повернулась к Сабрине и тепло улыбнулась. — Давай познакомимся как нормальные люди. Моё имя — Арден Карфилд, но все называют меня Мамой.

Открыв карман, Сабрина дрожащими пальцами вынула пачку сигарет. Она не стала спрашивать разрешения, чтобы закурить. Едкий дым проник ей в голову, смягчил мысли, ослабил ноющие мускулы и заставил обеспокоенное сердце биться ещё сильнее.

— У меня есть своя мама, — процедила Сабрина, выпуская

дым. Наёмница усмехнулась.

— Ты свыкнешься.

На сиденье перед принцессой замерцал экран — кто-то пытался дозвониться.

— С тобой хочет поговорить один человек, — произнесла леди Карфилд и приняла звонок. Увидев собеседника, Сабрина дёрнулась назад и вжалась в кресло.

Он постарел лет на двадцать и покрыл лицо татуировками. Но принцесса всё же узнала мужчину по глазам и волосам, зачёсанным вперёд. Как в день их первой встречи.

— Здравствуй, Сабрина, — прохрипел Георгий. — Выглядишь так, будто призрака увидела.

17. Власть закона

«Если бы люди были честны,
палачи лишились бы работы»

Каро Нильс, статья «И немного о правосудии»

28 декабря, 541 год после Освобождения

— Мои руки… они трясутся типа, — прошептал Клэй, но поток слов о предательстве оказался громче.

Бледный человек всё говорил, его слова наслаивались друг на друга, превращались в картину легендарного побоища. Но кости участников утилизатор не отдавал обратно.

— Говорю вам, бунт устроил сам король! В системах Приюта не было схем огнестрела, но кто-то их туда внёс! — директор Торес, походивший на обезьяну в парике, стучал ручками в перчатках по столу. Альберт сидел напротив и сохранял смертельное спокойствие, грозно шевеля усами. Судя по их эскападам, толстячку компания директора не то чтобы наскучила, но успела довести до точки, когда проще сказать «нет», чем «да». Последние дни Альберта напоминали фильм ужасов, оказавшийся в комбайне с комедией, что провернули, выжали, но не взболтали, а полученное забыли отдать на склад бессмертных шедевров человечества. Рождение дочери, смерть жены, любовник-синдикатовец, решивший забрать ребёнка, и осознание того, что последние два года супруга мозги трахала сильнее, чем её же имел молодой соперник Альберта. Клэй не завидовал судьбе старого друга и новоявленного сержанта.

Допрос спонтанно развернулся в звукоизолированной и герметичной палатке для боеприпасов. Куда-то ещё вести Тореса казалось затеей, достойной государственных ситкомов. Не в экстренный же штаб, где капитан Тэйт и лейтенант Таггарт никак не могли решить, чей же мандат о полномочиях больше. Ко всему прочему, неподалёку ошивался комиссар Фарго, делая вид, будто Башней Правосудия управляет он, хотя Секция Двенадцать ему никаких мандатов не вручала. Слушать директора старику совершенно ни к чему.

Клэю хотелось смеяться, но не получалось — болела голова, горло, а также протезы, которые он называл своими руками. Да и Торес мог неправильно понять. Его грим был достаточно белым,

чтобы Клэй принял директора за серьёзного человека. К тому же, Джейсону на горб снова подкинули честь офицера. Жизнь заставила вспомнить, каково подрабатывать отцом бойцам и слугой карьере.

— У вас есть хоть один факт, чтобы подкрепить своё заявление? — тон Альберта был так холоден, что трупы назвали бы его бесчеловечным. Через плечо Клэй разглядел, что толстячок рисует обезьяну в парике. «Идиоты думают одинаково».

— Повторяю: всё осталось в Приюте, — произнёс Торес. — Если бы мне дали…

— Ага, а между нами и Приютом огромная армия бунтовщиков, — Альберт, казалось, сумел обрадоваться. Но стоило промелькнуть ноткам счастья, как тут же их истребили воспоминания о жене. — Наши специалисты подтвердили, что схем огнестрела в базе данных нет. А на нет, как говорится…

— Они почистили историю! — перебил Альберта директор. — В Приюте есть резервный буфер. Я лично устанавливал. Там точно сохранились все манипуляции…

— Мы вас понимаем, господин Торес, — Альберт отодвинул стул и поднялся. Его толстый зад превратился в плоский параллелепипед. — Но ваших слов недостаточно, чтобы вызвать сюда комиссара. Он с вами говорить не будет.

— Да вы все заодно! — взвился Торес, и сквозь румяны выглянуло лицо настоящего зверя. Клэю даже немного захотелось испугаться. — Я еле унёс оттуда ноги! И теперь вы отказываетесь меня выслушать?!

— Мы вас и так выслушали, — протянул Альберт, отмахнувшись от директора. До получения погон сержанта, толстяк так разве что с женой мог говорить — в своих мечтах. «Власть и правда меняет людей. Либо ты учишься ею управлять, либо она съедает тебя. Иногда даже с говном».

— Вы тянули время, — прошипел Торес. Под слоем грима Клэй разглядел ужасные шрамы. Вторжение пометило лицо директора глубже, чем страницы учебников истории, которые будут ещё не раз прокляты нерадивыми оболтусами сотни лет спустя.

«Столько денег, а на пластику не хватило».

— Вы выгораживаете Карла. Почему? Он вам платит?

— Зачем бы ему провоцировать бунт в Приюте? — спросил Клэй. Взгляд Тореса стал змеиным — влажным и увиливающим. Директор отвернулся. «Мутишь воду, сукин сын. Вы всё такие же, синдикатовские свиньи…»

— Дело в том, — произнёс Торес, — что я знаю правду о двадцать втором мая и преступлении короля. До меня доходили

слухи, лейтенант, будто вам тоже кое-что известно?

— Патрульные вас проводят, — проронил Клэй, стараясь не дрогнуть, и указал на дверь. Торес ухмыльнулся и вышел.

В последний момент самообладание подвело Джейсона, и на руке вслед директору вытянулся средний палец.

Теперь Клэй знал, что директор не лжёт. Всё встало на свои места. О преступлении короля проведал Торес, и Карл решил убрать ненужного свидетеля. Смерть во время спонтанного бунта — и всё шито-крыто, как в борделе с несовершеннолетними шлюхами. Всё же, гримированный говнюк сумел сбежать. Но кто теперь ему поверит?

Когда-то у Клэя тоже были доказательства. Теперь всё это забыто. Задохнулось за ледяной стеной гипновнушения и стимуляторов. Он уже другой человек. Псих, готовый на всё ради правды, остался по ту сторону зеркала — иногда улыбался, пытаясь напомнить о лучших временах, но чаще молчал. Похоже, ненавидел себя за предательство идеалов. А может просто не хотел портить настроения.

Стоило директору покинуть палатку, Альберт растаял и начал кидаться горячими словами:

— Вот жопа! Прыщавый хрен Освободителя! Клэй, ты слышал эту херню?

— Всё время находился здесь, умник, — огрызнулся Джейсон. — Уж конечно, твою мать, я слышал.

— Думаешь, он не шутит? — толстяк боязливо огляделся, будто дух Тореса мог подслушивать. — Подкинуть бунтовщикам схемы оружия — для такого нужны хорошие деньги и связи в Информатории. Если это всплывёт…

— Не всплывёт, — оборвал друга Клэй.

— Не надо пустой уверенности! Сделай что-нибудь!

— Я могу слепить лошадку из пластилина, — съязвил Клэй. — Правда она больше будет похожа на корову, как твоя бывшая. Не волнуйся. Никто ничего не узнает.

«Я уж об этом позабочусь».

Полгода назад ему казалось, что последняя ниточка к преступлениям короля оборвалась с жизнью Коула. Что же, видимо, нашёлся ещё один портной. Клэй поклялся бы на Божьем Порядке, что не сошёл с ума, что зубастого жокея убило неизвестное существо. Но разве кого-то интересовали бредни двинутого ветерана? Коул пропал. Куда — никого не волновало. В конце концов, Клэй убедил себя: зубастик просто бросил всё и сбежал, пока альбинос мучился приступами галлюцинаций после неудачного гипновнушения. Не верить же, чёрт возьми, в громадных птицеподобных монстров, протыкающих людей словно

бумагу!

Первый шаг на пути к нормальной жизни: отбросить веру в свои слова.

Антар за то задание пожаловал Клэю не только лейтенантские погоны, новый дом и повышенную зарплату, но и членство в спецназе, чего Джейсон хотел в последнюю очередь. Но в подарок шёл собственный экзоскелет, старый недобрый «Нефилим», так что жаловаться не приходилось. Секция Двенадцать свои обещания выполняла с исправностью налоговой.

Расставание с Алисой напоминало утопление котёнка — если бы котёнок мог утонуть в своих же слезах. Жена кричала раненым животным и била Клэя маленькими кулачками по груди. Но он был непреклонен. Вместе с ней Клэй оставил кусочек своей души — не самый сильный, но определённо лучший. Где-то в этом кусочке ещё оставалась верность идеалам и вера в завтрашний день.

Всегда тяжело расставаться с игрушками детства.

Первая ночь в новом доме тянулась бесконечно. Нестройная череда секунд складывалась из смотрения в чужой потолок, распития дорогого коньяка и просмотра порнушки. Наутро Клэй уснул со счастливой улыбкой. Он поступил, как велел разум, а не сердце. Даже за это иногда стоило уважать себя.

Во время ссоры, в роковой вечер, когда позвонил Сандерс, он чуть не убил Алисию — и всё из-за нездоровой одержимости Тайреком. Пусть Миямото хорошо поработал с головой Клэя, испытывать судьбу лишний раз не хотелось.

Он бы не пережил, если бы в приступе безумия навредил любимой.

Неприятные воспоминания уплывали по реке жизни, превращались в маленькие точки на горизонте, на которые не стоило обращать внимания. Первое время ему продолжало сниться разорванное лицо Коула, а рядом с ним Сандерс, закрывающий рану в груди.

«Безумец, — говорил мертвец вкрадчивым голосом. — И псих. Ты опасен для всех вокруг. Опасен и для себя».

К утру сны уходили, уступая место тёплому блаженству. Джейсон уже даже не мог злиться.

Секция потратила громадные усилия, чтобы вернуть Клэя в строй. Слишком большие для одного стареющего пердуна, который лучшие годы провёл, убивая людей. Хотя Секция ценила его именно за умение пускать кровь. За это, и за редкие стратегические советы.

Миямото говорил: «Такие потрясения просто так не лечатся. Первое гипновнушение дало трещину и стало причиной

прогрессирующей мании. Вам нужно научиться отпускать боль, мистер Клэй».

И Джейсон активно этим занялся. Он вытравливал из себя чувство вины, заставлял забыть про Тайрека. Он отчаянно пытался стать нормальным: никчёмным любителем выпить и пострелять в людей. Жажда справедливости чуть не привела его к катастрофе и психозу.

Он убеждал себя, что всё закончилось наилучшим образом. Синегубого поймали и казнили. Чёрт возьми, да Клэй сам присутствовал на казни, с ещё неприжившимся протезами руки и лангеткой на ноге. Он так дерьмово себя чувствовал, что кормился через трубочку одним супом, и неделями его проносило. Но пропустить такого зрелища Клэй просто не мог.

Голова синегубого с причмокиванием отделилась от тела и покатилась вниз. Но катарсиса не настало. В мире ничего не изменилось. Мертвецы так и оставались мертвецами. Чёрт возьми, они даже не требовали отмщения. Ведь такими темпами, в их царстве уже не останется свободного места.

И Клэй успокоился. Он забыл про всё. Разменял на хорошую выпивку, элитных проституток и шанс попробовать запретный плод власти, который на вкус оказался дерьмовее солдатского пайка. Но маленькая предательская мысль не давала ему покоя.

Такое затишье всегда случается перед большой бурей.

И Торес своими словами открыл шлюзы, из которых полились океаны дерьма с маленькими островками надежд посередине. «Зря он вспомнил про вторжение. Зря он вспомнил про короля». Директор говорил с уверенность человека, видевшего доказательства, а значит, утечкой Коула дела не обошлись. Полгода директор чего-то выжидал — но чего? Почему он сразу не слил всю информацию, почему он пытался козырять ею сейчас, когда его взашей вытолкнули из Приюта бунтовщики? Или Карлу на выходных вдруг взбрело расправиться со всеми свободными концами?

Когда-то сама идея мятежа в Приюте казалась абсурдной. Людям дают бесплатную жрачку, койку и огромные просторы для безответственного поведения. Недолгие годы среди рабочих Клэй вспоминал с ностальгией. Примерно как школьник, которого каждый день макали в унитаз, но оказалось, что взрослая жизнь ещё и не трудилась смыть перед экзекуцией. Клэй и не думал о карьере военного, пока не начался массовый рекрутинг в экспедицию полковника Эймса. Клэй одним из первых увидел Вне — и навсегда запомнил, как прекрасно небо. Как день рождения с самыми верными друзьями, как первый поцелуй, как рождение ребёнка и смерть в окружении горюющих родственников.

Огромные пространства, леса и поля будто кричали: «Это всё твоё! Ты свободен!» А потом пришла война.

Она выдернула Клэя из мирных посиделок у костра и бросила в грязь и кровь с такой силой, что он понял — либо тонешь, либо выживаешь, несмотря ни на что.

Бунт в Приюте Тореса оказался вскрывшимся нарывом. Если директор не лгал, за оружие взялись чуть ли не все рабочие. А значит, Торес просто помыкал доверенными ему людьми. Как маленький царь, которого сквозь болото тащили подданные, а он лишь хлестал их и приказывал идти быстрее.

Если слишком долго давить на человека, он начинает не бить, а стрелять в ответ.

Торес заслуживал наказания. Но не потому, что Карл так решил.

Клэй оставил Альберта составлять протокол допроса — настолько же фальшивый, насколько и безопасный для глаз комиссара Фарго. Секция старалась держать его подальше от серьёзных дел, как грибы в темноте. Двенадцать человек распоряжались в Башне Правосудия почти всем, и Клэю положение казалось по-философски гармоничным. Как бы высоко ни стоял человек на вершине, его ноги будут держать люди, что ниже. И контроля над ситуацией у него всегда меньше, чем у них.

Патрульный у двери козырнул Джейсону с отточенностью профессионала. Сразу видно, что человек не зря получал зарплату.

— Вольно, боец. Где твой напарник?

— Пошёл провожать господина директора, — ответил патрульный. Поперёк груди коп держал автомат — одну из новейших игрушек Синдиката. Все армейцы уже успели такими вооружиться. Полиция не имела права отставать. Тактике и стратегии грозила отставка из-за по-настоящему могущественного соперника — скорострельности.

— Не подскажешь, в какую сторону они пошли?

— А директору вроде отдельную палатку выделяют, вон, в той стороне, — махнув рукой, патрульный понизил голос и произнёс. — Не нравится мне его рожа, лейтенант. Замышляет он что-то.

— Что бы он ни задумал, у нас планы страшнее, — ухмыльнулся Клэй. — Не спи, боец.

— Так точно, сэр.

Клэй двинулся вдоль душных рядов палаток, расталкивая полусонных патрульных в синих униформах и посыльных, синих по уровню трезвости. Экзоскелеты, помогавшие грузить боеприпасы в БТР, приходилось огибать. Жилые блоки с двух

сторон возвышались над лагерем, а подвесные мосты между ними тихо покачивались, словно не одобряя устроенный копами беспорядок. Из столовой неподалёку несло едой — не той блевотиной, которую обычно дают солдатам, а настоящей, живой едой из натуральных продуктов, выращенных в новой оранжерее Башни Правосудия. Секция начинала сходить с ума от собственного великолепия. Клэю её безумие нравилось.

Гомон и толкотня липли к коже, наслаивались как грязь. Патрульные таскались с озадаченными лицами, проходившие мимо больно задевали бока прикладами автоматов. Казалось, движение никогда не остановится. Но Клэй знал — как только бунтовщики окажутся в двух кварталах от лагеря, патрульные возьмутся за оружие и встанут на баррикады. И попытаются дать отпор, как могут. А могли патрульные плохо, вторжение это доказало. Даже рейд на окраины не сделал из копов солдат. Им было куда отступать. Убийства казались выходными развлечениями, после которых всегда можно вернуться домой, к привычным и скучным делам.

Война так не работала. Она требовала полного внимания, а если не добивалась его, то убивала. Крестоносец знал это, взявшись за организованную преступность. Он мыслил как солдат, а не как полицейский. Неудивительно, что одержав победу, герой сбежал.

Гусеничные дроны уже заняли позиции и подняли щиты, образовав баррикады. За каждым могло спрятаться три копа. Но снайперов никто не позвал — видимо, Тэйт с Таггартом слишком увлеклись спором. Клэй по опыту знал: время подготовки лучше использовать по максимуму. Даже если бунтовщики пойдут в бой с вилками, полиции стоило ощетиниться всем, что у неё есть. Была бы воля Клэя, он бы бросил на врага экзоскелеты, БТР, снайперов, патрульных с автоматами, передвижные баррикады из дронов, да даже сканеры.

Полгода назад он не был так осмотрителен. Из-за этого потерял всё, даже чувство собственного достоинства.

«Ну что за мысли перед боем, а, лейтенант? Сандерс должен был умереть. Иначе никак». Клэю не нравился Антар, но оставалось признать: правда о вторжении оказалась шлюхой на пенсии — её просто никто не хотел. Оставалось только перебить сутенёров, что пытались продать её подороже.

Как ни парадоксально, но смерти Коула и Сандерса пошли им на благо. Много лет спустя потомки назовут их борцами за свободу, погибшими во имя правого дела. Если бы они остались жить, то успели бы превратиться в уродов, похуже короля.

А Клэй стал одним из двенадцати. Он мог бы управлять

Башней, если бы захотел. Но старому солдату претили подобные идеи. Слишком уж долго он подчинялся чужим приказам. Звания лейтенанта и экзоскелета казалось более чем достаточно для продолжения безответственной жизни. После вторжения спецназ вызывали редко. Казалось, рейд успокоил окраины, вычистив остатки подонков. Но отчёты и сканеры рисовали совсем не радужную картину. Вигиланты, собравшись с силами, объявили бандам войну. С каждым днём бойня становилась всё сильнее. Бандиты убивали друг друга с таким остервенением, что, по оценкам экспертов, через пару месяцев от преступности на окраинах могло ничего не остаться. Копы сидели в сторонке и с довольным видом попивали коктейли. Вигиланты делали за них всю работу. Маски работали намного эффективнее легавых — и в будущем это могло стать проблемой. Но Секция приказала не вмешиваться. Полицейским Башни оставалось лишь смотреть, как проблемы разрешаются сами собой.

Мимо пробежал патрульный с дробовиком, и Джейсон схватил его за руку.

— Лети на склад и скажи, что лейтенант Клэй приказал вооружить всех автоматами! Живо!

Боец удивился, но кивнул. Проводив его взглядом, Джейсон скрипнул зубами. Пока Таггарт и Тэйт решают, как поступить с бунтовщиками, те нагрянут и застанут копов со спущенными штанами. И Клэй не стал бы поворачиваться спиной к кучке рабочих, которые только что со свистом выкинули с насиженного места бледнолицего диктатора. Сильнее Джейсона волновали только сканеры. Послали ли копы их на разведку или решили довериться тепловым детекторам, установленным на улицах? Апологеты Башни могли отследить движения бунтовщиков, даже посчитать количество, но об их вооружении оставалось только догадываться.

«Надо сходить на совещание и вправить мозги этим идиотам. Да нас тут тёпленькими скоро возьмут!»

Но Тореса стоило допросить первым — уже без чужих ушей рядом.

Найти палатку директора не составило труда — её купол возвышался над лагерем полиции так же, как Башня над Старым Городом. У входа дежурила пара телохранителей, которые, судя по выражению лиц, годами не видели зарплаты.

— Лейтенант Клэй, у меня ещё пара вопросов к господину Торесу.

Телохранитель хмыкнул и проводил копа внутрь. Клэй мог внести сраную бомбу, а охранники бы и бровью не повели. Директор так сильно их распустил? К этому моменту не убить

Тореса казалось оскорблением для человеческого генофонда.

Директор уже расположился на свеженапечатанном кожаном диване, откинувшись на спинку и попивая коктейль из рюмки. Скривив физиономию, Торес кивнул вошедшему Клэю.

— А, лейтенант, решили всё-таки поговорить. Я знал, что мои данные достоверны.

— Мои руки… трясутся типа, — прошептал Клэй.

— Что?

— Кто вам рассказал про вторжение? — уже в полный голос произнёс Джейсон.

— Зачем же так скоро о деле? Присядьте, поболтаем.

— Мне некогда.

— Как сказал ваш сержант, — оскалился директор, — «на нет и суда нет». Извините, меня тоже ждут дела.

Клэй вздохнул. Он давно не сталкивался с серьёзными проблемами и успел порядком расслабиться. Что же, придётся вспомнить старые привычки. Сжав кулаки, он ускорился.

Локоть врезался в нос телохранителя и отбросил беднягу в угол палатки. Молнией Клэй подлетел к Торесу и потянулся к горлу директора.

Но схватил лишь пустоту. Бледный ублюдок стоял за спиной и ухмылялся. «Но как?»

Времени на размышления не осталось. Увернувшись от удара, Клэй попытался толкнуть директора в грудь. Но Торес не уступал. Клэй поставил всё на ускоряющие имплантаты, но у директора они тоже были.

Раньше аугментации давали преимущество. Но теперь они только уравнивали.

Торес наносил удары быстрее, но ему не хватало опыта. Джейсон сносил боль молча — просто потому, что продолжало болеть горло. Директор же крякал каждый раз, когда кулаки Клэя достигали цели.

«Падай, сукин ты сын!»

Торес умело отступал и контратаковал. Деньги купили ему мастерство, но не выносливость. Директор дрался так, как его учили многочисленные тренеры. Клэй сражался, используя опыт.

Один неудачный шаг — и Торес оказался у Клэя в замке. Запертый, он тут же потерял большую часть самодовольства. Джейсон вывернул директору руку, насладился вырвавшимся воплем и впечатал жертву в пол. Весело хрустнула скула, и Торес завизжал.

Никогда ещё Клэй не сталкивался с кем-то настолько жалким. Разве что когда утром смотрел в зеркало.

— Кто тебе рассказал о вторжении? — задыхаясь, молвил

Джейсон. Мышцы горели, поры исторгали жидкость, язык стал похож на волосатую щётку.

— Какая тебе разница? — взревел директор. — Это ничего не изменит! Я мертвец!

— Так облегчи душу! Ты ведь не хочешь страдать? Встретить смерть можно и с целой рукой, — Клэй потянул Тореса за запястье, и тот чуть не заплакал.

— Хорошо! Хорошо, отпусти!

Директор отполз в сторону, потирая ноющую конечность. Грим стёрся, обнажая алую исковерканную плоть, потрясающее платье теперь годилось только на тряпки или на спектакль про Освободителя. За пару минут Клэй превратил Тореса из лощёного аристократа в пародию на человека.

— Он представился Сафиром, — выдохнул директор. — Саакское имя, но по виду и не скажешь, что синегубый. Он пришёл уже после вторжения, рассказал всё. Про участие контрразведки, про договор со Стрелками. Я поверить не мог, но он представил материалы.

— Что там было? Бумаги, фото, видеозаписи?

Директор горько засмеялся, косясь на Клэя красным глазом.

— Он принёс кассеты с воспоминаниями. Слышал, некоторые жокеи могут их копировать. И Башня Правосудия засчитывает память за вещдоки. Там была вся правда — подключись к Оператору и увидишь.

— Так почему ты не сказал правду? Почему не открыл людям глаза? — допытывался Клэй.

— Оглянись, легавый! Мы на войне! Полгода прошло, а король продолжает отправлять солдат на Нижние Уровни. Ситуация не улучшается. Если бы я подорвал доверие не в то время, всё бы развалилось. Пока мы будем заняты Карлом, Стрелки вернутся и устроят весёлую жизнь нам всем!

Клэй нашёл в душе толику сочувствия к искалеченному человеку. Всего лишь толику.

— И ты решил дождаться лучших времён?

— А что мне было делать? Карл насолил абсолютно всем. Я не мог молчать. Но и говорить тоже. И пока я размышлял, он подослал ко мне своих внучек, этих маленьких монстров, приказав не причинять им вреда. Я-то думал, что мне повезло. Идиот! Он связал меня по рукам и ногам. Я видел, что делает эта Сабрина. Она агитировал рабочих, поднимала их на бунт. Мои люди всегда действовали жёстко и предусмотрительно. Столько лет всё шло хорошо! Но я не мог ей навредить. Охранники раз за разом отправляли её в Медцентр, но это только усилило недовольство. Король начал угрожать, мол, если хоть ещё волос

упадёт с головы его внучки, он плотно займётся мной. Даже когда разразилось восстание, я не посмел взять младшую, Елизавету, в заложники.

— Так почему он не исполнил угрозы?

Торес чуть не сорвал голос от хохота.

— Да потому что бунт — моя вина, и ничья больше! После такого провала меня никто не захочет слушать, ты понимаешь? А у него руки чистенькие, а он тут не при чём.

Клэй нахмурился. Все ниточки вели к королю. Как к пауку, засевшему в центре паутины и ждущему случайной жертвы. С ним связываться опасно.

— А что стало с парнем, который принёс доказательства?

— Канул в лету, будто его и не бывало. Я напряг Информаторий, но записей о сааксце по имени Сафир не нашлось. Тем более не было данных, чтобы кто-то из синегубых обращался в Медцентр с желанием изменить внешность. А связей у меня там полно, мне они не солгут. Да и откуда у сааксцев такие деньги?! Я отвалил кругленькую сумму, чтобы заполучить ускоряющие имплантаты, а знаешь, сколько стоила бы пластика?! В пять раз дороже!

Секции пришлось поиграть мышцами, чтобы раздобыть для Клэя аугментации. Ими оснащали всех армейских офицеров, но военную разработку, которой ещё и двух лет не было, в свободное плавание никто отпускать не собирался. Торес не лгал — таких красавиц даже за огромные деньги сложно было полапать, если ты не из Синдиката. Семьи тратились на оснащение армии с таким остервенением, будто готовились убить Бога. Имплантаты пихали оптом, но не все офицеры получили благословение.

— Какая, к чёрту, внешность, когда о безопасности думать надо?! Я уже не мог позволить себе новую операцию. Я! Что уж говорить об этом белобрысом подонке? Без обид, альбинос.

— Ты на обиду меня не бери, — задумчиво протянул Клэй. — Что же, спасибо за информацию.

— Ты не поможешь? — с надеждой спросил Торес. — Мы ведь можем всё изменить. Подавите бунт, пробейтесь в Приют и проведите меня в мою часовню. Там все доказательства! Слушай, Карл, похоже, всерьёз решил истребить мою Семью. Если я умру, говнюк найдёт способ наложить руки на деньги. А я владею только седьмой частью всех активов! Торесов полным-полно, я мало что значу, но правда за мной! И король ведь не остановится, он будет жрать дальше, пока вообще всё не сожрёт!

— Ты сам сказал, — ответил Клэй, — сейчас не время. А когда оно настанет, ты уже будешь мёртв. Без обид, бледнолицый.

«Странные настали времена, — вспомнил Клэй фразу из

одного старого фильма. Герой лёг спать, а проснулся пятьдесят лет спустя. — Здравомыслие стало болезнью, и безумцы правят балом».

Кто бы мог подумать, что Торес откажется сливать информацию из-за заботы о порядке! Пусть он и оставался ублюдком, но, в отличие от короля, хотя бы не эгоистичным. Впрочем, чему удивляться, ненормальность заполонила всё.

Наёмники получили королевский контракт и встали на одну ступень с армией Синдиката. Солдатам такое соседство не очень нравилось: они толкались, плевались и всячески пытались пустить организацию Карфилдов под откос. Тщётно. Множились слухи о неком культе внутри компании. Говорили, что один блаженный ведёт неортодоксальные проповеди про Освободителя — и все ему, почему-то, потакают. Клэй старался не обращать на эти слухи внимание.

Чего он не мог отринуть, так это стремительного карьерного роста Дэниела Роско. Казалось, взлёт этого бледного мальчишки с жестокими глазами может остановить только ожог от солнца, к которому Дэниел слишком близко подлетит. Людям вроде Клэя подобное не грозило — их путь в мир вечно загораживал потолок, который они задевали макушкой.

Ноги понесли его в экстренный штаб. Клэй уже представлял себе палатку опустевшим полем боя, усеянным трупами. Спор давно должен был закончиться, Таггарт и Тэйт не могли так долго препираться. Но, даже опоздав, Клэй застал совет в самом разгаре.

Офицеры, одетые по всей форме, орали друг на друга, будто случилось второе пришествие Освободителя.

— Уберите заслоны! Уберите оружие! Мы не можем допустить эскалации! — кричал капитан Тэйт. Раскрасневшись лысиной, он дубасил кулаком по столу и плевался во все стороны. Уже пожилой мужчина, капитан исторгал энергию, словно стал на пару десятков лет моложе. — Вы что, хотите ещё одной бойни, да? Как при вторжении? Да патрульные не выдержат натиска! Лейтенант Клэй! Наконец-то! Где ты шлялся?!

— Сэр, это бунтовщики! — ответил лейтенант Таггарт. — Повторяю, я не буду рисковать жизнями своих людей. Увольте меня, но жертвы среди полицейских ударят по боевому духу! Если враг вооружён…

— Да мне посрать, сукин ты сын! Где твоя субординация?! — взревел Тэйт и воздел кулаки — будто только и ждал появления Клэя, чтобы взорваться. — Ты под моим командованием, и должен подчиняться приказам. Под трибунал захотел?

Щёки Таггарта окрасились багрянцем, лейтенант потупил

взгляд — прямо институтка перед злым преподавателем. Ростом чуть ниже Клэя, худой как палка Таггарт всегда отличался повстанческим духом. Ёжик светлых волос на голове прикрывала изумрудная кепка патрульных, а из-под козырька торчал огромный нос с настолько широкими ноздрями, что туда можно было прятать патроны от дробовика. Лейтенант казался несуразной пародией на копа, скелетом из кабинета анатомии, одетым в униформу Башни. Тем удивительнее, что за внешней хрупкостью Клэй видел сталь — настоящую сталь человека, готового жечь города дотла, расстреливать в затылки и вешать на столбах. Родись Таггарт пораньше, во Второй Священной он нашёл бы себя.

— Сэр… — начал он, но капитан схватил Таггарта за грудки. Когда уже казалось, что Тэйт ударит молодого лейтенанта, раздался спокойный голос:

— Вы будете делать так, как скажу я.

Клэй дёрнулся, пытаясь понять, у кого хватило на такое наглости. Несколько патрульных расступилось, и внутрь вошёл лысеющий сухой старик с синяками под глазами. Взгляд мужчины казался таким тяжёлым, что даже Джейсон почувствовал себя некомфортно.

Опираясь на трость, незнакомец прохромал к спорящим офицерам. Полы серого плаща, усыпанного наградами, подметали пол. Старик покрякивал и поскрипывал, как древний несмазанный механизм. «Почему он не прошёл процедуры омоложения? Они же стоят всего ничего».

— Игнаций Тэлиен, специалист по подавлению бунтов, к вашим услугам, — старик поклонился.

«Но он же ушёл на пенсию?» Тут Клэй заметил на плаще монету и кинжал — герб дома Торесов.

— Рад видеть вас в добром здравии, — пробурчал Тэйт, отпуская лейтенанта. Таггарт тут же начал поправлять помятую форму. — Зачем вы здесь?

— А разве не ясно? Вы всё просрали. И я пришёл убирать.

— Но ведь бунтовщики…

— До меня дошли сведения, — не допускающим возражения тоном перебил капитана Тэлиен, — что у них полно оружия. И не только автоматов и винтовок. У них есть щиты, снайперские винтовки, гранатомёты — чуть ли не весь арсенал армии Синдиката оказался в их распоряжении. Хуже того, подачу материи в утилизаторы Приюта не успели перекрыть вовремя. Невозможно предсказать, сколько пушек они успели напечатать. Капитан Тэйт, я понимаю ваши опасения, но поверьте, эскалации насилия не произойдёт. Мы должны поставить одну большую и

кровавую точку. А вы, Таггарт, слишком волнуетесь о своих ребятах. Неважно, сколько наших сегодня погибнет. За происходящим будет следить весь Старый Город. Полицейские не имеют права на ошибку — Синдикат может подумать, что мы даём слабину. Если мы не сумеем законсервировать бунт в его ранних стадиях, недовольство может распространиться. Вина лежит исключительно на директоре Зигфриде Торесе — но не ему расхлёбывать говно, а нам. Даже самые лояльные Приюты могут выйти из-под контроля, если увидят положительный пример. Так что готовьте всё оружие, которое у вас есть. В плен мы никого не берём. Лейтенант Клэй?

— Слушаю вас.

— Я знаю, что спецназ не готов. Но что с экзоскелетами?

— Из боевых есть мой «Нефилим». Остальные чисто для погрузки.

По лицу старика пробежала тень недовольства, которое он мастерски сумел скрыть.

— И ни одного «Карателя»? Печально. Что же, придётся работать с тем, что есть. Советую прикрепить пару листов брони и захватить пару запасных коробок для патронов. На всех свинца может и не хватить.

«Кто же тебя прислал, старый ты говнюк? — подумал Клэй. — Не иначе, Торес напрягся».

Старик стукнул тростью по полу, и копы вздрогнули.

— Мы справимся, джентльмены, — заверил присутствующих Тэлиен. — Просто запомните — вы здесь не для того, чтобы вас любили.

Клэй вышел из палатки как можно быстрее, стараясь не смотреть на Тэйта. Всё стало ясно. Почему-то он не сомневался, что старика прислали Торесы. Зачем? «Кто-то должен подчистить провал директора. И этим „кем-то“ станут копы. Теперь, когда Тэлиен нажал на нас, мы обязаны применить силу».

Что же, Джейсон готов был бросить всё, против бунтовщиков — но только в качестве мер сдерживания. Как и капитан, Клэй не хотел насилия. Одно дело резать бандитов, держащих под железной пятой окраины, и совсем другое — убивать рабочих, которых столько времени угнетали. Гадостный комок в груди становился всё гуще и шире.

Клэй никогда не был героем и не хотел им становиться. Но сегодня, похоже, придётся зайти за черту, отделявшую его от злодея.

«Подумать только, и до сих пор кто-то думает, что самыми сложными проблемами занимается фабрика Гефеста».

Чёрный БТР с экзоскелетом внутри уже ждал его. Алисия

смотрела в экран и демонстративно не обращала внимания на Клэя. Они разошлись, но она стала его куратором в спецназе. Во время боя ей придётся смотреть сквозь камеру его шлема и следить за показаниями экзоскелета. Боль кольнула сердце.

«Она будет видеть, как я убиваю бунтовщиков. От начала и до конца. До этого она считала меня просто негодяем. Кем же я стану к вечеру?»

Не было времени на разговоры. Пришёл момент надеть вторую кожу. Клэй юркнул в заднюю часть бронетранспортёра, где его ждал экзоскелет.

«Нефилим» вблизи казался бессмысленным нагромождением металла. Неотразимая броня выглядела слишком неуклюжей, грубой. Экзоскелет, завидев хозяина, вздохнул и раскрылся, впуская Джейсона внутрь. Клэй повернулся спиной и влез внутрь. «Нефилим» выдохнул, и сегменты сложились, как ангельские крылья.

— Как связь? — раздался голос Алисии в шлеме. По дисплею побежали строки кода — экзоскелет проводил проверку систем. Убедившись, что всё в порядке, машина тихо мурлыкнула. Клэй не хотел этого признавать, но «Нефилим» ему нравился. Несмотря на размеры, экзоскелет идеально садился на тело. Никаких задержек и неестественности движений — двигался Клэй так же свободно, как если бы носил одни трусы. Другое дело, что один неосторожный взмах рукой мог наделать делов.

— Отлично. Все системы в норме.

— Рада слышать, — отрезала Алисия и замолкла. Клэй проверил пулемёт и ленту с патронами. Даже засунул в отсеки для патронов пару дополнительных коробок, последовав совету Тэлиена.

Задняя часть бронетранспортёра зевнула, выпуская Клэя наружу. Он вышел, мягко ступая по асфальту. «Нефилим» не столько шёл, сколько плыл над землёй. Вот так, наверное, себя чувствуют Стражи — чем бы они ни были.

Патрульные толпами сбегались к баррикадам. Клэй проследовал за потоком, стараясь смотреть под ноги — не хватало ещё кого-нибудь толкнуть или задавить.

Копы прятались за дронами, что ощетинились щитами. Отличная защита — такую ни одна пуля не пробьёт. А от гранатомёта уже не спасёт. Даже Клэю в экзоскелете не поздоровится. Оставалось молиться, чтобы данные Тэлиена не подтвердились. У Клэя не было желания помирать, расстреливая взбунтовавшихся рабочих.

— Враг на подходе! — раздался голос Тэлиена из коммуникатора.

Вдалеке нарастал гул, напомнивший Клэй жужжание джунглевых москитов. «Их много, не меньше двухсот человек», — пронеслось в голове Клэя.

Патрульные выставили винтовки. Клэй рассмотрел снайперов на возвышенностях. У Тэлиена явно хватало полномочий, чтобы задействовать всех. Когда-то его имя служило кровавой точкой всех самых крупных беспорядков, но около десяти лет назад Игнаций ушёл на покой. Даже если не Торесы вытащили старика, то действовал он в их интересах.

Силы полицейских полностью изолировали Сектор. Бунтовщикам оставалось либо сдаться, либо принять бой — сбежать они уже не могли.

— Эй, мистер, подождите!

Клэй постарался как можно аккуратнее развернуться. Он кинул уничижительный взгляд на женщину с обесцвеченными волосами. Возле неё летала маленькая шарообразная камера.

— Не может быть, — проскрежетал Клэй. Опустившись на колено, он поднял щиток маски и столкнулся лицом к лицу с Кейт Джаспер.

— Сколько лет, сколько зим? — нарочито весело произнесла старая одноклассница и бывшая жена.

— Какого чёрта ты тут делаешь? — прошипел Клэй. — Кто тебя пустил?

— О, у меня свои каналы. Не вечно же в ведущих сидеть! К тому же, Синдикат требует присутствие одного репортёра, чтобы освещать события. Сегодняшний бунт обует меня в золотые туфли, уж попомни, Джейсон.

— С которыми ты пойдёшь на дно, — отрезал Клэй. — Вали отсюда! С минуты на минуту начнут стрелять!

— Ты ведь понимаешь, что я уже записываю? — лукаво произнесла Кейт, блестя глазами. Клэй заткнулся, стараясь не смотреть в камеру. «Всё, что вы скажете, может быть использовано против вас, да, сука?» — подумал он, смерив наглую блондинку презрительным взглядом. — Скажи, ты без меня сильно скучал?

— Сто лет бы тебя не видел, — вырвалось у Клэя.

— Как жаль. А я по тебе скучала. И по твоим чёртовым припадкам.

— Что ты вообще делаешь на передовой?

— Говорила же, снимаю репортаж, — бывшая жёнушка насупилась. — Потому что Анну забрал Синдикат.

— Кто такая Анна и почему меня должна волновать её судьба?

— Лучшая репортёрша. Моя подруга. Ты ведь знал её, но

никогда не придавал значения. Знаешь, Клэй, тебя всегда мало что интересовало. И нет, сейчас я не записываю. Поговорим как взрослые люди.

Джейсон вздохнул. «Ну вот, опять».

Кейт воплощала всё плохое, что он старался оставить в прошлой жизни. Их разрыв прошёл, в лучшем случае, напряжённо.

— Как ты себя чувствуешь? — буркнула репортёрша.

— А как чувствует себя твой новый парень, а? Он же детектив? Всегда хотел на него посмотреть.

Кейт вздохнула с таким надрывом, будто подводила жизненные итоги:

— В который раз тебе говорю, Клэй — не было никакого детектива. Я не знаю, что ты там себе напридумывал, но посмотрим фактам в глаза — ты живёшь в мире фантазий. И когда правда тебе не нравится, ты начинаешь её гнуть под себя.

— О чём ты? — возмутился Джейсон.

— Да о том… чёрт, ты вообще помнишь, из-за чего мы поругались? — блондиночка начала вскипать.

— Из-за того, что ты изменила мне!

— А не из-за того, что ты побил меня, приняв за синегубую?! — вскрикнула Кейт. В её глазах застыли слёзы. — Я любила тебя, Джейсон. И я надеюсь, что тебя когда-нибудь вылечат. А пока — прощай…

Она ретировалась, будто растворилась в воздухе, оставив Клэя собирать осколки самолюбия.

«Что ты делал последние десять лет? — спросил он себя. — И как ты можешь верить людям, когда сам себе не веришь? Она предала тебя. Запомни это! Никогда не забывай. Не позволяй никому убедить тебя в чём-то. Они лгут. Твои воспоминания — нет».

Гул всё приближался. Звук катился вперёд, бил по нервам людей в синих формах, заставлял дёргаться пальцы на спусковых крючках. Клэй прошагал вперёд и, достигнув баррикад с патрульными, одним махом перепрыгнул их. Копы восхищённо ухнули. Грациозность «Нефилимов» не переставала удивлять.

Из-за поворота показался передок толпы. Увидев бунтовщиков, Клэй недовольно цыкнул.

Они двигались в чётком каре, прикрывшись пуленепробиваемыми щитами. Идущие сзади держали щиты над головой. Прикрытые со всех сторон, бунтовщики напоминали ожившую машину, организм, покрывшийся бронелистами. Такое построение Клэй видел в одном фантастическом сериале про Рамскую Империю. По сюжету, легионеры Империи были самыми

организованными в мире и шли в бой исключительно с щитами. Они побеждали не инициативой, а дисциплиной. Клэй повидал достаточно боёв чтобы сказать, что сериал был полной брехнёй.

— Проклятье, и куда нам стрелять? — снайпера начали нервничать.

Клэй проблемы не видел. Бунтовщики не казались такими уж дисциплинированными. То тут, то там возникали бреши в обороне. Да и потом, стоит ему дать очередь, как от защиты противника не останется и следа — крупный калибр прошибёт щиты насквозь. Он мог разметать их в считанные секунды. Но не хотел.

Что бы ни говорил Тэлиен, перед ним всё же были гражданские. Не бандиты, не вигиланты, уж точно не синдикатовцы — обычные люди.

— Граждане! Убедительно прошу вас, вернитесь в свой Приют! Нет нужды продолжать проливать кровь! Ваши условия выслушают! Всем раненым будет оказана помощь! — Тэлиен активировал передатчики на дронах, образовавших баррикады. Клэю пришлось сбавить приём внешних звуков — заболели уши.

«Почему сканеры подвели нас? Почему показывали, будто бы у бунтовщиков ничего нет?»

— Здесь нет ни одного действующего гражданина, тупой ты подсосок Эдема! — крикнул рабочий, скрытый щитом. Его голос переполняла ненависть. Клэй постарался незаметно передёрнуть затвор на пулемёте. К мирному исходу оставалось всё меньше предпосылок.

— Прошу вас! Остановитесь и бросьте оружие! Вам не причинят вреда! — продолжал вещать Тэлиен по громкой связи. Громкий щелчок возвестил, что он переключился на внутреннюю связь.

— Внимание всем отрядам полиции! Открыть огонь через десять… девять…

— В жопу всё, — шикнул один из снайперов.

— Восемь… — всё считал Тэлиен. Клэй почувствовал, как вспотели руки. Забавное ощущение, учитывая, что аугментика не выделяет пота. «Ничего сложного — наводишь ствол, нажимаешь спусковой крючок. Ты тысячи раз такое проделывал».

— Клэй, пожалуйста, не убивай их, — прошептала Алисия. Её голос походил на шорох падающей одежды.

— Семь…

— Приказ есть приказ, — проворчал в ответ Джейсон.

— Шесть…

Прогремел выстрел — сухой, лаконичный, беспощадный. Клэй обернулся посмотреть, кто пальнул раньше времени. Но он

смотрел не в ту сторону.

— Я ранен! — завопил снайпер по внутренней связи.

За первой пулей прилетел целый град свинца. Крики и вопли убиваемых копов переполнили каналы. Снайперов превращали в решето. Несколько трупов попадало с крыш и балконов. Патрульные всполошились и начали палить, куда ни попадя.

— Отставить! — рявкнул Клэй — большая часть выстрелов попадала в него. Звон пуль напоминал зубную боль: долгую и заунывную. Дружественные трассирующие очереди хлестали спину и ноги экзоскелета. «Нужно было держаться за баррикадами».

Но стоило для начала понять, откуда ведётся огонь. Громадная «черепаха» бунтовщиков, оскалившись щитами, не двигалась с места. Пули с гулким причмокиванием били по бронелистам, оставляя серебристые отметины. Клэй поднял голову и получил попадание в шлем.

На подвесном мосту между двумя зданиями расположилась целая группа бунтовщиков с автоматами и снайперскими винтовками. Маленькая, похожая на муравья фигурка выпрямилась во весь рост, и Клэй в ужасе увидел в её руках длинную трубу гранатомёта.

— Джейсон, берегись! — завопила Алисия.

Со скупым хлопком снаряд отделился от ствола и с лихим свистом рванул вперёд. Клэй скакнул в сторону. Асфальт позади взметнулся тысячей горячих осколков. Судя по крикам, патрульным досталось сильнее.

Клэй оттолкнулся от земли, и «Нефилим» по-кошачьи приземлился на лапы. Злость заполонила вены и пробралась в мозг, да так быстро, что руки не могли даже прицелиться во врага — ствол пьяницей гулял из стороны в сторону. Будто знал, что один залп, и веселье закончится.

Клэй не сразу осознал, что выстрела не произошло. Он смотрел на пулемёт, будто на провинившееся дитя, и зажимал спусковой крючок, но оружие хранило молчание.

— Алисия! — взревел Клэй.

— Системы вышли из строя! Я не могу отключить предохранитель! Джейсон, умоляю, беги оттуда, спасайся!

Бунтовщики заряжали гранатомёт. Двигались они вальяжно, с оскорбляющей неторопливостью. Может, от уверенности в собственной безнаказанности, а может от неумения обращаться с тяжёлым оружием.

— Там, на мосту! — заорал по внутренней связи Клэй, но его голос перебивали крики паникующих патрульных. Постоянные тренировки, выматывающие требования и ментальное

кондиционирование не спасли бедных ублюдков от страха. Он распахнул осклизлые объятия и утопил копов, залезая во внутренности, убивая самодовольные остатки храбрости. Бедняги палили во всё, кроме снайперов на мосту. Выстрелы бунтовщиков казались плачем скрипки за кашляющим стрёкотом автоматов.

Гегемония хаоса.

Время разом закончилось, обратилось в момент, где нет ни будущего, ни прошлого. Клэй напрягся и в несколько прыжков оказался у бронечерепахи бунтовщиков. Он мог поклясться, что за запахом озона чует вонь обмочившихся от ужаса рабочих, которым жизнь вдруг предъявила громадный счёт за все проступки.

«Нефилим» взревел, врываясь в строй врага. Тела лопались под ногами надутыми мешками с кетчупом. Визг ломающихся костей ковром накрыл крики гибнущих, одобрительное жужжание сервомоторов душило мольбы о пощаде. Клэю почудились накрывающие его с головой багровые реки.

Он пересёк черту. Он стал зверем.

Они пытались заколоть его клинками, били дубинками, стреляли в упор, а он выл, как подбитая собака, и рвал, крушил, ломал и топтал хрупкие, тщедушные тельца. Парень с девушкой, державшиеся за руки, превратились в кровавую кашу из кишок и перемолотых костей, беременная женщина, невесть как затесавшаяся среди бунтовщиков, разлетелась на две части. Зубастый старик с бешеными глазами прыгнул на левую руку экзоскелета, пытаясь остановить Клэя от новых убийств. Одно движение — и он пушечным ядром улетел в гущу толпы, сбивая всех на пути. Хныканье и плач в голове Клэя всё усиливались, а где-то совсем рядом смеялись призраки синегубого, потирая от наслаждения ручки.

Безумие вернулось, будто никуда и не уходило.

— Нравится, суки?! — вопил Клэй, рванув вперёд и раздавив не меньше дюжины бунтовщиков. Он бросил взгляд под ноги. Там, на потрескавшемся и окрасившимся во все цвета красного асфальте, мёртвой куклой валялось искалеченное тело девочки, на вид не старше тринадцати. Со школьной формы ещё свисали значки с изображениями популярного певца Сонни Мао. Разметавшиеся чёрные волосы венчала паукообразная лужа натёкшей крови. Глаза подростка ещё теплились искорками жизни — сломавшийся двигатель, откашливающий последние метры пути. Девочка протянула к Клэю руку, будто моля прекратить её страдания.

Лишь секунду спустя он понял, что паршивка держала гранату.

Бунтовщики разлетелись от взрыва, как тряпичные куклы, нелепо потряхивая выломанными конечностями. Волна отбросила экзоскелет, и хоть жара Клэй не почувствовал, страх наградил его ведром ледяного пота. Все детали взревели, словно от боли, дисплей начал мигать красными предупреждениями. Несколько систем вышло из строя. «Нефилим» сделал несколько несмелых шагов назад, пытаясь восстановить равновесие, но поскользнулся на трупах и рухнул. Сервомоторы надсадно дышали, от скрежета металла заболели зубы. Но Клэй благодарил Господа, что всё ещё жив.

К счастью, отсек с боеприпасами не сдетонировал. В его памяти всё ещё горели останки Буча, разорванного на части взрывчаткой Стрелков. Граната на её фоне казалась детским лепетом. Но её хватило, чтобы вывести Клэя из строя.

Повсюду валялись оторванные руки и ноги. К нагрудной пластине «Нефилима» прилип кусочек плоти. Но взрыв забрал совсем немногих. Меньше, чем надеялся Клэй.

Он рыкнул и рывком поднялся на ноги. Побледневшие и обделавшиеся бунтовщики, к их чести, не оставляли попыток убить Клэя. Пули продолжали барабанить по хрипящему экзоскелету — как капли дождя по стенке палатки. Клэй мотнул головой, пытаясь отогнать наваждение. Тщётно.

Видение нахлынуло наводнением, сносящим маленькие деревеньки с лица мира. Он оказался в джунглях — потный, измученный, искусанный москитами, голодный и злой. Провонявший кровью и потом, готовый схватиться с самим сатаной, если командиры прикажут. Листва резала лицо, руки сжимались в кулаки, а со всех сторон пёрли синегубые.

Это были маленькие, испорченные животные, готовые разорвать тебя на части, заразить бешенством, а потом сожрать, не оставив и костей. Твари, которые заслуживали клинка в шею и пули в лоб. Клэя мучила лихорадка — и излечить её могла только кровь синегубых.

Он стал богом войны, рвущим всех вокруг на части, проламывающим головы и жаждущим, чтобы море крови никогда не заканчивалось. Он ревел, пробивая ублюдков кулаком насквозь. Солнце пышило, разогревало кожу, окатываемую волнами багрянца, сжигало её дотла. Синегубых нужно было уничтожить, всех до единого.

Он бил и крушил, пока не заметил, что лица его жертв начинают плыть. Где-то там, наверху, смеялся над ним призрак маленького ушлёпка, который испортил всё. Тайрек Маут.

Клэй закашлялся, проморгался, как сказочная принцесса, пробудившаяся ото сна поцелуем. Только проснулся он от того,

что больше некого было убивать. Почти.

Горстка рабочих пустилась наутёк, поскальзываясь в крови и кишках, несколько женщин валялись на асфальте и выли от ужаса. Их очи казались огромными блюдцами с нарисованными посередине узорами расширившихся зрачков. Где-то неподалёку хныкали подростки, пытаясь утащить тела любимых.

Клэй застыл металлическим столбом посреди побоища. Измазанный в чужой крови, судья, присяжный и палач в одном лице. Зверь. Всего лишь человек.

Внутри экзоскелета мышью скреблись сервомоторы. Листы брони отцепились от левой руки, и нашли покой среди трупов на асфальте. Если бы любопытный действующий гражданин выглянул в окошко из уютной комнатки своего жилого блока, то увидел бы натюрморт, составленный трупами, кровью, разбитым оружием и щитами.

Внутренний канал дохнул мёртвым молчанием. Клэй и не ждал ничего другого. Он просто смертельно устал. Не было сил даже раздумывать о том, что он наделал.

Наверху зашевелились люди с гранатомётами и винтовками. Будто закончив начатое, они свернули оружие и молча удалились. К этому моменту на баррикадах уже почти не осталось патрульных. Большинство оказались убиты, другие, видимо, сбежали. Несколько жалких дюжин жались за дронами с щитами, несмело выглядывая и шокированными взглядами косясь на Клэя. Джейсон покачал головой.

Их поимели. А его в первую очередь. В который уже раз?

Пошатываясь, он двинулся обратно. К баррикадам начали стягиваться свежие силы. Бряцая оружием, появлялись новые копы. Увидев Клэя, многие вскрикивали или завороженно шептали проклятия. Он представил, как выглядит со стороны. Лучше бы он умер.

— Алисия, — прошептал он по внутренней связи. — Я…

— Молчи. Не говори ничего, — ответила любимая.

В душе заскрежетало от душащей обиды. «Я не хотел, — жаждал взреветь Клэй. — Это всё ошибка! Я не убийца! Я обычный человек, такой же, как вы! Посмотрите на меня! Я просто хочу, чтобы меня любили».

— Чтобы просто любили… — повторил он вслух.

Вдалеке ревели сирены команд утилизации, спешащих вылизать начисто полы, пропитавшиеся дерьмом и кровью. Патрульные садились верхом на дронов и уезжали дальше, давить остатки бунта. Клэй со времён войны не видел, чтобы толпы вооруженных мужиков с таким остервенением преследовали женщин и детей.

Копы, двигавшиеся к Приюту, расступались перед Клэем. Обеспокоенные взгляды, покачивания головами и перешёптывания. Для них он стал чем-то большим, чем просто человек. Легендой.

Ещё никто с такой скоростью и такой эффективностью не убивал столько людей. Не преступников — бывших рабочих, которых довели до ручки.

— Мои руки… трясутся типа, — прошептал Джейсон. Миямото просил его повторять эту фразу как можно чаще, когда приближались плохие мысли. Уже не помогало. Взгляд зацепился за Альберта. Сержант был белее мела, но всё же подошёл и похлопал Клэя по плечу.

— Ты всё сделал правильно, — пробормотал он.

— Ублюдки с оружием ушли, — произнёс Клэй. Экзоскелет трансформировал его спокойный тон в угрюмый бубнёж. — Я думаю, они не были частью бунта. Это провокаторы. Возможно, их нанял король. Не знаю. Ни в чём уже не уверен.

— Забудь, Клэй, — махнул рукой Альберт. — Это уже не твои проблемы. Ты свое дело сделал. Бунт подавлен. Ты знаешь, боюсь сказать, но… наверное, только у тебя хватило бы смелости перебить всех.

Озарение снизошло до Клэя — как холодный душ в палящей пустыне. Патрульные боялись. Но не столько за себя, сколько за свой образ в глазах окружающих. Никто не хотел казаться убийцей невинных. Они погибли, так и не выстрелив в бунтовщиков. Но не Клэй. Он уже не видел разницы между жертвами. Для него все стали мясом.

Застывшие от ужаса и полные сопереживания взгляды обстреливали Клэя со всех сторон. Он увидел и Кейт: репортёрша обнимала себя, будто пытаясь убаюкать. Как бы Клэй её ни ненавидел, она не заслуживала такого потрясения. Ничего. Жёнушка записала абсолютно всё на свою сраную камеру, и скоро общественность увидит настоящее лицо своего бывшего героя.

Острые глаза окружающих казались маленькими звёздочками на чёрном небосклоне. Но ярче всех горели очи призрака Сандерса.

«Предатель», — лаконично произнёс сержант, прежде чем обратиться в дымку.

— Альберт, мне нужно идти, — буркнул Клэй.

— Да, конечно. Иди отдыхай. И помни — ты спас сегодня множество жизней!

Последняя фраза отозвалась эхом, вызвав у вставшего за плечом сааксца нервные смешки. Клэй дёрнулся, еле удержавшись от удара. Не хватало ещё задеть зазевавшегося

патрульного, пытаясь убить призрака.

Он протопал к бронетранспортёру. Пандус был милостиво опущен, будто приглашая Клэя внутрь.

Стоило ему вылезти из «Нефилима», как тот завизжал, издав усталый хлопок. Движок, спрятанный в спине, сделал последний вдох и затих. Удивительно, что он так долго протянул.

Алисия уже стояла в дверях, мёртвой хваткой вцепившись в косяк. Боль лилась потоками из её глаз, но осуждения Клэй в них не увидел.

— Тоже скажешь, что я поступил правильно? — спросил он.

— Ты чудовище, — выдавила Алисия. На её щеках заблестели слёзы. Клэй опустил голову. Но почувствовал её маленькие ладони у себя на плечах. — Но кто-то должен быть чудовищем, чтобы остальные не мучились совестью. Они трусы, Клэй. Думаешь, хоть кто-то из них знает, как тяжело отнять жизнь? Они свалили всё на тебя. И ты выдержал. Ты спас своих, несмотря ни на что.

Она всегда находила, что сказать. Именно из-за этого он и взял её в жены когда-то. Но что-то изменилось. Алисия стала другой. Ядовитой, язвительной, злой. Стоило им разойтись, как вернулась та добрая и умная женщина — будто присутствие Клэя убивало в ней всё хорошее. «Может, нам и правда лучше поодиночке».

— Я не думал о защите товарищей. Алисия, мне нравилось их убивать. Я будто хотел сорвать на них злость за всё то, что мир мне устроил. И там были репортёры. Всё это засняли. Со мной что-то… серьёзно не так, — у Клэя встал комок в горле. — В моей голове опять всякое дерьмо. Я боялся навредить тебе.

Он прислонился к стене и сполз вниз.

— Столько убийств, столько смертей, — пробормотал Клэй. — И ради чего всё это? Кому это нужно? Кому?

— Клэй…

Джейсон всхлипнул.

— Я ведь был когда-то был хорошим, Алисия. Я был хорошим человеком.

— Я знаю… — голос Алисии сорвался. — Ты всё ещё мой герой.

Её руки обвили его шею. Поцелуй казался истошным воплем о помощи, его последней связью с внешним миром. Сааксец не переставал смеяться где-то рядом.

«Ты помнишь, как это было? Скажи мне, что ты помнишь!»

Клэй помнил. Никогда не забывал.

Ему снова шестнадцать, школа закончена, в кармане новенького, свеженапечатанного пиджака диплом с идеальными

оценками. Из всего класса у него одного родители не действующие граждане. Отец присылает письмо, в котором требует как можно скорее прибыть в Приют. Он говорит, что матери плохо, что она хочет увидеть сына перед смертью.

Джейсон примчался на первом же поезде, даже не сняв нарядного костюма. На его губах всё ещё горел поцелуй школьной красавицы Кейт Джаспер, он был лучшим выпускником года, и жизнь казалась чертовски хороша.

Приют встретил Клэя обшарпанными стенами и запахами немытых тел. Отец оказался приветливее: его кулак разбил сыну нос.

«Сука такая! Мы здесь гниём заживо, а ты там расхаживаешь снаружи, да о нас вообще не заботишься?! Быстро переоделся и марш к директору! Будешь работать, пока не наберёшь нам на гражданство! Жалкий сукин сын, глаза бы мои тебя не видели!»

Рабочие пустыми глазами смотрели на Джейсона, а он лишь всхлипывал и никак не мог понять, что сделал не так. Отец бил его, бил как последнее животное с самого детства, обзывал выродком, а жену — маленькой сучкой-изменщицей. Школа спасла его от дальнейших побоев. Попав в класс, Клэй всегда старался отличиться не кулаками, а мозгами. Добродушный верзила-альбинос, он старался понять каждого и подружиться даже с самым последним изгоем. Учителя гордились умницей Джейсоном, ставили его всем в пример, но Клэй старался не зазнаваться и помогал всем, иногда даже в урон себе.

Попав в Приют, он вспомнил, что значит жить в страхе. Несмотря на ненависть отца, Клэй видел в родителях только богов. Мать редко с ним разговаривала, стараясь пораньше уйти на работу. Изредка лишь напоминала Клэю, что он должен о них заботиться. А отец не забывал поддавать жару своими заявлениями:

«Я принёс тебя в этот мир, сынок, если будет надо, я тебя из него и выбью! И мне будет похрен, потому что мы с твоей мамой ещё можем родить замену!»

Другие рабочие откровенно жалели Джейсона. Как-то к нему подошёл мужик по имени Паркер, вроде бы из профсоюза, и сказал:

— Дружище, ты так и будешь горбатиться, пока твой батя просаживает деньги на выпивку? Открой глаза — ты ему ничего не должен. Город тебе уже дал всё.

Клэй в ответ хлопал глазами.

— Но ведь без родителей не было бы меня. Я должен им помогать.

Паркер лишь махнул рукой.

Он продержался до семнадцати лет, прежде чем понял, что так продолжаться просто не может. Сколько бы Клэй ни убеждал себя, что должен помочь родителям, ощущение несправедливости происходящего пересилило страх перед отцом и его кулаками.

Его спас рекрутёр с жалостливыми, как у собаки, глазами и шикарными усами. Максимилиан Штрауд, так его звали. Он приехал в Приют, чтобы набрать людей для экспедиции за пределы Города. Ему нужны были одиночки, которым нечего терять, настоящие сорвиголовы, готовые на всё. Увидев Клэя, Штрауд понял всё.

Джейсону дали форму и цель в жизни. Январь пятьсот тридцатого года, разгар зимы. Первое время тяжело как никогда. Трудности таились на каждом шагу. Иногда Клэю казалось, что он просто не выдержит напряжения и откинется где-нибудь по пути. Неприветливое Вне с каждым днём забирало всё больше людей из экспедиции, но Джейсона почему-то жалело. До тех пор, пока незадачливый полковник Эймс не столкнулся с сааксцами.

Варвары окружили парламентёров во главе с полковником, расстреляли в упор, а издыхающему полковнику отрубили голову саблей. Клэй был в лагере, когда через пару часов сааксцы устроили на него рейд. Один из немногих выживших, он столкнулся с первобытной яростью синегубых. И в нём что-то щёлкнуло.

Десятого февраля Первый Город объявил Сааксскому Союзу войну. Но ещё до того, как Анора ввела доктрину выжженной земли, в самые ранние дни, Клэй возглавлял карательные отряды и убивал сааксцев со всей жестокостью, на которую был способен. Был ли он всегда чудовищем? Сделал ли его таким отец или же война? К тому моменту, он уже ничего не знал. Клэй не задавал вопросов, а просто уничтожал синегубых, как озверевшее животное, голодное до крови. Он добровольно вписался в программу десанта, в рекордные сроки обучился маневрированию и начал сеять смерть с небес.

Через шестнадцать месяцев всё закончилось. Анора, накачивавшая первенцев яростью, поставила крест на карьере Клэя — за то, что он просто исполнял приказ.

Завтра, двадцать девятого декабря, Джейсону исполнится двадцать девять. Прошло тринадцать лет, прежде чем он понял, кем является на самом деле. Перед ним словно возникло зеркало, разложившее вопросы всей его жизни по полочкам.

— Кто я? — спросил он у призрака, парящего за спиной Алисии.

— Ты животное, Клэй. Всегда им был, и всегда им будешь. Ты пытаешься обмануть себя, говоришь, что в тебе было что-то

хорошее — всё ложь. Ты был лицемерным ублюдком с самого начала. И стоило на секунду сказать, что необязательно сохранять приличия, маску цивилизованности, как ты сорвался с цепи. Стал убийцей, который очень любит своё дело. Признай это.

— Никогда.

— Ты что-то сказал? — прошептала Алисия, отлипая от него.

— Нет, ничего, — пробормотал Клэй, поднимаясь на ноги и утирая выступившие слёзы. — Просто… я вспомнил родителей. Как я бросил их в Приюте.

— Ох, Джейсон, не морочь себе голову, — Алисия строго взглянула на него. — Что бы тебе ни говорили, ты всё равно остаёшься хорошим человеком в моих глазах. Просто ты родом из плохого места.

«Кейт была права. Все они были правы. Я больше не могу бежать от истины».

Клэй опустил взгляд. Ему хотелось крепко обнять Алисию и никогда больше не отпускать. Плевать на безумие, плевать на чёртового призрака. Если её не будет рядом, он умрёт. Сойдёт с ума от одиночества. И только он распахнул руки для объятий, как в люк бронетранспортёра постучали.

Алисия поспешила открыть его. Вошедший окончательно испортил Клэю настроение.

Это был Антар, одетый в свою любимую кожаную куртку. Волосы его были так же растрёпаны, как в день, когда он отправил Клэя убить Сандерса. Синегубый мягко улыбался. Что-то в нём неуловимо изменилось. Будто исчез налёт самодовольства и в тёмных глазах сааксца, наконец, промелькнули зачатки искренности.

— Мисс, — кивнул синегубый Алисии. — Давно не виделись.

— Пожалуй, — буркнула в ответ любимая. — Хотите выпить? Могу сделать кофе.

— Да, не помешало бы, — согласился Антар. Алисия кинула быстрый взгляд на Клэя. «Я оставляю тебя с ним наедине. Не натвори чего-нибудь», — говорил он.

— Как ваши дела, мистер Клэй? — певуче произнёс Антар, присаживаясь в кресло. Де Салмана было не узнать. Всё больше у Джейсона закрадывалось подозрение, что с детективом случилось что-то очень нехорошее.

— Весьма неплохи. Не считая того факта, что я убил больше сотни ни в чём не повинных людей.

Антар кивнул.

— Это правда очень печальный факт.

— К чему такая официальность, Антар? — буркнул Клэй. — Что-то случилось?

— Случилось, — кивнул детектив. — Случилось так, что король устроил вторжение.

— Мы уже это проходили, — устало выдавил Джейсон.

— А ещё он разжёг бунт, — непреклонно продолжал Антар. — И почему-то до сих пор не наказан. Почему?

— Ты мне ответь, чёрт возьми! Ты же сам говорил, что нужно оставить короля в покое, чтобы не раскачивать лодку? Или ты забыл?

— Ах, это, — Антар выглядел как человек, оказавшийся в незнакомом месте. — Да, пожалуй. Но времена изменились. Ты и я, Клэй. Мы можем прикончить ублюдка. Мы можем положить всему конец, понимаешь?

— Чему же?

— Этой пародии на государство. Жажда править даже с лучшими творит ужасные вещи. Король обещал нам, что поможет свергнуть Эдем. Увы, это оказалось фикцией. Стоило ему принять роль, как ублюдку захотелось власти. Он кинул всех. Он кинул Корвуса, кинул меня, своих сестёр, даже Эдем — и тот кинул. Даже беднягу Роско, и того умудрился подставить. Умник чужими руками убрал всех политических противников. Банки Торесов, в которые сам вложил деньги для восстания, арестовал. Директора, знавшего о вторжении, дискредитировал. А сегодня сделал самый решающий ход — против полиции. Снятое репортёрами видео утечёт в Сеть. Башню и её методы начнут критиковать, что станет поводом для конфронтации. Рано или поздно, король пойдёт в наступление и сотрёт копов. Он использовал нас всех, Клэй. Король всех поимел.

— О чём ты, чёрт возьми?

— Люди, которых ты увидел на мосту, работали на короля. Наёмники. Они не пытались тебя убить, только раззадорить. Сделать из тебя машину смерти, вынудить к крайним мерам. Заблокировали твоё оружие, внедрившись в системы экзоскелета — недёшево это стоило! И, обрадую тебя, командовал ими Дэниел Роско.

В глазах у Клэя запрыгали тёмные круги. К горлу подкатила тошнота. Когда же всё закончится?

— Твои руки… трясутся типа, — сказал Антар.

Клэй в ответ лишь зарычал. В ушах нарастал шум. Опять приступ безумия? Или же он окончательно сошёл с ума?

Где он? Что происходит?

Стены ходили ходуном, а синегубый поднялся и схватил его за плечо.

— С тобой всё в порядке?

Какая непривычная заботливость.

Подмена! Обман! Клэю всё вдруг стало ясно. Он схватил синегубого за шею и начал её сдавливать.

— Кто ты, чёрт возьми?! Куда ты дел Антара? — процедил Джейсон сквозь зубы. Лже-детектив кряхтел, пытался что-то сказать, но крепкая хватка на горле не давала ему того сделать. В тот момент, когда Антар почти обмяк, Клэй бросил его на пол и приготовился бить ногами. Синегубый поднял лицо. На нём царило выражение холодного превосходства. Краем глаза Клэй заметил на пальце у детектива кольцо со змеями. И тут его накрыло оцепенение. Даже язык не поворачивался. Но слова, вырвавшиеся изо рта сааксца, заставили душу верещать от ужаса.

— Кто я? Меня зовут Тайрек Маут, дружок. И отныне ты будешь меня слушаться.

18. Благие намерения

«Если хочешь спасти всех и сразу
— значит, пора спасать себя»

Древняя эмигрантская поговорка

15 июня, 541 год после Освобождения

Он надел свеженапечатанную хлопковую рубашку, наслаждаясь запахом свежести из окна и подставляя лицо утренним лучам. Ушло полминуты, прежде чем вернулась предательская мысль: это всё не по-настоящему. Таир тяжело вздохнул и застегнул пуговицы, смотря прямо на солнце, чувствуя, как оно жжёт глаза и выдавливает слёзы. Он скучал по открытому небу больше, чем по свободе.

Куртка с капюшоном сиротливо лежала смятой на стуле возле кровати. Змеи, так недавно казавшиеся живыми, превратились в бутафорские ленты, сверкая багровыми глазами-камушками. Дыра в спине, оставшаяся от удара ножа, темнела запёкшейся кровью. Таир пошевелил лопатками, пытаясь почувствовать рану, но боли не возникло. Будто его и не пытались зарезать. Погладив тёмно-терракотовую кожу куртки, Таир двинулся к лестнице. Пришло время говорить.

Он начал весь этот бардак, он должен его закончить.

На улице переговаривались люди, со стороны базара раздавались крики продавцов. Гул обычных прохожих показался Таиру чужим, нездешним. Слишком он привык к наседающей со всех сторон и несмолкаемой болтовне рекламных экранов. Исчезло электрическое потрёскивание, испарилось жужжание. Мир стал таким, каким он должен был быть.

«Но это всё не по-настоящему».

Спустившись на первый этаж, Таир застал Зере в гостиной на кресле. Танцовщица, отцепив и положив протезы себе на бёдра, смазывала шарниры маслом, снимая излишки тряпкой.

— Как спалось? — спросила девушка, закончив уход. Она наклонилась вперёд и начала прицеплять аугментику обратно. С лёгким визгом протезы вцепились тонкими отростками в мягкую прокладку между плотью и металлом.

Таир надавил пальцами на левый бицепс и почувствовал лёгкую боль от потянутых в драке мышц.

— Как ребёнок, — признался он. И правда, последний раз Таир так высыпался в детстве. Ещё до речей жрецов, Багровых Штыков и войны. В тот короткий период, когда он ещё мог просто играть на улице с другими ни о чём не заботящимися детьми.

— Ты так быстро оправился, — заметила танцовщица. — Никогда ещё не видела, чтобы кто-то после удара ножом на ногах стоял. Знаешь хоть, сколько крови потерял? Ты заколдованный, что ли?

— Скорее, заговоренный, — сказал Таир. «Сыворотка. Это всё грёбаная сыворотка».

— Саида-апа ждёт, — произнесла Зере и указала в сторону кухни. В тёмных глазах девушки засквозило беспокойство. — Ты знаешь, я никогда ещё её такой не видела. Будь осторожнее.

Таир кивнул. Встреча с матерью для него самого стала ударом. Мать сразу же застелила кровать в спальне наверху, и он провалился в глубокий сон.

Кухня пропиталась терпкими запахами натурального чая. У Таира начала кружиться голова. Воспоминания нахлынули потоком, и он еле удержался, чтобы не прослезиться. Мама хлопотала над чайником, одетая в то аккуратное зелёное платье, что и вчера. Алый шарф в несколько слоёв окутывал шею. Седые волосы туго стянулись в клубок на затылке. Укол боли пронзил сердце. Видеть мать такой старой казалось невероятным. Десять лет он её не видел. Она сильно изменилась, но он ещё сильнее.

— Надеюсь, ты ещё не позабыл вкус настоящего чая, — сказала мать, разливая горячий напиток по чашкам. Пар курился над посудой, будто сулил невероятные открытия: стоило лишь чуть-чуть пригубить древнее саакское зелье. — Иногда я пользуюсь привилегиями главы, и забираю себе немного листьев с оранжерей на окраинах города.

— Гетто, — автоматом поправил мать Таир и смутился. Мама усмехнулась.

— Тебе здесь не нравится, правда?

— Я не могу сказать, — признался сааксец. Попробовав чай, он изменился в лице. — Чертовски вкусно!

— Ещё бы. Старые мастера выращивают, по рецептам из Бухты Счастья.

При одном упоминании о Бухте Таир задёргался, чувствуя боль и досаду. То, что там произошло, иначе как бойней нельзя назвать. Первенцы утопили в крови весь Союз, но Бухта переплюнула любые предыдущие побоища. Одно только её упоминание холодным клинком проползало по коже и подскакивало комком к горлу. Поставив чашку на стол, Таир сказал:

— Теперь ты управляешь всем кланом Хамид?

— Представляю его в новом совете старейшин. Не то чтобы мне были рады… — мать помялась, словно раздумывая, говорить ли дальше. — Ты давно уже взрослый, сынок. Сам понимаешь, чем я занималась…

— Но кроме тебя у отца никого не было. Он ведь не оставил наследников?

— Нет. Когда первенцы брали Карас, началась суматоха. Кое-кто вспомнил старые обиды. Почти всю элиту клана вырезали, кроме твоей тёти, Азизы, и её сына. Я увязалась за ними. И поначалу всё шло хорошо, она даже приняла меня в клан. В конце концов, Мугис был такой… — мама запнулась, назвав имя отца. Каждый раз, когда она его произносила, по лицу пробегала волна боли. — Азиза сказала, что доверяет выбору брата. Даже если он и пал на неприкасаемую. Как жаль, что ты не успел с отцом нормально познакомиться.

— Что было потом? — допытывался Таир. Об отце ему говорить хотелось в последнюю очередь.

— После поселения в гетто начались первые разборки. Все эвакуировавшиеся кланы начали делить территории. У нас было даже несколько маленьких войн. Почти семь лет назад Азизу убили вместе с сыном. Прямо на свадьбе.

— Чьей?

— Как чьей? Её сына и Зере. Почему, думаешь, она ошивается в этом доме? — мама вздохнула. — Азиза была великой женщиной. Такие раз в поколение рождаются. Она не посмотрела на аугментику Зере, без проблем дала добро на их женитьбу. Это её и погубило. Только её сына с Зере обручили, как нагрянули убийцы и расстреляли Азизу, да жениха. Бедный мальчик. А Зере ещё беднее. Стать вдовой в десять лет — никому в жизни не пожелаю. Сам понимаешь, по всем правилам ей запретили снова выходить замуж. Так что она часть клана Хамид. Как и я. Просто больше никого не осталось.

— И тебя избрали в совет старейшин? — Таир пошевелил плечами, пытаясь почувствовать боль. Но ничего. Его рана затянулась с концами.

— Совершенно случайно. Большинство старых и крупных кланов порешали друг друга в междоусобицах. Когда закончились разборки, все оглянулись и поняли, что самых умных уже отправили к Отцу. В итоге, клан Башра остался крупнее всех и начал решать, кто же войдёт в совет. Он выбрал самых безобидных, дал привилегии, а сам пошёл давить остатки сопротивления, — мама вздохнула. — Но оно не утихает. И с каждым днём обстановка всё хуже и хуже.

Мать пригорюнилась и вдруг всхлипнула.

— Я только поняла, — дрожащим голосом произнесла она. — Десять лет тебя не было… десять лет…

— Ты сама отдала меня в солдаты, — резанул по больному Таир. И тут же возненавидел себя за это.

— Я… не могла прокормить тебя. Ты бы просто умер от голода, сынок, — мать подняла умоляющие глаза. — Я должна была это сделать.

«Я спасся от голода. Но мог сотни раз умереть от вражеских пуль. Нет, у тебя был выбор. Азиза могла принять нас в клан, могла прокормить. Но ты даже не попыталась найти другого выхода. Ты решила избавиться от меня, решила выжить в одиночку».

Огромное море эмоций бушевало внутри Таира, но он сжал кулаки, собрался с мыслями и сделал самую храбрую вещь в своей жизни — простил маму за всё.

Подойдя ближе, он заключил мать в крепкие объятия и произнёс:

— Я понимаю. Если бы не ты, я бы погиб.

Таир чувствовал влагу на своём плече, слышал всхлипы и тихое хныканье, и думал только об одном: «От своих грехов не сбежать».

На улице послышался непонятный шум, и мать вскочила, подбежав к окну.

— О, именем Отца… — простонала она.

Шум всё усиливался, начали раздаваться крики. Таир прикинул: подходила толпа не меньше двадцати человек. Выглянув вместе с матерью, сааксец увидел группу парней в разноцветных одеяниях с замысловатыми узорами. У каждого на поясе покоилось по кинжалу.

— Реставраторы, — прошептала мама.

— Кто?

— Дружинники Содружества Независимых Кланов. Тех, что не так давно перестали подчиняться совету старейшин. Они считают, что мы слишком много на себя берём. Ни один из кланов по отдельности не сможет противостоять Башра, но вместе… Я должна позвонить другим старейшинам.

Мама вернулась к столу и прикоснулась к стационарному коммуникатору.

— Не может быть. Они нас глушат! — пробормотала она. — Да как они посмели?

— Как ты думаешь, что им надо?

— Они не могли прийти за мной. Это бы значило объявить открытую войну совету старейшин! Но они всё же глушат связь. Я

даже не могу вызвать стражу.

— Саида-апа! — закричали снаружи. Мама нахмурилась и двинулась к окну. Облокотившись на потёртый подоконник, она высунула голову.

— Вы пришли ко мне с оружием и заглушили связь! Да как вам хватило совести? Я одинокая старая женщина. Боитесь, что не справитесь со мной?

Таир встал за плечом матери и стал присматриваться к толпе.

— Прошу простить нас, — говорящий оказался пареньком лет семнадцати с длинными волосами, собранными в тугую косичку вдоль спины, на оранжевых одеждах растекался тигр клана Намир. Да и вообще большинство дружинников оказались на удивление молодыми, сааксцу они казались почти что детьми. — Но мы ищем Зере. Говорят, она вернулась в гетто.

— И вы толпой идёте за одной девочкой?

— Не за ней, — весомо произнёс дружинник. — А за её таинственным знакомым. Вчера он нанёс весомые увечья нескольким нашим друзьям, которых стража упечёт в тюрьму, как только те выползут из храма. Хотелось бы с ним поговорить по душам.

— Они пришли за мной, — сказал Таир. — Скажи, что я сейчас выйду.

— Подождите снаружи, я поговорю с Зере! — крикнула мама, а затем обернулась к Таиру. — Не смей туда выходить! Они убьют тебя! Ты не знаешь, что это за люди! И что ты натворил вчера?

— Новости здесь так быстро разносятся, а ты ничего и не слышала даже, — проворчал Таир. Вернувшись в комнату, где сидела Зере, он подошёл к утилизатору. Вид у танцовщицы был настороженный.

— Что случилось? — сказала она.

— За мной пришли дружки вчерашних ублюдков, — объяснил Таир. Зере побледнела.

— Это очень плохо, — простонала она. — Что мешало тебе просто сидеть на месте? Он бы просто ушёл, и всё было бы в порядке!

— Сейчас тоже всё в порядке, — сказал Таир. — Кстати, у вас что, нет схемы кинжалов?

Мама помотала головой. В её глазах застыл вопрос. Но Зере среагировала быстрее. Порывшись в сумке, она вытащила наружу клинок с ножнами и кинула его Таиру. Поймав оружие, сааксец двинулся к дверям, а мать засеменила следом.

— Ты что, хочешь с ними драться? — спросила она. Таир кивнул. — Да ты обезумел! Их там тридцать человек! Они тебя на месте растерзают!

— Двадцать семь, — поправил мать сааксец.

— Не убивай никого, сынок, пожалуйста! — взмолилась мама. — Пусть они работают на опасных людей, но они же совсем ещё дети.

Таир посмотрел на неё, на заслезившиеся глаза мамы, на её скривившийся, будто от боли, рот. «Если бы ты видела хоть часть того, что видел я».

— Дети жестоки, — лишь ответил он и потянул дверь на себя.

Глава дружинников с неприятной ухмылочкой, присущей сопливым главарям молодёжных банд, ждал Таира, скрестив руки на груди.

— Так вот ты какой, — произнёс он с некоторым удивлением. — У тебя хватило яиц выйти на встречу с нами. Хвалю, хвалю. Помять бы тебе бока, но старейшина Саддам запретил.

— Кто он? — спросил Таир, ничуть не смутившись словам мальчишки.

Заводила дружинников усмехнулся, будто обрадовавшись прыти будущего пленника.

— А ты будто не слышал о клане Дюран?

Таир кивнул, вспоминая. Конечно же, кому бы ещё хватило наглости? Клан Дюранов раньше отличался непокорным нравом. К Союзу они присоединились после непродолжительной, но очень кровавой войны, и даже после неё, став частью совета старейшин, любили подчёркивать свою независимость. Если совет принимал решение истребить новых поселенцев, обнаруженных на границах, Дюраны тут же начинали настаивать на переговорах. Если же большие шишки избирали дипломатию, взбалмошный клан начинал голосовать за расправу.

В конце концов, это вылилось в гражданскую войну. После того, как последний бастион обороны Дюранов пал от рук Чёрных Винтовок, совет старейшин сменил гнев на милость и оставил в живых трёх обделавшихся от страха наследников клана. К совету старейшин их больше не подпускали, голоса они лишились, ресурсы их земель, да и даровитые мастера отныне принадлежали Союзу. Дюраны стали тенью своего былого могущества, примером для всех, почему не стоит шутить с советом. Множество кланов стояло на краю гибели, но большинство успевало образумиться и не ухнуть в бездну забвения. И только Дюраны прошли весь путь до конца, с песнями и плясками подписав себе смертные приговоры, превратившись в страшную историю, которую рассказывают новым кланам, чтобы те не думали сопротивляться.

Что же, времена изменились. Кто бы мог подумать, что даже после такого громогласного поражения, Дюраны сумеют

выкарабкаться из ямы и дадут о себе знать. Но заслуга больше принадлежала Синдикату, чем болванам из клана. Под крылом Первого Города Дюраны, похоже, сумели восстановить независимость, почуяли аромат безнаказанности и решили тряхнуть стариной, собирая обиженных на нынешнее положение дел идиотов. Тем лучше. Пока Таир искал потенциальных бунтовщиков, они сами его нашли.

«Начнём жрать вас с головы».

— Старейшина Саддам хотел бы меня увидеть?

— Ты очень сильно оскорбил его племянника, — подчёркнуто вежливо произнёс юный дружинник. — Но он смилостивится, если ты извинишься лично.

— А если я не хочу этого делать?

— Боюсь, твоей безногой подружке придётся несладко, — улыбнулся реставратор. Он ничем не отличался от всех предыдущих соперников Таира — самодовольный, надутый мальчишка, переоценивающий свои силы. Не знающий, что такое настоящая война. Когда твои ноги начинают гнить от влажности, а еды нет уже седьмой день, и приходится идти в джунгли, охотится на противника, лишь бы обворовать трупы. А если пайков у жертв не окажется, придётся голодать. Они не скатывались до уровня первенцев. Сааксцы не ели мертвецов. Хотя, формально, первенцы сначала перерабатывали трупы, прежде чем их съесть.

«Все вы так похожи, — подумал Таир. — Как в дурном сне, будто убиваешь одного и того же ублюдка, раз за разом».

— Пытаешься блефовать? — с презрением спросил он. — Зере принадлежит клану Хамид. Если хоть волосок упадёт с её головы, за это возьмётся сам совет старейшин. И тогда ваш маленький кружок интересов будет гадить кровью быстрее, чем вы успеете сказать «газават».

— За провокацией последует ответ, — сказал дружинник, покачав головой. — А за их ответом прилетит наш. И тогда мы все…

Он не сумел договорить — кулак Таира врезался ему в лицо. С подавленным всхлипом юноша рухнул на пыльную землю, остальные дружинники дёрнулись и обнажили клинки, бормоча проклятия.

— Вот моя провокация, — произнёс Таир, встряхивая кулак. — Будешь отвечать?

— Да ты… — начал дружинник, но его тут же начали оттаскивать вглубь толпы. Реставраторы насторожились, приготовили кинжалы, но пускать их в ход не торопились. В глазах юных бойцов застыло недоверие, даже лёгкое потрясение

— они не ожидали, что будет сопротивление. Хотя нетрудно понять, что парень, разнёсший их дружков в доме сказаний, без боя не сдастся.

«Как и думал, приказали привести без единой царапинки. А жаль, хорошая драка сейчас не помешала бы».

— Ну, что смотрите? — дружелюбно выдал Таир, разводя руками в стороны. — Ведите меня к старейшине Саддаму.

Один из дружинников протянул руку к его кинжалу, но сааксец быстро перехватил её. Скрутив кисть в болевом захвате, Таир прошипел:

— Ещё раз попробуешь — пырну. Оружие у меня никто не заберёт.

— Успокойся! — выкрикнул один из бойцов, у которого ещё хватало прыти. — Иначе мы тебя успокоим сами!

— Да я половину из вас порежу прежде, чем вы вообще что-то поймёте, — цыкнул Таир. — Не испытывай судьбу, мальчик. Ты для меня лишь несущий чушь мешок с кровью. Я убью тебя, не моргнув и глазом, а потом найду твою семью, выпотрошу твою мать, братьев и сестёр — если они есть, конечно.

— Сукин ты сын! — заревел дружинник и бросился вперёд. Его тут же потянули назад друзья. Таир усмехнулся. Давно он так не веселился.

— Ты пришёл с ножом к дому моей матери, посмел угрожать, привёл других — и не надейся на пощаду, — пообещал Таир. — Не будем терять времени. Давайте, ведите меня. Старейшина, наверное, уже заждался.

Дружинник побледнел, а затем позеленел, но отвечать не стал. Остальные встали у боков Таира и начали вышагивать по улице, как отряд маленьких заводных солдатиков — или же стадо хорошо обученных баранов. Правда, у животных стремление к свободе было посильнее, чем у них. Таир готов был расхохотаться. Это ему-то рассуждать о стремлении к свободе и послушании! Он, сааксец, сейчас находился в гетто и шёл к главе Содружества Независимых Кланов, чтобы убедить его не поднимать бунт против Синдиката. Кто он такой, чтобы клеймить ребят за их пустые головы?

«Нам лицемеров не надо. Мы сами лицемеры», — подумал Таир.

Они прошли, наверное, через половину гетто, прежде чем вышли четырёхэтажному зданию, которое Таир про себя тут же назвал дворцом. На поколупанных стенах развевались гербы Дюранов — кисть руки, скрюченными пальцами держащая окровавленный глаз. «Дюраны всё видят, Дюраны всё знают». Старый девиз, который клан пронёс через столетия. Сейчас он

казался, как минимум, смешным.

У богато украшенных дверей стояли припудренные стражники в синих свободных одеждах. На лацканах их жилетов висел маленький треугольник с вписанным внутрь крестом. Такой же символ изображался на двери. Судя по всему, его привели в местное отделение Содружества Независимых Кланов.

Коридоры усыпали вещи из старого мира. Всё здесь пахло Карасом, кроме людей. Пусть гетто и выглядело в точности как столица Союза, всё же многое так сильно изменилось, что оставалось родным и незнакомым одновременно — будто старый друг, вернувшийся через много лет из путешествия по свету.

Миновав десятки чайных кабинетов и комнат со столами для собраний, конвоиры привели Таира в огромный внутренний двор. Прямо над головой висело тёплое солнце. Таиру пришлось напомнить себе, что оно не настоящее. «Идеальный мир фальши, построенный первенцами для сааксцев. И всё же, намного лучше, чем при Союзе».

Внутренний двор в длину занимал площадь примерно в шестьдесят шагов, а в ширину — около сорока. Нависающие стены с выбитыми в камне балконами угрожающе нависали над группой дружинников. Реставраторы остановили Таира у железных дверей и встали за его спиной полукругом. Портал зевнул, выплюнув молодого мужчину в самом расцвете сил, одетого в тонкий, отделанный замысловатым узором деловой костюм. Для сааксца он был довольно высок — на полголовы выше Таира. Роскошные каштановые волосы были тщательно причёсаны и уложены, глубоко посаженные карие глаза излучали любопытство. На пухлых щеках зияли красные точки выдавленных прыщей.

— Старейшина Саддам, собственной персоной, — произнёс Таир. Хоть глава клана и выглядел безобидным, сааксец видел следы жестокости в сощуренных глазах и приятной улыбке. В перстне на среднем пальце могла покоиться игла, отравленная смертельным ядом — древний трюк старейшин, который чаще оборачивался против них самих, чем против врагов. Но не в случае Саддама. Если бы Таира попросили сцепиться со старейшиной, он не стал бы ставить на свою победу. Глава Дюранов не был солдатом. Он был убийцей.

Таир знал этот взгляд. Следы ни с чем невозможно спутать. «Дюраны вымерли, — подумал он. — Их место занял выскочка, победивший предыдущего главу в кулачной схватке». Если глава клана согласился на честный бой, при проигрыше он обязан передать всё победителю. Так клан становится сильнее. Так диктует закон.

«Кто же он? Уличный бандит, оказавшийся в нужном месте в нужное время? Бывший киллер, возмещающий распухшее тело виртуозностью мастера?»

— Багровый Штык, — произнёс старейшина Саддам, продолжая улыбаться. — Приятно видеть старых собратьев. Как дошёл, Таир? Мои мальчики тебя не обидели, надеюсь?

Сааксец готов был взвыть от отчаяния. Но он сдержался, выдавил ответную ухмылку и произнёс:

— Смотрю, все юные ветераны войны высоко поднялись. Один я болтаюсь чёрт знает где.

— Ты слишком рвался вперёд, — пожал плечами бывший Багровый Штык, ставший главой Дюранов. — Ты даже не обернулся, когда оставил братьев и сестёр позади. Не подумал, что можно уйти в гетто, а не пахать на Семьи. Твоё невежество поражает. И, в то же время, окрыляет. Я и подумать не мог, что один из нас сумеет так хорошо устроиться в Синдикате. А уж тем более устроит вторжение и уйдёт от правосудия! Я ведь смотрел твою казнь в прямом эфире, да думал, что пасть от руки врага — достойный конец. Но ты всех обхитрил!

Старейшина подошёл ближе и заключил Таира в потные объятия.

— Добро пожаловать домой, брат Таир! Ты знаешь, о тебе ведь многие говорили. Алый Дьявол. Стальной Зуб. Великий Собиратель. Во время войны мне было шестнадцать, я среди Штыков проходил уже четыре года и всё удивлялся — что за сопляк наводит столько ужаса?

— Легенды и слухи, раздуваемые жрецами, — буркнул Таир. Они создавали героев, пока шла война, чтобы поддержать дух солдат. Таир видел распространяемые брошюры и с трудом узнавал в них себя. Слава Отцу, у них хоть хватило милосердия не упоминать его настоящего имени и отряда, в котором Штык служил. Из всех героев, упоминаемых в брошюрах, разве что командир Бедан заслуживал статуса легенды. Да и то, как раз потому, что кардинально отличался от образа, рисуемого жрецами. — Не стоит верить в сказки.

— В твоей легенде сказочного мало, — пожал плечами Саддам. — Убить столько людей, да в таком возрасте — это талант. Один из тех, которые могут нам пригодиться.

«Он говорит со мной, как с родным, — подумал Таир. — Даже ни на секунду не задумывается, что я могу быть шпионом Синдиката».

— Лучше скажи, как ты узнал меня.

— Я не был уверен до конца, — ответил Саддам. — Но из описаний у меня сложилось смутное подозрение. А потом ты

пришёл сюда. Тебя сложно не узнать, брат Таир — во всяком случае, для тех, кто следит за новостями. Я уверен, ты появился здесь не просто так. Это настоящее провидение Отца!

— Ты хочешь попросить моей помощи? — предвосхитил вопрос старейшины Таир. Дюран кивнул. — Ты хочешь восстания? Опрокинуть совет старейшин, а затем пойти на Синдикат?

— У нас есть могучие друзья, — прошептал Саддам. — У них почти всё готово. Да и у нас тоже! Стоит высечь искру, как костёр возмездия разгорится!

— Не о Стрелках ли ты говоришь?

— Лучше, Таир, — усмехнулся Саддам. — Пойдём, я посвящу тебя в детали.

Они нырнули под чудовищную арку, усыпанную глазами, что будто следили за каждым входящим. В узком, плохо освещённом коридоре Таиру начало казаться, что стены пытаются его раздавить. Очень давно он не испытывал такого чувства. Первое время в Городе приходилось очень туго, но Таир привык. Сейчас же всё возвращалось, будто бы никогда и не уходило. Таир ощутил, как десять лет наваливаются на него всем своим огромным весом намёков, недосказанностей и сожалений. Он опять тупой Багровый Штык, исполняющий чужие приказы, следующий чужой воле. Ничего не изменилось — разве что лицо в зеркале становилось всё старше, да в глазах появились отблески серьёзности и мудрости. Но это всё было полной чушью. В глубине души Таир наконец понял одну важную вещь: люди не меняются. Они лишь используют другие оправдания.

Реставраторы следовали по пятам, как верные псы. Ими они и являлись. Молодые, безмозглые, готовые исполнить любую прихоть хозяина. В пустых лицах дружинников Таир видел отражение себя, и ненавидел их за это.

Они оказались в застенках, где воздух стал на порядок прохладнее. Их встретила спиральная лестница, ведущая вниз. Спустившись на два пролёта, процессия достигла огромного зала с кучей ламп. Полы устилали ковры, возле стенок стояли сундуки с постельным бельём. К помещению вело множество коридоров, туда-сюда сновали люди. Но тел на полу валялось ещё больше. Таир выдохнул. Нет, не мертвецы, просто спят.

Но лучше бы они были мертвы.

Саддам собрал в этой импровизированной казарме целую армию, готовую в любой момент отбросить комфорт мирной жизни и начать месить всех направо и налево за своё якобы правое дело. Дружинники, все до единого. В помещении стояла тишина, никто не переговаривался. Те, что не спали, занимались

своими делами: читали, рисовали, молились, что-то считали на коммуникаторах.

— Столовая дальше по коридору, — сказал Саддам, улыбаясь. — Это далеко не все наши силы.

— Правда? — лениво заметил Таир. — Сколько здесь, не меньше пяти сотен?

— Семьсот. И таких ячеек у нас по всему гетто полно.

— И у вас, конечно же, есть оружие? — иронично поинтересовался Таир. Кивок Саддама заставил почти вырвавшуюся насмешку застрять комком в горле.

— Пойдём покажу.

Пока они переступали между спящими бойцами, старейшина всё щебетал:

— Я давно ждал такой возможности, брат Таир, очень давно. Ветеранов, да умелых солдат ведь почти и не осталось. Новобранцев раньше учил сам, по мере возможностей, да толку едва вышло.

— Пока ты не связался со Стрелками?

— Именно. У них сразу нашлись нужные люди.

Они пришли в оружейную. Запас у Саддама оказался более чем приличный: новейшие синдикатовские винтовки, гранаты и гранатомёты, штыки, сабли, пистолеты всех систем, пулемёты. Всё, что душа пожелает. Таир поднял с ящика воронёный револьвер — таким застрелились его попутчики, затихшие в голове. Возможно, затихшие навсегда.

— Так кто обучает твоих людей? — спросил Таир.

— Тебе лучше знать, — усмехнулся Саддам. Взяв Таира за руку, он увлёк его следом. Дальше по коридору слышался знакомый голос. Таиру это не понравилось. Появление старых знакомых последнее время сулило ему одни лишь неприятности.

Они вышли в ещё один зал, где несколько десятков дружинников отрабатывало приёмы ближнего боя.

— И р-р-раз! И два! — орала крепко сложенная женщина в алом мундире, расхаживая перед тренирующимися сааксцами. В плохо освещённом помещении её волосы превратились в шапку тьмы. Но Таир бы ни с кем её не спутал.

— Миледи! — окликнул Саддам. — Он пришёл!

Солдаты тут же встали по стойке «смирно», будто всё это время Таира и ожидали. Он сделал несколько нетвёрдых шагов и почувствовал, как пол уходит из-под ног. Но взяв себя в руки, Таир твёрдо двинулся к принцессе.

Десять лет пролетели как одно мгновение. И столько всего успело измениться.

— Приятно видеть тебя в добром здравии, — чопорно

произнесла Анора. Улыбнувшись, она сверкнула в темноте белизной зубов. Зелёные глаза хищно сощурились. — Надеюсь, ты меня не забыл?

— Такое не забывается, — сказал Таир, чувствуя, как кулаки сжимаются сами.

2 июля, 541 год после Освобождения

— Зачем ты здесь?

Вопрос застал Таира врасплох. Перестав жевать мясо, он отложил вилку, откинулся в кресле и уставился на принцессу, сидевшую напротив. Закинув ногу за ногу и раскуривая сигарету, Анора невинно улыбалась, но в глазах её плясали опасные огоньки. Казалось, в морщинах женщины сложилась вся печаль мира. Она едва изменилась за десять лет — разве что в волосах появилась седина, да яркие зелёные глаза стали ещё более усталыми.

Они обедали на веранде личного номера Саддама. На столе стоял свежезаваренный чай, булочки, да дымящиеся говяжьи стейки. Из окна открывался прекрасный вид на всё гетто. Снующие туда-сюда сааксцы казались муравьями. «Кто-то лапку сломал — не в счёт», — подумал Таир, продолжая жевать.

Перерыв только начался, бойцы удалились в столовые комнаты, а он с Анорой поднялся на третий этаж. Их, как инструкторов, Саддам нещадно баловал. Натуральная еда, возможность посетить прославленные бани Дюранов, где белокурые голубоглазые красавицы клана Мадхур всегда готовы снять стресс с усталого путника хорошим массажем, доступ к Сети, да круглосуточная охрана. Правда, Таир подозревал: стражники следят, чтобы инструктора сами кому не причинили вреда.

Уже две недели он тренировал солдат для Саддама — показывал им, как обращаться с ножом, ухаживать за оружием, учил, как выжить в джунглях без еды и воды. Он передал им весь свой опыт, а сам тем временем лихорадочно думал, что же ему делать.

Отказаться он просто не мог — Саддаму ничего не стоило пригнать своих бойцов к дому мамы и вынудить Таира согласиться. Да и утаивать какие-то детали опасно. Штык выкладывался, как мог, при этом составляя план по предотвращению войны.

Саддам сказал, что Синдикат предоставил гетто практически полную автономию. Это казалось глупым, невероятным, но

подземная армия Дюранов убедила Таира: корона либо плевала на всё с высокой башни, либо же так и было задумано. Даже если сааксцы поднимут восстание, у Синдиката не уйдёт много времени, чтобы задушить любое сопротивление. Даже если все гетто разом объединятся, Семьи одержат победу.

Чего хотел добиться король, дав сааксцам столько свободы? Чего желала контрразведка? И главное, зачем Говард прислал Анору в гетто?

Марий сказал, что глава Стрелков хочет заполучить оружие сааксцев, способное сразить Стражей. Но не того ли же самого жаждали его боссы? Он ведь упоминал, что они желают разобраться с кинжалом, от которого Таир давно избавился. Если так, то кое-что вставало на места, хоть и не очень удачно. Вливаниями денег и комфортом Синдикат пытался купить расположение сааксцев, чтобы те рассказали свой секрет. Что с ними будет потом, уже мало кого волновало: Семьи получат оружие, с которым смогут диктовать свою волю Эдему. А аппетиты короля, способного пожертвовать тысячами подданных в обмен на сына, трудно предсказать.

Присутствие Аноры тоже объяснялось довольно просто. Если сааксцев нужно подготовить к войне с Синдикатом, лучшего кандидата просто не найти. Анора пролила столько крови за Семьи, что её хватило бы, чтобы залить всё гетто. И теперь она вываливала секреты ценой по медяку за сотню. Воительница рассказала всё: то, как бойцы Синдиката оперировали во время Второй Священной Войны, их оснащение, предпочтения, психологию. Даже упомянула тактику эскадронов десанта, хоть те со своими летательными ранцами редко использовались внутри Города. Бойцы Дюранов — безработные юнцы семнадцати лет, едва помнившие Карас, — готовы были ко всему. И ни к чему.

Сколько бы Таир ни показывал приёмов, сколько бы ни мучил муштрой, сколько бы советов ни давал, в глазах солдат он видел пустоту. Придурки пришли из-за пустого энтузиазма, из-за жажды славы, из-за красивых рассказов о том, что они смогут победить всемогущий Синдикат и отомстить за унизительное поражение. Лишь единицы из них понимали, что одна из самых важных вещей в войне — это подготовка. Таир вспомнил Стрелков — мрачноватых молодцев в потёртых плащах и со старинными револьверами. Он с удовольствием поставил бы на то, что один полуголодный боец Гильдии сможет в рукопашной одолеть пятерых его подопечных балбесов. Конечно, это играло ему на руку. Если начнётся восстание, через несколько часов его подавят. Но чего он боялся, так это ответной реакции Синдиката. Таир знал: возмездие последует незамедлительно, и будет оно

страшным.

Он обязан это предотвратить. Если в нём осталось хоть что-то хорошее, он остановит войну до того, как она начнётся.

Две недели Анора рассказывала ему все секреты Синдиката, без вопросов, так, будто доверяла ему полностью. Знали ли новобранцы Дюранов о том, что их тренирует женщина, выпустившая Союзу кишки? Вряд ли. Таира пугала её полуулыбка, её пронзительные глаза, спокойный тон, с которым она сдавала бывших соратников. В его жизни все дамы представлялись аппетитным собранием овалов. Но не Анора — её будто специально собрали из острых треугольников, оставшихся на мусорке войны из разорванных трупов солдат. Эта женщина источала смерть, и живые мертвецы шли за ней.

Ни разу они ещё не говорили о Таире. До сегодняшнего дня.

— Зачем ты здесь? — повторила вопрос принцесса.

— Я хотел вернуться домой, — пробормотал Таир, запивая вставший в горле кусок мяса чаем. Горячий напиток обжёг язык, и сааксец сморщился.

— После того, как тебя казнили в прямом эфире? — усмехнулась Анора и наклонилась вперёд. Таир вздрогнул. Несмотря на немолодой возраст, женщина сохраняла кошачью грацию юркой танцовщицы. В пластичности она уступала разве что Зере. Достав из кармана тряпочку, принцесса протёрла носок правого сапога. — Сомневаюсь.

— Синдикат просто не мог меня поймать, — сказал Таир. — Оттого и устроил весь этот фарс.

— Конечно, конечно, — рассеянно пробормотала Анора. — Тебя прислал Марий?

У Таира едва хватило самообладания, чтобы не вскочить из-за стола. Медленно подняв взгляд на принцессу, он произнёс:

— Я не понимаю, о ком ты говоришь?

— Правда? Агент контрразведки. Бледный, с вечно прилизанными волосами. Отвратительно укладывает волосы и вечно трясётся от излишества аугментаций. Плотно сидит на коктейле из воспоминаний. Нужны серьёзные профессионалы, дорогое оборудование, хороший Оператор и чёртова туча энергии, чтобы передать личности. Очень дорого и трудоёмко, а Эдем любит считать потраченную зря энергию. Марий же как бродяга, лакающий из лужи — делает выжимку, собирает обрывки и остатки памяти, надеясь стать лучше. Точно ничего знакомого?

— Ты меня в чём-то обвиняешь? — нахмурился Таир. «Лучшая защита — это нападение».

— Нет, что ты! — всплеснула руками Анора, невинно хлопая

зелёными, напоминающими кошачьи, глазами. От суровой Воительницы не осталось и следа — наружу выплыла студенточка-кокетка. Настолько же фальшивая, как и цветы на подоконнике веранды. — Просто было бы очень неудобно, если бы в нашу маленькую компанию затесался шпион.

Таир понял: Анора в подобных играх такой же новичок, как и он. Вся её тактика — шокировать собеседника и ждать, когда он проколется. Доказательств у неё никаких нет, только догадки.

«У Миры хватило денег на оборудование. А энергию они своровали из аркад. Можно было поступить намного проще, но они выбрали такой путь — и пожертвовали собой. Ради меня. Почему?»

— Я рисковал своей жизнью, чтобы устроить вторжение. И теперь ты меня судишь?

— Ты знаешь, Говард мало что рассказал мне о вторжении, — заметила Анора. — Просто преступно мало. Слышала, ты помог устроить взрывы, что немного отвлекло Синдикат. Честно скажу, на взрывника ты не похож — морда слишком тупая.

— Ну спасибо, — проворчал Таир. Принцесса пожала плечами.

— На террориста такого масштаба ты не тянешь. Ты просто солдат, оказавшийся не в том месте, не в то время. Тобой руководили. Но кто?

— У меня были союзники, — сказал Таир, вспомнив про «Звёзд». Ощущение их отсутствия начало его напрягать. Он и подумать не мог, что будет скучать по вредным голосам в голове, что норовят перехватить контроль над телом. — Но все они теперь мертвы.

Похоже, Анору ответ удовлетворил. Расплывшись в очередной фальшивой улыбке, принцесса отчебучила:

— А ты, значит, последний оставшийся в живых герой-одиночка. Понятно. Неубедительно, но в жизни случаются и более странные истории.

— Если ты считала меня шпионом, то почему сразу не начала допрашивать?

— Потому что следила за тобой с той самой драки в доме сказаний. К сааксцам очень редко заглядывают незнакомцы — разве что гости из других гетто. А тут вообще интересный случай. Стражники тебя не знают, при входе в гетто ты не отмечался, по базе данных ты не бьёшься. Ты просто взял — и пух! — возник из воздуха. Как подарочек под ёлкой на День Освободителя. Только их приносят родители. А кто же принёс тебя?

— Я сам, — процедил Таир. — Нужно было уходить. Рано или поздно Семьи нашли бы меня. Потому я и решил скрыться в гетто,

воспользовавшись канализацией.

— Так и думала, — кивнула Анора. — Пора бы приставить охрану ко всем утилизаторам, чёрт возьми. Не дай Бог ещё кто вылезет.

— Ты не ответила на вопрос: почему ты ни о чём не говорила целых две недели?

Анора состроила удивлённую физиономию.

— Разве не очевидно? Даже шпион может быть полезным. Две недели ты делился с нами информацией, а мы не спускали с тебя глаз. Всё ждали, когда ты сделаешь первый шаг и попытаешься связаться со своими друзьями снаружи. Если бы это произошло, тебя бы быстро накрыли.

— Я мог пронести жучки в себе, — усмехнулся Таир, но Анора лишь махнула рукой.

— На жучки и прочие аугментации тебя проверили друзья Саддама из стражи сразу же после драки. Как ты не поймёшь — здесь ты у нас на ладони, что бы ни делал.

Таиру хотелось нервно сглотнуть, но он удержался.

— Ну что, я прошёл проверку? — наконец решил он отшутиться. Анора лишь пожала плечами.

— Это тебе решать. Я тебе не доверяю. И доверять не собираюсь. Но для них… — принцесса презрительно махнула рукой в сторону двери. — Для них ты настоящий герой. Образец для подражания! Человек, что пошёл против Синдиката, что пролил кровь врага. Сделал первый шаг в сторону мщения. Про меня-то они ничего не знают, слишком уж невежественные. Могу с уверенностью сказать, половина даже моего имени в жизни не слыхала. До твоего прихода я две недели гоняла их, и не один даже не спросил, как меня зовут! Для них я всего лишь высокопоставленный офицер Синдиката, решивший устроить военный переворот. Но зато о тебе и твоих заслугах столько разговоров, что слушать устанешь. Но это не ты — всего лишь образ, что построил Саддам. А он конченый, хоть и полезный, кретин.

— Прояви уважение к нашему покровителю, — засмеялся Таир. — Нас ведь тоже могут прослушивать.

— Слежкой занимаются исключительно мои люди, — отрезала Анора. — У Саддама просто нет компетентных кадров, как бы он ни хорохорился. Что можно сказать о человеке, по сравнению с которым ты, Таир, кажешься умным?

— Мне он показался неглупым, — холодно ответил бывший Штык.

— Тебе это простительно, — сказала Анора. — Саддам сделал ровно одну хорошую вещь: захватил власть над Дюранами. И то,

самым идиотским путём. Никогда не понимала ваших традиций, даже когда воевала. А сейчас удивляюсь, как из-за таких идиотов мы вообще несли столько потерь?

Таир сжал зубы, но не поддался на провокацию. «Помни, она пытается тебя разозлить. Будь выше этого».

— Когда он это сделал?

— Лет шесть назад. После войны мальчишка втёрся в доверие к главе клана, как же его звали, запамятовала. Да и не важно. Старику Саддам нравился. А что, он приобрёл себе ручного Багрового Штыка, да ещё такого умелого! Саддам ходил в телохранителях несколько лет, параллельно сближался с дочкой главы клана. А потом возьми и вызови старика на кулачный поединок. Ну как тот мог противостоять молодости?

— Любой имеет право отказаться от драки, — ответил Таир. — Но передача власти издревле происходила именно так. Глава клана готовит себе преемника, а тот затем вызывает его на кулачный поединок. Даже если старейшина может победить, хорошим тоном считается проиграть, уступить место наследнику, передав ему свои знания и опыт.

— Абсурд, — покачала головой Анора. — Мудрость старости ничего не заменит.

— Думаю, Карл не спрашивал, хочет ли старый король передавать власть или нет, — съязвил Таир. Анора не могла не отреагировать на колкость в сторону отца. Психология детей всегда так работала. Но принцесса лишь усмехнулась. «Чего я только ожидал? Она пошла против Синдиката. На то есть серьёзные причины. И, скорее всего, они все связаны с Карлом».

— Как бы там ни было, Саддам направил Дюранов в выгодное для тебя направление, — сказал Таир. — Что вызывает вопрос: а зачем здесь ты?

— Что ты знаешь о любви? — спросила Анора в лоб. Казалось, она просто не умеет общаться по-другому — как настоящий солдат она говорила всё, что думала, ничего не скрывала. Шла самым коротким путём. Таир на вопрос лишь пожал плечами. — Любил ли ты когда-нибудь по-настоящему, так, что готов был жизнь свою положить на алтарь?

— Нет, никогда, — признался Таир. Что он мог знать о любви? Он любил Келлу. Но недолго сомневался, когда пришла пора предать её. Она вела всех к пропасти. Таир задушил все свои чувства, сбросил их в яму и никогда больше не возвращался к могиле, в которой гнили воспоминания о лучших днях. Слишком много боли они причиняли.

Если он бы он любил её, то никогда бы не предал.

— У меня был сводный брат, папа его со второй женой

заделал. Чёртов яйцеголовый, — бросила Анора, докурила сигарету и затушила её в чае. — Знаешь истории о дружных семьях, любви к родным, о том, как ты без своих не можешь? Так вот, это не такая история. Я не любила брата. Вот отец в нём души не чаял! Долгожданный сын, как же. Мы с Уильямом ссорились по десять раз на дню, и столько же мирились. Маленький избалованный говнюк, считающий себя обаяшкой и неотразимым красавцем. Все его обожали, а я тайно ненавидела. Что они в нём углядели? Что он мог такого, чего не могла я? Да, умён, знает кучу всего. Но боец из него никакой. Как мужик себя может мужиком называть, если не умеет драться? И всё же, он был моей семьёй. Что ещё у нас осталось в этом дурацком мире, кроме родных? — Анора тяжело вздохнула и уставилась в окно. — И отец убил его. Приказал своим грёбаным штурмовикам застрелить Уильяма на Нижних Уровнях. Что это за отец такой, готовый убить своих детей? Что это за правитель, который проливает кровь родных?

— И ты решила восстать, — подсказал Таир. Анора не двигалась, замерла, будто статуя. Казалось, малейшее движение вспугнет её. Наконец, она продолжила:

— Уильям узнал секрет отца. Узнал, что он долгие годы нас обманывал, — принцесса горько усмехнулась. — Представляешь себе, последние двадцать лет со мной разговаривал не мой папа, а актёр, нанятый его изображать! Насколько это безумно?

— Достаточно, чтобы я поверил, — сказал Таир. — Ты хочешь сказать, что настоящего короля больше нет?

— Он есть. Где-то. Уильям прознал, что отец хочет развязать войну с Эдемом. Может, хотел его переубедить — но не успел. Отец… — Анора с такой ненавистью выплюнула это слово, будто оно было большим куском скверны. — Отец ударил раньше. Я должна продолжить дело Уильяма. Мы не можем допустить вторжения в Эдем.

Вилка звонко ударилась об пол. Звук разнёсся по всей комнате, но Анора даже не вздрогнула. Ей будто было плевать на всё, кроме своих мыслей. Но Таир понял одно: принцесса выбрала совсем не ту сторону.

Так как воевала против Эдема.

— Ты помогаешь Стрелкам из-за этого? Хочешь остановить отца?

— Представь что будет, если он соберёт армию, — цыкнула Анора. — Миллиарды погибнут. Я видела, на что способны Стражи. Мы оба это видели. Если твои помыслы правда настолько чисты, если ты действительно хочешь помочь — не стой у меня на пути. У нас с тобой сложилась неприятная история, но сейчас мы

на одной стороне. Цени это, пока я снова не стала твоим врагом.

Таир медленно поднялся из-за стола и провёл соединёнными ладонями от лба к подбородку, поблагодарив Отца за прекрасный обед.

— Мне нужно будет отлучиться, — буркнул он. — Хочу проведать мать.

— Передавай ей мой привет, — бросила вслед Анора.

Таир еле заставил себя не ускорять шаг. Дыхание сбивалось, сердце отстукивало в груди бойкий марш, что жрецы включали юным Штыкам во время завтраков. Сбежав по лестнице, он миновал двор под открытым небом, в котором впервые столкнулся с Саддамом, и двинулся к выходу. Только оказавшись на улицах гетто, в толпе ничего не знающих, снующих туда-сюда прохожих, он почувствовал себя свободным.

Нет, ему здесь ловить нечего. Если он продолжит помогать Саддаму и Аноре, если продолжит обучать солдат, то уже не сможет сбежать. Но что ему остаётся? Своими силами такую махину не остановить. Он на крючке, за ним следят.

Сунув руки в карманы и пытаясь не оглядываться, Таир зашагал к дому матери, глубоко вдыхая запахи с базара. Ароматы специй приятно кружили голову, а вонь животных напоминала о доме. За время пребывания в Городе никогда ещё Таир не чувствовал себя так близко к земле. Но чего стоили эти ощущения, если всё вокруг — большая фальшивка?

Толпа душила Таира, а от палящего «солнца» вспотела спина. Надо идти к матери. С тех пор, как Саддам показал ему свою армию, Таир раз в несколько дней стабильно наведывался домой.

Как всегда, мама встретила сына горячим чаем и закусками, но Таир от них вежливо отказался. Нечего тянуть, надо было переходить к делу. Заметив выражение лица сына, мама присела.

— Ты сам не свой с тех пор, как нанялся к Дюранам, — произнесла она. — Я так и знала, что всё это не просто так.

— Ты ждала, когда я сам начну этот разговор? — усмехнулся Таир. Мама со всей серьёзностью кивнула.

— После того случая я говорила с советом. Ты ведь не забыл, что громилы Дюрана отрезали мне связь? Башра сказали, что независимые кланы совсем потеряли нюх. Их стоило бы поставить на место.

— Они уже ничего не смогут сделать, — сказал Таир. — Только начать войну.

Мама молчала, сложив руки на столе. Как же она постарела. И, несмотря на это, всё равно продолжала быть красивой. Ей повезло, как везло немногим. Подняться от неприкасаемой проститутки до члена совета старейшин — пусть и фиктивного —

немногим дано.

— У Дюрана есть армия, — выпалил Таир. — Мы должны предупредить Башра. Мы должны сделать хоть что-то.

Мама побледнела, но Таир взял её за руку:

— Позвони их старейшине. Скажи, чтобы прибыл к нам с эскортом стражников. Пусть обеспечит нам безопасность, и мы всё расскажем. Только Башра могут остановить Дюранов.

Мать торопливо кивнула и прикоснулась к стационарному коммуникатору. Таир вышел, чтобы не смущать её.

Зере всё так же сидела в комнате, будто бы за две недели ничего и не изменилось. На коленях она держала протез, а в руках сжимала тряпку, остервенело натирая металл до блеска. Бросив взгляд на вошедшего Таира, она нахмурилась:

— Я не знаю, что ты там сделал, — произнесла она. — Но ты зря устроил бучу в доме сказаний. Меня не выпускают из гетто! Стоит подойти к воротам, как появляются какие-то непонятные типы и просят вернуться домой. Во что ты ввязался? И зачем втянул меня?

— Тебя могли побить, — возразил Таир. Зере пожала плечами:

— Много лет прошло с тех пор, когда в гетто последний раз били женщин. Времена меняются.

— Но не люди. Ты думаешь, тебя бы просто отпустили? — Таир начал сердиться. — Вот так ты предпочитаешь реагировать на плевки в лицо? Закрывая глаза?

— Плевки не убивают тебя, — сказала танцовщица, стараясь не глядеть на Таира. — А вот неправильные поступки часто. Мне не нужна защита. Я и сама могу справиться.

Таир сделал несколько шагов и присел перед танцовщицей, пытаясь рассмотреть её глаза. И увидел слёзы. Положив руку девушке на плечо, Таир произнёс:

— Не стесняйся меня и не бойся просить защиты.

— Агрессоров всегда злит, когда жертва пытается сопротивляться, — всхлипнула Зере. — Я об этом читала. Когда кричишь, что твои права попрали, люди начинают тебя ненавидеть — даже если поддерживали раньше.

— Тебя могли избить, — произнёс Таир. — Твоя психологическая чушь здесь не при чём. Если не дашь сдачи, тебя заклюют. Это мир стервятников. Первый упавший станет обедом.

Девушка вдруг бросила протезы на пол и обняла Таира. Он чуть не дёрнулся от неожиданности, но девушка всхлипнула, и сааксец вспомнил старые, забытые инстинкты. Погладив танцовщицу по спине, он думал, что можно сказать — но в голову ничего не приходило. Эту часть души он потерял ещё до того, как

успел приобрести.

— Спасибо, — прошептала Зере. — За меня… за меня никто раньше никогда так не вступался. И если бы не ты…

— Да брось, — буркнул Таир, смутившись. — Любой бы на моём месте сделал так же.

Он почувствовал, как щёки горят. «Краснею как мальчишка, — раздражённо подумал он. — И из-за чего?»

Зере вернулась в кресло, крякнув и чуть не рухнув на пол. Тушь размазалась по щекам, превратившись в подобие боевого раскраса. Таир вспомнил Карас и юных воинов, защищавших город от первенцев. Как давно это было, целую жизнь назад. И вот теперь, десять лет спустя, он делает всё, чтобы соплеменники не посмели пролить кровь бывшего агрессора. Он убеждал Зере, что нужно давать сдачи — но его сдача только ухудшило всё. На секунду Таир ощутил стыд, но тут же поспешил задушить чувство. «Стыдиться непродуктивно, — говорил командир Бедан. — Нужно думать и действовать, не жалея ни о чём. Иначе всю жизнь проведёшь в четырёх стенах, боясь допустить ошибку».

Зере вытерла глаза и несмело улыбнулась Таиру, будто старому знакомому:

— Когда-нибудь всё изменится, — сказала она. — Мы перестанем так ненавидеть друг друга.

Таир машинально кивнул, но сознание подсказывало другие выводы. «Скорее земля разверзнется, и мертвецы вернутся к любимым, чем мы перестанем цепляться к ближним своим». Всё своё существование Союз строил государство на крови чужаков, принуждая их присоединиться, угрожая смертью. Первый Город стёр сааксцев с карты, не оставив и следа — одним фронтом и одной волей. Таиру казалось смешным пытаться собрать осколки неудавшейся империи обратно, но все остальные думали, будто это не просто сработает. Нет, они верили, что это разом решит все проблемы. Убей врага извне, и всё встанет на свои места — только этой мыслью жил Союз. Теперь, когда его не стало, гетто пошло той же дорогой. Молодёжь впитала прелести конформизма и свободы — и возненавидела первенцев за то, что они подарили сааксцам. Так же, как и Таир в своё время.

Это казалось игрой без победителей. Что бы ты ни выбрал, по какой бы дороге ни пошёл, тебя везде ждало разочарование и поражение. Ты или проигрываешь, или играешь дальше, пока не проиграешь. Или же пока не умрёшь.

Вот и вся жизнь.

Снаружи раздался непривычный, чужой в этом месте шум моторов. Он становился всё громче и громче, пока не взвизгнули десятки тормозов.

Мать алым пятном влетела в комнату.

— Приехали, — выдала она. Таир кивнул, и его взгляд зацепился за куртку, сиротливо висевшую на стуле. Мать сделала заплатку на спине в виде извивающейся чёрной змеи, чтобы скрыть дыры от ножа. Символ клана Хамид. Орёл под змеёй казался потерявшимся, почти что неуместным. Казалось, хладнокровная тварь душит птицу, не даёт ей расправить крылья и взлететь. Подхватив куртку за капюшон, Таир натянул её и застегнул молнию. Бешено стучащее сердце чуть-чуть успокоилось. Он не мог вернуть старое время, но мог окунуться в воспоминания. И куртка была одним из них. Таир дождался, когда Зере присоединит протезы, и потянулся с танцовщицей к выходу.

— Подожди внутри, — попросил он маму.

От обилия синего рябело в глазах — стражники были повсюду, как доктора во время чумы. Серьёзные, с глубоко натянутыми на глаза фуражками. На мундирах блестели жетоны с личными номерами, пристёгнутые к поясам дубинки обстукивали бёдра. Словно в мираже, стражники мягко сновали между автомобилями. На фоне каменных зданий и пейзажей, срисованных с Караса, новейшие машины, подаренные Синдикатом, казались визитёрами из другой эпохи. Из автомобиля, что был посередине, вышел статный мужчина в деловом чёрном костюме и очках. За строгим синдикатовским стилем сложно было разглядеть сааксца: впрочем, Таир одевался не лучше.

Блеснув очками, мужчина подошёл поближе и протянул сухую, мосластую руку.

— Я от старейшины Башра, — сказал он. — Что вы хотели?

— Почему он не прибыл сам? — прошипел Таир. — Мы же просили! Послушайте, это не шутка, разговор предстоит серьёзный. И я не хочу вести его через посредников.

Зере схватилась за его руку. Инстинктивно она начала искать у него защиты. Это льстило и одновременно пугало. «Сколько же тебя унижали, милая?»

Переговорщик поправил очки с таким видом, что Таир тут же почувствовал себя неразумным ребёнком.

— А может быть это попытка покушения? Откуда нам знать? Так дела не ведутся. Изложите суть дела мне, а я уже донесу его до старейшины Сафира.

Таир подумал, что ослышался. Затем пронеслась мысль о совпадениях. Ну правда, сколько может быть Сафиров в гетто? Не такое уж редкое имя. Но тело Таира уже само двигалось к автомобилю. Стражники начали кричать предупреждения, но он

не слушал. Не успел сааксец дёрнуть за ручку, как дверь открылась сама. Таир замер. Это не могло быть правдой. Просто не могло.

Сафир, улыбаясь, вышел из машины. Всё те же обесцвеченные волосы, всё те же очки, всё тот же багровый кожаный плащ. Первая их встреча казалась делом давно минувших дней, но Таир продолжал её помнить до мельчайших деталей. Проклятый лейтенант, что пал в бою под Карасом, пришёл вырвать его из оков комфорта, а затем умер от рук зубастика Коула, не успев даже ничего сделать. Но вот он стоит, цел и живёхонек. В который раз у Таира возникло ощущение, будто бы он пешка в огромной чужой партии, но при этом отстаёт от всех на десяток ходов. К тому моменту, когда до него доходила общая картина, данные успевали устареть, а расстановка сил поменяться.

— Это какой-то трюк, — пробормотал Таир. — Я же видел собственными глазами, как тебя убили.

— Второй раз ты напрасно меня записываешь в мертвецы, — усмехнулся белобрысый сааксец.

— Он пропорол тебе горло. Выпустил всю кровь. После такого не выживают, — Таир сделал шаг вперёд, сжав кулаки.

— Ну да, пришлось поваляться полчаса. Но и только.

Таир пропустил бред белобрысого мимо ушей.

— Ты не лейтенант Сафир. И точно не тот человек, с которым я говорил. Кто ты такой?

— Считай меня своим искажённым отражением, — произнёс Сафир. — Мира вколола тебе сыворотку, не так ли? Ты знаешь, что в ней было?

Таир помотал головой. «К чему он клонит? Или просто пытается меня запутать?»

— Плоть Первого Города, — Сафир кивнул так, будто бы всё объяснил. Его торчащие белые волосы колыхались маленькими острыми пучками. — Сущность Эдема. А во мне сидит образец Караса. Расскажи, как оно, после сыворотки? Почувствовал себя сильнее? Быстрее? Умнее? Или же разницы никакой? Скажи, не томи!

— Что ты несёшь? — Таира накрыло раздражение. Сафир вздохнул так, будто разговаривал с ребёнком.

— Жрецы давно предвидели, что обычным оружием эту войну не выиграть. И как только произошла первая схватка, они приготовили меня. Пророка.

— У нас только один пророк, — проскрежетал Таир. — И имя ему Заакси.

— Да, основатель Саакского Союза. Я его прямой потомок, — Сафир обнажил белоснежные зубы. — В моих жилах течёт

священная кровь. Почему, думаешь, меня поставили командовать вашим дурацким отрядом? Уже тогда я был старейшиной. Вообще, тебе стоило бы поклониться.

Таир фыркнул, чувствуя спиной, как стражники окружают его. Зере прижалась к нему всем телом.

— Ты его знаешь? — прошептала она. — О чём он говорит?

Таир ведал не больше танцовщицы. «Бред какой-то. Может, он использовал двойника? Нет, это какой-то фокус. Он сфальсифицировал свою смерть, иначе быть не может».

— Мира имела глупость довериться мне, — процедил Сафир, наступая на Таира. — Думала, что использует глупого лейтенанта, чтобы заманить действительно важную персону — тебя. Я позволил им воспользоваться собой, хоть и ненадолго. Меня! Старейшину, чёрт возьми! Но всем нам иногда приходится умерить гордость. Они не подвели моих ожиданий — вложили в тебя все сознания, весь опыт, что имели. Все ключи к миру в одной ценной головушке.

Белобрысый сааксец хищно оскалился. В его очках Таир увидел своё смазанное отражение.

— Моя кровь уже не подошла бы для сыворотки. Нам нужна была хорошая жертва. Жрецы специально готовили Штыков, чтобы в будущем заселить их внутрь Города и использовать как диверсантов. Детям проще адаптироваться в чужом месте. Я мог убедить Миру использовать любого. Но ты, друг мой, стал идеальным выбором. Интегрировавшийся в общество первенцев сын Мугиса Хамида, способный выманить старого генерала и решить проблему Караса. Один из лучших бойцов. Предатель старых идеалов Союза. Идиот, заставивший себя верить, будто бы ему нравится новая жизнь.

— При чём здесь мой отец? — крикнул Таир. Он игнорировал оскорбления. Маленькие обидные слова уже мало что для него значили. «Почему ты говоришь со мной? Почему рассказываешь всё это?»

— Он украл ключи от обороны Караса, — пожал плечами Сафир. — А без них нечего и думать о независимости. Он сбежал, и мы должны его найти.

— Почему ты думаешь, будто он жив? Зачем ему возвращаться за мной?

— У тебя его кольцо и клинок, — ответил белобрысый. — Даже если он не вернётся сам, то пришлёт кого-то. Такие вещи бесхозными не оставляют.

— Что бы вы ни задумали, ничего не получится, — сказал Таир. — Зачем тебе армия? Что ты с ней будешь делать? Синдикат раздавит вас за минуты.

— Вот в этом ты ошибаешься, мой милый друг, — проворковал Сафир. — Эх, если бы не моё великодушие, стал бы я на тебя время тратить? Синдикат не будет с нами сражаться. Королю нужен могущественный союзник, способный победить Эдем. Способный сразить Стражей. А у нас есть оружие для этого. Стоит Карлу рыпнуться, он лишится всего.

— Откуда ты это знаешь?

— Потому что я уже говорил с королём. И мы заключили союз. А как только Эдем падёт — кто знает, что будет дальше?

Зере сжимала руку Таира всё сильнее и сильнее. А ему лишь хотелось спрятать танцовщицу подальше отсюда. Спасти от непонятной, дурацкой войны, в которой она и так пострадала. Сафир продолжал улыбаться — разжигатель конфликтов, ждущий нового кровопролития. Таир ощутил невыносимую ненависть к этому человеку. Таир убивал: по собственной глупости, из-за ограниченности и невежества. Но лейтенант жаждал смертей вполне осознанно. Он изнывал от ожидания, когда же сааксцы, устранив угрозу Эдема, начнут резать первенцев.

Таир решился на очередной вопрос:

— А Анора знает, что вы якшаетесь с королём? Знает, что вы хотите свергнуть Эдем?

Сафир вскинул брови:

— Это будущая проблема. А ты — нынешняя. И тебя послала сюда контрразведка, которая не имеет ни малейшего понятия об истинных целях их короля. Эти ребята болеют за Эдем, и, похоже, Карл не прочь от них избавиться. Но довольно разговоров. Ты идёшь со мной Таир, хочешь того или нет. Пришло время вернуться к своему народу и исполнить свой долг. Мира собрала лучших людей, чтобы наделить тебя нужным опытом. Но не вижу, чтобы он тебе помогал сейчас, не так ли?

— Контрразведка заглушила голоса.

— И отпустила тебя сюда без какого-либо присмотра? Большой просчёт с их стороны. Они даже не представляют, сколько опасных знаний в тебе спрятано. Знаний, которые помогут нам в нашей новой войне.

— Знаний, которые ты позволил в меня закачать? — протянул Таир. — Вот почему ты пришёл первым? Хотел удостовериться, что я готов?

— Я указал Мире на тебя, и она поставила все фишки на Тайрека Маута, сына шлюхи и генерала Хамида. Как я и ожидал. Мира дала тебе всё: знания, опыт и сыворотку. Все инструменты, чтобы ты мог использовать их против неё, — Сафир улыбнулся. — Иронично, не правда ли?

— Значит, — протянул Таир, — всё это из-за того, что ты

избрал именно меня жертвой?

Сафир нахмурился.

— Что бы ты ни задумал — не глупи, Таир. Мы может взять твою маму и девицу, что стоит рядом с тобой, — он даже не назвал Зере по имени, хотя знал её, наверняка знал. — Лишнее движение — и они мертвы. Присоединяйся ко мне. Багровых Штыков создали, чтобы отринуть рай. Так давай же вместе вернём гордость нашему народу.

— Нет, — ответил Таир. — Ты хочешь ещё войн? Ещё смертей? Остановись. Это дорога ведёт в никуда.

— Ты предаёшь Союз, — сказал Сафир. — Предаешь нас всех.

— Нет, — помотал головой Таир. — Я предаю только тебя.

Сафир стоял на месте. За его очками не видно было глаз, но Таир почувствовал — в них застыло разочарование.

— Так значит ты такой же, как твой отец, — сказал белобрысый экс-лейтенант. — Бойцы, если не схватить этого человека, Синдикат уничтожит нас!

Таир сделал движение прежде, чем осознал его — рука описала резкий полукруг, и двое стоявших перед ним стражника схватились за перерезанные глотки. Кровь хлынула во все стороны, залила куртку, руки, лицо. Не мешкая, Таир схватил ещё одного противника и ударил кинжалом в глаз. Мысли испарились из головы, предоставив работать старым, наработанным рефлексам. Пинком Таир отправил визжащего и схватившегося за глаз стражника его коллегам и, пока они пытались поймать падающее тело, рванул вперёд. Его руки мелькали со скоростью опытного мясника, нарезающего говядину на ломтики. Стражники ревели и стонали, хватаясь за появляющиеся в их телах дырки. Кто-то догадался расчехлить дубинку и ударил Таира по рукам. Бывший Штык боли не почувствовал, хотя силы удара хватило бы, чтобы переломить его предплечье пополам. Откуда-то издалека раздался крик Сафира:

— Не смейте его убивать! Он нужен мне живым!

«Я достану тебя, — билась в голове мысль. — Достану и покончу со всем этим кошмаром…»

Всё больше стражников осыпали Таира ударами дубинок. Он уворачивался, как мог, блокировал удары клинком и продолжал протыкать хлипкие, нежные тела. Послышался хруст — дубинка, опустившись на спину, сломала лопатку. Таир продолжал переть вперёд, словно самой боли не существовало в природе.

— Ты чувствуешь, Таир? — насмешливо проревел белобрысый ублюдок. — Чувствуешь, как сыворотка изменила тебя? Всё ещё считаешь себя человеком?

«Заткнись! Умоляю!»

В ударах ножом вырисовывалось нечто эротичное. Казалось, не клинок создаёт новые раны, а дырки в телах засасывают в себя кинжал, а затём выплёвывают его с потоком рубиновой жижи. Таир подсёк одного стражника и проткнул ему сердце, прежде чем тот успел упасть. Прилетевшая невесть откуда дубинка выбила Штыку челюсть. Ещё одна грохнула по макушке так, что раскололся череп. Таир облизнул губы, чувствуя медный вкус крови. В глазах осаждавших его со всех сторон стражников уже виднелась откровенная паника. Но они держались до последнего.

Позади раздался громкий плач, и сердце Таира остановилось. Это была Зере. Он совсем забыл про неё в своём приступе ярости. В своей жажде добраться до Сафира.

«Они заберут её. И маму тоже. И ты будешь совсем один до скончания своей жалкой жизни. Так и не сумевший никого спасти».

Невероятная сила бросила его назад. Из горла раздавался пронзительный крик, пока тело Таира прорывалось сквозь окруживший его строй стражников к маленькой танцовщице. И ничто не могло его остановить.

Какой-то неудачник в синей форме тянул девушку за руку, пытаясь затащить в автомобиль. Шум драки взорвал звук выстрела. Таир, продолжая бить и резать, с удивлением обнаружил в плече дыру. Он бы засмеялся, если бы не сломанная и беспомощно висящая челюсть, готовая разорвать кожу. Рана расцветала прямо на глазах, выплёвывая кровь. Бледный стражник с дымящимся пистолетом уже целился Таиру в голову, нарушая приказ Сафира. Всё, чтобы остановить вырвавшееся чудовище. Клинок пропорол запястье мужчины и прокрутился, выгибая кисть наверх. Бедняга завизжал, выпуская пистолет из рук. Коротким ударом в шею Таир прикончил врага. Второй рукой он схватил падающий пистолет и в несколько точных выстрелов проредил строй стражников. Он был Багровым Штыком, одним из лучших в своём деле. Жрецы учили их орудовать клинками, как продолжением своего тела. Кинжал был частью Таира, и он сам был кинжалом — острым, надёжным, созданным лишь для того, чтобы убивать врагов. Противники бросили Зере и попытались сбежать. Пули в спину быстро настигли их. Танцовщица не могла сдвинуться с места, в её округлившихся глазах читался первобытный ужас жертвы перед хищником. Таир навис над ней, принимая своим телом всё больше ударов, превратившись в живой щит.

— Беги, — попытался выдавить он, но болтавшаяся челюсть не позволила говорить. Но Зере всё поняла и так. Умная девочка. Храбрая. Далеко пойдёт. Она спасёт и маму, Таир знал точно. Ему

нужно лишь ещё чуть-чуть продержаться.

Вспотевшие стражники уже в открытую орали от испуга, но продолжали наплывать волнами, поскальзываясь в искалеченных трупах бывших коллег. Что бы Таир с ними не делал, они верили, что он принесёт сааксцам только смерть и разрушения. Они пытались защитить дом от предателя, доверяя словам старейшины. «Мы на одной стороне!» — хотел крикнуть Таир, но не мог. Здесь разговоры не помогут. Стражники продолжали наступать. А он продолжил нападать.

Его кости ломались, разрывая кожу и выпирая маленькими бугорками. Рёбра на спине прорвали куртку, словно начавшие расти крылья. Когда правая рука перестала отвечать, Таир перехватил клинок левой. Ещё один выстрел пробил ему грудь, но он ещё мог дышать, закачивая в неутомимый организм так нужный мышцам воздух. Хотелось смеяться. Если бы Таир знал, что столько протянет в бою, то не стал бы нападать.

Сафир. Мира. Марий. Король. Не сыворотка, а они превратили его в чудовище. Совокупность их действий толкнула мир на край гибели. И теперь он, маленькая пешка, вечная марионетка, пытался спасти хоть что-то единственным знакомым ему способом — убивая людей.

Стражники наседали со всех сторон, и Таир почти сдался, когда прозвучал зычный голос:

— Все назад! Дайте-ка взглянуть на него.

Люди в синей форме, едва подавляя облегчённые вздохи, расступились. Сафир, словно великий правитель, прошёл между ними, наклонился над упавшим на колени Таиром. Его багровый плащ сливался с окровавленной дорогой. Солнце, окружив голову наследного пророка, создало нимб из света.

— Я же говорил, ты всё равно уйдёшь со мной, — сказал Сафир и щёлкнул Таира по лбу. «Пожертвовал столькими людьми — и пришёл насмехаться над бессильным противником». — Хотя, скажи, ты же хочешь убить меня?

Таир бросил непонимающий взгляд на белобрысого пророка. Челюсть продолжала беспомощно болтаться, грозя оторваться и треснуть от удара о дорогу. Сафир сбросил плащ и чёрную футболку под ней, обнажая торс. Взяв Таира за руку с ножом, он попросил:

— Ударь меня.

Таир размахнулся, что было мочи, и вогнал клинок прямо в сердце пророка. Но он лишь печально улыбнулся в ответ:

— Сильнее. Бьёшь как девчонка.

Таир, дрожа от нервного смеха, что вырывался изо рта бурлящим хрипом, вынул клинок. Кровь толчками вытекала

наружу. Размах, удар — и ничего.

— Ещё! Давай же! Убей меня, как тогда сделал Коул!

Таир ударил ещё. И ещё. И ещё. Он бил до тех пор, пока ладонь не соскользнула с застрявшего в груди пророка кинжала. Таир поднял взгляд и столкнулся с побледневшей усмешкой Сафира:

— Ну, хватит, а то ведь и правда убьёшь. Мне не хочется отлёживаться несколько часов без сознания, знаешь ли.

Он с заметным усилием вытащил кинжал и бросил его на дорогу. Таир смотрел на рану, которая через несколько секунд начала лениво затягиваться — так, будто её никогда и не было. Он бы закричал от ужаса, как и стражники, если бы не знал — он такое же чудовище. Другая сторона монеты.

— Твои раны не исчезают, — пробормотал Сафир, обливаясь потом. Сев на колени перед поверженным врагом, он хмыкнул. — Всегда знал, что Эдем не сможет выдвинуть что-то хоть чуточку угрожающее. Ребята, вяжите его и везите за мной. И его мамашу с девкой тоже.

Руки подняли изломанное тело Таира и потащили по дороге, словно бурдюк с внутренностями. Он пытался брыкаться, пытался сопротивляться, но ничего не вышло. Из дома раздались крики Зере и мамы.

— Скажи, ты знаешь, что такое Эдем? — с насмешкой спросил Сафир.

— Бесконечная смерть, — прошептала Мира.

Последним воспоминанием Таира перед абсолютной темнотой мешка стало фальшивое солнце.

19. Звездопад (начало)

«Мир существует только потому, что все мы лжём»

Анна Пирс, «Точка отсчёта»

Когда-то

Он падал в бесконечность. Осколки воспоминаний разрезали его на части.

— Тайрек! Проснись! — шептали они.

Алая тьма поглощала его. Банковское хранилище с прозрачными ячейками, хранящее секреты мира, джунгли, освещаемые красными ракетами, синие потоки энергии, прошивающие Город, люди-сервера, хранящие память мертвецов. И человек, распятый на кресте, страдающий за то, чтобы люди жили.

Он узнал их, узнал их всех. Седой бандит, по имени Керн, улыбчивый франт Гай, зубастик Коул, рыжая Калли и мрачная Неми, заплетающая волосы в косу, сосредоточенный очкарик Джаред и она, конечно же она, эта женщина, которую все звали Мира.

«Эффект просачивания. Рано или поздно, ты узнаешь всё».

21 мая, 526 год после Освобождения

Ещё до того, как прогремел первый выстрел, Джулиус Керн понял: ограбление не удалось.

Всё пошло наперекосяк с самого начала. Клерки не хотели подчиняться и в упор смотрели на одетых в тяжёлые бронежилеты преступников, что скрывали лица жестяными масками. Незадачливые копы, заделавшиеся грабителями банков, тыкали в граждан винтовками и дробовиками, уже чуть ли не умоляя подчиниться. Какой-нибудь бандит давно бы уже выстрелил, но Керн строго наказал: «Никаких жертв среди гражданских».

И теперь один чёртов охранник пустил всё коту под хвост.

Выхватив пистолет, наёмник прицелился в Диомеда и выстрелил. Пуля прилетела громиле прямо в грудь, свалив его на пол. Благо, бронежилет спас. Керн отреагировал мгновенно — залп дробовика раздербанил тщедушное тельце незадачливого

охранника, усеяв пол кусками разорванной плоти.

И начался ад. Наёмники полезли изо всех щелей словно крысы. Диомед ещё лежал на полу, когда начался свинцовый дождь. Клиенты банка визжали, пытаясь забиться в любое укрытие, спасаясь от шквального огня. Керн бросился вперёд, слыша свист пуль над головой, и потащил Диомеда за ближайший каменный вазон. Второй рукой он отстреливаться из пистолета. Как только оба оказались в безопасности, лысый громила прохрипел:

— Спасибо, Джулиус…

— Ты бы сделал для меня то же самое, — бросил Керн. Только близкие друзья знали его настоящее имя. Боевые братья, они прошли через столько передряг, что мирные эпизоды их дружбы смазывались в памяти. В один прыжок Керн спрятался за колонной. Вовсю уже визжала тревога, все входы и выходы перекрыли стальные заслоны.

Очухавшись, Диомед поднял свой пулемёт на ленточном питании, что демонтировал со старого экзоскелета. Машинка смерти застрекотала, разрезая очередями охранников, разрывая кресла и столы, превращая в труху колонны. Только у Диомеда хватало сил стрелять с такой бандуры вручную.

— Почему они начали пальбу?! — проорал по радиосвязи Сарен.

— Потому что у Торесов в охране наёмники! — ответил Джулиус, пытаясь перекричать какофонию боя. — Почему ты об этом не знал?!

— Клянусь, босс, в их досье…

— Забей! Лучше найди выход — они выставили металлические заслоны!

— Уже работаю над этим.

Сарен был жокеем. Сидя в микроавтобусе снаружи банка, он через камеры и переговоры следил за развитием ситуации. Как и все члены Секции Двенадцать, Сарен обладал незаменимыми навыками для Башни Правосудия — потому и состоял в тайном совете, заправляющем всеми делами копов.

Слева из-за колонны показался наёмник в бронежилете, и Керн одним выстрелом в голову оборвал жизнь мальчишки. «Сколько же тебе заплатили, чтобы умереть здесь?»

Корфиний подлетел к Керну, прокатившись по полу на коленях, и прижался спиной к соседней колонне.

— Босс, что делаем?

— Убиваем всех и прорываемся, — сказал Джулиус. Они сто раз обсуждали план, но Корфинию никогда не нравилось насилие. Адвокат в Башне, он защищал подсудимых даже тогда,

когда все улики указывали на них. Но в настоящем бою нет времени думать о морали.

Керн на секунду поднял маску, чтобы Корфиний видел его глаза:

— Я знаю, что тебе сложно. Но мы должны выжить.

Адвокат торопливо кивнул и сильнее сжал винтовку.

— Прикрой! — приказал Джулиус и бросился вперёд.

— Попробуйте взять меня, сволочи! — заорал за спиной Корфиний и начал палить по врагу.

«Не стоило его брать». Впрочем, и оставлять адвоката было негде. Все члены Секции участвовали в ограблении. Слишком многое стояло на счету.

Наёмники дрогнули — копы слишком хорошо забронировались и пули их не брали, в то время как на полу распласталось уже два десятка мертвых охранников. Один морщинистый мужик попытался прыгнуть в толпу клиентов банка, прикрыться ими как живым щитом, но Диомед очередью подрезал его прямо в полёте. Саймон со своей командой обошёл ряды конторок с правого фланга и шквальным огнём прижал только начавших наступать наёмников. Диомед, встав в полный рост, двинулся вперёд, не давая врагам и секунды на передышку.

Всё закончилось через минуту. Гильзы усеивали пол металлическим ковром. Клиенты и клерки банка орали от ужаса, а мигалки пытались их заглушить собственным визгом.

— Вперёд! — проревел Керн. Ему претило смотреть на только что созданный натюрморт из трупов. — Надо найти менеджера! Срочно!

Корфиний тут же юркнул в толпу клиентов, что продолжали выть так, будто бы убивали их, а не охранников.

— Кто здесь менеджер? — просипел он тонким голоском.

Щуплый мужчина в алом пиджаке поднял трясущуюся руку. На лице его царило отчаяние. Керн подошёл к нему вплотную, схватил за полосатый галстук и притянул к себе:

— Золотой ключ, — прошипел он. — Мне нужен золотой ключ от самого нижнего хранилища.

Менеджер побледнел ещё сильнее. Его губы зашевелились:

— Меня убьют за это.

Джулиус взвёл курок пистолета и приставил ствол к горлу чиновника Торесов:

— Я убью раньше. Вперёд!

Повернувшись к копам, Керн выкрикнул:

— Диомед, за мной! Корфиний — следишь за порядком! Если к наёмникам приедет подмога, ты знаешь что делать! Сарен…

— Я знаю, босс. Если запахнет говном, вы узнаете обо всём

первым. Хорошие новости — я вошёл в систему. Через пару минут заслонов не будет.

Керн удовлетворённо кивнул в ближайшую камеру, ставшую жокею глазами. Диомед встал рядом, перезаряжая пулемёт. От раскалённого ствола громадной железки шёл вонючий дым, душивший лёгкие. Аромат жжёного пороха, металла и липкой оружейной смазки напомнил Керну бой за казино Синей Лагуны, после которого картель пал. Тогда погибло много невиновных, но даже в тот раз на душе не было столь погано.

Менеджер трясущимися руками набрал код от двери хранилища, просканировал глаз и поставил отпечаток пальца. От пота на экране остался жирный след. Как только открылась дверь, мужчина юркнул внутрь, словно мышь в родную норку. Керн и Диомед двинулись следом. Даже под маской Джулиус почувствовал холод, которым дышали помещения. Тайны всегда обитали в сырых, промозглых пещерах, которым разве что не хватало осклизлых монстров для полного соответствия детским страшилкам. Но Керн на своей шкуре знал: хуже людей чудовищ нет.

Обернувшись, Керн бросил взгляд на полуразрушенный главный зал, и в очередной раз поразился бессмысленной и безвкусной роскоши банка Торесов. Каменные атланты держали своды потолка, статуи гербов бывших правящих Домов, вроде грифонов Коннорсов и женщин-гарпий Беллерезе, охраняли входы. Выложенный мозаикой пол изображал дико растущие стебли роз Лоренсов. Торесы не поленились даже позолотить подлокотники кресел, предназначенных для клиентов. Утилизаторы могли распечатать всё, что угодно — если, конечно, их взломать, — но рецепт золота, настоящего золота из старого мира, так и остался секретом. В этом Керн видел определённую иронию. Контрабандисты и преступники окраин могли сколько угодно складывать свои сверхплотные пластинки из Платины. Богатство, которое можно без проблем перегнать в любую другую форму благодаря утилизаторам. Но древний металл всё равно оставался дороже и ценнее — и доступ к нему был только у по-настоящему богатых Семей. При утилизации ненужной вещи гражданин получал ресурсы весом в переработанное изделие, но золото отдавалось в сотни раз дороже своей тяжести. И Торесы с возмутительной простотой разбрасывались такими богатствами. Неудивительно, что их наёмники грызлись до последней капли крови. Семьи мертвецов наверняка утонут в богатстве. Вся память, что останется о несчастных ублюдках, усеявших своими внутренностями пол — это быстро уменьшающиеся цифры на счету в банке.

Керн и Диомед с менеджером спустились по лестнице вниз. Как и Джулиус, в детстве лысый громила сидел на специальном соке для усиленного роста, придуманным Медцентром, оттого был выше всех окружающих на целую голову. Эдем предоставлял полиции определённые преимущества, чтобы противостоять Синдикату в случае войны. Но, по исполнению тридцати лет, имея пятнадцатилетний опыт полицейского за спиной, Керн понял, что высокий рост, скорее, вредит в перестрелке, а в ближнем бою на одних габаритах далеко не уедешь.

Джулиус затылком чувствовал дыхание погони. Охранники начали стрельбу не просто так. Что бы здесь ни прятали, оно стоило десятков смертей — а то и больше. Судя по всему, когда-то охрана была намного строже. Но со временем всё начинает гнить — и в первую очередь людская бдительность.

Они спускались всё ниже и ниже, минуя прозрачные двери из бронепластика, способного выдержать направленный взрыв. За ними томились несметные сокровища: вещи, которые хозяева побоялись держать дома. Древние свитки, сундуки, обитые шелками, разрисованные античные вазы, картины неизвестных художников давно минувших дней, а также сложенные в тележки слитки золота. Просто несметная туча тележек с золотом. Керн жадно сглотнул, но напомнил себе — они здесь не за этим.

Наконец, они дошли до самого нижнего уровня, оказавшись у огромной круглой двери. Казалось, весь Город может рухнуть, а это хранилище останется. Менеджер повернулся к Керну. Его лицо покрыли бусинки пота.

— Дайте мне нож.

— Что? — буркнул Диомед, но Джулиус не стал ждать, когда попросят дважды и протянул мужчине клинок. Менеджер обнял пальцами острие и резко дёрнул. Капли крови звонко ударились об пол. В царившей тишине маленький всплеск показался взрывом. Встав у сканера, менеджер прислонил ладонь, оставив багровый отпечаток. Дверь закрякала, задрожала и начала отодвигаться.

— Столько лет это место держали закрытым, — пробормотал менеджер. В его глазах застыло такое благоговение, что Керн понял — они придали слишком мало значения происходящему. — И я первый, кто откроет дверь. Заглянет по ту сторону.

— Ты сказал, что тебя убьют, — сказал Керн, почувствовав неожиданный приступ жалости. Этот человек рискнул всем, чтобы провести их сюда. Ему стоило помочь. — Мы можем тебя защитить. Мы из полиции.

— Ничто меня уже не защитит, — грустно протянул

мужчина. — Смерть не так страшна, если ты успеешь узреть истину…

Хранилище переполняли сотни прозрачных ячеек, внутри которых покоились полусгнившие документы. Но прямо напротив входа за толстым слоем брони пряталась нужная Керну. Дверцу клеймили стилизованным изображением боевого креста — с широкими верхними лучами и острым нижним.

— Раньше здесь было два охранника, — прошептал менеджер. — Из этих… ты понимаешь, о ком я.

Керн не понимал, но решил промолчать. Дело становилось хуже с каждой секундой, и он уже не знал, хочет ли знать больше. Он вспомнил про жену и сына. Вспомнил, какому риску сейчас подвергал их, если выяснится, что на банк Торесов устроили налёт копы под командованием Секции. Огромный комок поднимался от желудка к горлу, и Керн боялся, что блеванет от волнения. Он! Чёртов Крестоносец! Человек, прошедший войной по окраинам и очистивший их от картеля Синей Лагуны. Рыцарь без страха упрёка, сейчас готовый напрудить в штаны от волнения.

Секция ввязалась во что-то, намного больше её.

Менеджер подошёл к ячейке. Ключ всё никак не хотел попадать в замочную скважину — слишком уж тряслись пальцы мужчины. Керн ощутил, как нетерпение скрипит острыми коготками по его нервам, и сжал кулаки. Он уже приготовился открыть ячейку сам, когда щёлкнули засовы. Ящик выдвинулся вперёд, и Джулиус схватился за его край, чтобы не рухнуть на пол от паники.

— Я всё понял, — выдохнул Керн, увидев, что внутри.

Пустая ячейка взирала на него чуть ли не с вызовом. Место, где должны были храниться самые страшные секреты Синдиката, оказалось ловушкой. Их обвели вокруг пальца. Керн готов был взреветь от ярости, но сдержался. Ему, знаменитому Крестоносцу, не к лицу было выходить из себя — пусть даже во время полного провала.

— Джулиус, что нам делать? — спросил Диомед. Одетый в тяжёлый бронежилет, с пулемётом в руках, он показался Керну маленьким и смешным. Вся их сила оказалась пшиком.

Секция Двенадцать с такой тщательностью готовила ограбление, с таким остервенением собирала своим оперативникам лучшее снаряжение, что Керн понял — они плохо подготовились.

Вся жизнь пролетела у Джулиуса перед глазами. Детство, проведённое в огнях Стрипа, школьные годы среди других детей полицейских, академия, награждение как лучшего выпускника.

Первый поцелуй, первый секс и первое убийство. Женитьба, рождение сына.

Сейчас, когда ловушка захлопнулась, Керн мысленно попрощался со всем и со всеми.

— Собираем снаряжение, — приказал он, — и уходим. Сарен, что там у выхода?

— Всё чисто, босс, — отрапортовал жокей. — Двери открыты.

Секция собирала разные таланты. Чаще всего, члены Двенадцати дополняли таланты друг друга. Диомед был отличным бойцом, а Сарен лучше всех разбирался в тонкостях Сети. Керн с рождения вдохновлял людей своим примером, ведь отец воспитывал его быть всегда впереди. Наследный коп, он и не сомневался, что когда-нибудь возглавит Башню Правосудия. Пока комиссары менялись, оставаясь всё теми же говорящими головами в переговорах с Синдикатом, Секция делала свои дела, изо всех сил стараясь соблюсти баланс между справедливостью и прагматизмом. Ограбление банка вышло за рамки их деятельности — и стало роковым.

Развернувшись на каблуках, Керн вышел из хранилища. Диомед следовал за ним. Джулиусу не хватало воздуха, казалось, всё вокруг давит на него. Рука так и тянулась сорвать опостылевшую маску, сковывавшую лицо. Какой смысл скрывать внешность, если все они всё равно уже мертвецы? Синдикат завлёк их, а теперь готовился нанести контрольный удар.

Позади раздался смех — это смеялся менеджер, застыв у пустой ячейки. По лицу мужчины катились слёзы.

— Вот оно что, — сказал он. Рука с ножом поднялась к горлу. Клинок вошёл в плоть без всякого сопротивления. Захлёбываясь кровью, менеджер рухнул на пол. Агония ещё некоторое время владела телом, пока то не застыло, свернувшись в позе эмбриона.

— Что это значит? — со страхом спросил Диомед.

— Значит, что мы в полной заднице, — ответил Керн. Он не мог поддаться панике. Не имел права — иначе никто отсюда не выберется живым.

С самого начала Керн знал, что дело нечисто. Но слишком уж большой был соблазн вытащить из шкафа скелеты короля. Нарушить, наконец, опостылевший статус-кво и перетянуть чашу весов в свою пользу. Всплывшая информация о том, что один из филиалов банка Торесов хранит компромат на Карла Лоренса, пала на плодородную почву. Секция приняла чуть ли не единогласное решение штурмовать банк и присвоить данные себе. Керн, поначалу уверенный, что попытается оспорить решение, и не заметил, как согласился со всеми. Слишком велик был азарт.

И вот теперь они все здесь, вся Секция, взявшая с собой десяток самых надёжных копов. Наверняка патрульные уже выехали на вызов. Такую пальбу не пропустил бы даже слепой и глухой. Керн чуть не засмеялся от иронии происходящего. Может статься, убить Секцию приедут её же подчинённые. Впрочем, вряд ли. Керн позаботился о том, чтобы нужные люди знали об ограблении. Башня будет оттягивать с вызовом так долго, насколько это только можно.

Но даже если их не убьют свои же, приедут люди Торесов. И кто знает, с каким дьяволом они договорились, что готовы были умереть, но не сдать секрета.

Керн поднялся по лестнице наверх, в главное помещение. Другие хранилища его больше не интересовали. Золото, богатства? Ничего важнее спасения жизней подчинённых для Керна уже не было.

— Мы счастливы, босс? — спросил Корфиний, не отрывая взгляда от лежащих на полу клерков. Под жестяной, изрисованной маркерами маской Керн не мог рассмотреть лица адвоката, но знал — парень в ужасе. Он всегда был несколько нервным малым, но Секция ценила его за юридические знания. Когда дело доходило до разбора правил, Корфинию не было равных в понимании правовой базы Синдиката. Именно он подвёл их ограбление банка под законную основу — такую, что в случае поимки их не только отпустят с миром, но ещё и наградят за старания и помощь короне. При условии, конечно, что будут ловить, а не стрелять. Надежды на это таяли всё сильнее.

— Сворачиваемся, — приказал Керн. — Двигайся к машине, состыкуйся с Сареном и отправь с ним патрульных. На машинах будут отходить только члены Секции. Диомед, помоги Корфинию.

Диомед кивнул и бросился созывать членов Секции. Керн уже боялся доверять радиопереговорам. Корфиний отправился к воротам, где ждал в микроавтобусе Сарен со своей аппаратурой, Диомед же стал собирать копов, не состоящих в Секции. На случай быстрого побега у чёрного выхода были заготовлены пять бронированных седанов. Водителей Керн набрал на чёрном рынке из самых лучших кандидатов. Молчаливые профессионалы, они не задавали лишних вопросов и делали всё строго согласно приказам. Смогут ли они оторваться от погони?

Преследователи возьмутся за организаторов, потому и последуют за машинами. Микроавтобус с патрульными, тем временем, сможет уйти без лишних проблем. «Вроде должно сработать». Пока Керн раздумывал, к нему подошёл Саймон Тэйт с тройкой своих сыновей, бывших патрульными. Иногда старик так их третировал, что напоминал Джулиусу рабовладельца. Но

Керн знал — пожилой коп просто хочет, чтобы его дети выкладывались по полной на благо Башни. Когда-нибудь они тоже войдут в состав Секции.

— Что случилось, босс? — поинтересовался Саймон. — Что в хранилище?

— Нам срочно нужно уходить, Тэйт, — ответил Керн. — Твои сыновья поедут с нами на машинах.

У него язык не поворачивался сказать, что вся операция пошла насмарку. Но ещё меньше ему хотелось поднимать панику зазря. Да и зачем беспокоить старика? Если они выберутся отсюда без проблем, то это окажется ложной тревогой. Если же на них нападут по пути — что же, и так будет понятно, что это было ловушкой.

Члены Секции и сыновья Тэйта начали собирать снаряжение. Всё, как отрабатывали — разбившись на четыре группы, полицейские потянулись к чёрному выходу. Видимо, прочувствовали опасность в тоне своего командира. Клерки и клиенты начали потихоньку двигаться.

— Прошу прощения за беспокойство, — выкрикнул Керн. — Можете возвращаться к своим делам!

Его взгляд остановился на трупе молодого наёмника. «После сегодняшнего уже никто не станет прежним». Не успел он загрустить, как вернулись Диомед с Корфинием.

— Сарен отъехал, патрульные с ним, — доложил лысый громила. — Мы готовы.

Керн кивнул, и втроём они побежали к выходу, вслед за остальными. Водилы уже завели двигатели, и машины порыкивали, словно предвкушая ждущий их путь. Керн, крякнув, сел на переднее сиденье, Диомед с Корфинием устроились сзади. Как только все расположились, машины рванули с места — и покатили к магистрали. Водители тут же разъехались в разные стороны, чтобы усложнить работу возможным преследователям. Автомобиль Керна петлял по переулкам, сделал пару кругов вокруг жилых блоков, а затем направился к магистралям. Для середины дня машин казалось маловато — что же, тем лучше, можно ехать быстрее. Как только они отъехали от банка на два Сектора, Керн вздохнул свободно.

— Вырвались, — прошептал он. Чувство преследования так и не оставило его. Дерьмо, в которое они все вляпались, ещё будет долго вонять.

Заднее стекло разлетелось, осколки посыпались на пол, а о щёку Керна чиркнуло что-то холодное и металлическое. Джулиус погладил ранку, оставленную пулей, и обернулся. Выстрел разорвал голову Корфиния. Бывший боец Секции завалился

вперёд, из вскрытого черепа вытекали остатки мозга. Через разбитое заднее стекло Керн разглядел наёмников, катящих следом на хэтчбэке. Боец на пассажирском сидении передёргивал затвор обрезанной винтовки. Диомед взревел от ярости, просунул ствол пулемёта назад и начал беспорядочную пальбу. Очереди вскрыли автомобиль как консервную банку, превратили пассажиров в обёрнутые вокруг косточек ломтики мяса.

— Гони, гони! — заорал Керн. Водителю не пришлось приказывать дважды — утопив педаль, он вырулил машину в свободное пространство между полосами, предназначенное для машин полиции. Джулиус посмотрел в зеркало заднего вида — машины преследователей строились рядком, увеличивали скорость и отставать не собирались.

— Здесь мы у них на ладони! — возопил Джулиус. Шофёр повернул обратно, пытаясь спрятаться среди машин обывателей.

Диомед крыл противника благим матом, продолжая палить из пулемёта. Ещё одна машина отстала, превращённая в груду бесполезного металла, фаршированного мертвецами. Керн высунулся из окна, чувствуя, как ветер бьёт в лицо, и тоже начал стрельбу. Автомобиль резко вырулил влево, и от толчка Диомед выронил пулемёт. Оружие со звоном угодило под колёса преследователям, порвав шины.

— Дай пушку! — крикнул Диомед, и Керн поспешил отозваться. Он протянул другу дробовик, параллельно перезаряжая пистолет. Шофёр продолжал лавировать в потоке машин, стараясь вырваться как можно дальше вперёд, но тачки гражданских их тормозили.

— Нам нужно съехать с магистрали! — крикнул Джулиус водителю. — Здесь мы не можем разогнаться!

Шофёр кивнул и на первой же развязке повёл машину вниз, к старым дорогам. Со звоном раскололось от прилетевшей пули зеркало заднего вида, и Керн вздрогнул. Диомед тут же ответил врагу точным выстрелом в лицо водителя крайней машины. Голова разорвалась, словно переспевший фрукт, автомобиль ушёл направо и резко перевернулся, с грохотом разбиваясь об асфальт магистрали.

— Отстали! — констатировал Диомед. Они заехали на старые дороги — древние трассы, проходившие под всеми зданиями Уровня. Ими почти не пользовались: слишком темно, никакой регулировки, а многие уже давно заканчивались тупиками. Но Керн старался всегда держать при себе постоянно обновляемую карту, составляемую местными изгоями, просто на всякий случай. Наконец-то она пригодилась.

Рассекая лужи, машина копов пролетала мимо маленьких

группок людей, греющихся у горящих бочек, разлёживающихся в импровизированных домах из крепко сваренных листов металла. Сюда приходили люди, которых не радовала жизнь окраин и царящий там бандитизм. Они просто хотели жить спокойно, не завися от Синдиката и не страдая от постоянных преступлений. Когда-нибудь Джулиус придёт к ним и скажет, что полностью очистил Старый Город от грабительской мрази, что бояться больше нечего. Но не сегодня.

Пролетев коммуны, они оказались в длинном туннеле. Бездну мрака разрезали лишь фары, высвечивавшие дорогу прямо перед машиной. Керн расслабился и отложил оружие. Оставалось надеяться, что за остальными машинами нет погони.

— Смотрите, свет! — вдруг произнёс водитель.

Он оказался прав. На следующем перекрёстке уже выстроился блокпост из нескольких стоящих поперёк дороги автомобилей. Вооружённые фонарями люди казались созданиями тьмы.

— Разгоняйся, — приказал Керн. — Попробуем протаранить.

— Пристегнитесь, — предупредил шофёр и нажал на газ.

С чудовищным скрипом они влетели в старомодный пикап образца пятнадцатого года. Металл издал невыносимый крик, от которого заболели зубы. Огромная сила бросила Керна вперёд, но ремень удержал дёрнувшееся тело. Джулиус заорал от боли — инерция чуть не оторвала ему голову. Машина закричала, затряслась и заглохла, напоследок кашлянув дымом.

Керна мутило, он ничего не понимал. Воздух прорезали запахи бензина и спирта, в ушах застыл звон, будто тысячи палочек ударили по громадному гонгу.

— Он здесь, — крикнул чужой голос где-то неподалёку. Лучи фонарей обжигали глаза, но от них некуда было бежать — враги светили Керну прямо в лицо. Один из них подошёл ближе и вскрыл дверь. Тяжёлая рука выволокла Джулиуса на асфальт и положила лицом вверх. Он смотрел на тёмную фигуру и в ореоле света сумел рассмотреть маску змеи на лице человека.

— Георгий, передай хозяйке, что она плохо поняла свои обязанности, — пробормотал незнакомец низким басом. — Мы приказывали предотвратить вторжение в хранилище. Мы ничего не упоминали о погоне. Не нужно нестись на всех парах за грабителями и развязывать перестрелку в Центре, угрожая жизням и имуществу граждан.

Мужчине в маске зверя ответил другой голос, нарочно растягивающий слова, будто пытаясь скрыть акцент. «Эмигрант», — понял Керн.

— Мы не просто бойцы, сэр, мы одна семья. А эти уроды положили пару десятков наших братьев в банке.

— Значит, мы неправильно друг друга поняли, — ответил человек-змей. — В ваших услугах больше не нуждаются. Благодарим за службу.

Джулиус закашлялся, пытаясь заполнить лёгкие воздухом.

— Капитан Керн, — пробормотал незнакомец, будто только обратил на него внимание. — Лидер Секции Двенадцать. Крестоносец. Что вы наделали?

— Я не знаю, — признался Джулиус, пытаясь встать и гадая, как змей выгадал его имя. Но удар сапогом в грудь пришпандорил капитана к полу. От боли зазвенело в ушах, и Керн сдержался, чтобы не застонать.

— Приведите их сюда, — приказал человек в маске.

— Папа? Папа?!

— Джулиус, это ты?

Керн узнал голоса и чуть не заплакал от ярости.

— Нет, вы не смеете, — прошептал он. «Только не их… Роза, Гарри! Я же так хорошо вас спрятал…» — Отпустите их! Отпустите мою жену и сына!

— Если ты скажешь, что там увидел, — флегматично пробасил незнакомец. — Что было внутри ячейки, Керн?

— Что вы делаете? — Джулиус узнал голос водителя. — Нет, оставьте, пожалуйста, нет!

Его голос превратился в истошный крик, когда туннель осветил шар пламени. Керн посмотрел на огонь. Водитель горел и вопил от ужасающей боли, а люди в масках животных подливали топлива из канистры.

«Если я промолчу, то Гарри и Розу ждёт то же самое…»

Жена и сын стояли совсем рядом. Утончённая женщина в маске совы и коротком красном платье держала их в прицеле пистолета. У Розы от слёз запеклась тушь на лице, Гарри изо всех сил старался выглядеть спокойным. «Как я и учил… никогда не бояться… мой сынок…»

— Что ты увидел в ячейке, Керн? — повторил вопрос человек-змей. Сова взвела курок. Щелчок встряхнул Джулиуса — словно кто-то подключил к мозгу электроды и дал ток.

— Она была пуста! Я клянусь! Отпустите их, пожалуйста!

Слова вырывались потоком. Он готов был умолять, готов был предложить себя взамен, готов был сделать что угодно, лишь бы его любимым не причинили боли. Человек-змей, казалось, почувствовал это.

— В машине есть ещё один живой, сидел рядом с трупом, — крикнул мужчина в маске летучей мыши.

— Оставьте его, — приказал змей и двинулся к автомобилям. — Женщину тоже отпустите. А пацана берём с

собой.

— Нет, не надо! — взмолился Керн. — Не делайте ему больно!

— Мы и не сделаем, я обещаю, — произнёс змей. — Но нам нужен гарант твоей лояльности. Уходи из полиции, капитан Керн. Мы будем следить за тобой.

Они ушли так скоро, что Джулиус не успел ничего осознать. Роза подбежала к нему, обняла и заревела.

— Они забрали его! — запричитала любимая. — Керн, что же нам делать?

— Они… они что-то говорили? — еле выдавил Джулиус, пытаясь подняться на ноги. — Зачем я им нужен живым?

Роза перестала плакать. Приложив ладонь к груди, она прохрипела:

— Они сказали… что ты выпустил Корвуса.

10 февраля, 531 год после Освобождения

Билл Уотерс переступил порог полуразвалившейся хижины и вдохнул полной грудью. Рубаха прилипла к телу, вонь подмышек перебивала висящий повсюду запах мертвечины, а алый бант на шее казался настолько грязным, что Билл боялся к нему притрагиваться. Увы, перепечатка одежды полагалась раз в три дня — остальное время армейцы использовали утилизаторы для собственных нужд. Законы военного времени.

Он уже почти привык к небу над головой, но сегодняшняя луна его раздражала сильнее обычного. Билл читал старые архивы про мир за стенами Первого Города, принимал лекарства от агорафобии, но когда увидел ночью светлый диск на тёмном, покрытом перхотью звёзд, полотне, то чуть не потерял сознание. Одно существование чего-то столь огромного и бесконечно далёкого вызывало тошноту. Да и потом, луна напоминала о древних временах, когда знание было редкостью, и люди жили суевериями. Учёный питал к ней подсознательную неприязнь.

Больше луны Уотерс удивлялся погоде. Непредсказуемая, похожая на взбалмошных дамочек из университета, с которыми ему пришлось учиться. Прошёл ровно год с начала Второй Священной Войны — или Саакской кампании, как её называли армейцы — и ровно год Билл провёл за пределами Города, во Вне. И всё равно инженер не мог распознать паттерны местного климата. Конечно, это не входило в его специализацию. Но даже такой дилетант как он мог понять, что оставшийся до мая снег в одном году не должен полностью таять к концу января в

следующем. Да и джунглям было как-то плевать на окружающие их условия. Зимой покрывало, напоминающее море кокаина, лежало на листьях, прятало коварные овраги и болота, пока зелень вокруг цвела и пахла. Не нужно было иметь нескольких степеней по ботанике, чтобы понять — так растительность в обычных условиях себя не ведёт. Вне во всём таило загадку, бросало Уотерсу вызов. Он его с удовольствием принимал.

«Забавно, даже покинув стены, мы всё равно воспринимаем пространство неким замкнутым объектом. Говорим, что „выйдем во Вне“. Звучит так, будто переходишь из одного помещения в другое, а не вырываешься наружу».

Закурив, Билл решил пройтись по позициям, прежде чем начать решать дела. Огневую базу, на которой расположился его временный исследовательский комплекс, прикрывали со всех сторон лучшие части Синдиката. Её построили вокруг Железной Башни, сразу после победы над врагом. Металлическая конструкция, вцепившаяся в землю четырьмя толстенными лапами, со стороны походила на громадную букву «Λ». Балки фундамента выше сливались в единое целое. Всю башню венчала смотровая площадка. Билл как-то поднялся туда и с высоты трёхсот метров рассмотрел далёкие очертания родного Первого Города. Куполообразное, монструозное нагромождение металла с такого расстояния казалось не больше крышечки от бутылки. Но даже при таких масштабах виднелся окутанный галом Эдем. Насладившись ощущениями, Билл от души блеванул и зарёкся больше подниматься так высоко. Из него бы никогда не получился десантник.

«Кстати о птичках». Безбашенные бойцы Синдиката свободное время забивали тем, что с помощью летательных ранцев покоряли Железную Башню.

Короткими прыжками они перемещались от балки к балке, цеплялись руками и двигались дальше. Многие не могли удержаться и падали вниз, но тут же активировали двигатели и стабилизировались. Но почти всем приходилось спускаться — не всегда хватало топлива. Каждому добравшемуся до вершины рота будет проставляться до конца войны. Такой счастливчик на данный момент был всего один: Джейсон Клэй. Он сумел с небольшим отрядом достать вражеского наводчика артиллерии, засевшего на вершине, и тем самым спас множество жизней. Без него бой превратился бы в мясорубку — сааксцы понаставили вокруг зениток, перекрыв воздушные пути. Прорваться удалось лишь десантникам, и то с большим трудом — половину летунов синегубые сумели всё же зацепить плотным огнём ПВО. Для Билла оставалось загадкой, откуда у сааксцев нашлись орудия

против атак с воздуха. Слишком продвинутыми они казались на фоне всего остального вооружения Союза.

Путь к вершине был не просто соревнованием — бойцы тестировали новую тактику вертикального боя. Не то чтобы она могла пригодиться: сааксцы не имели лётных средств, потому все бои оказались в репертуаре «воздух-земля». Десантники достаточно бронировались, чтобы спастись от шальных попаданий мелкого калибра, а с их маневренностью точные им не грозили. Ни один десантник не погиб в воздухе от рук пехоты. Убивало их возвращение на землю, в самую гущу боя, где джунгли сводили на нет все попытки уклониться от огня.

Небо периодически освещали багровые ракеты на парашютиках, а проносившиеся самолёты оставляли за собой трещины в тёмном мраморе пространства над головой. База ощетинилась пулемётами и колючей проволокой, несколько линий траншей змеилось по всему периметру, покрашенные в серый цвет бункера напоминали шляпки грибов. Свободное место между ними утыкали бараки, склады с боеприпасами, да гигиенические кабинки. Особняком стоял концлагерь и лаборатории исследовательской группы. Чуть к северу расположились кабинки промышленных и мобильных утилизаторов, куда дежурные солдаты стаскивали трупы и отходы.

На посадочную площадку заходило несколько вертолётов с десантниками. Если Клэй сдержит обещание, то Билла ждёт пополнение коллекции. Уотерсу, в общем-то, нравился альбинос — глупый мальчишка, как и все вокруг, но в нём жила та сама первобытная ярость, которой многим бойцам не хватало. Уотерс уважал лейтенанта за его человечность, в критические моменты затухавшую и не подававшую признаков жизни. В себе остатки брезгливости Билл так и не сумел подавить, хотя работа, казалось бы, располагала.

Десантники выгружались из вертолётов вместе с пленными. Из-за громоздких ранцев бойцы Синдиката казались горбатыми и несуразными. Обычно в десант брали ребят поменьше ростом и весом, чтобы не давать сильной нагрузки на летательные аппараты, но громила Клэй стал исключением. Его бескомпромиссность и безбашенность гарантировали успех половине операций десанта. Если бы спросили мнение Уотерса, он бы сказал, не смущаясь: «Без лейтенанта Клэя рота Головорезов — сборище субтильных псевдосамцов».

Свернув ручной пулемёт и прицепив его к креплениям ранца за спиной, Клэй зашагал к Уотерсу. Гермошлем лейтенант держал под мышкой. Могавк альбиноса превратился в белое пятно на

тёмной в ночи коже.

— Майор, — буркнул Клэй, не отдавая приветствия. Билл готов был простить отсутствие субординации — на войне она часто играла на руку вражеским снайперам.

— Ну как сегодняшний улов?

— Хороший. Только вот что, майор. Сегодня — последний раз.

— Без проблем, — в примирительном жесте поднял руки Билл и ослепительно улыбнулся. С детства его все дразнили Зубастиком, пока одна милая девочка не сказала, что он Улыбашка. Билл по-другому не мог — люди вокруг вызывали у него невольную улыбку, такими наивными и тупыми они казались. Ну как на них злиться? — Обязательно отмечу ваш энтузиазм перед принцессой.

— Не стоит, — прорычал Клэй. — Я лучше поскорее забуду о том, что делал здесь.

— Ваша правда, лейтенант, — улыбнулся ещё сильнее Билли и начал по привычке крутить усы. Принцессу Анору они необыкновенно бесили, но мало что вызывало у неё приязнь. Да и мнение дочери короля Уотерса мало волновало. Он был на острие науки, и его эксперименты сплетали лучшее будущее. — Всего наилучшего и удачной охоты.

Клэй, не ответив, развернулся и ушёл. Тем временем армейцы уже гнали согнувшихся в три погибели пленных к концлагерю. На лицах сааксцев застыли мёртвые маски умиротворения. Казалось, они готовы подчиниться любому приказу. С такими пленными Билл обожал работать: меньше проблем.

Он двинулся к исследовательскому комплексу, у ворот которого уже стоял Джимми. Молодого сааксца так нарёк Клэй — в честь мышонка из детского мультика, который вечно донимал гонявшегося за ним кота. Альбинос ненавидел Джимми, потому и кликал так своих неприятелей. Но синегубому повезло: прозвище на редкость удачно легло на непроизносимое «Джамиль Файыз». Согбенный, помятый, обритый под ноль, в чуждой ему форме Синдиката с петлицами офицера, сааксец выглядел дерьмовее самых страшных кошмаров Билла. А те последнее время стали очень красочными. Издержки профессии. Подойдя к синегубому и выкинув окурок, Билл прошептал:

— Ты готов, друг мой?

Сааксец без слов коротко кивнул. Уотерс улыбнулся — как не любить дела, решающие сами себя?

— Не бойся. Сложно только поначалу.

Они решили пройти через концлагерь, а не через лаборатории — не хотелось по сто раз терпеть процедуры

очистки. Сидящие за колючей проволокой исхудавшие люди провожали сытого первенца и сааксца-предателя мёртвыми взглядами. Наверное, пленным казалось, что они могут прожить ещё, но Билл знал: они умерли, как только их привели сюда.

Сестра Джима тем временем возилась с очередным субъектом. Улыбаясь и успокаивая родителей, она увлекала за собой маленькую девочку. Билл всегда предпочитал посылать её, когда хотел дипломатичных решений. Новые пленные не доверяли парню, но красивая, синеокая, совсем непохожая на своих смуглых собратьев Хоуда могла убедить кого угодно и в чём угодно. Тёмные волосы девушка заплетала в толстые дреды. С лёгкой руки того же Клэя, помощницу стали звать Говард.

Наконец, родители успокоились и отпустили девочку. Шутя и напевая, Говард вытянула девочку из концлагеря. Натолкнувшись на Джима с Биллом, она тут же изменилась в лице.

— Что случилось? Мы делаем что-то не так, сэр? — спросила она. Билл распознал тщательно скрываемый страх. И если у него были какие-то сомнения до этого момента, то они тут же развеялись.

— Нет, что ты. Всё прекрасно. Просто командование выпустило новые указания и, похоже, придётся вас с ними ознакомить. Отпусти пациентку, нужно будет поговорить с глазу на глаз.

Говард кивнула и повела девочку обратно. Билл в очередной раз подметил, что её разговорный первенский всё такой же слабый. Странное дело — некоторые вражеские пехотинцы умудрялись кричать угрозы так чисто, будто говорили на наречии сынов Эдема всю жизнь. Но на помощников Билла это, почему-то, не распространялось. Уотерс подозревал, что дело в кланах. У коренных жителей Союза, по каким-то причинам, навыки к языкам оказывались намного выше, чем у присоединённых насильно чужаков. Теория дурацкая, мало что объясняющая и создающая новые вопросы, но зато на неё указывало почти всё.

Пока сестры не было, Джим уже двинулся подготавливать место. Как только Говард вышла, Билл мягко взял её под локоть и потянул за собой.

— А где брат? — нервно спросила девушка.

— Я его отпустил, — улыбнулся Уотерс и начал мурлыкать. — Не хотел разрушать атмосферу романтики! Прогулка под звёздами! Ах, дорогая, не представляешь, как мне хотелось бы воссоздать нашу первую с тобой ночь.

— Нельзя, — сверкнула глазами помощница, тут же испугалась своей наглости и потупила взгляд. — Сэр, вы сами понимаете…

— Да, конечно, — Билл засмеялся. — Но мужчина может мечтать, правда? Ты очень красиво выглядишь сегодня. Этот макияж тебе очень идёт.

— Спасибо за подарок, — Говард зарделась, но страх из её глаз не исчез. — Я никогда не забуду…

— Да что ты, это всего лишь косметика! Такой красотке я готов подарить весь мир! Что наводит меня на мысль… Ты видела заброшенную хижину на окраине лагеря? Как насчёт быстро сгонять туда?

— Её хозяев убили, — пробормотала Говард, поправляя разметавшиеся волосы.

— Печально, — притворно вздохнул Билл. — Чёртова война. Если бы не она…

— Вы бы не ставили на людях эксперименты? — поддала девушка. Уотерс захохотал.

— Конечно нет! Мы ведь столько знакомы. Неужели ты думаешь, будто бы всё это приносит мне удовольствие? Пытать людей, смотреть, как они умирают, пришивать им железные конечности? Ни в коем случае. Мне страшно, дорогая. Страшно, что всё это будет делать кто-то другой — не обладающий моим милосердием.

Он лгал так легко, что и не считал себя вруном. Работа ему нравилась — может не процессом, но результатами. Сааксцы оказались таким отличным материалом, что он готов был целую жизнь на них потратить, задавая для экспериментов разные условия.

— Я всегда хотела вас спросить — почему вы носите эту штуку на шее? — Говард так отчаянно пыталась перевести тему, что Билл даже простил её незнание слов.

— Ты имеешь в виду мой бант? О, это долгая история — как раз до порога того домика хватит, — Уотерс подмигнул девушке, та отвела взгляд. — Ты знаешь, в детстве у меня было только одно желание: чтобы мне подарили котёнка.

— Это?..

— Наверняка ты видела. Шерстяные твари с ушами на четырёх ногах. Охотятся на крыс и мышей. У нас, в Первом Городе, их разводят в специальных питомниках. Популяцию поддерживают искусственно — нельзя, чтобы их было слишком много, но и падение численности чревато последствиями. В конце концов, грызунов должны поедать животные, а не люди, — Уотерс усмехнулся. — Но, видишь ли, мои родители вкалывали в Приюте… это… что-то вроде плантации. Ты работаешь, чтобы оттуда уйти.

Говард непонимающе захлопала синими очами:

— Но разве смысл не в том, чтобы продолжать оставаться на плантации?

— Не у нас, нет. Им нужно было много денег, чтобы освободиться. А я учился в школе и хотел только одного — чтобы у меня был котёнок. И знаешь, на День Освободителя под ёлкой я нашёл коробку с красным бантом. Внутри мурлыкал серый пушистый комочек. Живой, понимаешь? Ты просто представить не можешь, сколько стоило купить кошку — уличных одомашнивать запрещали, — Билл был уверен, что Говард не понимает и половины сказанного, но продолжал говорить. Иногда полезно подвести итоги прожитых лет. Вспомнить, с чего всё началось. — Я назвал его Менгеле — вычитал имя в одной старой книге. Полгода я ходил с исцарапанными руками, пока на летние каникулы не решил вынести его на улицу.

Билл опустил взгляд, улыбка сошла с его губ.

— Вы его выбросили? — спросила Говард так, будто это само собой разумелось. Уотерс чуть не ударил её.

— О, Боже, да за кого ты меня принимаешь?! Конечно нет! Я же не монстр какой-нибудь! Нет, котёнок вырвался из моих рук, выскочил на обочину, ну и попал под колёса. Кишки метров на пять размазало. Надеюсь, бедняга умер до того, как успел что-либо понять. И ты знаешь, смотря на эту картину я вдруг понял: Менгеле — это всё человечество. Рано или поздно мы бросимся вперёд, на чужую обочину. И если не будем готовы, нас так же размажет. Поэтому, какие бы жертвы я ни приносил, я вспоминаю тот момент. Я вспоминаю вечер, когда увидел коробку с красным бантом, шёлковые ленты, вспоминаю подарок, который так трагически погиб. И думаю: мы будем готовы.

Говард ничего не сказала, но Билл знал её ответ: «Эти жертвы не ваши, а моего народа». Чего от неё ещё ждать?

Они дошли почти до самого порога, когда девушка заподозрила неладное.

— Почему дверь открыта? — спросила она, но Билл втолкнул её внутрь прежде, чем раздался ещё один вопрос. Говард попыталась закричать, но опустившаяся на затылок дубинка заткнула её. Девушка потеряла сознание ещё до того, как плашмя упала на пол. Её брат задумчиво протирал окровавленную дубинку.

— Поможете? — спросил он, кивая на железный стул в середине комнаты.

— Извини, насилие — не моя стихия, — развёл руками Билл и улыбнулся.

Помощник угрюмо кивнул, будто ожидал такого исхода. Посадив сестру на стул, он приковал её руки к ножкам. Рядом

наготове уже стоял чемодан с инструментами: скальпеля, иглы с нитками, пилы, затупленные ножи, ножницы и прочие предметы пыточной необходимости. В очередной раз Джимми забыл взять с собой молоток и гвозди: любитель, что сказать. Хоть и работал на Союз.

Билл не очень любил предателей, а двойных — и того меньше. Джимми с Говард были детьми вождя независимого клана, перекочевавшего на окраины Союза. Сааксцы, прознав об этом, выдвинули войска с вполне конкретными требованиями, заключавшимися в одной фразе: «присоединяйтесь или умрите». Брат и сестра быстро смекнули, откуда дует ветер. Их отец своим отпрыскам не доверял — и не зря. Джимми и Говард присоединились к сааксцам и стали их ручными агентами. Убив отца, они начали массовую кампанию по присоединению нового клана к Союзу. Пытки, угрозы, убийство сородичей — они делали всё, чтобы спасти свои шкуры и выслужиться перед начальством из Караса.

Когда Синдикат после убийства парламентёров и атаки на лагерь экспедиции Эймса ударил всеми силами по Кафиссии, самой северной провинции Союза, первыми сдавшимися были Джим и Говард. Они быстро предложили свои услуги новым хозяевам, став чем-то вроде переводчиков. Биллу нужны были люди, способные убедить местных жителей довериться первенцам. Конечно, мало что проходило гладко, в основном убеждать приходилось уже пленных. Но на этой стадии брату с сестрой не было равных. Они умудрились подавить у сааксцев всякую волю к восстанию, и Уотерс со спокойной душой начал экспериментировать.

Он вдруг вспомнил девочку лет шести, которую на его глазах привязали к столу и накачали обезболивающими. Детина, подчиняющийся Биллу и Медцентру, взял электрическую пилу и начал отрезать малютке руки и ноги. Девчонка визжала и пищала, но не от боли, а от ужаса потери конечностей. Всё это время она оставалась в сознании и видела, как её жизнь, её тело буквально разрывают по частям. Билл, тем временем, не мешкал, подготавливая протезы. Они должны были успеть присоединить их до того, как пациентка истечёт кровью или умрёт от болевого шока. Всё время, пока девочка кричала от страха, он думал о человечности.

Он не хотел вкалывать в Приюте, как его родители, потому сразу же отдался в распоряжение Медцентра. Годы пролетели как один миг. Получив гражданство и насладившись новой, улучшенной мордашкой, которую медики сделали ему бесплатно, Билл отправился получать образование. С инженерией у него не

заладилось, да и на фабрике Гефеста людей в тот момент хватало. Другую профессию Уотерс выбирать не хотел. В конце концов, если подумать, первенцы почти ничего сами и не производили — не считать же производством ту идиотскую работу в Приютах, которую мог выполнить один качественный механизм Эдема? Конечно, Эдем своими технологиями не делился, а фабрике Гефеста до уровня правителей Первого Уровня было очень далеко. Своими силами изобрести замену ручному труду они не могли. Отними у людей утилизаторы — и великая цивилизация Первого Города останется у разбитого корыта, ибо не будет знать, как что-то можно починить своими руками.

Зато сколько же денег уходило на оружие. Именно тогда, осознав масштабы проблемы, Билл решил вернуться в Медцентр и получить специальность там. Во что бы то ни стало, он сделает людей лучше. Он переплюнет сволочей из Эдема, считающих, что человечество удовлетворится жалкими подачками. Нет, оно пробьёт свой путь, каким бы кровавым он ни был.

И вот, он стоял напротив малютки, живущей за пределами Города, которую кромсали словно кусок мяса ради испытаний новейших протезов. Он смотрел на кровь, на расползающуюся плоть, слышал хруст костей — и не чувствовал ничего. Страшнее всего, что Билл не мог понять: то ли часть его души оставил себе Медцентр, то ли он всегда был таким бесчувственным.

Уотерс мотнул головой, вырываясь из оцепенения. Бант на шее всколыхнулся и пахнул влажной землёй. Всё было готово. Несколько пощёчин — и Говард пробудилась.

— Что… за что? — залопотала девушка, а затем умоляюще уставилась на брата. Джим сохранял непроницаемое выражение лица.

— А ты не знаешь? — произнёс Билл, обаятельно улыбаясь. Наклонившись перед девушкой, он всмотрелся в её синие лживые очи. — У тебя вдруг проснулась совесть? Мои люди доложили, что начали пропадать пленные. Сначала никто этого не замечал, но ты потеряла всякий рассудок, пытаясь спасти этих людей.

Уотерс демонстративно захлопал в ладони.

— Браво, браво. И чего ты добилась? В джунглях без помощи, еды и воды они долго не протянут.

— Вы бы их… убили, — прорычала Говард, вырываясь вперёд, но наручники крепко её держали. Джим без злобы ударил сестру тыльной стороной ладони, и пол хижины украсили капли крови.

— Убили? Нет-нет, ты чего-то не понимаешь. Эти люди проходят через огромные страдания, несомненно! И может быть наша технология несовершенна, но, скажи-ка мне, Джим, сколько

пациентов погибает?

— Четыре процента, — буркнул сааксец.

— Четыре процента, — пропел Билл. — Из ста человек, дорогая, погибают четверо. Около двадцати остаются прикованными к кровати — но это временный недостаток! Всего лишь нужно найти правильное вещество, ликвидирующее проблему отторжения тканей, и они присоединятся к остальным семидесяти шести счастливчикам, успешно пережившим операции. Говард, понимаю, что ты видишь только одну часть нашей работы. Понимаю, что нам стоило бы продемонстрировать результаты наших экспериментов. Но если бы мы показали пленным наших новых сааксцев, которые получили улучшенные органы и части тела… Ты думаешь, это бы помогло? Нет! Суеверия сыграли бы свою роль. «Колдовство!» — закричали бы вы. И не могу вас винить, ведь мы сами не так давно верили в ведьм и магию. Но мы это переросли. Вам же настолько глубоко втемяшили, что аугментика — это плохо, что вы скорее умрёте, чем позволите с собой что-то сделать. Может это прозвучит отвратительно, Говард, но вы настоящие варвары — и мне придётся насильно вас улучшать. Хотите вы того или нет. И пока остальные будут наслаждаться печенью, нейтрализующей любые яды, вы будете страдать.

— Что ты собираешься сделать? — выдавила девушка, умоляющим взглядом смотря на Джима.

— Твой брат, моя дорогая, изуродует тебя. Настолько, насколько это только возможно.

— Нет. Нет! — Говард завизжала и начала качаться на стуле, но Билл успокаивающе похлопал её по плечу.

— Не бойся, обезболивающего у нас хватает. Ты должна усвоить урок. Не надо. Меня. Предавать. Походишь уродиной пару недель, а затем я соберу тебя снова — намного лучше, чем ты была прежде.

Но Говард не слушала. Она билась в истерике, пыталась вырваться, вопила, как загнанное животное. Билл не хотел этого признавать, всячески отказывался — но факты извивались прямо перед ним. Сааксцы казались ему едва ли лучше животных, в то время как первенцы явно их во всём превосходили. И разве стал бы его кто судить за страдания существа, не дотягивающего по уровню развития даже до кошки?

Наклонившись, он достал из кармана старое изображение. На ней брат с сестрой в униформах Союза и с распятиями Синдиката на петлицах махали фотографу — ему, Биллу. Раскрыв нагрудной карман визжащей девушки, он сунул фотографию внутрь — память о том, какой она была раньше.

— Джим, — не терпящим возражения тоном произнёс Уотерс, — начнёшь с груди. Отрежешь её, затем пройдись по мышцам в руках, сломай позвоночник. Поэкспериментируй со ртом, можно придумать с ним оригинальную композицию. Что-то а-ля Жан Ревель с его картиной «Монстр в полуночи»… ах да, ты же не видел. Глаза оставь для финала — пусть видит, что с ней происходит, и осознает глубину своего проступка. Затем, как закончишь, поставь ей протезы серии АХ-2. Глаза возьмёшь из старой линейки. И умоляю тебя, именами всех святых, не забудь про обезболивающее! Мы же не мясники какие-нибудь.

Джим мрачно кивнул и, игнорируя верещания сестры, потянулся за скальпелем.

Билл захлопнул за собой дверь. У входа в хижину уже собралась группа солдат.

— Сэр, мы слышали крики, — доложил один из бойцов.

— А, небольшое наказание — в воспитательных целях, — Уотерс улыбнулся и развёл руками. — Да, вот что я хочу сказать — оставьте кого-нибудь из своих здесь. Вызовите медика, пусть дежурит тут же. Как только мой помощник Джимми закончит, пусть медик позаботится о состоянии жертвы. Мне она нужна живой. А вот Джимми выведите за периметр и расстреляйте.

— Но за что? — удивился солдат.

— Они оба помогали пленным сбежать, — объяснил Билл. — Но я решил проверить их и спросил брата, кто виноват — и он свалил всё на сестру. Джимми даже больший предатель, чем она.

Солдаты кивнули, а Билл отправился неторопливым шагом к палатке Говард, чтобы проверить её вещи.

Палатка не блистала богатством, но она была обустроена намного лучше, чем казармы простых солдат. На столике лежали в диком беспорядке бумаги. Лампочка над головой светила из последних сил. Билл подошёл к генератору, схватил за ручку и несколько раз дёрнул, раскрутив ротор. Генератор зажужжал, света в палатке стало чуточку больше.

Билл не знал, что искать, потому начал с бумаг. И ему повезло.

Под коричневой папкой с личными делами пленных обнаружился раскрытый блокнот. На первой же странице были выведены цифры. «Шестьсот шестьдесят три», — прочёл Билл, раскрыл папку и начал искать соответствующий файл. Как он и ожидал, тот принадлежал сбежавшему пленному.

Две недели назад исследовательская лаборатория перебазировалась в лагерь у Железной Башни. В суматохе переезда мало кто думал про пленных, потому Говард и удалось вывести столько людей. Когда же начался пересчёт, Билл

обнаружил недостачу.

На личном деле было выведено кривым почерком имя: «Сафир». Четырнадцать лет, родом из Караса. Но больше внимание Билла ухватила строка с группой крови. «Неизвестна. Очень странно», — подумал Уотерс и закрыл личное дело. Но что-то ему не давало покоя. Он продолжил искать.

Среди вещей он обнаруживал записки, которыми обменивались брат с сестрой. Их язык оставался для Уотерса (впрочем, как и для всей военной разведки) тайной, так что зацикливаться на почеркушках он не стал.

Он перекопал всё, но не нашёл ничего интересного. Присвистнув, Билл рухнул на кровать.

— Да, девочка, вот и всё, что осталось после тебя, — произнёс он. Взгляд Уотерса пал на утилизатор. Может проверить, что она печатала в последнее время?

Но копание в истории тоже не выявило чего-то подозрительного. Разочаровавшись, Билл заглянул в камеру утилизации. И увидел лужицу крови.

Пару секунд он не мог понять, что не так. Пока не пришло осознание. Вытащив из кармана трясущимися руками небольшую склянку, он, как мог, собрал всю кровь внутрь. Затем закрыл камеру и нажал кнопку утилизации. Как только процесс закончился, он снова поднял крышку.

Остатки крови так и не утилизировались.

«Не может быть».

Не теряя ни минуты, Билл понёсся к лаборатории, где его уже ждали аспиранты. Один из стажёров поднял планшет и произнёс:

— Сэр, как вы и приказывали, мы увезли улучшенных сааксцев в город, чтобы показать королю. Но, кажется, их организмы тоже начали отторгать протезы. Те, что уже в Городе, страдают от…

— Не сейчас! — рявкнул Билл, на ходу натягивая белый халат. Он пронёсся по коридору словно шторм и лишь успокоился, добежав до своего кабинета. Встав у микроскопа, он капнул кровью из склянки на стекло и принялся смотреть.

Результат превзошёл все его ожидания. А затем страх прошил нутро учёного.

«Не может быть. Это… колдовство? Нет, бред!»

Говард пыталась уничтожить склянки с кровью, но утилизатор съел только стекло. От остальных она предпочла избавиться старым дедовским способом — просто выбросив к чертям. Пятно от первой партии склянок так и осталось в камере утилизации. Свежее, несмотря на разницу в две недели.

Выводы из этого случая просились не просто

неутешительные. Они казались ужасающими. Схватив образцы, Билл засунул их в кейс и скорым шагом двинулся к выходу.

«Надо найти Воительницу. Чем скорее, тем лучше».

С площадки как раз взлетал вертолёт, доставивший очередную порцию десантников. Билл махал ему рукой и кричал, но не мог перекрыть рёв моторов, как бы ни пытался. На благо, пилот его заметил.

Вскочив в кабину и захлопнув за собой дверь, Уотерс натянул наушники с микрофоном и прокричал пилоту:

— Мне на главную базу к Воительнице, срочно!

— У меня приказ — перебросить группу десантников с базы Зета. Слетаем туда, а затем по твоим делам!

Билл включил коммуникатор и продемонстрировал пилоту документы:

— Я майор Билл Уотерс, командир группы 838, глава исследовательской экспедиции, и я приказываю тебе везти меня к Аноре! Дело государственной важности!

Пилот прикусил губу и кивнул после некоторых раздумий. Вертолёт ухнул и взлетел. Желудок Билла тут же провалился куда-то в пятки. Он не любил летать — все старые, первобытные инстинкты тут же начинали бунтовать и метаться в страхе. Увы, другого выхода просто не было. Закрыв глаза, Уотерс попытался уснуть — шум ему никогда не мешал.

Зато мешали дурные мысли. В его воображении рисовались картины, одна страшнее другой. И их нельзя было просто отбросить. То, что он увидел, лишило Билла душевного спокойствия. Если он раньше мог думать только о модификациях, теперь об этом можно было забыть.

Полчаса протянулись целой вечностью. Когда Билл вышел из вертолёта на главной базе, он почувствовал себя постаревшим лет на десять. Основной перевалочный пункт кишел солдатами и техникой. Казалось, первенцы развернули свой маленький Город посреди зелёной равнины. Анора выбрала это место как раз потому, что местность вокруг просматривалась на десятки километров — враг просто не мог подобраться незаметно.

Минуя военных корреспондентов, бойцов в увольнении, лётчиков и десантников, таскающих оборудование, техников и медиков, Билл вилял меж палаток и бетонных построек в поисках штаба. Им оказалось деревянное здание рядом с большим бетонным стрельбищем. Странный выбор, но Анору сложно было переспорить. Может, она считала, что такая хибара привлечёт меньше внимания при нападении, и у высших офицеров будет больше шансов выжить. А может ей просто нравилось жить в доме из древесины — отличная смена обстановки после бетонных

джунглей Первого Города.

Охранники его пропустили без вопросов: Анора ночью почти не спала, а встреч с офицерами пока не предполагалось. Внутри Билл застал и Штрауда, задумчиво нависшего над картой. Поглаживая шикарные усы и бакенбарды, помощник Аноры произнёс:

— А что насчёт востока?

Воительница, развалившись в кресле, смотрела в потолок и курила. До неё кампанией командовал один из талантливейших маршалов Синдиката по имени Журден, но его умеренная стратегия не смогла противостоять пылу сааксцев. Тогда за дело взялась Анора, с беспощадностью женщины показавшая противнику, что первенцев стоит бояться.

Билл презирал Воительницу изо всех сил. До какой степени самолюбования нужно докатиться, чтобы с улыбкой приказывать уничтожать целые города? Но именно деструктивная натура Воительницы сейчас могла сыграть ему на руку.

— Восток, говоришь? — произнесла Анора. — Это те деревни, что поддерживают Союз и плавят для него патроны? Отправь туда две роты. Пусть разоружат местное население, а потом принесут мне головы вождей. Если их воины будут сопротивляться, убейте всех женщин, а детей заберите с собой.

Билл представил, как седовласые мастера под покровом ночи не покладая рук плавят любые попавшиеся металлы и делают из него патроны. Представил пот, стекающий по смуглым лбам, ожоги, остающиеся на пальцах. Представил, как маленькие внучки носят дедушкам обеды, чтобы они не отрывались от работы. И понял, что первенцы не выживут. Как они могут победить такого противника? Как они могут совладать с людьми, что, не имея абсолютно ничего, подчиняют природу своей воле? Сааксцы сотни лет умирали на этой земле. Отдавали плату за её доброту. И тут нагрянули чужаки, умеющие только кидать всё подряд в свои перерабатывающие машины и ждать нужного результата. Не понимающие даже, как эти машины действуют.

Когда-нибудь Эдема не станет. Но до этого долг Билла, как гражданина Первого Города — сделать всё возможное для спасения дома.

Подняв взгляд, Анора натолкнулась на Уотерса, дрожащего в дверях.

— Улыбашка Билл? — лениво и с лёгкой неприязнью протянула она, вставая с кресла. — Непривычно вас здесь видеть. Вы, вроде бы, сказали, чтобы я не вмешивалась в ваши дела. Я не вмешиваюсь. Делайте там, что хотите. Зачем вы пришли? Что вам опять мешает?

— Не в этом дело, принцесса, — пробормотал Билл. Впервые в жизни он чувствовал такую глубокую растерянность. Он даже не знал, с чего начать.

Бросив поверх карты кейс, он раскрыл его и показал склянки Воительнице.

— И? — протянула она.

— Принцесса, — выдавил Билл, — здесь свидетельства. Свидетельства вопроса, который мы должны окончательно решить.

— И в чём состоит решение? — взяла быка за рога принцесса.

— В стирании сааксцев с лица земли.

30 декабря, 540 год после Освобождения

— Опять этот сопляк под окнами ходит, — проворчал Тайсон. Чернокожий старик любил упоминать, что его назвали так в честь одного рыцаря древности, что очень любил собирать вражеские уши. Джаред, покопавшись в легендах, упоминаний о таком рыцаре не нашёл. Зато чуть ли не каждый встречный знал о старом сериале про Тайсона — чёрного бомжа, что сделался бардом, а затем превратился в уличного бойца, защищающего униженных и обездоленных крепкими кулаками и резкими словами. Похоже, родители техника не мудрствуя лукаво назвали сына в честь экранного героя. — Каждый день в одно и то же время…

— Я тоже его заметил, — отозвался Джаред, сосредоточенно следя за показаниями приборов. Сегодня что-то всё барахлило — то напряжение подскочит, то какой-нибудь канал отрубится полностью. Впервые за годы в Информатории техник подумал, что стоило бы серьёзнее отнестись к работе. Но его бывалые коллеги уверяли: Сеть, Канал и Информаторий действуют и будут действовать сами по себе. Техники нужны просто как подстраховка, на случай, если королю понадобится перенаправить мощности или вытащить определённые файлы. Бывало, Эдем требовал расширения Канала. Раю хотелось больше энергии. То, что это обходилось смертями Операторов, мало кого интересовало — кроме, пожалуй, Джареда. Каждый запрос о повышении поставляемой энергии техник встречал заявлением о бессрочном отпуске. Впрочем, его коллеги совестью не мучались. Они ведь считали, что не убивали Операторов, а «отправляли на покой», как любило выражаться руководство.

Ещё ни один Оператор не стал нормальным после отключения. Бедолаги уже не могли даже нормально

существовать без систем жизнеобеспечения. Расширение означало для них смертный приговор.

Отключенные от Сети, их измученные разумы возвращались в реальность. Несчастные кричали, и в их крике ужас смешивался с тоской. При жизни Операторы еле вписывались в общество. После подключения к Информаторию их последняя ниточка с человечеством обрывалась навсегда.

Джаред предпочёл бы стрелять несчастным строителям Сети в затылки и обрывать всё мгновенно, чем смотреть, как жизнь затухает в бледных, измученных телах. «Их жертва не будет забыта», повторяло кредо Информатория. Но Джаред собственноручно чистил личные данные погибших, как того требовала процедура. Он знал, что эти смерти ни хрена не значат для хозяев рая. После того, как тела отправятся на утилизацию, о них некому будет вспомнить.

— Как ты думаешь, кто он? — поинтересовался Тайсон. Джаред устало поднялся из-за стола и подошёл к окну. Вытащив из кармана тряпочку, он вытер покрывшиеся пылью и отпечатками жира линзы очков. Техник уже мог рассмотреть в них отражение обтянутого бледной кожей черепа, неровно растущей щетины, да глубоко запавших глаз, наблюдавших за миром будто из окопа. С детства он был болезненным малым. Даже Мира говорила, что он походит на оживший скелет с шикарной шевелюрой. С другой стороны, за худобу она его и любила.

Надев очки, Джаред увидел, как за окном по тротуару, чеканя шаг, шёл человечек. Одет он был в ярко-зелёную ветровку с кислотно-жёлтой вязью вдоль спины. Увы, лица его было не разглядеть — всё скрывал высокий остроконечный капюшон с двумя прорезями для глаз. Его идиотский наряд напоминал одежды древних монахов, изображения которых украшали учебники истории.

— Не знаю, — признался Джаред. — Может, у него в соседнем жилом блоке девушка…

— Или же дилер, — подмигнул Тайсон, обнажая ряд ровных белых зубов: зарплата техника позволяла оплатить лучшие имплантаты. Джаред пожал плечами.

— А может, он там учится. Или работает. Может, он навещает мать, что приболела и теперь заняла койку в филиале Медцентра.

— Каждый день? В одно и то же время? — саркастично буркнул Тайсон. — Нет, там что-то большее…

Джаред охнул и вернулся к столу. Он не хотел показывать, что тоже гадает над занятиями незнакомца. Не дай Бог упомянуть, как, оставшись в ночную смену, Джаред видел

паренька под окнами Информатория. Даже засёк время: три пятнадцать. И так несколько ночей.

С такой работой мозги готовы решать любые задачи, кроме действительно важных.

— Меня смущают сегодняшние показания, — произнёс Джаред, выводя на экран окошко с данными минус двадцатого этажа. — Смотри, как напряжение скачет.

— Сколько ты здесь проработал? — спросил Тайсон, встав у Джареда за плечом.

— Пять лет.

— А я двадцать пять. И скажу тебе — это нормально. Там вечно что-то такое творится. Мне кажется, — Тайсон перешёл на заговорщический тон, — там поселяют особых Операторов.

— И в чём же их особенность?

— Минус двадцатый этаж — это ведь постепенный переход к Нижним Уровням, так? Ты не смотрел показания с минус двадцать первого? — Джаред помотал головой. — И не заплывал туда?

Джаред уже забыл последний раз, когда был там. Их с Тайсоном кабинет, переполненный плоскими экранами с показаниями приборов, находился на четвёртом этаже. Техники вплывали в Канал и отправлялись вниз раз в три дня, используя баллоны со сжатым газом. Оборудование требовало рутинного осмотра и обслуживания. Уходом за Операторами и уборкой их отходов занималась команда утилизации. С ними действовал бессмертный принцип «чем больше работаешь, тем меньше платят» — потому получали они раза в три меньше, чем техники. Джареду такое положение дел не очень нравилось. Он не мог сказать, что его работа требует особых знаний или умений — напротив, они с Тайсоном большую часть времени бездельничали. Рутинные осмотры и проверка файлов много времени не занимала, оттого-то они и мучались скукой, придумывая жизненные истории для прохожих. Но требовать от начальства увеличения зарплаты утилизаторщикам было глуповато.

— Даже если они ближе — что с того?

— А давай-ка поспорим — всё, что ниже двадцатого, будет иметь показания ещё хуже, — Тайсон подмигнул Джареду. Он в ответ молча вывел на экран графики с данными, и улыбка тут же сползла с лица чернокожего техника.

— Всё в пределах нормы, — прокомментировал Джаред очевидное, — но на минус двадцатом что-то происходит. Знаешь, мне кажется, стоит туда спуститься.

Он встал из-за стола и двинулся к дверям, схватив с вешалки

баллоны.

— Я иду с тобой, — крикнул Тайсон.

Они встали у перил и посмотрели вниз. Каждый раз перед погружением стоило собрать желудок в комок — переход от гравитации к невесомости мог сыграть злую шутку с неподготовленным организмом. Джаред закрепил баллоны у щиколоток, Тайсон сделал то же самое. Они аккуратно перелезли через ограду и с размаху бросились вниз.

Казалось, воздух сдерживал их, уж так медленно они летели. Джаред даже разочарованно вздохнул. Ему вдруг захотелось почувствовать, как ветер дует со всей силы в лицо, треплет одежду, но не может остановить стремительного падения вниз. Хотелось опасности, чего-то необычного. Хоть чего-нибудь отличного от размеренного темпа его жизни.

Жаль, конечно, что с армией у него не сложилось. Впрочем, после ранения, может оно и к лучшему?

Вскоре им с Тайсоном пришлось продвигаться через тела Операторов. Подключенные к шлемам виртуальной реальности, нагие и покрытые маленькими бусинками пота, что взлетали вверх по течению Канала, бедняги шили реальность Сети своим воображением. Без них ничего бы не было. Город не смог бы дышать.

Джаред знал, что Сеть существовала ещё до того, как Синдикат научился к ней подключаться. Издревле в здание, ставшее Информаторием, приводили жертв. Что с ними делали, одному Богу известно. Но с течением времени, с развитием технологий — а точнее, с разрешения Эдема использовать древнюю технику, — люди научились использовать Сеть и себе на благо. С точки зрения Джареда, она больше походила не на паутину, а на кровеносную систему, прогоняющую так важную для существования Города и Эдема информацию.

Если легенды не лгали, где-то там сидел Освободитель, любуясь ежедневными проблемами своего творения.

Расталкивая Операторов, они с Тайсоном продвигались всё глубже и глубже в недра Информатория. Джаред чувствовал вонь Операторов, холод, исходящий от их полуживых тел. Некоторые издавали тихие стоны. Технику всегда казалось, будто они плачут в своём бесконечном сне. Горюют по утраченной жизни.

— Ты когда-нибудь погружался так глубоко? — спросил Джаред Тайсона.

— Я никогда не продвигался ниже двадцать пятого, — с опаской заметил чернокожий техник. — Ещё тогда, в моё время, ходили всякие слухи. Что те, кто пытался достичь дна, уже назад не возвращались. Что-то удерживало их там…

— Байки, — сказал Джаред. — Нет там ничего.

— А ты попробуй и проверь, мальчишка, — огрызнулся Тайсон и больше ни о чём не говорил. До минус двадцатого этажа они добрались в гробовом молчании.

— Вон оно что! — Тайсон ткнул мозолистым указательным пальцем в банк данных, стоящий в углу. — Критическая ошибка. Надо бы обновить базы…

Он аккуратно подплыл к перилам и перешагнул их, Джаред двинулся следом. Ощущение твёрдого пола под ногами отрезвляло, изгоняло из головы мечты о бесконечном падении. Возвращение гравитации напоминало перерождение. Как говорится, «рождённый падать летать не может».

— Всего-то нужно кое-что перепроверить, — пробормотал Тайсон, забивая команды в терминал и активируя Оператора, отвечавшего за хранение данных. Бледный мужчина сидел в кресле в соседнем помещении. Только на нём одном висело три сервера. Джаред удивлялся, как Оператор выдерживал такое напряжение. Многие другие едва тянули по одному банку информации, вынуждая техников собирать мини-команды из хранителей. Говорят, его обнаружили у порога храма за день до того, как здание превратили в Информаторий. Мужчина должен был стать жертвой кровавого ритуала фанатиков, но Синдикат его спас: если можно считать участь Оператора спасением.

Тайсон надел шлем и замурлыкал мотивчик «Бойцы не плачут».

— Не пой, — попросил его Джаред.

— А, забыл, как ты относишься к военщине, — усмехнулся Тайсон. — Правда, что ты всех солдат ненавидишь?

— Только тех, что стреляют по мирняку, — огрызнулся Джаред. Тайсон лишь ощерился. Пальцы старика с удивительной скоростью бегали по клавиатуре, словно машина была его любовницей, каждый миллиметр которой он изучил.

— Здесь аномалия. Отсутствует один файл, — наконец произнёс он.

И тут его тело задёргалось. Мускулы лица Тайсона пришли в одновременное движение. Казалось, он плакал и смеялся одновременно. Изо рта полилась красная пена, из глотки вырвался протяжный стон. Кожа исторгла пот и задымилась. Воздух пронзил запах озона.

Не осознавая даже, что делает, Джаред сорвал шлем с головы Тайсона и отбросил старого техника в сторону. Мужчина с уханьем рухнул на пол, продолжая извиваться, будто его били током. Шлем с треском ударился о пол, провода оторвались и легли рядом, вырисовывая замысловатые символы. Джаред

наклонился над Тайсоном, пытаясь прощупать пульс. Его всего трясло, пот ледяными струями лился по лицу. «Только не умирай, старик».

На счастье, Тайсон продолжал дышать. «Брешь в защите. Вирус, обосновавшийся в базе данных. Нужно найти его, пока ещё кто-нибудь не пострадал».

Но маленькая эгоистичная мыслишка билась в самом углу разума. «Если и ты попадёшься, некому будет прийти на помощь». Джаред с негодованием её придушил. Как он может думать о себе, когда людям грозит опасность? Он натянул на голову другой шлем от терминала.

Переход оказался таким же болезненным, как и обычно — от баз данных трещало в голове. Стандартные побочные эффекты, нечего пока бояться. Пространство, переполненное файлами, окружило его бесконечностью алых точек, что так и норовили атаковать. Стоило моргнуть, как всё встало на место. Джаред присмотрелся — файлы находились в обычном порядке, защита тоже казалась не тронутой. Но что-то отвлекало его, будто маленькая соринка в глазу. Он несколько раз моргнул, увеличивая изображение. И нашёл то, что искал.

Пустоту. На месте, где должен был присутствовать файл, ничего не было. Но казалось, будто пространство заполняло нечто, невидимое даже в виде голого сетевого кода. Он сделал ещё один незримый шаг, оказавшись совсем близко.

И потоки данных ударили ему прямо в разум.

Джаред закричал от ужаса. Слова, лингвистический и сетевой код превратились в чёрные щупальца, норовившие залезть в уши и глаза. В какой-то момент Джаред уже не мог больше кричать: боль была настолько невыносима, что сознание стухло в миг.

И тогда пришёл свет.

Белая комната с развешанными на стенах, словно картины, воспоминаниями. Короткая служба в армии, конфликты с офицерами. Пуля, что предназначалась не ему.

— Любишь жертвовать собой? Как интересно… — тяжёлые слова в голове принадлежали будто бы целой сотне мужчин, что говорили в унисон. — Солдат, готовый первым встретить опасность. Как ты вообще оказался в техниках?

— Кто ты? — прошептал Джаред не губами, а разумом. Голоса рассмеялись.

— Меня зовут Корвус. Я есть начало, и я есть конец.

— Покажись, — проревел Джаред, пытаясь рассмотреть говорящего. Но в белой комнате кроме него никого не было.

— О, так ты влюблён, — снова произнесли голоса. — Как прелестно…

— Что тебе от меня нужно?

— Я долгие годы сидел здесь, выжидая нужного кандидата. Конечно, по сравнению с тем, сколько пришлось ждать до этого, какие-то пятнадцать лет — просто песчинка на пляже, — в голосах прорезались озабоченные нотки. Джареда трясло от страха, но он ярился, накачивал себя храбростью. Что бы это ни было, он встретит опасность с достоинством.

Эта тварь чуть не убила Тайсона. Джаред обязан её остановить.

— И я видел разных людей, — продолжил неизвестный, говорящий сотнями ртов. — Многие не выдерживали. Даже узнав о великой миссии, они бежали. Не могу их винить, ведь моя ноша огромна. Но и в живых их оставить я тоже не мог.

— Ты убивал людей за то, что они говорили с тобой?! Да что с тобой не так?

— Но Дикси Портер изменил всё, — продолжали голоса как ни в чём не бывало. — Он не мог помочь мне так, как я хотел… но всё же, я сумел заставить его вытащить файл и создать пустоту. Ту, что привлечёт внимание нужных людей — внимательных и умных. Дикси дал мне хорошую возможность расширить выборку, не рискуя быть обнаруженным. Информаторий бросился искать похищенный файл. Они не поняли одной вещи: важно не то, что ушло, а то, что осталось.

Джаред почувствовал, как вокруг него возникают прутья незримой клетки. Он попался в чужую ловушку и до последнего этого не осознавал. «Даже если я умру, больше никто сюда не попадётся».

— Да, мне нравится твой настрой! Ты мыслишь как солдат, Джаред, хоть из армии тебя и выгнали. Ты готов пролить свою кровь ради высшего блага. Признаться, ты мне чем-то напоминаешь моего друга…

— Кого? — прошептал Джаред.

— Освободителя.

30 декабря, 540 год после Освобождения

Впервые в жизни Мира чувствовала себя счастливой. Любимый мужчина лежал рядом, а в ней зарождалась нечто новое, ещё неизведанное. Способное изменить всё.

Марий говорил ей, что тридцать пять лет — предел для любого контрразведчика. «Сестра, хочешь ты того признавать или нет, но ты уже старуха», — вещал братец, делая очередную инъекцию чужой памяти. Перекачка сознаний обходилась

слишком дорого, чтобы сделать её постоянной практикой. Бледная кожа превратила пробор брата в белоснежный шрам.

Мира не хотела его слушать и тянула до последнего. Верила, что ещё может принести пользу этому Городу. Но служба не принесла ей ничего, кроме разочарования.

И тогда появился Джаред. Когда-то им случилось учиться в одном классе. Мира и не могла подумать, что маленький, субтильный мальчишка с плохим зрением покажет ей, сколько счастья может быть в жизни. Они дружили всю школу, а затем потеряли связь. Мира ушла отдавать долг Синдикату и отцу, поступив в контрразведку, а он стал техником Информатория после короткой службы в армии. Но столкнувшись на улице полтора года назад, они стали нечто большим, чем просто друзьями.

Их маленькие встречи в мотелях на окраинах стали тем самым светом, которого так не хватало Мире. Спокойствие и флегматичное отношение Джареда вносили в её дни гармонию. Наверное, если бы не он, она давно предпочла бы погибнуть на каком-нибудь дурацком задании.

Теперь, благодаря ему, у неё появился шанс соскочить.

— Джаред, — прошептала Мира. — У нас будет ребёнок.

Любимый повернулся к ней. В его глазах появились слёзы.

— Правда? — спросил он. Мира кивнула. Джаред вздохнул — нервно, но с облегчением.

— Это… ты не представляешь, как это прекрасно.

Они договорились не использовать контрацепцию. Техник давно желал завести семью, а Мира всё искала повода осесть и отказаться от работы на контрразведку. Она своё уже набегала.

Джаред обнял её, и Мира погладила его волосы. Такие мягкие и приятные. Он дал ей шанс на мирную старость, и за это Мира готова была отказаться от любых привилегий. Всё равно они ей ничем не помогли.

— Когда пойдёшь увольняться? — деловито поинтересовался Джаред, поднимаясь с кровати. Крохотная комнатка мотеля показалась Мире колыбелью её новой жизни. Любимому она врала, что занимается уборкой отходов и распределением ресурсов по утилизации. Возможно, однажды она расскажет правду. Но не сегодня.

— Через месяц. Нужно ещё закончить кое-какие дела.

А точнее, расследовать подозрительную деятельность Торесов. Зигфрид, директор Приюта, всё чаще начинал копаться в прошлом, наводить справки о Карле, да и вообще стал слишком частым клиентом Информатория. Конечно, ничего преступного в этом не было, но Мира не сомневалась — совсем скоро Торес

перейдёт черту, и тогда король даст приказ на арест.

— Ты знаешь, я кое-что хотел тебя спросить, — произнёс Джаред. — Как хороша ты знакома с историей?

— Мы в одной школе учились, — усмехнулась Мира, чувствуя волну нежности к любимому болваше. — Разве ты не помнишь, как обстояли мои дела с предметами?

— Мне привиделся один символ, — запинаясь, произнёс Джаред. — Но я не могу вспомнить, где я его видел.

— Какой же?

— Вот, — Джаред активировал коммуникатор и включил программу рисования. Его палец вывел на экране крест. Верхний, правый и левый лучи сужались к центру, в то время как нижний напоминал острый кинжал. От центра вниз по диагонали в разные стороны росло ещё два клинка.

— Дурашка, это ведь обычный боевой крест. Ты сам его должен был видеть у солдат.

Но Джаред ещё не закончил: поверх креста он пририсовал скелет с терновым венком на голове. Ног и таза у него не было. Руки мертвеца ползли вдоль нижних косых лучей, навеки привязанные к ним, неспособные освободиться. У Миры в жилах кровь похолодела, стоило ей увидеть это распятие. Она глубоко вдохнула. Может быть это случайность. Конечно! Всякие совпадения бывают! Задумался Джаред о смысле боевых крестов, разве же это странно?

Но она понимала, что просто цепляется за спасительные ниточки. И тогда Джаред нарисовал у основания одну маленькую деталь, которую она не смогла проморгать — корону.

— Где ты это видел? — резко спросила она.

— Это так важно?

— Да!

Джаред отпрянул, взгляд мужчины приобрёл свинцовый оттенок.

— Мне попался один подозрительный файл, и я его вскрыл. Не знаю, что произошло… но это видение теперь преследует меня.

Мира взглянула в глаза любимого, пытаясь найти в них следы лжи. Но Джаред, похоже, не врал. Ну не мог же он специально к ней примазаться, чтобы выведать тайну? Да и как бы он что-то узнал? Мира всегда строго хранила секреты. А этот мог стоить не только её жизни — всего Старого Города.

— Ты видел ещё что-то странное? — осторожно поинтересовалась она.

— Странный человек с крыльями за спиной, — не медля ответил Джаред. Казалось, он спешил поделиться сведениями,

пока их у него не вырвали силой. Это так сильно беспокоило его, что он просто не мог молчать. — В доспехах. А вместо лица маска в виде клюва. Он походил на птицу. И сказал…

— Ты говорил с галлюцинацией?

— Это не было галлюцинацией, Мира! — горячо возразил Джаред. — Скорее… что-то вроде воспоминания. Он сказал, что его зовут Корвус.

Мира почувствовала комок холодного ужаса в груди. Всё, что ей было дорого, все её надежды, мечты — всё это рухнуло вмиг. Она вспомнила то, что пыталась так давно забыть.

«Сегодня ведь юбилей, — пронеслось в её голове. — Ровно двадцать лет с момента, как он взошёл. И десять — с последнего разговора».

— Джаред, — тихо произнесла она, пытаясь подавить ужас. — Я хотела долго тебе сказать, но никак не решалась. Меня зовут Мира Лоренс. Я дочь короля. И ты арестован.

* * *

Всю свою сознательную жизнь он мечтал попасть во Дворец. Но никогда не мог подумать, что окажется здесь под таким поводом. Мира вела его за собой, держа за наручники. Охранники тщательно обыскали их обоих, прежде чем пропустить во внутренние покои.

«Другого выхода нет», — объясняла Мира, защёлкивая наручники в номере мотеля. Им нужно было оправдать визит к королю. Пришлось представить всё так, будто Мира вела Джареда на личную аудиенцию как важного пленника.

После произошедшего в Информатории Тайсона отвезли в Медцентр. Он продолжал благодарить Джареда за спасение жизни. Но техника слова старика не волновали.

Чужой голос влез ему в голову. И шептал одно слово: «Посмотри. Посмотри. Посмотри».

Он показывал ему боевой крест. Но символ казался осквернённой пародией на священный знак. Окровавленное тело, походившее на живой труп, издавало беззвучный крик исступления. Такая боль не могла ему даже присниться.

И когда Джаред протянул руку, чтобы освободить человека, Корвус произнёс: «Расскажи ей». И вот чем всё кончилось.

Кто бы мог подумать — столько лет он знал Миру, но даже и не подозревал, что она незаконная дочь короля, а уж тем более контрразведчица. Джаред приходил в дрожь от мысли, сколько секретов скрывала от него любимая. Их маленькое, милое счастье

готово было треснуть и лопнуть под гнётом жестокого мира.

«Всегда ненавидел добрячков, — прошептал Корвус в его голове. Где-то на краю сознанию мелькнул его образ: крылатый мужчина в доспехе, скрывающий лицо за клювастой маской. Гротескный, ненастоящий. Такой знакомый. — Те, что жертвуют собой, никогда не думают о других».

«Неправда!», — возразил Джаред. Корвус усмехнулся как человек, добивающий раненого из чувства милосердия.

«Вы всегда бросаетесь в самое пекло. Жаждете, чтобы вас запомнили как героев. Всю жизнь ты был никем! И ждал, когда же настанет твой момент, чтобы умереть с честью, защищая других. Тебе всегда было плевать на окружающих. Ты просто хотел, чтобы тебя запомнили хорошим парнем, пожертвовавшим собой ради других. Но даже твоя жизнь на что-то годится».

«Я защитил ту девчонку! — чуть ли не прокричал вслух Джаред, чувствуя, как горечь поднимается из глубин сердца. — Если бы мне было плевать…»

«Да, восемнадцать лет назад сержант Томпсон приказал расстрелять бунтовщицу, — флегматично заметил Корвус. — И что сделал наш горячий юноша Джаред? Попытался всех образумить? Напомнить сержанту Устав? Нет. Ты прикрыл её собой от пули. Стал мучеником, из-за которого бунт разгорелся только сильнее. Любое добро наказуемо, друг мой. В чём ты сегодня и убедишься».

Тронный зал поражал своей пышностью и убранством. От обилия золота у Джареда зарябило в глазах. Но некогда было любоваться видами — Мира неуклонно тянула его за собой. В помещении почти никого не было, даже королевские гвардейцы куда-то испарились. Мужчина с длинной окладистой бородой около сорока пяти лет улыбнулся Мире:

— Здравствуй! Давно тебя не видел! Я удивился, услышав, что ты решила назначить личную аудиенцию…

Поперёк чёрного мундира по диагонали тянулась красная накидка с маленькими розами Лоренсов. Джаред не мог не узнать короля. Он попытался поклониться монарху, но Мира его одёрнула. Подойдя к Карлу, любимая процедила:

— Где они?!

— Ты о чём?

— Сам прекрасно знаешь, о чём. Где Уильям?

— Он… в личной комнате. И занят. Велел никого не впускать.

— Я его дочь, — вспылила Мира. — Я имею право его видеть! С дороги, урод!

Король отпрянул от неё, как от языков пламени. А Джаред не мог поверить глазам и ушам. Мира подошла к трону и что-то

прошептала, отчего тот отъехал в сторону. Позади оказалась алая портьера.

— Ты идёшь? — с раздражением спросила любимая. Джаред поспешил следом.

Они прошли длинный тёмный коридор, прежде чем попали в огромное помещение, масштабы которого потрясали воображение. Стены из отполированного чёрного камня бугрились кабелями, повсюду жужжало оборудование, но главное, прямо посреди зала, стояло воткнутое в пол распятие, опутанное проводами. Джаред содрогнулся: именно то, что он видел.

На кресте висел не человек — обрубок. Ног у него не было, исхудавшие, бледные руки тряслись, скрюченные пальцы цепляли воздух. Тело постоянно дёргалось, лицо под терновым венком, полускрытое длинными седыми космами, корчилось от невыносимой боли. Рот застыл в безмолвном крике. От одного вида таких великих страданий Джареду чуть не стало плохо.

«Теперь ты видишь?» — завопил Корвус.

Перед распятием стояла группа людей. Мужчина с густой чёрной шевелюрой повернулся к Мире. Вытянутое, острое лицо, высокие скулы, пронзительные серые глаза — семейное сходство нельзя было не заметить. Видавшая виды кожаная куртка, потёртые джинсы и грязные кроссовки не могли скрыть врождённого благородства. Рядом с мужчиной стояло несколько человек в деловых костюмах и перчатках, а также представители Медцентра в белых халатах. Лица людей напоминали каменные скульптуры. Страдания обрубка их не смущали, напротив — казалось, что они скучают. Всполохи вокруг креста потрёскивали и периодически обливали помещение синим цветом.

Мужчина в кожаной куртке поклонился, прислонив ладонь к груди:

— Привет, сестра, — произнёс он. — Какими судьбами?

— Джаред, познакомься — мой брат, принц Уильям, — произнесла любимая.

— И не просто брат, а близнец, — усмехнулся мужчина, его лицо осветила искренняя ребяческая улыбка. Джареду шурин уже нравился.

— Только его узаконили, а меня нет, — фыркнула Мира. — Отцу хватило одной дочери.

— И одного сына, — добавил Уильям. — Ты уже забыла про Мария?

— Не будем о нём, хорошо?

Где-то на краю сознания мелькнула птицеподобная тварь. Джаред моргнул, тень испарилась. Крест продолжал трещать всё сильнее.

— Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Я и не собиралась приходить, — буркнула Мира. — Но всё испортил он. Смотри.

Она перекинула брату рисунок, сделанный Джаредом. Серые глаза с длинными ресницами дрогнули.

— Ты ничего ему не говорила?

— Обижаешь.

— Проклятье. И что он сказал?

— Корвус.

По красивому лицу принца заходили желваки.

— Как тогда… — прошептал он. — Записи не лгали, чёрт их дери.

Принц повернулся к Мире:

— Мы можем ему доверять?

— А у нас есть выбор? Вполне возможно, он знает больше нас.

— Я не имею ни малейшего понятия, что происходит, — признался Джаред. — Но эта тварь внутри подсказывает мне что-то. Или мне кажется, что подсказывает.

— Значит, ты заразился, — заключил Уильям, будто это всё объясняло.

— Чем?

— Эдемом. Ты видишь только этого Корвуса?

— Я его не вижу. Скорее, он будто наблюдает за мной, с края сознания.

— Что же, тогда знание станет твоей главной силой, — заключил Уильям кивнув сестре.

— На том распятии подвешен мой отец, — сказала Мира. — Король Карл Лоренс.

— Но кто тогда был в тронном зале?

— Просто актёр, — врезался в разговор Уильям. — Видишь ли, около восьмидесяти лет назад мой отец захватил власть и устранил предыдущего короля, Артура Пендлтона. Раньше короли менялись каждые десять лет. Но отец всё разрушил. Он думал, что захватывает власть, но оказалось, что взваливает на себя непосильную ношу. Волю распятого короля обычно исполняла контрразведка. Они пытались ему сказать, пытались объяснить… Но он казнил всех. Цикл разорвался.

— Двадцать лет назад Уильям нашёл это место, — продолжила Мира. — На кресте был распят настоящий Артур Пендлтон.

— То есть тот, которого убил ваш отец, тоже был фальшивкой?

Уильям невесело усмехнулся:

— Вот именно. Предыдущие короли были жертвами. В течение десяти лет системы Города поддерживали в них жизнь, чтобы они страдали на кресте. Когда их срок кончался, приходил новый. Но Пендлтону пришлось пострадать в шесть раз больше. Когда мы нашли его, от тела почти ничего не осталось.

Синие всполохи превращали лицо принца в бледную маску.

— Мне было пятнадцать, когда я открыл эту комнату. Я всегда интересовался древностью. Исследовал записи Библиотеки, рылся в Информатории. Никто, кроме меня, не пытался расшифровать письмена на троне. На них ушло два года. Отец никогда меня не ограничивал и давал в поддержку лучших учёных и лингвистов.

— Ещё бы, — ввернула Мира, — первому сыну дозволялось всё.

— Наконец, у нас получилось. Мы сумели отпереть трон и пройти внутрь. Я увидел тело Пендлтона. Отец прибежал сразу, как только узнал. Мы сняли ссохшееся тело. Невероятно, но Артур был ещё жив. Он поднял веки и прошептал: «Нас может спасти только Корвус».

Джаред услышал хлопки крыльев за спиной, но не посмел обернуться.

— Потом раздался невыносимо громкий голос. Я не мог понять, откуда он исходит. Он не раздавался извне. Скорее, шёл изнутри. Звучал прямо в наших головах.

На глаза принца навернулись слёзы:

— Он представился Освободителем и сказал, что если король не займёт место на кресте, Эдем уничтожит Старый Город. Кто-то постоянно должен страдать за всех. И отец согласился. Я… я помог ему раздеться. Самолично распял его. Отец пообещал, что вернётся. Рано или поздно, страдания закончатся. Но из-за его ошибки, срок в десять лет ему больше не грозил. Как и Пендлтон, он должен был провисеть шестьдесят.

— И всё это время он молчал? Кто же тогда правил Синдикатом?

— Видишь терминал в углу? — Уильям показал пальцем на кучу железа, которую Джаред поначалу принял за остов автомобиля. — С его помощью мы задавали самые важные вопросы и получали ответы. Даже с распятия он мог держать ситуацию под контролем.

— Но нам разрешили говорить с ним раз в десять лет, — заметила Мира.

— Сегодня двадцатый год, — сказал Уильям. — Сегодня мы должны снять его с распятия второй раз. И услышать новое откровение. Прямые приказы Эдема.

Картинка выстраивалась в голове Джареда блок-схемами. Вопросы возникали один за другим. Из них он выбирал те, которые беспокоили его в первую очередь.

— А что было с предыдущими королями?

— Их снимали с распятия. Они передавали слова Освободителя, а затем отправлялись на заслуженный покой. До конца жизни их обеспечивали всем необходимым. Все помалкивали, потому что знали — стоит им открыть рот, они точно мертвецы. Не ради этого пришлось десять лет страдать.

— А приказы Эдема? Как их мог исполнить следующий король, если его сразу вешали?

— Этим уже занималась контрразведка. Понимаешь, сотни лет эта система работала без перебоя. Люди в чёрном приводили в исполнение приказы нашего любимого мессии, а всё оставшееся время выкорчёвывали заговоры — до прихода следующего короля. А самый главный заговор, прямо рядом с троном, проглядели.

Джаред напрягся — треск распятия слишком сильно отвлекал его.

— А вы не пытались…

— Снять его? — насмешливо спросил Уильям. — Был один дурачок, хотел спасти отца. Шестой год шёл, вроде как. Подошёл к кресту и превратился в кучку золы, я его лично в совочек собирал. Нельзя снимать короля, пока не придёт время.

— Но ведь Пендлтон…

— …отдал свой долг шесть раз, — буркнула Мира. — Нам просто нужно было его найти, вокруг него не было никакого убийственного поля.

— Если это двадцатый год, то вы его уже успели снять один раз? Что он сказал?

Мира помолчала. Принц ответил за неё:

— Он сказал, что снова пора выйти в большой мир. Что Эдем хочет этого.

— И Синдикат снарядил экспедицию Эймса?

— И начал войну с сааксцами, — процедил Уильям. — Они напали первыми. Хотя… это как посмотреть. Понимаешь, мы даже сейчас не можем понять, что случилось. Формально, мы вторглись на их земли. Эймс отправился с парламентёрами на нейтральные земли — и там же лишился головы. Вот только сааксцы верещат, что это на них напали. Никто не знает правды — и, возможно, никогда не узнает.

Пока они говорили, подошёл «белый халат».

— Пришло время, — произнёс он. Уильям кивнул и приказал:

— Снимайте его!

Медики захлопотали вокруг креста. Сняв тело с распятия, отцепив терновый венок, они спустили бледный безногий обрубок на кушетку и немедленно подключили короля к системам жизнеобеспечения. Карл открыл слезящиеся глаза и прошептал:

— Мира, Уильям… дети мои… мои любимые детки… а где Анора?

— Мы ей не рассказали, отец, — прокашлялся Уильям. Карл моргнул, и по его похожим на пергамент щёкам поползли борозды слёз.

— Я слишком мало говорил, как люблю её, — прохрипел король, давясь слезами. — Но раз так, не говорите ей ничего. Избавьте её от тяжести знания… Мои детки, мои бедные, несчастные детки… простите меня…

— Отец, времени очень мало, — произнесла Мира. Джаред увидел, как дрожат губы любимой. И не только они — её всю трясло. Уильям выглядел не лучше. Казалось, само состояние отца внушало ему такую несравненную боль, будто именно он провисел на кресте, а не король.

— Уильям, запиши это, — кашляя, шептал король. Принц подготовил коммуникатор и включил диктофон. — Освободитель… сказал мне: «Это последний цикл. Если вы не исправитесь, я уничтожу всё и начну с начала».

— Неужели твоей жертвы ему мало?! — гаркнул принц. — Проклятый ублюдок!

— Он сказал, что время ходит кругами. Раз за разом мы повторяем те же ошибки. Если мы не найдём и не убьём Корвуса, Первый Город рухнет.

Позади Джареда раздался металлический смех — словно тысяча ложек ударила по консервным банкам. Птицеподобный человек вторгся в пространство, полностью занял его, навис чёрным ангелом над кроватью короля. Алый плащ твари трепетал саваном смерти, доспехи сияли костью.

— Ты видишь меня, старик? — прошелестела тварь. Карл протянул дрожащую, покрытую пятнами руку к существу. Существо вытянуло когтистый палец в ответ — с такой аккуратностью и нежностью, будто собиралось дотронуться до ребёнка. Уильям и Мира непонимающе пялились на Джареда. Он попытался прошептать им, что тварь здесь.

Но понял, что он и есть Корвус.

Осознание вырвало весь воздух из его лёгких. Он ничего не мог произнести, пока тварь занимала его тело — только молча наблюдать.

— Я вижу тебя, — произнёс король. — Пожалуйста, умоляю тебя… спаси нас!

Мира застучала зубами. В глазах любимой застыла мольба — она тоже пыталась заговорить, но не могла. Джаред заметил, как температура в помещении резко упала. Люди в чёрном и медики начали переглядываться, потирая руки.

— Я не могу ничего поделать, — проскрежетал Корвус, наклонившись Джаредом. — Вы можете спасти себя сами. Я не мессия и никогда им не был.

— Тогда мы обречены, — выдохнул король. Тварь покачала головой:

— Нет, если поступите правильно. Я могу помочь. Но выбор вы должны будете сделать сами.

— Эдем смотрит за нами, — прокашлялся Карл. — Но не видит тебя. Он рыщет в людских воспоминаниях, но не может тебя найти.

— И не найдёт. Возвращайся на крест, старик. Скажи сыну, чтобы слушался меня. И тогда вам не придётся терпеть очередное Освобождение.

— Уильям, что бы ни случилось — не перечь Корвусу, — прохрипел Карл. — Мне пора возвращаться. Ног я уже лишился… Освободитель говорит, что пришла пора обеих рук.

Джареда тут же отпустило. Невидимая игла, зашившая его рот, сломалась. Слова готовы были рваться потоками грязи — но он сдержался.

— Это нечестно! — вскричала Мира в слезах. — Ты не должен терпеть это, даже ради нас всех!

Карл улыбнулся тонкими, потусторонними губами:

— Я сам сделал этот выбор, дочка. Я нарушил правила. И теперь расплачиваюсь за свою гордыню. Ничего. Я выдержу всё, лишь бы вы жили дальше.

Медики подвели людей в чёрном к разным сторонам кровати и передали им мечи. Джаред не мог понять, что происходит.

— Они глухонемые, — ответил на не заданный вопрос Уильям. — Чтобы не допустить утечек.

— А медики?

— Ты считаешь их за людей? — фыркнул принц. — Автоматы Медцентра даже марионетками не назовёшь — ими хоть кто-то управляет. Они служат всем и никому. Медики ничего не запомнят, если их не попросить.

Люди в чёрном занесли мечи, пока медики хлопотали, подтаскивая баллоны с заживляющим гелем. Карл закрыл глаза и улыбнулся.

Клинки опустились, металл разрезал плоть и кости. Мира издала полный ярости и гнева вопль. С сухим шлепком отрубленные руки упали на пол: серые, похожие на фальшивки.

Король не закричал. Его губы разомкнулись и произнесли:

— Могло быть больнее…

Медики немедленно покрыли раны заживляющим гелем, кровь остановилась. Похлопотав над кушеткой, они отключили Карла от систем жизнеобеспечения и потащили обратно к распятию. Мира отвернулась и прижалась к Джареду.

— Пойдёмте отсюда, — вздохнул её брат и включил коммуникатор. — Говорит принц Уильям, вызываю генерала Сайласа.

— Слушаю, Ваше Королевское Высочество? — голос с того конца звучал так, будто говорившему пережали шею гарротой.

— Передай своим: пусть начнут копать по теме Корвуса.

— Снова? — с лёгким удивлением прохрипел голос.

— Нет, опять.

— Контрразведка поняла ваш приказ, считайте его выполненным, — заверил генерал и отключился.

Уильям казался невероятно уставшим, Мира смотрелась и того хуже. Будто из них выжали всё счастье, выстирали удовольствие от жизни, выкрутили остатки надежды.

— Теперь мы будем воевать сами с собой, — заключил принц.

Позади раздался трепет железных крыльев. Прямо у уха Джаред почувствовал дыхание смерти. Птица была тут как тут:

— Скажи мне, как далеко ты готов зайти ради свободы?

* * *

Не такого Джаред ожидал от Бога.

Точнее, он даже не знал, чего ожидать. Религиозные вопросы его всегда мало интересовали. В призыве становиться лучше он не видел ничего криминального. Невзгоды Приюта обошли его, ведь родители успели купить сыну гражданство до окончания школы. В армию он пошёл добровольно, из свербящего в заднице чувства справедливости, что ужасно выводило мать. Она считала его жажду правды инфантильной. Как же она была права.

Теперь, когда истина смотрела Джареду прямо в глаза, он не знал, что делать. Хотелось упасть на пол, закрыть уши. Ничего не видеть и не слышать. Даже не чувствовать.

Но от мыслей ничто и никогда не спасало.

С Мирой и Уильямом он шёл по тайным коридорам Дворца, предназначенным только для членов Королевской Семьи. Сюда не было хода даже гвардейцам.

«Как я до такого дошёл?» Неудавшийся солдат и техник Информатория, он вдруг стал вместилищем для чего-то

страшного. Чего-то, выходящего за пределы человеческого понимания. Джаред с негодованием отметал мысли о магии и колдовстве: в конце концов, именно суеверия так сильно ударили по Первому Городу в годы охоты на ведьм. И ведь Джаред знал, что Корвус не просто виртуальный конструкт чьей-то личности — он слышал, что такое возможно. Те обычно ограничены узким кругом вопросов. Тварь же щебетала так, будто осознавала мир вокруг. Она жила в Джареде, словно в собственном теле.

«Любая достаточно развитая технология неотличима от магии», — вспомнились старые университетские лекции для техников Информатория. Эдем дарил людям странные изобретения, принципы которых не всегда могли уловить даже лучшие учёные. Но эта тварь была настолько хороша, что её не могли найти даже хозяева рая.

Джаред готов был сломаться от терзающих его вопросов. Что может делать человек, столкнувшийся с неизвестным, кроме как ломать руки от бессилия? Чужая воля диктовала его действия, а он мог лишь подчиняться.

«Нет, ты не марионетка. Я выбрал тебя именно за жажду к истине. Сколько бы ты ни обвинял меня, ты делаешь всё по своей воле, Джаред». Голос твари с каждым разом становился всё спокойнее. Казалось, ему надоело спорить, ругаться и запугивать. Ложный пророк хотел лишь понимания. Но Джаред предоставить его не мог.

— Почему ты не говорила мне, что служишь в контрразведке? — спросил он Миру, пытаясь заглушить голос в голове. Любимая кинула на него обречённый взгляд. Встреча с отцом легла на её лицо тенью страданий. Джаред и не надеялся, что она сможет теперь оправиться.

— А ты бы поверил? И потом, ни отец, ни работа никогда не играли роли. С самой школы ты видел настоящую меня. Я бы не изменилась, если бы ты узнал про мою работу. Но на отношениях пришлось бы поставить крест, — Мира отвела взгляд. — Прости меня за такой эгоизм. Но я боялась потерять тебя.

Джаред потрепал её по волосам и улыбнулся.

— Я не злюсь, честно. Но ты ведь подвергалась опасности.

— Ты давал мне надежду, — убитым тоном произнесла любимая, уставившись под ноги. Из её груди вырвался протяжный вздох. — Я надеялась, что с твоей помощью смогу сбежать из этого мира. Что не придётся ежечасно думать о заговорах и преступлениях против короны. И вот когда мы уже дошли до грани, происходит… это.

Джареда накрыла волна стыда. Если бы не его дурацкое геройство, с ними всё было бы в порядке. Он бы женился на Мире,

она бы ушла в отставку. И всё было бы прекрасно.

— Ты не обязана в этом участвовать, — произнёс Джаред как можно твёрже, но его голос сорвался. Продолжил он уже шёпотом. — Это не твоя битва, любимая. Мы с Уильямом справимся. Ты ведь можешь погибнуть.

— Не смей! — вдруг вскипела Мира. Повернувшись к Джареду, она схватила его ладонями за плечи и подтянула к себе. Уильям бросил предупредительный взгляд и пошёл дальше один. — Не смей тащить этот крест сам! Я не позволю. Куда пойдёшь ты, туда и я. Мы вместе пройдём через всё это.

Хватка её ослабла, а тело затряслось в еле подавляемых рыданиях.

— А как же наш ребёнок? — выдавил Джаред.

— Ты думаешь, после сегодняшнего мы сможем жить дальше, как обычно? После того, как Корвус проник тебе в голову? — Мира запрокинула голову и захохотала. — Джаред, наши судьбы предрешены. И не смей винить себя в чём-то. Ведь для них, — она насмешливо подняла палец к потолку, продолжая обливаться слезами, — мы просто маленькие игрушки в песочнице. Наши жизни ничего не значат. Но даже мы можем сопротивляться.

Она вытерла тылом ладони нос.

— Я думала, что смогу вытерпеть всё. Папа никогда не был плохим! Пусть он и не признавал меня, но я знала — меня любят, по-настоящему. Мы ведь с тобой школу даже не закончили, когда с ним произошло… это.

Воспоминание гремящим поездом пронеслось в голове. Джаред вспомнил пятнадцатилетнего себя и Миру в тот год.

— Так вот почему на тебе тогда лица не было, — нежно произнёс он, обнимая любимую и прижимая к груди. Он чувствовал удары её сердца, как горечь и боль растекаются по нему в такт биению. Как бы он себя чувствовал, зная, что его отец будет вынужден непрерывно страдать в течение шестидесяти лет — и всё это благодаря сошедшему с ума Богу?

— Как только я выпустилась, то сразу пошла к контрразведчикам. Всё для того, чтобы облегчить его труд, — слезы Миры прекратились, в голосе почувствовалась злость. Подняв раскрасневшееся лицо, она начала выплёвывать слова. — Эта тварь! Этот… Освободитель! Что он принёс нам, кроме страданий? Зачем ему всё это?! Корвус! Кем бы ты ни был, ты должен знать ответ!

— Заразись мной — и узнаешь, — произнесла тварь губами Джареда. Техник почувствовал, как к горлу подступила волна рвоты и еле сдержался. Холод проник в его позвоночник, а в нос ударила вонь — словно погружение в ледяной водоём,

переполненный гниющими трупами.

Мира прикрыла рот ладонью, её глаза округлились от ужаса. Джаред, почувствовав, что снова может говорить, пробормотал:

— Идём за твоим братом, скорее.

Уильям уже ждал их в своих апартаментах, расположённых в углу Дворца. Повсюду валялись исписанные листки, грязная, оборванная одежда, ручки, карандаши, линейки, а также тома различных древних энциклопедий.

— Извиняюсь за беспорядок, — произнёс он, заталкивая громадную «Историю Домов» под кровать. Джаред знал, что все настоящие книги защищены специальными встроенными программами от изменения — оттого тома Библиотеки ценились сильнее, чем данные Информатория. Их мог переврать кто угодно, но записи прошлых веков навсегда останутся в первозданном виде.

— Зачем тебе столько одежды? — спросил Джаред, пытаясь разрядить обстановку.

— Я пытаюсь проверить, сколько она выдержит, прежде чем порвётся, — сказал Уильям. — Мы слишком злоупотребляем утилизаторами. Своё барахло я предпочитаю стирать.

— Для этого у него целый штаб прачек, — цыкнула Мира.

Джаред вздохнул. Его маленькие мечты о семье и спокойной старости с каждой минутой покрывались всё большими трещинами. Нырнув в эту историю, он потащил с собой и Миру. И теперь для любимой происходящее стало личным делом.

Что будет дальше? Что таит в себе будущее? И есть ли оно у них, жалких людишек, оказавшихся посвящёнными в секреты Бога?

Он не мог ни о чём больше думать, да и не хотел. Корвус не внушал ему доверия, но они должны были хоть что-то сделать. Картина прибитого к кресту короля не выходила из головы Джареда. Первобытный ужас тихо нашёптывал, что на месте Карла мог оказаться каждый. И его страдания — это всё, что сдерживает Освободителя от уничтожения Старого Города.

Неужели создатель и правда так сильно ненавидит своё творение? Как так случилось, что посланник Бога, спасший человечество от вымирания, обернулся не мессией, а тираном?

Где они ошиблись, назвав Освободителя богоизбранным? И ошиблись ли?

— Садитесь, — произнёс Корвус губами Джареда. — И я отвечу на все ваши вопросы.

Тело само подошло к тумбе и принялось копаться в выдвижном ящике. Уильям плюхнулся в красное кресло с вышитыми на покрывале королевскими розами, Мира предпочла

стул. Наконец, Джаред выудил пачку шприцов.

— Это только начало, — бормотал он себе под нос.

— Зачем ты хранишь шприцы, Уильям? — с подозрением спросила Мира. Вопрос, откуда Джаред узнал про их наличие, её, похоже, совсем не мучил. Принц улыбнулся так, будто сомнения сестры причиняли ему боль.

— Не говори, что забыла про мои исследования.

Джаред вонзил себе в руку шприц — и не почувствовал боли. Корвус захватил его полностью, забрав себе все ощущения, включая боль. Осталась только возможность смотреть и думать.

«Я мыслю, значит, я существую?»

В прозрачный цилиндр хлынула вязкая, багровая кровь, будто поглощающая свет. Корвус тянул соки техника, пока внутри шприца оставалось пространство. Подойдя к Мире и Джареду, он протянул ладонь и произнёс:

— Введите себе. Без разницы куда.

Любимая, не спуская с Джареда взгляда влажных глаз, первой ввела иглу и надавила на поршень. Кровь техника понеслась по её венам. Уильям последовал примеру сестры.

Джареду показалось, будто мир тряхануло — словно прошёл невидимый пульс, настроивший всех на одну волну.

— Кажется, теперь мы можем говорить?

Тварь сидела перед ним, источая холод. Мира и Уильям задрожали. Любимая побледнела так, что Джаред еле сдержался, чтобы не схватить её.

— Вы хотите спасти Старый Город? — проскрипел мужчина в доспехах и птичьей маске. — Тогда вам придётся играть в прятки с Эдемом. Пока я здесь, нам ничего не грозит.

— Почему? — выдавила Мира.

— Потому что Дворец построил я. Освободитель может думать, что владеет всем, но в этих стенах я в безопасности. Вам же придётся разыграть целый спектакль. Готовы ли вы к нему? Готовы ли вы отправить тысячи, десятки тысяч в мясорубку, чтобы спасти миллионы?

— Да, — ответил Уильям. Принц сказал это так просто, что на его добродушном, чуть насмешливом лице не дёрнулся и мускул. — Контрразведка обязана выполнять указы Освободителя, переданные королём. Значит, они наши враги.

— Им нужен карт-бланш. Они ничем не смогут помешать нашему плану — но мы рискуем вызвать подозрения, сопротивляясь.

— Что бы вы ни делали, Эдем не обмануть, — сказала Мира, покачиваясь на стуле и глядя в одну точку. — Он обо всём узнает.

Птица наклонила голову набок, выдохнув облачко гноя.

Только тогда Джаред заметил, что маска его держится за затылок на лоскуте из человеческой кожи. По тёмным волосам твари текла кровь.

— Освободитель дал вам последний шанс. Ему уже плевать, чем всё закончится. Ублюдку просто интересно, как шестерёнки начнут разбалтываться и вся ситуация выйдет из-под контроля. Как люди уничтожат себя. Он столько раз избавлял вас от гибели, что готов поставить на человечестве крест. Если Старый Город доведёт дело до конца света, Освободитель не станет никого спасать. Ему проще уничтожить всё и начать сначала.

— И мы собираемся начать конец света? — сказала Мира.

— Чтобы обрести настоящую свободу, человечеству придётся пройтись по самому краю. Либо вы убьёте себя, либо он вас сожжёт. Но вы хотя бы можете попытаться побороться.

— Что ему вообще от нас нужно? Зачем ему эти жертвы? — в сердцах выкрикнул Джаред, чувствуя боль в сердце. «Неужели я толкнул нас всех в эту яму?»

— Он пытается научить вас. Показать вашу деструктивную природу. Но люди никогда его не поймут, потому что он сам не понимает людей. Страдания королей нужны ему, чтобы понять, что такое боль.

Уильям вскочил с кресла и принялся ходить из угла в угол. Его губы тряслись как у мальчишки, впервые столкнувшегося с отказом девушки.

— А он не знает о боли? Что же он такое?! — наконец выдавил принц.

— Если и знал когда-то, то уже давно забыл. Ему ничего не угрожает, он как пастух над стадом. Без людей он ничто, но и без него Город сгорел бы в собственных пороках.

Птица сжала кулак:

— Мой Город… который он у меня отнял!

— Ты хочешь сказать… — внутри Джареда всё похолодело.

— Я построил Эдем! — рявкнула птица. — Джек Корвус — так меня звали. До тех пор, пока Освободитель всё не отнял.

— Как это произошло? — чуть ли не проревел Уильям. Глаза принца загорелись маяками, что ведут потерянных домой. Джаред чувствовал, как мир перевернулся. Всё мгновенно стало таким простым и понятным. Конечно же, если бы Освободитель был творцом, он бы не обошёлся так со своим созданием. Но вор, пожинавший чужой успех, рано или поздно захочет уничтожить вещь, его прославившую.

— Он предал меня, — резко ответила птица. — Это всё, что вам нужно знать.

Корвус поднялся на ноги, гремя доспехом. В полный рост он

оказался едва ли выше Джареда. Совершенно обычный человек с огромными крыльями за спиной. «Это какая-то уловка? Он пытается втереться к нам в доверие, став таким незначительным? Или, может, это и есть его настоящее лицо — жалкий человечек, бросивший вызов Богу?»

— Хотите узнать, как победить его? Вам нужны Нижние Уровни. Там вся правда.

— Но почему ты не можешь просто нам рассказать? — с мольбой произнёс Уильям. — Если бы все знали твою историю…

Существо покачало головой:

— Правда… она никогда ничего не исправит, дитя.

Казалось, эти слова надломили Миру. Она уставилась в пол, сцепив руки перед собой. «Да, любовь моя. Ты была права. Мы не сможем жить так, как раньше. Мы даже не сможем просто умереть».

— И что же нам делать? — произнесла она.

— Гильдия Вольных Стрелков. Эдем боится её. Войны будет достаточно. Утопите Старый Город в крови — и люди захотят отмщения. Они сами отправятся вниз, а попав туда, узреют.

— Я могу занять место короля и удостовериться, что все механизмы движутся в правильную сторону, — произнёс Уильям. Его предложение показалось Джареду абсурдом до того момента, пока техник не понял — люди видят лишь фальшивого короля. И если принц возьмёт на себя его роль, их план пойдёт намного быстрее.

— Ты не можешь. Ты обязан, — проскрипела птица.

— Но не проще было бы приказать людям отправиться на Нижние Уровни? — спросила Мира.

— Думаешь, Эдем тебе это позволит? — птица загоготала, и смех её напоминал грохот грядущей войны. Джаред уже видел развевающиеся флаги, окровавленные дороги, разрушенные дома. Матери убивали детей, братья шли на братьев, а где-то наверху фальшивый Бог наблюдал за тем, как всё выходит из-под его контроля — и наслаждался. — Вы можете убивать себя и остальных, травиться собственными пороками, гнить в довольстве и излишествах. И под шумок провернуть нужное вам дельце.

— Но ведь Эдем знает всё…

— Эдем знает то, что хочет знать. Он знает, что человек греховен и склонен к самоуничтожению. Но кое-что ему всё же недоступно. Он не знает, как велико стремление людей к свободе. Даже Освободитель не поверит в братоубийственную войну, развязанную ради высшей цели.

— Мы должны предупредить Анору, — прошептала Мира. — Без неё у нас ничего не получится.

— Нет, — оборвал её Уильям. — Она из другого теста. Она не поймёт.

— А Марий?

— Он контрразведчик, — хмыкнул принц. — До мозга костей. Ты думаешь, он поможет? Если мы собираемся идти до конца, то должны быть готовы к любым жертвам.

— Но…

— Ты представь, что она скажет на всё это! Анора предпочтёт статус-кво, предпочтёт не расшатывать лодку! Она солдат в первую очередь, а человек — уже во вторую.

— Ты прав, — поникла Мира. — Но без неё не обойтись.

— Я инсценирую смерть, — сказал Уильям, — чтобы она вступила в дело.

— Что?!

— Ты ведь знаешь, как она меня любит! Пусть я и второй ребёнок, отнявший у неё первенство, но она дорожит мною сильнее, чем отцом. Она же видится только с этим драным актёришкой. Если скормить ей историю, что король убил меня…

— Ты чудовище, — прошептала Мира.

— Ты знаешь, что я прав. Анора нужна нам на той стороне баррикад. Она должна повести Стрелков против Старого Города.

— Если вы собираетесь уничтожить Эдем, то сначала должен пасть Синдикат, — проскрежетал Корвус. — Для Освободителя люди — ресурс, и Семьи его стабильно поставляют. Вся система должна быть разрушена.

— Мы уничтожим Город, чтобы спасти его? — горько усмехнулась Мира.

— Нет. Чтобы спастись самим. Нужны ещё люди. Стрелки и Анора выполнят черновую работу. Но кто-то должен остаться внутри. Кто-то станет посредником.

— Я это сделаю, — сказала Мира. Птица заверещала своим противным смехом.

— Если тебя убьют, куда денутся твои знания?

— Перекачка сознаний, — вдруг сказал Джаред, сам того не ожидая. — Я слышал, такая штука проводилась когда-то. Дорого и ёмко, но с вашими ресурсами это возможно! Мы можем… вкладывать друг в друга наш опыт. Перегонять его неограниченное количество раз, сколько потребуется!

— Эдем заметит большую потерю энергии, — сказала Мира. — И потом, когда много людей, обязательно будет утечка информации. Если кого-то поймают и начнут пытать, он расколется и сдаст остальных. Но есть другой способ — можно собрать все знания и умения в одном человеке.

— «Не складывай патроны в один ящик», — процедил

Уильям. — Разве что только ящик нельзя разрушить.

— Чушь собачья, — ответила Мира. — Можно использовать Операторов и каждый день снимать с нас воспоминания. Совсем понемногу, на это и энергии будет уходить совсем чуть. Если кто-то погибнет — найти нового человека и перекачать ему получившийся опыт.

— И мы все закончим как Марий, — нахмурился Уильям. — Запутаемся в сознаниях и чужих воспоминаниях.

— Они не занимают и не управляют его телом, — возразила Мира. — К тому же, он ни разу не перекачивал личности полноценно. У него лишь выжимка воспоминаний. А мы говорим о полноценной передаче.

— Ах, дети мои, — скрипнул Корвус, — раньше вы такими вопросами не задавались бы. Скажите, почему Освободителя так зовут?

— Потому что он освободил нас от пороков, — не медля произнёс принц. — Потому что он отбросил оковы материальной жизни, дал возможность утилизировать всё и забыть про кризис ресурсов. Он дал нам свободу выбора.

Джаред узнал церковную цитату. После всего сказанного она казались злой насмешкой. Будто преступник, заставивший жертву наслаждаться насилием над ней.

— Да только что-то не видно результата, так ведь? Нет, он освободил людей от другого.

— От чего же? — устало спросила Мира. Корвус наклонил голову, будто сообщал самый важный в мире секрет.

— От бессмертия.

19. Звездопад (Конец второй части)

31 декабря, 540 год после Освобождения

— Вы двое пришли рассказать мне о Корвусе? — без обиняков спросил хозяин Алого Картеля. — Так говорите, я вас слушаю.

Мира фыркнула, чувствуя холодный ствол, приставленный к её затылку.

— Пусть ваши молодчики сначала успокоятся, — произнесла она.

— Или же цельтесь лучше в меня, — выдал Джаред. — Она же не солдат. Мы пришли с миром, и вы вот так встречаете гостей?

Мира с нежностью вгляделась в черты лица любимого. Вечно худой, вечно несуразный — и очень простой в этом сложном мире. За свою жизнь она встречала много мужчин, но Джаред, с такой обезоруживающей прямотой готовый пожертвовать собой ради других, стал единственным, с кем она рада провести старость.

Было бы очень неприятно умереть здесь, на окраинах, где их никто не найдёт.

Чтобы попасть к хозяину казино, им пришлось миновать десятки постов охраны и пройти унизительную процедуру досмотра. Место очень сильно напоминало лабиринт: только здесь не монстр поджидал людей, а человек прятался от чудовищ.

Картель Алой Розы за последние десять лет расцвел до масштабов одной из крупнейших преступных организаций окраин, будто рос на кокаиновых дрожжах, встав на одну ступеньку с бандами Безбашенных и Отступников. И, судя по отчётам контрразведки, грозил их перегнать. Пока банды занимались детскими шалостями, вроде наркоторговли, сутенёрства и отмывания денег не самых честных граждан Центра, картель вовсю промышлял заказными убийствами, похищением людей, а также предоставлял услуги профессиональных грабителей. Эти отморозки не боялись замахнуться даже на банки Синдиката, не говоря уж о мелких частных компаниях, готовых взять чьё-то заработанное обманом имущество на сохранение. Что говорить: Мира, бывало, собирала барахло арестованных, а затем отдавала его в руки частников. Те, в свою очередь, за дополнительную мзду взломанными утилизаторами переплавляли ненужные вещи в нужные. Но Мира предпочитала Платину. Пока вещи пылились в физическом виде, а не переводились на её счёт, налоговая не могла найти

незаконного дохода.

Когда они с Джаредом вошли в кабинет главы картеля, то увидели седого лохматого мужчину, сидящего в крутящемся кресле. По лицу экс-капитана проходили глубокие борозды морщин. Взгляд его будто выварили в котле усталости и раздражения. В свои сорок пять с хвостиком Джулиус Керн больше походил на старика. Страх смерти загнал его в это место, за сотни замков и охранников, в самую глубокую нору, из которой его никто не сможет выковырять. Страх превратил его в пустую оболочку, карикатуру на самого себя. «Человек всегда будет цепляться за жизнь, какой бы жалкой она ни была».

— Опустите оружие, — приказал Керн. — Теперь я слушаю.

Мира огляделась. Позади кресла, в котором сидел экс-капитан, за стеклом скрывалась комната с кучей экранов и пультов. Судя по всему, Керн в этом месте собирал всю информацию от своей агентуры и отдавал приказы. Где-то в стене должна была прятаться очередная дверь, ведущая в личные покои. В остальном, кроме кресла из мебели в комнате стояло два шкафа, уставленные кристалло-дисками для терминалов. Мира заметила, что на каждом из них стоят даты.

«Какая трагичная судьба», — подумала она. Впрочем, их с Джаредом удел складывался не лучше. Она еле подавила протяжный вздох, готовый вырваться из груди.

— Возьмите, — протянула она склянку с кровью Джареда. — Найдите шприц и введите себе.

— Ты шутишь, девочка? — усмехнулся Керн. — Думаешь, я буду пускать по вене неизвестно что?

— Если вы хотите узнать о Корвусе — да, — протянула Мира. Керн не отреагировал. Тогда она пустила в ход главный козырь. — Если всё ещё хотите вернуть сына.

Экс-коп, ставший могучим гангстером, замер. Из-под маски надменного спокойствия начали прорезаться первые признаки искренних чувств — страха, любопытства и горечи.

— Оставьте нас, — бросил он своим головорезам. Те поспешно ретировались, предоставив Керна гостям. Мужчина поднялся и повернулся к Мире с Джаредом спиной — будто, наконец, смирился с мыслью о смерти.

— Пятнадцать лет, — прошептал он. — Столько лет я бежал от них. Как ты узнала?

— Я из контрразведки. Моё имя — Мира.

— Приятно познакомиться, — проворчал человек, бывший когда-то грозой организованной преступности. — Моё предприятие истекает информацией как пробитое корыто.

— Сведения выплыли наружу только из-за того, что

последнее время вы сами были слишком неосторожны. Начали торопиться, будто боялись, что не останется времени. Дюжину ваших агентов поймали за последние полгода только за вопросы о Корвусе, капитан Керн.

— Никто меня так больше не называет. Но к чёрту фамильярности. Вы двое пришли сюда именно из-за него. Что это такое? И как оно поможет спасти моего сына?

«Правда ли ты хочешь об этом знать, капитан?» Истина глубоко ранила и, возможно, милосерднее было бы просто пристрелить Керна и покончить со всем. Но без его помощи вся их операция могла затянуться.

Всю свою жизнь Мира занималась тем, что оберегала людей от правды. Цель контрразведки за века не менялась: исполняй приказы Освободителя и ищи бедолаг, копающих слишком глубоко. И когда те в своих изысканиях находили клады, по их души приходили штурмовики короля. Человек просто исчезал без всяких следов — и это было страшнее всех показательных казней вместе взятых.

Она спасала людей от истины, но не нашлось человека, что спас бы её саму. Откровения Корвуса обрушились невиданным весом, вышибли весь дух. После его слов Мира готова была сдаться на милость миру. Но Джаред придал ей сил своим дурацким желанием нести всю ношу в одиночку. «Нет, дорогой, — мысленно усмехнулась она, — куда ты, туда и я». Мира потратила много времени на тренировки в спортзалах и учебную стрельбу. Успела не раз поучаствовать в задержаниях. Но, в отличие от Мария, сумела спасти свои руки от крови. За тридцать пять лет она никого не убила самолично. Но сколько человек стало жертвами штурмовиков благодаря её упорной работе с агентурой и Сетью? Скольких она скормила утилизатору, ставя на отчёты печать «потенциальная угроза»?

И ведь она с самого начала знала, что контрразведка служит не столько королю, сколько Эдему. Но раз папа передавал сообщения от мессии, то она помогала и ему, верно? Но годы проходили, и Мира всё четчё осознавала — контрразведка не для неё. Как бы успешно она ни выкорчёвывала заговоры, сколько бы ни давила особо активных инакомыслящих, папе это не помогало. Воспоминания о его страданиях жгли раскалённой проволокой, а её начальники исполняли волю мучителя отца.

Даже если бы не появился Корвус, она бы сломалась, рано или поздно. И не факт, что Джаред сумел бы её спасти.

— Пятнадцать лет назад, — начала Мира, — из-за неудачного ограбления банка Торесов тогдашний состав Секции Двенадцать пришлось расформировать, чтобы не подставить под удар всю

Башню Правосудия, я верно рассуждаю? Кое-кто погиб во время налёта, но вы сумели уйти на покой — пусть и не без потерь. Группа, состоявшая в союзе с Торесами, забрала вашего сына в заложники, но вас оставила в живых. Контрразведка знает многое, капитан, но далеко не всё. Кто похитил вашего сына? И почему вы всё ещё живы?

— Все эти годы я мучаюсь тем же вопросом, — огрызнулся Керн. — И единственный известный мне ответ — я выпустил Корвуса.

Усевшись в кресле, экс-капитан закурил и выпустил колечко дыма. Мира заметила, как трясутся руки мужчины. «Ещё один обречён стать жертвой правды».

— Что тебе известно о вигилантах, Мира?

— Немногое, — неохотно признала она. — Многие люди с окраин записывается к ним из обострённого чувства справедливости, а сынки и дочки богатеньких Семей просто ищут развлечений. Просто ещё одна банда, воюющая за влияние, вот и всё.

Керн засмеялся. В его смехе скрывалась такая боль, что Мира невольно вздрогнула. Они с Джаредом больше не смогут жить как раньше, но этот человек давным-давно потерял всё. А потом построил себя с нуля. Непримиримый борец с преступностью, столкнувшись с неизвестным, он сам стал объектом своей борьбы. Коп, душивший бандитов, превратился чуть ли не в самого могучего гангстера окраин.

Нет, она ошиблась, посчитав, будто капитан боится смерти. Керн давным-давно жаждал избавления. Теперь у него появился шанс отомстить обидчикам.

— Нет, они не просто бандиты, прикрывающиеся благими целями. Представь себе клику конченных дегенератов, верующих, будто с ними на самом деле говорит Освободитель. Фанатики и убийцы. Похитители и наёмники. Среди них можно найти любое отребье. Но самое страшное то, что эти ублюдки заполонили всё. От них уже не сбежать. Из того, что я накопал, они сотни лет охраняли Корвуса, пока не решили довериться Торесам. Не знаю, почему, не знаю, зачем.

— И вы освободили их секрет, — произнесла Мира. — Они не стали вас убивать. Им стало интересно, что произойдёт дальше. И, похоже, терпения у них хватало.

— Раз в три дня они присылали мне записи сына, — Керн кивнул в сторону шкафов. — Затем, постепенно, срок увеличился до раза в неделю. Затем раза в месяц.

Капитан рухнул на кресло. Вырвавшийся у Керна зевок показался Мире криком о помощи.

— Последнюю запись я получил первого января этого года. Не знаю, получу ли следующую завтра. Гарри… так вырос. Узнает ли он меня после стольких лет?

— Мы можем вернуть его, — сказала Мира, — если вы поможете нам. Сделайте себе укол. Не бойтесь. Вы нужны нам живым, капитан Керн. Никто травить вас не собирается.

Седой коп ничего не ответил. Потянувшись рукой в правый карман, он извлёк оттуда инъектор, сменил ампулу на ту, что дала Мира, и ввёл иглу себе в шею.

Через несколько секунд мир покрылся серыми пятнами. Тварь вывалилась в реальность. Всё такая же несуразная человекоподобная фигура в доспехах и с крыльями за спиной. Маска Корвуса казалась Мире блестящей от крови. Она задрожала от холода.

«Правду ли ты говоришь, тварь?»

Даже после бесчисленных просьб, птица не объяснила слов. «Освободитель избавил вас от бессмертия». Что бы это значило? Древние книги лгали? Мир был совсем не таким, каким его изображали? И какое это значение имело сейчас, когда у них есть вполне конкретная цель — остановить Освободителя?

— Похоже, тебя мне нужно благодарить за свободу, — произнёс Корвус. Бандит вздрогнул, но с места не поднялся.

— Что ты такое? — прошептал он. — Ангел ли? Или же демон?

— Если ты считаешь Освободителя Богом, — выплюнула тварь, — то да, я твой дьявол. Вигиланты… да, я помню их с начала существования Города. Когда Освободитель украл у меня всё. Украл у меня мой Эдем.

— Что ты такое? — повторил Керн. Тварь села на колени перед бандитом. Её образ дёргался и искажался, будто испорченная киноплёнка. Запах гниения был так силён, что Миру чуть не стошнило.

— У нас будет много времени на разговоры, — проворковала птица. — Но сейчас ты должен помочь нам. Ты ведь считаешь себя хозяином окраин, да? Даже если весь мир сгорит, даже если ты умрёшь, обещаю — я вырву твоего сына из лап этих подонков. А взамен ты поможешь нам разжечь войну. Если ты сделаешь всё правильно, окраины не пострадают. Нам нужны будут контрабандисты, ресурсы, а также укрытия, чтобы переждать бурю. Думаешь, ты сможешь нам это обеспечить?

Керн кивнул, смотря на тварь как завороженный. «Ты готов на сделку, даже если заключаешь её с демоном? Смелый ты человек, капитан».

— Хорошо, — тварь рассмеялась и повернулась к Мире. —

Пришло время поговорить и о сааксцах.

* * *

Учёный уже ждал их в своём маленьком храме. Закинув ноги на стол, он неторопливо потягивал дым из трубки. Шейный бант казался кровавым пятном на белоснежной рубашке, но больше внимание привлекал алый шёлк, подпоясывающий брюки.

— Добро пожаловать в мою скромную обитель, — промурлыкал мужчина, потеребив завитый ус. — Я знал, что рано или поздно кто-то явится.

Мира достала из кармана пистолет с глушителем — по мнению Джареда, напрасно. В конце концов, учёный опасности не представлял. Прокашлявшись, техник вышел вперёд.

— Билл Уотерс? — спросил он, пытаясь унять дрожь. Каким бы готовым он себя ни считал, разговаривать с таким человеком ему было всё же неприятно. Знаменитый исследователь, которого давно казнили за преступления против человечности, стоял прямо перед ним.

— Я уже давно не использую это имя, — сказал учёный, поднимаясь со стула. Казалось, гости зажгли в нём любопытство. — А, мне знакомы эти глаза. Вы, наверное, сестра Аноры, не так ли?

Мира кивнула, не сказав ни слова. Джаред никогда не видел у любимой такого взгляда. Казалась, она еле сдерживается, чтобы не ударить франта. Учёный усмехнулся, выбил трубку и убрал её в карман.

— Из-за этой сучки я и заперт здесь, делая работу, которой не особо желаю заниматься. Может, вы мне поможете. Зовите меня просто… Гай.

— Как парня, что предал Освободителя? — скривилась Мира. — Ненавижу двусмысленности. Чего ты вдруг решил отказаться от старого имени?

Гай закатил глаза.

— Слишком много плохого с ним связано. Да вы садитесь, что стоите.

— Почему ты ещё жив? — поинтересовался Джаред. — Я видел, как тебя казнили в прямом эфире.

— Чудеса пластической хирургии, — пожал плечами Гай. — В конце концов, я оказался слишком ценен, чтобы меня просто так убивать. Король сделал всё возможное, чтобы убедить мир в моей смерти. А я, тем временем, продолжил работу группы 838 и Медцентра. Вашего прихода я ожидал — в конце концов, Карл не

просто так отозвал охранников.

— Что ты знаешь о сааксцах?

— Всё, — улыбнулся Гай. Джареда его улыбка пугала. Учёный напоминал скалящегося хищника, который готов перегрызть жертве горло. Впрочем, зачем миру дикие животные, когда есть люди? — Я знаю о синегубых больше, чем они сами когда-либо узнают. Я видел их одетыми, раздетыми, в коже, без кожи, без мышц и мяса. Я очищал их до скелетов и могу сказать: этих ублюдков стоило бы перебить, всех до последнего. Я так Аноре и сказал, когда война начала подходить к концу. Боюсь, она решила, что я маньяк. Лицемерка. Она стольких убила просто так, из фанатизма, но стоило мне поставить ультиматум, как проснулась её дремлющая совесть!

— Зачем уничтожать сааксцев?

— Они, мать их, ни капельки не люди. Похожи на нас, конечно. Детей рожают там, влюбляются. Эмоции испытывают! Кишки у них похожие, строение. Специалисты говорят, что даже верования совпадают в деталях. Но это так, шелуха. На самом базовом уровне они совсем другие.

— Так в чём разница?

— Да вы гляньте на их ДНК!

— Боюсь, мои знания биологии довольно ограничены, — проворчала Мира.

Гай сложил руки перед собой, как маленький каменный ангелочек, воздел глаза к потолку и пробормотал:

— Блаженны невежды, ибо в рай им все уступают дорогу. Буду говорить на языке идиотов. Если ты потеряешь руку, то поставишь протез, ибо ни хрена ничего не отрастёт, так?

— Ну! — нахмурилась Мира. — А у сааксцев что, по-другому?

— А у них будет новая рука! Теоретически. Со временем, конечно. При очень хорошем питании.

Джаред в повисшей тишине услышал, как из крана в раковину капнула вода.

— Если они такие крутые, что же они войну просрали? — хмыкнула Мира.

— А вот здесь доходим до самого интересного! Кто-то неизвестным мне образом поставил на их способностях замок. Маленький такой, как ваши мозги. Они его отпереть не сумели, оттого мало чем отличаются от нас. Но потенциал, друзья, потенциал! Представьте, если кто-то сумел бы найти ключик, а затем начал его дублировать и раздавать кому ни попадя? Я пытался объяснить Аноре, что к чему. Но она же тупая, как сапог, да и комплексов выше крыше. Она у вас самая старшая, да? — Мира осторожно кивнула. — Да ещё в семье мальчика ждали? Ну,

это сразу многое объясняет. Я видал конченых солдафонов с тремя классами образования разумнее, чем ваша драная Воительница. Она ни черта не поняла. В итоге, группу расформировали, меня вроде как казнили, а на исследования наложили вето. Вот и сижу теперь здесь.

— Продолжаешь работу?

— Я просто не мог её бросить! Король спас меня от виселицы, — Гай ухмыльнулся, будто мысль о смерти его необычайно веселила. — Да и потом, у меня есть приказ.

— Какой же?

— Найти ключик. Пойдёмте, я кое-что покажу.

Он поманил парочку вглубь лаборатории. Пройдя мимо стеллажей, установленных банками с малоприятным содержимым, Мира с Джаредом оказались у огромного бака с синей водой. Она бурлила и пенилась, над поверхностью курился пар. На дне Джаред разглядел тело, закутанное в чёрную материю. Гай с лукавым видом сложил руки лодочкой и зачерпнул немного жидкости.

— Видите? — спросил он так, будто это всё объясняло.

— Что это? — не поняла Мира. Судя по голосу, выходки учёного её достали.

— Там нечего видеть, — проскрипел голос за спиной. Корвус вывалился из пространства, будто пустота была его шкафом, а он оказался сидевшим внутри скелетом. — Вот что ты со мной сделал, Кастус. Вот как ты поступил с лучшим другом.

— Ты всё же появился, — сказал Гай и хлопнул в ладоши. Джаред проследил взгляд учёного и понял, что тот смотрит прямо на Корвуса. — Да, я тебя вижу.

— Ещё бы, — прогремело существо. — У тебя на руках моё тело.

— Вот оно что, — протянул учёный. С его лица сошла улыбка, уступив место удивлению. — Так ты и есть Адам…

Джаред развернулся на месте, новыми глазами взглянув на Корвуса:

— Но как такое возможно? Первый человек с полностью механическим телом — ты?!

— Освободитель предал меня, — прогудел демон. Сложив крылья, он уселся на пол, скрестив ноги. — Предал дважды — сначала отнял мой город, а затем уже и моё тело. Превратил его в пародию на организм. Куклу, если угодно.

— Она почувствовала, что ты вернулся, — сказал Гай, наклонившись над птицей. — Твой потомок. Кэрби Адамс. Из всех торговцев Информацией, только она сообщила мне, что Сеть недавно дрогнула — будто пробудилось нечто огромное и

страшное. Долго же пришлось ждать твоего появления.

— Она ещё может оказаться полезна, — проскрипел Корвус.

— Но не так, как моя сыворотка, — ввернул Гай. Джаред и Мира разом обернулись к нему.

— Так ты сумел её вывести? — дрожащим голосом протянул техник. В его разуме возникли батальоны солдат, что не боятся вражеского огня. Демоны, наступающие без перерыва. Готовые уничтожить мир.

— Король предоставил мне в личное пользование тело Адама. Только благодаря нему я сумел довести до идеала технологию протезов. Но эта была сторонняя работа. Приоритетом всегда оставалась сыворотка. Пять лет, друзья мои, у меня ушло на то, чтобы вывести её. И ещё пять, чтобы синтезировать и стабилизировать. За войну я собрал отличный запас крови. Он отлично сослужил, когда я начал ставить эксперименты. Но нужного результата не добился. То, что я получил, очень сильно отличалось от ДНК активированного сааксца…

Гай на секунду нырнул под бак, а затем вытащил склянку с замороженной кровью.

— Кровь синегубого по имени Сафир, — с лёгкой торжественностью произнёс он. — Твари, не боящейся смерти.

— Так какой прок от твоей сыворотки, если с ней мы не сможем добиться заживления ран? — в сердцах спросила Мира. Джаред положил любимой руку на плечо и потянул на себя. Она тут же остыла и с лёгким сожалением взглянула на него. Гай всплеснул руками, будто давно ждал такого вопроса.

— Мой результат намного лучше. Но пока я не получу живой образец, не буду ничего загадывать.

— Живой образец? — переспросила Мира, сделав круглые глаза. — Тебе нужен сааксец?

— Да. И ни в коем случае не Сафир. Видишь ли, моя сыворотка при контакте ослабляет его. Его способности могут стухнуть, а нам ведь того не нужно, верно? Будем держать его про запас. Сначала начнём с кого-то обычного. Может статься, парень с регенерацией нам и не понадобится.

— Без него никак, — выпалил Джаред. — Мира, если мы собираемся копировать сознания, то лучшего носителя не найти!

— Вы собираетесь заниматься переносом разумов? — лукаво поинтересовался Гай, щёлкнув пальцами. — Нет, нет, не ставьте на Сафира. Прошу вас. Если моя формула действует так, как я ожидаю, о нём вы быстро забудете, как о слабом звене.

Глаза учёного загорелись, словно в них пылал адский огонь.

— И тогда Эдем падёт.

20 января, 541 год после Освобождения

Сафир и отдалённо не напоминал сааксца. Переделанный под белобрысого первенца, синегубый прятал тёмные глаза под солнцезащитными очками. Одетый в багровый кожаный плащ, солдатские штаны, чёрную футболку и берцы, парень даже отдалённо не походил на сына Караса. Ещё удивительнее было осознавать, что убить мальчишку невозможно.

«Похоже, он умеет управлять регенерацией — иначе, как ему сделали пластическую операцию?»

Синегубый привёл Миру с Джаредом в кафе, ближайшее к входу в гетто. Заказав чай, он развалился в мягком кожаном кресле напротив и закинул ногу за ногу.

— Давайте я всё повторю, а то вдруг неправильно понял, — с невыносимой напыщенностью произнёс он. — Принц Уильям пару недель назад отправился на Нижние Уровни и его схватили Стрелки. Гильдия, чтобы отпустить его, требует войну. И вы, ребята, пришли сюда, чтобы обвинить сааксцев во вторжении?

Мира упёрла взгляд в чёрный круг кофе перед ней. События последних недель казались ей невероятными, почти что сказочными. Вся её жизнь полетела к чёртовой матери. Все мечты и задумки погибли. Разбились о безмолвную жестокость Освободителя, задумавшего уничтожить Город, что он украл у своего друга. И теперь ставший жертвой предательства архитектор Эдема вынырнул из бездны, чтобы совершить месть, а заодно дать людям шанс на свободу. И реально во все детали оставались посвященными только она, Джаред, да Уильям.

Чтобы заставить Анору обратиться против Синдиката, брат инсценировал исчезновение на Нижних Уровнях. Пока несчастная Воительница мучилась догадками, что стало с Уильямом, принц лежал на прозекторском столе Гая, что делал ему пластическую операцию. Через полторы-две недели актёра, изображающего Карла Лоренса, не станет, и место займёт её брат. Аноре же, когда она свяжется со Стрелками, скормят неоспоримые доказательства: Уильяма заказал штурмовикам её отец. Какой бы бессердечной и циничной ни казалась сестра, эта толкнёт её за грань.

Мира никогда не ладила с Анорой. Дочери от разных матерей, воюющие за внимание и одинаково недолюбливающие тогда ещё единственного брата. Однако Миру Карл всегда любил больше, чем первую дочь. Впрочем, он мог просто делить любовь между близнецами от второй жены, в то время как воспоминания о первой причиняли боль. После того, что сделала мать Аноры, трудно было полюбить её отпрыска.

В воображении Миры промелькнула Джеймс Говард, и лицо главы Стрелков заставило задрожать от нахлынувшего ужаса. Подумать только, она собирается работать с человеком, сотворившим из несчастной женщины это. Какие бы мотивы ни двигали Гаем (имя «Билл Уотерс» Мира постаралась стереть из памяти), такому поступку не было оправдания. Естественно, делиться деталями того, как она попала в Первый Город и стала главой Гильдии, изуродованная до неузнаваемости (и, похоже, сумасшедшая) женщина не стала. Но Миру это и не интересовало.

Их встреча прошла в настолько напряжённой обстановке, что воздух готов был в любую секунду взорваться выстрелами. Выйти на Говард оказалось непросто, но Мира сдюжила. В конце концов, теперь она действовала официально от лица контрразведки, и все ресурсы были на её стороне. Тем не менее, без помощи курьеров Керна не обошлось. Окраины всегда были близки с изгоями Нижних Уровней. Мира предоставила боссам доказательства, что принц у Стрелков и только дипломатия может исправить положение. Потому и вызвалась говорить сама.

Говард же Мира рассказала всё, как есть. Или почти всё.

— Мы планируем удар по Синдикату, — говорила она, стараясь не вглядываться в огромные фасетчатые глаза. — А затем и по Эдему. Из твоего народа сделают пугало — но разве же это в первый раз? После войны у всех будет вдоволь еды, заодно и отомстите Семьям.

— Или же вы планируете удар по нам, пытаясь выманить войска и оставить Нижние Уровни без защиты, — парировала Говард мелодичным голосом. — Как мы можем вам доверять?

— Я предоставлю вам карты и данные о пограничных постах. Можете послать туда разведчиков и убедиться, что я вас не обманываю. Более того, Анора будет с вами. В ваших же интересах умолчать правду, иначе за последствия я не отвечаю. Идёт?

Говард тяжело кивнула и исчезла в переулке так же незаметно, как и появилась. Ключевая сторона согласна работать. Пусть со скрипом. Мира ожидала неоднократного изменения планов и внутренне приготовилась ещё не раз смотреть на изрезанное шрамами лицо главы Гильдии. Мира боялась говорить с начальством о том, что Говард требует войны. Казалось, её ложь раскроют за секунды. Но она явно переоценила способности генералов контрразведки к оценке подобных ситуаций.

Всё встало на свои места. Оставалось найти для Гая крепкого сааксца и испытать сыворотку. Когда начальство спросило, зачем Мире синегубые, она ответила: «Мы обвиним их во вторжении и отведём все подозрения от себя».

Казалось, того они только и ждали. Из загашников контрразведки вылезло кольцо, что генерал Хамид оставил первенцам в качестве гаранта договора о сдаче Караса. С Миры тут же потребовали найти способ активировать кольцо, а также найти уже активированный саакский клинок. «Ещё бы сказали, что это значит».

И теперь она сидела здесь, перед парнем, способным пережить даже самое тяжёлое ранение. Одна только мысль не давала Мире покоя — зачем ему аугментическая рука?

— Ты правильно понял, в общих чертах, — кивнул Джаред. — Кроме последней части. Никто ни в чём сааксцев винить не собирается. Зато одного сааксца — почему бы и нет?

— Козёл отпущения, — заключил Сафир, отхлёбывая чая. — И почему вы ждёте, что я помогу?

— Тебе заплатили, — пожала плечами Мира. — Остальное — твои проблемы.

Она прекрасно понимала, что дело не в деньгах. Зачем платить человеку, у которого нашлись средства на пластическую операцию? Глупость её боссов казалось очевидной. Генералы контрразведки думали, что могут купить лояльность любого человека. Вызвав Сафира, они наверняка проинструктировали его докладывать о действиях Миры. Но они не знали, с кем связываются. Мира, впрочем, тоже. Да парень, по словам Гая, чуть ли не конечности может отращивать. Но каковы его цели?

— Вы вызвали меня, чтобы найти доверчивого дурачка, а затем повесить на него всех собак, — засмеялся Сафир. — Не понимаю, зачем я вообще здесь нужен.

«Потому что мы не можем просто так украсть человека из гетто», — пронеслось в голове Миры.

— Ты ведь старейшина, не так ли? — спросил Джаред, и с лица Сафира тут же сошла улыбка. — Это удар по твоей коммуне. Потому и тебе выбирать, кого принести в жертву. Скажи спасибо, что мы тебе ещё платим за это.

Белобрысому сааксцу явно не понравилось, когда напомнили о его месте в мире. Увы, тёмные очки скрывали глаза.

— Пока ты не начал, ещё один вопрос, — Мира достала из кармана кольцо и положила перед Сафиром. — Почему оно так важно?

— Символ правления. Передаётся строго от отца к сыну. Предки верили, что кольца хранят души предыдущих владельцев. Старейшины, не имеющие колец родителей, не признаются народом. Это оригинал?

— Копия, сделанная утилизатором, — сказала Мира. — Ты не знаешь, есть ли способ… активировать его?

Сафир нахмурил брови. От его стакана с чаем вился резкий аромат жжёной травы.

— Активировать? Это ведь не машина, чтобы её заводить. Да и вообще, что это значит? Лучше спросите владельца, что за секреты таит его колечко. Сомневаюсь, правда, что генерал Хамид сможет что-то рассказать. Куда вы его спрятали?

— Первенцы не предоставляли генералу убежища, — с нажимом произнесла Мира. — Он исчез без следа.

— Вы знаете, а ведь вам чертовски везёт, — процедил Сафир. — Есть один парень, что зовёт себя Тайрек Маут. Он не из гетто. Прошёл Приют, сейчас действующий гражданин. Один из лучших Багровых Штыков, убийца со стажем. Если возьмёте его, по коммуне это не ударит никак. Но важнее другое — он внебрачный сын генерала Хамида. Испытаете на нём кольцо, а затем избавитесь как от лишнего груза. Да и мне удружите.

— Ты хочешь сказать, что он сумел нормально встроиться в общество? — спросила Мира, забивая в поиск названное имя.

— Ещё как. По слухам, он даже работает переводчиком с саакского, — Сафир презрительно фыркнул. — Предатель долбаный.

«Похоже, этот Тайрек тебе серьёзно насолил», — подумала Мира, просматривая файлы. Его упустили просто потому, что он сменил имя и получил гражданство. Контрразведчики искали людей среди гетто, даже не думая, что есть синегубый за пределами коммун. Тем меньше проблем.

— Ты нам очень сильно помог, — сказала Мира, вставая из-за стола. — Но поможешь больше, когда поговоришь с этим Тайреком.

— Если вы его найдёте, — ухмыльнулся Сафир. Взглянув на его довольную рожу, Мира поняла: может статься так, что синегубому Тайрек нужен больше, чем им. Но зачем? Неужели белобрысый хочет сделать из него чемпиона сааксцев? А ведь если подумать, кандидатура не самая худшая: опытный боец, да ещё заполучивший символ правления кланом Хамид, может сплотить людей гетто. Сафир собой жертвовать явно не планировал. Но что мешало ему подготовить ручного лидера восстания?

Белобрысый сааксец встал, чтобы пожать парочке руку на прощание. Почувствовав хватку его аугментической руки, Мира не выдержала и брякнула:

— Я думала, сааксцы ненавидят протезы.

— Я прагматик, — усмехнулся Сафир. — Не ждать же десятка лет, пока рука новая отрастёт?

Всего лишь невинная шуточка — но она изменила всё. Мира

натянула на лицо вымученную улыбку, чувствуя, как сердце прыгает в груди. Как только они покинули кафе, Мира торопливо набрала Гая и сказала:

— Маленькая новость: твой бессмертный — слабак.

* * *

— Пора, — прошептала Неми, толкая подругу в бок. Рыжая Калли продрала глаза и зевнула. Неми мысленно отметила каждую веснушку на лице любимой. «Кто мы друг без друга?»

Джерри всю ночь просидел на страже, но не похоже, чтобы старого Стрелка тянуло в сон. Проклятый Однорукий будто вообще никогда не спал. Но Неми могла доверять ему. Бывший боец Внутреннего Круга, он постоянно называл Говарда ослом — потому, наверное, и решил сбежать с подругами.

Возвращение домой, на Нижние Уровни, напоминало свежий душ после десятка лет скитаний. Метафора казалась новой — совсем недавно Неми могла мыться раз в месяц трижды использованной водой. Им с Калли, родившимся среди изгнанников, не так-то просто было принять другую жизнь. В месте, где камни не пытаются тебя убить, утилизаторы работают день и ночь и не приходится беспокоиться из-за запаха, после того, как справишь свои дела.

Потолок, превратившийся в яркое синее небо из-за огней Канала, пульсировал в такт подрагивающему веку Однорукого. Фиолетовые всполохи маленькими облачками появлялись то там, то тут. Джерри утверждал, что видит в них судьбы окружающих. Впрочем, этот же человек запивал грибную брагу автомобильным топливом.

Их родной дом напоминал раненого солдата, скорчившегося под свинцовым дождём. На Нижних Уровнях без следопыта нечего делать — любое путешествие между коммунами превращалось в медленное самоубийство. Хотя были методы и похуже: Неми вспомнила парня с голода сожравшего собственную ногу. За барьером, в океане вероятностей и то больше шансов выжить. Если, конечно, сумеешь найти безопасную тропу.

— Как вы? Готовы? — прохрипел Однорукий.

— Я родилась готовой, — ответила Калли, собирая в хвост огненно-рыжие волосы. Маленький цилиндр детонатора болтался у неё на шее. Они всегда делили обязанности: Неми устанавливала заряды, а Калли взрывала. В постели, правда, Калли чаще взрывалась сама.

Услышав ответ, Джерри одобрительно кивнул, пожёвывая

сигару. Старик говорил, что забрал её у убитого десятки лет назад солдата Синдиката, ещё до того, как стал Одноруким. Он поклялся, что зажжёт её только перед смертью. Неми даже жалела пожилого Стрелка. Он родился и вырос в трудные времена. Тогда не то чтобы патроны, сложно было найти даже еду. Гильдия переживала худшие дни. Ещё чуть-чуть, и Стрелки превратились бы в Метателей. Но те дни прошли, а мышление Джерри осталось. Такими темпами сигара задымится лишь с появлением трофейных спичек.

С приходом Говарда очень многое изменилось. Не его заслуга, конечно. После Второй Священной Войны синдикатовцы начали размножаться так, будто боялись не успеть настрогать солдат к Третьей. С увеличением населения пришёл избыток отходов, превращавшихся в еду. Стоило процессу переработки закончиться, как Стрелки начинали откачивать свою долю.

Быстро затушив костёр, они выползли из полуразрушенного небоскрёба, приземлившегося на деревянный коттедж. Через пару дней и то, и другое исчезнет — как и всё на Нижних Уровнях. Энтропия — так называл процесс изменения Однорукий Джерри, шедший впереди и выискивающий дорогу.

— Всё дело в вероятностях, — пробурчал он, будто почувствовав спиной взгляд Неми. Шесть пистолетов тихо бряцали на теле Джерри при ходьбе. «С одной рукой в бою не перезарядишься, потому лишний ствол не помешает», — любил повторять старик. Неми щадила его чувства и не говорила, что знала о его роли во Внутреннем Круге. Там Однорукий чаще был оруженосцем, чем бойцом. — Время течёт, и мир меняется. Нужно искать дорожки, где поток несёт тебя с обычной скоростью. Шаг в сторону — уплывёшь в прошлое. Или будущее. А то и застынешь, оставшись в вечности.

— Но как их различать? — поинтересовалась Калли, стараясь идти по следам Джерри.

— Любой опыт приходит с наблюдением и практикой, — старик запнулся.

— Значит, ты не знаешь?

— Значит, я не знаю, — согласился Джерри. — Это что-то свыше. Ты либо начинаешь видеть, либо ждёшь, когда начнёшь. Если я не переживу бой, кто-то должен будет занять моё место.

К горлу Неми подкатил комок.

— Да брось, Однорукий! — попыталась она отшутиться. — Ты столько прошёл, чего тебе бояться?

— Не бойтесь за меня, — усмехнулся Джерри. — Я же не боюсь. Главное — не попадите в Линию, иначе будете как Сэт пахать на Гильдию почём зря. Вот бедный ублюдок. Я бы не

вынес, если бы пришлось сто жизней смотреть на рожу Говарда. Если вы почувствуете, что пришло понимание, то начать различать потоки — раз плюнуть. Главное доверяйте себе. Растворитесь разумом. Представьте себе всю свою жизнь — и вы увидите.

«Даже если ты умрёшь, мы не станем следопытами, — подумала Неми. — Мы не вернёмся в Гильдию».

— Не хочу занимать твоё место, а то придётся представлять всю череду моих провалов и неудач, — заметила Калли.

Неми почувствовала, как на шляпу упала капля. Через секунду по полям забарабанила целая армия её сестёр. Калли радостно засмеялась, подмигнув ей. Неми послала любимой воздушный поцелуй. Лучше промокнуть, чем помереть от возникшей над головой падающей балки. Там, где льётся вода, меньше вероятность подохнуть.

— Смотрите, — Джерри махнул рукой. — Видите, как змеится тропа?

И правда — дождь указал им дорожку. Только там, где время шло нормально, капли достигали асфальта. «Дом, милый, мать его, дом».

Джерри не ушёл даже после инцидента с пограничниками, и за это Неми готова была его расцеловать. Калли права: она поддалась гневу. Но чего любимая ожидала? Что Неми поймёт Говарда и простит? После того, что синдикатовцы с ними сделали?

Воспоминание выползло чудовищем из норы, как Неми ни старалась его отогнать. Им с Калли по семь лет, они ещё совсем мелкие и не понимают, что родились в самой мелкой коммуне, охраняемой всего лишь десятком Стрелков. Им нельзя выходить за барьер, ведь поселение специально устроено на площадке устойчивого времени. Они ещё не знают, что у Синдиката появились собственные следопыты, ведущие армейцев на штурм. Они ещё не осознают, что ублюдки убьют всех, кроме них двоих. Они ещё не ведают, что для утех бойцы могут использовать и семилетних.

Они пережили всё вместе. Если бы не Калли и её поддержка, она бы погибла. Любимая без тени скромности считала так же. Когда же пришли Стрелки и разобрались с подонками, Неми чётко решила: она станет сильной и не допустит, чтобы их история повторилась где-то ещё.

Гильдия научила их выживать и драться. Идти убивать, а не умирать. Кодекс стал делом всей жизни.

Когда Неми узнала о сотрудничестве Говарда с пограничниками, то не стала сдерживаться. Они с Калли уже

завоевали авторитет умелых подрывниц. Собрать группу озлоблённых на Синдикат бойцов не составило труда. Джерри даже искать не пришлось — он нашёлся сам.

Калли умоляла её остаться, умоляла забыть про обиды прошлого и сосредоточиться на их нынешнем счастье. «Кем же я буду, оставив всё плохое?» — спросила тогда Неми. Спустя пару дней её ударная группа уничтожила двадцать восьмой пограничный пост Синдиката. Тот, с которого десять лет назад атаковали их коммуну. Неми не пощадила никого: ни солдат, ни их жён, ни даже детей. Она выкорчевала мразь. Оборвала все возможности для повтора трагедии.

И предатель Говард объявил их вне закона. Но он не знал, что Однорукий принимал участие в нападении — и послал Джерри по следу мстителей. В итоге, Неми сумела не только забрать Калли с собой, но и сбежать с ней и остальными сообщниками на Четвёртый Уровень. И всё благодаря Однорукому.

Попав наверх, Неми с Калли поняли одну очень интересную вещь: сколько бы их ни просили рассказать о Нижних Уровнях, они не могли сформировать слов. Джерри слышал о таком из старых легенд изгнанников. Это называлось Молчанием. Вернувшиеся наверх не рассказывали про творящиеся внизу чудеса.

После почти полугода скитаний по Четвёртому Уровню, изгнанницы Гильдии нашли достойный контракт. Керн, их новый работодатель и глава картеля Алой Розы, подкидывавший халтурки наёмникам окраин, на этот раз раскопал кое-что действительно серьёзное. То, с чем могли справиться только бывшие Стрелки. Аванс обеспечил всем сообщникам Неми безбедное будущее. Но главная оплата ждала впереди — падение Синдиката.

Они торопились домой. Сложно привыкнуть к миру и комфорту, когда всё время живёшь в опасности. Когда время постоянно течёт во все стороны сразу, где мертвецы, выпавшие из других пространств, оживают и становятся частью Линии, где здания возникают из воздуха и складываются карточными домиками.

«Когда питаешься всю жизнь дерьмом, от конфет болит желудок».

Но от возвращения домой Неми тошнило. Она бы с удовольствием пошла на дело одна. Но Калли не отпустила её.

— Я ведь так и не поблагодарила тебя за возвращение, Джерри. Ты не был обязан это делать.

— Не обижайся, Неми, но дело не в вас, — старик так самодовольно хмыкнул, будто всю жизнь мечтал подобное

сказать. — Намечается кое-что очень крупное. То, что перетрясёт весь старый уклад. Моя судьба — помочь вам.

— Перетрясёт весь старый уклад? — переспросила Калли. — У нас что, смена начальства? Опять?!

Неми не сдержалась и хрюкнула. Да, появления Говарда десять лет назад никто не ожидал. И уж совсем внезапной стала смена руководства, когда полуживой урод победил в честной дуэли старого главу — Кедера.

— Почти, — сказал Однорукий. — Видишь ли, сотни лет назад Гильдия была всего лишь бандой наёмников. Синдикат предложил нам контракт: отправиться на Нижние Уровни, сопровождая изгнанников, и убедиться, что каждый сгниёт в мучениях. Но у нас проснулась совесть. Вместо тюремщиков Стрелки стали борцами за свободу.

— Ты так говоришь, будто был там, — усмехнулась Калли, схватив любимую за плечо, чтобы не поскользнуться. От неё пахло духами, порохом и жжёным маслом.

— Потоки времени не лгут, дорогая, — сказал Джерри. — Тогда мы изменили курс истории. И сегодня мы снова это сделаем.

Да, их задание вполне можно было назвать историческим. Вот только Неми не до конца верила в переданную ей информацию и валила всё на обычную охоту за сокровищами. Чем бы это ни было — не важно. Ей пообещали падение Синдиката. Когда придёт время, она по полной спросит оплату.

Джерри продолжал искать путь среди нестабильных потоков энергии, в то время как на горизонте с потолка сыпались бетонные блоки, дома и трупы. Дождь. Струилась меж камней застарелая кровь — гостья, опоздавшая на пару столетий. Небоскрёбы вырывались из асфальта и тянулись к потолку, трескались, ломались. Короткие, бесполезные циклы. Так или иначе, всё умрёт. Всё начнётся заново. Неми уяснила урок очень давно.

Если хочешь стать Стрелком, первым делом нужно перестать бояться смерти.

— Та женщина, Мира, — произнёс Джерри. — Ей можно доверять.

— Ты уверен?

— Потоки времени не лгут, — повторил Однорукий. — Почти пришли.

Площадку трудно было не заметить. Окружающие многоэтажки выстроились и согнулись над ней, словно паломники вокруг святыни. А ведь было чему поклоняться. Прямо посередине, в небольшом круге света возвышался саркофаг,

сделанный из чёрного, похожего на стекло материала. На крышке стояла маленькая серебристая чаша.

Не теряя времени, путники начали подниматься. Мира предупредила их, что могут возникнуть проблемы. Но Неми не поверит, пока сама не увидит. Всё её путешествие вело к этому моменту.

К мощам Освободителя.

Сама мысль о том, что тело мессии находится где-то на Нижних Уровнях, казалась абсурдной. Зачем кому-то хоронить его здесь? Но Неми не стала задавать вопросов, а внимательно выслушала, что от неё требуется. А требовалось немногое — найти саркофаг и налить в чашу кровь из пробирки.

Перед тем, как начать ритуал, Неми раскидала повсюду взрывчатку. Не мешало лишний раз подстраховаться. Как только взрывпакеты были уложены, Неми почувствовала шевеление за спиной.

В паре метров от неё мерцал фиолетовой энергией барьер. Стена расступилась, явив взгляду бледного, полумёртвого паренька лет двадцати. Труп из другой эпохи, что ожил, выпав в настоящее время. Линия.

Неми выхватила револьвер и вышибла мертвецу мозги.

— Осторожно! — закричала Калли.

Но Неми и не стоило предупреждать. Мертвецы попёрли со всех сторон: ошарашенные, сконфуженные, жаждавшие крови.

Скрючив пальцы, ожившие трупы наступали с голодной настойчивостью. Стрелки, синдикатовцы, полицейские, обычные граждане и изгнанники — все они попали на маскарад смерти, запутавшись в водоворотах времени. Очнувшись, они инстинктивно пытались убить нарушителей спокойствия — не их вина, конечно. Когда-то и Сэт пытался напасть на Стрелков, пока они не привели его в чувство неделями изоляции и ухода. Но у Неми отсутствовало время на сантименты.

Она вскинула пистолет и всадила в подобравшегося ближе всех солдата две пули. От силы выстрелов мертвеца развернуло на месте.

«Я не успею перезарядиться», — пронеслось в голове. Тут Неми почувствовала на плече металлический холод.

— Я справлюсь, — произнёс Джерри, убирая руку с зажатым в ней револьвером. — Делайте то, что должно.

Неми кивнула и поскакала наверх, к чаше. Однорукий за её спиной начал стрельбу.

— Рождённые во тьме, — приговаривал он главную литанию Стрелков, угощая невольных стражей саркофага свинцом, — не боятся смерти. Как ты можешь умереть, если уже мёртв?

— Скорее! — умоляла Калли. Трясущимися руками Неми выудила из кармана пробирку с кровью и, размахнувшись, раздавила её. Кровь захрипела, вздыбилась и обратилась в водоворот. Подняв ладонь, Неми поняла, что поранилась — осколки стекла застряли в коже.

— Страх — твой главный враг, — цедил Джерри. Первый отстрелянный револьвер отлетел в сторону. Одни мертвецы бились в конвульсиях, другие молча лежали, пытаясь остановить кровотечение. Прилетевшая пуля разнесла вдребезги челюсть девушки, что при жизни могла показаться красоткой. Зашатавшись, она рухнула на колени и начала блевать.

— И что, мать его, дальше? — завопила Калли. Кровь, будто услышав её, взорвалась.

Саркофаг поднялся в воздух. Неведомая сила придала ему вращения. Махина из чёрного стекла пролетела над головой Стрелков, а затем растаяла, словно мираж.

— Узрите же! — прогремел голос над головой Неми. Она подняла взгляд и чуть не ослепла от яркого огня. В шаре из синего пламени рождалось нечто нечестивое, мерзкое, отталкиваемое самой логикой мира.

Огромные, бритвенно-острые крылья развернулись в воздухе. Саваны смерти низверглись до земли. Гигантское, закованное в латы и окутанное балахоном существо, парило возле Неми. Под капюшоном виднелась маска, похожая на птичий клюв. Вытянутые когти рассекали воздух, а лапы касались асфальта, заставляя его чернеть.

Неми поняла, что перед ней не Освободитель. Мира солгала им. Они выпустили что-то намного хуже.

— Бегите! — завопил Джерри. — Бегите, пока можете!

— Нет, — ответило существо и наклонило голову. Двое мертвецов схватили Однорукого, пытаясь разорвать на части. Старик с истошным криком нырнул вниз. Толкнув плечом стоявший слева живой труп, он прошмыгнул вперёд. Его револьвер снова завёл песню смерти.

Воздух был так горяч, что Неми почувствовала, как вскипает её кожа. Дыхание стало прерывистым, готовым сойти на нет.

— Хватаем Джерри и валим! — закричала Калли. — Саркофаг не сработал!

Неми с непониманием уставилась на неё. «Ты ослепла, любовь моя?»

— Нет. Просто она меня не видит, — проскрежетало существо, с любопытством наблюдая, как Джерри отбивается от мертвецов.

— Кто ты? — выдохнула Неми.

— Тот, кто спасёт вас.

Мир замедлился. Джерри, Калли, наступающие мертвецы — всё это стало далёким, чужим и неважным. Зачем нужны они, когда есть это существо?

— Я всегда знал, что тело дорогого друга мне понадобится, рано или поздно. Но чтобы сейчас? Впрочем, волноваться нечего. Саркофаг свою задачу выполнил, закачав кровь заражённого мной субъекта. Тело загерметизировано. Теперь с него не будет течь сырой код. Что вам сказала Мира? Что вы идёте на могилу Освободителя, не так ли? Она не солгала, ей просто незачем. Просто я забыл упомянуть…

Револьвер вылетел из руки Джерри. Стрелок издал истошный крик, но уже ничего не мог поделать. Мертвецы окружили его. Бледные пальцы тянули старика в разные стороны, пытаясь порвать словно лист бумаги. Крылатая тварь махнула рукой, и всё остановилось. Замершие на секунду живые трупы бережно подхватили Джерри и понесли вверх.

— Коды работают, — пробормотала тварь. — Прелестно.

Неми повернулась к Калли и увидела, что любимая стоит, застыв с открытым ртом. Словно каждая деталь мира двигалась лишь по желанию птицеподобного существа.

— Можешь звать меня Корвус, — дружелюбно произнесло оно.

— Куда они тащат Джерри? — выдавила Неми, чувствуя, как её тело стягивают невидимые путы. Ответ на её вопрос пришёл сам собой: мертвецы дотянули Однорукого до места, где стоял саркофаг. Уложив его на пол, живые трупы отступили к барьеру и растворились. Как только исчез последний, вокруг тела Джерри начало собираться чёрное стекло.

— В защите больше нет нужды, — кивнул Корвус вслед ушедшим мертвецам. — Твой друг займёт место пропавшего тела. Храбрейший человек, этот следопыт. Он видел в потоках, что ему суждено умереть здесь — и предпочёл прийти сам, а не начал играть в прятки с судьбой. Ваш контракт выполнен. И, боюсь, Мире понадобятся ваши умения и помощь. Да, кое-чего она не знает, поэтому передайте: тебе, как и всем, кто заразился кровью Джареда, осталось жить не больше полугода.

16 марта, 541 год после Освобождения

Калли не могла вспомнить, как оказалась здесь. Они были на Нижних Уровнях, Неми себя очень странно вела, во время ритуала Джерри схватили мертвецы. А затем всё свернулось,

завизжало и улетело в пустоту.

Помещение оказалось комнатой мотеля, в котором они останавливались пару месяцев назад. Они вернулись в Старый Город. «Так быстро?»

Неми сидела рядом на диванчике и поглаживала косу. Она сохраняла сосредоточенный вид — как всегда, решала зримую лишь ей одной задачу. Стоило ей повернуться, как Калли увидела в глазах любимой слёзы.

— Что случилось?

— Нам конец, — прошептала в ответ Неми. Тон напугал больше слов: с мыслью о смерти Калли смирилась уже очень давно. Любимая слыла жестокостью, рано или поздно одно из её злодеяний сжило бы их обеих со свету. Но животный страх перед кончиной никогда не был чертой Неми.

Не успела Калли обнять подругу, как та сорвалась с дивана и показала на хронометрон в виде распятия, висевший на стене.

— Смотри! Шестнадцатое марта! Он принёс нас сюда спустя почти три месяца. Как он смог? И кто он такой?!

— «Он»? — запуталась Калли. — О чём ты вообще говоришь?!

— О Корвусе! — рыкнула Неми. Не успела она объяснить свою мысль, как дверь распахнулась настежь. В комнату ввалилась Мира в неизменном деловом костюме. Серые глаза оставались всё такими же беспощадными. За ней следовал Керн: высокий, жилистый и серьёзный. Дальше пошли незнакомцы: франт с красным бантом на шее, щуплый мужчина с растрёпанными волосами и в очках, а также крепкий паренёк с наращенными клыками и прядью, прикрывающей правую сторону физиономии.

— Так вы уже здесь, — прогудела Мира. Шок на лице Неми сменился злостью. Незримым движением она выхватила из кобуры револьвер и направила его на женщину.

— Потише, сестра! — гаркнул зубастик, в свою очередь наставив на Неми пистолет. Калли вскочила и вытащила из кармана гранату.

— Если она умрёт, вы все тут взлетите на воздух! — крикнула она.

— Успокойтесь, немедленно, — чуть ли не шёпотом сказала Мира. Это была даже не просьба, а приказ. — Неми, верно ведь? Какого чёрта ты наставляешь на меня ствол?

— Ты втянула меня в это! — Неми скрипела зубами. Её красивое лицо свернулось в маску ненависти, мышцы под кожей искажали черты, наделяли их чуть ли не демоническим оттенком. — Ты и твой долбаный контракт!

— Во-первых, ты сама на него согласилась. Во-вторых, все

твои друзья теперь купаются в богатстве и безопасности. А в-третьих, раз ты здесь и выполнила свою миссию, то теперь мы точно свалим Синдикат. В чём проблема?

— В Корвусе, мать его! — проревела Неми. Калли бросила косой взгляд на любимую. «Что ты несёшь?» — Полгода! Из-за крови какого-то сраного Джареда мне оставалось жить меньше полугода. А теперь уже вдвое короче, ведь он три месяца тащил нас сюда в бессознанке!

Мира сжала губы с такой силой, что они побледнели. Стоявший рядом очкарик растерянно оглядывался, а Керн ухмылялся. Франт сохранял невозмутимость, но в его взгляде читалось любопытство. Зубастик кинул быстрый взгляд на Миру и произнёс:

— О чём идёт речь?

— О том, что мы все умрём, — сказала Мира. Её голос даже не дрогнул. — Мы нашли Тайрека. Это было заключительной частью плана. Гай?

— Я проанализировал его кровь, — ответил франт с бантом на шее. — Результаты превосходят все мои ожидания. Но об этом поговорим лично, если не против.

— Я чего-то не знаю? — спросил зубастик, не отводя ствола от Неми. Калли готова была переломать говнюку все кости.

— Когда я бросила клич среди жокеев, ты пришёл ко мне и сказал, что ненавидишь Синдикат, — бросила Мира. — Но готов ли ты умереть, чтобы уничтожить его?

— Всего лишь цена вопроса, — ощерился парень. — Если бы я дорожил жизнью, то не был бы твоим телохранителем.

— Мы взяли тебя за твои жокейские способности, а не за умение пробивать головы, — холодно буркнула Мира. — Сколько тебе нужно, Коул?

— Десять миллионов отцу, десять миллионов брату, — пожал плечами зубастик.

— А тебе?

— А мне ни к чему. Я в рулетку могу с пятью патронами сыграть.

Мира кивнула, даже не улыбнувшись на шутку Коула. Повернувшись к Неми, она произнесла:

— Мы все здесь готовы умереть, ради достижения цели. Что же выберешь ты?

По щекам любимой текли слёзы. Оглянувшись на Калли, она опустила револьвер.

— Хорошее решение, — произнесла Мира, подошла ближе и обняла Неми. Калли убрала гранату и хмыкнула. Она не любила, когда её подругу трогал кто-то ещё.

— Я… просто… — прошептала Неми.

— Всё в порядке, — сказала Мира. — Теперь сядьте и послушайте.

Все расселись кто куда, обратившись в слух. Женщина прокашлялась и начала:

— У нас всё готово. Фигуры расставлены. Тайрек с нами, а значит, операция почти успешна. Джаред?

— Я проверил чёрный рынок и Информаторий. Не привлекая внимания контрразведки, мы сможем выудить только одного Оператора. Это было огромной проблемой, потому что в таком случае перекачки сознаний не получится.

— Перекачки чего? — спросила Неми, вытирая щёки от слёз.

— Сознаний. Ты копируешь весь свой опыт, все мысли и воспоминания, а затем вставляешь в другого человека, — очкарик говорил с неприкрытой скукой, будто описывал приготовление грибной каши. — Но для процесса нужно больше Операторов. Один, скопировав все сознания, может не выдержать нагрузки при живых донорах. У него просто мозг перегорит, а затем перегорим мы. Отключиться будет невозможно. Но раз мы всё равно умрём, это больше не проблема.

Калли почувствовала столб холода, ползущий вдоль позвоночника. Она, готовившаяся к смерти столько времени, ощутила отторжение. Как он мог с такой простотой об этом говорить? Но тут она всё поняла, перехватив взгляд очкарика, когда тот смотрел на Миру.

Она назвала его Джаредом. Его кровью заразилась любимая. И, похоже, ею же была заражена Мира. Все они будут мертвы через три месяца. Но не она.

О чём бы ни говорила Неми, Калли проклятье не затронуло.

— Наш Тайрек — особенный, — вмешался в разговор франт. — Впрочем, как и все сааксцы. При перекачке в первенцев, вы передаёте только сухие знания. Но если делаете то же самое с сааксцами, то там переходят сознания. Копируется личность. Человек, находясь в другом теле, осознаёт себя и может продолжать жить.

— Это ты выяснил во время войны? — спросил Керн.

— Как только узнал про способности Сафира, — кивнул франт. — Я искал способ контролировать синегубых. Тем не менее, благодаря моей сыворотке потенциал Тайрека может многократно увеличиться. И мы можем все поместиться в его голове. И продолжить жить, оставив эти оболочки. Если я правильно всё рассчитал, наши сознания можно позже отделить и передать в другое тело — желательно выбрать сааксца, чтобы вытеснить старую личность.

— Будем прыгать как паразиты из одного сосуда в другой, — мрачно произнёс Керн и воззрился на Миру. — Нужно лишь позаботиться об убийстве наших тел. Меня такой план устраивает. Но что же Корвус? Когда этот сукин сын явится и ответит за всё? Почему он не предупредил нас заранее?

— Потому что мы не согласились бы на план, — протянула Неми мёртвым тоном. — Я понятия не имею, о чём вы все говорите, народ. Но этот подонок… этот дьявол! Если бы он рассказал всё сразу, никто бы не согласился бить по Синдикату, так же?

Калли заметила, как пригорюнился очкарик.

— Я хотел бы извини… — начал он, но его перебила Мира.

— Его голос пришёл ко мне сегодня. И сказал, что у него теперь тело Освободителя. С ним он сможет открыть вход Стрелкам на площадь Освобождения.

Калли почувствовала, как в глазах двоится. Она активно заморгала, пытаясь привести всё в норму. Но картинка начала распадаться на сотни частей. И тут она увидела потоки.

Время напоминало текущую воду, что расслаивалась на отдельные сегменты, застывшие в вечности. Каждое движение замирало копией, прежде чем исчезнуть в пустоте. Вот о чём говорил Джерри.

— Площадь Освобождения? — подала голос Калли. — Это невозможно. Под ней зона дикого времени. Даже Говард не может построить туда путь.

Мира посмотрела на неё внимательным взглядом. В жестоких серых глазах проявилось нечто, похожее на жалость.

— Он сказал, что с полученным кодом может очень многое, а главное — скрываться у Освободителя под носом. Стражи, которых он пробудил, помогут отвоевать площадь и удержать её на некоторое время. Стрелкам не стоит идти дальше. Он сказал: «Площадь — всё, что нам нужно. Если всё пойдёт гладко, после неё не придётся воевать дальше».

— Пробудил Стражей? — скептически спросил Керн. — Если на его стороне целая армия этих тварей, зачем ему мы? И с кем же они собираются воевать? Они что, лично будут разрывать каждого синдикатовца?

— Нет. Они будут драться со Стражами Эдема.

Долгое молчание подействовали Калли на нервы. Всё, что им нужно — это время.

Времени не хватает ни у кого.

— Вот значит как, — произнёс Керн. — На небесах гражданская война, а мы заключили договор с дьяволом и платим за него нашими жизнями. С армией демонов и изгоев мы пойдём

на войну. Всё для того, чтобы побить прихвостней Эдема. Мы даже не знаем, что ему нужно. Не знаем, сработает наш план или нет.

— Сработает, — весомо заметил Гай. — В худшем случае, придётся носить другое тело. Но учитывая, что наши, скорее всего, умрут, это не худший выбор. Я заразился давно, но до сих пор жив. Видимо, дело в крови Джареда — через неё эффекты Корвуса слабее. Вирус не может держаться в организме и разрушает носителя. Но за это тело я не держусь — слишком много плохого с ним связано.

— Так значит, решили, — произнесла Мира. — Неми, Калли, раз теперь вы с нами… Нам понадобится не только ваше знание языка Стрелков. Керн говорил, что вы опытные подрывницы. Нам понадобится очень много взрывчатки, чтобы отвлечь армейцев.

— Вы что, собираетесь взрывать невинных людей? — нахмурился зубастик Коул. Мира покачала головой.

— На Четвёртом уровне полно необжитых мест. Бегунов из Приютов, ставших бомжами, всегда можно выгнать. А затем взорвать место к чёртовой матери — и никто не пострадает. Диверсия есть, внимание солдат отвлечено. А наши друзья-Стрелки слишком давно контактируют с окраинами, чтобы наносить тамошним жителям вред.

Коул удовлетворённо кивнул. Калли новыми глазами посмотрела на зубастика. Он показался ей обычным дуболомом. Но, похоже, паренёк был не так прост.

— Что же, всё решили, — удовлетворённо произнесла Мира. — У нас осталось совсем немного времени. Нужно найти оборудование, подготовить аппаратуру и решить все оставшиеся проблемы. Вторжение назначим на День Победы — проще будет задавить армейцев, пока все празднуют. Расходимся!

За минуты заговорщики покинули помещение, оставив девушек в одиночестве. Мира, правда, задержалась в дверях перед уходом.

— Извини, что так получилось, — сказала она Неми. — Понимаю твою боль. Я тоже не просила о такой участи. Но есть вещи, которые мы обязаны сделать. Ради всех нас.

Ладонью Мира зачем-то погладила живот — похоже, движение вышло неосознанным. Неми торопливо кивнула, отпуская женщину. Как только никого не осталось, она сказала:

— Калли, знай, я всегда буду любить тебя. Но ты сама понимаешь, что нам стоит расстаться. Я не хочу…

— О чём ты? — засмеялась Калли, наблюдая, как мир делится на её глазах, оставляя за собой десятки тысяч копий. — Ты что, думаешь, я позволю тебе умереть одной? Нет, глупышка.

Мы погибнем вместе.

Когда-то

— Теперь ты знаешь всё.

Тайрек вздрогнул, оглянувшись. Он оказался в тёмной комнате — самое место для тёмных мыслей.

— Это твой разум, — сказал Джаред. В его очках Тайрек увидел сотни разбитых стёкол — отражения его воспоминаний. — Здесь мы все обитаем.

— Я не представлял, что сыворотка так тебя усилит, — признался Гай, поправляя бант на шее. Тайрек сжал кулаки, приготовившись напасть на франта. Этот сукин сын, проливший столько крови его народа, ещё смел ёрничать?! — Эй, потише, дружище. Убьёшь кого-то из нас — всего ли подавишь наши личности на время, а сам погибнешь. Подумай дважды.

— Нас можно уничтожить, — сказал Джаред, оглядываясь на других заговорщиков. — Но только если мы того сами захотим.

— И то верно, — вздохнула Мира.

— Я понимаю твою ненависть, — произнёс Гай. — Считаешь меня чудовищем? Пожалуйста. Но это чудовище поможет тебе отомстить за Карас.

— Несчастные вы ублюдки, — произнёс Тайрек. — Так я и знал. Это было не ради Старого Города и не ради его жителей. Марий солгал мне. Никакая смертная казнь тебе не грозила, Мира. Ты всего лишь хотела освободить отца. И ради этого стоило заключать контракт с дьяволом? Ради этого стоило погибать?

— Ты просто ничего не знаешь о самопожертвовании, — цыкнул Джаред. Помещение потемнело, отчего «Звёзды» стали мерцать.

— И ты мне о нём расскажешь? — захохотал Тайрек. — Ты, что принёс столько людей на алтарь? Сколько из-за вас погибло? Да вы большие лицемеры чем я, ребятки! Подумать только, с кем я связался. Компания преступников и изгоев, которых даже свои ненавидят! — он ткнул пальцем в девушек-Стрелков. — Вы, так высоко себя ставившие… да вы не лучше меня! Бешеные псы, не более. Монстры. Чудовища.

— Ты когда-нибудь любил, Тайрек? — вдруг спросила Мира. Сааксец запнулся. — Гай знает: ты больше, чем человек. Потому мы тебя и выбрали. Но в тебе не осталось ведь ничего человеческого, правда? Тебе плевать на всё. Ты готов был прожить жизнь в темноте и спокойствии, лишь бы тебя никто не трогал. Ты оторвал всё, что тебе мешало. Живой труп, только и

всего. До того, как мы дали тебе цель, ты готов был умереть. Пусть мы и монстры, но мы чувствуем. Можешь ли ты сказать то же самое о себе? Станешь ли ты нашим судьёй?

— Эдем должен быть разрушен, — произнёс Тайрек. — Освободителя нужно остановить. Но не такой ценой. Вы больше не сможете меня контролировать — я знаю это. Ещё тогда, когда меня нашли полицейские сканеры, я начал уплывать из ваших рук, так ведь?

— Да, — неохотно признал Гай. — Твоё тело отреагировало на сыворотку сильнее, чем я ожидал.

— И в чём же эффект? Что-то я не вижу, чтобы мои раны затягивались, как у этого подонка Сафира.

— О, с тобой всё намного… хуже, — усмехнулся Гай. — Ничего, ты увидишь. Пусть это останется маленькой загадкой.

— Тайрек, что бы мы ни делали, это шло на благо Старого Города, — почти умоляла Мира. — Поверь мне. И твой отец…

— Ты сказала, что он ушёл. Что вам нужно найти его. Почему?

— Чтобы он не достался Сафиру, — ответил за Миру Гай. — У него ключи от Караса. Если они попадут к этому «пророку», последствия могут быть непредсказуемыми.

— Вы ведь знали, что Сафир не умрёт, — произнёс Тайрек. — Какой смысл его убивать?

— Чтобы он поверил в наше незнание, — пожала плечами Мира. — Чтобы посчитал нас меньшей угрозой. Твой лейтенант думает, будто бы обыграл нас, хотя на деле сам остался в дураках.

— Но ты предала и Коула.

Зубастик стоял спиной к Тайреку, сложив руки на груди. Казалось, он даже не слышит разговора «Звёзд».

— Разве? — Мира оскорблено хмыкнула. — Я сразу знала, что он не пойдёт на самоубийство. Все его разговоры об игре со смертью — чушь собачья. Какого чёрта совершенно незнакомый парень решил бы застрелиться ради уничтожения Синдиката? Нет, я ему никогда не верила. Я даже рассчитывала, что он сбежит, попытавшись утащить часть моей памяти. Как только наш план по захвату площади Освобождения провалился, оставалось ждать, когда же Коул продаст правду о вторжении и у нас появятся союзники. Если бы истина оказалась никому не нужна… что же, Корвусу нужно новое тело. По его словам, с трупом Освободителя он хоть и получил коды, но всё равно не мог влиять на реальный мир. А жокей с курьерскими способностями подошёл бы идеально. Я не знаю, зачем Корвусу такой человек. Он собирается переносить воспоминания? Или что-то ещё? Как бы

там ни было, велика вероятность, что птица уже схватила Коула и носит его тело.

Зубастик так и не шелохнулся, будто речь шла совсем не о нём.

— Какая же ты коварная сука, Мира, — пробормотал Тайрек. — И не жалко тебе его?

— Он сам пришёл ради наживы. Пусть пеняет на себя.

— Что же, я остановлю Эдем, — пообещал Тайрек. — И расправлюсь с Сафиром. Но вы больше не сможете мне ничего сделать. Отныне вы подчиняетесь мне.

«Звёзды» замолкли и потупили взгляды. Заговорщики, готовые приносить в жертву других, постоянно отвечавшие на его обвинения, вдруг не могли найтись с ответом.

— Пора прекратить этот фарс.

Фраза прозвучала из уст Коула. Зубастик развернулся лицом. Тут Тайрек заметил в его глазах осколки. Его воспоминания оттаяли.

— Я не Джек Коул. Меня зовут Гарри, — произнёс он, приближаясь к Тайреку. Повернув голову к Керну, он помахал рукой. — Привет, пап. Давно не виделись.

— Сынок? — потрясённо произнёс бандит. — Но они ведь…

— Забрали меня? Да. Чтобы искупить твою ошибку, — зубастик усмехнулся. — Вигиланты знали, что твоя деятельность имеет связь с Корвусом, Мира. Не так уж умна, как думала? Ты ведь считала, что я всего лишь с вами из-за денег. Ты надеялась, что я смогу ускользнуть с твоей памятью и обнародовать её. «Этот тупой жокей поможет нашему делу!» — вот что у тебя было в голове. Но ты даже представить не могла, на что мы готовы.

— Но как? — выдавил Джаред. — Твои воспоминания…

— Я ведь курьер, забыли? — засмеялся зубастик. — Я умею блокировать часть своей личности. Потому меня и забрали вигиланты. Со временем я стал одним из них. Каждый день, Джаред, я ходил под окнами Информатория. Мы подозревали, что Корвус спрятался где-то там. Я почувствовал его сигнатуру в тот день, когда тварь сбежала через тебя. Моей задачей было найти и ликвидировать утечку. Мы мобилизовали все силы. Рано или поздно должен был раздаться клич. И ты, Мира, не подвела. Всего-то нам нужно было поймать подходящего жокея и передать его воспоминания мне. Им стал этот бедолага Джек Коул. Я отделил его знания от своих, чтобы ничего не перепутать. Пришлось заставить себя поверить, что я — это он. Ну и мерзко же у него в голове! Но теперь всё закончилось. Но я реально не ожидал, что вы при первых признаках внештатной ситуации броситесь к Информаторию! Дай-ка угадаю: ты пыталась найти

файл Корвуса, так ведь?

— Мы могли распространить его по Сети, — сказал Джаред. — И посмотреть, сколько человек клюнут.

— Подумать только, на что толкает людей отчаяние, — хмыкнул зубастик. — Но теперь всё закончилось.

— И что дальше? — крикнула Мира. — Ты успешно внедрился к нам, поздравляю. Что же ты теперь сделаешь?

— Как что? — пожал плечами зубастик. — Убью носителя.

Тайрек почувствовал, как на его воображаемой шее сомкнулись руки Коула. Перестало хватать воздуха. Вся жизнь пронеслась перед глазами — и он понял, что зубастик уничтожает его память.

— Они тебе не помогут, — прошептал Коул. «Звёзды» за его спиной начали отмежёвываться друг от друга ледяными стенами. Мира кричала и била кулаками по возникающей преграде, Стрелки застыли в ужасе. Гай стоял, засунув руки в карманы, Джаред пытался привлечь внимание Миры. Керн заплакал, раскрывая рот. «Гарри! Остановись!» — прочитал Тайрек по губам. Его жизнь, его прошлое — всё это медленно утекало в небытие.

«Звёзды» были так уверены в победе, что не заметили гнили внутри своих рядов. Их план развалился. Эдем будет править вечно. Освободитель уничтожит Старый Город, и Корвус уже ничем здесь не поможет. Тайрек улыбнулся: достойный конец для его нелепой жизни. Сейчас его память сотрут, личность уничтожат. Изломанное тело больше не будет прежним. Его миссия закончилась.

— Так вот почему ты устроила всё это, сестра?

Коул обернулся. Позади него, скрестив руки, стоял Марий.

— Кто ты? И какого чёрта здесь делаешь? — прорычал зубастик.

— О, ты так долго говорил, что и мне позволишь — тем более, время здесь тянется сколько угодно, — Марий пожал плечами. — Спасибо доктору Миямото, что имплантировал копию моей личности тебе, Тайрек. Боссы даже расщедрились на полноценную передачу с несколькими Операторами! Что смотришь? Ты же не думал, что контрразведка отпустит тебя без присмотра?

Он подошёл к Джареду и растопил рукой ледяную преграду. Техник с криками вывалился наружу.

— Какого хрена ты делаешь?! — прошипел Коул.

— Бунтую против Эдема, — холодно произнёс контрразведчик. — Я с тобой, сестра. Когда встретишь реального меня, расскажи всё в деталях. Я пойму. И помогу снова.

Тайрек не успел моргнуть и глазом, как Коул оказался возле Мария. Взмах рукой — и копии контрразведчика не стало. Его иллюзорное тело обратилось золой, и налетевший ветер разнёс останки. Стены затрещали. Начал проглядывать белый свет.

— Ты так всех нас убьёшь! — закричал Джаред.

— А что мне, по-твоему, нужно? — ухмыльнулся зубастик. — Когда я закончу с Тайреком, вы следующие. И после его гибели, вас уже ничто не спасёт.

Техник поднялся на ноги. Его лицо осветила улыбка.

— Вот оно как.

Он подошёл к Коулу и заключил зубастика в объятия. Тайрек зажмурился, когда их память начала смешиваться и сливаться.

— Что ты делаешь?! — завизжал Коул.

— Уничтожаю тебя, — просто ответил техник.

От взрыва у Тайрека заложило уши. Его детство, юность, время в Приюте, встречи с Келлой — всё это смешалось в единый поток, развалилось, а затем снова соединилось в его личность. Он открыл глаза.

На полу валялись обрывки личности Джареда. Коул исчез — осталась лишь горстка золы. Ледяные тюрьмы, которыми он отделил «Звёзд» друг от друга, растаяли. Мира бросилась к лежавшему на полу любимому.

— Нет, нет, нет, только не так, — бормотала она. — Мы же могли жить дальше… мы же могли найти новые тела! Как ты мог, Джаред?

— Всегда мечтал уйти красиво, — несмело улыбнулся техник. Его кожа начала обращаться в черноту. Все его воспоминания утекали, как слёзы под дождём. — Теперь у нас есть шанс. Поторопитесь. Разум Тайрека… он теперь разваливается. Здесь опасно оставаться. Мира. Ты ещё можешь выжить. Пожалуйста, ради меня… живи дальше.

Женщина кивнула, и в её глазах Тайрек увидел отражения воспоминаний. Обрывки счастья.

Вот она, любовь. «Ты знаешь, что это такое?» — спросил он себя.

Стены разлетелись, уступив место белизне. Тайрек почувствовал, как его тело умирает.

— Что ты теперь будешь делать? — спросила Мира. В её голосе слышалась горечь. «Звёзды» смотрели на него с надёждой. Теперь ситуация зависела от него и только от него.

— Я разрушу Эдем, — произнёс Тайрек. — Но больше никому не позволю жертвовать собой. Давайте. Нам пора уходить.

2 июля, 541 год после Освобождения

Зере предпочла бы клетку поменьше — так хотя бы сразу понятно, что тюремщики не собираются отпускать тебя живой. Вся её жизнь пошла наперекосяк. Она могла стать циркачкой, могла получить действующее гражданство — и всё пошло насмарку потому, что она решила напоследок посетить гетто. Сходить домой. Всё из-за встречи с Тайреком.

Но как она могла его винить после того, что он сделал ради них?

Саида-апа сидела в клетке рядом. Вид женщины оставлял желать лучшего. Но для матери, которая могла потерять сына, она держалась крепко. Зере хотела обнять её сквозь прутья и успокоить, но тюремщик не спускал глаз.

— Оставьте нас, — в комнату вошла женщина в форме Синдиката. На вид ей было не меньше сорока. С чёрными волосами и зелёными глазами, она напоминала Зере фурию из одной старой легенды о дарах Сипая.

Усевшись на стул перед клеткой Саиды, женщина сказала:

— Я знаю, каково терять детей.

— Правда? — холодно произнесла Саида-апа.

Женщина кивнула.

— Ваш сын погиб.

Саида промолчала. Зере схватилась за сердце. Ей показалось, что оно на секунду остановилось. Хотелось кричать, плакать, пытаться вырваться из клетки. «Как только Саида-апа держится?»

— И мне очень жаль. Я оказалась обманутой. Саддам всё рассказал мне. Вы знаете, он же старейшина. Совсем с ума сошёл, как только снял с Тайрека это дурацкое кольцо — боюсь, вашему сыну оно больше не нужно…

Саида-апа продолжала молчать.

— Я готовила для него людей. Мы собирались обрушить Синдикат — король решил пойти против Эдема. Я не могла такого допустить. Вас прислали первыми со стражей, велели заключить в темницу. Мы ещё не могли понять, что к чему. Но потом пришли люди старейшины Сафира, привезли труп Тайрека. Они сообщили, что все силы Саддама теперь работают на них. Что всё это время они готовили людей для поддержки Синдиката. И Саддам подчинился.

Женщина устало провела мокрыми ладонями по коленям.

— Он рассказал мне о переговорах. Теперь все обученные мною солдаты отправятся воевать против Эдема. Я думала, что меня никто не может обмануть. Саддам сказал, что меньшее, что мы теперь можем сделать — так это отпустить вас.

Женщина подошла к клетке Зере и отпёрла дверь. Она наморщила лоб, пытаясь что-то вспомнить.

— Ах да, он ещё просил передать танцовщице: «Это мир стервятников. Первый упавший станет обедом. Не стесняйся просить у меня защиты».

Зере застыла на месте, почувствовав волну, исходящую из сердца. Она вспомнила разговор перед тем, как пришли люди старейшины. Тёплые слова, уверенность и доброту этого странного человека.

— Тайрек? — прошептала она.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Эпилог:
Человек, который построил Эдем

«Самым страшным наказанием в аду будет одиночество»

Каро Нильс, статья «И немного о правосудии»

14 июня, 541 год после Освобождения

Небо кашлянуло в последний раз, и здание рухнуло. Джек покатился вперёд, увлекая за собой жестяные останки. Выпрыгнув в окно, он оказался в самом эпицентре сражения.

Следопыты Стрелков проложили оптимальный курс сквозь происшествие, и Джеку оставалось только сочувствовать несчастным синдикатовцам. Люди в плащах окружали их всё время: в прошлом, настоящем и будущем. Армейцев убивали как скот: без лишних сантиментов, жёстко, эффективно. Кровь заливала асфальт, солдаты молили о пощаде, но Стрелки пленных не брали.

Джек бросил останки вперёд, и его старая оболочка обнажила когти. Тело Освободителя божьим возмездием обрушилось на врагов. Крылья всхлипывали, вспарывая тела и выпуская кишки. Люди с револьверами, беспощадно уничтожавшие королевских разведчиков минуты назад, оказались перемолотыми в фарш.

— Не то, — пробормотал Джек. Он уже в седьмой или в восьмой раз лицезрел схватку Стрелков и синдикатовцев, но каждый раз чего-то не хватало.

С его появления на Нижних Уровнях прошли субъективные годы. Каждый раз, когда нужно было время подумать, он отступал сюда. События настоящего, прошлого и будущего бесконечно повторялись. Совсем неподалёку бедняга Сэт, навеки повязанный Линией, в сотый раз вытаскивал себя из нового временного отрезка — прямо из-под носа благословленного альбиноса. Мастер постоянно умирал у себя на глазах — может от того и перестал бояться смерти. Каждую секунду судьба убивала Сэта, создавая бесконечные отражения в вероятностях. Истинно неоценимый кадр для Говарда.

Рушащееся здание съёжилось, скривилось и пропало. Пустоту пронзила новая концепция, родившаяся из нереальности. Дома с

чудовищным грохотом падали костями домино, сгибались и складывались. Глава Стрелков совсем не жалел энергию, разбрасываясь ею повсюду, словно сеятель семенами. Его воле подчинялась реальность Пятого Уровня, и сложно было представить Гильдию без крепкого лидера, ведущего народ сквозь волны энтропии. Стрелки доверяли Говарду — не могли не доверять. Но даже он не мог прокормить голодающих людей без помощи сверху. Даже он не смог организовать удар в тыл синдикатовцам на площади Освобождения. Джеку пришлось показать несмышлёнышу путь, но Говард нарушил договор. Жадность — не самое худшее качество для человека, что хотел изменить всё. Но Говард таким не был. Он казался осколком старого мира, маленькой частичкой великого, которую Джек сохранил из чистой сентиментальности.

Он так долго спал, что едва сдерживал желание уничтожать. То, что сделали с его Городом, внушало отвращение.

Джек задрал голову и засмеялся. Небо покрылось инеем, хмурясь от его смеха.

— Тебе совсем недолго осталось, Кастус, — крикнул он. Ответа ждать бессмысленно. Джек уже успел забыть, когда потолок Пятого Уровня превратился в Канал и стал уносить энергию наверх, в Эдем. Даже не считая проведённых в спячке веков, это было очень давно.

Он многое успел позабыть. Не таким себе Джек представлял возвращение. И всё же, главные обиды не исчезли из памяти.

Он закрыл глаза. Битва возобновилась.

Джек шагал среди убивавших друг друга мужчин и женщин, наблюдая, как дворцы и бункеры взмывают из ничего и рассыпаются в прах. Ему не нужен был следопыт, чтобы пройти прямой дорогой — она сама ложилась под ноги.

Останки прежней оболочки плелись следом нашкодившим ребёнком. Джек содрогался, вспоминая проведённое в ней время. Вонючее, осклизлое тело, гниющее все сильнее с каждой секундой. Страх смерти, бьющийся в голове — совершенно чужой, но так освежающий. Он взял тело Освободителя только из-за бушующего в нём кода. Кода, когда-то принадлежавшего Джеку. Саркофаг загерметизировал труп, упаковал в доспехи и балахон, полностью изолировал от внешнего мира. С кодами создателя Города свобода становилась безграничной. Джек мог творить что угодно прямо под носом у Эдема — и оставаться всё таким же невидимым.

Потому он не стал принимать участия в схватке за площадь. Для этого у него была армия Пробудившихся. Он знал: они не справятся. Заранее приготовился к такому исходу. Если Джек

собирался победить, в первую очередь стоило думать о себе. Конечно, можно было рвануть в драку, начать рвать и метать. Но нарвись он на Стражей, его удача закончилась бы за секунды. И все усилия пошли бы насмарку.

Возвращение в человеческий образ стало блаженством. Джек и не ожидал, что так обрадуется обычным рукам и ногам. Были тела и получше, но Корвус пообещал Керну вернуть сына — и он вернёт, пусть даже таким извращённым способом. К тому же, мальчишка оказался курьером, а такие способности Джек упускать не мог. В теле Освободителя он мог многое, но чтобы влиять на реальность, приходилось ломать пространство. Каким бы невидимым он себя ни считал, Эдем всё же мог отреагировать на такое грубое нарушение. И, рано или поздно, слуги Освободителя нашли бы Джека. Но теперь угроза исчезла. В этом теле он может не только влиять на реальность, но и подтолкнуть, наконец, людей к решительным действиям.

Щёлкнув пальцами, Джек избавился от призрака с вытянутым клювом. Конечно, балахон и доспехи нужны были для герметизации тела. Но почему птичий образ? Память всё никак не хотела подсказывать, почему он выбрал именно такую внешность. А ведь когда-то это было важно.

— Я столько всего им дал, Кастус. Но пришёл ты и обокрал их. Не жалуйся. Не твой Город я уничтожаю, а свой. Всё равно что душу собственного ребёнка. Созидание всегда должно предваряться разрушением.

Волны энергии чуть не пронзили его насквозь, но Джек стоял на ногах ровно. В конце концов, кто ещё, как не он?

Его Город был задуман простым и соразмерным. Местом, где каждому найдётся место и все шансы на прекрасную жизнь. Но старый друг предал и продал всё, что только возможно. Извратил идею. Его Освобождение не принесло ничего, кроме бессмысленных страданий. И Джеку пришлось умереть, чтобы спасти людей от худшего.

Теперь он шёл среди трупов, втягивая их маленькие мечты и воспоминания. Никто не ожидал, что закончит жизнь здесь — в пустоте, там, где время давно съело само себя. Джеку даже стало их жаль. Но если он собирался идти до конца, о жалости придётся забыть.

Снизу Город казался совсем другим. А теперь, когда Говард лепил всё, что ему только заблагорассудится, и вовсе напоминал незнакомца. Джек лукавил, называя творение своим ребёнком. Нет, он любил Город как женщину — и так же ревновал, когда её увёл другой. Горячо любимые черты начали казаться уродливыми, а добрый характер — чёрствостью.

Он дошёл до самого Сердца. До чрева, родившего Город.

Червоточина исторгала энергию маленьким гейзером жизни. Джек провёл рукой по потокам и улыбнулся, вспомнив, с чего всё начиналось. Только два верных друга, жаждавших для человечества лучшего. Когда же всё пошло не так?

Город пожирал людей как монстр из древних легенд, и всё ему было мало. Он давился, урчал, но ни на секунду не прекращал дьявольской трапезы. И некому было его остановить.

— Обещаю тебе, Кастус, — произнёс Джек, — когда всё закончится, я умру с тобой. Но до этого момента мы злейшие враги.

«Почему мы причиняем боль тем, кого любим?»

Джек вздрогнул. Впервые за новую жизнь он не нашёлся с ответом. Канал мерцал, будто сигнализируя о появлении хозяина. Всё это время Освободитель слушал излияния старого друга — и ждал удобного момента.

«Я освободил вас от бед. Живите! Созидайте! Но вы воссоздаёте старые системы, строите королевства, избираете диктаторов, чтобы свергнуть их, а затем избрать подонков ещё хуже. Без борьбы вы в стагнации, а с ней вы всё топите в крови. Зачем?!»

— Да потому что мы делаем ошибки и учимся на них, — ответил Джек. — Борьба и есть прогресс, но не эксперимент с известным результатом. Когда ждёшь провала, только он и получается. Неудача — не повод начинать с чистого листа.

Освободитель замолк. Но Джек и не ждал продолжения разговора. Его взяло зло.

— Ты боишься, — крикнул он. — Ты сунул их между собой и правдой. Но никакие живые щиты тебя не спасут. Я притащу их сюда — силой, если понадобится! И вывалю всю ложь, которую ты воздвиг!

Время вокруг него ускорилось. С неба падали трупы — Стрелки, десантники, разведчики. За секунды они появлялись, погибали, гнили, не оставляя и следа. Цикл продолжался и продолжался, словно в насмешку над Джеком. Когда издевательства терпеть не осталось сил, Джек остановил потоки.

Пока он не исправит произошедшего, нет места для жалости.

И он впился в трупы, начал пожирать их, как страждущий, ищущий спасения. Тела в синдикатовских униформах, тела в плащах, женщины, мужчины — ему не было дела. Он ел всё, что попадалось, глодал до косточек, давился и продолжал жрать. Ему нужны были силы. Поднимаясь наверх, он будет быстро их терять. В конце концов, может даже забыть обо всём — и тогда придётся начинать сначала.

Он доедал юношу из Первого десантного, когда заявились гости.

— Не двигайся! — крикнул молодой голос. Джек лениво повернулся, чувствуя, как потоки энергии расступились. Его царство ненормальности запнулось и превратилось в обычную реальность.

Наёмники — он узнал их по бронежилетам, винтовкам и сосредоточенным взглядам. Нижние Уровни не удивляли солдат удачи. Никто во всём Городе не мог понять их, кроме выходцев Гильдии. Скованные Молчанием, Стрелки и наёмники могли бы быть братьями. Но наймиты предпочитали охотиться на Стрелков.

Их следопыт вышел вперёд с пистолетом в руке.

— Коул? — спросил с удивлением юноша по имени Мариэль. — Джек Коул, это ты? Что… что ты делаешь?

Джек улыбнулся. Какая ирония, что сын Керна выбрал оболочкой тёзку Корвуса. Мира не говорила, как его зовут, а он особо и не интересовался. Поднявшись и вытерев кровавый рот, Джек оскалил наращенные клыки. И тут заметил в толпе знакомое лицо.

— Здравствуй, Дэниел, — как можно приветливее произнёс Джек. — Не ожидал тебя здесь увидеть.